ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1959

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

15

ПРЕДИСЛОВИЕ

В пятнадцатый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса входят произведения, написанные с января 1860 по сентябрь 1864 года.

Это был период оживления буржуазно-демократических движений и подъема национально-освободительной борьбы, который сменил полосу затяжной политической реакции в Европе после поражения революции 1848—1849 годов. К началу 60-х годов в ряде стран Европы и Америки уже имелись налицо признаки нового революционного подъема. В Германии и Италии, где все еще оставались неразрешенными основные задачи буржуазно-демократической революции, с новой силой развернулось движение за национальное объединение, в России и Соединенных Штатах Америки складывалась революционная ситуация, в бонапартистской Франции усиливалось революционное брожение.

Наступившее политическое оживление повсеместно сопровождалось ростом политического самосознания рабочего класса. Пролетарское движение обособлялось от буржуазно-демократического и становилось на путь самостоятельной борьбы. Первый в истории капитализма мировой экономический кризис 1857—1858 гг. и последовавшие вслед за ним стачечные бои показали со всей очевидностью непримиримость интересов пролетариата и буржуазии. Убедившись на опыте революции 1848—1849 гг. в предательстве либеральной буржуазии и в неспособности мелкой буржуазии к руководству революционным движением, пролетариат все более стремился высвободиться из-под влияния буржуазных партий.

О пробуждении политической активности английского рабочего класса свидетельствовали массовые выступления, в частности митинги протеста против попыток господствующих классов Англии и Франции организовать интервенцию в защиту рабовладельцев в связи с Гражданской войной в США. Все более решительно включался в политическую борьбу французский пролетариат. Стремление передовой части немецких рабочих освободиться от влияния либеральной буржуазии нашло свое выражение в создании в 1863 г. Всеобщего германского рабочего союза. Систематические выступления основоположников марксизма на страницах прогрессивной печати по всем основным вопросам международной жизни, неутомимая пропаганда революционного научного мировоззрения способствовали воспитанию пролетариата в духе понимания его классовых интересов и международной солидарности. Рост и укрепление международных связей пролетариата привели в конечном счете к основанию в 1864 г. Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала).

В 1860—1864 гг. в центре внимания Маркса и- Энгельса находились вопросы национально-освободительной борьбы и задачи рабочего и демократического движения. Этим темам посвящена значительная часть статей, вошедших в данный том. Центральное место в томе занимают статьи, посвященные Гражданской войне в США, явившейся своеобразной формой буржуазно-демократической революции. Тактика Маркса и Энгельса в этот период определялась основными объективными задачами пролетариата в данной исторической обстановке — завершением буржуазно-демократических преобразований в ряде стран Европы и Америки, созданием условий для развития рабочего и демократического движения. Видя в последовательном осуществлении демократических преобразований необходимое условие для победы пролетарской революции, Маркс и Энгельс выступали за революционное объединение Германии и Италии, за быстрейший переход к революционным методам ведения Гражданской войны в США, за всемерную поддержку национально-освободительного движения в Польше. Рассматривая бонапартизм во Франции и царизм в России как главные препятствия на пути национально-освободительной борьбы народов Европы, Маркс и Энгельс придавали особенно большое значение революционному движению в этих странах.

Новый подъем рабочего движения и назревание революционного кризиса во Франции, Германии и Италии выдвигали как насущную задачу создание самостоятельной организации про-

летариата. Маркс и Энгельс в этот период не только расширяют и укрепляют свои связи с революционерами многих стран, но и оказывают действенную практическую помощь английскому, французскому и германскому рабочему движению. На страницах прогрессивной печати они ведут активную борьбу против угрозы интервенции в Соединенные Штаты, рассматривая борьбу против рабства негров в Америке как кровное дело европейского и американского рабочего класса.

Стремясь усилить позиции пролетарских революционеров в предстоящих классовых боях, Маркс и Энгельс устанавливают более тесную связь с просветительными организациями немецких рабочих в Лондоне, ведут неустанную пропаганду своих взглядов. Продолжая защиту пролетарских революционеров от клеветнических нападок и террора со стороны господствующих классов, Маркс в 1861 г. организует в печати широкую кампанию за освобождение из тюрьмы выдающегося французского революционера Бланки. В 1863 г. Маркс и Энгельс принимают ряд мер по оказанию практической помощи польскому восстанию и одновременно развертывают широкую кампанию протеста против поддержки, оказанной европейскими державами русскому царизму в подавлении восстания.

С особенно пристальным вниманием следили Маркс и Энгельс за развитием рабочего движения в Германии. Оппортунистической программе и тактике Лассаля, ориентировавшего рабочий класс на совместные действия с правительством Бисмарка и юнкерством против буржуазии, в расчете добиться кое-каких уступок, Маркс и Энгельс противопоставляли тактику революционной борьбы рабочего класса против феодальной реакции, критикуя одновременно половинчатую, трусливую политику немецкой буржуазии.

В связи с подготовкой пролетариата к новым классовым боям Маркс и Энгельс уделяли в эти годы большое внимание дальнейшей разработке теоретических основ пролетарской партии. После опубликования в 1859 г. своего труда «К критике политической экономии» Маркс продолжал работу над задуманным им большим экономическим произведением, в котором предполагал исследовать всю совокупность проблем капиталистического способа производства и вместе с тем подвергнуть обстоятельной критике буржуазную политическую экономию. В 1861 г. Маркс приступил к работе над обширной экономической рукописью, явившейся одним из первоначальных вариантов его основного экономического труда — «Капитала», первый том которого вышел в 1867 году.

Энгельс на протяжении 1860—1864 гг. продолжал углубленную разработку военно-теоретических вопросов, в частности, истории создания и развития различных видов оружия. Занятия Энгельса военными науками имели первостепенное значение для определения классовой природы и целей международных конфликтов и войн, для раскрытия закономерностей вооруженной борьбы.

В условиях оживления демократического движения начала 60-х годов особое значение приобрела революционно-публицистическая деятельность Маркса и Энгельса. Основоположники марксизма считали необходимым развернуть в этот период более широкую пропаганду своих взглядов для оказания влияния на общественное мнение в интересах пролетариата, используя для борьбы против реакционных сил все формы общественного воздействия, в том числе и буржуазную печать. Наряду с продолжением сотрудничества в прогрессивной американской газете «New-York Daily Tribune», Маркс в октябре 1861 г. начинает сотрудничать в венской буржуазно-либеральной газете «Die Presse», которая являлась в то время одной из самых популярных газет, издававшихся на немецком языке. В эти же годы устанавливается сотрудничество Энгельса в английском журнале «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» и немецкой газете «Allgemeine Militar-Zeitung».

Значительную часть тома составляют публицистические статьи Маркса и Энгельса, посвященные европейским проблемам. В них главное внимание уделяется задаче национального объединения Германии и Италии, ликвидации остатков феодальных отношений в этих странах, превращения Италии в независимое государство. Борьба прогрессивных сил за воссоединение Германии и Италии наталкивалась на сопротивление сил реакции в Германии, особенно в Пруссии и Австрии, а также поддерживавших их правительств европейских держав, в первую очередь царской России, бонапартистской Франции и Англии, которые стремились сохранить национальную раздробленность этих стран. Маркс и Энгельс в своих статьях отстаивали революционно-демократический путь решения этого вопроса, считая, что только общенародное движение способно парализовать усилия прусской и австрийской реакции и династические происки монархических сил Пьемонта. Они указывали, что только полная ликвидация пережитков феодально-абсолютистского строя может создать благоприятные условия для развития производительных сил Германии и Италии, а также для борьбы пролетариата за свое освобождение. «Для того, чтобы противостоять вторжениям извне, — писал Маркс, —

или достигнуть единства и свободы в стране, она (Германия. — *Ред.)* должна очистить свой собственный дом от своих династических господ» (см. настоящий том, стр. 186).

В статье «Приготовления к войне в Пруссии» и других Маркс разоблачает прогнивший реакционный режим в Пруссии, ее антидемократический строй, засилье юнкерства и военщины. Основоположники марксизма внимательно следили за признаками оживления политической жизни в Германии, за активизацией демократических сил. В начале 1860 г. в статье «Настроения в Берлине» Маркс отмечает значительное усиление революционных настроений в Пруссии. Продолжая в эти годы отстаивать революционный путь объединения Германии и выступая против прусско-юнкерских планов объединения Германии «сверху», Маркс и Энгельс подвергали резкой критике политическую программу прусских либералов, являвшихся сторонниками пути объединения Германии под главенством прусской монархии. Высмеивая иллюзии прусских либералов относительно наступления «новой эры» в связи с регентством принца Вильгельма, Маркс показывает, что трусливая, предательская политика немецкой буржуазии, ее капитуляция перед юнкерством и монархической камарильей укрепляют позиции реакционных сил.

Одно из главных препятствий на пути объединения Германии Маркс видит в политике бонапартистской Франции. Он разоблачает демагогические приемы, к которым прибегала Вторая империя, обещая государствам Северной Германии содействовать объединению Германии вокруг Пруссии, чтобы добиться тем самым присоединения к Франции левого берега Рейна. Исходя из интересов пролетариата, Маркс и Энгельс выступали за войну Пруссии и других немецких государств против Франции, полагая, что эта война ускорила бы развитие революции в Германии и других странах.

В ряде статей, входящих в том, рассматривается процесс разложения Австрийской империи, раздираемой внутренними противоречиями, усиление национально-освободительной борьбы народов Австрийской империи, показана политика австрийского правительства, вынужденного с целью укрепления Габсбургской монархии пойти на некоторые уступки венгерскому национальному движению.

Основоположники марксизма с большим вниманием следили за героической борьбой итальянского народа в 60-е годы против его внутренних и внешних врагов. Ряд статей тома посвящен национально-освободительному движению итальянского народа. Маркс и Энгельс выступали за революционное объединение

Италии. Такой путь они считали единственно правильным с точки зрения интересов пролетариата и всего итальянского народа, так как только таким образом можно было добиться создания подлинно независимой единой демократической Италии. С глубоким сочувствием вожди пролетариата следили за действиями национального героя Италии Гарибальди, вокруг которого сплотились все подлинно патриотические элементы страны. Они горячо радовались каждому успеху гарибальдийцев, героической борьбе которых посвящено несколько статей Энгельса («Гарибальди в Сицилии», «Гарибальди в Калабрии», «Продвижение Гарибальди» и другие). Энгельс высоко оценивает революционную тактику Гарибальди, боевой дух, самоотверженность и бесстрашие гарибальдийцев, отстаивавших интересы итальянского народа. Энгельс характеризует Гарибальди, как одаренного и смелого вождя, как подлинно народного полководца.

Разоблачая происки внутренних и внешних врагов итальянской революции, Маркс в статьях «Интересные новости из Сицилии. — Ссора Гарибальди с Лафариной. — Письмо Гарибальди», «Положение дел в Пруссии. — Пруссия, Франция и Италия» клеймит антинародную политику Кавура, за спиной Гарибальди осуществлявшего сговор с Наполеоном III; он показывает, что навязываемый Кавуром итальянскому народу путь объединения Италии под главенством Савойской династии ведет лишь к новому закабалению итальянского народа и к подчинению Италии бонапартистской Франции.

Глубоко изучая внутреннее положение России, основоположники марксизма придавали огромное значение движению русского крестьянства за отмену крепостного права. Они рассматривали это движение как великое событие, как мощный резерв европейской революции. В своих статьях Маркс отмечает обострение классовых противоречий в дореформенной России. В статье «Россия использует Австрию. — Варшавский конгресс» он показывает позицию различных классов русского общества в связи с предстоящей отменой крепостного права в России, подчеркивая стремление царского правительства договориться с помещиками за счет угнетенного класса — крестьян.

Маркс и Энгельс основывали свой анализ международного положения на подлинно научном изучении экономической жизни европейских стран. Характеризуя экономическое положение Франции (в статьях «Положение во Франции», «Новый сардинский заем. — Предстоящие французский и индийский займы», «Хлебные цены. — Европейские финансы и

военные приготовления. — Восточный вопрос», «Напряженное состояние денежного рынка», «Финансовое положение Франции» и других), Маркс вскрывает причины упадка французского сельского хозяйства и промышленности в годы Второй империи, показывает, что бонапартистский режим, вопреки демагогическим обещаниям правительства Наполеона III об улучшении экономического положения страны, привел лишь к расстройству финансов и экономики страны.

Анализируя состояние промышленности Англии и положение английского рабочего класса, Маркс раскрывает картину безжалостной капиталистической эксплуатации рабочих и их детей, рисует нечеловеческие условия труда («Состояние британской фабричной промышленности»). Он пишет о том, что в Англии — стране машин и пара — существуют отрасли промышленности, где полностью сохранился ручной труд. И прежде всего это те отрасли промышленности, которые производят предметы первой необходимости. Здесь, по словам Маркса, работают «посредством старозаветных, невероятно громоздких ремесленных приемов» (см. настоящий том, стр. 573).

Уделяя большое внимание национально-освободительным движениям, Маркс и Энгельс пристально следили за борьбой польского народа. В разрешении польского вопроса революционным путем вожди пролетариата видели основную предпосылку для разгрома царизма, являвшегося в то время оплотом реакции в Европе, а также для объединения Германии демократическим путем. Написанное Марксом в связи с польским восстанием 1863—1864 гг. «Воззвание лондонского Просветительного общества немецких рабочих о Польше» раскрывало значение польского вопроса для судеб Германии. Долг германского рабочего класса, указывал Маркс, состоит в том, чтобы добиваться восстановления Польши.

На протяжении всей своей деятельности основоположники марксизма уделяли большое внимание экономическому развитию, социальной и политической борьбе в странах американского континента, прежде всего в Соединенных Штатах Америки. Большая группа статей данного тома посвящена такому важному событию в истории США, как Гражданская война 1861—1865 годов. Будучи современниками этой войны, Маркс и Энгельс в своих работах впервые дали глубокий научный анализ проблем, связанных с Гражданской войной в США, и раскрыли ее всемирно-историческое значение. Основная часть работ на эту тему была написана Марксом и опубликована в газете «Die Presse» в 1861—1862 годах. В статьях

«Американский вопрос в Англии», «Гражданская война в Северной Америке» и «Гражданская война в Соединенных Штатах» Маркс на основе изучения американских источников и литературы всесторонне исследует причины возникновения гражданской войны, определяет характер и движущие силы развернувшейся борьбы. В этих работах нашли свое дальнейшее развитие и конкретизацию важнейшие положения исторического материализма. На большом конкретно-историческом материале Маркс показывает, что Гражданская война в США явилась закономерным следствием длительной борьбы антагонистических сил промышленного Севера и рабовладельческого Юга; эта борьба была, по словам Маркса, «движущей силой истории Соединенных Штатов в течение полувека» (см. настоящий том, стр. 316).

Маркс и Энгельс вскрыли подлинную причину войны между Севером и Югом, видя в ней борьбу двух социальных систем: утвердившейся в северных штатах капиталистической системы наемного труда и господствовавшей на юге страны системы рабства, являвшейся тормозом для капиталистического развития страны в целом. Глубокий анализ общественно-политических отношений в Соединенных Штатах на протяжении первой половины XIX века позволил Марксу раскрыть в своих статьях такое сложное социальное явление,как американское плантационное рабство, показать его тесную связь с мировым капиталистическим рынком при сохранении докапиталистических форм и методов эксплуатации. Маркс показывает, что хотя финансовая буржуазия и часть промышленной буржуазии Севера, наживавшейся на торговле хлопком и другими продуктами рабского труда, были заинтересованы в сохранении рабовладения, дальнейшее сохранение рабства все больше делалось несовместимым с капиталистическим развитием северных штатов. Именно вопрос о рабстве, как неоднократно подчеркивал Маркс, составлял сущность Гражданской войны в США: «Все движение, как это ясно видно, покоилось и покоится на *вопросе о рабстве.* Не в том смысле, должны ли рабы быть немедленно освобождены внутри существующих рабовладельческих штатов, а в том, должны ли 20 миллионов свободных жителей Севера и далее подчиняться олигархии 300 тысяч рабовладельцев; должны ли огромные территории республики служить основой для создания свободных штатов или стать рассадниками рабства; наконец, должна ли национальная политика Союза сделать своим девизом вооруженное распространение рабства в Мексике, Центральной и Южной Америке» (см. настоящий том, стр. 347).

Определяя отношение европейского и американского пролетариата к Гражданской войне в США, основоположники марксизма исходили из интересов революционного движения в Европе и Америке, из перспектив победы пролетарской революции. Маркс и Энгельс считали, что война против рабства негров в США положит начало эре подъема рабочего класса, подобно тому как американская война за независимость в конце XVIII века открыла эру подъема буржуазии. Революционная война в Америке могла бы, таким образом, способствовать подъему революционного движения в Европе и стать предвестником грядущей пролетарской революции.

В статьях Маркса и Энгельса по американскому вопросу получили дальнейшее развитие великие идеи интернационализма, составляющие один из важнейших идеологических принципов партии пролетариата. Борьбу против рабства негров Маркс и Энгельс рассматривали как кровное дело трудящихся классов. Они неоднократно подчеркивали, что существование рабства в южных штатах тормозит успешное развитие американского рабочего движения. До тех пор, указывали они, пока труд черных носит на себе позорное клеймо рабства, не может быть свободным и труд белых, так как противопоставление одной части трудящихся другой позволяет американской буржуазии парализовать всякое самостоятельное рабочее движение в Соединенных Штатах.

Основоположники марксизма отмечали далее, что сохранение рабства негров на юге страны служит основанием для усиления эксплуатации «свободных» рабочих Севера, а победа рабовладельцев в войне и установление их господства над всем Союзом низвели бы весь рабочий класс до положения бесправных рабов. Характеризуя непримиримую враждебность рабовладельческой олигархии американскому рабочему движению, Маркс отмечал, что уже в этот период идеологи рабовладения «старались доказать не столько правомерность рабства негров, сколько то, что цвет кожи не имеет значения для существа дела и что трудящиеся классы всюду созданы для рабства» (см. настоящий том, стр. 354).

С решением вопроса о рабстве основоположники марксизма тесно связывали вопрос о свободной колонизации земель на западе и юго-западе США. Революционно-демократическое разрешение аграрного вопроса, как указывал Маркс, диктовалось не только требованиями дальнейшего капиталистического развития страны и интересами широчайших слоев фермерства, но и интересами американского рабочего движения.

Основную задачу американского рабочего класса Маркс и Энгельс видели в сплочении всех прогрессивных сил, заинтересованных в полном уничтожении рабства. Своими выступлениями на страницах «New-York Daily Tribune» и «Die Presse» вожди пролетариата стремились содействовать борьбе революционно-демократических сил Севера за наиболее полное и последовательное решение задач, поставленных войной.

Отмечая прогрессивный и революционный характер войны со стороны Севера, Маркс уже в первых своих работах о Гражданской войне в США указывал, что победить должна более передовая социальная система, а именно — северные штаты. Вместе с тем он беспощадно разоблачал трусливую политику североамериканской буржуазии, стоявшей во главе антирабовладельческой коалиции, но долгое время не решавшейся провозгласить отмену рабства. В статьях «Отстранение Фримонта», «К критике положения в Америке» и других Маркс резко критикует правительство Севера, которое опасалось придать войне характер последовательной и действительно революционной борьбы против рабства. Характеризуя способ ведения войны Севером, Маркс в письме к Энгельсу 10 сентября 1862 г. писал, что этот способ таков, «какого и следовало ожидать от *буржуазной* республики, в которой так долго и суверенно царил обман». Вскрывая причины первоначальных военных неудач Севера, которые заключались в стремлении буржуазии вести войну на основе соглашения с рабовладельцами, Маркс указывал, что только революционные методы ведения войны могут обеспечить победу северных штатов.

Красной нитью через статьи Маркса и Энгельса проходит мысль о решающей роли народных масс в борьбе за уничтожение рабства. Этим определялось и то значение, которое пролетарские революционеры придавали штатам Севера и Северо-Запада с их рабочим и фермерским населением — наиболее решительными противниками рабства. Наступление неизбежного перелома в ходе военных действий Маркс связывал с тем, что «Новая Англия и Северо-Запад, давшие армии основные людские резервы, решили принудить правительство к революционному ведению войны и начертать на звездном флаге в качестве боевого лозунга слова: «Уничтожение рабства»» (см. настоящий том, стр. 542).

Огромное значение придавали основоположники марксизма борьбе порабощенных негритянских масс, в которых они видели естественных союзников Севера в борьбе с рабовладельцами-южанами. Еще в 1860 г. в письме к Энгельсу Маркс указывал,

что американское движение рабов является одним из самых великих событий в мире. Маркс особенно резко критиковал американское правительство за то, что оно отказывалось предоставить неграм право сражаться против рабовладельцев в армии Севера. «Один полк, составленный из негров», — писал Маркс в письме к Энгельсу 7 августа 1862 г., — «возымеет чудодейственное влияние на нервы южан». Более решительное ведение войны, подчеркивал Энгельс, заставило бы выступить и белых бедняков Юга — массу разоренных и обездоленных тружеников, ненавидевших рабовладельческую олигархию, но находившихся в плену расовых предрассудков.

В ряде статей, относящихся к 1862 г., Маркс показывает процесс размежевания в правящей республиканской партии под влиянием роста и сплочения сил, выступающих за немедленное уничтожение рабства («Аболиционистские выступления в Америке», «Итоги выборов в северных штатах»). Впервые публикуемая в Сочинениях статья «Итоги выборов в северных штатах» ярко характеризует изменения внутри республиканской партии, вынужденной под давлением широких народных масс занять более решительную позицию в вопросе об освобождении рабов. На основе анализа результатов голосования по штатам Маркс показывает, что неудача республиканцев на выборах была вызвана прежде всего недовольством фермеров Северо-Запада прежними методами ведения войны. Подводя итоги первого этапа войны, Маркс писал: «Мы присутствовали пока лишь при первом акте гражданской войны — войны, которая велась *по-конституционному.* Второй акт — ведение войны *по-революционному* — еще впереди» (см. настоящий том, стр. 542).

В статье «К событиям в Северной Америке», также впервые публикуемой в Сочинениях, Маркс горячо приветствовал прокламацию Линкольна об освобождении негров-рабов, принадлежавших плантаторам — участникам мятежа. Этот документ, «разорвавший старую американскую конституцию», ознаменовал переход к новому этапу войны — войны по-революционному. В статье дается яркая характеристика Линкольна — человека, вышедшего из народа, плебея. Маркс подчеркивает отсутствие в его действиях всякой позы, фразерства и ложного пафоса. Наряду с этим Маркс отмечает буржуазную ограниченность некоторых линкольновских декретов, часто критикует Линкольна за колебания и нерешительность. Тем не менее Маркс высоко оценивал его деятельность, подчеркивая, что «в истории Соединенных Штатов и в истории человечества Линкольн займет место рядом с Вашингтоном» (см. настоящий том, стр. 570).

В заключительных статьях о Гражданской войне в Америке — «Признаки истощения сил южной Конфедерации», «Английский нейтралитет. — К положению в южных штатах» — Маркс, исходя из глубокого анализа соотношения классовых сил и возможностей борющихся сторон, показывает ограниченность материальных и людских ресурсов, рост центробежных сил в рабовладельческих штатах и неизбежность их поражения.

Придавая огромное значение победе Севера, Маркс в то же время подчеркивал умеренность программы американской буржуазии, прямую заинтересованность торговой и финансовой буржуазии в сохранении пережитков рабовладения. Не случайно, писал Маркс в статье об итогах выборов в северных штатах, что именно город Нью-Йорк, являющийся «центром американского денежного рынка и местопребыванием держателей ипотек на плантации Юга», город, «до последнего времени активно участвовавший в работорговле», накануне и во время Гражданской войны в США был главной опорой демократической партии, стремившейся к компромиссу с рабовладельцами (см. настоящий том, стр. 583). Это указание Маркса имеет важнейшее значение для понимания дальнейшего хода событий в Америке — сохранение расовой дискриминации, национального и социального гнета в США, несмотря на ликвидацию рабства негров и победу северных штатов.

Большое место в статьях основоположников марксизма о Гражданской войне в Америке занимает освещение хода военных действий. В написанных совместно Марксом и Энгельсом статьях «Гражданская война в Америке» и «Положение на американском театре войны», а также в других статьях раскрывается важное для военной науки положение о влиянии характера войны на методы ее ведения. Маркс и Энгельс резко критиковали военно-стратегический план, выдвинутый главнокомандующим армии северян Мак-Клелланом (план «Анаконда»), как чуждый самому характеру революционной войны и порочный в военном отношении. В противовес этому плану вожди пролетариата выдвигали свой стратегический план, основанный на учете политических и социальных целей войны. Их план заключался в нанесении решающего удара сосредоточенными силами по жизненно важным центрам противника и предусматривал в первую очередь занятие штата Джорджия, в результате чего территория Конфедерации оказалась бы разрезанной на две части (см. настоящий том, стр. 506—507). Первоочередной военной мерой Маркс и Энгельс считали также очищение армии Севера от реакционного офицерства, сочувствующего южанам. Дальнейший ход войны полностью подтвер-

дил правильность предвидения основоположников марксизма. Осуществление на втором этапе гражданской войны революционных мер, на необходимость которых Маркс и Энгельс указывали на протяжении 1861 и 1862 годов, обеспечило перелом в ходе военных действий и окончательную победу Севера.

Значительную часть тома составляют статьи, посвященные вопросу о влиянии Гражданской войны в США на международные отношения и внутреннее положение стран Европы и Америки. Разоблачение тайных происков буржуазной дипломатии, реакционных замыслов господствующих классов в отношении революционно-демократических и национально-освободительных движений основоположники марксизма считали одной из важнейших задач пролетарских революционеров. Когда в связи с задержанием американским военным кораблем английского почтового парохода «Трент» нависла реальная угроза вооруженного конфликта между Англией и Соединенными Штатами, Маркс выступил с рядом статей, разоблачающих внешнюю политику английской правящей олигархии, которая, несмотря на объявленный Англией нейтралитет, тайно поддерживала мятежников-южан и готовила вооруженную интервенцию в пользу рабовладельцев. В статьях Маркса «Англо-американский конфликт», «Споры вокруг дела «Трента»», «Вашингтонский кабинет и западные державы» и других неопровержимо доказывались лживость и лицемерие аргументации, выдвигаемой английскими правящими кругами и их подголосками на европейском континенте в целях развязывания позорной войны в защиту рабовладельцев. Статьи об англо-американском конфликте, имевшие огромное значение для воспитания рабочего класса в духе интернационализма, учили пролетариат умению вырабатывать и отстаивать в международных конфликтах свою собственную революционную линию.

Рассматривая активное воздействие рабочего класса на внешнюю политику господствующих классов как одну из важнейших задач революционного пролетариата, как часть общей борьбы за освобождение трудящихся масс, Маркс и Энгельс высоко оценивали антиинтервенционистские выступления английского рабочего класса. В статьях «Мнение газет и мнение народа», «Рабочий митинг в Лондоне», «Антиинтервенционистские настроения» Маркс показывает, что рабочий класс Англии остался верным своему интернациональному долгу, несмотря на обстановку шовинистического угара, раздуваемого продажной пальмерстоновской прессой. Стойкость английского рабочего класса, как подчеркивал Маркс, не могли сломить

и жесточайшие материальные лишения, вызванные прекращением подвоза хлопка в результате блокады южных штатов. Характеризуя интернационалистскую позицию английских рабочих, Маркс писал: «Английский рабочий класс снискал себе неувядаемую славу в истории, отразив посредством массовых, полных энтузиазма митингов неоднократные попытки господствующих классов организовать интервенцию в пользу американских рабовладельцев, и это несмотря на то, что продолжение Гражданской войны в Америке означает для миллиона английских рабочих самые тяжкие страдания и лишения» (см. настоящий том, стр. 597).

В статьях «Нужда рабочих в Англии», «Митинги гарибальдистов. — Нужда среди рабочих хлопчатобумажной промышленности» Маркс нарисовал картины потрясающей нищеты безработных ланкаширских ткачей, оказавшихся на улице вследствие закрытия многих предприятий хлопчатобумажной промышленности. Отмечая, что «хлопковый голод» был на руку английским фабрикантам, так как он способствовал распродаже накопившихся вследствие перепроизводства товаров, Маркс разоблачил лицемерные попытки господствующих классов объяснить бедственное положение английских трудящихся исключительно влиянием Гражданской войны в США и заклеймил жалкую систему буржуазной благотворительности, обрекающей рабочих и их семьи на голодную смерть. Маркс с негодованием писал о «необычной распре» между земельной и фабричной аристократией по поводу того, «кто из них больше высосал соков из рабочего класса и кто из них меньше всего обязан помочь нуждающимся рабочим» (см. настоящий том, стр. 563).

Маркс и Энгельс пристально следили за пробуждением политической активности английского рабочего класса, находившегося со времени упадка чартистского движения под сильным влиянием тред-юнионизма. Наряду с выступлениями рабочего класса против вмешательства в Гражданскую войну в США на стороне рабовладельцев, Маркс придавал большое значение народным демонстрациям в Англии в защиту национально-объединительного движения в Италии, против внешнеполитических авантюр Наполеона III («Митинг в защиту Гарибальди» и др.).

Проблемам международных отношений и колониальной политики европейских держав посвящена также группа статей об англо-франко-испанской интервенции в Мексике (статьи «Интервенция в Мексике», «Парламентские дебаты по поводу ответного адреса» и др.). В них Маркс вскрывает истинные цели

участников так называемой «мексиканской экспедиции», которые прикрывались всякого рода вымышленными фальшивыми предлогами, и разоблачает колониалистский характер этой экспедиции. Называя интервенцию в Мексике «одним из самых чудовищных предприятий, когда-либо занесенных в летописи международной истории» (см. настоящий том, стр. 375), Маркс подчеркивал, что действительной целью интервентов являлась помощь мексиканским реакционерам в борьбе против прогрессивного правительства Хуареса, уже признанного к тому времени всей страной. Маркс указывал, что непосредственным результатом мексиканской экспедиции, предпринимаемой под предлогом борьбы с анархией, может быть и неизбежно будет лишь ослабление конституционного правительства, укрепление при помощи французских и испанских штыков антинародной" партии клерикалов, воспламенение уже потухшей гражданской войны. В статьях, проникнутых чувством глубокой симпатии к мексиканскому пароду и его освободительной борьбе, Маркс сурово клеймил действия интервентов, вероломно начавших войну против миролюбивой страны. Статьи об интервенции в Мексике представляют яркое проявление непримиримой борьбы Маркса и Энгельса против колониализма и национального гнета, против эксплуатации и порабощения более развитыми в капиталистическом отношении европейскими странами экономически отсталых и зависимых стран.

Маркс указывал международному пролетариату и на другую опасность, связанную с англо-франко-испанской интервенцией. Вмешательство «европейского вооруженного ареопага» во внутренние дела американских государств Маркс рассматривал как «крайнее средство», к которому прибегли Пальмерстон и Бонапарт в своем стремлении спровоцировать вооруженный конфликт с Соединенными Штатами. В статьях «Мексиканская неразбериха», «Рост симпатий в Англии» и других Маркс изобличает стремление английских правящих кругов использовать события в Мексике как предлог, а территорию Мексики как плацдарм для вмешательства Англии и Франции в Гражданскую войну в США на стороне южных рабовладельческих штатов.

Разоблачая авантюристские замыслы Наполеона III в связи с его участием в мексиканской экспедиции, Маркс подчеркивает, что для Луи Бонапарта внешние авантюры являлись средством сохранения реакционного бонапартистского режима Второй империи и способом добиться определенных территориальных уступок в Европе, в частности в Швейцарии. Наряду с этим Маркс отмечал прямую заинтересованность

финансовых кругов Второй империи в развязывании мексиканской авантюры Наполеона III, целью которой было создание французской колониальной империи («Международная афера Миреса»).

Особо подчеркивая реакционную роль Англии — инициатора вооруженной интервенции в Мексике, — Маркс срывает маску с английской буржуазной дипломатии с ее ханжеским лицемерием, жестокостью по отношению к слабым, пресмыкательством перед сильными и полным неуважением к международному праву. Основоположники марксизма отмечали во внешней политике английских правящих кругов в данный период несомненное усиление той контрреволюционной роли, которую буржуазно-аристократическая Англия издавна играла в европейских делах. Превращение Англии к середине XIX века в «мастерскую мира» и стремление к сохранению своей промышленной и колониальной монополии неизбежно делали господствующие классы Англии оплотом всех реакционных движений не только в Европе, но и во всем мире.

Разоблачая агрессивную внешнюю политику европейских держав — Англии, России, Франции, — направленную на подавление национально-освободительных движений и порабощение чужих народов, Маркс бичует колонизаторскую политику правительства Пальмерстона в Китае, Индии, Персии, Афганистане и в других странах. На основе цифр и фактов Маркс показывает, что захватническая война Англии и Франции в Китае в 1860 г., оккупация Францией Сирии в том же году, которые осуществлялись правителями этих стран за спиной своих народов, носили грабительский характер.

В томе публикуется ряд статей по военным вопросам. Значительная часть их посвящена обобщению опыта Гражданской войны в Америке. Развивая учение о войне, Энгельс показывает решающую роль народных масс, значение морального фактора в военных действиях. Энгельс внимательно следил за развитием военной техники, считая, что Гражданская война в США создала в этом отношении целую эпоху. Он подчеркивал связь между военной техникой и развитием тактики, зависимость развития вооружения от изменений в способе производства.

Ряд работ Энгельса по военным вопросам, публикуемых в томе, служит существенным дополнением к его статьям, написанным для «Новой американской энциклопедии» в 1857—1860 гг. и опубликованным в 14 томе настоящего издания. В статьях «История винтовки», «О нарезной пушке», «Французская легкая пехота» и других Энгельс с позиций исторического материа-

лизма рассматривает процесс совершенствования видов оружия и развития тактики в разных странах. Серия статей, опубликованных в английском журнале «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire», содержит глубокий анализ и критику организации и системы военной подготовки английских волонтерских частей. Вопросу о классовом составе волонтерских войск посвящена напечатанная в «New-York Daily Tribune» статья Энгельса «Английские волонтерские войска». Незаконченная рукопись Энгельса «Кинглек о сражении на Альме» развенчивает созданную английской буржуазной историографией легенду о непобедимости английских войск и об их мнимых подвигах во время Крымской войны. Работа Энгельса, основанная на использовании ряда русских источников, воздает должное героическому сопротивлению русских войск во время Крымской войны.

Военно-исторические работы Энгельса, публикуемые в настоящем томе, являются важным источником для изучения марксистского учения о войне, армии и военном искусстве. Эти работы представляют собой существенный вклад в развитие марксистской военной науки и подлинно научной истории военного искусства.

* * *

В настоящий том включено 15 статей Маркса и Энгельса, не вошедших в первое издание Сочинений. Некоторые из них были опубликованы в русском переводе в различных советских изданиях. Статьи «Положение во Франции», «Настроения в Берлине», «Гарибальди в Сицилии. — Положение в Пруссии», «Британская торговля», «Маршал Бюжо о моральном факторе в бою», «Мосье Фульд», «Известия из Америки», «Статистические данные о железных дорогах», «Из Англии», «Броненосные и таранные суда и Гражданская война в Америке», «Протест Рассела против американской грубости. — Повышение цен на зерно. — К положению в Италии», а также вторая часть статьи Маркса «Приготовления к будущей войне Наполеона на Рейне» и документы, включенные в приложения, публикуются на русском языке впервые.

Большинство статей, помещенных в томе, было опубликовано без подписи. Однако авторство подавляющего большинства из них подтверждается перепиской между Марксом и Энгельсом, специальными пометками редакций некоторых газет, в которых публиковались их статьи, а также другими документами.

Выявленные в тексте «New-York Daily Tribune», «Die Presse» и других газет явные опечатки в именах собственных, географических названиях, цифровых данных, датах и т. д. исправлены на основании проверки по источникам, которыми пользовались Маркс и Энгельс.

Заглавия статей и корреспонденций Маркса и Энгельса даны в соответствии с их публикацией в газетах. В тех случаях, когда заглавие, отсутствующее в оригинале, дано Институтом марксизма-ленинизма, перед заглавием стоит звездочка.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ЯНВАРЬ 1860 —СЕНТЯБРЬ 1864

New-York Tribune.
Vol. XIX.....No. 5,862. NEW-YORK, TUESDAY, FEBRUARY 7, 1860. PRICE TWO CENTS.

К. МАРКС

ПОЛОЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ [1]

Париж, 17 января 1860 г.

Луи-Наполеон обращен в фритредерскую веру и собирается возвестить о наступлении новой эры мира. Едва ли он теперь упустит случай записаться в члены секты квакеров[2], и 1860 год будет отмечен в анналах европейской истории, как первый год золотого века. Эти сенсационные новости, обошедшие всю лондонскую печать, обязаны своим происхождением письму Луи-Наполеона, опубликованному в «Moniteur»[3] от 15 января 1860 г. и адресованному г-ну Фульду — государственному министру. Первым результатом опубликования этого письма было понижение курса государственных бумаг в Париже и повышение их курса в Лондоне.

Представляется прежде всего необходимым подробно исследовать corpus delicti*, то есть императорское письмо, которое должно послужить фундаментом для всего здания новой эры. Луи Бонапарт сообщает г-ну Фульду, что «настал момент, когда мы должны сосредоточить внимание на средствах дальнейшего развития различных отраслей национального богатства». Почти аналогичное заявление появилось в «Moniteur» в январе 1852 г., когда coup d'etat** открыл эру Credit Mobiller, Credit Foncier и прочих Credits ambulants[4]. Но это еще не все. Начиная с этой богатой событиями эпохи, каждый ежегодный финансовый отчет, издаваемый под покровительством французского самодержца, всеми силами подчеркивает, подкрепляя огромным количеством официальных цифр, тот факт, что Империя сдержала свои обещания и что при ее заботливом

* — состав преступления. *Ред.*
** — государственный переворот. *Ред.*

правлении все отрасли национального производства *уже* получили огромное развитие.

Таким образом, мы в затруднительном положении. Либо заявления, сделанные во время coup d'etat, были несвоевременными, а финансовые отчеты, выпущенные после coup d'etat, — фальшивыми, либо нынешнее заявление является простым обманом.

Во всяком случае, по собственному признанию нового императорского манифеста, бесспорно, что экономические выгоды, которые должно было получить французское общество от воскрешения бонапартизма, относятся не к прошедшему, а к будущему времени. Посмотрим же, с помощью каких новых изобретений должны быть осуществлены эти благословенные экономические преобразования.

Прежде всего, Луи Бонапарт сообщает г-ну Фульду, который, вероятно, был несколько удивлен глубоким открытием своего господина, что «наша внешняя торговля должна развиваться путем обмена продуктов» — поистине изумительный трюизм. Поскольку внешняя торговля состоит в обмене национальных продуктов на иностранные продукты, нельзя отрицать, что для развития французской внешней торговли необходимо расширять обмен французских продуктов. Основной результат, ожидаемый Луи-Наполеоном от задуманного им нового развития французской внешней торговли, — это «распространение благосостояния среди рабочего класса», положение которого, как молчаливо признает герой coup d'etat и как показывают современные французские писатели (смотри, например, произведения покойного г-на Колена[5]), заметно ухудшилось за последние десять лет. К сожалению, самого поверхностного наблюдателя поражает один немаловажный факт. С 1848 по 1860 г. французская внешняя торговля *уже* сделала огромный шаг вперед. Если в 1848 г. она достигала 875 млн. франков, то в 1859 г. она увеличилась более чем вдвое. Рост торговли более чем на 100% за короткий промежуток времени в десять лет — явление почти беспримерное. Причины, вызвавшие такой рост, могут быть обнаружены в Калифорнии, Австралии, Соединенных Штатах и в других странах, но уж, конечно, не в архивах Тюильри[6]. При этом оказывается, что, несмотря на колоссальный рост французской внешней торговли за последние десять лет — рост, причины которого следует видеть в коренных изменениях на рынках всего мира, далеко за пределами мелочного контроля французской полиции, — положение народных масс Франции не улучшилось. Следовательно, должны были действовать какие-то силы, достаточно мощные для того, чтобы ликвидиро-

вать естественные результаты развития торговли. Если развитие французской внешней торговли может служить объяснением кажущейся легкости, с какой Второй империи позволялись ее дорогостоящие выходки, то изнеможение нации, несмотря на ее удвоенный экспорт, выдает секрет той цены, какой куплена эта легкость. Если Империя не смогла бы просуществовать *без* такого развития французской внешней торговли, то, в свою очередь, это развитие торговли не смогло *при наличии* Империи принести ожидаемых плодов.

Если австрийский император путем указа уничтожил дефицит в своем государстве, то почему бы Луи-Наполеону не осуществить посредством другого указа увеличение французской внешней торговли? Однако он предчувствует препятствия на своем пути.

«Мы должны прежде всего», — говорит он, — «улучшить наше сельское хозяйство и освободить нашу промышленность от всех внутренних помех, которые низводят ее на более низкую ступень».

О том, что крайне необходимо улучшить положение французского сельского хозяйства, постоянно твердят французские экономисты. Но как Луи-Наполеон намеревается это сделать? Прежде всего он обеспечит сельскому хозяйству ссуды под небольшой «процент». Во французском сельском хозяйстве занято, как известно, более двух третей французской нации. Введет ли Луи-Наполеон налоги для остающейся трети населения, чтобы предоставить большинству нации ссуды «под небольшой процент»? Эта мысль, действительно, слишком нелепа, чтобы на ней настаивать. С другой стороны, признанной целью его Credits Fonciers является направлять ссудный капитал в деревню. Единственным результатом, которого они сумели достигнуть, явилось не улучшение сельского хозяйства, а разорение мелких землевладельцев и ускорение концентрации земельных владений. В конце концов, мы снова имеем здесь дело со старой истасканной панацеей — с кредитными учреждениями. Никто не станет отрицать не только то, что Вторая империя знаменует собой эпоху в развитии французского кредита, но также то, что в этом отношении она зашла слишком далеко и вместе со своим собственным кредитом утратила способность поощрять кредит. Единственным новшеством здесь, по-видимому, является то, что полуофициальный кредитный аппарат разбух и износился до предела, и теперь Луи Бонапарт мечтает превратить само правительство непосредственно в ссудную контору. Так как каждая такая попытка непременно сопряжена с огромными опасностями, она так же неизбежно потерпит провал, как провалилась его затея

с зернохранилищами, предназначенная поднять цены на хлеб. Осушение, ирригация и расчистка почвы — все это очень хорошие мероприятия, каждое в своем духе, но единственно возможным результатом их является увеличение количества сельскохозяйственных продуктов. Они не могут поднять цены на эти продукты, да и не ставят перед собой такой цели. Но, если даже Луи Бонапарт каким-нибудь чудодейственным образом нашел бы средства, требуемые для такого улучшения сельского хозяйства в национальном масштабе, то как эти меры смогут устранить обесценение сельскохозяйственных продуктов, под гнетом которого французский крестьянин находится в течение последних пяти лет? Тогда Луи-Наполеон приступит к последовательному улучшению средств сообщения. Хладнокровие, с каким сделано это предложение, превосходит даже бонапартовскую наглость. Достаточно обратить внимание на развитие железных дорог во Франции с 1850 года. Годовой расход на эти «средства сообщения» составлял с 1845 по 1847 г. около 175 млн. фр., а с 1848 по 1851 г. около 125 млн. франков; с 1852 по 1854 г. — почти 250 млн. фр. (вдвое больше, чем расходы за 1848—1851 гг.); с 1854 по 1856 г. — почти 550 млн. фр., с 1857 по 1859 г. — около 500 млн. франков. В 1857 г., когда разразился всеобщий торговый кризис, французское правительство было потрясено колоссальностью сумм, все еще необходимых для строящихся железных дорог, а также сумм, которые уже было разрешено затратить. Оно запретило железнодорожным компаниям привлекать новый капитал путем выпуска акций, облигаций и т. п. на сумму более 212500000 фр. в год, запретило образование новых компаний и установило определенные ограничения ежегодных работ. И после всего этого Луи Бонапарт рассуждает так, как если бы железные дороги, каналы и пр. только теперь должны были быть изобретены! Принудительное снижение сборов за проезд по каналам, на что он намекает, является операцией, которая, бесспорно, повлечет за собой нарушение государственных контрактов, отпугнув капиталы, вложенные в эти предприятия, причем эта мера отнюдь не направлена на привлечение новых капиталов в те же отрасли. Наконец, для того чтобы найти рынок для сельскохозяйственной продукции, предполагается стимулировать фабричную промышленность. Но, как мы уже установили, фабричная промышленность сделала колоссальные успехи при Второй империи, и при всем этом, несмотря на беспрецедентный рост экспорта, громадное развитие железных дорог и других средств сообщения и чрезмерное расширение кредитной системы, небывалое ранее во Франции, французское сельское хозяйство находится в состоя-

нии упадка и французское крестьянство разоряется. Как же объяснить это странное явление? Тот факт, что долгосрочные государственные займы ежегодно увеличиваются на 255 млн. фр., не говоря о налоге кровью для армии и флота, дает исчерпывающий ответ на этот вопрос. Сама Империя является огромным вампиром, бременем, которое растет быстрее, чем производительные силы французской нации.

Предписания Луи Бонапарта, относящиеся к французской промышленности, если отбросить все то, что является пустой болтовней или прожектерством, сводятся к отмене пошлин на шерсть и хлопок и последовательному сокращению пошлин на сахар и кофе. Все это очень хорошо, но требуется все легковерие английских фритредеров, чтобы назвать подобные меры свободой торговли. Каждый, кто знаком с политической экономией, очень хорошо знает, что отмена пошлин на сельскохозяйственное сырье составляет главный пункт доктрины меркантилистов XVIII века. Эти «внутренние помехи», которые тяготеют над французским производством, — ничто по сравнению с octrois[*], которые дробят Францию на столько независимых областей, сколько имеется в ней городов, парализуют внутренний обмен и препятствуют созданию благосостояния, так как нарушают потребление страны. Однако эти octrois возросли при режиме Империи и в дальнейшем будут возрастать. Снижение пошлин на шерсть и хлопок предполагается компенсировать упразднением амортизационного фонда, и таким образом будет уничтожено последнее, хотя и чисто номинальное, препятствие росту государственного долга.

С другой стороны, леса должны быть вырублены, холмы срыты и болота осушены путем ассигнования на эти цели 160 млн. фр. (чему, как говорят, равен неизрасходованный остаток от последних военных займов) тремя годовыми взносами, что составит в среднем менее 54 млн. фр. в год. Но ведь строительство одной только набережной на Луаре, о котором так торжественно возвестил лет пять тому назад императорский Калиостро и о котором с тех пор уже больше не вспоминали, поглотило бы всю эту сумму менее чем в три месяца. Что же в таком случае остается от манифеста? «Наступление эры мира», как будто она не была давно провозглашена в Бордо. «L'Empire c'est la paix»[7].

Написано К. Марксом 17 января 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5862, 7 февраля 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

[*] — пошлинами на ввозимые в город предметы широкого потребления. *Ред.*

К. МАРКС

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА

Лондон, 27 января 1860 г.

Среди тем, затронутых в дебатах по поводу парламентского адреса, самыми интересными были третья война с Китаем, торговый договор с Францией и осложнения в Италии[8]. Надо иметь в виду, что китайский вопрос является не только вопросом международным, но и конституционным вопросом весьма серьезного значения. Вторая война с Китаем[9], предпринятая по самовольному приказу лорда Пальмерстона, прежде всего повлекла за собой вотум недоверия его кабинету, а затем и связанный с этим роспуск палаты общин; новой палате, несмотря на то, что она была избрана в составе, благоприятном для Пальмерстона, ни разу не было предложено отменить постановление ее предшественницы. До сего времени вторая китайская война лорда Пальмерстона остается осужденной парламентским приговором. По это еще не все.

16 сентября 1859 г. в Англии было получено сообщение о поражении на Байхэ. Вместо того чтобы созвать парламент, лорд Пальмерстон обратился к Луи Бонапарту и вступил с этим самодержцем в переговоры о новой англо-французской экспедиции против Китая. По словам лорда Грея,

> «британские порты и арсеналы в течение трех месяцев оглашались шумом приготовлений; принимались меры к отправке в Китай артиллерии, боевых припасов и канонерских лодок, а также, в добавление к морским силам, и сухопутных войск численностью не менее 10000 человек».

Когда, таким образом, страна уже совсем оказалась втянутой в новую войну, с одной стороны, в результате договора с Францией, с другой — благодаря значительным издержкам, сделан-

ным без всякого предварительного извещения парламента, последнему, по возобновлении его сессии, спокойно предлагают «поблагодарить ее величество за уведомление парламента обо всем случившемся и о происходивших приготовлениях к китайской экспедиции». Мог ли бы сам Луи-Наполеон разговаривать иным языком со своим собственным Corps Legislatif* или император Александр со своим сенатом?

При обсуждении адреса в палате общин в 1857 г. нынешний канцлер казначейства г-н Гладстон, говоря о войне с Персией, негодующе воскликнул:

«Не опасаясь возражений, я скажу, что практика начинать войны без предварительного обращения к парламенту находится в полном противоречии с *установившимся обычаем* нашей страны; она *представляет опасность для конституции и категорически требует вмешательства палаты общин,* чтобы сделать совершенно невозможным повторение *столь опасного прецедента».*

Лорд Пальмерстон не ограничился повторением «столь опасного для конституции» прецедента; он не только повторил его на этот раз при содействии ханжи г-на Гладстона, но, как бы желая познать меру безответственности правительства, он, используя права парламента против короны, прерогативы короны против парламента и привилегии обоих против народа, имел дерзость повторить этот опасный прецедент в той же самой сфере деятельности. После того как одна его китайская война была осуждена парламентом, он предпринимает новую китайскую войну вопреки парламенту. И тем не менее в обеих палатах лишь один человек нашел в себе достаточно мужества, чтобы восстать против этой правительственной узурпации; и, что любопытно отметить, этот единственный человек принадлежит не к демократической, а к аристократической части законодательного собрания. Человек этот — лорд Грей. Он внес поправку к ответному адресу на тронную речь королевы в том смысле, что не следовало начинать экспедицию, прежде чем было запрошено мнение обеих палат парламента.

Прием, который встретила поправка лорда Грея как со стороны представителя правящей партии, так и со стороны лидера оппозиции ее величества, является весьма характерным симптомом быстро приближающегося политического кризиса представительных учреждений Англии. Лорд Грей признал, что формально корона обладает прерогативой начинать войны, но, поскольку министрам запрещено расходовать хотя бы один фартинг на какое-либо предприятие без предварительной санкции

* — Законодательным корпусом. *Ред.*

парламента, закон и практика конституции требуют, чтобы ответственные представители короны не предпринимали экспедиции военного характера, не уведомив предварительно парламент и не предложив последнему принять меры для покрытия расходов, которые могли быть таким образом вызваны. Следовательно, если бы этот совет нации признал нужным, он мог бы в самом начале помешать всякой несправедливой или неразумной с политической точки зрения войне, задуманной министрами. Его светлость привел затем несколько примеров с целью показать, как строго соблюдались эти правила в прежнее время. Когда в 1790 г. несколько британских судов были захвачены испанцами на северо-западном побережье Америки, Питт представил обеим палатам королевское послание, призывающее их вотировать кредиты для покрытия возможных расходов. В другой раз, в декабре 1826 г., когда дочь дон Педру* обратилась к Англии с просьбой о помощи против Фердинанда VII Испанского, который собирался вторгнуться в Португалию для поддержки дон Мигела, Каннннг представил подобное послание, уведомлявшее парламент о существе дела и о величине вероятных расходов. В заключение лорд Грей открыто указал, что правительство осмелилось обложить страну налогами без согласия парламента на том основании, что понесенные уже крупные расходы необходимо было покрывать тем или иным путем; однако их нельзя было покрыть, не затрагивая денежных ассигнований, предназначенных на совершенно иные нужды.

Какого же рода ответа добился лорд Грей от кабинета? Герцог Ньюкасл, в свое время одним из первых оспаривавший законность второй китайской войны Пальмерстона, ответил, во-первых, что «в последние годы создалась весьма полезная практика вовсе воздерживаться от каких-либо поправок к адресу, кроме тех случаев, когда дело шло о достижении каких-либо важных *партийных целей».* Следовательно, поскольку лорд Грей не руководствуется какими-либо фракционными мотивами и не претендует на то, чтобы прогнать министров и самому занять их место, чего же — никак не может понять герцог Ньюкасл — хочет он добиться, нарушая эту «весьма полезную практику последних лет»? Не чудачество ли с его стороны воображать, что палата станет ломать копья во имя чего-либо иного, кроме важных партийных целей? Во-вторых, разве не известно, что конституционная практика, столь тщательно соблюдавшаяся Питтом и Каннингом, многократно нарушалась лордом Пальмерстоном? Разве этот благородный виконт не вел по своему

* — Мария II да Глориа. *Ред.*

произволу войну в Португалии в 1831 г., в Греции — в 1850 г. и — мог бы еще прибавить герцог Ньюкасл — войны в Персии, Афганистане[10] и многих других странах? Почему же, если парламент позволял лорду Пальмерстону в течение 30 лет узурпировать право объявления войны, заключения мира и введения налогов, почему, в таком случае, он должен вдруг порвать со своей давнишней раболепной традицией? Конституционный закон, быть может, и на стороне лорда Грея, зато право давности несомненно на стороне лорда Пальмерстона. Почему именно теперь надо призывать благородного виконта к ответу, если раньше его никогда не карали за подобные «полезные» новшества? Действительно, герцог Ньюкасл проявил, пожалуй, даже мягкость, воздержавшись от обвинения лорда Грея в мятеже sa его попытку уничтожить освященную давностью привилегию лорда Пальмерстона распоряжаться по своему усмотрению, как своей собственностью, военными силами и финансами Англии.

Столь же оригинален был способ, каким герцог Ньюкасл пытался обосновать законность экспедиции на Байхэ. Существует англо-китайский договор 1843 г., в силу которого Англия пользуется всеми правами, предоставленными Небесной империей наиболее благоприятствуемым нациям[11]. В свою очередь, Россия в недавнем договоре с Китаем выговорила себе право плавания вверх по Байхэ[12]. Следовательно, в силу договора 1843 г. Англия тоже имела право входа в эту реку. На этом, сказал герцог, он может настаивать, «не прибегая к какой-либо подробной специальной аргументации». Но в самом деле, мог ли бы он это сделать! С одной стороны, тут есть некое досадное обстоятельство: русский договор был лишь ратифицирован и, следовательно, вступил в силу лишь после катастрофы на Байхэ. Но это только небольшая hysteron proteron*. С другой стороны, общеизвестно, что в условиях войны прекращается действие всех существующих договоров. Если в момент экспедиции на Байхэ англичане находились в состоянии войны с китайцами, то они, разумеется, не могли апеллировать ни к договору 1843 г., ни вообще к какому-либо другому договору. Если они не находились в состоянии войны, то, значит, кабинет Пальмерстона взял на себя инициативу начать новую войну без санкции парламента? Чтобы избежать второй части дилеммы, бедняга Ньюкасл утверждает, что со времени бомбардировки Кантона[13] в течение последних двух лет «Англия *никогда* не была *в мире с* Китаем». Следовательно, правительство лишь

* — ошибка, состоящая в принятии последующего и позднейшего (hysteron) за первичное и предшествующее (proteron); извращение действительной последовательности. *Ред.*

продолжало военные действия, но не возобновляло их, и таким образом Ньюкасл, не прибегая к специальной аргументации, мог апеллировать к договорам, имеющим силу только в мирное время. А чтобы еще больше усилить эффект этой странной диалектики, лорд Пальмерстон, глава кабинета, одновременно утверждает в палате общин, что Англия в течение всех этих лет *«никогда не вела войны с Китаем».* Она не ведет ее и теперь. Правда, была бомбардировка Кантона, была катастрофа на Байхэ и англо-французская экспедиция, но войны не было, поскольку она не была *объявлена* и поскольку до сих пор китайский император* разрешал продолжать переговоры в Шанхае в их обычном порядке. Именно тот факт, что в отношении китайцев Пальмерстон нарушил все узаконенные международные нормы ведения войны, он приводит для оправдания аналогичного несоблюдения им конституционных норм в отношении английского парламента, в то время как его представитель в палате лордов граф Гранвилл, «касаясь вопроса о Китае», пренебрежительно заявляет, что *«обращение правительства к мнению парламента»* есть *«вопрос чисто формальный».* Итак, обращение правительства к мнению парламента есть вопрос чисто формальный! В таком случае, чем же еще отличается английский парламент от французского Corps Legislatif? Во Франции, по крайней мере, на место нации осмеливается поставить себя человек, слывущий наследником национального героя, человек, который, к тому же, открыто берет на себя весь риск подобной узурпации. В Англии же какой-то второразрядный деятель, какой-то одряхлевший карьерист, какое-то безликое ничтожество из состава так называемого кабинета, полагаясь на слабость парламентской мысли и на сбивающую с толку болтовню анонимной прессы, не делая шума, без всякого риска для себя, спокойно пробирается к неограниченной власти. Сравните, с одной стороны, движение, поднятое каким-нибудь Суллой[14], и, с другой стороны, мошеннические «деловые» маневры какого-нибудь управляющего акционерным банком, секретаря благотворительного общества или приходского клерка, и вы поймете разницу между императорской узурпацией во Франции и правительственной узурпацией в Англии! Лорд Дерби, вполне понимая, что обе фракции в равной степени заинтересованы в сохранении бессильного и безответственного правительства, разумеется, не может «согласиться с благородным графом (Греем) в его суровой характеристике *промахов* правительства». Он мог бы частично согласиться с жалобой лорда

* — Сянь-фын. *Ред.*

Грея, что «правительство должно было созвать парламент, чтобы выяснить его мнение по китайскому вопросу», но он, «конечно, не поддержал бы Грея, если бы последний потребовал, чтобы его поправка была поставлена на голосование».

В итоге поправка не была поставлена на голосование, и все прения о китайской войне в обеих палатах вылились в поток забавных поздравлений обеих фракций в адрес адмирала Хоупа по случаю того, что тот так блестяще похоронил в иле английских солдат.

Написано К. Марксом 27 января 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5868, 14 февраля 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

НОВЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И АНГЛИЕЙ

Лондон, 28 января 1860 г.

Торговый договор с Францией будет передан на рассмотрение палаты общин не ранее 6 февраля. Однако зная то, что выяснилось во время дебатов по поводу адреса, на что намекают французские газеты и о чем распространяются слухи в Лондоне и Париже, можно уже теперь, несмотря на торжественные предостережения г-на Гладстона, отважиться дать некоторую общую оценку этого «милого приемыша»[15]. В понедельник, 23 января, договор был надлежащим образом подписан в Париже; французскими крестными отцами его были министр торговли Руэ и Барош, ad interim* министра иностранных дел, а со стороны Англии эти функции исполняли лорд Каули и г-н Кобден. То, что г-н Мишель Шевалье, бывший сен-симонист, приложил руку к этому делу и что вся Франция выражает сожаление по поводу того, что Луи-Наполеон не обнаружил достаточного такта и не дал возможности этой выдающейся личности (т. е. г-ну Шевалье) поставить свою подпись под договором рядом с подписью его «английского confrere**»,— это является новостью, которую сама же «выдающаяся личность» соблаговолила сообщить в Лондон и опубликовать в различных фритредерских органах. Но газеты не знают того, что главным действующим лицом со стороны французов был pere*** Анфантен, бывший первосвященник сен-симонизма. Не удивительно ли, в самом деле, что все эти сен-симонисты, начиная

* — временно исполняющий обязанности. *Ред.*
** — собрата. *Ред.*
*** — отец. *Ред.*

от pere Анфантена и кончая Исааком Перейрой и Мишелем Шевалье, были превращены в главные экономические столпы Второй империи? Но вернемся к «английскому confrere» г-на Шевалье, бывшему ланкаширскому фабриканту, который, конечно, был немало польщен тем, что ему оказали такую честь и позволили поставить собственноручную подпись под международным договором. Если принять во внимание то обстоятельство, что договоры, основанные на принципе взаимности, и торговые договоры вообще, за исключением договоров с варварами, всегда громко порицались английскими фритредерами во главе с г-ном Кобденом, как наихудшая и наиболее вероломная форма протекционизма, если далее принять во внимание, что настоящий договор, даже с точки зрения взаимности, кажется довольно нелепым соглашением, если мы, наконец, надлежащим образом взвесим те политические цели и задачи, которые этот договор предназначен прикрывать, — то публика будет, пожалуй, склонна пожалеть г-на Ричарда Кобдена как невинную жертву одной из пальмерстоновских махинаций. Но имеется и другая сторона медали. Как всем известно, г-н Кобден в вознаграждение за его удачную кампанию против хлебных законов[16] получил некогда от благодарных фабрикантов около 60000 фунтов стерлингов. Капитал этот г-н Кобден поместил в американские акции и в результате кризиса 1857 г. потерял почти все. Надежды, которые он еще питал, отправляясь в свое путешествие в Соединенные Штаты, оказались обманчивыми. Г-н Кобден вернулся в Англию разорившимся человеком. Для устройства национальной подписки необходим был какой-то национальный предлог, какое-то дело, которое можно было раздуть, дабы еще раз изобразить г-на Кобдена ангелом-хранителем Соединенного королевства, «обеспечивающим изобилие и покой миллионам скромных семейств». Этой-то цели и *послужил* англо-французский договор, и, как вы узнаете из провинциальных газет, новая подписка на сумму в 40000 ф. ст., которая должна компенсировать великого апостола свободной торговли за его убытки в Америке, уже проходит, встречая большое «сочувствие». Нет никакого сомнения в том, что если бы, например, Дизраэли внес в палату общин такой договор, то г-н Кобден во главе фритредеров предложил бы выразить недоверие кабинету, пытающемуся вернуть законодательство к самым темным заблуждениям непросвещенного прошлого.

Из прилагаемой таблицы можно составить себе представление о количестве покровительственных пошлин, взимавшихся в 1858 г. Англией с французских товаров:

Товары	Пошлины ф. ст.
Корзины	2 061
Масло	7 159
Фарфор и фарфоровые изделия	1 671
Часы стенные	3 928
Кофе	4 311
Яйца	19 934
Вышивки	5 572
Искусственные цветы	20 412
Фрукты	7 347
Кружева	1 858
Сапоги, башмаки и другие изделия из кожи	8 883
Перчатки	48 839
Музыкальные инструменты	4 659
Масла технические	2 369
Бумажные обои	6 713
Плетеная солома для шляп и пр.	11 622
Шелковые ткани	215 455
Коньяк и другие спиртные напитки	824 960
Сахар	275 702
Чай	14 358
Табак	52 696
Часы ручные	14 940
Вино	164 855

Большинство взимаемых таким образом пошлин представляло собой покровительственные пошлины, как, например, пошлины на корзины, стенные часы, кружева, обувь, перчатки, шелковые ткани и т. д. Другие пошлины, как, например, пошлины на водку и т. д., были выше, чем английские акцизные сборы с британских спиртных напитков, и постольку также носили покровительственный характер. Даже обычные фискальные пошлины, как, например, пошлину на вино, последовательный фритредер мог бы считать покровительственными пошлинами, так как почти невозможно взимать налоги с иностранного товара, не оказывая в то же время покровительства подобному, если не тождественному, товару внутреннего рынка. Так, например, фискальная пошлина на иностранное вино может рассматриваться как покровительственная пошлина в отношении местного пива и т. д. В силу только что заключенного договора все английские пошлины на французские изделия будут немедленно отменены, а пошлины на водку, вино и другие

товары будут уравнены с английскими акцизными сборами или с теми таможенными пошлинами, которые ныне взимаются с подобных же продуктов (например, с вин), ввозимых из британских колоний. С другой стороны, французские изменения тарифа будут окончательно проведены не раньше октября 1861 г., как видно из следующего сообщения, взятого из французской правительственной газеты:

1 июля 1860 г. — отменяются импортные пошлины на хлопок и шерсть.

1 июля 1860 г. — к английскому углю и коксу применяется бельгийский тариф.

1 октября 1860 г. — вместо существующих пошлин на железо вводится пошлина в 7 франков со 100 килограмм.

31 декабря 1860 г. — понижаются пошлины на ввозимые машины.

1 июня 1861 г. — отменяется запрет на ввоз пеньковых ниток и ткани из пеньки, устанавливаются пошлины, не превышающие 30%.

1 октября 1861 г. — отменяются все остальные запреты на ввоз, вводятся покровительственные пошлины ad valorem* на пятилетний срок и не превышающие 25% после этого срока.

Если не считать снижения пошлины на английский уголь до тех размеров, в каких она ныне взимается с бельгийского угля, то все сделанные Францией кажущиеся уступки носят, по-видимому, весьма двусмысленный характер. Так, например, цена тонны чугуна № 1 (уэльского) составляет в настоящее время 3 ф. 10 шилл., французская же пошлина на него составит приблизительно еще 3 фунта. Лондонский «Economist»[17] признает, что 30-процентная пошлина ad valorem на предметы, ввоз которых был до сих пор запрещен, будет носить в сущности покровительственный характер. Поскольку снижение пошлин на английские товары — действительное или кажущееся — откладывается на будущее, постольку английское правительство играет в сущности роль страхового общества, гарантирующего сохранение власти за Луи-Наполеонон в течение данного срока.

* — в соответствии с ценой. *Ред.*

Настоящая же тайна этого торгового договора заключается именно в том, что *«это вовсе не торговый договор»,* а просто обман, который должен сбить с толку коммерческий ум Джона Буля и прикрыть секретный политический план; тайна эта была мастерски разоблачена г-ном Дизраэли во время дебатов по поводу адреса. Сущность его разоблачения сводилась к следующему:

«Несколько лет тому назад французский император сделал заявление, похожее на то письмо, которое недавно было им послано государственному министру; в этом заявлении он предложил полностью упразднить запретительную систему и принять меры, вроде тех, какие упоминаются в его недавнем манифесте. В 1856 г. законопроект в этом духе и был внесен в Corps Legislatif*, однако до того, как он был принят, он был предложен на рассмотрение 86 провинциальных советов Франции, которые, за исключением 6, все высказались за предложенный законопроект, с той оговоркой, что до введения в действие новой системы должно пройти некоторое время. В результате император согласился с этим предложением, и его решение об осуществлении этой системы было изложено в нескольких публичных документах. Датой вступления в силу этого закона был назначен июль 1861 года. Поэтому все то, что Франция обязуется ввести в действие в июле 1861 г. на основании заключенного договора, было уже предусмотрено во Франции законодательным путем».

Написано К. Марксом 28 января 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5868, 14 февраля 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — Законодательный корпус. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЕННАЯ РЕФОРМА В ГЕРМАНИИ

Итальянская война 1859 г., еще в большей степени, чем Крымская война[18], установила тот факт, что французская военная организация — лучшая во всей Европе. Из всех европейских армий, исключая французскую, австрийская армия стояла, без сомнения, выше всех; тем не менее в непродолжительную кампанию 1859 г. армия в целом не смогла выиграть ни одного сражения, хотя ее солдаты покрыли себя славой. Даже принимая во внимание бездарность генералитета, отсутствие единства в командовании и некомпетентное вмешательство императора, все же единодушным впечатлением австрийских полковых офицеров, а также солдат было то, что отсутствие побед у этой армии отчасти объяснялось организацией, менее приспособленной к нуждам современной войны, чем организация их противников. А если австрийская армия, всего несколько лет тому назад полностью реорганизованная, оказалась неудовлетворительной, то чего же можно было ожидать от других армий, организация которых относилась к еще более отдаленным временам?

В том, что французы превосходили всех в этом отношении, нет ничего удивительного. Любая нация, обладающая некоторыми военными способностями и ведущая в течение двадцати пяти лет малую войну в таком колоссальном масштабе, как война в Алжире[19], не может не развить благодаря этому боевые качества своих войск в высокой степени. В то время как Англия и Россия вели свои войны в Индии и на Кавказе главным образом при помощи специально предназначенных для этой цели войск, бо̲льшая часть французской армии прошла алжирскую

школу. Франция действительно извлекла наибольшую пользу из этой школы, которая стоила многих человеческих жизней и денег, но была чрезвычайно эффективна и плодотворна с точки зрения приобретения ценного боевого опыта. Последовавшая затем Крымская война, другая школа более крупного масштаба, вселила в солдата большую уверенность, показав ему, что опыт, приобретенный им в походах против кочевых племен и иррегулярных отрядов, одинаково полезен и применим в борьбе с регулярными войсками.

Что при таких возможностях нация, наделенная исключительными военными способностями, должна была довести свою боевую организацию до степени совершенства, превосходящей все достижения ее соседей, — этот факт, бесспорно доказанный при Мадженте и Сольферино[20], все же вызвал удивление, особенно в Германии. Военные педанты этой страны были так уверены в своем мнимом превосходстве над ветреными, непостоянными, недисциплинированными и безнравственными французами, что этот удар буквально ошеломил их. С другой стороны, более молодые и более образованные круги австрийской и прочих немецких армий, всегда возражавшие против педантизма, сразу подняли голос. Австрийские офицеры, только что побывавшие под Маджентой, первыми стали говорить, — и это совершенно верно, — что французы не носят на себе ранцев во время боя, что у них нет ни галстуков, ни стоячих воротников, ни тесных мундиров или брюк; они одеты в широкие шаровары и просторный мундир с отложным воротником, шея и грудь у них совершенно свободны, головы их покрыты легкими кепи, а патроны они носят в карманах брюк. Куда австрийские солдаты приходят усталые и запыхавшиеся, туда французы являются свежие, с песнями, готовые к любому физическому напряжению. Об этом сообщали австрийские офицеры в своих письмах с поля битвы, а прусские, баварские и прочие офицеры вскоре стали повторять то же самое. Страшный факт был налицо. Солдаты действительно осмеливались противостоять врагу, не неся с собой обременительной массы предметов, которые почти все служат для парадности и внешнего фона войны и которые вместе взятые являются для солдата чем-то вроде смирительной рубашки; и, несмотря на отсутствие этой смирительной рубашки, они вышли победителями из всех сражений. Этот факт был настолько серьезным, что даже немецкие правительства не могли закрыть на него глаза.

Таким образом, военная реформа сделалась в Германии лозунгом дня, к великому ужасу всех приверженцев старых

традиций. Самые революционные теории, касающиеся военного дела, не только безнаказанно предлагались на обсуждение, но даже принимались во внимание правительствами» Первым вопросом было, конечно, солдатское обмундирование, которое составляло самое резкое различие между обеими армиями на поле сражения. Длительность обсуждения этого вопроса вполне соответствовала разнообразию вкусов. По вопросу о военной форме была проявлена масса изобретательности. Фуражки, каски, кивера, шапки, мундиры, куртки, шинели, воротники, обшлага, брюки, гетры и сапоги, — обо всем этом спорили с такой горячностью и красноречием, как будто только от этих вещей зависела судьба сражения при Сольферино. Наибольшей экстравагантностью своего военного обмундирования отличались австрийцы. Начав с почти точной копии французского образца (за исключением цвета), они прошли через все промежуточные стадии вплоть до куртки и мягкой широкополой шляпы. Представьте себе чопорного, консервативного, степенного императорско-королевского австрийского солдата в кокетливом одеянии французского стрелка или, еще того хуже, в куртке и фетровой шляпе революционного германского волонтера 1848 года. Нельзя было придумать лучшей сатиры на австрийскую военную систему, чем тот факт, что каждая из этих крайностей серьезно подвергалась обсуждению. Как это обычно бывает, спор скорее выдохся, чем привел к какому-нибудь решению; приверженцы старых военных традиций вернули себе часть потерянных позиций и, по крайней мере в Австрии, перемены в обмундировании будут в целом очень незначительны, да и в других немецких армиях едва ли можно ожидать каких-либо изменений, за исключением того, что прусской каске, этому любимому изобретению романтического Фридриха-Вильгельма IV, по-видимому, суждено сойти в могилу еще раньше своего изобретателя.

Следующим встал на очередь великий вопрос о ранце. То, что французы вступали в сражение без ранцев, было такой неосторожностью, которую можно было оправдать только их удачей и жарким временем года. Но если бы это вошло у них в обычай, первая же неудача в холодную или дождливую погоду жестоко наказала бы их за это. В самом деле, если бы это стало общепринятым обычаем, то в результате в каждом сражении побежденная армия теряла бы не только артиллерию, знамена и припасы, но и весь личный багаж каждого пехотинца. В результате несколько дождливых дней, проведенных на бивуаке, совершенно расстроили бы ряды пехоты, ибо каждый солдат оказался бы одетым только в то, что было на нем. Впрочем,

сущность вопроса заключается, по-видимому, в том, каким образом можно было бы сократить до минимума личный багаж каждого солдата; этот важный вопрос мог бы быть легко и удовлетворительно разрешен, если бы составляющие багаж предметы рассматривались исключительно с точки зрения их пригодности в походе; но в Германии дискуссия не разрешила этого вопроса.

Кроме вопроса об обмундировании и вопроса о ранце, подробному обсуждению подвергается также организация различных подразделений армии. Сколько человек должно составлять роту, сколько рот — батальон, сколько батальонов — полк, сколько полков — бригаду, сколько бригад — дивизию и так далее? Вот еще одна тема, по поводу которой можно с самым серьезным и важным видом наговорить кучу вздора. Во всякой армии система элементарной тактики ограничивает известными пределами численный состав и количество рот и батальонов; минимум и максимум численного состава бригад и дивизий определяются составом, принятым в соседних армиях, чтобы в случае столкновения разница между более крупными тактическими соединениями не была слишком велика. Искать решения таких вопросов, не исходя из реальных условий, определяемых данными фактами, а пытаясь установить основные принципы, — означает вздор, достойный, может быть, немецких философов, но не людей практики. Увеличение числа австрийских линейных пехотных полков с 63 до 80, при уменьшении числа батальонов, не в большей мере обеспечит им «удачу на будущее», чем введение более широких брюк и отложных воротников.

Но в то время как военные моды и глубокомысленные рассуждения о нормальной численности и составе бригады поглощают все внимание, крупные недостатки и язвы немецкой военной системы остаются без внимания. В самом деле, что мы должны подумать об офицерах, которые яростно спорят о покрое пары брюк или воротника, по спокойно мирятся с тем, что в армии Германского союза[21] имеется около двадцати различных калибров полевой артиллерии и почти неисчислимое разнообразие калибров ручного огнестрельного оружия? Введение нарезного ружья, представлявшее такой прекрасный случай для унификации калибров по всей Германии, не только было выполнено недопустимо небрежно, но и ухудшило дело. Стоит несколько остановиться на этой путанице калибров. Австрия, Бавария, Вюртемберг, Баден и Гессен-Дармштадт имеют один калибр — 0,53 дюйма. С тем практическим здравым смыслом, который южные немцы проявляли во многих случаях, они

провели эту в высшей степени важную реформу, устанавливающую одинаковый калибр для пяти корпусов армии Германского союза. Пруссия имеет два калибра: один калибр так называемого Zundnadelgewehr, или игольчатого ружья*, около 0,60 дюйма, и другой — старого гладкоствольного ружья, недавно нарезанного по принципу Минье, приблизительно 0,68 дюйма. Последний, впрочем, должен быть в самом скором времени заменен первым. Девятый армейский корпус имеет три различных калибра для винтовки и два или три различных калибра для гладкоствольных ружей; десятый корпус имеет по крайней мере десять калибров, а в резервной дивизии почти столько же калибров, сколько батальонов. Вообразите теперь эту разношерстную армию во время активных боевых действий. Можно ли предположить, что боеприпасы, соответствующие каждому контингенту, могут всегда в случае нужды находиться поблизости, а если это невозможно, то как можно мириться с беспомощностью и бесполезностью контингента? За исключением Австрии, южногерманских государств и Пруссии, ни один контингент уже из-за одного этого обстоятельства не может принести никакой реальной пользы в затяжном сражении. То же самое относится и к артиллерии. Вместо того чтобы остановиться сразу на одном общем калибре, который соответствовал бы хотя бы старой шестифунтовой пушке и, таким образом, сделался бы со временем общим калибром для нарезных полевых орудий, пруссаки, австрийцы и баварцы отливают в настоящее время нарезные пушки совершенно независимо друг от друга, что повлечет за собой только увеличение уже существующего разнообразия калибров. Армия, в которой имеются столь существенные недостатки, могла бы заняться чем-либо более важным, чем спорами о воротниках и штанах и о нормальной численности бригад и батальонов.

В Германии не может быть никакого прогресса в военном деле до тех пор, пока в высших сферах не хотят расстаться с мыслью, будто армии созданы для парадов, а не для боя. Педантизм такого рода, побежденный на некоторое время Аустерлицем, Ваграмом и Йеной[22] и народным энтузиазмом 1813— 1815 гг., вскоре вновь поднял голову; он безраздельно господствовал до 1848 г. и, по-видимому, достиг, по крайней мере в Пруссии, своего кульминационного пункта в течение последних десяти лет. Если бы Пруссия была вовлечена в Итальянскую войну, Пелисье почти наверняка устроил бы ее армии

* См. настоящий том, стр. 223—225. *Ред.*

новую Йену, и только крепости на Рейне могли бы спасти ее. Таково состояние, до которого довели армию, по качеству своих солдат не уступающую ни одной другой армии в мире. В случае будущего конфликта между французами и немцами мы можем с полным основанием ожидать воспроизведения характерных черт Мадженты и Сольферино.

Написано Ф. Энгельсом в конце января — начале февраля 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5873, 20 февраля 1860 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

АНГЛИЙСКИЙ БЮДЖЕТ

Лондон, 11 февраля 1860 г.

Вчерашнее вечернее заседание явилось великим событием в парламентской жизни. Г-н Гладстон в большой речи одновременно разгласил тайны своего бюджета и тайны торгового договора, старательно связывая оба документа друг с другом и подкрепляя слабость одного смелостью другого. Что касается договора, о подробностях которого теперь оповещен весь мир, то вы увидите, что его краткая характеристика, данная мною несколько недель тому назад*, совершенно правильна; в сущности, мне нечего прибавить к тому общему критическому анализу, который я тогда ему дал. Поэтому я буду здесь рассматривать бюджет г-на Гладстона лишь как операцию с английскими финансами. Такой подход к вопросу тем более необходим, что предстоящие парламентские дебаты несомненно раскроют перед нами, между прочим, те дипломатические соображения, которые скрываются за фактами и цифрами г-на Гладстона.

Какой бы непоследовательностью ни отличались детали бюджета, какие бы политические возражения ни выдвигались против благоразумия такой меры, когда дефициту, составляющему более 14% всего дохода, и огромному росту расходов противопоставляют полную отмену многих существующих пошлин, часть которых едва ли обременяла народные массы, — все же простая справедливость заставляет меня сказать, что бюджет г-на Гладстона является замечательным и смелым финансовым маневром. Если встать на точку зрения британской доктрины свободной торговли и оставить в стороне некоторые

* См. настоящий том, стр. 12—16. *Ред.*

очевидные нелепости, обусловленные договором с Францией, а также связанные с нежностью, которую каждый британский канцлер казначейства всегда проявляет по отношению к земельной ренте 50000 крупнейших лендлордов, — бюджет придется признать прекрасным. Положение г-на Гладстона осложнялось трудностями, созданными им же самим. Ведь именно он в 1853 г. в своем так называемом образцовом бюджете, рассчитанном на семилетний период, обязался окончательно отменить подоходный налог в 1860/1861 году. Далее, в дополнительном бюджете, вызванном войной с Россией, Гладстон же обещал отменить в недалеком будущем военную пошлину на чай и сахар. И вот теперь, когда наступил срок платежа по его векселям, он же предлагает план, согласно которому последняя пошлина сохраняется, а подоходный налог повышается с 9 до 10 пенсов с фунта, то есть на $11^{1}/_{9}$ %. Но, как вы помните, в своих критических замечаниях по поводу гладстоновского бюджета на 1853 г. я старался показать, что если фритредерское финансовое законодательство вообще что-нибудь означает, то оно означает прежде всего замену косвенного налогообложения прямым налогообложением[23]. Я указывал тогда, что обещание г-на Гладстона продолжать отмену таможенных пошлин и акцизных сборов несовместимо с одновременным его обещанием окончательно вычеркнуть рубрику подоходного налога из списка сборщика налогов. Несмотря на то, что ставки подоходного налога не охватывают всех доходов, что они несправедливы и даже просто нелепы, подоходный налог является лучшей частью английского финансового законодательства. Тот факт, что г-н Гладстон, вместо существенного обложения налогом земельной собственности, сохраняет военные налоги на такие предметы первой необходимости, как чай и сахар, является проявлением трусости, объясняемой в гораздо большей степени аристократической структурой парламента, чем известной ограниченностью его кругозора. Если бы он осмелился наложить руку на земельную ренту, то кабинет, перспективы которого довольно шатки, немедленно был бы сменен. Есть старая поговорка: у голодного брюха нет уха, но не менее верно и то, что у земельной ренты нет совести.

Прежде чем вкратце охарактеризовать намеченные г-ном Гладстоном изменения, я должен сначала обратить внимание читателя на некоторые случайные замечания, оброненные им в своей речи. Во-первых, канцлер казначейства признал, что распространенное представление об английской финансовой системе как о воплощении фритредерства просто вульгарно. Во-вторых, он признал, что Англия не ведет сколько-нибудь

значительной торговли с Францией, между тем как Франция, наоборот, ведет с Англией весьма обширную и все растущую торговлю. В-третьих, он вынужден был признать, что пальмерстоновская политика, устраивающая за спиной парламента «дружественные экспедиции», в корне изменила положение и свела на нет рост доходов казначейства от развития британской торговли и промышленности. Наконец, — хотя эту горькую пилюлю он вложил в сладкую облатку и преподнес ее в столь же изящном виде, в каком французские аптекари обычно преподносят самую отвратительную фармацевтическую дрянь, — он не мог не признать, что именно тот дорогой союзник, которому Великобритания вот-вот готова пожертвовать почти два миллиона своего дохода, является главной причиной увеличения британских военных и военно-морских расходов в 1860/1861 году до огромной цифры в 30 миллионов. Следует напомнить, что 18 миллионов были той максимальной суммой военных расходов, с которой железный герцог* призывал примириться двадцать четыре года тому назад, обращаясь к английской рассудительности.

После этих предварительных замечаний я перехожу к изменениям, предлагаемым г-ном Гладстоном. Они делятся на две категории: одна включает изменения, обусловленные договором с Францией, а другая охватывает те дополнительные изменения, которые г-н Гладстон был вынужден ввести во избежание упрека, будто его бюджет есть уступка, вырванная деспотической иностранной державой, а также для того, чтобы придать бюджету более приемлемый вид, изобразив его как общую реформу существующего тарифа.

Изменения, обусловленные торговым договором с Францией, состоят в следующем. Промышленные товары немедленно целиком и полностью изымаются из английского таможенного тарифа, за исключением на ограниченный период времени только трех видов товаров, именно пробки, перчаток и еще одного малозначащего товара. Пошлина на водку будет снижена с 15 шилл. за галлон** до уровня колониальной пошлины — 8 шиллингов. Пошлина на все иностранные вина будет немедленно сокращена с 5 шилл. 10 пенсов за галлон до 3 шилл. за галлон. Далее, Англия обязуется с 1 апреля 1861 г. снизить пошлину до размеров, соответствующих содержанию спирта в вине. Все пошлины на такие иностранные товары, которые производятся также и в Англии и облагаются английским акцизным сбором,

* — Веллингтон. *Ред.*

** — мера жидких и сыпучих тел; английский галлон равен 4,54 литра. *Ред.*

будут уменьшены до размеров внутреннего акциза; Такова суть первой группы намеченных изменений.

Изменения, которые, независимо от договора с Францией, должны придать настоящему бюджету характер общей реформы британского финансового законодательства, сводятся к следующему.

Немедленно и полностью отменяются пошлины на масло, сало, сыр, апельсины и лимоны, яйца, мускатный орех, перец, лакрицу и разные другие продукты, общая пошлина на которые составляет около 382000 ф. ст. в год. Существующая ныне пошлина на строевой лес в размере 7 шилл. и 7 шилл. 6 пенсов снижается до уровня колониальной ставки в 1 шилл. и 1 шилл. 6 пенсов. На коринку пошлина снижается с 15 шилл. 9 пенсов до 7 шиллингов; пошлина на изюм и винные ягоды — с 10 шилл. до 7 шиллингов; пошлина на хмель — с 45 шилл. до 15 шиллингов. Наконец, совершенно отменяется акцизный сбор с бумаги.

Бюджет на 1860 финансовый год таков:

Расходы	ф. ст.
Фундированный и нефундированный долг	26 200 000
Расходы по консолидированному долгу	2 000 000
Армия и милиция	15 800 000
Военный флот и почтовые пароходы	13 900 000
Разные статьи и гражданская служба	7 500 000
Департамент налогов и сборов	4 700 000
Всего	70 100 000

Доходы	ф. ст.
Таможенные пошлины	22 700 000
Акцизные сборы	19 170 000
Гербовый сбор	8 000 000
Прочие налоги	3 250 000
Подоходный налог	2 400 000
Почтовые доходы	3 400 000
Коронные земли	280 000
Разные доходы	1 500 000
Всего	60 700 000

Сравнение расходов с доходами показывает явный дефицит почти в 10000000 ф. ст., который, как мы уже говорили,

г-н Гладстон рассчитывает покрыть путем повышения подоходного налога с 9 шилл. до 10 шилл. и сохранения военных пошлин на чай и сахар. В этом общем обзоре британского бюджета на 1860/1861 год нет необходимости останавливаться на менее важных изменениях, с помощью которых г-н Гладстон рассчитывает получить грошовые доходы из различных источников.

Написано К. Марксом 11 февраля 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5878, 25 февраля 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

О НАРЕЗНОЙ ПУШКЕ

I

Первые попытки увеличить дальность полета снарядов и меткость огня артиллерийских орудий посредством винтовой нарезки канала ствола орудия и придания таким образом снаряду вращательного движения, перпендикулярного к линии полета, начинаются уже в XVII столетии. В Мюнхене есть небольшая нарезная пушка, изготовленная в Нюрнберге в 1694 году; она имеет восемь нарезов, а диаметр ее канала ствола равен приблизительно 2 дюймам. В течение всего XVIII века как в Германии, так и в Англии производились опыты с нарезными пушками, причем некоторые из них заряжались с казенной части. Несмотря на то, что пушки имели небольшие калибры, достигнутые результаты оказались очень хорошими; в 1776 г. двухфунтовые английские пушки при стрельбе на дистанцию в 1300 ярдов давали боковое отклонение только в 2 фута — степень меткости, в то время совершенно недосягаемая ни для какого другого орудия. В том же году эти нарезные пушки были впервые применены для стрельбы снарядами продолговатой формы.

Однако все эти опыты в течение долгого времени не давали никаких практических результатов. В то время военные круги в общем были настроены против нарезного оружия. Сама винтовка представляла тогда чрезвычайно громоздкий инструмент, её заряжание являлось медленной и утомительной операцией, требующей большого мастерства. Это оружие не подходило для широкого применения на войне в эпоху, когда одним из главных требований в сражении был частый огонь развернутых линий, головных шеренг колонн или стрелков в цепи. Наполеон не захо-

тел иметь в своей армии винтовок; в Англии и Германии винтовкой были вооружены только немногие батальоны; лишь в Америке и Швейцарии винтовка осталась национальным оружием.

Война в Алжире послужила поводом к тому, чтобы снова обратить внимание на винтовку и внести в ее конструкцию усовершенствования, которые явились лишь началом той колоссальной революции во всей системе огнестрельного оружия, которая еще и теперь далека от завершения. Гладкоствольные мушкеты французов не могли соперничать с длинными эспингардами арабов; их большая длина и лучший материал, допускавший применение более тяжелого заряда, позволяли кабилам и бедуинам стрелять по французам на расстоянии, на котором мушкет установленного образца был совершенно бессилен. Когда герцог Орлеанский увидел прусских и австрийских стрелков, он пришел от них в восторг и создал по их образцу также формирования французских стрелков, которые вскоре по вооружению, снаряжению и тактике стали лучшими в мире войсками этого рода. Винтовка, которой они были вооружены, значительно превосходила старую винтовку, а вскоре она подверглась дальнейшим изменениям, что, в конце концов, привело к повсеместному введению нарезных ружей в пехоте всех европейских государств.

Когда таким образом дальность огня пехоты возросла с 300 до 800 и даже до 1000 ярдов, встал вопрос, сможет ли полевая артиллерия, которая до этого господствовала на всех дистанциях от 300 до 1500 ярдов, успешно состязаться с новым ручным огнестрельным оружием. Дело в том, что огонь обычных полевых пушек был наиболее действенным как раз на тех дистанциях, которые теперь оспаривались у них винтовкой; картечь оказывала незначительное действие на дистанции свыше 600 или 700 ярдов; сферические ядра 6-фунтовых или 9-фунтовых пушек на дистанции свыше 1000 ярдов не давали особо удовлетворительных результатов, а шрапнель (шарообразная картечь), чтобы оказывать свое страшное действие, требовала хладнокровия и правильного определения расстояний, что не всегда можно наблюдать на поле боя, когда противник ведет наступление; что же касается стрельбы гранатами по войскам из гаубиц старого типа, то она оказывалась совершенно неудовлетворительной. Армии, в которых 9-фунтовая пушка была орудием самого мелкого калибра, как например, английская, были все же в лучшем положении; французская 8-фунтовая пушка, а тем более немецкая 6-фунтовая стали почти совсем бесполезны. Чтобы устранить этот недостаток, французы в начале Крымской войны ввели так называемое изобретение Луи-Наполеона, легкую

12-фунтовую пушку, canon obusier*, из которой можно было стрелять как ядром, при заряде в одну четвертую вместо прежней одной третьей части его веса, так и гранатой. Эта пушка представляла простой плагиат легкой английской 12-фунтовой пушки, от которой, кроме того, уже отказались англичане; система стрельбы гранатами из длинных пушек уже давно применялась в Германии, так что в этом так называемом усовершенствовании не было абсолютно ничего нового. Тем не менее, вооружение всей французской артиллерии 12-фунтовыми пушками даже уменьшенной дальнобойности дало бы ей решительное превосходство над старыми 6-фунтовыми и 8-фунтовыми пушками, и чтобы противодействовать этому, прусское правительство в 1859 г. приняло решение вооружить все батареи своей пешей артиллерии тяжелыми 12-фунтовыми пушками. Это был последний шаг в пользу гладкоствольных пушек; он показал, что весь вопрос был исчерпан и что защитники гладкоствольных пушек дошли ad absurdum**. Действительно, не могло быть ничего более нелепого, как вооружить всю артиллерию целой армии этими громоздкими, увязающими в грязи прусскими 12-фунтовыми пушками, притом в такое время, когда подвижность и быстрота маневрирования являются важнейшими требованиями. Так как французские легкие 12-фунтовые пушки имеют относительные преимущества только сравнительно с другой артиллерией и вовсе не имеют их по сравнению с новым ручным огнестрельным оружием, прусские же тяжелые 12-фунтовые пушки представляют очевидную нелепость, то не оставалось ничего другого, как либо совсем отказаться от полевой артиллерии, либо перейти к нарезной пушке.

Тем временем в разных странах непрерывно производились опыты с нарезной пушкой. В Германии уже в 1816 г. баварский подполковник Рейхенбах делал опыты с небольшой нарезной пушкой и цилиндро-коническим снарядом. В отношении дальности и меткости стрельбы результаты были весьма удовлетворительными, но трудности заряжания и внешние обстоятельства не дали довести до конца разрешение проблемы. В 1846 г. пьемонтский майор Кавалли создал заряжающуюся с казенной части нарезную пушку, которая возбудила значительный интерес. Его первая пушка была 30-фунтовой и заряжалась цилиндро-коническим полым снарядом, весившим 64 фунта, и 5 фунтами пороха; при угле возвышения в $14\frac{3}{4}$ градуса он получал дальность (при первом измерении) в 3050 метров,

* — гаубичную пушку. *Ред.*
** — до абсурда. *Ред.*

или 3400 ярдов. Его опыты, продолжавшиеся до самого последнего времени частью в Швеции, частью в Пьемонте, имели тот важный результат, что благодаря им было открыто постоянное боковое отклонение всех снарядов, выбрасываемых из нарезных пушек, отклонение, вызываемое крутизной нарезов и происходящее всегда в направлении их вращения; как только это отклонение было установлено, тот же Кавалли изобрел боковую или горизонтальную тангенциальную шкалу прицела для внесения соответствующей поправки. Результаты его опытов были в высшей степени удовлетворительны. В 1854 г. в Турине его 30-фунтовая пушка с 8-фунтовым зарядом и 64-фунтовым снарядом дала следующие результаты:

Угол возвышения	Дальность полета (в метрах)	Неправильное боковое отклонение (в метрах)
10°	2 806	2,81
15°	3 785	3,21
20°	4 511	3,72
25°	5 103	4,77

При 25 градусах возвышения дальность полета превышает 3 мили с боковым отклонением от линии цели (по исправлении посредством горизонтальной тангенциальной шкалы) менее чем в 16 футов! Самые крупные французские полевые гаубицы, при дальности полета в 2400 метров, или 2650 ярдов, давали боковые отклонения, равные в среднем 47 метрам, или 155 футам, т. е. в десять раз большие, нежели отклонения у нарезных пушек при дальности вдвое большей.

Другая система нарезных пушек, которая привлекла внимание вскоре после первых опытов Кавалли, принадлежит шведскому барону Варендорфу. Его пушка тоже заряжалась с казенной части и имела цилиндро-конический снаряд. Однако существовало различие в снаряде, заключавшееся в следующем: в то время как снаряд Кавалли был сделан из твердого металла и имел выступы, входящие в нарезы, снаряд Варендорфа был покрыт тонким слоем свинца и немного превосходил своим диаметром диаметр нарезной части канала орудия. После введения снаряда в камору, достаточно просторную для его вмещения, он силой взрыва проталкивался в нарезную часть канала, и свинец, полностью вдавливаясь в нарезы, совершенно устранял зазор между снарядом и стенками канала ствола и предупреждал прорыв какой бы то ни было доли газов, образованных взрывом. Результаты, полученные этими пушками в Швеции и других местах, были вполне удовлетворительны, и если пушки

Кавалли были приняты на вооружение в Генуе, то пушки Варендорфа фигурируют в казематах Ваксхольма в Швеции, Портсмута в Англии и в некоторых прусских крепостях. Так началось практическое применение нарезных пушек — правда, пока лишь в крепостях. Оставалось сделать еще один шаг и вооружить ими полевую артиллерию, что и было сделано во Франции, а ныне делается в артиллерии всей Европы. Различные системы, по которым теперь успешно изготовляются или могут изготовляться нарезные полевые пушки, мы рассмотрим в следующей статье.

II

Мы говорили в предыдущей статье, что французы первыми стали применять в боевой практике нарезную пушку. В течение пяти или шести минувших лет два офицера, полковник Тамизье и подполковник (ныне полковник) Трёй де Больё по поручению правительства производили опыты с нарезной пушкой, причем достигнутые результаты были признаны достаточно удовлетворительными, чтобы принять их в качестве основы для реорганизации французской артиллерии непосредственно перед началом последней Итальянской войны. Не вдаваясь в историю этих опытов, мы сразу приступим к описанию системы, принятой ныне во французской артиллерии.

В соответствии со столь характерным для французов стремлением к единообразию, они приняли только один калибр для полевой артиллерии (калибр старой 4-фунтовой французской пушки в $85^1/_2$ миллиметров, или около $3^1/_2$ дюймов) и один калибр для осадной артиллерии (калибр старой 12-фунтовой пушки в 120 миллиметров, или $4^3/_4$ дюйма). Все другие орудия, кроме мортир, должны быть сняты с вооружения. В качестве материала большей частью берется обычный пушечный металл, по в некоторых случаях также и литая сталь. Пушки заряжаются с дула, ибо опыты французов с орудиями, заряжающимися с казенной части, не дали удовлетворительных результатов. Каждая пушка имеет шесть нарезов округленной формы, глубиной в 5 и шириной в 16 миллиметров; крутизна нарезки, по-видимому, незначительна, однако подробности об этом неизвестны. Зазор между корпусом снаряда и стенкой канала ствола равняется приблизительно от $^1/_2$ до 1 миллиметра; зазор, образуемый ailettes, то есть выступами, входящими в нарезы, несколько менее 1 миллиметра. Снаряд является полым внутри и имеет цилиндрически-оживальную форму; наполненный, он весит около 12 фунтов; снаряд имеет шесть ailettes, по одному

на каждый нарез, из которых три помещаются у головки, а три у основания снаряда; они очень коротки, имеют около 15 миллиметров в длину. Отверстие для зажигательной трубки проходит от головки снаряда и замыкается зажигательной трубкой или пистоном с ударным капсюлем для снаряда, наполненного порохом, и железной гайкой, когда снаряд не предназначен для разрыва; в последнем случае он наполняется смесью опилок и песка с целью придать ему такой же вес, как если бы он был наполнен порохом. Длина канала ствола пушки равна 1385 миллиметрам, т. е. в шестнадцать раз больше его диаметра. Вес медной пушки равен всего 237 килограммам (518 фунтам). Для внесения поправки в линию прицеливания соответственно боковому отклонению снаряда в направлении нарезов, отклонению, свойственному всем снарядам, выпускаемым из нарезных стволов, правая цапфа имеет на себе так называемую горизонтальную тангенциальную шкалу. Пушка вместе с лафетом, как сообщают, отличается изяществом выполнения, и своим малым размером и отделкой похожа более на модель, чем на настоящее орудие войны.

Французская артиллерия, вооруженная этой пушкой, вступила в итальянскую кампанию, в ходе которой она действительно изумила австрийцев своей дальнобойностью, но уж конечно не меткостью своего огня. Очень часто, даже как правило, пушки давали перелет и представляли большую опасность для резервов, чем для первых линий — другими словами, там, где они поражают более эффективно, чем обычные пушки, они поражают людей, на которых они вовсе не были нацелены. Бесспорно, это очень сомнительное преимущество, поскольку в девяти случаях из десяти это означает, что пушки *не* попадают в цель, на которую направлены. Австрийская артиллерия, с такой же громоздкой материальной частью, как и всякая другая в Европе, выглядела весьма прилично, когда противостояла французским пушкам, и сходилась с этим страшным противником на очень близкое расстояние (в 500 или 600 ярдов), снимаясь с передков под самым сильным его огнем. Нет сомнения, что как ни велико превосходство новых французских пушек над старыми гладкоствольными, они ни в какой степени не оправдали возлагавшихся на них надежд. Их наибольшая практическая дальность составляла 4000 метров (4400 ярдов), и утверждение, будто они легко могли попадать в одиночного всадника на расстоянии 3300 ярдов, было, несомненно, не чем иным, как бесстыдным преувеличением со стороны бонапартистов.

Причины этих неудовлетворительных результатов в боевой практике очень просты. Конструкция этих пушек крайне

несовершенна, и если французы будут ее придерживаться, то через два-три года материальная часть их артиллерии окажется самой худшей в Европе, Основным принципом устройства нарезного оружия является *отсутствие зазора* между снарядом и стенками канала ствола, в противном случае снаряд, свободно двигаясь в стволе орудия и в нарезах, будет вращаться не вокруг своей продольной оси, а по спиральной линии полета вокруг некоторой воображаемой линии, направление которой определяется случайным положением снаряда при вылете его из дула пушки, и эти спиральные круги будут увеличиваться в диаметре по мере увеличения расстояния. А французские пушки имеют значительный зазор и не могут обойтись без него, поскольку взрыв заряда должен воспламенить зажигательную трубку снаряда. Это и является одним из обстоятельств, объясняющих недостаточную меткость. Вторым обстоятельством является неравномерность двигательной силы, создаваемая большей или меньшей утечкой газа через зазор во время взрыва заряда. Третье обстоятельство — вызываемая наличием этого зазора необходимость большего угла возвышения при том же заряде; само собой разумеется, что там, где между каналом орудия и снарядом нет вовсе никакой утечки газа, тот же самый заряд толкает снаряд дальше, чем в том случае, когда часть газа ускользает. Французские же нарезные пушки, по-видимому, требуют не только очень большого заряда (в одну пятую часть веса снаряда), но также и довольно большого угла возвышения. Большая дальность, получаемая нарезными каналами по сравнению с гладкоствольными, даже при меньшем заряде, достигается главным образом отсутствием зазора и тем непреложным фактом, что вся сила взрыва заряда идет на выталкивание снаряда. Допуская зазор, французы жертвуют частью двигательной силы, и им приходится возмещать ее увеличением заряда до известного предела, а за этим пределом — увеличением угла возвышения. Однако ничто в такой степени не мешает меткости огня на любой дистанции, как большой угол возвышения. Пока линия полета снаряда в своей высшей точке не слишком превышает высоту цели, ошибка в определении расстояния не имеет большого значения, но на большой дистанции снаряд летит очень высоко и падает вниз под углом, в среднем вдвое большим, чем тот угол, при котором он начал свой полет (это, конечно, ограничивается случаями, когда угол возвышения не превышает 15 градусов). Таким образом, чем больше угол возвышения, тем больше приближается к вертикали та линия, по которой снаряд падает на землю; ошибка же в определении расстояния, не превышающая 10 или 20 ярдов,

может совсем исключить возможность поражения цели. При расстояниях, превышающих даже 400 или 500 ярдов, такие ошибки неизбежны, результатом чего является поразительная разница между превосходной стрельбой с измеренными дистанциями на полигоне и отвратительной стрельбой на поле боя, где расстояния неизвестны, предметы движутся, а времени для размышления очень мало. Так и с новыми винтовками — вероятность попадания их на дистанции свыше 300 ярдов на поле боя очень мала, тогда как до 300 ярдов, благодаря низкому полету пули, она очень велика; вследствие этого штыковая атака становится самым эффективным способом выбить неприятеля с позиции, как только атакующие войска приблизятся на такую дистанцию. Предположим, что одна армия имеет винтовки, которые на расстоянии в 400 ярдов дают не более высокую траекторию, чем винтовки их противников на расстоянийв 300 ярдов; в этом случае первые будут иметь то преимущество, что начнут вести эффективный огонь с расстояния на 100 ярдов большего, и так как для атаки с расстояния в 400 ярдов требуется всего три или четыре минуты, то указанное преимущество является немаловажным в решающий момент боя. То же самое относится и к пушке. Десять лет тому назад сэр Говард Дуглас признал самой лучшей такую пушку, которая дает наибольшую дальность при наименьшем угле возвышения. При нарезных пушках значение этого обстоятельства еще более велико, поскольку вероятность ошибки при глазомерном определении дистанции увеличивается вместе с возрастанием дальности стрельбы и поскольку на рикошет можно рассчитывать только при сферических снарядах. Это один из недостатков нарезных пушек; для того чтобы поразить цель, они должны попасть в нее при первом же соприкосновении с землей, тогда как сферический снаряд в случае недолета отскакивает и продолжает свой полет в направлении, очень близком к первоначальному. Таким образом, низкая траектория имеет здесь наибольшее значение, ибо каждый лишний градус угла возвышения уменьшает в возрастающей пропорции вероятность попадания непосредственно в цель, и потому высокая линия полета, какую дают французские пушки, является одним из серьезнейших их недостатков.

Однако вся совокупность недостатков этих пушек венчается и усугубляется одним дефектом, который способен скомпрометировать всю систему. Эти пушки изготовляются тем же инструментом и на основе тех же принципов, которые применялись раньше при изготовлении старых гладкоствольных пушек. При наличии очень большого зазора между снарядом

и каналом ствола у этих старых пушек и при различиях в весе и диаметре снарядов математическая точность в их изготовлении имела лишь второстепенное значение. Вплоть до самых последних лет производство огнестрельного оружия являлось самой отсталой отраслью современной промышленности. В ней весьма широко применялся ручной труд и весьма мало — труд механизированный. Для старого гладкоствольного оружия это могло быть допустимо, но когда возникла необходимость изготовлять оружие, от которого ожидали большой меткости стрельбы на значительных расстояниях, это положение стало нетерпимым. Чтобы добиться одинаковой меткости стрельбы для всех винтовок на расстоянии в 600, 800, 1000 ярдов, а для пушек — на расстоянии в 2000, 4000, 6000 ярдов, стало необходимо, чтобы каждая часть каждой отдельной операции выполнялась самыми совершенными и автоматическими машинами, чтобы одна часть оружия с математической точностью соответствовала другой. Отклонения от математической точности, неощутимые при старой системе, стали теперь такими недостатками, которые делают оружие целиком бесполезным. Французы не усовершенствовали свою старую технику сколько-нибудь заметным образом, и отсюда неточность их стрельбы. Как могут пушки при том же угле возвышения и при всех прочих равных условиях дать одинаковую дальность, если ни одна из них не является тождественной с другими во всех деталях? Однако неточность в изготовлении орудия, дающая на дистанции в 800 ярдов разницу в дальности в 1 ярд, на дистанции в 4000 ярдов даст разницу в 100 ярдов. Можно ли рассчитывать на меткость огня этих пушек при стрельбе на значительные расстояния?

Подведем итоги: французские нарезные пушки плохи, потому что они обязательно имеют зазор, потому что они требуют сравнительно большого угла возвышения и потому что качество их производства вовсе не отвечает требованиям нарезных дальнобойных орудий. Они должны быть вскоре заменены другими системами, иначе французская артиллерия будет стрелять хуже всех в Европе.

Мы умышленно несколько подробнее рассмотрели эти орудия, ибо благодаря этому мы получили возможность изложить главные принципы устройства нарезных пушек. В заключительной статье мы рассмотрим две предлагаемые системы, которые теперь оспаривают друг у друга первенство в Англии. Обе они основаны на заряжании с казенной части, отсутствии зазора и отличном их изготовлении; я имею в виду систему Армстронга и систему Уитворта.

III

Теперь мы переходим к описанию двух видов заряжающихся с казенной части нарезных пушек, которые в настоящее время оспаривают друг у друга первенство в Англии; обе пушки изобретены штатскими и по своей эффективности бесспорно превосходят все, что доныне создано профессиональными артиллеристами; я говорю о пушке Армстронга и пушке Уитворта.

Пушка сэра Уильяма Армстронга имеет то преимущество, что она появилась первой и вызвала похвалу всей прессы и официальных кругов Англии. Она, без сомнения, представляет собой весьма эффективное боевое орудие и значительно превосходит французскую нарезную пушку, однако сомнительно, сможет ли она превзойти пушку Уитворта.

Сэр Уильям Армстронг изготовляет свою пушку путем обматывания по спирали трубы из литой стали двумя слоями труб из кованого железа, причем верхний слой накладывается в противоположном направлении по отношению к нижнему, подобно тому, как ружейные стволы делаются из слоев проволоки. Этим способом изготовляются очень крепкие и прочные, хотя и очень дорогие орудия. Канал снабжен большим количеством узких, плотно прилегающих друг к другу нарезов с одним оборотом по длине пушки. Продолговатый снаряд цилиндрически-оживальной формы сделан из чугуна, но покрыт свинцовой оболочкой, которая делает диаметр снаряда несколько большим, чем диаметр канала ствола; этот снаряд вместе с зарядом вводится с казенной части в камору, достаточно широкую для того, чтобы их вместить; взрыв проталкивает снаряд в узкий канал, где мягкий свинец вдавливается в нарезы и таким образом совершенно уничтожает всякий зазор, сообщая в то же время снаряду спиральное вращательное движение, определяемое крутизной парезов. Этот способ вдавливания снаряда в нарезы и покрытие его необходимым для этого слоем мягкого металла являются

характерными чертами системы Армстронга; и если читатель вспомнит основы устройства нарезной пушки, как они изложены нами в предшествующих статьях, то он согласится, что в принципе система Армстронга совершенно правильна. Так как снаряд имеет больший диаметр, чем канал ствола, то пушка должна непременно заряжаться с казенной части, что кажется нам тоже необходимой чертой всякого нарезного орудия. Однако сам по себе механизм заряжания орудия с казенной части не имеет никакого отношения к принципу той или иной отдельной системы нарезов, но может быть перенесен с одной системы на другую; поэтому мы оставляем его вовсе без рассмотрения.

Дальнобойность и меткость стрельбы, достигаемые этой новой пушкой, представляют нечто удивительное. Снаряд был брошен приблизительно на 8500 ярдов, или почти на 5 миль, а точность, с которой поражалась мишень на расстоянии в 2000 и в 3000 ярдов, значительно превзошла все, что могли в этом отношении дать гладкоствольные пушки на расстояниях в три раза меньших. Несмотря на громкую рекламу английской прессы, интересные в научном отношении детали всех этих опытов все же тщательно сохранялись в тайне. Вовсе не сообщалось, при каком угле возвышения и весе заряда была получена эта дальность; не сообщались подробности о весе снаряда и самой пушки, точные данные об отклонениях боковых и по дальности и т. д. Теперь, наконец, после появления пушки Уитворта, мы узнаем некоторые подробности, по крайней мере, об одной серии опытов. Военный министр г-н Сидни Герберт заявил в парламенте, что 12-фунтовая пушка весом в 8 центнеров, с зарядом в 1 фунт 8 унций пороха, давала дальность полета в 2460 ярдов при угле возвышения в 7 градусов с предельным боковым отклонением в 3 ярда и с предельным отклонением по дальности в 65 ярдов. При угле возвышения в 8 градусов дальность полета равнялась 2797 ярдам; при девяти — свыше 3000 ярдов, причем отклонения оставались почти такими же. Однако угол возвышения от 7 до 9 градусов представляет собой нечто неслыханное в практике гладкоствольной полевой артиллерии. Так, например, официальные таблицы не идут дальше 4 градусов возвышения, при котором 12-фунтовые и 9-фунтовые пушки дают дальность в 1400 ярдов. Всякое большее возвышение в полевых пушках было бы бесполезно, ибо, давая слишком высокую линию полета, оно чрезвычайно уменьшает вероятность попадания в цель. Однако мы располагаем сведениями о некоторых опытах (описанных в книге сэра Говарда Дугласа «Морская артиллерия»[24]) с тяжелыми гладкоствольными корабельными пушками при больших углах возвышения.

Английская длинная 32-фунтовая пушка в Диле в 1839 г. при 7 градусах давала дальность от 2231 до 2318 ярдов; при 9 градусах — от 2498 до 2682 ярдов. Французская 36-фунтовая пушка в 1846 и 1847 гг. при 7 градусах давала дальность в 2270 ярдов, а при 9 градусах — дальность в 2636 ярдов. Это показывает, что при одинаковых углах возвышения дальнобойность нарезных пушек не на много превосходит дальнобойность гладкоствольной пушки.

Пушка Уитворта почти во всех отношениях является противоположностью пушки Армстронга. Ее канал ствола не круглый, а шестиугольный; шаг винтовой нарезки почти вдвое превышает соответствующий показатель пушки Армстронга; снаряд из очень твердого металла без всякой свинцовой оболочки; и если она заряжается с казенной части, то это не вызвано необходимостью, а является делом удобства и внешней формы. Пушка изготовлена из недавно патентованного материала, называющегося «гомогенным железом», большой прочности, эластичности и упругости; снаряд с математической точностью пригнан к каналу ствола, и потому его нельзя ввести в канал, если последний не смазан. Для смазки употребляется смесь воска и жира, помещаемая между зарядом и снарядом, и эта смесь одновременно служит тому, чтобы уменьшить всякий зазор, какой только мог остаться между снарядом и стенками канала ствола. Материал пушки настолько прочен, что он легко выдержит 3000 выстрелов без какого-либо ущерба для канала ствола.

Пушка Уитворта была продемонстрирована публике в феврале этого года, когда был произведен ряд опытов в Саутпорте, на побережье Ланкашира. Были продемонстрированы три пушки: 3-фунтовая, 12-фунтовая и 80-фунтовая; из подробного отчета об этих испытаниях мы выбираем в качестве иллюстрации 12-фунтовую. Эта пушка имела в длину 7 футов 9 дюймов и весила 8 центнеров. Обычная же 12-фунтовая гладкоствольная пушка для сферических снарядов имеет 6 футов 6 дюймов и весит 18 центнеров. Пушкой Уитворта были достигнуты следующие дальности: при 2 градусах возвышения (при которых старая 12-фунтовая пушка дает 1000 ярдов), с зарядом в $1^3/_4$ фунта, дальность колебалась от 1208 до 1281 ярда. При 5 градусах (при которых 32-фунтовая пушка дает 1940 ярдов) дальность была от 2298 до 2342 ярдов. При 10 градусах (дальность старой 32-фунтовой пушки — 2800 ярдов) она составляла в среднем 4000 ярдов. Для больших углов возвышения применялась 3-фунтовая пушка с зарядом в 8 унций; при 20 градусах дальность равнялась от 6300 до 6800 ярдов, а при 33 и 35 гра-

дусах — от 9400 до 9700 ярдов. Старая 56-фунтовая гладкоствольная пушка дает при 20 градусах дальность в 4381 ярд, а при 32 градусах — в 5680 ярдов. Меткость стрельбы, достигнутая пушкой Уитворта, была весьма удовлетворительна, а в отношении бокового отклонения она дала по меньшей мере не худшие результаты, чем пушка Армстронга; что касается отклонений по дальности, то опыты не дают возможности сделать удовлетворительное заключение.

Написано Ф. Энгельсом в марте — апреле 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» №№ 5914, 5926 и 5938;

7, 21 апреля и 5 мая 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

НАСТРОЕНИЯ В БЕРЛИНЕ

Берлин, 10 апреля 1860 г.

Если бы разумный иностранец, посетивший Берлин всего лишь два месяца назад, вернулся в настоящий момент в эту «столицу разума», его не могла бы не поразить полная перемена, происшедшая в облике, тоне и настроениях «meiner lieben Berliner» («моих возлюбленных берлинцев»)[25]. Несколько месяцев тому назад во всех слоях столичного общества распространялись слухи. Люди шепотом поздравляли друг друга с тем, что кошмар десятилетней реакции перестал, наконец, угнетать их, что самое худшее осталось позади. Эта глупая тема перепевалась на все лады, и люди приходили к тому неизбежному запоздалому выводу, что дела приняли новый оборот не в результате мощных и здоровых усилий прусских подданных, а скорее вследствие болезненных явлений в голове прусского короля; что эта перемена явилась результатом не действий человека, а процессов природы. Этот неутешительный вывод даже отравил первые радости новой эры, торжественно возвещенной смертельно-скучными писаками берлинских ежедневных газет. Трусливые настроения настолько преобладали, что, боясь спугнуть новоявленный либерализм принца-регента, всех кандидатов на всеобщих выборах во вторую палату подвергали следующей простой проверке. Выражают ли они доверие гогенцоллернскому правительству, созданному принцем-регентом? Не является ли их имя в каком-либо отношении неприемлемым с точки зрения мягкого либерализма нового правительства? Вместо людей, способных взять на себя защиту нужд страны, нужны были приспешники, заранее готовые голосовать в под-

держку правительства. Что новое правительство на деле не посягнуло на бюрократические и полицейские цепи, выкованные его предшественниками, а его программные заявления отличались нерешительной двойственностью, робкими оговорками и двусмысленным умалчиванием, — на эти факты публика закрывала глаза; к тому же закрывать на это глаза было объявлено патриотическим долгом. Все оппозиционные газеты, называли ли они себя конституционными или демократическими, открыто превратились в правительственные.

После Виллафранкского мира г-н фон Шлейниц, прусский министр иностранных дел, опубликовал своего рода Синюю книгу об Итальянской войне[26]. Его донесения — настоящий образец слабоумного многословия — изобличили его как достойного преемника человека*, заключившего в прошлом столетии Базельский мир, а в нынешнем столетии подготовившего Йенскую катастрофу[27]. Мы увидели, как фон Шлейниц покорно внимал урокам конституционализма из уст маленького Джонни**, этого британского мастера на все руки, увидели, как он ползал в пыли перед князем Горчаковым, как обменивался billets doux*** с героем декабрьского переворота****, как высокомерно выражал неодобрение своему австрийскому коллеге и как, наконец, на него посыпались пинки всех его корреспондентов. Но даже после всего этого прусская печать и наши берлинские либералы приходили в подлинный энтузиазм от сверхчеловеческой мудрости, проявленной прусским правительством, которое, не удовлетворившись своим собственным бездействием, ухитрилось воспрепятствовать каким бы то ни было действиям со стороны Германии.

Вскоре после этого в Бреславле состоялась встреча русского царя и Горчакова, с одной стороны, и принца-регента с его приспешниками-министрами, с другой[28]. Должным образом был подписан новый акт о вассальной зависимости Пруссии от ее московского соседа — первое, но необходимое следствие Виллафранкского мира. Даже в 1844 г. такое событие вызвало бы во всей стране бурю оппозиции. Теперь же этот акт превозносили как доказательство дальновидности и государственной мудрости. Нигилизм внешней политики принца-регента в сочетании с сохранением старой реакционной системы феодализма, смешанного с бюрократизмом, системы, от которой отказались только *номинально,* показался нашим друзьям, берлинским либералам,

* — Гарденберга. *Ред.*
** — Джона Рассела. *Ред.*
*** — любовными посланиями. *Ред.*
**** — Наполеоном III. *Ред.*

и прусской печати всех цветов, за исключением специальных органов старой камарильи, достаточным основанием для того, чтобы заявить претензию на императорскую корону Малой Германии (т. е. Германии без немецкой Австрии) для представителя прусской династии. В анналах истории трудно найти пример подобной слепоты суждения, но мы помним, что после сражения при Аустерлице[29] Пруссия также в течение нескольких дней издавала радостные крики как петух на своей навозной куче, quasi re bene gesta[*].

После окончания Итальянской войны прусская печать с берлинскими газетами во главе являла собой столь же жалкое, сколь отвратительное зрелище; вместо того чтобы отважиться хотя бы на слабую критику глупой дипломатии своих отечественных правителей, вместо того чтобы смело потребовать от «либерального» министерства уничтожить, наконец, в своей внутренней политике глубокую пропасть между номинальным и реальным, вместо того чтобы разоблачить молчаливое, по упорное нарушение гражданской свободы, на которое осмелилась армия мантёйфелевских чиновников, все еще уютно пребывающих в своих старых цитаделях, — вместо всего этого печать поет панегирики величию обновленной Пруссии, мечет свои тупые стрелы против униженной Австрии, протягивает свои бессильные руки к германской императорской короне и, к вящему изумлению всей Европы, ведет себя как помешанная, пребывающая в мире фантазий. В общем, казалось, будто великая международная драма, разыгрывающаяся теперь на европейской арене, касается наших берлинских друзей только как зрителей, которые с галерки или из партера должны аплодировать или свистеть, но не участвовать в качестве действующих лиц.

Все это изменилось теперь как по мановению волшебного жезла. В настоящий момент Берлин, если не считать, может быть, Палермо и Вены, — самый революционный город в Европе. Брожение охватывает все слои населения и кажется более сильным, чем в мартовские дни 1848 года. Что вызвало такую перемену, да еще столь внезапную? Ход событий, и в первую очередь последние подвиги Луи Бонапарта, с одной стороны, и новые реформы в армии[**], предложенные либеральным правительством — с другой. Далее, обстановка доверия и преднамеренного самообмана не могла, конечно, сохраняться вечно. Кроме того, происшествия, которые заставили кабинет уволить

[*] — как если бы все было хорошо. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 17—22. *Ред.*

полицейдиректора Штибера, низкого преступника, который вместе со своим хозяином, покойным Хинкельдеем, с 1852 г. осуществлял верховную власть в Пруссии, и, наконец, последнее, но не менее важное обстоятельство, опубликование переписки Гумбольдта с Варнхагеном фон Энзе[30] — все это довершило остальное. Дыхание загробного мира рассеяло мираж.

Написано К. Марксом 10 апреля 1860 г.

Напечатало в газете «New-York Daily Tribune» № 5932, 28 апреля 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

СИЦИЛИЯ И СИЦИЛИЙЦЫ

История человечества не знает другой такой страны и другого такого парода, которые бы столь мучительно страдали от рабства, от завоеваний и иностранного гнета и которые столь неутомимо боролись бы за свое освобождение, как Сицилия и сицилийцы. Почти с той поры, когда Полифем совершал свои прогулки у Этны, а Церера обучала сикулов[31] искусству земледелия, и до наших дней Сицилия была местом беспрерывных вторжений и войн и упорного сопротивления. Сицилийцы представляют собой продукт смешения почти всех северных и южных рас: прежде всего, аборигенов-сиканов с финикийцами, карфагенянами, греками, а также с рабами со всех частей света, ввозимыми на остров путем торговли или в результате войн, а затем арабов, норманнов и итальянцев. При всех этих превращениях и видоизменениях сицилийцы сражались и продолжают сражаться за свою свободу.

Более тридцати столетий тому назад аборигены Сицилии всеми силами сопротивлялись более совершенному оружию и военному искусству карфагенских и греческих завоевателей. Их заставляли платить дань, но ни те, ни другие не могли полностью покорить их. Долгое время Сицилия служила ареной борьбы между греками и карфагенянами; ее население было разорено, а часть его обращена в рабство; ее города, населенные карфагенянами и греками, были главными центрами, откуда гнет и рабство распространялись на всю внутреннюю часть острова. Но эти древние сицилийцы никогда не упускали случая, чтобы выступать за свободу или, по крайней мере, мстить, как только можно, своим карфагенским повели-

телям и Сиракузам. Наконец, римляне покорили и карфагенян и сиракузцев и продали в рабство всех, кого смогли. Однажды было продано таким образом 30000 жителей Панорма, нынешнего Палермо. Римляне обрабатывали землю в Сицилии, используя бесчисленные отряды рабов, чтобы накормить с помощью сицилийской пшеницы неимущих пролетариев Вечного города. Для этого они не только обращали в рабство жителей острова, но и ввозили туда рабов из всех своих прочих владений. Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей Рима или с ораторским искусством Цицерона, знает о страшных жестокостях римских проконсулов, преторов и префектов. Пожалуй, ни в одном другом месте римская жестокость не справляла таких сатурналий, как здесь. Неимущие свободные горожане и крестьяне, которые не могли уплачивать требуемой с них разорительной дани, безжалостно продавались в рабство — сами или их дети — сборщиками налогов.

Тем не менее, и при Дионисии Сиракузском, и при римском владычестве в Сицилии вспыхивали страшные восстания рабов, в которых зачастую туземцы и ввезенные на остров рабы боролись сообща. В эпоху распада Римской империи в Сицилию вторгались многие завоеватели. Затем на некоторое время ею завладели мавры; но сицилийцы — и прежде всего коренные жители, населяющие внутреннюю часть острова, — все время оказывали более или менее успешное сопротивление и шаг за шагом отстаивали или завоевывали различные мелкие вольности. И едва стала заниматься заря над мраком средневековья, как сицилийцы уже не только завоевали целый ряд муниципальных вольностей, но и выработали зародышевые формы конституционного правления, какого тогда еще нигде не существовало. Раньше чем любая другая европейская нация, сицилийцы. путем голосования регулировали доходы своих правительств и государей. Таким образом, сицилийская почва издавна оказывалась смертельной для угнетателей и завоевателей, а Сицилийская вечерня останется навеки бессмертной в истории[32]. Когда Арагонская династия поставила сицилийцев в зависимость от Испании, они сумели сохранить в большей или меньшей неприкосновенности свои политические вольности, и этого они добились как при Габсбургах, так и при Бурбонах. Когда французская революция и Наполеон изгнали из Неаполя царствовавшую там тираническую династию, сицилийцы, подстрекаемые и соблазняемые английскими обещаниями и гарантиями, приняли к себе беглецов и, борясь с Наполеоном, защищали их своей кровью и поддерживали своими деньгами. Каждый знает, какой изменой отплатили им впоследствии

Бурбоны и какими уловками и бессовестными опровержениями Англия пыталась и пытается до сих пор замаскировать вероломство, с которым она предала на милость Бурбонов сицилийский народ и его вольности.

В настоящее время политический, административный и фискальный гнет тяготеет над всеми классами народа; вот почему эти обиды выдвигаются на первый план. Но почти вся земля находится до сих пор в руках сравнительно небольшого числа крупных землевладельцев или баронов. Средневековая система землевладения до сих пор сохраняется в Сицилии, с той лишь разницей, что земледелец не является крепостным; он вышел из крепостной зависимости примерно в XI столетии, когда стал свободным арендатором. Но условия этой аренды по большей части настолько тяжелы, что огромное большинство земледельцев работает исключительно на сборщика налогов и на барона, почти ничего не производя сверх того, что необходимо для уплаты налогов и ренты. Сами они живут или в полной нищете, или, по меньшей мере, в сравнительной бедности. Хотя они выращивают знаменитую сицилийскую пшеницу и прекрасные фрукты, сами они круглый год нищенски питаются одними бобами.

Теперь Сицилия опять истекает кровью, а Англия спокойно смотрит на эти новые сатурналии гнусного Бурбона и его не менее гнусных духовных и светских креатур, иезуитов и гвардейцев[33]. Суетливые ораторы в британском парламенте сотрясают воздух пустой болтовней относительно Савойи и опасностей, грозящих Швейцарии, но не произносят ни единого слова о резне, происходящей в сицилийских городах. Во всей Европе не слышно ни одного негодующего голоса. Ни один правитель и ни один парламент не объявляют вне закона кровожадного неаполитанского идиота. Лишь Луи-Наполеон в тех или иных целях — конечно, не из любви к свободе, а ради возвеличения своей династии или ради усиления французского влияния — может, пожалуй, остановить резню, устраиваемую этим мясником. Англия подымет вой по поводу измены, будет метать громы и молнии, протестуя против наполеоновского вероломства и тщеславия, но выиграют в конце концов неаполитанцы и сицилийцы, даже если они получат Мюрата или какого-нибудь другого нового правителя. Всякая перемена будет к лучшему.

Написано К. Марксом в конце апреля — начале мая 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5948, 17 мая 1860 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ НАПОЛЕОНА НА РЕЙНЕ

I

Берлин, 1 мая 1860 г.

Мнение, что Луи Бонапарт намеревается поставить на очередь германский вопрос, преобладает среди всех классов здешнего общества. В сегодняшнем номере «National-Zeitung» один корреспондент утверждает даже, что, как ему известно из самых достоверных источников, Баденге (как в Париже фамильярно называют Луи Бонапарта)[34] определенно решил предпринять кампанию на Рейне и что несколько недель тому назад лорд Джон Рассел, узнав об этом плане, поднялся со своего места, чтобы встревожить палату общин свирепой бранью по адресу французского императора и неожиданным заявлением, что Англия намерена теперь искать новых союзников. Тон и настроение французской полуофициальной печати отнюдь не рассеивают эти опасения. Прочтите, например, следующую выдержку из корреспонденции агентства Бюлье[35] — парижского издания, из которого черпает свое вдохновение большинство провинциальных французских журналистов.

«Один из моих друзей, любитель шутливых пророчеств, сказал мне на днях: «Вы еще увидите, что император отправится на Рейн с целью предложить прусскому королю союз, а заодно и небольшое исправление границ». На это я ответил цитатой из памфлета «Наполеон III и Италия»: «Вопрос о территориальных изменениях лучше решать дружественным путем, чем быть вынужденным к этому на следующий день после победы»».

Вскоре после заключения торгового договора с Англией французское правительство сделало намек прусскому посланнику в Париже, что предложение заключить подобный договор между Францией и Таможенным союзом[36] встретило бы благоприятный прием; однако прусское правительство ответило,

что Таможенный союз отнюдь не имеет желания заключать такой договор, и это возбудило удивление и недовольство, выраженные в весьма невежливой форме. К тому же прусское правительство получило в то время полную информацию о переговорах, которые агенты Луи Бонапарта незадолго до этого начали с баварским двором с целью побудить последний уступить Франции крепость Ландау, оставленную, как они говорили, за Францией в силу договора 1814 г., но затем несправедливо отобранную у нее по договору 1815 года[37]. Таким образом, распространенные среди населения слухи об угрожающем разрыве с Францией подкрепляются подозрениями официальных кругов.

В настоящий момент положение Пруссии в некоторых отношениях весьма сходно с положением Австрии после окончания Восточной войны. Тогда казалось, что Австрия извлекла наибольшие выгоды по сравнению с другими державами. Она льстила себя мыслью, что, не причиняя себе никаких хлопот, кроме мобилизации своих войск, она унизила своего опасного соседа — Россию. Сыграв роль вооруженного посредника, в то время как западным державам пришлось нести всю тяжесть войны, Австрия после заключения мира могла вообразить, что с помощью вооруженных сил западных союзников она уничтожила преобладание, которое Россия получила над ней со времени венгерских событий 1849 года[38]. И в самом деле, венскому кабинету было высказано в то время немало комплиментов по поводу его искусной дипломатической тактики. Однако в действительности двусмысленная позиция, занятая Австрией во время Восточной войны, лишила ее союзников и дала Луи Бонапарту возможность *локализовать* Итальянскую войну. В свою очередь, Пруссия в течение Итальянской войны сохранила в неприкосновенности свои ресурсы. Она держала оружие наготове, но не пускала его в ход и довольствовалась тем, что вместо крови своих солдат проливала послушные чернила своих политических мудрецов. После Виллафранкского мира Пруссия с помощью французских побед, казалось, ослабила своего соперника, Габсбургскую династию, и открыла себе путь к гегемонии в Германии. Однако сама мотивировка объявления Виллафранкского мира должна была рассеять иллюзии, во власти которых она находилась. В то время как Луи Бонапарт объявил, что прусские вооружения и угрозы возможной интервенции притупили меч Франции, Австрия, в свою очередь, заявила, что ее сила сопротивления разбилась о двусмысленный нейтралитет Пруссии. В течение всей войны Пруссия делала заявления, которые нелепым образом противоречили ее поступкам.

Перед Австрией и мелкими немецкими государствами она ссылалась на свои обязанности в качестве европейской державы; перед Англией и Россией она ссылалась на свои обязательства как главной германской державы и, основывая свои претензии на этих лицемерных отговорках, она требовала, чтобы Франция признала ее вооруженным посредником в Европе. В соответствии со своими притязаниями называться германской державой par excellence* она позволила России в неслыханно оскорбительном циркуляре запугивать дворы мелких немецких государств[39], а в лице господина Шлейница робко выслушивала пространные лекции лорда Джона Рассела о «конституционном» праве наций.

Свои притязания на роль европейской державы Пруссия подтвердила тем, что успокоила воинственные порывы мелких немецких государей и попыталась использовать военные поражения Австрии для присвоения себе роли, ранее принадлежавшей ее сопернице в органах Германского союза. Когда, наконец, успехи французского оружия вынудили ее занять некоторое подобие воинственной позиции, она натолкнулась на холодное сопротивление мелких немецких государств, которые едва сочли нужным скрывать свое недоверие к конечным целям прусского двора. Виллафранкский мир застал Пруссию совершенно изолированной не только в Европе, но и в Германии, а последовавшая затем аннексия Савойи, значительно сократив незащищенную границу Франции, сильно увеличила ее шансы на победоносную кампанию на Рейне.

Ввиду этих обстоятельств политическая линия, которую Пруссия стремилась теперь проводить как в своей внутренней, так и во внешней политике, представляется одинаково ошибочной. Несмотря на всю хвастливую декламацию на страницах прусских газет и в палатах представителей, ничто не изменилось в ее внутренних делах, кроме фразеологии ее чиновников. Предложения о реформе армии, отнюдь не предусматривающие увеличения ее военной мощи на случай крайней необходимости, имеют целью непрерывное увеличение постоянной армии, и без того слишком большой, переобременение финансов, и без того уже чрезмерно напряженных, и уничтожение единственного демократического учреждения страны — ландвера[40]. Все реакционные законы о печати, о праве союзов, о городском управлении, о взаимоотношениях между помещиками и крестьянами, о бюрократической опеке, о вездесущей полиции — все это тщательно сохраняется. Даже позорные положения о браках

* — по преимуществу. *Ред.*

между дворянами и простыми смертными до сих пор не отменены. Самая идея восстановления конституции, опрокинутой coup d'etat*, подвергается осмеянию как сумасбродная фантазия.

Приведу лишь один пример гражданской свободы, которой пользуются теперь прусские подданные. В худший период реакции один уроженец Рейнской Пруссии** был осужден пристрастно подобранным судом присяжных к семи годам заключения в прусской крепости за так называемое политическое преступление. Отбыв срок своего наказания, которое либеральное правительство не сократило, он отправился в Кёльн, откуда полиция не замедлила его выгнать. Тогда он направился в свой родной город, но, как это ни странно, был уведомлен властями, что по причине семилетнего отсутствия он утратил свое право гражданства и должен искать новое местожительство. Возражение, что его отсутствие было не добровольным, не привело ни к чему. Из Берлина, куда он затем прибыл, он был также удален под тем предлогом, что не мог указать на другие источники существования, кроме личных возможностей работать и применять свои знания, так как все его состояние было израсходовано во время заключения. В конце концов он отправился в Бреславль, где один его старый знакомый устроил его при себе в качестве агента; но однажды утром он был вызван в полицию, где ему было объявлено, что разрешение на пребывание в городе может быть продлено ему только на несколько недель, если тем временем он не приобретет права гражданства в Бреславле. При его обращении к муниципальным властям Бреславля ему чинились всяческие мелкие препятствия, но когда благодаря хлопотам энергичных друзей эти препятствия были устранены и его прошение о гражданстве было, наконец, удовлетворено, то вместе с правом гражданства он получил огромный счет с перечислением множества взносов, подлежащих оплате каждым смертным, который имеет счастье быть принятым в ряды бреславльских граждан. И если бы друзья его не собрали в складчину требуемой суммы, этот прусский подданный, подобно Вечному жиду, не нашел бы в своем славном отечестве места, где преклонить голову.

* — государственным переворотом. *Ред.*
** — Нотьюнг. *Ред.*

II

Берлин, 2 мая 1860 г.

В течение целого ряда месяцев прусское правительство льстило себя напрасной надеждой, что его признают вооруженным посредником Европы и что оно воздвигнет на обломках габсбургской империи здание величия Гогенцоллернов. Но после заключения Виллафранкского мира оно, по-видимому, почувствовало те огромные опасности, которые таит в себе будущее. Его нерешительная, колеблющаяся и в то же время вероломная политика лишила его союзников, и даже фон Шлейниц, чьи многоречивые послания стали предметом неистощимых шуток в дипломатическом мире, вряд ли мог скрыть от самого себя ту истину, что как только внутреннее положение Франции снова заставит декабрьского героя* устремиться за пределы Франции, Пруссия безусловно станет объектом новой локализованной войны.

Разве Луи-Наполеон не обронил в момент мнимой откровенности несколько слов о том, что он-де знает, в чем нуждается Германия — в единстве, что он является тем человеком, который даст ей это единство и что рейнские провинции не будут слишком дорогой ценой за столь драгоценное приобретение? В полном соответствии с прошлыми традициями Пруссии, первой мыслью принца-регента и его сателлитов было апеллировать к милосердию России. Разве Фридрих-Вильгельм I не приобрел Померанию по договору о разделе, заключенному с Петром Великим против шведского короля Карла XII[41]? Разве Фридрих II не одержал победу в Семилетней войне и не захватил Силезию, благодаря тому что Россия покинула своего австрийского союзника[42]? Разве несколько разделов Польши[43], произведенных по замыслам берлинского и петербургского дворов, не раздули границ миниатюрной прусской монархии? Разве

* — Наполеона III. *Ред.*

беспредельное раболепие Фридриха-Вильгельма III, поддерживавшего в 1814 г. Александра I, в то время как Англия, Австрия и Франция проявляли некоторые симптомы оппозиции и сопротивления, не было вознаграждено на Венском конгрессе присоединением Саксонии и рейнских провинций к Пруссии[44]? Одним словом, Пруссия в своих покушениях на Германию всегда пользовалась покровительством и поддержкой России, конечно, при особом условии — помогать этой державе в деле подчинения граничащих с ней стран и играть роль ее смиренного вассала на европейской арене. В октябре 1859 г. принц-регент и Александр II, окруженные дипломатами, генералами и придворными, встретились в Бреславле для заключения договора, статьи которого до сих пор остались непостижимой тайной не для Луи Бонапарта или лорда Пальмерстона, а для прусских подданных, либеральные представители которых, конечно, оказались слишком учтивыми, чтобы обращаться с запросом к министру иностранных дел г-ну фон Шлейницу по столь деликатному вопросу. Однако достоверно то, что бонапартистская пресса не выразила тревоги по поводу совещания в Бреславле; что с тех пор отношения между Россией и Францией стали еще более демонстративно близкими; что это совещание не помешало Луи Бонапарту захватить Савойю, угрожать Швейцарии, высказывать намеки относительно некоторых неизбежных «исправлений рейнских границ» и, наконец, что сама Пруссия, несмотря на утешительную перспективу снова получить позволение быть авангардом России, в самое последнее время жадно ухватилась за приманку союза с Англией, приманку, брошенную в Лондоне только для того, чтобы в течение одной или двух недель развлекать английскую палату общин.

Однако неосторожность лорда Джона Рассела, проговорившегося в Синей книге о заигрывании г-на фон Шлейница с Тюильри во время недавней Итальянской войны[45], нанесла смертельный удар англо-прусскому союзу; прусское правительство некоторое время считало этот союз действительно реальным планом, но в Лондоне все видели в нем не что иное как фразу, за которой скрывался парламентский трюк. В конце концов, несмотря на совещание с Александром II в Бреславле и несмотря на начатые лордом Джоном Расселом «поиски новых союзников», Пруссия теперь, как и после Виллафранкского мира, оказывается совершенно изолированной перед лицом французской теории естественных границ[46].

Можно ли поверить тому, что при таких тяжелых обстоятельствах единственное средство, которое пришло на ум прусскому правительству, заключается в том, чтобы возобновить

свой план создания Малой Германии во главе с одним из Гогенцоллернов и при помощи самых дерзких провокаций не только отбросить Австрию во враждебный лагерь, но и оттолкнуть от себя всю Южную Германию? Однако как ни неправдоподобно это может показаться — тем более неправдоподобно, что эта политическая линия усердно рекомендуется бонапартистской прессой, — дело обстоит именно так. Чем ближе опасность, тем более обнаруживается намерение Пруссии продемонстрировать свое стремление к новому расколу Германии. Кстати, весьма вероятно, что после удара, нанесенного Австрии, Германия заинтересована в том, чтобы такой же удар был нанесен Пруссии, дабы избавиться от «обеих династий»; но во всяком случае никто не заподозрит принца-регента и г-на фон Шлейница в том, что они руководствуются столь пессимистическими принципами. Со времени Виллафранкского договора тенденции политики регента обнаруживались в мелких газетных стычках и непродолжительных случайных дебатах по итальянскому вопросу, но 20 апреля секрет был полностью обнаружен в прусской нижней палате во время дебатов по гессенскому вопросу.

Я уже разъяснял этот гессенский вопрос вашим читателям[47] и поэтому ограничусь теперь объяснением в нескольких словах главных пунктов, вокруг которых велись дебаты. Когда гессенская конституция 1831 г. была уничтожена курфюрстом в 1849—1850 гг. с благословения Австрии, Пруссия некоторое время делала вид, что она желает поднять меч от имени протестующей палаты представителей; но в ноябре 1850 г. при встрече князя Шварценберга и барона Мантёйфеля в Ольмюце, когда Пруссия полностью капитулировала перед Австрией, признала восстановление старого германского сейма[48], предала Шлезвиг-Гольштейн и отреклась от всех своих притязаний на гегемонию, она отказалась также и от своих рыцарских выступлений в защиту гессенской конституции 1831 года.

В 1852 г. курфюрст даровал новую конституцию, которая гарантировалась германским сеймом, несмотря на протест гессенского народа. После Итальянской войны этот вопрос был снова поставлен на обсуждение по тайному подстрекательству Пруссии. Гессенские палаты снова высказались за законность конституции 1831 г., и во франкфуртский сейм стали поступать новые петиции, требующие ее восстановления. Тогда Пруссия заявляла, что конституция 1831 г. является единственно законной, но, как она предусмотрительно добавляла, эту конституцию следовало бы приспособить к монархическим принципам сейма. С другой стороны, Австрия утверждала, что законной является конституция 1852 г., но ее следует исправить

в либеральном направлении. Таким образом, спор шел о мелочах и носил чисто софистический характер. Суть его заключалась в пробе сил Гогенцоллернов и Габсбургов внутри Германского союза. Значительное большинство сейма вынесло, наконец, решение в пользу конституции 1852 г., то есть в пользу Австрии и против Пруссии. Мотивы, которые повлияли на позицию мелких немецких государств, были очевидны. Эти государства знали, что Австрия слишком занята своими внешнеполитическими затруднениями и слишком непопулярна, чтобы стремиться к чему-либо большему, чем сохранение общего status quo* в Германии, в то время как они подозревали, что Пруссия вынашивает честолюбивые планы нововведений. Не признав правомерной резолюцию, принятую сеймом в 1851 г., они поставили бы под угрозу правомерность всех других резолюций сейма, начиная с 1848 года. И, наконец, последнее, но не наименее важное — им не нравилась прусская стратегия диктата по отношению к мелким немецким государям и покушения на их суверенитет под предлогом поддержки жалоб гессенского народа на курфюрста. Поэтому предложение Пруссии провалилось.

И вот 20 апреля, когда этот вопрос стал предметом дебатов берлинской палаты депутатов, г-н фон Шлейниц определенно заявил от имени прусского правительства, что Пруссия не будет считать себя связанной решением германского сейма; что в 1850 г., когда вырабатывалась прусская конституция, германского сейма не существовало, ибо это учреждение было сметено бурей 1848 года; из этого следовало, что все резолюции германского сейма, противоречившие планам прусского правительства, лишались законной силы; и, наконец, что фактически германский сейм не существует, хотя Германский союз, конечно, продолжает существовать. Можно ли представить себе какой-либо более безрассудный шаг со стороны прусского правительства? Австрийское правительство объявило несуществующим старое государственное устройство Германской империи, после того как Наполеон I действительно уничтожил ее. Габсбург тогда лишь констатировал факт. Гогенцоллерн же, наоборот, объявляет теперь недействительной конституцию Германского союза в тот момент, когда Германии угрожает внешняя война, как бы для того, чтобы предоставить герою декабря законный предлог для заключения сепаратных союзов с мелкими немецкими государствами, которым до сих пор законы сейма мешали действовать таким образом. Если бы

* — существующего порядка, существующего положения. *Ред.*

Пруссия провозгласила правомерность революции 1848 г. и объявила недействительными все контрреволюционные законы, изданные ею самой и сеймом после 1848 г., если бы она восстановила институты и законы революционной эпохи, она завоевала бы сочувствие всей Германии, в том числе и австрийской части Германии.

Теперь же она лишь вызвала раскол среди немецких государей, не объединив немецкого народа. Фактически она открыла дверь, чтобы впустить зуавов.

Написано К. Марксом в начале мая 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5950, 19 мая 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Вторая часть статьи на русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ГАРИБАЛЬДИ В СИЦИЛИИ. — ПОЛОЖЕНИЕ В ПРУССИИ [49]

Берлин, 28 мая 1860 г.

Главной темой разговоров здесь, как и во всей Европе, разумеется, служат подвиги Гарибальди в Сицилии. Вам должно быть известно, что еще никогда телеграфом не злоупотребляли столь бессовестным образом, как это делается сейчас в Неаполе и Генуе или в Турине. Никогда еще саранча не налетала на Европу в таком количестве, в каком теперь летают телеграфные «утки». Поэтому было бы целесообразно вкратце изложить точку зрения на сицилийские дела наиболее компетентных здешних военных кругов. Прежде всего общеизвестно, что до прибытия Гарибальди восстание продолжалось целый месяц; но как ни первостепенно значение этого факта, его могут переоценить, как показала парижская газета «Constitutionnel»[50]. До прибытия генерала Ланца с подкреплениями в Сицилию, находившиеся там неаполитанские войска едва ли насчитывали 20000 человек, основную часть которых пришлось сосредоточить в крепостях Палермо и Мессины, так что летучий отряд, выделенный для преследования повстанцев, мог похвалиться успехами в нескольких стычках, мог рассеять противника в отдельных пунктах и беспокоить его в различных направлениях, по он показал свою полную неспособность окончательно подавить восстание. В настоящее время в Палермо, по-видимому, сгруппировано около 30000 неаполитанских войск, причем две трети этих войск занимают крепость, а одна треть расположена лагерем в ее окрестностях. Как сообщают, в Мессине находится 15000 неаполитанцев. Что касается Гарибальди, то, согласно последним сообщениям, он не продвинулся дальше Монреале. Правда, этот город расположен на холмах,

господствующих над Палермо со стороны суши, но для использования преимуществ, которые дает эта позиция, у Гарибальди не хватает главного — осадной артиллерии. Следовательно, в ближайшее время успех Гарибальди, армия которого насчитывает около 12000 человек, будет зависеть от двух главных обстоятельств: от быстроты распространения восстания на весь остров и от позиции неаполитанских солдат в Палермо. Если последние станут колебаться и у них начнутся столкновения с находящимися в их рядах иностранными наемниками, оборонительные сооружения Ланца могут рассыпаться как карточный домик. Если восстание приобретет весьма значительный размах, армия Гарибальди вырастет до еще более грозных размеров. Если Гарибальди удастся овладеть Палермо, он сметет на своем пути все, кроме Мессины, где перед ним снова встанет трудная задача. Вспомните, что в 1848—1849 гг. неаполитанцы потеряли все, кроме Мессины, которая служит как бы tete-depont[*] между Сицилией и Неаполем; но удержать Мессину тогда оказалось достаточным, чтобы отвоевать весь остров. На этот раз, однако, падение Палермо и завоевание патриотами всего острова, кроме Мессины, ввиду изменившейся политической обстановки, должно иметь более решающие результаты, чем в 1848—1849 годах. Если Гарибальди овладеет Палермо, «король Италии» окажет ему официальную поддержку. Если Гарибальди потерпит поражение, его поход будет объявлен частной авантюрой. В словах Гарибальди звучит иронический пафос, когда, обращаясь к Виктору-Эммануилу, он говорит, что завоюет для него новую провинцию, но надеется, что король не продаст ее, как продал Ниццу — родину Гарибальди.

В политической жизни Пруссии внимание общества, естественно, сосредоточено главным образом на частном письме принца Прусского английскому принцу-супругу[51]; копия этого письма была передана министру иностранных дел Пруссии г-ну фон Шлейницу послом Луи Бонапарта в Берлине, князем де Латур д'Овернь, который не ограничился подобной дерзостью, но еще и осмелился потребовать объяснения некоторых мест письма, касающихся репутации и планов великого парижского saltimbanque[**], Этот инцидент напоминает аналогичный случай, имевший место незадолго до ратификации Ункяр-Искелесийского мирного договора в 1833 году[52]. Великий визирь, отославший в британское посольство в Константинополе копию тайного договора, составленного графом Орловым,

[*] — предмостным укреплением. *Ред.*
[**] — скомороха. *Ред.*

был весьма смущен, когда на другой день, к его не совсем приятному изумлению, граф Орлов вернул ему ту же копию, с раздражением пожелав на будущее выбирать более надежных поверенных. В Берлине все убеждены, что письмо принца-регента, отправленное почтой через *Остенде,* а не через *Кале,* было вскрыто на английском почтамте, где многочисленный персонал заведомо занят просмотром подозрительных писем. Эта практика достигла такого распространения, что во времена коалиционного министерства граф Абердин признался, что он не рискует доверять почте собственные письма к своим столичным друзьям. Предполагают, что лорд Пальмерстон, заполучив таким образом копию письма принца-регента, передал ее в распоряжение французского посла в Лондоне из вражды к принцу Альберту и в интересах англо-франко-русского союза. Во всяком случае столь оживленно обсуждавшиеся перспективы англо-прусского союза отнюдь не блестящи.

Несколько месяцев тому назад, когда лорд Джон Рассел в одно прекрасное утро заявил, что Англия должна искать новых союзников, и после того как этот намек был с детским энтузиазмом подхвачен в официальных кругах Берлина, неожиданно в английских парламентских отчетах была обнародована депеша лорда Блумфилда, адресованная министерству иностранных дел на Даунинг-стрит[53], в которой излагалась его частная беседа с г-ном фон Шлейницем во время недавней Итальянской войны, серьезно компрометирующая честные намерения прусской внешней политики. Лорд Джон тогда признал, что допустил бестактность самого странного свойства, однако новому союзу был нанесен первый удар. Вторым ударом послужило то, что письмо принца-регента было доставлено не по адресу.

Вам, вероятно, известно, что в своей тронной речи принц весьма подчеркнуто говорил о прочности договорных обязательств и о едином фронте, который Германия готова противопоставить любым посягательствам на независимость и целостность немецкого отечества. Неблагоприятное впечатление, произведенное на парижскую биржу этой прямой угрозой, было смягчено с помощью русской газеты «Nord», которая в тоне иронически снисходительной bonhomie[*] лишает речь принца всякого серьезного значения, напоминает об аналогичных фразах, высказанных им во время Итальянской войны, и в заключение расценивает всю эту часть тронной речи лишь как желание угодить настроениям народа. Что касается остальной части речи принца, то по существу она является лишь перечнем неу-

[*] — доброжелательности. *Ред.*

дач в области законодательства. Немногочисленные важные законопроекты, которые обсуждались в палатах, — законопроекты о браке, о муниципальном управлении и о реформе поземельного налога, от которого дворянство все еще избавлено в большей части королевства, — оказались мертворожденными. Кроме того, принц выразил недовольство тем, что предложенные им самим меры, касающиеся реформы в армии, до сих пор не приобрели силы закона.

Хотя правительство оказалось неспособным даже в нынешней палате представителей, значительное большинство которой составляют сторонники правительства, провести предложенную им реформу армии, оно, наконец, добилось дополнительного ассигнования девяти с половиной миллионов долларов на военные расходы; между тем одновременно, как мне известно по письмам из провинций, задуманные изменения в организации армии без шума, но основательно проводятся в жизнь, с тем чтобы палатам, когда они вновь соберутся, ничего не оставалось делать, как санкционировать то, что к тому времени уже станет fait accompli*. Сущность задуманной военной реформы излагается в русско-немецком ежемесячном журнале «Baltische Monatsschrift», который издается в Риге и печатается с разрешения русского генерал-губернатора Лифляндии, Эстляндии и Курляндии.

«Реформа прусской армии», — пишет журнал, — «предложенная непосредственно после заключения Виллафранкского мира, имеет, по-видимому, лишь одну цель — освободить правительство от необходимости апеллировать непосредственно ко всей нации, что при старой военной системе становилось неизбежным всякий раз, когда правительство считало нужным подкрепить свою политику военными демонстрациями. При современном политическом положении в Европе государство, которое, подобно Пруссии, все еще добивается своего полного признания в качестве великой державы, не в состоянии ни нарушать мирную жизнь страны всякий раз, когда встает необходимость продемонстрировать свою военную мощь, ни гарантировать каждый раз населению, что призыв его к оружию действительно связан с началом войны. В системе ландвера таится некое демократическое противодействие монархическим принципам. Мобилизации 1850 и 1859 гг., последовавшие одна за другой через сравнительно короткий промежуток времени и оба раза завершившиеся не войной, а демобилизацией, по-видимому, подорвали доверие значительной части населения Пруссии даже к внешнеполитическому курсу государства. Сами обстоятельства, сопровождавшие обе мобилизации, видимо, позволили народу сделать вывод, что правительство каждый раз, прежде чем объявлять всеобщую мобилизацию, обязано получать согласие общественного мнения. Даже официальные заявления Пруссии относительно **ее** позиции во время Итальянской войны содержат признание, что мобилизация ландвера встретила *неожиданные трудности»*.

* — совершившимся фактом. *Ред.*

Отсюда русско-германский журнал делает вывод, что Пруссии следует избавиться от системы ландвера в ее нынешней форме, но в то же время намекает с иронической усмешкой, что «такое изменение одного из самых популярных институтов именно в тот момент, когда прусское правительство подчеркивает свой либерализм», представляется весьма затруднительным. Здесь следует отметить, что «Baltische Monatsschrift», этот журнал, издающийся в Риге под опекой царизма, до известной степени является как бы дополнением к газете «Strasburger Korrespondent», издающейся в Страсбурге под бонапартистским покровительством. Оба органа бряцают оружием на германских границах, один с востока, другой с запада. Авторов первого можно рассматривать как литературных казаков, авторов второго — как литературных зуавов. Оба афишируют свою глубокую любовь к Германии и изощряются в мудрых советах той стране, до использования языка которой они к тому же снисходят; Оба стараются подготовить Германию к предстоящим великим преобразованиям и оба сильно отзывают душком entente cordiale*, именно сейчас объединяющего парижский цезаризм с петербургским царизмом; но этим сходство ограничивается, Страсбургская газета, хотя и пропитана специфическим духом фальшивого мелодраматического благородства, характерным для литературной богемы французской Второй империи, все же отличается простым языком, свойственным Южной Германии. Она стремится показать себя сторонницей здравого смысла и отнюдь не претендует на какую-либо литературную изысканность. Наоборот, рижский ежемесячник щеголяет дидактическим величием и метафизическим глубокомыслием в духе традиций Кёнигсбергского университета. Впрочем, я рассматриваю взрывы патриотического гнева, с которыми немецкая пресса обрушивается как на «Monatsschrift», так и на «Korrespondent», особенно на последнего, как глупое проявление детской беспомощности.

Написано К. Марксом 28 мая 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5972, 14 июня 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — сердечного согласия. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ГАРИБАЛЬДИ В СИЦИЛИИ

После ряда самых противоречивых известий мы, наконец, получили, по-видимому, довольно достоверные сведения относительно подробностей изумительного похода Гарибальди из Марсалы в Палермо. Это, поистине, один из наиболее удивительных военных подвигов нашего столетия, и он был бы почти необъясним, если бы престиж революционного генерала не предшествовал его триумфальному маршу. Успех Гарибальди доказывает, что королевским войскам Неаполя все еще внушает ужас человек, который всегда высоко нес знамя итальянской революции перед лицом французских, неаполитанских и австрийских батальонов, и что сицилийский народ не потерял веры в него и в дело национального освобождения.

6 мая два парохода покинули Генуэзское побережье, имея на борту около 1400 вооруженных солдат, разбитых на семь рот, из которых каждая должна, очевидно, стать ядром батальона, набираемого среди повстанцев. 8-го они высадились в Таламоне на Тосканском побережье и, пользуясь разными доводами, убедили коменданта тамошнего форта снабдить их углем, боевыми припасами и четырьмя полевыми орудиями. 10-го они вошли в Марсальскую гавань, расположенную в крайней западной оконечности Сицилии, и высадились там со всей своей материальной частью, несмотря на прибытие двух неаполитанских военных кораблей, которые оказались бессильными в нужный момент помешать высадке; версия о вмешательстве англичан в пользу повстанцев оказалась лишенной всякого основания, и ее отбросили теперь даже сами неаполитанцы, 12 мая этот небольшой отряд выступил в поход на Салеми, находящийся

в 18 милях от побережья на пути к Палермо. Здесь, по-видимому, руководители революционной партии встретились с Гарибальди, чтобы обсудить с ним положение, и стянули повстанческие подкрепления, достигавшие приблизительно 4000 человек. В то время как подкрепления формировались, восстание, которое несколько недель тому назад потерпело поражение, но не было окончательно подавлено, вспыхнуло с новой силой во всех горных местностях Западной Сицилии и, как выяснилось 16-го, развивалось не без успеха. 15 мая Гарибальди со своими 1400 организованных волонтеров и 4000 вооруженных крестьян продвинулся через горы к северу и подошел к Калатафими, где ведущая из Марсалы проселочная дорога соединяется с большой дорогой, проходящей от Трапани на Марсалу. Горные ущелья, ведущие к Калатафими через отрог величественной Монте-Черрара, называемой Монте ди Пьянто-Романо, защищались тремя батальонами королевских войск с кавалерией и артиллерией, под командованием генерала Ланди. Гарибальди немедленно атаковал эту позицию, которая вначале упорно защищалась; но хотя во время этой атаки Гарибальди смог выставить против 3000 или 3500 неаполитанцев только своих волонтеров и очень незначительную часть сицилийских повстанцев, королевские войска были выбиты последовательно из пяти сильных позиций и потеряли одно горное орудие и большое число убитыми и ранеными. Потери гарибальдийцев, по их собственному заявлению, составляют 18 убитых и 128 раненых. Неаполитанцы уверяют, что во время этой стычки они захватили одно из гарибальдийских знамен, но так как они нашли знамя, оставленное на борту одного из брошенных в Марсале пароходов, то вполне возможно, что они демонстрировали в Неаполе именно это знамя в качестве доказательства якобы одержанной ими победы. Поражение при Калатафими, однако, не заставило королевские войска покинуть город в тот же вечер. Они ушли из него лишь на следующее утро и, по-видимому, не оказывали после этого никакого сопротивления Гарибальди, вплоть до Палермо. Они дошли до Палермо, но уже в состоянии полного разложения и беспорядка. Тот факт, что королевские войска оказались разбитыми какими-то «флибустьерами и вооруженной сволочью», сразу напомнил им страшный образ того Гарибальди, который, защищая Рим от французов, смог, однако, выбрать время для наступления на Веллетри и отбросить авангард всей неаполитанской армии и который после этого побеждал на склонах Альп воинов, своим мужеством значительно превосходивших неаполитанских солдат[54]. Поспешное отступление, не сопровождавшееся хотя бы

малейшими попытками дальнейшего сопротивления, должно было еще более усилить их отчаяние и склонность к дезертирству, и до этого наблюдавшиеся в их рядах; а когда они вдруг очутились в самом центре восстания, подготовленного на совещании в Салеми, и стали подвергаться частым нападениям со стороны повстанцев, всякая сплоченность между ними совершенно исчезла; бригада Ланди, превратившаяся в беспорядочную и растерянную толпу, численно чрезвычайно уменьшившись, возвращалась в Палермо небольшими следовавшими друг за другом отрядами.

Гарибальди вступил в Калатафими в тот же день, когда Ланди оставил его, — 16-го; 17-го он продвинулся до Алькамо (10 миль), 18-го — до Партинико (10 миль) и далее по направлению к Палермо. 19-го непрерывный ливень помешал отряду двигаться дальше.

Тем временем Гарибальди узнал, что неаполитанцы сооружают траншеи вокруг Палермо и укрепляют старые, полуразрушенные валы города со стороны, обращенной к партиникской дороге. Численность их все же достигала по меньшей мере 22000 человек и, таким образом, далеко превосходила те силы, какие мог бы выставить против них Гарибальди. Но они были морально подавлены; их дисциплина ослабела; многие из них стали думать о переходе на сторону повстанцев; в то же время их генералы были бездарны, и это было известно как их собственным солдатам, так и неприятелю. Надежными среди них были лишь два иностранных батальона. При таком положении вещей Гарибальди не мог решиться на немедленный фронтальный штурм города, но и неаполитанцы не могли предпринять против него сколько-нибудь решительных действий, даже если бы их войска были на это способны, так как они вынуждены были постоянно держать в городе сильный гарнизон и никогда не отходить слишком далеко от него. Если бы на месте Гарибальди находился средней руки генерал, то подобное положение привело бы к ряду беспорядочных и нерешительных стычек, во время которых он мог бы обучить часть своих рекрутов военному делу, но зато и королевские войска очень быстро в значительной степени восстановили бы потерянную веру в свои собственные силы и дисциплину, ибо в некоторых стычках они неизбежно оказались бы победителями. Но подобный способ ведения войны не подходил бы ни для восстания, ни для Гарибальди. Смелое наступление было единственной тактикой, которую допускала революция; ошеломляющий успех, вроде освобождения Палермо, стал необходим, лишь только повстанцы подошли к самому городу.

Но как можно было этого достигнуть? Здесь-то Гарибальди и показал себя блестящим генералом, способным не только к ведению партизанской войны, но и к осуществлению более значительных операций.

20-го числа и в последующие дни Гарибальди атаковал неаполитанское сторожевое охранение и позиции, расположенные поблизости от Монреале и Парко на дорогах, ведущих в Палермо из Трапани и Корлеоне, и тем внушил неприятелю мысль, что наступление гарибальдийцев будет направлено главным образом против юго-западной части города и что именно здесь были сосредоточены его главные силы. Умелым сочетанием наступательных операций и ложных отступлений Гарибальди заставил неаполитанского генерала посылать в этом направлении все большее и большее количество войск из города, так что 24-го около 10000 неаполитанцев оказались вне города, на пути к Парко. Именно этого и добивался Гарибальди. Он немедленно заставил их вступить в бой с частью своих войск, медленно отступая перед неаполитанцами и увлекая их все дальше от города, и когда он довел их до Пьяны, через главный горный хребет, пересекающий Сицилию и отделяющий Конка-д'Оро («Золотую раковину» — долину Палермо) от долины Корлеоне, он внезапно перебросил главную массу своих войск через другие проходы того же горного хребта в долину Мизильмери, которая выходит к морю близ Палермо. 25-го он перенес свою штаб-квартиру в Мизильмери, в 8 милях от столицы. Мы не знаем, что он далее предпринял в отношении 10000 неаполитанцев, которые застряли на единственной пересекавшей горы скверной дороге, но можно с уверенностью сказать, что он отвлекал их внимание все новыми мнимыми победами, чтобы знать наверняка, что они не вернутся слишком скоро в Палермо. Уменьшив таким образом число защитников города почти наполовину и перенеся линию наступления с трапанской дороги на катанскую дорогу, он мог уже приступить к генеральной атаке. Противоречивые сообщения не дают ответа на вопрос о том, предшествовало ли восстание в городе штурму Гарибальди или оно было вызвано его появлением у ворот города; но достоверно то, что утром 27-го все население Палермо взялось за оружие, и Гарибальди штурмовал Порта Термини, в юго-восточной части города, где ни один неаполитанец его не ожидал. Остальное известно — город был постепенно очищен от войск, за исключением батарей, цитадели и королевского дворца; далее последовали бомбардировка, перемирие, капитуляция. Точные подробности всех этих событий пока еще не известны, но главные факты уже довольно ясны.

Пока что мы должны заявить, что маневры, предпринятые Гарибальди с целью подготовки штурма Палермо, сразу характеризуют его как генерала очень высокого класса. До сих пор мы знали его только как очень искусного и удачливого партизанского вождя; даже во время осады Рима его тактика обороны города посредством постоянных вылазок почти не давала ему удобного случая подняться над этим уровнем. Но здесь он решает чисто стратегические задачи и из этого испытания выходит как признанный мастер своего дела. Способ, каким ему удалось провести неаполитанского главнокомандующего, заставив его допустить грубый просчет и выслать половину своих войск на большое расстояние от города, его стремительный фланговый марш и новое появление перед Палермо с той стороны, с которой его меньше всего ожидали, и его энергичный штурм, предпринятый в тот момент, когда гарнизон был ослаблен, — все эти операции в гораздо большей степени носят печать военного гения, чем все то, что имело место во время Итальянской войны 1859 года. Сицилийское восстание нашло первоклассного военного руководителя; будем надеяться, что политик Гарибальди, которому скоро предстоит появиться на сцене, не посрамит славы Гарибальди-генерала.

Написано Ф. Энгельсом около 7 июня 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5979, 22 июня 1860 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ИНТЕРЕСНЫЕ ВЕСТИ ИЗ ПРУССИИ

Берлин, 13 июня 1860 г.

Сегодня вечером принц-регент выезжает в Баден-Баден, где 16-го и 17-го сего месяца должно состояться нечто вроде конференции с участием Луи-Наполеона и совета коронованных особ Германии[55]. В свиту принца-регента войдут: начальник военной канцелярии генерал фон Мантёйфель, генерал фон Альвенслебен, подполковник фон Шимельман, chef d'escadron* фон Лоэ, гофмаршал граф фон Пюклер, тайный советник фон Иллер, секретарь регента г-н Боркман и князь фон Гогенцоллерн-Зигмаринген, глава кабинета и член королевской фамилии. Читатель вспомнит, что в связи с частным письмом принца-регента английскому принцу-супругу, перехваченным в Лондоне и сообщенным оттуда Луи Бонапарту** последний настаивал на личном свидании с принцем-регентом, считая такое свидание наилучшим способом рассеять недоразумение, казалось, возникшее между Францией и Пруссией. Вскоре затем, при посещении принцем-регентом Саарбрюккена и Трира, пограничных с Францией городов, Луи-Наполеон снова дал понять, что он не прочь воспользоваться этим случаем для встречи с принцем. Однако это предложение было отклонено. Тем временем распространился слух, что принц-регент собирается пробыть в течение месяца в Баден-Бадене; тогда королю Баварии Максу*** пришло в голову предложить регенту устроить на водах нечто вроде конференции с южногерманскими государями, стремящимися к дружественному соглашению

* — эскадронный командир. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 59—60. *Ред.*
*** — Максимилиану II. *Ред.*

с Пруссией, и на этом съезде продемонстрировать единый фронт против Франции. В то время как принц-регент сразу ухватился за этот проект, принятый также великим герцогом Баденским, королем Вюртембергским и великим герцогом Гессен-Дармштадтским, французский посол в Берлине в одно прекрасное утро официально сообщил прусскому министру иностранных дел г-ну фон Шлейницу, что его августейший государь, в целях рассеять недоверие, невинным объектом которого, по-видимому, является Франция, полагает, что дружеское свидание в Баден-Бадене с нынешним главой прусского государства было бы великим благом как для Германии, так и для Франции. Прусский министр ответил, что и Пруссия является жертвой несправедливых подозрений, которые, однако, едва ли можно рассеять подобным свиданием, и что, кроме того, негласная конференция немецких государей уже созвана в Баден-Бадене. Тогда, еще раз запросив Париж, французский посол ответил, что Луи-Наполеон был бы в высшей степени рад предстать перед возможно большим числом немецких государей и что, кроме того, он намерен сделать лично некое важное, не терпящее дальнейшего отлагательства сообщение. Тут сопротивление Гогенцоллерна было сломлено. Немедленно в Берлине была получена из Вены депеша с выражением неудовольствия Австрии по поводу предстоящего свидания, но прочие германские дворы были более или менее успокоены циркулярной нотой прусского министра иностранных дел. В результате этой ноты король Ганновера сегодня утром неожиданно прибыл в Берлин и сам изъявил готовность сопровождать принца-регента в Баден-Баден, и тогда принц по телеграфу вызвал на конференцию также короля Саксонии. Едва ли нужно прибавлять, что герцоги Кобург-Готский и Нассауский тоже последуют за прочими.

Таким образом, собрание немецких государей, задуманное первоначально как демонстрация против Франции, превратилось в нечто вроде утреннего приема, устроенного Луи Бонапартом на германской земле, в присутствии толпы королей, великих герцогов и прочих мелких властителей Германского союза. Все это выглядит так, словно принц-регент приносит свое раскаяние в грехе, в который он впал, выразив подозрения насчет агрессивных планов французского узурпатора, а всякая княжеская мелкота собирается принять меры предосторожности, дабы их старший confrère* не продал их общему врагу. Пример такого унижения коронованных особ перед Квазимодо французской революции был, как известно, подан

* — собрат. *Ред.*

королевой Викторией и сардинским королем[56]. Личное свидание царя с героем декабря в Штутгарте в 1857 г.[57] могло удивить только политиканов — завсегдатаев кафе, которые дали ввести себя в обман показным кокетничанием петербургского двора догматами легитимизма. Встреча Габсбурга в Вилла-франке со своим победителем после сражения при Сольферино носила характер делового свидания, но не была актом вежливости. Принцу-регенту, вместе с группирующимися вокруг него звездами малых величин, нет нужды ни просить о союзе, подобно Виктории и Виктору-Эммануилу, ни устраивать заговора, подобно Александру II, ни заглаживать свое поражение, подобно Францу-Иосифу; однако оставляя в стороне мотивы, принц-регент может сослаться на общий прецедент, установленный более высокими особами. Во всяком случае, приняв предложение Луи Бонапарта, он серьезно повредил своей искусственной популярности, тем более, что всего лишь за несколько недель перед тем Бонапарт имел наглость в депеше своего министра иностранных дел г-на де Тувенеля намекнуть великим герцогам Гессен-Дармштадта и Бадена, что впредь они должны подписывать свои письма французскому императору словами «Votre frere et serviteur»*. Такова действительно была формула, придуманная Наполеоном I для немецких государей, участников Рейнского союза, покровителем которого он был и в который входили Баден и Гессен-Дармштадт, равно как Вюртемберг, Бавария и другие немецкие государства[58]. Чтобы не позволить Луи Бонапарту заставить глубоко оскорбленных монархов Бадена и Гессен-Дармштадта принять в свое общество г-на де Тувенеля, принц-регент и его коронованные компаньоны с общего согласия не включили в свою свиту министров иностранных дел; но неужели эти господа и впрямь воображают, что оскорбление было нанесено им слугой, а не хозяином?

Что касается «важного сообщения», которое голландский спаситель общества собирается сделать коронованным властителям Германии, то с полным основанием можно предполагать, что, подражая приемам Меттерниха на конгрессах в Вене, Ахене, Троппау, Лайбахе и Вероне[59], Луи-Наполеон сделает все от него зависящее, дабы убедить принца-регента в существовании обширного заговора революционеров, прилагающих все усилия к тому, чтобы вызвать конфликт между Францией и Пруссией, дабы установить господство красной республики в Париже и центральной республики в Германии. Все бонапартистские органы печати в Швейцарии, Бельгии и Германии

* — «Ваш брат и покорный слуга». *Ред.*

вот уже две недели полны статей, содержащих такого рода мрачные намеки, а тайный агент Бонапарта в Женеве — всем известный немецкий естествоиспытатель* — уже с торжеством возвестил, что яростные антибонапартистские выпады германской прессы будут в самом скором времени пресечены соответствующими властями.

В то время как принцу-регенту и его германским dii minorum gentium** предстоит, таким образом, убедиться в необходимости сомкнуться вокруг главного спасителя общества, новая брошюра г-на Абу «Император Наполеон III и Пруссия»[60], напротив, ставит своей целью обработать прусский народ. Хотя до сих пор эта брошюра в Германии не распространяется, несколько экземпляров случайно попало в Берлин, и в другой своей корреспонденции я уже сообщил вам самые интересные места из этого новейшего тюильрийского манифеста[61]. Прусский народ, — говорит оракул с берегов Сены, — должен выбирать между феодализмом Австрии и демократическим принципом французской империи. Лишь с помощью последнего германский народ — конечно, при условии предоставления своему могущественному соседу некоторых материальных гарантий — может надеяться осуществить единство, которого он столь сильно жаждет. Весьма поверхностно охарактеризовав недостатки нынешнего прусского правительства, автор брошюры принимается просвещать пруссаков насчет истинной природы «демократического принципа», столь характерного для французской Второй империи; коротко говоря, этот принцип состоит в избрании главы Империи «всеобщим голосованием», как принято это называть в современной Галлии. Правда — и г-н Абу едва ли посмеет это отрицать — во Франции все виды свободы конфискованы в пользу голландского авантюриста, но ведь эта конфискация основывалась на всеобщем голосовании. Вот каким путем, с помощью Франции и на той же самой демократической основе, в Германии должна быть воздвигнута тевтонская империя под властью Гогенцоллерна. Вся операция весьма проста. Пруссия должна лишь уступить Франции часть своих «законных» владений и в то же время, апеллируя ко всеобщему голосованию, вторгнуться во владения мелких государей; таким образом из феодального государства она сразу превратится в демократическое. Следует признать, что этот новый «демократический принцип», открытый Луи Бонапартом и его сикофантами, отнюдь не представляет

* — Фогт. *Ред.*

** — буквально: «младшим богам»; в переносном смысле: «второразрядным величинам». *Ред.*

собой какого-либо новшества; напротив, в течение приблизительно двух столетий он процветал на святой Руси. Династия Романовых была посажена на престол всеобщим голосованием. С того времени демократия господствует от Немана и до Амура. Быть может, пророки нового «демократического принципа» возразят, что Романовы были избраны свободно, что апелляции к народу не предшествовал никакой coup d'état* и что по их восшествии на престол общее осадное положение не ограничивало права избирателей надлежащими рамками «демократического принципа». Во всяком случае, поскольку Луи Бонапарт не в состоянии сделаться «законным» государем, самое лучшее, что он может сделать, это превратить своих братьев — государей Италии и Германии — в «демократических» монархов по образцу малой Империи. Разумеется, римские императоры не были подлинными «демократическими» государями, ибо современный прогресс требует, чтобы к принципу «всеобщего голосования» был привит принцип наследственной монархии, так что если какому-либо молодцу когда-нибудь так или иначе удалось узурпировать трон и обставить эту узурпацию комедией всеобщих выборов, то предполагается, что его династия должна навсегда остаться живым воплощением всеобщей воли народа (volonté générale Руссо).

В другой корреспонденции я предполагаю дать обзор нынешней стадии шлезвиг-гольштейнских осложнений, сообщающих конференции в Баден-Бадене ее настоящее значение. Сегодня я ограничусь упоминанием о том, что 10 июня в замке Кронборг состоялось свидание между шведским и датским королями**. За две недели до этого свидания шведский министр иностранных дел направил датскому министру иностранных дел ноту, в которой намекалось, что было бы весьма желательно, чтобы в свите датского короля не оказалось лиц, встреча с которыми была бы неприятна его величеству шведскому королю. Другими словами, датскому королю было предложено удалить из своей свиты свою жену графиню Даннер, ci-devant*** мадемуазель Расмуссен. А потому датский король счел уместным оставить свою любовницу дома.

Написано К. Марксом 13 июня 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5986, 30 июня 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — государственный переворот. *Ред.*
** — Карлом XV и Фредериком VII. *Ред.*
*** — бывшую. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

АНГЛИЙСКИЕ ВОЛОНТЕРСКИЕ ВОЙСКА

Происходивший несколько недель тому назад в Лондоне большой смотр волонтеров привлек внимание к гражданской армии Великобритании. Волонтеров не следует смешивать с милиционной армией, которая является особым родом войск ее величества. На 1 апреля милиционная армия, согласно правительственной статистике, насчитывала 50000 человек. Из них в составе соединений находилось 23735 человек, а именно: в Англии 13580, в Ирландии 7471 и в Шотландии 2684. Милиционная армия представляет низшие классы, волонтеры — буржуазию. Утверждение лондонской газеты «Times»[62], что в рядах войск, выступавших 22 июня на смотру, «были представлены все классы», является лишь попыткой придать этому видимость народного дела. Около трех месяцев тому назад делегация респектабельных механиков явилась к властям с целью получить оружие «для защиты своей родины» в случае вторжения. Их просьба встретила отказ. В волонтерские части допускают лишь тех рабочих, снаряжение и расходы которых берут на себя их предприниматели и которые, естественно, должны постоянно находиться в распоряжении тех же предпринимателей.

Общая численность английских волонтерских войск не достигает и 90000, хотя во многих последних статистических таблицах приводятся более крупные цифры. Правда, полковник Мак-Мердо на обеде, данном недавно в честь Сент-Джорджской стрелковой части, заявил, что в волонтеры записалось 124000 человек. Но когда его попросили рассказать об этом более подробно, оказалось, что он включил в свой расчет половину

милиционной армии. Газеты исходят из номинальной численности полков по 800—1000 человек в каждом, тогда как в действительности немногие полки когда-либо выходили на парад в составе более 500—600 человек. Г-н Сидни Герберт, положение которого в главном штабе делает его авторитетом в данном вопросе, за день или за два до великого смотра в Лондоне констатировал в парламенте, что «на бумаге эти войска достигают значительной численности, однако последняя не соответствует действительности, так как никогда не подтверждается фактическим наличием людей».

Речь, в которой содержится это высказывание, появилась в том же номере «Times», в котором повествуется о «великолепном успехе» национального смотра волонтеров. Сам по себе парад в Гайд-парке уже служит яркой иллюстрацией того, в какой преувеличенной манере лондонская печать трактует о таких вещах. Газета «Times» от 20-го предсказывала, что «перед ее величеством явится не менее 35000 человек». Том Тейлор в напечатанной в «Manchester Guardian»[63] корреспонденции из Лондона от 21-го пишет, что в столице было свыше 46000 волонтеров. На самом же деле, согласно данным полковника Мак-Мер до, который едва ли склонен преуменьшать число волонтеров, всего перед королевой прошло 18300 солдат. Конечно, эта армия не так уж велика, чтобы можно было приходить в восторг. В октябре 1803 г. на смотру выступало около 13000 коренных лондонцев, одетых в волонтерскую форму, и, чтобы сравнить военную доблесть британцев тех дней с их доблестью в настоящее время, мы приведем краткий отчет о численности волонтерских войск на январь 1804 года:

Всего рядовых строевиков	341 687
Полевых офицеров	1 246
Капитанов	4 472
Младших офицеров	9 918
Штаб-офицеров	1 100
Сержантов	14 787
Барабанщиков	6 733
Итого	379 943

Даже цифра 124000, до которой Англия надеется довести численность своей современной волонтерской армии, не выглядела бы внушительно рядом с этой таблицей. Если собрать каждого десятого из всех годных к военной службе мужчин современной Великобритании, то это дало бы 500000 человек.

Эти факты отнюдь не свидетельствуют о том, что англичане теперь проникнуты большим стремлением поднять оружие в защиту своей родины, чем когда-либо прежде, сколько бы ни доказывали обратное лондонские газеты. Согласно тщательно подготовленной статистике автора одной из статей, опубликованной в «Army and Navy Gazette»[64], всего в Англии милиционная армия насчитывает 50160 человек и волонтерские войска — 88400 человек, что в целом составляет 138560 человек. Из этого числа, утверждает автор статьи в «Gazette», по меньшей мере 20000 по разным причинам в нужный момент оказываются вне строя, так что общую численность милиционной армии и волонтерских войск Англии составляют 118560 человек.

Написано Ф. Энгельсом около 25 июня 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5994, 11 июля 1860 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Только что опубликованные в Лондоне отчеты министерства торговли за пять месяцев, по 31 мая 1860 г., отражают лишь незначительное изменение уровня британского экспорта по сравнению с первыми пятью месяцами 1859 года.

С 52 337 268 ф. ст. в 1859 г. экспорт возрос до 52 783 535 ф. ст. в 1860 г., причем этот небольшой рост вызван всецело увеличением экспорта в истекшем мае.

Первое, что бросается в глаза при сравнении соответствующих цифр экспорта за первые пять месяцев 1860 и 1859 гг., — это значительное сокращение британского вывоза в Ост-Индию, о чем свидетельствуют следующие данные:

Важнейшие британские товары, вывезенные в Ост-Индию

за пять месяцев, окончившихся 31 мая

	Количество		Стоимость	
	1859 г.	1860 г.	1859 г. (в ф ст.)	1860 г. (в ф ст.)
Пиво и эль (в бочках)	168 355	166 461	507308	491 609
Хлопчатобумажные ткани (в ярдах)......................................	396 022 733	311 163 765	4 884 982	3 977 289
Хлопчатобумажная пряжа (в фунтах).....................................	17411542	15044812	1 002 439	903 516

Продолжение

	Количество		Стоимость	
	1859 г.	1860 г.	1859 г.	1860 г.
			(в ф ст.)	
Железо полосовое, болты, прутья (в тоннах) ..……..........	16 851	12 194	127 678	90 954
Чугун (в тоннах)......................	12 138	4 108	132 946	42 912
Сварочное железо (в тоннах)……………………..	11 823	10 554	188 126	195 659
Листовое железо и гвозди …...	31 582	79 117	169 072	437 170
Глиняные изделия и фарфор………………………..	—	—	34 530	24 039
Галантерея и модные товары…………………………	—	—	83 832	42 126
Кожаные изделия, шорные товары	—	—	16 780	15 600
Паровые машины ……………	—	—	73 087	100 846
Другие машины	—	—	165 899	196 928
Жесть в листах……………….......	—	—	19 127	6 441
Итого ...……………………………….......................			7 405 808	6 529 089
Сокращение экспорта ....…………………………………………………………………………				976 719

Из вышеприведенной таблицы явствует, что общее сокращение главных статей экспорта в Ост-Индию составляет примерно миллион фунтов стерлингов, что всего сильнее сокращение сказалось на основных статьях (хлопчатобумажные ткани и пряжа) и что единственное исключение составляют товары, непосредственно связанные с постройкой железных дорог. Кроме того, необходимо иметь в виду, что полученные с последней континентальной почтой данные о торговле в высшей степени неблагоприятны и указывают на переполнение рынка и что, следовательно, ценность экспорта, объявленная в Англии и определенная на основании цен, значительно превышающих средний уровень, ни в коем случае не будет реализована в Индии. Теперь не может быть сомнения, что индийская торговля искусственно раздута. Повышенный спрос, искусственно созданный правительством во время индийского восстания[65], оживление торговой деятельности в результате спада революционных волнений и сокращение большинства прочих мировых рынков в результате общего кризиса 1857—1858 гг., — все эти обстоятельства содействовали увеличению объема индийской торговли

сверх пределов ее естественных возможностей. Однако согласно всему опыту прошлого, новоявленный процветающий рынок мог бы еще в течение ряда лет выдержать бомбардировку хлопчатобумажными товарами, если бы не мудрое вмешательство британского правительства. Дело выглядит так, будто г-н Уил-сон был командирован в Калькутту специально для того, чтобы расстроить англо-индийскую торговлю посредством комбинированного действия неловких фискальных мероприятий внутри страны и обременительных таможенных пошлин, взимаемых с товаров, ввозимых из-за границы. Было ли видано когда-либо в истории торговли зрелище, подобное тому, какое являет собой Соединенное королевство, которое допускает, чтобы его важнейший колониальный рынок был расстроен произвольными мероприятиями его же собственного правительства в тот самый момент, когда оно угодничает перед французским императором и мирится с его политикой узурпации под предлогом мнимого понижения французских таможенных пошлин?

Вывоз на австралийский рынок, хотя и показывает некоторое сокращение в отношении хлопчатобумажных тканей, в общем обнаруживает рост как объема, так и общей стоимости. Однако, чтобы дать правильную оценку нынешнего состояния рынков в австралийских колониях, мы должны от отчетов министерства торговли обратиться к последней полученной здесь торговой информации. Сообщения из Аделаиды от 26 апреля выражают тревогу по поводу непрекращающегося чрезмерного ввоза товаров из Англии, по поводу все растущей спекуляции, мошенничества и затоваривания. Указывают на неизбежность ликвидации целого ряда неплатежеспособных фирм. В Сиднее, в Новом Южном Уэльсе, уже произошло несколько банкротств, в том числе банкротство девяти торговых домов с общей суммой обязательств в 400 000 фунтов стерлингов; три четверти этой суммы, в конце концов, останутся, как ожидают, непокрытыми, причем убыток ложится на банки и на английских кредиторов. Из только что полученного списка банкротств в Австралии за последние 17 лет явствует, что в 1858 г. их было втрое больше, чем в 1857 г., в 1859 г. их число увеличилось еще на 50%, а в нынешнем году, до середины апреля, оно снова возросло примерно на 7%. Общая сумма обязательств фирм, обанкротившихся в период с 1822 г. по 1859 г., составляла 5 981 026 фунтов стерлингов; их активы, указанные в описи, составляли сумму в 3 735 613 фунтов стерлингов; однако последнюю сумму не удалось реализовать и на 50%.

Значительное сокращение как стоимости, так и количества большинства британских товаров, экспортированных в Соединенные Штаты, иллюстрируется следующими данными:

Главные статьи экспорта в Соединенные Штаты за пять месяцев, окончившихся 31 мая

	Количество		Стоимость	
	1859 г.	1860 г.	1859 г.	1860 г.
			(в ф ст.)	
Уголь (в тоннах).................	68 020	106 925	67 785	66 196
Хлопчатобумажные ткани (в ярдах).......................................	88 441 112	84 208 598	1 562 918	1 491 721
Льняные ткани (в ярдах)........	25 476 444	20 974 699	776 780	643 676
Чугун (в тоннах)	37 510	21 497	106 476	6 2919
Полосовое железо, болты, прутья (в тоннах)	48 063	37 824	394 426	293 294
Сварочное железо (в тоннах)……………………	16 024	16 488	200 576	189 854
Листовое железо и гвозди (в тоннах) ....……………...	12 107	4 622	61 721	24 559
Растительное масло (в галлонах)	795 808	511 602	95 154	57 230
Шелковые изделия (в фунтах)…………………….	119 719	58 836	128 133	68 866
Шерстяные и полушерстяные ткани (в ярдах)........................	22 697 619	18 250 639	892 026	733 000
Глиняные и фарфоровые товары	—	—	234 492	281 532
Галантерея и модные товары………………………..	—	—	719 754	637 035
Жесть в листах........................	—	—	524 615	464 630

Несомненно, Франция является страной, которая могла бы возместить сокращение рынков Ост-Индии, австралийских колоний и Соединенных Штатов. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что английская экспортная торговля с Францией по-прежнему сохраняет свои обычные незначительные размеры. Что касается бумажных тканей и ниток, то г-нМилнер Гибсон, министр торговли, по-видимому, побоялся, что может иметь жалкий вид, и поэтому счел уместным вовсе не включать их в отчет. То же самое и с льняными тканями, льняной пряжей и шелковыми изделиями. При сравнении стоимости экспорта за соответствующие периоды 1859 и 1860 гг.

обнаруживается его сокращение в текущем году: для крученого шелка с 130260 ф. ст. до 88 441 фунта стерлингов; для шелковых ниток и пряжи с 50 520 ф. ст. до 29 643 фунтов стерлингов; для машин с 98 551 ф. ст. до 64 107 ф. ст. и для угля с 253 008 ф. ст. до 206 317 фунтов стерлингов; в то же время некоторое увеличение наблюдается в вывозе железа, меди, шерсти, шерстяных тканей и камвольной пряжи.

Ввоз французских вин повысился, однако не в большей пропорции, нежели ввоз всех других сортов вин. В заключение следует заметить, что признаки депрессии на главных рынках, а также весьма тревожные перспективы урожая, обращение к денежному рынку английского и прочих правительств за крупными займами и неопределенное политическое состояние Европы открывают далеко не радужные перспективы на осень 1860 года.

Написано К. Марксом в конце июня — начале июля 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» М 6998, 16 июля 1860 г. в качестве передовой.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

I

Лондон, 10 июля 1860 г.

Только что опубликованные отчеты фабричных инспекторов[66] содержат всего три отчета. Округ, находившийся недавно в ведении г-на Леонарда Хорнера, теперь присоединен частично к округу сэра Джона Кинкейда (Шотландия), частично к округу г-на Редгрейва, включающему теперь 3 075 фабрик и ситценабивных предприятий; округ г-на Роберта Бейкера (Ирландия и некоторые части Англии) остается в своих прежних границах. Нижеследующие данные показывают общее число несчастных случаев, доведенных до сведения трех инспекторов в течение полугодия, закончившегося 30 апреля 1860 года.

Несчастные случаи, вызванные машинами

Характер повреждения	Взрослые		Подростки		Дети		Всего		Итого
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Смертные случаи	14	3	7	2	2	2	23	7	30
Ампутация правой кисти или правой руки…………………..	5	6	3	1	1	—	9	7	16
Ампутация левой кисти или левой руки...………………….	4	1	7	3	1	—	12	4	16
Ампутация части правой кисти ....…………..	23	24	29	22	15	7	67	53	120

Продолжение

Характер повреждения	Взрослые		Подростки		Дети		Всего		Итого
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Ампутация части левой кисти..	16	17	21	18	8	7	45	42	87
Ампутация части ноги или ступни	5	—	1	—	—	—	6	—	6
Перелом конечностей и костей туловища........................	30	11	43	11	11	4	84	26	110
Перелом кисти или ступни	39	43	30	37	20	15	89	95	184
Ранения головы и лица……………	20	17	23	29	11	4	54	40	94
Царапины, ушибы и другие рануния, не перечисленные выше	12 681	255	315	352	128	66	711	673	1 384
Всего	424	377	479	465	197	105	1 100	947	2 047
Несчастные случаи, не вызванные машинами									
Всего	83	30	59	26	21	10	163	66	229

Отчеты единогласно свидетельствуют о чрезвычайно активной промышленной деятельности за последнее полугодие. Спрос на рабочую силу был настолько велик, что в некоторых отраслях промышленности не хватало рабочих. На шерстоткацких фабриках, где усовершенствованные машины давали возможность фабрикантам обходиться без ручного труда, это затруднение было менее ощутимым, чем на бумагопрядильных и камвольных фабриках, где значительная часть машин бездействовала вследствие недостатка рабочих, в особенности молодых возрастов. Для того чтобы ликвидировать такую временную нехватку рабочих рук, в прежнее время прибегали к некоторым порочным способам. На первых порах развития фабричной системы в тех случаях, когда фабрикантам не хватало рабочих рук, они прямо обращались к надзирателям какого-нибудь отдаленного прихода, которые собирали известное число учеников, детей младшего возраста, и закрепляли их за фабрикантами на определенное число лет. Как только дети отдавались в ученье, чиновники, ведающие попечительством о бедных, приносили своим приходам поздравления по поводу того, что они избави-

лись от тунеядцев, а фабрикант спешил извлечь наибольшую выгоду из своей сделки, тратя на содержание учеников как можно меньше и выжимая из них возможно большее количество труда. Поэтому первый из серии фабричных актов, принятых в 1802 г., в 42-й год царствования Георга III (раздел 73), получил следующее название: «Акт об охране здоровья и нравственности учеников и прочих лиц, занятых на бумагопрядильных и других предприятиях и на хлопчатобумажных и прочих фабриках»; закон этот имел своей целью лишь смягчить пороки системы ученичества. Но по мере усовершенствования машин понадобился иной род рабочей силы, в то время как промышленность все более и более оживлялась и население соседних местностей не могло полностью снабжать фабрики нужным количеством рабочих рук. Фабриканты посылали в Ирландию агентов, которые сманивали в Англию ирландские семьи; но Ирландия перестала быть рынком, откуда можно было бы добывать рабочих по требованию из Англии, и поэтому фабриканты вынуждены теперь обратить свои взоры на южные и западные графства Англии и Уэльса и искать там семьи, которых существующий ныне в северных графствах размер заработной платы мог бы соблазнить начать жизнь на новом, промышленном поприще. По всей стране разосланы агенты, описывающие выгоды переселения семейств в промышленные районы и снабженные полномочиями на переселение этих семейств на север. Как сообщают, эти агенты уже переправили много семей. Тем не менее, переселение в промышленный город взрослого мужчины с женой и всей семьей имеет то специфическое неудобство, что там больше всего ощущается нужда в наиболее молодых членах семьи, которых можно быстро обучить и которые становятся ценными работниками за сравнительно короткий промежуток времени, между тем как на труд взрослого мужчины и его жены, не знакомых с фабричным трудом, пока спроса не имеется. Это побудило некоторых фабрикантов в известном смысле вернуться к старой системе ученичества и заключить с опекунскими советами договоры на определенный срок о найме оставшихся без средств к существованию детей бедняков. В таких случаях фабрикант предоставляет детям помещение, одевает и кормит их, но не платит им никакого регулярного жалованья. С возвратом этой системы, видимо, возродились и жалобы на злоупотребление ею. Однако следует иметь в виду, что к такого рода рабочей силе прибегают лишь тогда, когда невозможно добыть никаких других рабочих, ибо это дорогостоящий труд. Обычная заработная плата 13-летнего мальчика составляет около 4 шилл. в неделю; между тем за 4 шилл. на

человека в неделю нельзя дать помещение, одевать, кормить, обеспечить медицинскую помощь и надлежащий надзор группе в 50 или 100 таких мальчиков, выдавая им еще и некоторое денежное вознаграждение.

Сопоставление уровня заработной платы, которую получали фабричные рабочие в 1839 г., и той, которую они получали в 1859 г., обнаруживает чрезвычайно интересный факт — именно, что уровень заработной платы, по крайней мере номинальной, повысился на тех фабриках, где рабочее время было ограничено 60 часами в неделю, между тем как, за несколькими исключениями, в ситценабивных, белильных и красильных заведениях, где рабочее время детей, подростков и женщин не ограничено и где они иногда работают по 14 и 15 часов в день, произошло снижение реальной заработной платы. Относительно хлопчатобумажной промышленности в Манчестере и его окрестностях имеются следующие данные:

Недельная заработная плата

	1839 г.		1859 г.	
Число рабочих часов в неделю	69		60	
Род занятий				
Рабочий при паровой машине	24	шилл.	30	шилл.
Мальчики на складах	7	»	8	»
Рабочие на складах	18	»	22	»
Чесальное отделение — трепальщицы (молодые женщины и девушки)	7	»	8	»
Носильщики (молодые рабочие)	11	»	14	»
Надсмотрщики	25	»	28	»
Рабочие при кардочесальных машинах (подростки от 14 до 18 лет)	6	»	7	»
Работницы при ленточной машине (молодые женщины)	6	ш. 6 п.	8	»
Прядильное отделение — прядильщики на сельфакторе	16—18	шилл.	20—22	шилл.
Присучальщики (женщины и молодые рабочие)	8	шилл.	10	шилл.
Надсмотрщики	20	»	20	»
Крутильное отделение — крутильщицы (женщины)	7	»	9	»
Катушечницы (девушки)	4	»	5	»
Надсмотрщики	24	»	28	»
Поденщики (молодые рабочие)	10	»	13	»

В отделениях мотальном, палильном и механических ткацких станков также произошло незначительное повышение заработной платы. Таким образом, предсказания лиц, предостерегавших фабричных рабочих, что они серьезно пострадают от сокращения рабочих часов, были полностью опровергнуты. Сравните, с другой стороны, движение заработной платы в тех отраслях промышленности, в которых рабочее время не ограничено законом:

Ситценабивные, красильные и белильные заведения — 60 часов в неделю

	Недельная заработная плата (в шилл.) 1839 г.	1859 г.
Рабочий, смешивающий краски	35	32
Рабочий, работающий на печатном станке	40	38
Мастер	40	40
Гравировщик	35	25
Набойщик	40	28
Красильщик	18	16
Отмывальщик и чернорабочий	16—15	16—15
Заведения по окрашиванию бумазеи — 61 час в неделю		
Чесальщики	18	22
Белильщики	21	18
Красильщики	21	16
Аппретурщики	21	22

Самая интересная часть отчетов г-на Александера Редгрейва и сэра Джона Кинкейда касается развития и расширения кооперативных обществ для сооружения фабрик и управления ими в Ланкашире и до некоторой степени в Йоркшире. Эти кооперативные общества, которые размножились после проведения закона об акционерных обществах с ограниченной ответственностью, обыкновенно состоят из фабричных рабочих. Каждое общество располагает капиталом в 10000 ф. ст. и более, разделенным на акции в 5 и 10 фунтов стерлингов; оно имеет право занимать средства в известной пропорции к акционерному капиталу, причем эти заемные средства составляются из мелких вкладов фабричных рабочих и лиц той же категории. В Бери, например, для того чтобы пустить в ход построенные и строящиеся кооперативные фабрики, потребуется более 300000 фунтов стерлингов. На хлопкопрядильных фабриках прядильщики и другие рабочие нередко являются пайщиками

этих же предприятий, причем они получают заработную плату и, кроме того, процент на свои паи. На хлопкоткацких предприятиях участники общества часто арендуют ткацкие станки и работают на них. Такой способ привлекает рабочих, так как он не требует больших затрат для пуска станков на их предприятиях. Они покупают готовую пряжу для ткацкого станка, ткут материю, и фабричный процесс на этом заканчивается; или же они получают пряжу от какого-либо фабриканта, ведущего с ними дела, и возвращают ему готовую ткань. Но эта кооперативная система не ограничивается прядением и тканьем хлопка. Она распространилась и на торговлю многими такими продуктами потребления, как мука, бакалейные, мануфактурные и другие товары.

Нижеследующий отчет, составленный г-ном Патриком, одним из помощников инспектора сэра Джона Кинкейда, содержит некоторые ценные данные относительно развития этой новой системы владения фабриками, которая, как я опасаюсь, подвергнется жестокому испытанию во время ближайшего промышленного кризиса.

Вот уже около 12 лет в Рочдейле существует кооперативное общество, именуемое «Новая коммерческая компания в Бейкепе и Уордле». Она зарегистрирована согласно закону об акционерных компаниях и является компанией с неограниченной ответственностью. Она начала свои операции на фабрике Клаф-Хаус-Милл, в Уордле, близ Рочдейла, с правом собрать капитал в 100000 ф. ст. акциями по 12 ф. ст. 10 шиллингов. Из этой суммы внесено было 20000 фунтов стерлингов. Затем собранная сумма достигла 30000 ф. ст., и около 5 лет тому назад кооперативное общество в дополнение к фабрике Клаф-Хаус-Милл построило около Стакстедса большую паровую фабрику Фар-Холм-Милл мощностью в 100 лошадиных сил; за полугодие, закончившееся в октябре прошлого года, компания уплатила 44% на оплаченный капитал (11 июня г-н Патрик сообщает, что «Новая коммерческая компания в Бейкепе и Уордле» под именем «Фар-Холм-Милл, Бейкеп» только что объявила о новой уплате дивиденда в 48% на оплаченный капитал), а в настоящее время общество увеличило свой капитал до 60000 ф. ст. и значительно расширило расположенную недалеко отсюда, близ Стакстедса, фабрику Фар-Холм-Милл, для чего потребовались еще две машины по 40 лошадиных сил каждая, которые скоро будут поставлены. Значительное большинство акционеров составляют промышленные рабочие, которые работают на фабрике, но получают заработную плату как рабочие и имеют лишь то отношение к управлению фабрикой, что участвуют в ежегодном избрании административного комитета. Сегодня утром я посетил Фар-Холм-Милл и могу сообщить, что в смысле соблюдения фабричного закона она ведется столь же хорошо, как любая фабрика моего округа. Хотя я и не спрашивал об этом, я полагаю, что общество получило заем из 5 процентов.

В окрестностях Бейкепа в течение шести лет существует и другое общество, именующееся «Россендейлской промышленной ассоциацией».

Общество это построило фабрику, но, как мне рассказывали, не особенно процветало, так как не располагало достаточными средствами.

Оно также было организовано по кооперативной системе. В настоящее время фирма переименована в «Россендейлскую промышленную компанию» и зарегистрирована согласно закону об акционерных обществах с ограниченной ответственностью, с правом собрать капитал в 200000 фунтов стерлингов. 40000 ф. ст. было собрано от продажи акций по 10 ф. ст., кроме того было занято около 4000 фунтов стерлингов. Эти 4000 ф. ст. были заняты у мелких капиталистов суммами от 150 до 10 ф. ст., причем займы не обеспечивались никакими закладными. Когда эта кооперативная компания только что начала действовать, каждый акционер был рабочим. В добавление к фабрике Уир-Милл, построенной, как сообщают, «Россендейлской промышленной ассоциацией», компания купила в настоящее время у гг. Р. и Дж. Мум фабрику Эруэлл-Миллс в Бейкепе и эксплуатирует обе эти фабрики.

Процветание и успех «Новой коммерческой компании в Бейкепе и Уордле», по-видимому, послужили толчком к возникновению новых компаний, образующихся ныне в моем ближайшем соседстве и оборудующих большие фабрики для ведения своих дел. Одна из этих компаний — «Хлопкопрядильная и ткацкая компания в Нью-Черче» — зарегистрирована согласно закону об акционерных компаниях с ограниченной ответственностью и имеет право собрать капитал в 100000 ф. ст, путем продажи акций по 10 фунтов стерлингов. Из этой суммы 40000 ф. ст. уже внесено, и компания заняла еще 5000 под закладную из 5%. Эта компания уже действует, приобрела неработающую фабрику в 40 лошадиных сил — Вейл-Милл в Нью-Черче — и строит ныне фабрику «Виктория-Уоркс», для которой потребуется машина в 100 лошадиных сил. По окончании работ, что ожидается в феврале будущего года, — компания рассчитывает взять на работу 450 человек.

Другой подобной компанией является «Ротенсталлская мануфактурная хлопчатобумажная компания», тоже с ограниченной ответственностью, с уставным капиталом в 50000 ф. ст., акциями по 5 ф. ст., с правом производить займы в размере до 10000 фунтов стерлингов. Около 20000 ф. ст. **уже** внесено. В настоящее время компания строит в Хэрхолме фабрику, где будет поставлена машина в 70 лошадиных сил. Как мне сообщили, в обеих этих компаниях девять десятых акционеров принадлежат к классу фабричных рабочих.

Имеется еще одна кооперативная компания, возникшая за последние шесть месяцев, — «Старая хлопчатобумажная компания Клаф», — купившая у гг. Р. и Дж. Мум две старых фабрики под названием Эруэлл-Спринге. Они ведутся по тем же принципам, как и прочие, но так как я не сумел побывать там сегодня, то не могу сообщить всех подробностей относительно них. Однако мне говорили, что там работает машина в 13 лошадиных сил, а число рабочих составляет 76 человек. Я полагаю, что все акционеры принадлежат к классу фабричных рабочих.

Бывает и так, что несколько человек снимает часть фабричного помещения, одну или две комнаты, в зависимости от обстоятельств, а в некоторых случаях даже часть комнаты. Но тогда наниматели являются хозяевами этой части, хотя они работают наравне со своими рабочими; подобно всякому другому предпринимателю, они нанимают рабочих и уплачивают им заработную плату, причем занятые у них рабочие не заинтересованы в предприятии. Раньше в Бейкепе таких предприятий было гораздо больше, чем сейчас. Некоторые совсем бросили это дело, а другие добились успеха и либо купили собственные фабрики, либо сняли большие помещения. В Рочдейле таких предприятий имеется больше, чем в любой другой местности моего округа».

II

Лондон, 14 июля 1860 г.

После данного мною в последнем письме обзора фабричных отчетов сэра Джона Кинкейда и г-на Редгрейва, мне остается еще упомянуть об отчете г-на Роберта Бейкера, фабричного инспектора Ирландии и части Чешира, Ланкашира, Глостершира, Йоркшира, Стаффордшира, Лестершира, Херефордшира, Шропшира, Вустершира и Уорикшира. Общее число несчастных случаев в округе г-на Бейкера составляет 601, из которых на долю детей приходилось только 9%, а 33% падало на лиц старше 18 лет. Более внимательное изучение этих несчастных случаев показывает, во-первых, что доля несчастных случаев по отношению к общему числу работающих является наибольшей в тех отраслях промышленности, где машины не подлежат контролю закона, и, во-вторых, что на текстильных фабриках, где употребляются одинаковые машины, большая часть несчастных случаев приходится на наиболее крупные предприятия. Относительно 198565 фабричных рабочих, принадлежащих к округу г-на Бейкера, последний приводит следующие цифры за второе полугодие.

	Число занятых лиц	Число несчастных случаев, вызванных машинами
На хлопчатобумажных фабриках среди	107 106	1 на каждые 261 чел.
На шерстоткацких фабриках	14 982	1 » » 348 »
На льноткацких фабриках	33 918	1 » » 389 »
На шелкоткацких фабриках	33 874	1 » » 2 251 »
На камвольных фабриках	2 896	1 » » 424 »
На прочих фабриках	5 789	—

На всех этих текстильных фабриках машины ограждаются, т. е. снабжаются такими приспособлениями для безопасности занятых на них рабочих, которые предписаны охранительными

положениями фабричного закона. Если мы обратимся, например, к Ноттингему, где большое число лиц, в особенности детей, работает у машин, *не* снабженных предписанными законом защитными приспособлениями, то мы увидим, что в 1859 г. в журналы главной больницы было занесено 1500 несчастных случаев, а в журналы диспансера — 794; таким образом, общее число несчастных случаев составило 2294, причем число работающих не превышает 62583 человек. Следовательно, число несчастных случаев в городе Ноттингеме составляет 1 на каждые 27 человек — пропорция, по сравнению с которой число несчастных случаев на текстильных фабриках, подлежащих действию охранительного законодательства, кажется почти ничтожным. Далее, в Бирмингеме, где имеется множество различных предприятий, связанных и не связанных с применением механической силы, где имеются только две небольших текстильных фабрики и где вообще не существует обязательных защитных приспособлений для машин, у которых работают молодые рабочие, отношение числа несчастных случаев к числу занятых на предприятиях составляло 1 к 34. Огромная польза, вытекающая из охранительных положений фабричного закона и более широкого принудительного их применения, становится также очевидной, если мы сравним общее число несчастных случаев, доведенных до сведения всех инспекторов, за полугодия, окончившиеся 31 октября 1845 г. и 30 апреля 1846 г., с их числом за полугодия, окончившиеся в октябре и апреле 1858 и 1859 годов. За этот последний период общее уменьшение числа несчастных случаев составляло 29%, хотя число рабочих возросло, по минимальным подсчетам, на 20%.

Что касается распределения несчастных случаев между крупными и мелкими предприятиями, то, по моему мнению, решающее значение имеют следующие факты, сообщенные г-ном Бейкером. За последнее полугодие из 758 хлопчатобумажных фабрик его округа, на которых работают 107000 человек, все имевшие место несчастные случаи произошли на 167 фабриках, на которых работает около 40000 человек. Таким образом, на 591 фабрике, где работали 67000 человек, ни одного несчастного случая не произошло. Аналогичным образом, из 387 мелких предприятий все несчастные случаи произошли на 28; из 153 льнопрядильных фабрик все несчастные случаи произошли на 45 фабриках, а из 774 шелкоткацких фабрик все несчастные случаи произошли на 14 фабриках. Таким образом, в каждой отрасли промышленности на большом числе фабрик не было ни одного несчастного случая, связанного с машинами, и во всех отраслях промышленности большинство несчастных

случаев произошло на самых крупных фабриках. Это последнее явление г-н Бейкер пытается объяснить двумя причинами: во-первых, тем, что на наиболее крупных фабриках переход от старых машин, не снабженных защитными приспособлениями, к новым происходит сравнительно очень медленно и постепенно, и, во-вторых, тем, что на этих крупных предприятиях быстрота сосредоточения рабочих рук в одном месте увеличивается в той же мере, в какой ослабевает моральный контроль над такими предприятиями.

«Обе эти причины», — говорит г-н Бейкер, — «играют самую определенную роль в возникновении несчастных случаев. Что касается первой причины, то сохранившиеся старые машины, которые никогда не снабжались защитными приспособлениями и где втягивающие части колес все еще существуют, оказываются вследствие этого тем более губительными, что рабочие, имея дело с безопасными новыми машинами, забывают об опасностях, связанных с работой на старых машинах. Что же касается второй причины, то работа на машинах, приводимых в движение неизменной механической силой, иногда достигающей тысячи лошадиных сил, постоянное стремление сберечь каждую минуту неизбежно приводят к опасным последствиям. На таких фабриках мгновения являются элементами прибыли, и от каждого человека требуется, чтобы он ежесекундно напрягал все свое внимание. Пользуясь выражением Либиха, здесь можно наблюдать постоянную борьбу между жизнью и неорганическими силами, причем умственная энергия должна играть руководящую роль, а животная энергия должна сообразовываться в своих движениях с вращением веретен. Рабочие не должны отставать, несмотря на напряжение, вызываемое чрезмерным возбуждением или чрезмерной жарой; ни на одну секунду нельзя прекращать работу, перенося свое внимание на различные происходящие кругом движения, ибо каждое промедление сопряжено с убытком. Поэтому, когда внимание рабочего направляется не туда, куда нужно, он кладет пальцы на колеса, которые считаются безопасными, — в силу ля своего положения, или в силу медленности своего вращения. Спеша произвести определенное количество фунтов пряжи в определенное время, рабочие забывают смотреть под свои машины и следить за их маленькими «присучальщиками». Поэтому многие несчастные случаи происходят от так называемой собственной неосторожности».

За последнее полугодие все текстильные предприятия, за исключением шелкоткацких фабрик, весьма процветали как в Ирландии, так и в английских округах, подведомственных г-ну Бейкеру. Единственное препятствие, которое, по-видимому, удерживало отдельные отрасли промышленности в определенных границах, заключалось в растущем недостатке сырья. В хлопчатобумажной промышленности никогда еще не наблюдалось такого строительства новых фабрик, таких новых систем расширения производства и такого спроса на рабочие руки. Самым замечательным явлением были новые меры, предпринятые в поисках сырья. Так, в Белфасте была основана ассоциация по снабжению льном по образцу ланкаширской ассо-

циации по снабжению хлопком. В то время как за пятилетие, окончившееся в 1853 г., средний ввоз льна, вместе с урожаем льна в Ирландии, составлял 113409 тонн в год, за последнее пятилетие, окончившееся в 1858 г., соответствующая цифра составляла только 101672 тонны, т. е. обнаружила сокращение на 12000 тонн в год, хотя ежегодная стоимость экспорта увеличилась на 1 миллион фунтов стерлингов. Цена шерсти, уже и без того стоявшая выше среднего уровня в период, который охватывают последние фабричные отчеты, позднее непрерывно возрастала. Постоянными факторами этого роста цен на шерсть можно считать быстрое расширение шерстоткацких фабрик и увеличение спроса на баранину как в Великобритании, так и в колониях. В качестве случайной причины, грозящей сокращением обычных поставок шерсти, следует рассматривать особые условия настоящего сезона, так как в течение зимы вследствие плохого или неправильного питания пало много овец, а весной погибло много ягнят вследствие холода, недостатка питания и некоей болезни, от которой животные умирали в несколько часов.

Единственной отраслью промышленности, положение которой за последние шесть месяцев серьезно ухудшилось вследствие заключения англо-французского торгового договора[67] и опасения иностранной конкуренции, является шелковая промышленность. Влияние этих обстоятельств сказывалось постепенно; в момент, когда пишется эта корреспонденция, более 13000 ткачей находятся без работы в одном только Ковентри, где остановились все станки. Кризис этот тем более заслуживает сожаления, что, как я указывал в корреспонденции по поводу фабричных отчетов 1859 г., в Ковентри образовалось множество домашних шелковых фабрик, на которых работали рабочие вместе со своими семьями, лишь изредка пользуясь наемным трудом. С начала 1860 г. число таких фабрик значительно возросло. В сущности, эти фабрики представляют собой возвращение к прежней домашней промышленности, с той лишь разницей, что на них применяются паровые машины, однако они совершенно отличны от новой кооперативной системы Ланкашира и Йоркшира. Здесь домовладелец является хозяином, а ткач — арендатором двигателя; иногда, кроме своей собственной семьи, он использует еще и труд посторонних рабочих. Свои два станка он либо полностью выкупил или приобрел в кредит, выплачивая за них еженедельно определенную сумму, либо арендует, например, у своего домовладельца, который является строителем и спекулянтом. Кроме того, он арендует необходимый двигатель. Говорят, что в настоящее время

между работой, производимой на станке, принадлежащем ткачу, и работой, выполняемой на станке, принадлежащем хозяину, наблюдается почти та же разница, что и между французской лентой и лентой английской. Тем не менее опасаются — и г-н Роберт Бейкер в своем отчете, по-видимому, разделяет эти опасения, — что этот домашний труд, использующий механическую силу, не сможет противостоять торговым потрясениям. Возможно, что английский фабрикант, для того чтобы справиться со своим французским соперником, будет вынужден прибегнуть к использованию крупного капитала, а это неизбежно погубит домашние шелковые фабрики, конкурирующие с ним у самых его дверей.

Написано К. Марксом 10 и 14 июля 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» №№ 6016 и 6032; 6 и 24 августа 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ИНТЕРЕСНЫЕ НОВОСТИ ИЗ СИЦИЛИИ. — ССОРА ГАРИБАЛЬДИ С ЛАФАРИНОЙ. — ПИСЬМО ГАРИБАЛЬДИ

Лондон, 23 июля 1860 г.

Согласно телеграмме, полученной сегодня из Палермо, подготовка полковником Медичи атаки против Милаццо заставила неаполитанского короля отдать приказ о полной эвакуации Сицилии неаполитанской армией и об отступлении этой последней в его континентальные владения. Хотя эта телеграмма нуждается в подтверждении, представляется бесспорным, что дело Гарибальди подвигается вперед, несмотря на болезни, от которых страдают его войска, и на дипломатические интриги, которыми докучают его правительству.

Открытый разрыв Гарибальди с партией Кавура, проявившийся в изгнании из Сицилии отъявленного интригана Лафарины и синьоров Гришелли и Тотти, корсиканцев по происхождению и бонапартовских полицейских агентов по профессии, вызвал чрезвычайно противоречивые комментарии европейской печати. Частное письмо Гарибальди к одному из лондонских друзей[68], с содержанием которого меня ознакомили, разрешив сообщить в «Tribune» основные его положения, не оставляет никакого сомнения относительно действительного положения вещей. Письмо Гарибальди было написано еще до его декрета от 7-го числа сего месяца, согласно которому все три вышеупомянутых интригана были удалены с острова, но тем не менее оно полностью разъясняет сущность споров между генералом и министром, между популярным диктатором и династическим великим визирем, короче говоря, — между Гарибальди и Кавуром. Последний, заключив тайное соглашение с Луи Бонапартом, которого Гарибальди клеймит словами «cet homme faux» («этот лживый человек») и с которым, как он предсказывает,

«ему придется в одно прекрасное утро скрестить шпагу», — твердо решил аннексировать одну за другой те части итальянской территории, которые могут быть завоеваны мечом Гарибальди или вырваны из вековой зависимости народными восстаниями. Этот процесс постепенного территориального присоединения к Пьемонту должен был сопровождаться одновременно процессом «компенсации» в пользу Второй империи. Подобно тому как за Ломбардию и герцогства пришлось заплатить Савойей и Ниццей, аннексию Сицилии пришлось бы компенсировать Сардинией и Генуей; каждый новый акт сепаратного присоединения влечет за собой новую сепаратную дипломатическую сделку с покровителем Пьемонта. Вторичное расчленение Италии в интересах Франции, помимо того, что оно означало бы покушение на целостность и независимость Италии, сразу задушило бы патриотическое движение в Неаполе и Риме. Распространение убеждения, что ради объединения под властью Пьемонта Италия должна становиться все меньше и меньше, дало бы возможность Бонапарту сохранить в Неаполе и Риме особые правительства, номинально независимые, но практически находящиеся в вассальной зависимости от Франции. Поэтому Гарибальди считает своей главной задачей устранение всякого повода для французского дипломатического вмешательства, но, как он понимает, этого можно достигнуть лишь в том случае, если движение сохранит свой чисто народный характер и не будет стоять ни в какой связи с планами чисто династического расширения. Как только Сицилия, Неаполь и Рим будут освобождены, наступит момент для их присоединения к королевству Виктора-Эммануила, если последний возьмет на себя управление ими и их защиту не только от Австрии, врага с фронта, но и от Франции, врага с тыла. Быть может, слишком полагаясь на добрую волю английского правительства и на затруднительное положение Луи Бонапарта, Гарибальди рассчитывает, что до тех пор, пока он не присоединяет к Пьемонту никакой территории и в деле освобождения Италии опирается исключительно на итальянское оружие, Луи Бонапарт не посмеет вмешаться и открыто нарушить те принципы, под предлогом которых он начал итальянский крестовый поход. Как бы то ни было, достоверно одно, что план Гарибальди, независимо от того, будет он успешно осуществлен или нет, является единственным планом, который при нынешних обстоятельствах может в какой-то степени способствовать не только избавлению Италии от ее давних тиранов и внутренних распрей, но и ее освобождению из когтей нового французского протектората. Именно для того, чтобы помешать осуществлению

этого плана, Кавур и отправил в Сицилию Лафарину в сопровождении двух братьев-корсиканцев.

Лафарина — уроженец Сицилии, где он выделялся в 1848 г. среди революционеров не столько действительной энергией или замечательными подвигами, сколько своей ненавистью к республиканской партии и интригами с пьемонтскими доктринерами. После поражения сицилийской революции Лафарина во время своего пребывания в Турине опубликовал объемистую историю Италии[69], в которой изо всех сил превозносит Савойскую династию и клевещет на Мадзини. Душой и телом преданный Кавуру, он заразил «Национальное общество борьбы за единство Италии»[70] бонапартистским духом; став председателем этой организации, он воспользовался ею не для того, чтобы содействовать, а для того, чтобы мешать всяким попыткам независимого национального выступления. В полном соответствии со своей прошлой деятельностью, при первых же слухах о намеченной экспедиции Гарибальди в Сицилию Лафарина осмеивал и поносил самую мысль о подобной экспедиции. Когда же, тем не менее, были предприняты непосредственные шаги по подготовке этого отважного предприятия, Лафарина использовал все возможности «Национального общества», для того чтобы помешать этому делу. Когда же его происки оказались не в состоянии ослабить решимость генерала и его солдат и когда, наконец, экспедиция отправилась в путь, Лафарина с циничной усмешкой разразился потоком самых мрачных предсказаний, беря на себя смелость предрекать немедленный и полный крах всей затеи. Но стоило только Гарибальди взять Палермо и объявить себя диктатором, как Лафарина поспешил присоединиться к нему, получив от Виктора-Эммануила или, вернее, от Кавура, полномочия принять на себя управление островом от имени короля немедленно после того, как население выскажется за присоединение острова к Пьемонту. Будучи, как он сам признает, вначале весьма любезно принят Гарибальди, несмотря на свое зловещее прошлое, Лафарина тотчас же стал разыгрывать из себя хозяина, интриговать против правительства Криспи, устраивать заговоры с французскими полицейскими агентами, собирать вокруг себя либеральных аристократов, желающих закончить революцию голосованием о сепаратном присоединении острова к Пьемонту и, вместо того чтобы заняться подготовкой необходимых мероприятий с целью изгнания неаполитанцев из Сицилии, стал строить планы вытеснения с общественных постов сторонников Мадзини и других людей, на которых не мог положиться его хозяин Кавур.

Криспи, против правительства которого Лафарина в первую очередь направил свои интриги, долгое время находился в изгнании в Лондоне, где он принадлежал к числу друзей Мадзини, и целью всей его деятельности было освобождение Сицилии. Весной 1859 г. он с большим риском, под валашским именем и с валашскими документами, поехал в Сицилию, побывал во всех крупных сицилийских городах и разработал план восстания, которое должно было начаться в октябре. События, разыгравшиеся осенью[71], заставили отложить восстание сначала до ноября, а затем до настоящего года. Тем временем Криспи обратился к Гарибальди, который, отказавшись от участия в организации восстания, обещал оказать ему помощь, после того как оно начнется и в достаточной мере окрепнет, тем самым показав подлинные настроения сицилийцев. Во время экспедиции Криспи вместе со своей женой — единственной женщиной в экспедиции — сопровождал Гарибальди и принимал участие во всех боях, причем жена его руководила оказанием помощи больным и раненым. Именно этого-то человека синьор Лафарина и вознамерился в первую очередь выкинуть за борт, втайне, конечно, надеясь, что вслед за ним ему удастся избавиться и от самого диктатора. Из уважения к Виктору-Эммануилу и под сильным давлением либеральных аристократов Гарибальди, хотя и против своей воли, все же согласился на образование нового правительства и на отставку Криспи, которого он, впрочем, оставил при себе в качестве личного советника и друга. Но как только Гарибальди пошел на эту жертву, он увидел, что на отставке правительства Криспи настаивали лишь для того, чтобы навязать ему кабинет, который только номинально являлся правительством Гарибальди, а по существу находился в руках Лафарины или Кавура. Поощряемый Лафариной и полагаясь на покровительство Кавура, этот кабинет очень скоро свел бы на нет весь его план освобождения и использовал бы все свое влияние в стране против ниццского выскочки, как уже стали называть Гарибальди. Именно в этот момент Гарибальди спас не только свое собственное дело, но и дело Сицилии и Италии: он изгнал Лафарину и обоих братьев-корсиканцев, принял отставку министров—ставленников Лафарины и назначил патриотическое правительство, среди членов которого мы можем упомянуть синьора Марио.

Написано К. Марксом 23 июля 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6018, 8 августа 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОБОРОНА БРИТАНИИ

План национальной обороны Англии, только что представленный на рассмотрение парламента[72], предлагает направить все средства на укрепление портов и некоторых второстепенных сооружений, достаточных лишь для защиты наиболее крупных гаваней страны от нападений небольших неприятельских эскадр, а также на создание крупных сильно укрепленных фортов в Дувре и Портленде с целью обеспечить защищенную стоянку для флотилий и отдельных судов. Предполагается все средства израсходовать на оборону периферии страны, береговой линии, доступной нападению неприятельского флота; а так как невозможно укрепить береговую линию на всем ее протяжении, то для этого избрали несколько важных пунктов, главным образом морские арсеналы и порты. Внутренняя часть страны полностью брошена на произвол судьбы.

Итак, раз Англия теперь признает, что ее военные корабли уже не защищают ее более и что она должна прибегнуть к фортификации как к средству национальной обороны, то, само собой разумеется, она прежде всего должна оградить от нападения свои морские арсеналы, колыбель ее флота. Никто не станет сомневаться, что Портсмут, Плимут, Пембрук, Ширнесс и Вулидж (или любой другой пункт, выбранный вместо него) должны быть настолько укреплены, чтобы быть в состоянии отразить любое нападение с моря и выдержать в течение определенного времени правильную осаду с суши. Однако совершенно нелепо называть предупредительные меры против такой опасности планом национальной обороны. В действительности, для того чтобы этот план соответствовал своему названию,

по-видимому, необходимо его значительно усложнить и выделить на его осуществление гораздо больше средств, чем это требуется лишь для защиты портов.

Страна, которая, подобно Франции или Испании, подвержена опасности вторжения со стороны своих сухопутных границ и в равной степени — нападению с моря и высадке десантов на ее побережье, вынуждена превращать свои военно-морские базы в первоклассные крепости. Тулон, Картахена, Генуя, даже Шербур могут стать объектом комбинированного нападения, подобного тому, которое уничтожило арсеналы и портовые сооружения Севастополя[73]. Они должны поэтому иметь очень сильно укрепленный сухопутный фронт, с отдельными фортами, которые не допускали бы бомбардировки портовых сооружений. Но это неприменимо по отношению к Англии. Предположим даже, что поражение ее военного флота на один момент поставило бы под сомнение превосходство Англии на море; даже в этом случае вторгшаяся армия, высадившись на территории Британии, никогда не смогла бы рассчитывать на свободу своих коммуникаций, и потому ей пришлось бы действовать быстро и решительно. Эта вторгшаяся армия оказалась бы не в состоянии предпринять правильную осаду; но если бы даже она и смогла предпринять осаду, ни один здравомыслящий человек не будет рассчитывать на то, что завоеватель станет спокойно сидеть перед Портсмутом и тратить свои средства на продолжительную осаду, вместо того чтобы идти прямо на Лондон и добиваться решения главной задачи, пока его моральное и материальное превосходство находятся на самом высоком уровне. Если дело дойдет до того, что неприятель сможет беспрепятственно высадить в Англии войска и перебросить материальную часть, достаточные для наступления на Лондон, и в то же время осадить Портсмут, Англия окажется на краю гибели, причем никакие береговые форты вокруг Портсмута не смогут ее спасти. Сказанное о Портсмуте относится и к другим морским арсеналам. Пусть морской фронт будет по возможности укреплен, но на сухопутном фронте все, что не входит в задачу удержать противника на достаточно далеком расстоянии, чтобы не допустить бомбардировки портов и защитить их от правильной двухнедельной осады, является совершенно излишним. Но если судить по смете и некоторым планам предполагаемых оборонительных сооружений Портсмута, опубликованным в лондонской газете «Times», речь идет об огромном расходовании кирпича и извести, о сооружении рвов и парапетов, о расходовании денежных, а в случае войны и людских ресурсов. По-видимому, военные инженеры положительно

упиваются этими блестящими возможностями создавать планы укреплений, которые так долго были для них недозволенной роскошью. Англии грозит опасность обрасти фортами и батареями, которые появятся быстро, как грибы, и разрастутся, подобно ползучим растениям в тропических лесах. Правительство, по-видимому, настаивает на осуществлении этих планов, чтобы оправдать затраты; однако показная сторона и явится главным результатом всех этих великолепных сооружений.

До тех пор, пока порты не обеспечены против coup de main*, до тех пор возможны вторжения с исключительной целью разрушить какой-нибудь из них и тут же отступить. Таким образом, они служат, так сказать, предохранительными клапанами для Лондона. Но коль скоро порты будут подготовлены к отражению нападения главных сил и даже будут в состоянии выдержать правильную двухнедельную осаду, — а эта подготовка, по-видимому, считается необходимой, — то для вторжения не остается другого объекта, кроме Лондона. Раз все более мелкие пункты защищены, вторжения местного характера оказываются уже бесцельными, вторжение должно идти на риск — либо уничтожить Англию, либо быть самому уничтоженным. Таким образом, самый факт укрепления портов ослабляет Лондон. Он заставляет вторгшуюся державу сосредоточить все свои силы на попытке сразу овладеть Лондоном. Лорд Пальмерстон говорит, что Лондон должен защищаться на суше. Положим, что так оно и будет; в таком случае, чем сильнее армия, тем в большей безопасности будет Лондон. Но откуда явится эта сильная армия, если Портсмут, Плимут, Чатам и Ширнесс и, пожалуй, Пембрук будут превращены в первоклассные крепости типа Шербура, Генуи, Кобленца или Кёльна, для защиты которых требуются гарнизоны от 15000 до 20000 человек? Итак, чем сильнее вы укрепляете порты, тем больше вы ослабляете Лондон и остальную страну. И это вы называете национальной обороной!

Во всяком случае, одно проигранное сражение решило бы судьбу Лондона, а учитывая огромную централизацию торговли страны и то обстоятельство, что занятие неприятелем Лондона полностью приостановит весь торгово-промышленный механизм Англии, не приходится сомневаться, что одно сражение решило бы судьбу всего королевства. Таким образом, в то время как предполагается истратить 12 миллионов на оборону портов, самое сердце страны должно остаться незащищенным, а его судьба должна зависеть от исхода одного сражения!

* — внезапного нападения. *Ред.*

Надо сказать прямо: можно всячески самым рациональным образом укреплять порты — а этого можно достигнуть, затратив меньше половины той чрезмерной суммы, которую предполагается истратить на это, — но если вы желаете создания национальной обороны, то немедленно приступайте к укреплению Лондона. Бесполезно повторять вслед за Пальмерстоном, будто это невозможно. Такие же разговоры велись, когда нужно было укреплять Париж. Площадь, опоясанная непрерывной линией фортификаций вокруг Парижа, немногим меньше площади Лондона; линия фортов, окружающих Париж, имеет протяжение в 27 миль, а окружающая Лондон линия, проходящая в 6 милях от Черинг-Кросса, имеет длину в 37 миль. Эта линия дает правильное представление о среднем расстоянии фортов от центра, и удлинение этой линии на 10 миль не сделало бы ее слишком длинной, если соответствующая система железнодорожной связи по радиусам и по окружности облегчит быстрое передвижение резервов. Лондон, разумеется, нельзя укреплять кое-как, как это предлагает «Cornhill Magazine»[74], по мнению которого достаточно шести больших фортов; число фортов должно быть равно по меньшей мере двадцати, но, с другой стороны, нет необходимости укреплять Лондон в столь же педантичном стиле, как Париж, ибо ему никогда не придется выдерживать осаду. Все, что требуется, это защитить его против coup de main, против средств, которые вторгшаяся армия сможет применить против него в течение двух недель после своей высадки. Можно обойтись без непрерывной линии фортификаций; если план обороны будет надлежащим образом подготовлен заранее, то такая линия с полным успехом может быть заменена укреплением деревень и групп домов на окраинах города.

Если бы Лондон был таким образом укреплен, а порты усилены с моря и защищены против энергичного, иррегулярного наступления с суши и даже против непродолжительной осады, Англия могла бы не опасаться никакого вторжения, причем все это потребовало бы затраты, примерно, 15 миллионов фунтов стерлингов. Порты потребуют всего не более 70000 регулярных войск и 15000 волонтеров; в то же время остальные линейные войска, милиция и волонтеры — скажем, 80000 линейных и милиционных войск и 100000 волонтеров — будут защищать полевые укрепления у Лондона или примут бой перед ним; между тем вся страна к северу от Лондона сохранит за собой полную свободу организовывать новые отряды волонтеров и базы для линейных и милиционных войск. При всех обстоятельствах неприятель был бы вынужден действовать;

даже если бы он захотел, он не смог бы устоять перед притягательной силой большого укрепленного района Лондона, и у него не было бы иного выбора, как либо атаковать его и потерпеть поражение, либо ждать и тем самым с каждым днем увеличивать трудности своего положения.

Вместо этого правительственный план национальной обороны привел бы к такому положению, что если бы военные силы Англии состояли из 90000 человек линейных и милиционных войск и 115000 волонтеров, то гарнизоны должны были бы поглотить по меньшей мере 25000 регулярных войск и 35000 волонтеров, оставив для полевой армии, предназначенной защищать Лондон, 65000 человек регулярных войск и 80000 волонтеров, причем 35000 человек, настоятельная потребность в которых, видимо, была бы очень велика в день боя, сидели бы спокойно и в полной безопасности за каменными стенами, на которые никто и не собирался бы нападать. Но эта армия была бы ослаблена не только на 35000 человек, она была бы также лишена укрепленной позиции, из которой ее могла бы выгнать только правильная осада; ей пришлось бы послать 80000 своих плохо руководимых и неопытных волонтеров сражаться в открытом поле, и таким образом она вынуждена была бы действовать в гораздо менее благоприятных условиях, чем армия, расположенная так, как указано выше.

Написано Ф. Энгельсом около 24 июля 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6020, 10 августа 1860 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* СОБЫТИЯ В СИРИИ. — АНГЛИЙСКАЯ ПАРЛАМЕНТСКАЯ СЕССИЯ. — СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ТОРГОВЛИ

Лондон, 28 июля 1860 г.

Так как только что вышла в свет Синяя книга о сирийских беспорядках и лорд Стратфорд де Редклифф назначил на ближайший вторник свой запрос о положении в Сирии[75], то я откладываю обсуждение этого важного вопроса и хочу только предупредить ваших читателей, чтобы они не поддавались сентиментальным декламациям бонапартистской прессы, чувствам ужаса перед жестокими насилиями диких племен и естественной симпатии к пострадавшим. Но все же имеется несколько моментов, на которых следует внимательно остановиться. Прежде всего надо отметить, что Российская империя, вследствие внутренних противоречий, которые возникли в связи с движением в пользу освобождения крепостных и расстройством финансов, находится в затруднительном положении, из которого нынешнее правительство не находит иного выхода, кроме большой войны. Война кажется ему единственным средством предотвращения угрозы революции, столь конфиденциально предсказанной князем Долгоруковым в его брошюре «Правда о России»[76]. Теперь прошло уже около трех месяцев с тех пор, как князь Горчаков пытался снова поставить на обсуждение восточный вопрос, выпустив свою циркулярную депешу о жалобах христиан в Турции, но его обращение, на которое откликнулся лишь одинокий голос из Тюильри, не произвело желаемого впечатления на общественное мнение Европы.

Именно с этого времени зашевелились русские и французские агенты, стремившиеся устроить политико-религиозную драку, — первые в Далмации, последние на Сирийском побережье, — причем оба движения поддерживали друг друга,

поскольку волнения в Черногории и в Герцеговине заставили Порту отвести почти всю турецкую армию, находившуюся в Сирии, и таким образом оставить совершенно открытой арену для чрезвычайно обостренной борьбы между варварскими племенами Ливана. Император французов, подобно православному царю, оказался вынужденным искать какого-нибудь нового и сенсационного крестового похода, чтобы снова усыпить свою империю воинственными галлюцинациями. Итальянское движение, выскользнув из его вожжей и приняв направление, противоположное тому, какое он хотел ему придать, *наскучило* общественному мнению Парижа, как деликатно намекнул «Constitutionnel». Его попытки прельстить прусского принца-регента насильственной «консолидацией Германии», за которую Франция должна была бы получить «моральную компенсацию» в виде рейнских провинций, окончились сплошной неудачей и даже сделали несколько смешным этого entrepreneur*, спекулирующего на национально-освободительном движении. Конфликт с папой, в который оказался вовлеченным Луи-Наполеон[77], нанес ущерб той опоре, на которой покоится его влияние среди крестьянства, — католическому духовенству Франции.

Императорская казна в течение некоторого времени находилась в состоянии истощения и продолжает пребывать в этом состоянии, причем была сделана тщетная попытка поправить положение путем распространения слухов о возможности выпуска emprunt de la paix (займа мира). Это было уж слишком даже для бонапартовской Франции. К займу, заключенному под предлогом войны, прибавить еще один заем, заключаемый под предлогом мира, — это был проект, неприемлемый даже для парижских биржевиков. Кое-какие робкие голоса кастрированной парижской прессы осмелились сделать намек, что благодеяния Второй империи столь же велики, сколь и дороги, ибо нация заплатила за эти благодеяния увеличением государственного долга на 50%. Проект займа мира в 500000000 франков был поэтому оставлен — отступление, которое только придало храбрости г-ну Фавру, чтобы выступить с пространной речью в Corps Legislatif** об угрозе «финансового краха» и разорвать в клочки цветистую газовую вуаль, которую императорский бюджетных дел мастер набросил на государственную казну. Критические замечания о характерных чертах декабрьского режима, на которые отважились г-н Фавр и г-н Оливье в Corps Legislatif среди «chiens savants» («ученых собак») этого мнимого представительства, а также бешеные

* — предпринимателя. *Ред.*
** — Законодательном корпусе. *Ред.*

нападки на интриги «старых партий»[78], которыми наводнена официальная, полуофициальная и официозная парижская пресса, одновременно свидетельствовали о наличии того неумолимого факта, что мятежный галльский дух снова возрождается из пепла и что продолжение господства узурпатора снова зависит от организации большого военного зрелища, как это имело место через два года после coup d'etat* и еще через два года после завершения крымского эпизода. Ясно, что самодержец Франции и самодержец России, под давлением одной и той же настоятельной необходимости бить в военные литавры, действуют во взаимном согласии. В то время как полуофициальные бонапартистские памфлеты предлагали прусскому принцу-регенту создание «Германского союза», связанное с «моральной компенсацией» в пользу Франции, император Александр, как это недавно утверждалось публично в изданиях германского «Национального союза»[79] и не было опровергнуто берлинской правительственной прессой, открыто предложил своему дяде присоединение к Пруссии всей Северной Германии до самого моря, на том условии, что Франции будут отданы рейнские провинции, а на продвижение России на Дунае будут смотреть сквозь пальцы. Именно это обстоятельство — одновременные заявления обоих самодержцев — и вызвало свидание в Теплице австрийского императора с принцем-регентом[80]. Однако на тот случай, если бы предпринятое ими искушение Пруссии не удалось, петербургские и парижские заговорщики приберегли потрясающий инцидент с сирийскими убийствами; последний должен был послужить поводом для французского вмешательства, которое открыло бы всеобщей европейской войне лазейку с черного хода в том случае, если бы она не смогла пройти через главные ворота. Что касается Англии, то я лишь добавлю, что в 1841 г. лорд Пальмерстон снабдил друзов оружием, которым они владеют и поныне, и что в 1846 г., путем соглашения с царем Николаем, он фактически уничтожил турецкое господство, обуздывавшее дикие племена Ливана, и выговорил для них мнимую независимость[81], которая с течением времени и под умелым руководством иностранных заговорщиков могла породить только кровавую жатву.

Вы знаете, что нынешняя парламентская сессия не имеет себе равных по числу следующих одна за другой правительственных неудач. Помимо бесплодных мероприятий г-на Гладстона в отношении покровительственных пошлин, ни одна важная мера не была проведена. Но в то время как правительство

* — государственного переворота. *Ред.*

брало обратно один билль за другим, оно ухитрилось контрабандным путем при втором чтении протащить небольшую резолюцию, состоящую всего из одной маленькой статьи, которая, если бы она была принята парламентом, вызвала бы величайшую конституционную перемену, которую когда-либо знала Англия с 1689 года[82]. Эта резолюция предлагала не более и не менее, как ликвидацию местной английской армии в Индии, поглощение ее британской армией и, следовательно, передачу верховного командования ею из рук генерал-губернатора в Калькутте Главному штабу в Лондоне, другими словами, герцогу Кембриджскому. Не говоря уж о других серьезных последствиях такой перемены, она поставила бы часть армии вне контроля парламента и усилила бы в величайшей степени прерогативы короны. По-видимому, некоторые члены Индийского совета, которые единодушно возражали против правительственного проекта, но в силу индийского акта 1858 г.[83] не могут быть членами палаты общин, инспирировали поддержку своего протеста несколькими членами парламента; и, когда правительство уже считало свою хитрость удавшейся, произошло внезапное парламентское émeute[*], руководимое г-ном Хорсменом, которое как раз вовремя уничтожило правительственную интригу. Это затруднение кабинета, обнаружившееся совершенно неожиданно, и замешательство палаты общин, попавшей в ловушку благодаря своему собственному глубокому невежеству, представляло собой действительно забавное зрелище.

Объявленная стоимость экспорта за последний месяц отражает процесс сокращения британской торговли. В соответствии с тем, что я отмечал в предыдущей корреспонденции[**], по сравнению с вывозом за июнь 1859 г., в июне 1860 г. наблюдается падение экспорта почти на $1^1/_2$ миллиона фунтов стерлингов.

Отчеты за июнь месяц для трех последних лет дают следующие цифры:

(в ф. ст.)

1858 г.	1859 г.	1860 г.
10 241 433	10 665 891	9 236 454

За полугодие 1860 г., окончившееся 30 июня, объявленная стоимость экспорта на один миллион меньше, чем за тот же период 1859 года:

(в ф. ст.)

1858 г.	1859 г.	1860 г.
53 467 804	63 003 159	62 019 989

[*] — восстание. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 76—80. *Ред.*

Падение экспорта в июне приходится на хлопчатобумажные ткани, хлопчатобумажную пряжу, полотно, скобяные и ножевые товары, железо и камвольные ткани. Даже в экспорте фабричных шерстяных товаров, в торговле которыми наблюдался все время, за исключением текущего месяца, неуклонный рост, обнаруживается снижение по статье «шерстяная и камвольная пряжа». Экспорт хлопчатобумажных товаров в Британскую Индию за *шесть месяцев* упал с 6094430 ф. ст. в первой половине 1859 г. до 4738440 ф. ст. в первой половине 1860 г., т. е. приблизительно на 1360000 фунтов стерлингов.

Что же касается импорта, то самой поразительной чертой его являются громадные размеры поступлений хлопка. В июне 1860 г. было получено 2102048 центнеров против 1655306 центнеров в июне 1859 г. и 1339108 центнеров в июне 1858 года. За шесть месяцев поставки возросли не менее чем на 3 миллиона центнеров, или больше чем на 60%. Стоимость хлопка, ввезенного в мае 1860 г., на 1800000 ф. ст. больше стоимости хлопка, ввезенного в мае 1859 года. На покупку хлопка-сырца в первые пять месяцев 1860 года было затрачено по меньшей мере на $6^1/_2$ миллионов ф. ст. больше, чем в тот же период 1859 года.

Если же мы сравним быстрое сокращение экспорта хлопчатобумажных товаров и пряжи с еще более значительным ростом ввоза хлопка, то станет ясно, что приближается кризис в хлопчатобумажной промышленности, тем более, что новые поступления хлопка-сырца сталкиваются с необычайно обильными запасами хлопка.

Написано К. Марксом. 28 июля 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6021, 11 августа 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

МОЖЕТ ЛИ ЛОНДОН СТАТЬ ДОБЫЧЕЙ ФРАНЦУЗОВ?

В опубликованном недавно в Лондоне докладе комиссии британской национальной обороны говорится, что если бы император французов вздумал послать в Англию вражескую армию, то «все боеспособные суда королевского флота» не смогли бы помешать ей высадиться на каком-нибудь участке береговой линии Англии и Уэльса протяженностью в 2147 миль, не говоря уже о береговой линии Ирландии. Поскольку неоднократно, до и после опубликования знаменитой брошюры де Жуанвиля[84], признавалось также, что при умелом командовании можно было бы осуществить высадку на Британских островах 100000 и более французов, единственно важным и заслуживающим рассмотрения является вопрос о том, какими средствами располагает Великобритания для оказания сопротивления такому вторжению.

Согласно решению палаты общин, в мае нынешнего года были опубликованы данные о численности британских сухопутных войск. Данные эти следующие: весь численный состав воинских частей равен 144148; строевых военнослужащих всех чинов на 1 мая — 133962; численность формирований милиционных войск — 19333. Когда эти данные были обнародованы, во всех трех королевствах со всех сторон раздался почти всеобщий голос протеста против способа расходования 75000000 долларов, ассигнованных по военной смете, поскольку проверка подлинной численности линейных войск, выраженной цифрой 144148 человек, «обнаружила тот поразительный факт, что едва ли можно собрать в каком-либо одном пункте для наступательных или оборонительных целей 30000 человек пехоты».

Г-н Сидни Герберт и его коллеги из Главного штаба немедленно устроили совещание, а лондонская газета «Times» постаралась рассеять тревогу населения. Газета писала:

«Мы имели возможность изучить цифры, которыми подкрепляются эти данные, и довольно обстоятельно выяснили действительное положение дел».

Газета «Times» пыталась

«показать, что если термином «войска» предполагалось обозначить только линейную пехоту, то положение было отражено довольно точно, но что в действительности армия, находящаяся внутри страны, содержит крупные соединения и других родов войск, так что их общая численность вовсе не так мала, как это могло бы показаться».

Результатом этой нервозности публики и совещания в Главном штабе явилась совершенно новая статистическая таблица, определяющая численность вооруженных сил Великобритании в метрополии цифрой 323259, т. е. на 179111 человек больше, чем по данным, приведенным два месяца тому назад. Расхождение это нетрудно объяснить. Первая цифра была пущена в ход с целью обозначить число людей, которых при благоприятных обстоятельствах и по получении ими своевременного уведомления можно было бы немедленно зачислить на службу; вторая же цифра имела назначение показать общее число мужчин и юношей, внесенных в ведомости на выплату содержания и, соответственно, получающих долю из упомянутых 75000000 долларов, а также 227179 человек волонтеров и милиционных войск, из числа которых 200000 фактически не существуют как солдаты. Сюда же, кроме того, причислены 33302 человека, как принадлежащие к «пунктам формирования». Чтобы нас не обвинили в пристрастном описании этих «пунктов формирования», мы процитируем в качестве авторитета лондонскую газету «Times»:

«Войска в пунктах формирования фактически предназначаются не для службы на родине, а для службы за границей. Они входят в состав батальонов, находящихся за границей, и нет ничего удивительного, что они сравнительно мало пригодны для службы на родине».

Короче говоря, это попросту непригодные части, которые состоят из рекрутов, находящихся не более трех месяцев на службе и отправляемых в части, расположенные за границей, каждые три месяца или чаще после зачисления их на службу, и из лиц пожилого возраста, не годных к службе, оставленных на родине ввиду того, что их невозможно использовать, «так что эти отряды из лиц пожилого возраста и необученных никак не могут быть приравнены к батальонам регулярных войск».

От пунктов формирования перейдем к волонтерам и милиционным войскам. Достаточно повторить, что по меньшей мере 200000 человек существуют в данный момент лишь на бумаге. Г-н Мегвайр недавно доказывал в парламенте, что почти в каждом полку милиции по спискам Главного штаба числится на 200—300 человек больше, чем когда-либо можно было бы собрать в строю. Г-н Сидни Герберт сделал аналогичное признание. В ирландских милиционных войсках, где солдаты вследствие лишений и бедности вынуждены являться более аккуратно, чем их английские товарищи, многие полки, в которых официально числится по 800 человек, — например, Уотерфордский — насчитывают лишь по 400 человек. Подсчет, определяющий численность милиционных и волонтерских войск Англии в 138560 человек, по всей вероятности, настолько приближается к истине, насколько это вообще возможно для подсчета беспристрастного статистика.

Численность регулярной армии в метрополии, согласно недавнему сообщению военного министерства, равна 68778 человек. Сюда входят: гвардейская кавалерия (1317 человек), инженерные войска (2089 человек), армейский санитарный корпус из лиц, не годных к строевой службе, военный обоз и прочие в известной мере бесполезные для боя войска. Чтобы избежать споров, допустим, что все 68000 человек являются годными. Если предположить, что вся милиция и волонтеры находятся в сборе и под ружьем, мы получим общий итог в 206560 человек. Можно даже прибавить к этому списку еще ирландскую полицию, что увеличит его приблизительно до 237000. Номинальная численность регулярной армии и формирований милиции была только что определена в 100000 человек, примерно на 16000 больше реальной цифры, но мы будем считать эти данные достоверными. Если допустить, что 15000 волонтеров могли бы быть собраны в определенном пункте в течение трех дней после высадки французов, Англия все же имела бы в своем распоряжении армию в 115000 человек. При этом надо помнить, что из них не менее 25000 являются новичками в обращении с оружием. Далее, все военные верфи, арсеналы и объекты государственного значения потребовали бы усиления гарнизонов, так как в военно-морских портах никогда не бывает более 8000 человек морской пехоты. В Ирландию, независимо от того, окажет ли «национальная петиция» какое-либо влияние в смысле внушения ирландцам дружеских чувств к солдатам Мак-Магона, также придется направить армию. Всех добровольцев и милиции не хватило бы для поддержания порядка на Изумрудном острове, особенно ввиду предстоящего

сражения. Правительству ее величества пришлось бы выделить для этой страны по меньшей мере 10000 регулярных и 25000 иррегулярных войск, не считая полиции. В общей сложности это составило бы около 55000 человек, и только 80000 солдат осталось бы в Англии и Уэльсе для охраны арсеналов, оружейных заводов и военных верфей. Было бы легкомыслием полагать, что менее 20000 пригодных к службе войск будет достаточно для выполнения этой важной задачи, допуская даже, что вышедшие из строя или неопытные солдаты в пунктах формирования сумели бы постоять за себя сами. Таким образом, наполеоновской армии в 100000 французов, зуавов и др. противостояли бы 60000 красных мундиров, из которых немногим более 45000 принадлежало бы к линейным частям. Едва ли можно сомневаться, каков будет результат столкновения этих двух противопоставленных друг другу армий.

На это последует возражение, что Франция не сумела бы снарядить и переправить через Ла-Манш 100000 человек, сохраняя все в тайне. Возможно; но Англия не знала бы, откуда ожидать удара, и, естественно, страшилась бы за участь своих владений на побережье Средиземного моря и пыталась бы усилить там свои гарнизоны на тот случай, если угроза нападения на Лондон оказалась бы маскировкой конечных целей нападения на Мальту и Гибралтар. На нескольких судах своего ламаншского флота она послала бы в эти пункты 20000—30000 солдат, конечно не «волонтеров», и тем самым взвалила бы на этих последних все бремя борьбы с неприятелем внутри страны. Некоторые известные авторы утверждают, что даже разграбление Лондона в конечном счете принесло бы Англии меньше вреда, чем ее изгнание с Мальты и из Гибралтара.

Однако на это нам скажут, что достаточно будет провозглашения национальной опасности, чтобы по всей стране, от Чивиот-Хилс до Корнуэлла, поднять всех британцев и сбросить в море вторгшегося неприятеля. Это правдоподобно. Но опыт учит нас, что, независимо от силы патриотизма масс, тот факт, что обычно у населения отсутствует оружие, а если оно и имеется, то им не умеют пользоваться, делает их воинственное настроение в случае войны весьма малоценным. Палки-стилеты и вилы могут служить чрезвычайно опасным для человеческой жизни оружием в Севен-Дайалс* или в провинции, но нелепо думать, будто в борьбе с зуавами они окажутся неодолимыми. Весьма сомнительно также, чтобы буржуазия, которая почти исключительно представлена в волонтерских

* — рабочий квартал в центре Лондона. *Ред.*

войсках, с той же готовностью откликнулась на призыв в момент, когда французы будут находиться на их родном острове, с какой ее представители являются на смотр, чтобы принять поздравления ее величества. Во всяком случае, признать вероятность вторжения армии, насчитывающей 150000 человек, не более нелепо, чем полагать, что волонтеры могут выставить 120000 человек, поскольку сердечное приглашение из Бекингемского дворца не в состоянии собрать к концу двенадцатимесячного набора более 18300 человек.

Ввиду того, что высказываются некоторые сомнения относительно численности войск, которые действительно принимали участие в смотре в Гайд-парке, мы приводим отрывок из «Manchester Guardian» о втором дне парада. «Собственный корреспондент», о котором здесь упоминается, это г-н Том Тейлор, близкий и доверенный друг полковника Мак-Мердо:

«Как, вероятно, помнят наши читатели, наш собственный корреспондент, основываясь на официальных данных полковника Мак-Мердо, заявил, что их численность равна 18300 человек, то есть несколько меньше цифры, установленной сэром Джоном Бёргойном. Но воинская выправка волонтеров занимала, по-видимому, сэра Джона больше, нежели их численность».

Оценивая численность войск, которые, вероятно, могли бы быть сосредоточены для сопротивления вторжению, мы умышленно придерживались самого благоприятного для Великобритании подсчета. Наш отчет о постоянной армии признает годным каждого солдата, как больного, так и здорового, имя которого значится в воинских списках. Мы определили численность милиции и волонтеров в 115000 человек — цифра, которую лица, хорошо знакомые с положением дела, могут счесть значительно превышающей подлинную численность. Кроме того, совершенно не принимались во внимание следующие чрезвычайно важные моменты обсуждаемой темы: признанные способности старшего командного состава французской армии, превосходство французской воинской дисциплины, общее превосходство французской тактики и, с другой стороны, неоспоримое тупоумие многих высших офицеров английской армии, небрежное управление регулярной армией и волонтерами (после предупреждения, данного за пять недель, один полк милиции в мае текущего года явился на смотр, имея в своем составе 135 человек босых), наконец, заведомо худшие боевые качества британской армии в целом по сравнению с французской армией.

Принимая во внимание эти обстоятельства, следует считать несомненным, что, если бы Наполеон с армией в 150000 или

даже в 100000 человек высадился завтра в удачно выбранном порту Англии, ему удалось бы «разграбить Лондон» и избежать того «уничтожения», которое, как недавно утверждала одна лондонская газета, должно было бы стать его неизбежной участью, «если бы он с враждебным намерением вступил на саксонскую землю».

Написано Ф. Энгельсом в конце июля 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6021, 11 августа 1860 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СОЮЗ

Лондон, 3 августа 1860 г.

Высказанные мною в последней корреспонденции* соображения о существовании тайной связи между резней в Сирии и русско-французским союзом получили неожиданное подтверждение с той стороны Ла-Манша в виде брошюры, напечатанной у г-на Дантю в прошлый вторник под заглавием «Сирия и союз с Россией» и приписываемой перу г-на Эдмона Абу[85]. Г-н Дантю, как вам известно, является издателем французского правительства, печатающим все полуофициальные брошюры, время от времени посвящавшие Европу в тайны «исследований», которыми в тот или иной момент увлекались в Тюильри. Названная выше брошюра приобретает особый интерес ввиду того обстоятельства, что она вышла в свет непосредственно вслед за любовным посланием героя декабря, адресованным Персиньи[86], которое имело целью загипнотизировать Джона Буля, причем один экземпляр этого послания лорд Джон Рассел отправил лондонской газете «Times», отказавшись в то же время представить его парламенту. Нижеследующие отрывки содержат наиболее существенные моменты брошюры «Сирия и союз с Россией».

«Христианская Европа, как во времена крестовых походов, потрясена ужасным преступлением, ареной которого только что явилась Сирия. Семьсот тысяч христиан отданы во власть беспощадного фанатизма двух миллионов мусульман, и турецкое правительство своим необъяснимым бездействием, кажется, само выдает свою причастность к этому делу. Конечно, Франция отреклась бы от всех своих традиций, если бы тотчас же не взяла на себя почетную роль защитницы жизни и имущества тех, которые в далеком прошлом были воинами Петра Пустынника и Филиппа-Августа... Поэтому пора уже подумать о том, как выйти из положения,

* См. настоящий том, стр. 102—104. *Ред.*

которое в случае, если оно продлится, неизбежно приведет к великому бедствию — к полному истреблению христианских подданных Порты. Экспедиция, о которой так много говорит турецкое правительство, совершенно недостаточна для того, чтобы восстановить порядок. Державы, которые имеют единоверцев в Сирии и справедливо тревожатся за их безопасность, должны приготовиться к физическому вмешательству. Если они будут медлить, будет уже поздно защищать эти жертвы; их единственным долгом будет отомстить за мучеников.

Две нации особенно заинтересованы в защите креста на этих отдаленных берегах: Франция и Россия. Каковы могли бы быть последствия союза их оружия и как этот союз отразился бы на дальнейшей организации Европы? Исследованием этих вопросов мы и намерены заняться.

В определенные периоды истории, под действием определенных законов притяжения и соединения, народы образуют политические комбинации, неизвестные в прошлом. Мы «присутствуем» при одном из таких критических моментов в жизни человечества. Сирийский вопрос — лишь один из узлов весьма сложного положения. Вся Европа находится в состоянии ожидания и беспокойства; она ждет всеобъемлющего разрешения вопроса, которое заложило бы основу прочного мира как в Европе, так и на Востоке. Но цель эта может быть достигнута только в том случае, если организация нашего континента будет соответствовать желаниям и требованиям современных национальностей, борющихся под ярмом рабства. Враждебные религиозные устремления, несходство темпераментов, совершенно различные языки — все это способствует поддержанию в определенных европейских государствах тревожных настроений, которые мешают восстановлению доверия и препятствуют прогрессу цивилизации. Мир, эта конечная цель, к которой стремятся все правительства, может быть только тогда прочно обеспечен, когда исчезнут постоянные причины волнений, только что указанные нами. Мы поэтому хотим сделать два вывода:

1. Везде, где это возможно, следует способствовать созданию однородного и национального государства, назначением которого было бы поглощать и концентрировать в мощном единстве население, имеющее общие идеи или стремления.

2. Следует проводить и поддерживать этот принцип, не прибегая к оружию.

С первого же взгляда на Францию и Россию видно, что они осуществили идеал монархии. Хотя их отделяют друг от друга целых 400 лье, эти две державы самыми различными путями достигли единства, которое одно только создает прочные государства, а не эфемерные области, границы которых могут изменяться каждый день благодаря случайностям войны... Цари, обдумывая в течение последних 135 лет завещание Петра Великого, не переставали бросать алчные взоры на Европейскую Турцию... Должна ли Франция по-прежнему протестовать против притязаний царей на одряхлевшую империю султана? Мы думаем, что нет. *Если бы Россия предложила нам свое содействие в деле возвращения нам рейнской границы, то, по нашему мнению, какое-либо государство не было бы слишком высокой платой за этот союз. Благодаря такой комбинации Франция могла бы восстановить свои действительные границы, намеченные географом Страбоном восемнадцать столетий тому назад».*

(Затем следует цитата из Страбона, перечисляющая преимущества Галлии в качестве территории могущественной державы.)

«Легко понять, что Франция должна стремиться воссоздать это божественное творение» (видимо, имеются в виду границы Галлии), «чему

в течение стольких столетий мешала человеческая хитрость, и это тем более в порядке вещей, что в тот период, когда мы и не думали о расширении территории, Германия тем не менее периодически проявляла беспокойство, бросая нам как вызов патриотическую песнь Беккера... Мы знаем, что не мы одни помышляем о расширении своих границ. И если Россия взирает на Константинополь с теми же намерениями, с какими мы смотрим на Рейн, то нельзя ли извлечь некоторую пользу из этих аналогичных претензий и заставить Европу принять комбинацию, которая России отдала бы Турцию, а Франции — ту рейнскую границу, в которой Наполеон I в 1814 г. видел sine qua non* условие своего существования как монарха?

В Европе только два миллиона турок, между тем как имеется тринадцать миллионов греков, духовным главой которых является царь... Греческое восстание, длившееся девять лет, было лишь прелюдией к движению, сигналом к возникновению которого может послужить резня в Сирии. Греческие христиане только и ждут приказа от своего главы в Петербурге или от патриарха в Константинополе, чтобы восстать против неверных; и мало кто из дальновидных политиков не предвидит разрешения восточного вопроса в благоприятном для России смысле, и притом в недалеком будущем. Поэтому неудивительно, если по зову своих единоверцев, ободряемые предсказаниями Сталезанова, русские в любой момент будут готовы перейти Прут.

Если мы бросим взгляд на наши границы, то соображения, оправдывающие наши стремления, окажутся такими же вескими, как и те, которые руководят Россией. Оставим в стороне все исторические воспоминания, все географические мотивы, рассмотрим одну за другой провинции, прилегающие к Рейну, и исследуем причины, которые говорят в пользу их аннексии.

Во-первых, перед нами Бельгия. По совести говоря, трудно оспаривать разительное сходство, давшее повод некоторым историкам назвать бельгийцев французами Севера. Действительно, в этой стране образованные классы пользуются исключительно французским языком, фламандский же диалект понимают лишь низшие классы населения в нескольких местностях. Кроме того, вся Бельгия привержена к католицизму, и именно Франции, своей сестре по происхождению, языку и религии, она обязана своей независимостью. Не будем напоминать о том, что Бельгия, завоеванная нашим оружием в 1795 г., до 1814 г. составляла девять французских департаментов. Однако иго наше, по-видимому, не было таким уж тяжелым, так как в 1831 г. Бельгия, не сумев добиться от великих держав разрешения присоединиться к Франции, предложила, по постановлению обеих палат, бельгийскую корону герцогу Немурскому, сыну французского короля. Отказ этого последнего заставил их предложить ее затем герцогу Саксен-Кобургскому, ныне Леопольду I, но прецедент, на который мы ссылаемся, кажется нам крайне важным; он дает основание предполагать, что если бы Бельгию спросили о ее мнении, то она оказалась бы не менее великодушной, чем Савойя, и лишний раз доказала бы, как велики симпатия и уважение, которые внушает ей величие Франции. Оппозиция некоторых представителей высших классов была бы очень скоро заглушена рукоплесканиями народа.

Перед впадением в море Рейн разветвляется на три рукава, из которых два текут почти прямо в северном направлении, — Иссель, впадающий в Зёйдер-Зе, и Ваал, приток Мааса. Если бы Франции снова пришлось проводить свои границы, не могла ли бы она взять линию собственно Рейна вместо линии Ваала или Исселя, чтобы отрезать как можно меньшую часть Южной Голландии? Конечно, она поступила бы именно так.

* — непременное. *Ред.*

Более того, необходимость исправления нашей границы по линии Рейна, взятой за основу, отнюдь не означает, что оно должно быть проведено за счет Голландии. Для удовлетворения нашей потребности в расширении, которого уже давно так громко требует общественное мнение, было бы достаточно Бельгии в ее теперешних границах. К тому же линия Шельды является границей, предоставленной Франции по Люневильскому договору 1801 года».

Дальше следует небольшой отрывок, доказывающий при помощи таких же аргументов необходимость аннексии великого герцогства Люксембургского, «которое составляло при Империи Departement des Forets*». После этого автор брошюры переходит к доказательству необходимости присоединения Рейнской Пруссии:

«С переходом Бельгии и Люксембурга в наше владение наша задача еще не выполнена... Чтобы улучшить наши границы, мы должны присоединить не меньше двух третей Рейнской Пруссии, всю Рейнскую Баварию и около трети великого герцогства Гессенского. Все эти земли при Империи составляли департаменты Рура, Рейна и Мозоля, Саара, Мон-Тоннера и великое герцогство Бергское. В 1815 г. они были распределены между несколькими владельцами, чтобы затруднить возвращение этих провинций в наши руки. Замечательно то, что эти провинции, присоединенные к французской монархии, лишь в течение немногих лет находились в непосредственных сношениях с нами, и, однако, нагое временное пребывание оставило там неизгладимые следы. О том, какими знаками расположения окружают французского путешественника в этих областях, пусть скажут те, кто туда ездил. За последние 45 лет ни один французский солдат не нес гарнизонной службы в городах, расположенных на берегах Рейна, и тем не менее прямо удивительно, до какой степени трогательно относятся здесь к нашим мундирам. Как и мы, они католики; как и мы, они французы. *Разве не в Ахене находился двор нашего императора. Карла Великого?..* Смежные с Францией рейнские провинции должны стать политически зависимыми от Франции, подобно тому как они зависят от нее и в природном отношении».

Затем автор возвращается к России и, показав, что Крымская война не является преградой к союзу между Францией и Россией, *хотя тогда они еще не пришли к соглашению,* следующим образом повествует об одном из мотивов, на основании которых Франция претендует на благодарность России:

«Надо помнить, что Франция не поддерживала планов Англии на Балтийском море. Мы не знаем, имело ли бы успех нападение на Кронштадт в любом случае; оно не было предпринято, как мы имеем основание полагать, благодаря сопротивлению Франции».

После экскурса в область Итальянской войны автор выражает уверенность, что в конце концов Пруссия присоединится к франко-русскому союзу:

«Но чтобы заставить берлинский кабинет присоединиться к нашей политике, его надо освободить от влияния Англии, Как это можно сделать?

* — Лесной департамент. *Ред.*

Добившись того, чтобы Пруссия перестала быть нашим соседом на Рейне, и обещав поддержать ее законные притязания на преобладание в Германии. Уступка этих рейнских провинций заставит Баварию и Пруссию искать компенсации за счет Австрии. Союз с Англией может дать Пруссии только status quo*, союз же с Францией открывает перед ней беспредельные горизонты!

Когда между Францией, Россией и Пруссией будет заключен искренний союз, — а мы имеем основание надеяться, что он будет заключен, — вытекающие из него последствия будут самыми естественными... Как мы показали выше — 1800 лет тому назад Страбон считал это бесспорным, — Рейн является естественной границей Северной Франции. Пруссия больше всего страдает от этого расширения территории. В течение последних 45 лет она охраняла Рейн, как дракон, охранявший сад Гесперид. Устраните эту причину вражды между Францией и Пруссией; пусть левый берег Рейна снова станет французским; в награду за услугу Пруссия получит компенсацию за счет Австрии — эта держава будет наказана за свое вероломство и неповоротливость. Следует сделать все, чтобы мир был длительным.

Надо сообразоваться с желаниями населения, чтобы не было насильственных аннексий. Если Россия окажется в Константинополе, а Франция на Рейне, если Австрия уменьшится в своих размерах, а Пруссия получит преобладание в Германии, откуда могли бы возникнуть в Европе беспорядки или революции? Разве Англия посмеет одна выступить против России, Пруссии и Франции? Мы не можем допустить этого. Однако если бы это и случилось, если бы Великобритания отважилась на такое безрассудство, она получила бы строгий урок; Гибралтар, Мальта, Ионические острова являются залогом того, что она будет держать себя спокойно; все это уязвимые места ее брони. Но хотя она будет в состоянии лишь бесплодно волноваться у себя на острове и будет вынуждена оставаться пассивным наблюдателем того, что происходит на континенте, ей все же будет разрешено высказать свое мнение, благодаря тем пяти-шести тысячам человек, которых она пошлет в Сирию.

Наступил момент, когда наша политика должна быть ясно определена. Именно в Сирии Франция должна мирным путем завоевать рейнскую границу, укрепив свой союз с Россией. Но мы должны позаботиться о том, чтобы не дать России расширяться безгранично. Провинции к северу от Босфора должны удовлетворить ее притязания. Малая Азия должна остаться нейтральной территорией. Если бы можно было рассматривать практический вопрос в поэтическом и практическом свете, то мы бы сказали, что выбор нами сделан; как раз выдвинулся человек, который кажется воплощением идеи, которую мы хотели бы видеть представленной в Сирии. Это — Абд-эль-Кадир. Он достаточно правоверный мусульманин, чтобы снискать доверие мусульманского населения; он достаточно цивилизован, чтобы быть одинаково справедливым ко всем; он связан с Францией узами благодарности, он будет защищать христиан и заставит повиноваться буйные племена, всегда готовые нарушить спокойствие в Малой Азии. Назначение Абд-эль-Кадира эмиром Сирии было бы достойной наградой за услуги нашего пленника».

Критические замечания на брошюру Абу написаны К. Марксом 3 августа 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6025, 16 августа 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — существующий порядок, существующее положение. *Ред.*

К. МАРКС

ПОШЛИНЫ НА БУМАГУ. — ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА

Лондон, 7 августа 1860 г.

Большое фракционное сражение нынешней сессии, разыгравшееся вчера вечером в палате общин в присутствии большинства ее членов, оказалось неудачным с точки зрения сценического эффекта, хотя и явилось триумфом с точки зрения министерства. Предложенные г-ном Гладстоном резолюции о понижении таможенных пошлин на бумагу до уровня акцизных сборов — с некоторой незначительной надбавкой к таможенным пошлинам для компенсации возможных неудобств акцизного сбора — прошли большинством в 33 голоса. Однако палата общин полностью выдержала свой стиль. Была здесь арена, были гладиаторы со своими оруженосцами, но не было публики, сколько-нибудь достойной упоминания. Еще до начала боя его исход был известен и бюллетень опубликован. Отсюда безучастие публики. Небезызвестно, что входящие в коалицию партии, образующие так называемую «великую либеральную партию»[87], владеют парламентским большинством, так что поражение кабинета могло бы явиться лишь следствием раскола в рядах большинства. Однако этот пункт был улажен в официальной резиденции лорда Пальмерстона, куда он заранее вызвал либеральных членов палаты всех цветов и оттенков. Сама резолюция исходила от. манчестерской фракции в министерстве, ибо лорд Пальмерстон мог сохранить поддержку гг. Гладстона и Милнера Гибсона, лишь взяв на себя обязательство возвести резолюцию г-на Гладстона в ранг правительственной резолюции. Он уже раньше обманул их доверие своей тактикой при проведении законопроекта об уничтожении пошлин на бумагу. На этот раз они принудили его держаться определенной ли-

нии поведения. Правоверные виги были единственной фракцией большинства, подозреваемой в предательских замыслах; но сурового голоса их хозяина и нависшей над ними угрозы нового роспуска парламента оказалось достаточно, чтобы возвратить их под власть строгих правил дисциплины. Итак, за много часов до начала представления весь Лондон в точности знал результат партийной процедуры, и, за исключением завсегдатаев галереи для публики, никто не стремился присутствовать на показном сражении в церкви св. Стефана[88]. Действительно, это было довольно скучное зрелище; некоторое оживление внесло лишь увлекательное красноречие г-на Гладстона, а также тщательно подготовленная защитительная речь сэра Хью Кернса. Г-н Гладстон старался изобразить оппозицию против его законопроекта как последнюю отчаянную попытку сопротивления, оказываемую протекционизмом фритредерству. Когда он сел, аплодисменты, покрывшие его последние слова, казалось, приветствовали в его лице подлинного вождя либеральной партии, в которой лорд Пальмерстон является далеко не любимым деспотом. Выступавший от имени консерваторов сэр Хью Керне с помощью строго логичной аргументации и глубокого анализа доказывал, что понижение таможенной пошлины на бумагу до уровня акцизной пошлины отнюдь не обусловлено торговым договором с Францией. Его противник генерал-атторней сэр Ричард Бетелл, либерал, поступил бестактно, выказав раздражение по поводу успеха своего соперника и высмеивая «адвокатское красноречие» сэра Хью; тем самым он навлек на свою бедную голову поток неодобрительных возгласов консерваторов, прерывавших его речь.

Итак, большое фракционное сражение нынешней сессии закончено, и теперь наверняка достопочтенные члены парламента начнут целыми группами покидать палату общин, так что лорд Пальмерстон, возможно, теперь просто измором добьется проведения любого угодного его сердцу мелкого законопроекта, вроде, например, чудовищного индийского билля о слиянии местной европейской армии с британской армией[89]. Если бы требовалось какое-либо новое убедительное доказательство глубокой деградации парламентаризма в Англии, то таким доказательством мог бы служить этот индийский билль и отношение, которое он встретил в палате общин. Всякий хоть сколько-нибудь авторитетный в индийских делах и мало-мальски разбирающийся в них член палаты общин был против этого билля. Большинство членов палаты общин не только само признавало свою полную неосведомленность, но и высказывало мрачные подозрения насчет скрытых намерений авторов

законопроекта. Большинство не могло не признать, что билль протащили в палату обманным путем; что самые важные документы, необходимые для правильной оценки положения, были мошенническим образом скрыты; что министр по делам Индии[*] внес законопроект вопреки несогласию всех членов Индийского совета — о чем он, явно в нарушение новой конституции, дарованной Индии в 1858 г.[90], не счел нужным довести до сведения палаты; наконец, что кабинет даже не пытался привести каких-либо оснований в пользу проведения через палату общин с такой неприличной поспешностью к концу сессии — после того как все сколько-нибудь важные вопросы были сняты с обсуждения — билля, фактически коренным образом изменявшего британскую конституцию путем колоссального усиления власти короны и создания армии, которая на практике во всех отношениях оказалась бы независимой от парламентских ассигнований. И все же билль может теперь пройти, ибо главари обеих фракций, по-видимому, тайно сговорились с двором.

Письмо Луи-Наполеона к его возлюбленному Персиньи продолжает оставаться в центре внимания как в Англии, так и по ту сторону Ла-Манша. Во-первых, протест Порты против сирийской экспедиции, в том виде, в каком ее первоначально проектировали Франция и Россия[91], нашел, по-видимому, сильную поддержку Австрии и Пруссии, а лорд Пальмерстон, который совсем недавно, во время дебатов об укреплениях, избрал Луи-Наполеона главным объектом британских подозрений, не мог не бросить свой авторитет на чашу весов в пользу Турции и немецких государств. Далее, декабрьский герой, по-видимому, несколько напуган не только диктаторским тоном России, но в еще большей степени насмешками, повторяемыми в салонах «anciens partis»[**], и глухим ропотом, доносящимся из парижских предместий по поводу «alliance cosacque»[***].

Чтобы сделать этот союз приемлемым для Парижа, нужно, чтобы положение гораздо более осложнилось. При столь печальных обстоятельствах и в состоянии явного смятения духа Луи-Наполеон сочинил свое письмо, некоторые места которого крайне забавны.

Англичанин, наверное, не удержится от хохота, читая такую фразу, обращенную к лорду Пальмерстону: «Давайте же придем к искреннему соглашению, *как честные люди, каковыми мы являемся, а не как воры,* желающие надуть друг друга»; но лишь французский слух способен оценить отчаянную безвкусицу

[*] — Ч. Вуд. *Ред.*
[**] — «старых партий». *Ред.*
[***] — «союза с казаками». *Ред.*

с сильной примесью нелепицы во французском оригинале: «Entendons nous loyalement comme d'honnetes gens, que nous sommes, et non comme des larrons, qui veulent se duper mutuellement». Всякий француз, прочтя эту фразу, не может не вспомнить подобную же сентенцию в знаменитой пьесе «Робер Макер»[92].

Прилагаю некоторые сравнительные данные о государственных расходах Франции и Англии. Согласно временному или запроектированному бюджету, общий доход Франции на 1860 г. оценен в 1825 миллионов франков или в 73000000 ф. ст., поступающих из следующих источников:

	ф. ст.
I. Прямые налоги, земля, дома, личные патенты	18 800 000
II. Доходы от регистрации (гербовый сбор и владения)	14 300 000
III. Леса, лесные заповедники и рыбные промыслы	1 500 000
IV. Таможенные пошлины и налог на соль	9 100 000
V. Косвенные налоги (акцизы и т. д.)	19 500 000
VI. Почта	2 300 000
VII. Разные доходы	7 500 000

Доход Англии на 1859 г. (финансовый отчет за 1860 г. еще не опубликован) представляется в следующем виде, причем берутся круглые цифры, как и для французского отчета:

	ф. ст.
I. Налоги (включая подоходный)	10 000 000
II. Гербовые сборы	8 250 000
III. Коронные земли	420 000
IV. Таможенные пошлины	24 380 000
V. Акциз	18 500 000
VI. Почта	3 200 000
VII. Разные доходы	2 100 000

Сравнение государственных расходов обеих стран показывает следующее:

	Франция (в ф. ст.)	Англия (в ф. ст.)
Проценты по государственному долгу	22 400 000	28 500 000
Армия и флот	18 600 000	22 500 000
Цивильный лист короны	1 000 000	400 000
Расходы по сбору доходов	8 000 000	4 500 000
Прочие расходы	23 000 000	9 000 000
Итого	73 000 000	65 000 000

Из последней таблицы можно видеть, что проценты по государственному долгу в бонапартовской Франции быстро поднимаются до уровня Англии; что континентальная централизованная монархия меньше расходует на армию и флот, нежели островная олигархия; что какой-то Луи-Наполеон для своих личных расходов требует в два с половиной раза больше денег, чем английский монарх, и, наконец, что в такой бюрократической стране, как Франция, расходы по сбору доходов растут в пропорции, не соответствующей сумме самих доходов.

Написано К. Марксом 7 августа 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6030, 22 августа 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ГАРИБАЛЬДИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Лондон, 8 августа 1860 г.

В Южной Италии дело близится к развязке. Если верить французским и сардинским газетам, 1500 гарибальдийцев высадились на побережье Калабрии, причем с часа на час ожидается прибытие Гарибальди. Но даже если эти известия преждевременны, не может быть никакого сомнения, что до середины августа Гарибальди перенесет театр войны на итальянский полуостров.

Чтобы разобраться в передвижениях неаполитанской армии, необходимо иметь в виду, что в ее рядах действуют два враждующих течения: умеренная либеральная партия, официально стоящая у власти и представленная правительством, и абсолютистская камарилья, с которой связано большинство высшего офицерства армии. Приказы правительства парализуются тайными приказами двора и интригами генералов. Отсюда противоречивость передвижений и противоречивость сообщений. Сегодня нам говорят, что все королевские войска должны покинуть Сицилию, завтра же оказывается, что они заняты подготовкой новой операционной базы у Милаццо. Такое положение дел свойственно всем половинчатым революциям; в 1848 г. подобные ситуации возникали повсюду в Европе.

В то время как неаполитанское правительство предложило эвакуировать остров, Боско — как видно, единственный решительный человек в этом сборище старых баб с эполетами неаполитанских генералов — спокойно приступил к превращению северо-восточной части острова в укрепленную базу, откуда можно было бы предпринять обратное завоевание острова; с этой целью он направился к Милаццо с отборным отрядом

лучших солдат, каких он мог найти в Мессине. Здесь он столкнулся с бригадой гарибальдийцев под командой Медичи. Однако он не решался предпринять сколько-нибудь серьезного нападения на гарибальдийцев; тем временем известили самого Гарибальди, который явился с подкреплениями. Тогда уже вождь повстанцев напал на королевские войска и в упорном сражении, длившемся более двенадцати часов, разбил их наголову. Силы обеих участвовавших в бою сторон были приблизительно равны, но неаполитанцы занимали очень сильную позицию. Однако ни позиции, ни солдаты не смогли устоять против стремительного натиска повстанцев, которые погнали неаполитанцев прямо через город в цитадель. Тогда последним оставалось лишь сдаться, и Гарибальди разрешил им сесть на корабли, но без оружия. После этой победы Гарибальди немедленно направился к Мессине, где неаполитанский генерал согласился сдать внешние форты города при условии, что его не будут трогать в цитадели. Цитадель Мессины, которая не может вместить более нескольких тысяч человек, никогда не станет серьезным препятствием для дальнейшего наступления Гарибальди; поэтому он поступил совершенно правильно, избавив город от бомбардировки, которая явилась бы неизбежным следствием любого штурма. Во всяком случае серия этих капитуляций — в Палермо, Милаццо и Мессине — в гораздо большей степени подорвет веру королевских войск в себя и своих командиров, нежели вдвое большее количество побед. Капитуляции неаполитанцев перед Гарибальди стали обычным явлением.

С этого момента сицилийский диктатор мог думать о высадке на континент. Паровых судов у него, по-видимому, еще недостаточно, чтобы обеспечить высадку далее к северу, где-либо в шести или восьми переходах от Неаполя, хотя бы в заливе Поликастро. Поэтому он, видимо, решил переправиться через пролив в самом узком месте, т. е. в крайнем северо-восточном пункте острова, к северу от Мессины. В этом пункте он, как сообщают, сосредоточил около 1000 судов, в большинстве, вероятно, рыбацких и каботажных фелюг — обычный тип судов у этих берегов, — и если сообщение о высадке 1500 человек под командой Сакки подтвердится, то они образуют его авангард. Это не самый подходящий пункт для похода на Неаполь, ибо он находится в той части полуострова, которая наиболее удалена от столицы; но если пароходы Гарибальди не могут сразу перевезти десятка тысяч человек, то другого места ему выбирать не приходится, а в данном пункте у него есть хотя бы то преимущество, что калабрийцы немедленно присоединятся к нему. Однако если Гарибальди сумеет посадить на свои паро-

ходы около десяти тысяч человек и сможет положиться на нейтралитет королевского флота (который, по-видимому, решил не сражаться против итальянцев), тогда возможно, что высадка небольшого отряда в Калабрии представляет лишь демонстрацию, сам же он намерен с главными силами направиться к заливу Поликастро или даже к Салернскому заливу.

Находящиеся ныне в распоряжении Гарибальди силы состоят из пяти бригад регулярной пехоты, по четыре батальона в каждой, десяти батальонов cacciatori dell'Etna*, двух батальонов cacciatori delle Alpi**, представляющих отборный отряд его войск, одного иностранного (теперь итальянского) батальона подкомандой англичанина, полковника Данна, одного батальона саперов, одного полка и одного эскадрона кавалерии и четырех дивизионов полевой артиллерии; всего 34 батальона, 4 эскадрона и 32 пушки; общая численность достигает примерно 25000 человек, из которых свыше половины составляют уроженцы Северной Италии, а остальные — уроженцы других районов Италии. Почти все эти силы можно было бы использовать для наступления на Неаполь, поскольку формируемых в настоящее время новых соединений окажется вскоре достаточно для наблюдения за цитаделью Мессины и для защиты Палермо и других городов от нападений. Однако эти войска выглядят весьма малочисленными, если сравнить их с войсками, которые числятся в распоряжении неаполитанского правительства.

Неаполитанская армия состоит из трех полков гвардии, пятнадцати линейных полков, четырех иностранных полков, по два батальона в каждом, а всего из 44 батальонов; из тринадцати батальонов стрелков, девяти кавалерийских и двух артиллерийских полков, всего из 57 батальонов и 45 эскадронов состава мирного времени. Включая 9000 жандармов, также организованных вполне по-военному, эта армия в составе мирного времени насчитывает 90000 человек. Но за последние два года ее численность была доведена до полного состава военного времени; в полках были сформированы третьи батальоны, запасные эскадроны переведены на действительную службу, гарнизоны полностью укомплектованы, и в настоящее время в этой армии числится более 150000 человек.

Но что это за армия! Внешне, с точки зрения какого-нибудь педанта, она превосходна, но в ней нет ни жизни, ни воодушевления, ни патриотизма, ни верности долгу. У нее нет национальных боевых традиций. Неаполитанцы, как таковые, всегда

* — этнийских стрелков. *Ред.*
** — альпийских стрелков. *Ред.*

терпели поражение в боях; только идя за Наполеоном, они всегда были участниками побед. Это не национальная армия, это чисто королевская армия. Она была набрана и организована для специальной и исключительной цели — держать в подчинении народ. Но даже для этого она, очевидно, непригодна; она содержит массу антироялистских элементов, которые ныне дают о себе знать повсюду. Почти все сержанты и особенно капралы-либералы. Целые полки кричат: «Viva Garibaldi!»*. Таких поражений, какие терпела эта армия, начиная от Калатафими и кончая Палермо, не терпела еще ни одна армия; и если иностранные и некоторые неаполитанские части хорошо дрались при Милаццо, то не следует забывать, что эти отборные отряды составляют лишь ничтожное меньшинство армии.

Таким образом, почти несомненно, что если Гарибальди высадится с силами, достаточными для обеспечения нескольких побед на континенте, то никакая массовая концентрация неаполитанских войск не сможет противостоять ему с шансом на успех; и в ближайшем будущем мы, возможно, услышим, что он продолжает свое триумфальное шествие от Шиллы к Неаполю во главе 15000 человек против вдесятеро сильнейшего противника.

Написано Ф. Энгельсом 8 августа 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6031, 23 августа 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — «Да здравствует Гарибальди!» *Ред.*

К. МАРКС

* НОВЫЙ САРДИНСКИЙ ЗАЕМ. — ПРЕДСТОЯЩИЕ ФРАНЦУЗСКИЙ И ИНДИЙСКИЙ ЗАЙМЫ

Лондон, 14 августа 1860 г.

Закончен выпуск нового сардинского займа в 6000000 ф. ст., причем, говорят, подписка на заем втрое превысила требуемую сумму. Итак, оказывается, что цена облигаций нового Итальянского королевства повышается на рынке в то самое время, как Австрия не может справиться со своим долгом, величину которого нужно измерять не ресурсами страны, а слабостью ее правительства, а Россия, могущественная Россия, будучи изгнана с европейского кредитного рынка, вынуждена опять прибегать к печатному станку. Но даже и по отношению к Сардинии новый заем напоминает нам о том отвратительном факте, что в наше время чуть ли не первый шаг народа, борющегося за свободу и независимость, с какой-то чудовищной фатальностью ведет, по-видимому, к новому порабощению. Разве всякий государственный долг не является ипотекой, обременяющей все народное хозяйство, и не урезывает свободу народа? Разве он не порождает новую категорию невидимых тиранов, известных под именем государственных кредиторов? Однако если французы меньше чем за одно десятилетие почти удвоили свой государственный долг, для того чтобы остаться рабами, то, может быть, итальянцам следует принять на себя такого же рода обязательства, для того чтобы стать свободными.

Пьемонт в собственном смысле слова, за исключением недавно присоединенных провинций[93], в 1847 г. платил налогов на сумму 3813452 ф. ст., между тем как в этом году ему придется заплатить 6829000 фунтов стерлингов. В английской прессе, например в «Economist», указывалось, что в результате либеральной реформы тарифной системы торговля Пьемонта также

значительно возросла, и для иллюстрации этого роста приведены следующие цифры:

	ф. ст.
В 1854 г. импорт составлял только	12 497 160
В 1857 » он составлял	19 123 040
В 1854 » экспорт составлял	8 595 280
В 1857 » он увеличился до	14 050 040

Однако я позволю себе заметить, что это увеличение скорее кажущееся, чем действительное. Главные предметы сардинского экспорта состоят из шелка, шелковых изделий, шпагата, спиртных напитков и растительного масла; но, как широко известно, в течение первых трех кварталов 1857 г. цены на все эти товары чрезвычайно вздулись, и, следовательно, чрезвычайно увеличилась общая сумма сардинских торговых доходов. Кроме того, официальная статистика королевства приводит только стоимость, а не количество экспортируемых и импортируемых товаров, и поэтому цифры за 1857 г. в общем могут быть исключительными. Поскольку за 1858—1860 гг. не было издано до сих пор никаких официальных отчетов, еще неизвестно, приостановилось ли промышленное развитие страны вследствие торгового кризиса 1858 г. и Итальянской войны 1859 года. Нижеприведенные таблицы с официальными подсчетами доходов и расходов собственно Сардинии на текущий (1860) год свидетельствуют, что часть нового займа будет употреблена на покрытие дефицита, между тем как другая часть предназначается для новых военных приготовлений.

Доходы Сардинии за 1860 г.

	ф. ст.
Таможенные пошлины	2 411 824
Земельный налог, жилищный налог, гербовый сбор и т. д.	2 940 284
Железные дороги и телеграф	699 400
Почта	242 000
Сборы министерства иностранных дел	12 400
Сборы министерства внутренних дел	21 136
Доходы от некоторых отраслей народного образования	580
Доходы монетного двора	6 876
Разные доходы	193 888
Чрезвычайные ресурсы	301 440
Всего	6 829 738

Расходы Сардинии за 1860 г.

	ф. ст.
Департамент финансов	4 331 676
Юстиция	243 816
Министерство иностранных дел	70 028
Народное образование	117 744
Министерство внутренних дел	407 152
Общественные работы	854 080
Военные расходы	2 229 464
Расходы на флот	310 360
Чрезвычайные расходы	1 453 268
Всего	10 017 588

Сравнивая расходы, достигающие 10017588 ф. ст., с доходами, составляющими 6829738 ф. ст., мы видим, что дефицит равняется 3187850 фунтам стерлингов. С другой стороны, новоприобретенные провинции по под счетам должны давать ежегодный доход в 3435552 ф. ст., а их ежегодный расход составит 1855984 ф. ст., так что остается чистый излишек в размере 1600000 фунтов стерлингов. Согласно этим подсчетам, дефицит всего Сардинского королевства, включая новоприобретенные провинции, сократился бы до 1608282 фунтов стерлингов. Конечно, справедливо, чтобы Ломбардия и герцогства оплатили часть расходов, понесенных Пьемонтом во время Итальянской войны; но впоследствии может оказаться чрезвычайно опасным взимать с новых провинций налоги, почти вдвое превосходящие расходы на их управление, только для того, чтобы облегчить финансовое положение старых провинций.

Лица, хорошо знакомые с закулисной стороной парижского денежного рынка, продолжают утверждать, что в недалеком будущем предстоит новый французский заем. Ну жен лишь удобный повод, чтобы заключить заем. Как известно, emprunt de la paix* кончился неудачей. «Partant pour la Syrie»[94] репетировалась до сих пор в слишком небольшом масштабе, чтобы оправдать новый призыв к энтузиазму grande nation**. Поэтому предполагают, что, если не произойдет ничего непредвиденного, а цены на хлеб будут продолжать расти, то заем будет заключен под предлогом предупреждения возможных бедствий от голода. В связи с положением французских финансов можно отметить любопытный факт, что г-н Жюль Фавр, осмелившийся предсказать в самом

* — заем мира. *Ред.*
** — великой нации. *Ред.*

Corps Legislatif* неизбежное банкротство императорского казначейства, был избран batonnier парижского адвокатского сословия. Как вы знаете, французские адвокаты еще со времен старой монархии сохранили кое-какие остатки своей древней феодальной конституции. Они все еще образуют своего рода корпоративную организацию, называемую barreau, ежегодно избираемый старшина которой, batonnier, представляет корпорацию в ее сношениях с трибуналами и правительством и в то же время наблюдает за ее внутренней дисциплиной. В эпоху Реставрации и сменившего ее режима короля-гражданина** выборы парижского batonnier всегда считались большим политическим событием, имевшим значение демонстрации за или против стоящего у власти правительства. Я думаю, что избрание г-на Жюля Фавра следует рассматривать как первую антибонапартистскую демонстрацию, устроенную парижским адвокатским сословием, и потому оно заслуживает быть отмеченным в летописи текущих событий.

На вчерашнем заседании палаты общин, число присутствовавших членов которой едва составило кворум, сэр Чарлз Вуд, этот истинный образец настоящего вига-карьериста, провел резолюцию, уполномочивающую его заключить новый заем в 3000000 ф. ст. от имени индийского казначейства. Согласно его сообщению, в 1858/1859 г. (финансовый год в Индии всегда начинается и кончается в апреле) индийский дефицит составлял 14187000 ф. ст., в 1859/1860 г. — 9981000 ф. ст., а на 1860/1861 г. он определяется в 7400000 фунтов стерлингов. Часть этого дефицита он обещал покрыть налогами, только что введенными г-ном Уилсоном, — что, впрочем, представляется весьма сомнительным, — а другая часть дефицита должна быть ликвидирована при помощи нового трехмиллионного займа. Государственный долг, который в 1856/1857 г., за год до восстания, составлял 59442000 ф. ст., возрос в настоящее время до 97851000 фунтов стерлингов. Проценты по долгу росли еще быстрее. С 2525000 ф. ст. в 1856/1857 г. они возросли до 4461000 ф. ст. в 1859/1860 году. Хотя доход был принудительно увеличен посредством введения новых налогов, тем не менее он не мог поспевать за расходами, которые, даже по словам самого г-на Чарлза Вуда, увеличивались во всех ведомствах, кроме ведомства общественных работ. Для покрытия расходов в 3000000 ф. ст. на сооружение укрепленных казарм в настоящем и будущем году «почти совершенно приостанавливаются

* — Законодательном корпусе. *Ред.*
** — Луи-Филиппа. *Ред.*

общественные работы и общественное строительство гражданского характера». Эту «полную приостановку» работ сэр Чарлз, по-видимому, считал одной из наилучших сторон всей системы. Вместо 40000 европейских солдат, находившихся в Индии в 1856—1857 гг., теперь их там 80000, а вместо туземной армии, которая едва насчитывала 200000 человек, имеется армия, численность которой превышает 300000 человек.

Написано К. Марксом 14 августа 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6035, 28 августа 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК АВСТРИИ

Австрийскому императору Францу-Иосифу, кажется, дана жизнь лишь для того, чтобы доказать правильность старого латинского изречения: «кого боги хотят погубить, тех сначала лишают рассудка». С начала 1859 г. он только и делал, что умышленно отбрасывал всякую представлявшуюся ему возможность спасти себя и Австрийскую империю. Внезапное нападение на Пьемонт лишь с частью своих войск, замена в командовании армией маршала Хесса императором и его кликой, нерешительность, приведшая к сражению при Сольферино, внезапное заключение мира в тот самый момент, когда французы подошли к его сильнейшим позициям, упорный отказ пойти на какие-либо уступки в области внутренней организации империи, пока не стало слишком поздно, — все это составляет беспримерную серию нелепых промахов, совершенных одним человеком в такой короткий срок.

Однако судьбе было угодно предоставить Францу-Иосифу еще один случай. Беззастенчивое двурушничество Луи-Наполеона сделало необходимым тот союз между Пруссией и Австрией, который стал возможен вначале благодаря предшествующим унижениям Австрии, ее ежедневно возраставшим затруднениям как внутри страны, так и за границей. Свидания в Бадене и Теплице[95] закрепили этот союз. Впервые выступая в качестве представителя всей Германии, Пруссия обещала свою помощь, в случае если Австрия подвергнется нападению со стороны не только Италии, но и Франции; с своей стороны, Австрия обещала пойти на уступки общественному мнению и изменить свою внутреннюю политику. Перед Францем-Иосифом

действительно открывалась надежда. Борьбы с Италией один на один он мог бы не опасаться даже в случае волнений в Венгрии, ибо его новая политика должна была служить лучшей гарантией безопасности в этой части империи. Получив особую конституцию на основе прежней, отмененной в 1849 г., Венгрия была бы удовлетворена; либеральная общеимперская конституция отвечала бы нынешним желаниям немецкого ядра монархии и в значительной степени нейтрализовала бы сепаратистские тенденции славянских провинций. Подчинение финансов общественному контролю восстановило бы государственный кредит, и та же Австрия, в настоящее время слабая, нищая, поверженная, истощенная, ставшая жертвой внутренних раздоров, быстро восстановила бы свою мощь под охраной 700000 немецких штыков, готовых защищать ее. Чтобы обеспечить все это, от Австрии потребовалось бы выполнение лишь двух условий: энергично и безоговорочно проводить подлинно либеральную политику внутри страны и держаться оборонительной тактики в Венеции, предоставив остальную Италию своей собственной судьбе.

Однако Франц-Иосиф, как видно, не может или не хочет делать ни того, ни другого. Он не может ни отказаться от своей власти абсолютного монарха, с каждым днем все более и более улетучивающейся, ни забыть свое положение покровителя мелких итальянских тиранов, которое он уже утратил. Неискренний, слабый и в то же время упрямый, он, как видно, старается уйти от внутренних затруднений посредством агрессивной внешней войны, и вместо того, чтобы сцементировать свою империю отказом от власти, ускользающей из его рук, он, по-видимому, снова бросился в объятия своих личных близких друзей и готовит поход в Италию, который может привести австрийскую монархию к гибели.

Независимо от того, будет или не будет послана из Вены в Турин нота или иное официальное сообщение по поводу высадки Гарибальди в Калабрии, является весьма вероятным, что Франц-Иосиф решил рассматривать это событие как предлог для своего вмешательства в пользу неаполитанского короля. Так ли это в действительности, покажет ближайшее будущее. Однако в чем причина столь внезапного поворота австрийской политики? Не вскружило ли голову Францу-Иосифу недавнее братание с Пруссией и Баварией? Едва ли, ибо, в конечном счете, это братание в Теплице явилось триумфом лишь для Пруссии, для него же оно было унижением. Не думает ли Франц-Иосиф собрать под своим знаменем армии папы и неаполитанского короля, раньше чем Гарибальди превратит их

в беспорядочную массу и присоединит к своему войску их итальянские элементы? Такой мотив был бы весьма неоправданным. Эти войска не оказали бы помощи ни в одной кампании, тогда как в положении, в какое поставит себя Австрия подобной бессмысленной агрессией, она не отказалась бы от любой помощи. Единственной причиной этих планов может быть лишь политическое положение в Австрии. А здесь долго искать объяснения не приходится. Рейхсрат, пополненный некоторыми наиболее консервативными и аристократическими элементами из разных провинций и облеченный *в мирное время* правом контроля над финансами страны, скоро приступит к обсуждению вопроса о народном представительстве и конституциях для империи и входящих в ее состав отдельных провинций. Предложения, внесенные при этом венгерскими членами, собрали подавляющее большинство в комитете, и с таким же триумфом пройдут в совете на глазах у правительства. Словом, *как видно, начинается вторая австрийская революция.* Рейхсрат — слабая подделка под собрание французских нотаблей, — в точности повторяя действия последних, объявляет себя некомпетентным и требует созыва Генеральных штатов. Перед лицом тех же финансовых затруднений, какие испытывало и правительство Людовика XVI, но еще более ослабленное центробежными тенденциями отдельных входящих в империю национальностей, австрийское правительство не в состоянии сопротивляться. Уступки, вырванные у правительства, наверняка будут сопровождаться новыми уступками и требованиями. Генеральные штаты вскоре объявят себя Национальным собранием. Франц-Иосиф чувствует, как земля дрожит у него под ногами, и с целью избежать угрожающего землетрясения он, может быть, бросится в пучину войны.

Если Франц-Иосиф выполнит свою угрозу и начнет крестовый поход во имя легитимности в Неаполе и Папской области, то к чему это приведет? В Европе нет ни одной державы или государства, которые хотя бы в малейшей степени были заинтересованы в поддержке Бурбонов, и если Франц-Иосиф вмешается в их пользу, все последствия падут на него. Луи-Наполеон наверняка перейдет Альпы во имя защиты принципа невмешательства, и Австрия, при наличии решительно враждебного ей общественного мнения всей Европы, с расстроенными финансами, перед лицом восстания в Венгрии, имея храбрую, но гораздо более малочисленную армию, потерпит страшное поражение. Возможно, это будет для нее смертельным ударом. Не может быть и речи о том, чтобы Германия пришла к ней на помощь. Немцы самым решительным образом откажутся сражаться как

за неаполитанского короля, так и за папу. Они пожелают лишь признания территориальной неприкосновенности Германского союза (с этим желанием охотно согласятся как французы, так и итальянцы), а если восстанет Венгрия, они отнесутся к этому так же хладнокровно. Более того, немецкие провинции империи, весьма вероятно, поддержат требования венгров, как и в 1848 г., и сами потребуют конституции для себя. Как ни ограничена правительством свобода австрийской печати, последняя все же обнаруживает несомненные признаки симпатий к Гарибальди, широко распространенных даже в Австрии. С прошлого года направление общественного мнения переменилось; Венеция считается теперь совершенно невыгодным владением, а на борьбу итальянцев за независимость, поскольку она ведется без помощи Франции, население Вены смотрит с одобрением. Францу-Иосифу будет крайне трудно заставить даже своих собственных немецких подданных бороться во имя интересов неаполитанских Бурбонов, папы и мелких герцогов Эмилии. Народ, который как раз вступает на путь революционной борьбы против абсолютизма, едва ли станет защищать династические интересы своего правителя. Венцы уже доказали это раньше, и вполне возможно, что переход австрийских войск через По послужит для партии движения как в Вене, так и в Венгрии сигналом к более решительной борьбе.

Написано Ф. Энгельсом 16 августа 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6039, 1 сентября 1860 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

УРОЖАЙ В ЕВРОПЕ

Лондон, 21 августа 1860 г.

Чем дальше идет лето, тем мрачнее становятся перспективы урожая и тем слабее надежды, все еще возлагаемые на возможное наступление хорошей погоды. Погода минувшим летом была совершенно необычная не только в Соединенном королевстве, но и повсюду в Северной Европе, Северной Франции, Бельгии и в рейнских провинциях. Что касается Англии, то вот верное описание ее погоды:

«После холодной, запоздалой весны июнь оказался настолько дождливым, что во многих районах невозможно было посеять репу, прополоть кормовую свеклу, а также выполнить обычные сезонные работы. Затем, примерно после десяти хороших дней, погода стала настолько неустойчивой, что два дня подряд без дождя казались уже чем-то удивительным. Но помимо чрезмерного обилия влаги, нынешнее, или, можно сказать, минувшее лето отличалось отсутствием солнечных дней и чрезвычайно низкой температурой, которая преобладала даже тогда, когда не было дождя».

Среднее количество ежегодных осадков в виде дождя равно приблизительно 20 дюймам, а в мае и июне количество выпавших осадков достигло 11,17 дюймов; отсюда видно, что на эти два месяца приходится свыше половины годового количества влаги. В течение последней недели, начало которой,казалось, предвещало перемену к лучшему, погода оказалась более неустойчивой и бурной, чем когда бы то ни было; 16-го и 18-го с. м. настоящие ливни сопровождались грозами и бурными порывами юго-западного ветра. В связи с этим цены на пшеницу на Марк-лейне[96] повысились вчера примерно на 2 шиллинга за квартер[*] сравнительно с их рыночной ценой в прошлый понедельник[**].

[*] Квартер = 12,7 *кг. Ред.*
[**] — 13 августа. *Ред.*

Уборка сена уже встретила серьезные помехи и запоздала вследствие непрерывного ветра, дождя и холода. Трава уже полегла и все время мокнет, так что следует опасаться, что значительная часть ее питательных веществ погибла от сырости и потому в большей части она будет непригодна для корма и пойдет на подстилку, что причинит очень серьезный убыток, ибо сильно повысит потребление яровых хлебов. Много сена еще не убрано, а много безвозвратно потеряно.

«Едва ли может быть сомнение», — говорится в субботнем номере «Gardeners' Chronicle»[97], — «что урожай пшеницы в общем сильно поврежден. Из 140 отчетов, полученных от такого же количества корреспондентов из Англии и Шотландии, не менее 91 сообщают, что урожай находится на уровне ниже среднего, а если взять главные районы, производящие пшеницу, то доля неблагоприятных отчетов оказывается столь же значительной. Так, пять из шести отчетов из Линкольншира, три из пяти отчетов из Норфолка и Суффолка и все отчеты из графств Оксфорда, Глостершира, Уилтшира, Хантса и Кента содержат неблагоприятные сведения».

Значительная часть урожая пшеницы сгнила на корню, раньше чем созрело зерно, а во многих районах оно было повреждено болезнью и поражено плесенью. В то время как пшеница таким образом поражена болезнью, причем во многих районах это приняло широкие масштабы, картофельная болезнь, начавшаяся в 1845 г., свирепствовавшая в следующие четыре года и постепенно затихшая после 1850 г., возобновилась в еще более тяжелой форме, и не только в Ирландии, но также во многих районах Англии и в северной части континента.

Вот как «Freeman's Journal»[98] резюмирует общие виды **на** урожай в Ирландии:

«Урожай овса в общем признан почти погибшим. За исключением нескольких небольших районов, овес еще не созрел, он совершенно зелен и полег от сильных непогод. Пшеницу, по-видимому, постигнет то же бедствие, какое угрожает всем зерновым хлебам. До сих пор убрано лишь немного пшеницы, и ее урожай, лишь несколько недель тому назад возбуждавший самые радужные надежды, теперь внушает фермерам самые тревожные опасения. Что же касается урожая картофеля, то, по общему мнению, если нынешняя погода продержится еще месяц, он неминуемо пропадет».

Согласно «Wexford Independent»[99],

«картофельная болезнь прогрессирует, и в некоторых местностях целая треть всего картофеля оказалась пораженной, независимо от ею величины, сорта и времени посадки».

Итак, бесспорным представляется следующее. Общий урожай значительно запоздает сравнительно с обычными сроками, и, следовательно, наличных запасов не хватит. Частичная гибель сена в сочетании с картофельной болезнью вызовет

небывалый рост потребления зерновых культур, между тем как урожай всех сортов зерна, в особенности пшеницы, окажется значительно ниже среднего уровня. До сих пор ввоз из-за границы не дает превышения над ввозом за 1858 и 1859 гг., а напротив, обнаруживает значительное понижение. С другой стороны, хотя средний уровень цен на хлеб теперь на 26% выше, чем в тот же период прошлого года, они все же более не повышались,благодаря сообщениям о хорошем урожае в Америке и на юге России, благодаря надеждам на улучшение погоды, а также ввиду крайней осторожности во *всех* денежных сделках, вызванной недавним падением торговли кожей. Сравнивая нынешние цены с ценами аналогичных периодов, начиная с 1815 г., я прихожу к выводу, что средняя цена пшеницы, которую теперь можно считать равной от 58 до 59 шилл. за квартер, должна будет повыситься, по крайней мере в Англии, до 65—70 шиллингов. Последствия такого повышения цен на хлеб будут тем более плачевными, что они совпадут с прогрессирующим упадком экспортной торговли страны. С 63003159 ф. ст., вырученных в течение шести месяцев по 30 июня 1859 г., британский экспорт упал до 62019989 ф. ст. в течение соответствующего периода 1860 г., и, как я показал в одной из предшествующих корреспонденций*, это сокращение вызвано главным образом падением спроса на хлопчатобумажные ткани и пряжу в результате перенасыщения азиатского и австралийского рынков. Если экспорт, таким образом, падает, то импорт сравнительно с тем же периодом 1859 г. значительно возрос. Действительно, мы видим, что ввоз за пять месяцев, по 31 мая, в 1859 г. составил 44968863 ф. ст., а в 1860 г. — 57097638 фунтов стерлингов.

Это превышение ввоза над вывозом неизбежно должно усилить отлив золота и тем самым создать еще более неустойчивое состояние денежного рынка, характерное для всех периодов неурожаев и чрезвычайных закупок иностранного зерна. Если в Англии влияние неминуемых финансовых затруднений едва ли выйдет далеко за пределы экономики, то совершенно иначе обстоит дело на континенте, где серьезные политические волнения почти неизбежны, коль скоро финансовый кризис совпадает с неурожаем и значительным повышением налогового обложения. Самые серьезные опасения уже волнуют Париж, где городские власти как раз теперь заняты скупкой целых кварталов старых домов, чтобы снести их и тем самым выкроить работу для *«ouvriers»***. Цены на лучшие сорта пшеницы в Париже

---

* См. настоящий том, стр. 76—78. *Ред.*

** — «рабочих». *Ред.*

в настоящее время столь же высоки, если еще не выше, как и в Лондоне, а именно, они составляют от 60 шилл. 6 пенсов до 61 шиллинга. Последние махинации, с помощью которых Луи Бонапарт пытался отвлечь общественное мнение, — экспедиция в Сирию, возведение Испании в ранг «великой державы»[100], переговоры с Пруссией, попытки помешать успехам Гарибальди, — все это потерпело полный провал, и тут ему придется столкнуться с опасностями, связанными с дурной погодой, финансовыми затруднениями и пустой казной, в тот самый момент, когда ясно, что его политический «престиж» значительно падает. Если это последнее утверждение нуждается в каком-либо доказательстве, то разве письмо Бонапарта к «Mon cher Persigny»* не является таким доказательством[101]?

Написано К. Марксом 21 августа 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6043, 6 сентября 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — «Дорогому Персиньи». *Ред.*

THE VOLUNTEER JOURNAL,
For Lancashire and Cheshire
No. 2. MANCHESTER, FRIDAY, SEPTEMBER 14, 1860. PRICE THREEPENCE.

Ф. ЭНГЕЛЬС

СМОТР АНГЛИЙСКИХ СТРЕЛКОВ-ВОЛОНТЕРОВ [102]

Англия, как и Германия, вооружается для отражения нападения, которое ей угрожает со стороны бонапартизма. Та же причина, в силу которой Пруссия удвоила число своих линейных батальонов, вызвала появление и английских стрелков-волонтеров. Поэтому немецким военным будет интересно получить некоторые подробные сведения о теперешнем состоянии и боеспособности английской армии волонтеров, так как эта армия по самому ее происхождению и по идее, положенной в ее основу, является врагом бонапартизма и союзником Германии.

За исключением всего лишь нескольких батальонов, эта армия волонтеров ведет свое начало со второй половины прошлого года (1859); большая часть ее одета в военную форму и обучается не дольше года. В настоящее время ее численность формально составляет 120000 человек; но если мы позволим себе сделать выводы из того, что на самом деле наблюдается в некоторых округах, то увидим, что имеется не более 80000 действительно боеспособных и обученных людей; остальные никакого значения для дела не имеют, и их лучше было бы вычеркнуть из списков.

Организация волонтеров чрезвычайно проста. Там, где в какой-либо местности набирается от 60 до 100 волонтеров (в артиллерии от 50 до 80), они образуют роту, на что требуется согласие лорда-наместника данного графства. Волонтеры выбирают кандидатов в офицеры (капитана, лейтенанта и прапорщика), которым в большинстве случаев лорд-наместиик и присваивает соответствующие офицерские звания; однако были также слу-

чаи, когда избранные кандидатуры отклонялись. Несколько рот могут образовать батальон, и тогда лорд-наместник назначает майора и подполковника, в большинстве случаев либо в соответствии с пожеланиями офицеров, либо по старшинству из числа капитанов. Таким образом, части имеют от одной до восьми и более рот, которые получают номера в порядке их формирования в соответствующих графствах; но подполковник назначается только в полный батальон, состоящий из восьми рот. Все офицеры могут назначаться из среды волонтеров, причем они не подвергаются никаким испытаниям. Однако адъютант[103] должен быть офицером из состава линейных или милиционных войск, и только он один получает установленное жалованье[*]. Волонтеры сами обеспечивают себя обмундированием и т. д., а правительство по их просьбе предоставляет им во временное пользование винтовку и штык. Цвет и покрой обмундирования определяются каждой частью самостоятельно и подлежат утверждению лорда-наместника. Каждая часть должна также сама позаботиться об учебных плацах и полях, о боевых припасах, инструкторах и оркестре.

Форменная одежда различных пехотных или стрелковых частей в большинстве случаев темно-зеленого, темно-серого, светло-серого или коричневого цвета. Покрой представляет собой нечто среднее между французской и английской формой; в качестве головного убора они носят большей частью французское кепи или же фуражку французских или английских офицеров. Артиллерийские части одеты в темно-синюю форму. Они ввели у себя, заботясь о внешнем виде, довольно неудобные и громоздкие меховые шапки или кивер конной артиллерии. Имеются в небольшом количестве также конные стрелки, форма одежды которых является подражанием форме английской кавалерии, но эти войска представляют собой, в сущности, предмет роскоши.

Когда впервые началась агитация за формирование этих стрелковых частей, вся затея весьма напоминала наше собственное национальное или гражданское ополчение[104]; было много похожего на игру в солдатики; сам способ фабрикации офицеров[**], а также внешний вид и беспомощность некоторых из этих

[*] К отпускаемому правительством содержанию в 180 фунтов большинство батальонов добавляет еще значительные суммы от себя; я знаю адъютантов из лейтенантов регулярной армии, получающих жалованье в 300 фунтов, или 2000 талеров, а больше. *(Примечание Энгельса в «Allgemeine Militar-Zeitung».)*

[**] Вместо слов «сам способ фабрикации офицеров» в «Allgemeine Militar-Zeitung» напечатано: «Кумовство [Klungel] при выборах офицеров», после чего следует примечание редакции: ««Klungel» — выражение, которое для многих наших читателей не вполне понятно, хотя наш корреспондент не забыл его в Манчестере. Оно старокёльнского происхождения и означает связи наиболее знатных семей с городским полком». *Ред.*

офицеров при исполнении своих служебных обязанностей были довольно забавными. Вполне понятно, что волонтеры не всегда выбирали самых способных или хотя бы тех, которые наиболее сочувствовали волонтерскому движению. В течение первых шести месяцев почти все батальоны и роты производили на наблюдателя такое же впечатление, как и наше собственное ныне не существующее гражданское ополчение 1848 года.

Таков был материал, который вручался сержантам-инструкторам, для того чтобы превратить его в боеспособные полевые войска. Обучение ружейным приемам и взводные учения проходили два или три раза в неделю, большей частью по вечерам, между семью и девятью часами, в закрытых помещениях при газовом освещении. Если представлялось возможным, то по субботам, после полудня, вея часть совершала короткий марш и производила передвижения в составе роты. Проводить обучение по воскресеньям было запрещено как законом, так и в силу обычая. Инструкторами были сержанты и капралы линейных или милиционных войск, или пенсионеры; они же должны были подготовлять и офицеров к исполнению своих обязанностей. Но английский унтер-офицер представляет своего рода прекрасный образец. В английской армии ругательства и грубый язык употребляются на службе гораздо реже, чем в какой-либо другой; однако тем больше там применяются наказания, Унтер-офицер подражает офицеру, и следовательно по своему образу действий он намного превосходит наших немецких унтер-офицеров. Далее, он служит не ради перспективы получения впоследствии какой-нибудь незначительной должности на гражданской службе, как это бывает у нас; он добровольно поступил на службу сроком на 12 лет, и продвижение его по службе вплоть до фельдфебеля предоставляет ему на каждой ступени значительные новые выгоды; в каждом батальоне одна или две должности (адъютанта и казначея) большей частью замещаются старыми унтер-офицерами, а при службе в действующей армии каждый унтер-офицер имеет возможность прикрепить золотую звездочку к своему воротнику, отличившись в действиях против неприятеля. Инструктора, принадлежащие к этой категории, сделали в целом для волонтеров все, что можно было для них сделать в такое короткое время; они не только обучили их уверенно совершать передвижения в составе роты, но и дали элементарную подготовку офицерам.

Между тем, отдельные роты, по крайней мере в больших городах, сформировались в батальоны и получили адъютантов из регулярных войск. Английский младший офицер, подобно австрийскому, теоретически подготовлен гораздо меньше, чем

младший офицер Северной Германии, но, подобно австрийцу, если он любит свою профессию, то свои обязанности он знает превосходно. Среди адъютантов, перешедших из линейных войск в волонтерские, имеются лица, которые в качестве инструкторов не оставляют желать ничего лучшего; результаты, достигнутые ими за очень короткое время в своих батальонах, поистине удивительны. Тем не менее, до настоящего времени в постоянные батальоны сведена лишь меньшая часть волонтеров, и само собой разумеется, что эти войска стоят значительно выше по сравнению с большинством рот, не сведенных в батальоны.

11 августа волонтеры Ланкашира и Чешира организовали смотр в Ньютоне, на полпути между Манчестером и Ливерпулем, причем командование над ними принял командующий округом генерал сэр Джордж Уэзеролл. Здесь собрались волонтеры из промышленных районов, расположенных около Манчестера; жителей Ливерпуля или соседних земледельческих округов Чешира среди присутствовавших волонтеров было не так много. Если судить по опыту комплектования войск у нас в Германии, эти части в физическом отношении должны были бы быть ниже среднего уровня, но не надо забывать, что к рабочему классу принадлежит значительно меньшая часть волонтеров.

Грунт ньютонского ипподрома, сам по себе сырой и мягкий, сильно размяк от продолжительных дождей и сделался очень неровным и весьма вязким. С одной стороны ипподрома протекает небольшой ручей, по берегам которого кое-где растет густой дрок. Место как раз подходящее для парада молодых волонтеров; большинство из них стояло по щиколотку в воде и грязи, а лошади офицеров часто увязали ногами в глине по самые мосла.

Пятьдесят семь частей, выразивших согласие участвовать в смотре, были разделены на четыре бригады: первая — в составе четырех батальонов, а остальные — по три батальона, каждый батальон — в составе восьми рот. Бригадами командовали подполковники из линейных войск; командирами батальонов были назначены офицеры-волонтеры. Первая бригада развернула три батальона, четвертый же батальон находился в колонне позади центра. Три остальные бригады стояли во второй линии, девять батальонов были построены на сомкнутых интервалах в ротные колонны, четверть дистанции между ротами, с построением их справа.

После приветствия генерала надо было произвести перемену фронта влево, под прикрытием батальона, который стоял в колонне за первой линией. Чтобы выполнить это, две центральные

роты батальона, развернутого перед его фронтом, сделали поворот в стороны флангов, после чего колонна прошла через образовавшийся таким образом проход и развернулась вдоль ручья, причем четыре роты образовали стрелковую цепь, а четыре другие образовали поддержку. Земля и кустарник были настолько мокрыми, что нельзя было ожидать от волонтеров правильного использования местности; кроме того, большинство волонтерских батальонов занималось лишь азбукой рассыпного строя и службы охранения, а потому было бы несправедливо по отношению к ним применять здесь слишком строгую оценку. Тем временем развернутая линия производила перемену фронта вокруг центра, как вокруг оси; две центральных роты среднего батальона сделали поворот на четверть круга: одна — двигаясь вперед, другая — назад, после чего остальные роты выравнялись по новому направлению. Два фланговых батальона первой линии построились в колонны в четверть дистанции*, вышли на эту линию и снова развернулись. Можно себе представить, сколько времени занял этот сложный и довольно громоздкий маневр. Одновременно правофланговый батальон линии колонн продвигался прямо вперед, до тех пор пока не остановился в затылок новообразовавшегося правого фланга первой линии; остальные батальоны, повернутые направо, следовали сдвоенными рядами (справа по четыре), причем как только каждый батальон достигал места, первоначально занятого этим правофланговым батальоном, он совершал поворот в сторону фронта и двигался вслед за правофланговым батальоном. Когда последняя колонна вышла таким путем на линию нового построения, то каждая из колонн, независимо друг от друга, делала поворот палево и таким образом восстанавливала фронт линии колонн.

После этого из центра линии колонн начала свое выдвижение вперед третья бригада; выйдя на расстояние около 200 шагов от первой или развернутой линии, три батальона разомкнулись на дистанцию, необходимую для развернутого строя, и в свою очередь развернулись. Так как стрелковая цепь за это время продвинулась значительно вперед, то и обе развернутые линии продвинулись вперед на несколько сот шагов, после чего вторая линия сменила первую. Это осуществляется таким образом: первая линия производит перестроение справа по четыре, головная часть каждой роты отделяется и поворачивается вправо, ряды во второй линии расступаются, тем самым давая место для прохождения первой линии, после чего

* В «Allgemeine Militar-Zeitung» далее в скобках следует фраза: «самая сомкнутая колонна, какую знают англичане». *Ред.*

роты образуют фронт и захождением строятся в линию. Это одно из тех перестроений на учебном плацу, которые являются совершенно ненужными там, где их можно осуществить, и неосуществимыми там, где они были бы нужны. После этого все четыре бригады были снова сведены вместе в общую линию колонн на сомкнутых интервалах, и войска прошли церемониальным маршем перед генералом поротно (от 25 до 35 рядов по фронту).

Мы не станем критиковать эту систему перестроений*, которая несомненно покажется нашим читателям довольно устарелой. Очевидно, что какова бы ни была ее ценность для линейных войск с их двенадцатилетним сроком службы, она, конечно, менее, чем всякая другая, пригодна для волонтеров, которые могут посвятить военному обучению лишь несколько свободных часов в неделю. В данном случае нас больше всего интересует, как выполняли эти перестроения волонтеры, и здесь мы должны сказать, что хотя кое-где и были незначительные задержки, в общем же все перестроения были проделаны уверенно и без путаницы. Самым несовершенным было захождение колонной и развертывание, причем последнее выполнялось очень медленно; оба эти перестроения показали, что офицеры не были достаточно подготовлены и не вполне еще освоились со своими обязанностями. Но вместе с тем наступление в линейном строю — это главное и основное движение в английской тактике — сверх всяких ожиданий было выполнено хорошо; поистине, англичане, кажется, проявляют исключительную способность к такого рода движениям и обучаются им необыкновенно быстро. Церемониальный марш был произведен в общем также очень хорошо, по забавнее всего то, что он происходил под проливным дождем. Было совершено несколько погрешностей против английского военного этикета, и, кроме того, по вине офицеров плохо выдерживались дистанции.

Если не считать показного боя, организованного в Лондоне чрезмерно оптимистически настроенными командирами волонтеров и проведенного довольно беспорядочно, то это был первый случай, когда большой отряд волонтеров производил перестроения, имевшие в виду нечто большее, чем заключительное прохождение церемониальным маршем. Если мы примем во внимание, что большая часть войск, представленная в Ньютоне, состояла из частей, насчитывавших каждая одну-две или, самое большее, три роты, что они не были сформированы в постоянные батальоны, не имели офицеров из регулярных войск, обучались

* Вместо слов «эту систему перестроений» в «Allgemeine Militar-Zeitung» напечатано: «этот вид элементарной тактики». *Ред.*

только сержантами-инструкторами и только изредка сводились в батальоны, то надо признать, что волонтеры сделали все, что только было возможно, и что они больше уже не стоят на одном уровне с нашим гражданским ополчением. Само собой разумеется, что части, представляющие собой постоянные батальоны и руководимые адъютантами из линейных войск (поскольку адъютанты являются пока фактическими командирами батальонов), на смотру выполняли перестроения совершенно уверенно.

Волонтеры в общем выглядели хорошо. Было, конечно, несколько рот, состоявших из таких же низкорослых людей, как французы, но остальные превосходили средний рост солдат теперешних английских линейных войск. Тем не менее, большинство волонтеров было весьма неодинакового роста и с различным объемом груди. Бледность, присущая жителям городов, придавала большинству из них довольно непривлекательный, невоинский вид, но какая-нибудь неделя лагерной жизни быстро изменила бы его. Форма одежды, у некоторых кое-где излишне разукрашенная, в общем производила очень хорошее впечатление.

Первый год обучения дал волонтерам в усвоении элементарных движений так много, что они могут теперь уже перейти к обучению рассыпному строю и к учебным стрельбам. И в том и в другом они будут значительно искуснее, чем английские линейные войска, так что к лету 1861 г. волонтеры могли бы образовать вполне пригодную армию, если бы только их офицеры лучше знали свое дело.

В этом кроется слабая сторона всех этих формирований. Офицеров нельзя подготовить в течение того же срока и теми же средствами, что и рядовых. До сих пор считалось доказанным, что можно положиться на добрую волю и усердие массы, насколько это необходимо для того, чтобы сделать из каждого человека должным образом подготовленного солдата. Но этого недостаточно для офицеров. Как мы видели, даже при простых передвижениях батальона, захождениях в колонне, развертываниях, в соблюдении дистанций (столь важных в английской системе перестроений, где расчленение колонн в глубину применяется очень часто) офицеры оказываются подготовленными далеко не достаточно. Что же с ними станет при несении службы охранения и в рассыпном строю, где оценка местности — это все и где надо принимать во внимание так много других сложных обстоятельств? Как можно доверить таким офицерам обеспечение безопасности армии на марше? Правительство обязало каждого офицера из волонтеров отправиться в Хайт, в школу, но крайней мере на три недели. Пока и это хорошо, но это

не выучит его ни руководить действиями дозора, ни командовать заставой. А ведь волонтеры должны использоваться главным образом для несения службы легкой пехоты — именно такого рода службы, для которой требуются самые способные и наиболее надежные офицеры.

Если хотят, чтобы волонтерское движение к чему-либо привело, то в это дело должно вмешаться правительство. Все роты, которые существуют еще как отдельные или сведены по две и по три, следует заставить объединиться в постоянные батальоны с тем, чтобы в них имелись адъютанты из регулярных войск. Этих адъютантов нужно обязать провести со всеми офицерами своих батальонов нормальный курс обучения элементарной тактике, службе легкой пехоты во всех ее отраслях и уставу внутренней службы в батальоне. Этих офицеров надо обязать, кроме пребывания в Хайте, пройти по крайней мере трехнедельную службу в каком-нибудь лагере в линейном полку или милиционных войсках и, наконец, через некоторое время обязать всех пройти испытания, которые должны доказать, что они усвоили, по крайней мере, самое необходимое в своих обязанностях. Таков курс обучения и испытания офицеров. Затем надо провести медицинское освидетельствование людей, для того чтобы исключить тех из них, которые физически непригодны для службы в действующей армии (а таких немало), и ежегодно проверять ротные списки для исключения из них тех волонтеров, которые не посещают занятий, только играют в солдатики и не учатся выполнению своих обязанностей; если бы это было сделано, то цифра 120000 человек, существующая теперь на бумаге, значительно сократилась бы, но это была бы армия, стоящая трех таких, как та, которая теперь насчитывает на бумаге 120000 человек.

Вместо этого говорят, что военные власти заняты обсуждением важного вопроса — не было ли бы желательным при первой же возможности одеть всех стрелков-волонтеров в столь желанную кирпичного цвета форму линейных войск.

Написано Ф. Энгельсом около 24 августа 1860 г.

Напечатано в «Allgemeine Militar-Zeitung» № 36, 8 сентября 1860 г., в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» № 2, 14 сентября 1860 г. и в сборнике «Essays Addressed to Volunteers», Лондон, 1861 г.

Печатается по тексту сборника, сверенному с текстом, «Allgemeine Militar-Zeitung» и «The Volunteer Journal»

Перевод с английского

К. МАРКС

* ХЛЕБНЫЕ ЦЕНЫ. — ЕВРОПЕЙСКИЕ ФИНАНСЫ И ВОЕННЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ. — ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

Лондон, 25 августа 1860 г.

Так как за эту неделю погода не улучшилась, то вчера на Марк-лейне цена муки городского производства поднялась на 6 шилл. за мешок, и в иностранные порты немедленно были направлены заказы на закупку около 1000000 квартеров хлеба. Почти все импортеры разделяют мнение, высказанное мною в одной из последних статей*, что цены на хлебном рынке неизбежно будут расти и дальше. Принятые недавно Францией меры в отношении хлебной торговли делают эту страну непосредственным конкурентом британских хлеботорговцев. Как известно, во Франции существует скользящая шкала, регулирующая импортные и экспортные пошлины на зерно, и эта скользящая шкала видоизменяется в восьми различных округах, на которые делится вся страна по хлебной торговле. Декретом, опубликованным в «Moniteur» от 23 августа, эта скользящая шкала на время отменяется полностью. Декрет устанавливает, что импортируемые сухопутным или морским путем на французских или иностранных судах зерно и мука, откуда бы они ни поступали, облагаются вплоть до 30 сентября 1861 г. лишь минимальной пошлиной, определенной законом от 15 апреля 1832 года; он устанавливает также, что суда, груженные зерном и мукой, должны освобождаться от корабельных сборов и, наконец, что суда с таким грузом, вышедшие из любого иностранного порта до указанной даты 30 сентября 1861 г., должны уплачивать только указанный выше минимум и освобождаться от корабельных сборов. Минимум, о котором

* См. настоящий том, стр. 138. *Ред.*

идет речь, составляет 25 центов на гектолитр (около $2^3/_4$ бушелей). Итак, Франция, которая в 1858 и 1859 гг. отправила в Англию больше пшеницы (2014923 квартера) и больше муки (4326435 центнеров*), чем какая бы то ни было другая страна, в настоящее время будет серьезно конкурировать с Англией по закупкам хлеба на иностранных рынках, причем временная отмена французской скользящей шкалы создает благоприятные условия для такой конкуренции.

Двумя главными экспортными рынками, которыми Англии и Франции приходится ограничиваться, являются Соединенные Штаты и Южная Россия. Что касается этой последней страны, то известия об урожае носят самый противоречивый характер. С одной стороны, утверждают, что урожай весьма обилен; с другой стороны, говорят, что проливные дожди и наводнения повредили урожаю во всех частях империи, что хлебные поля южных провинций подверглись большим опустошениям саранчой — бич, который впервые появился в Бессарабии и опустошительное действие которого власти напрасно старались ограничить определенным районом, окружая этот район армией в 20000 человек. Действительные размеры этого бедствия, конечно, нельзя точно определить, но во всяком случае оно ускорит процесс повышения продовольственных цен. Некоторые лондонские газеты высказывают предположение, что действие, которое обычно оказывает на денежный рынок утечка золота, непосредственно связанная с большим и внезапным импортом зерна, может быть уравновешено поступлением золота из Австралии. Ничто не может быть нелепее этого предположения. Мы были свидетелями того, как во время кризиса 1857 г. золотой запас сократился до размеров меньших, чем когда-либо в подобные периоды до открытия Австралии и Калифорнии. Ранее я доказывал на основании неопровержимых фактов и цифр, что необычайно большой импорт золота в Англию, наблюдавшийся после 1851 г., более чем нейтрализовался необычайно большим экспортом золота. Кроме того, следует отметить тот факт, что после 1857 г. золотой запас Английского банка не только не превысил средних размеров, но все время шел на убыль. В то время как в августе 1858 г. он достигал 17654506 ф. ст., в августе 1859 г. он уменьшился до 16877255 ф. ст., а в августе 1860 г. — до 15680840 фунтов стерлингов. Если утечка золота еще не наступила, то это явление можно объяснить тем обстоятельством, что перспектива неурожая только теперь начинает оказывать свое влияние,

* Английский центнер = около 50 *кг. Ред.*

в то время как процентная ставка была до сих пор в Лондоне выше, чем на прочих главных биржах европейского континента, то есть в Амстердаме, Франкфурте, Гамбурге и Париже.

Континентальная Европа представляет в настоящий момент весьма странное зрелище. Франция, как известно, испытывает тяжелые финансовые затруднения, но, тем не менее, она вооружается в столь гигантских масштабах и с такой неутомимой энергией, как если бы она владела лампой Аладина. Австрия на краю банкротства, но теми или иными путями она находит средства на содержание огромной армии и на снабжение четырехугольника своих крепостей нарезными пушками. А Россия, где все финансовые операции правительства кончились неудачей, где говорят о национальном банкротстве как о вероятном событии, где армия ропщет из-за невыплаты жалованья и где даже верность императорской гвардии подвергается суровому испытанию, так как жалованье гвардейцам не выплачивалось в течение последних пяти месяцев, — Россия, тем не менее, отправляет массу войск к Черному морю и держит в Николаеве наготове 200 кораблей для отправки войск в Турцию. Неспособность русского правительства разрешить проблему крепостного права, финансовую проблему, а также повое обострение польского вопроса, по-видимому, побуждают его стремиться к войне как к последнему средству усыпления нации. Поэтому жалобы, раздающиеся во всех частях империи и во всех слоях русского общества, заглушаются по приказу правительства фанатическими криками об отмщении за обиды бедных попираемых христиан Турции. Изо дня в день русская пресса изобилует иллюстрациями и доказательствами необходимости интервенции в Турции. Следующее извлечение из «Инвалида» может служить хорошим образчиком[105]:

«Этот вопрос долго еще будет предметом суждения всех европейских газет. Нельзя не говорить о нем, потому что он один обратил теперь на себя внимание всей Европы. Только равнодушным ко всему человечеству читателям может он надоесть. Мы же не только обязаны представлять ежедневно его подробности нашим читателям, но и излагать как прошедшие события, так и будущие случайности, чтобы общественное мнение видело, какие средства принимаются и должны быть приняты к прекращению этого неестественного положения дел, составляющего стыд нашего века и цивилизации.

Но видя варварство и зверский фанатизм турок, мы не менее того, по исторической справедливости, должны прибавить, что сама Европа виновата в этом и должна сама себе приписать причины и последствия этих убийств. Будем теперь говорить откровенно. Для чего Европа предприняла несправедливую войну против России в 1853—1854 годах? Она объявила гласно двойную цель. Она хотела остановить мнимое честолюбие и преобладание России, а с другой стороны, хотела прекратить всякое угнетение христиан, страдавших под игом турок. Следственно, Европа созна-

валась в этих угнетениях и страданиях, но она хотела, чтобы, прекратив их *общим* посредничеством своим, оставить Турцию во всей ее целости и неприкосновенности, почитая это будто бы необходимым для своего равновесия. Когда война кончилась, то дипломаты занялись средствами к достижению этой двойной цели и к управлению ее. Прежде всего условились принять Турцию в семейство европейских держав и оградить ее от всякого отдельного посредничества. Это легко было сделать, и одна из двух целей была достигнута. Но вторая? Достигнута ли она? Приняты ли гарантии, чтобы спасти христиан от тягостного рабства и угнетения? Увы! В этом отношении Европа поверила словам, бумаге, без всякого ручательства. Еще в первых нотах 8 августа 1854 г., когда стали думать о прекращении войны и составили знаменитые четыре пункта гарантий, положено было потребовать от Порты сохранения религиозных прав всех христиан. То же выражено было и в мемории 28 декабря 1854 г., представленной санкт-петербургскому кабинету. Наконец, в прелиминарном проекте 1 февраля 1856 г., составленном в Вене и приложенном к протоколу первого заседания Парижского конгресса, сказано было в 4-й статье: «Права райя будут сохранены, не нарушая независимости и достоинства султана. Австрия, Франция, Великобритания и Порта согласны между собой в обеспечении политических и религиозных прав христианских подданных Турции, пригласив к этому соглашению и Россию при заключении мира».

Долго обсуждал этот предмет Парижский конгресс со второго своего заседания. Это видно из протоколов 28 февраля, 24 и 25 марта. Хотели согласить две невозможные вещи, верховные права султана и права его подданных, принимая и те, и другие под общее покровительство и посредничество всей Европы. Конгресс забыл, что права райя, которые он хотел сохранить, были утверждены прежними трактатами с Портой, вынужденными у нее силой и уже нарушившими права верховной власти султана, которые теперь тоже хотели сохранить. Для соглашения этих двух несогласных пунктов придумали знаменитый хатт-и-хумаюн, как бы собственно волею султана составленный и обнародованный. В нем обещано сохранение и улучшение всех прав христианских подданных, а чтобы иметь гарантии в исполнении этого обещания, упомянули об этом хатт-и-хумаюне в мирном трактате. За это исполнение конгресс в 9-м пункте договора отказался от всякого вмешательства во внутренние дела Турции.

Что же сделал конгресс? Обеспечил ли он исполнение обещания хатт-и-хумаюна? Обязательны ли они для султана? Вовсе нет. О нем упомянули в трактате, расхвалили мудрость этих обещаний, но не предусмотрели (что вся Европа заранее знала и говорила), что этот документ будет мертвой буквой. И теперь, когда после слишком четырехлетнего невыполнения его произошли ужаснейшие убийства в Сирии, имеет ли Европа право по трактату на посредничество? Нет! Она должна сознаться, что была слишком снисходительна и доверчива, с одной стороны, и слишком несправедлива — с другой. Еще недавно Россия предупреждала все кабинеты, что фанатизм мусульман нисколько не ослаб, не охладел, что готовятся новые вспышки, а прежние угнетения и насильства продолжаются; но Европа довольствовалась обещанием Порты, что она производит следствие и накажет виновных. Надобно было для всеобщего убеждения, чтобы изуверы перерезали несколько тысяч невинных жертв. Только теперь приступили к посредничеству, да и то с какими затруднениями, оговорками, медленностью, как будто для того, чтобы дать возможность к безнаказанности. Все заботятся о буквальном уважении трактата 30 марта 1856 г., точно так же как в делах Италии 1859 г. забывали положение народов, а думали о букве Венских трактатов. Человечество, вера, цивилизация — вот общий

трактат Европы с Турцией. Если она нарушает его, то сама вызывает посредничество и последствия его.

До 1856 г. европейские державы имели с Портой трактаты, по которым могли всегда делать ей представления об участи христиан. Теперь спрашивается, уничтожено ли это право трактатом 30 марта 1856 года? Отказалась ли Европа от права защищать своих единоверцев? Отказалась, если рассчитывала, что хатт-и-хумаюн 18 февраля будет выполнен; если поверила, что обещанные реформы будут приведены в исполнение; отказалась, если думала, что нравы, обычаи, страсти и закон корана могут измениться. Но этого не было и быть не могло. Европа, увлеченная своей политической идеей, что Турция необходима для ее равновесия, вздумала принять ее в семейство европейских держав, но, разумеется, с мыслью, что она будет вполне европейской, отбросив древние мусульманские идеи, что меч составляет единственный закон между кораном и подвластными ему народами, что побежденный — значит раб, т. е. вещь, принадлежащая победителю, и что жизнь его, имущество и семейство зависят от воли господина. Вот основная мысль, руководствовавшая Европой в 1856 году. При всем своем враждебном пристрастии против России, порожденном несправедливой и кровопролитной войной, Европа не освобождала Порту от всех прежних ее обязательств, а напротив того, требовала еще большего, вернейшего и обеспеченного улучшения участи христиан. Истинная цель общего протекторства Европы именно в том и состояла. Только за эту цену гарантировала она Турции ее целость и неприкосновенность. Иначе ни война, ни мир не были бы оправданы; иначе за что же было бы принять Турцию в христианское семейство, за что было бы обеспечивать ей будущую политическую безопасность? Одно условие с другим так тесно, нераздельно связано, что очевидно для каждого — без первого не может быть и второго.

Форма условия, правда, имеет некоторые недостатки. Буквально судя, Европа по 9-му пункту Парижского трактата формально отказалась от посредничества во внутренние дела Порты, но самый этот пункт упоминает, что это делается на основании хатт-и-хумаюна 18 февраля, которым христиане уравнены в правах с мусульманами. Здравая логика говорит, что если это не выполнено, то и 9-й пункт не имеет значения.

Напрасно Турция с таким жаром восстала ныне против посредничества в Сирии. Оно было неизбежно, если положение христиан не изменилось, если даже сделалось худшим. Напрасно и Англия противилась этому посредничеству. Она могла иметь свои собственные политические и торговые к этому причины, которых важность и справедливость мы не обсуждаем, но и не должна была ссылаться на 9-й пункт Парижского трактата. Он нарушен не посредничеством, а невыполнением хатт-и-хумаюна. Напрасно и теперь Европа, решаясь на необходимое посредничество, приняла опять те же дипломатические формы, которых недостаток могла она видеть по Парижскому трактату. И теперь опять сказано, что посредничество принимается по *желанию* Порты... Не известен еще результат этого требования, но если оно и устранено до времени, то сделается необходимым. Пророчествам Кассандры не верил Илион — и погиб».

Написано К. Марксом 25 августа 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6046, 10 сентября 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРОДВИЖЕНИЕ ГАРИБАЛЬДИ

По мере развития событий мы начинаем понимать тот план освобождения Южной Италии, который разработал Гарибальди, и чем ближе мы знакомимся с этим планом, тем более восхищаемся его грандиозностью. Задумать подобный план или пытаться его осуществить можно было только в такой стране, как Италия, где национальная партия столь прекрасно организована и всецело находится под контролем человека, с таким блестящим успехом обнажившего свой меч за дело итальянского единства и независимости.

Этот план не ограничивался освобождением Неаполитанского королевства; одновременно должно было начаться наступление на Папскую область, чтобы таким образом задать работу не только войскам короля-бомбы*, но также армии Ламорисьера и находящимся в Риме французам[106]. Предполагалось, что примерно 15 августа 6000 волонтеров, постепенно переправившихся из Генуи в Апельсинный залив (Гольфо-дельи-Аранчи) — северо-восточное побережье острова Сардинии, — будут переброшены на побережье Папской области, в то время как в различных провинциях континентальной части Неаполитанского королевства начнется восстание, а Гарибальди переправится через Мессинскнй пролив и высадится в Калабрии. Некоторые дошедшие до нас замечания Гарибальди о трусости неаполитанцев и полученные с последним пароходом сообщения, что он вступил в Неаполь и был с восторгом встречен населением, говорят о том, что восстание на улицах этого

* — Фердинанда II. *Ред.*

города, оказавшееся излишним вследствие бегства короля, было, возможно, предусмотрено планом.

Высадка в Папской области, как уже известно, не состоялась, отчасти вследствие настояний Виктора-Эммануила, отчасти же и главным образом потому, что сам Гарибальди пришел к убеждению о неподготовленности волонтеров к ведению самостоятельной кампании. Поэтому он переправил их в Сицилию, часть из них оставил в Палермо, а остальных направил вокруг острова на двух пароходах в Таормину, где они и находятся в настоящее время. Тем временем в провинциальных городах Неаполитанского королевства, как было решено заранее, начались выступления, которые показали, насколько хорошо была организована революционная партия и насколько страна созрела для восстания. 17 августа восстание вспыхнуло в Фодже, в Апулии. Драгуны, входившие в состав городского гарнизона, присоединились к народу. Генерал Флорес, командовавший округом, послал две роты 13-го полка, которые по прибытии на место последовали примеру драгун. "Тогда генерал Флорес сам прибыл в Фоджу в сопровождении своего штаба; но он ничего не смог сделать и вынужден был удалиться. Его образ действий ясно показывает, что и сам Флорес не намеревался оказывать серьезное сопротивление революционной партии. Если бы он собирался действовать всерьез, он послал бы не две роты, а два батальона и, выезжая на место лично, захватил бы с собой не нескольких адъютантов и ординарцев, а возможно более сильный отряд. В самом деле, уже одно то обстоятельство, что повстанцы позволили ему снова покинуть город, достаточно ясно показывает, что между ним и повстанцами существовало по меньшей мере какое-то молчаливое соглашение. Другое восстание вспыхнуло в провинции Базиликата. Здесь повстанцы собрали свои силы в Корлето-Пертикара, деревушке на берегу реки Ланьи (по всей вероятности, это то самое место, которое в телеграммах именуется Корлето).

Из этого гористого и отдаленного округа они двинулись на главный город провинции — Потенцу, куда прибыли 17 августа в составе 6000 человек. Сопротивление им оказали только жандармы, в количестве около 400 человек, которые после кратковременной схватки были рассеяны, а затем один за другим сдались. От имени Гарибальди было сформировано провинциальное правительство и назначен временный диктатор. Сообщают, что этот пост занял королевский интендант (губернатор провинции), — еще один признак того, сколь безнадежным считают дело Бурбонов даже их собственные чиновники. Из Салерно были посланы четыре роты 6-го линей-

ного полка для подавления этого восстания, но по прибытии в Аулетту, расположенную примерно в 23 милях от Потенцы, солдаты отказались идти дальше и стали кричать; «Viva Garibaldi!»*. Это единственные выступления, о которых нам известны некоторые подробности. Но кроме того получены сообщения, что к восстанию присоединились и другие города, как, например, Авеллино, город, расположенный менее чем в 30 милях от Неаполя, Кампобассо в провинции Молизе (на Адриатическом побережье) и Челенца в Апулии — вероятно, тот самый город, который в телеграммах именуется Чилента; он расположен почти на полпути между Кампобассо и Фоджей. В настоящее время к числу этих городов присоединился и сам Неаполь.

Пока провинциальные города Неаполитанского королевства выполняли таким образом предназначенную им роль в общем деле, Гарибальди не сидел сложа руки. Сразу же по возвращении из своей поездки в Сардинию он закончил приготовления к высадке на континент. Его армия состояла теперь из трех дивизий под командованием Тюрра, Козенца и Медичи. Две последние, сосредоточенные близ Мессины и Фаро, были направлены к северному побережью Сицилии между Милаццо и Фаро, создавая впечатление, будто предполагается погрузить их там на суда и высадить на Калабрийском побережье, к северу от пролива, где-нибудь неподалеку от Пальми или Никотеры. Что касается дивизии Тюрра, то одна из ее бригад — бригада Эбера — расположилась лагерем около Мессины, а другая — бригада Биксио — была отправлена в глубь острова, в Бронте, для ликвидации некоторых беспорядков. Обе получили приказ о немедленном выступлении в Таормину, где вечером 18 августа бригада Биксио вместе с доставленными из Сардинии волонтерами была погружена на два парохода, «Торино» и «Франклин», и на несколько транспортных судов, взятых на буксир.

За десять дней до этого майор Миссори с отрядом в 300 человек переправился через пролив и благополучно пробрался через расположение неаполитанских войск в гористую и пересеченную область Аспромонте. Здесь к нему присоединились другие небольшие отряды, переправлявшиеся время от времени через пролив, а также калабрийские повстанцы, так что к 18 августа он командовал отрядом, насчитывавшим около 2000 человек. Как только высадился этот небольшой отряд, неаполитанцы послали в погоню за ним около 1800 солдат, но эти

* — «Да здравствует Гарибальди!» *Ред.*

1800 героев действовали так, чтобы никогда не встретиться с гарибальдийцами.

19 августа на рассвете экспедиция Гарибальди (на борту парохода находился он *сам)* высадилась между Мелито и мысом Спартивенто, на крайней южной оконечности Калабрии.

Они не встретили никакого сопротивления. Неаполитанцы были настолько обмануты передвижениями, угрожавшими высадкой десанта к северу от пролива, что полностью игнорировали районы к югу от него. Таким образом, кроме 2000 человек, собранных Миссори, удалось перебросить на континент еще 9000 человек.

Когда к нему присоединились эти отряды, Гарибальди немедленно двинулся на Реджо, где находились четыре роты линейных войск и четыре роты стрелков. Но гарнизон этот, по всей вероятности, получил некоторые подкрепления, ибо, как сообщают, 21 августа в самом Реджо или около него произошло весьма ожесточенное сражение. После того как Гарибальди взял штурмом несколько передовых укреплений, артиллерия форта Реджо перестала поддерживать огонь, и генерал Виале капитулировал. В этом сражении был убит полковник Дефлотт (республиканский депутат от Парижа во французском Законодательном собрании 1851 года).

Неаполитанская флотилия, стоявшая в проливе, отличалась тем, что ровно ничего не предпринимала. После того как Гарибальди произвел высадку, командующий морскими силами телеграфировал в Реджо, что его корабли не могли оказать никакого сопротивления, так как в распоряжении Гарибальди было 8 больших военных кораблей и 7 транспортных судов! Флотилия эта не оказала никакого противодействия и переправе дивизии генерала Козенца, которая состоялась, по-видимому, 20-го или 21-го в самом узком месте пролива, между Шиллой и Виллой-Сан-Джованни, в том самом месте, где было сосредоточено наибольшее количество неаполитанских судок и войск. Высадка Козенца сопровождалась необычайным успехом. Две бригады Мелендеса и Бриганти (неаполитанцы называют бригады батальонами) и форт Пеццо (а не Пиццо, как указывается в некоторых телеграммах; это местечко расположено значительно севернее, за Монтелеоне) сдались ему, по-видимому, без единого выстрела. Как сообщают, это произошло 21-го; в тот же день после непродолжительной стычки была взята Вилла-Сан-Джованни.

Таким образом, Гарибальди за три дня овладел всем побережьем пролива, в том числе некоторыми укрепленными пунк-

ПОХОД ГАРИБАЛЬДИ В ЮЖНУЮ ИТАЛИЮ В 1860 ГОДУ
12-15.V Основные направления и даты передвижений войск под командованием Гарибальди
21.VIII Основные направления и даты передвижений отдельных отрядов Гарибальди
Палермо 27.V.1860 Места и даты важнейших сражений гарибальдийцев с неаполитанскими войсками
Места, где в 1860 году происходили восстания под лозунгом национального объединения Италии
Район повстанческого движения в Сицилии накануне высадки Гарибальди
Территории Савойи и Ниццы, отошедшие в 1860 году к Франции от Сардинского королевства
Территория Ломбардии, отошедшая в 1859 году к Сардинскому королевству от Австрийской империи
Государственные границы на VIII. 1860 года
Дороги
ШВЕЙЦАРИЯ
АВСТРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
САРДИНСКОЕ КОРОЛЕВСТВО
ПАПСКАЯ ОБЛАСТЬ
ФРАНЦИЯ
ЛИГУРИЙСКОЕ МОРЕ
ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
Берн
Цюрих
Женева
Лион
Шамбери
Гренобль
Турин
Милан
Верона
Венеция
Тренто
Триест
Фиюме
Загреб
Грац
Зара
Сплит
Генуя
Болонья
Флоренция
Сан-Марино
Монако
Ницца
Марсель
Авиньон
Таламоне
Рим
Веллетри
о. Корсика
Аяччо
о. Сардиния
Кальяри
Кампобассо
Изерния XI.1860
Гаэта
Капуя 1-2.XI 1860
Неаполь
Салерно
Авеллино
Фоджа
Потенца
Бриндизи
Таранто
Корлето-Пертикара
Аулетта
Козенца
Монтелеоне
Мессина
Реджо-ди-Калабрия
Палермо
Марсала
о. Сицилия
Таормина
Катания
Сиракузы
Кальтаджироне
о. Корфу (Брит.)
Тунис
90 0 90 км
ПРОДВИЖЕНИЕ ГАРИБАЛЬДИ В СИЦИЛИИ И ВЫСАДКА НА КАЛАБРИЙСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ V–VIII.1860 ГОДА
Палермо 27.V.1860
Монреале
Партинико
Трапани
Алькамо
Калатафими 15.V.1860
Марсала
Салеми
Корлеоне
Парко
Пьяна
Мизильмери
Термини
Милаццо VII.1860
Мессина
Бронте
Этна
Таормина
Пиццо
Монтелеоне
Никотера
Пальми
Баньяра
Шилла
Вилла-Сан-Джованни
Саличе
Реджо-ди-Калабрия 21.VIII.1860
Мелито-ди-Порто-Сальво
мыс Спартивенто
19.VIII
20 0 20 40 км

тами; несколько фортов, остававшиеся еще в руках неаполитанцев, стали теперь для них бесполезными.

В последующие два дня, по-видимому, происходила переброска остальных войск и материальной части — по крайней мере, мы не располагаем сообщениями о каких-либо дальнейших сражениях вплоть до 24-го, когда, как сообщают, произошла ожесточенная стычка в пункте, который в телеграммах именуется *Пьяле,* но который не значится на картах. Быть может, этим именем называют какой-нибудь горный поток, а образуемое им ущелье послужило оборонительной позицией для неаполитанцев. Согласно сообщениям, это сражение не привело к решающим результатам. Через некоторое время гарибальдийцы предложили перемирие, и неаполитанский командующий передал это предложение своему главнокомандующему в Монтелеоне. Но прежде чем мог быть получен ответ, неаполитанские солдаты, по-видимому, пришли к заключению, что они достаточно послужили своему королю, и рассеялись, бросив свои батареи.

Главные силы неаполитанцев под командой Боско в течение всего этого времени пребывали, по-видимому, в бездействии в Монтелеоне, милях в тридцати от пролива. Должно быть, эти войска не проявляли особого желания сражаться с вторгшимися отрядами, и потому генерал Боско направился в Неаполь, чтобы доставить оттуда шесть батальонов стрелков, которые, после гвардейцев и отрядов иностранных войск, являются самыми надежными частями армии. Пока неизвестно, были ли и эти шесть батальонов деморализованы и охвачены тем же духом подавленности, который господствует в неаполитанской армии. Достоверно одно — что до сих пор ни этим, ни каким-либо другим войскам еще не удалось воспрепятствовать победоносному, а возможно, и беспрепятственному маршу Гарибальди к Неаполю, где окажется, что королевская семья бежала, а город откроет свои ворота, устроив ему триумфальную встречу.

Написано Ф. Энгельсом около 1 сентября 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6056, 21 сентября 1860 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ГАРИБАЛЬДИ В КАЛАБРИИ

В настоящее время мы располагаем подробными сведениями о завоевании Гарибальди Нижней Калабрии и о том, что неаполитанские войска, которым была поручена ее оборона, полностью рассеяны. На этом этапе своей триумфальной карьеры Гарибальди показал себя не только смелым вождем и талантливым стратегом, но и искусным полководцем. Наступление главными силами против цепи прибрежных фортов является предприятием, которое требует не только военного таланта, но и военных знаний; и можно с удовлетворением констатировать, что наш герой, который за всю свою жизнь не сдал ни одного военного экзамена и который вряд ли когда-либо служил в регулярной армии, так же свободно действовал на этом театре войны, как и на всяком другом.

Носок итальянского сапога образуется горной цепью Аспромонте, которая заканчивается вершиной Монтальто, высотой около 4300 футов. С этой вершины воды сбегают к побережью по множеству глубоких ущелий, расходящихся от Монтальто, как от центра, радиусами полукруга, периферию которого образует береговая линия. Эти ущелья вместе с руслами горных потоков, которые в это время года высыхают, называются fiumare и образуют множество удобных позиций для отступающей армии. Правда, их можно обойти со стороны Монтальто, особенно ввиду того, что по гребню каждого отрога и на главном хребте Аспромонте проходят вьючные и пешеходные тропы; однако полное отсутствие воды в этой горной местности сделало бы довольно затруднительным осуществление подобного маневра для большого отряда в летнее время года. Отроги горного

хребта спускаются к берегу и далее к морю крутыми и беспорядочно нагроможденными скалами. Форты, охраняющие пролив между Реджо и Шиллой, построены отчасти на самом берегу, но в большинстве случаев на низких, выступающих вперед скалах у самого берега. Вследствие этого все они просматриваются с более высоких скал, расположенных поблизости и господствующих над ними, и хотя эти командные пункты недоступны для артиллерии и в своем большинстве недосягаемы для старой «смуглой Бесс»[107], так что, когда строились форты, им не придавали никакого значения, после появления современных винтовок они приобрели решающее значение; большая часть из них находится в пределах досягаемости огня винтовок, и, таким образом, они теперь действительно господствуют над фортами. При таких обстоятельствах энергичное наступление на эти форты, вопреки всем правилам правильной осады, было вполне целесообразным. Очевидно, Гарибальди собирался сделать следующее: послать одну колонну по большой дороге, идущей вдоль берега и открытой обстрелу с фортов, делая вид, будто он намеревается напасть на неаполитанские отряды с фронта, а с другой колонной подняться через холмы вверх по fiumare настолько высоко, насколько этого требовали характер местности или протяженность линии фронта, образуемой неаполитанскими оборонительными позициями, и тем самым окружить войска и форты и занять господствующее положение в любой стычке.

В соответствии с этим планом Гарибальди 21 августа направил Биксио с частью его войск вдоль побережья по направлению к Реджо, а сам с небольшим отрядом и войсками Миссори, которые присоединились к нему, направился через горы. Неаполитанцы в составе восьми рот, или около 1200 человек, занимали fiumare, расположенное непосредственно у Реджо. Биксио, который должен был первым начать атаку, послал одну колонну по песчаному берегу на крайний левый фланг, а сам двинулся вперед по дороге. Неаполитанцы очень скоро отступили, но их левый фланг, находившийся на холмах, держался против небольшой группы авангарда Гарибальди до тех пор, пока не подошел отряд Миссори и не отбросил их. Тогда они отступили к форту, который расположен посреди города, и к небольшой батарее на берегу. Эта последняя была взята стремительной атакой трех рот Биксио, ворвавшихся через амбразуру. Затем Биксио, захвативший в составе этой батареи два неаполитанских тяжелых орудия и снаряды, стал бомбардировать главный форт, но это не принудило бы форт к сдаче, если бы искусные стрелки Гарибальди не заняли командных

высот, с которых они могли обнаруживать и подстреливать находившихся на батареях артиллеристов. Это возымело свое действие: артиллеристы покинули орудийные площадки и убежали в казематы; форт сдался, солдаты частью присоединились к Гарибальди, но большинство разошлось по домам. Пока эти события происходили в Реджо и внимание неаполитанских пароходов было отвлечено этим сражением, разрушением севшего на мель парохода «Торино» и демонстративной погрузкой отряда Медичи в Мессине, Козенц успел отправить на 60 лодках 1500 человек из Фаро-Лагоре и высадить их на северо-западном побережье между Шиллой и Баньярой.

23 августа произошла небольшая стычка у Саличе, немного дальше Реджо, причем пятьдесят гарибальдийцев, англичан и французов, под командой полковника Дефлотта, разгромили неаполитанцев, численно превосходивших их в четыре раза. В этой стычке погиб Дефлотт. В тот же день генерал Бриганти, командовавший в Нижней Калабрии бригадой, входившей в состав войск Виале, имел беседу с Гарибальди относительно условий своего перехода в лагерь итальянцев; однако единственным результатом этого свидания было то, что оно показало полную деморализацию неаполитанцев. С этого момента для них не могло быть и речи о победе, речь могла идти только о сдаче. Бриганти и Мелендес, командир второй подвижной бригады в Нижней Калабрии, заняли позицию неподалеку от берега, между Виллой-Сан-Джованни и Шиллой, причем их левый фланг доходил до холмов близ Фьюмара-ди-Муро. Общая численность их войск, вероятно, достигала приблизительно 3600 человек.

Гарибальди, установив связь с Козенцем, который высадился в тылу этих войск, окружил неаполитанцев со всех сторон и затем спокойно дожидался их сдачи, которая и последовала к вечеру 24-го. Он обезоружил их и разрешил солдатам, если они пожелают, разойтись по домам, что большинство из них и сделало. Форт Пунта-ди-Пеццо также сдался, его примеру последовали гарнизоны Алла-Фьюмаре, Торре-дель-Кавалло и Шиллы, совершенно деморализованные как вследствие ружейного обстрела с командующих высот, так и вследствие сдачи всех прочих фортов и дезертирства в полевых войсках. Таким образом, удалось не только обеспечить полное господство над обеими сторонами пролива, но и завоевать всю Нижнюю Калабрию, и менее чем в пять дней посланные на ее защиту войска были взяты в плен и распущены по домам.

Эта цепь поражений сломила всякую способность неаполитанской армии к дальнейшему сопротивлению. Офицеры остальных

батальонов Виале в Монтелеоне решили для приличия защищать свою позицию в течение часа, а затем сложить оружие. Восстание в других провинциях быстро ширилось; целые полки отказывались выступать против повстанцев, и даже среди войск, защищавших Неаполь, имело место дезертирство целых отрядов. Таким образом, перед героем Италии открылся, наконец, путь на Неаполь.

Написано Ф. Энгельсом в начале сентября 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6058. 24 сентября 1860 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Лондон, 8 сентября 1860 г.

«Tribune» явилась первой газетой, которая привлекла внимание к серьезному упадку английского вывоза в Ост-Индию, упадку, особенно заметному в отношении основных статей вывоза, а именно: хлопчатобумажных товаров и хлопчатобумажной пряжи. Последствия упадка стали ощущаться в Ланкашире и Йоркшире именно в тот момент, когда внутренний рынок стал сокращаться в связи с запозданием на целых пять недель против прошлого года сбора урожая, который, несмотря на улучшающиеся с четверга 30 августа перспективы, будет во всяком случае ниже среднего уровня. Вследствие этого британские торговые палаты забили тревогу и засыпали центральное правительство протестами против нового индийского таможенного акта, согласно которому пошлины на основные статьи импорта из Великобритании увеличивались с 5% до 10%, другими словами на 100%. Английская пресса, которая ранее предусмотрительно не затрагивала этого пункта, таким образом была вынуждена, наконец, нарушить свое молчание. Лондонский «Economist» преподносит нам статьи «Торговля Индии» и «Причины ее депрессии». Помимо того, что «Economist» считается главным авторитетом в Англии по такого рода вопросам, его статьи об Индии приобретают особый интерес вследствие причастности к ним пера г-на Уилсона, в настоящий момент являющегося канцлером казначейства по индийским финансам. Лучшим ответом на первую часть статьи, пытающуюся снять с последнего таможенного законодательства Индии всякую ответственность за имеющее место сокращение индийского рынка, является тот факт, что генерал-губернатор в Каль-

кутте был вынужден созвать там комитет из представителей налоговых управлений Калькутты, Бомбея и Мадраса и соответствующих торговых палат и возложить на него пересмотр и переработку недавно введенного тарифа. Этот тариф, как я указывал, впервые знакомя ваших читателей с этим вопросом*, отнюдь не был причиной торгового кризиса в Индии, однако ускорил его возникновение, будучи введен неожиданно в тот момент, когда индийская торговля уже разрослась до размеров, превышавших естественную емкость рынка. «Economist» открыто признает переполнение индийского рынка английскими товарами и английского рынка индийскими товарами.

«По нашему мнению»,— пишет он, — «никто не будет оспаривать, что огромные прибыли, полученные от торговли в Индии в течение определенного периода в прошлом году, привели к неожиданному и значительному увеличению ввоза товаров на рынок этой страны в количестве, значительно превышавшем спрос в стране, и к весьма широкой спекулятивной торговле индийских капиталистов, рассчитанной на снабжение отдаленных внутренних рынков товарами из морских портов. Например, стоимость экспорта хлопчатобумажных товаров в Британскую Индию достигла в 1859 г. суммы в 12043000 ф. ст. по сравнению с 9299000 ф. ст. в 1858 г. и 5714000 ф. ст. в 1857 году; стоимость экспорта пряжи — 2546000 ф. ст. в 1859 г. по сравнению с 1969000 ф. ст. в 1858 г. и 1147000 ф. ст. в 1857 году. В течение продолжительного времени товары раскупались сразу же, как только они прибывали, и, поскольку цены продолжали повышаться, не было недостатка в спекулянтах-ростовщиках, которые скупали товары и переправляли их в глубь страны; и несомненно, как мы можем судить по сообщениям из самых достоверных источников, что *на всех рынках северо-запада скопились значительные запасы товаров.* На этот счет данные из Мирзапура, Аллахабада, Лакнау, Агры, Дели, Амритсара и Лахора совпадают».

«Economist» переходит затем к разбору некоторых обстоятельств, которые способствовали в известном смысле превращению затоваривания индийских рынков в хроническое явление. Об основной причине — непрекращающихся крупных поставках из Англии — нет и намека. Прежде всего, вследствие царившей повсюду засухи, осенний урожай 1859 г. во всей Северной Индии был значительно ниже среднего как в отношении качества, так и в отношении количества. Отсюда — высокие цены на продовольствие зимой и весной, впоследствии еще более выросшие вследствие угрозы голода. Более того, наряду с недостатком продуктов и высокими ценами свирепствовала эпидемия.

«По всему северо-западу эпидемия холеры приняла столь угрожающие размеры в густонаселенных городах, что повседневная деловая жизнь во многих случаях прекратилась и население спасалось бегством, как от вторгнувшегося неприятеля».

* См. настоящий том, стр. 76—78. *Ред.*

Но что хуже всего —

«Верхняя Индия в течение месяца или шести недель, предшествовавших моменту отправки последней почты, находилась под угрозой ужасающего бедствия. Дожди, от которых исключительно зависит осенний урожай, обычно выпадают к середине или, самое позднее, к концу июня. В этом году до середины июля не выпало ни капли дождя. От северо-западной границы до Нижней Бенгалии, от Хайберского перевала до Бенареса, включая большие Доабы рек Сатледж, Джамны и Ганга, все представляло собой бесплодную, затвердевшую и неподвижную поверхность выжженной солнцем земли. Только в отдельных местах, которые увлажнялись протекающими по ним реками или водоемами крупных ирригационных систем, каналами Джамны и Ганга, возможно было вырастить какую-нибудь культуру. Перспективы голода, подобного голоду 1837 и 1838 гг., породили повсюду величайшую тревогу. Цены еще более возросли. Скот погибал в большом количестве или перегонялся на холмы и не использовался для возделывания земли, а народ, как сообщают, находится на грани голодной смерти».

Однако, согласно телеграфным сообщениям, полученным и опубликованным в Калькутте в течение недели, предшествовавшей отправке последней почты 27 июля, наихудшие опасения отпали. Обильные дожди прошли, наконец, как раз вовремя, чтобы предотвратить голод, если не для того, чтобы обеспечить хороший урожай.

Подробности, приведенные журналом «Economist», достаточно показывают, что в ближайшем будущем нет ни малейшей перспективы оживления индийской торговли, которая в первой половине 1860 г. уже сократилась примерно на 2000000 ф. ст. по сравнению с первой половиной 1859 года. Австралийские рынки обнаруживают также все признаки сужения вследствие переполнения товарами. Торговля с Францией, которая, как предполагалось, сразу достигнет огромных размеров в связи с англо-французским торговым договором, наоборот, сократилась более чем на 1000000 ф. ст., о чем свидетельствуют следующие данные:

Полугодие, окончившееся 30 июня

	1859 г. ф. ст.	1860 г. ф. ст.
Импорт из Франции	9 615 065	8 523 983
Экспорт во Францию	2 358 912	2 324 665
Итого	11 973 977	10 848 648

Резкое сокращение английского ввоза из Франции следует отнести к высоким ценам на продукты питания во Франции в текущем году, в то время как в 1859 г. зерно и мука являлись основной статьей французского экспорта в Англию. Большое

значение придается увеличению размеров, в которых, как полагают, Соединенные Штаты начинают закупать английские промышленные товары, взамен значительного в настоящее время экспорта продуктов питания в Соединенное королевство. Но хотя всегда будет существовать какая-то пропорция между экспортом и импортом страны, данное заключение выглядит несколько опрометчивым, если судить по движению англоамериканской торговли в первой половине 1859 и 1860 годов. Здесь мы находим:

	1859 г. ф. ст.	1860 г. ф. ст.
Британский экспорт в Соединенные Штаты	11 625 920	9 366 647
Британский импорт из Соединенных Штатов	17 301 790	25 618 472

Таким образом, в то время как британский импорт из Соединенных Штатов увеличился более чем на 8000000 ф. ст., британский экспорт в Соединенные Штаты за тот же период упал более чем на 2000000 фунтов стерлингов. Расширение внешней торговли Англии имело место лишь по линии англотурецкой, англо-китайской и англо-германской торговли. В настоящий момент Турция испытывает потрясение в результате вмешательства России и Франции. Китай испытывает потрясение в результате вмешательства самих англичан, а Германия, многие районы которой терпят бедствие от неурожая, стоит накануне глубоких внутренних политических потрясений и серьезных внешних столкновений. Что касается англо-китайской торговли, то я все же подчеркиваю, что в известной мере ее увеличение безусловно определяется потребностями войны; что увеличение экспорта в Китай шло исключительно за счет изъятия значительного количества товаров с индийского рынка и переброски их, в порядке эксперимента, на китайский рынок; и, наконец, что импорт из Китая продолжает сохранять значительно большее значение, чем экспорт в Китай, как это можно видеть из следующих цифр:

Полугодие, окончившееся 30 июня

	1859 г. ф. ст.	1860 г. ф. ст.
Импорт из Китая, включая Гонконг	5 070 691	5 526 054
Экспорт в Китай, исключая Гонконг	1 001 709	1 622 525
Экспорт в Гонконг	976 703	1 236 262
Итого	7 049 103	8 384 841

Между тем неожиданные банкротства в большинстве отраслей торговли продолжают давать пищу всеобщему чувству недоверия. Приводимая в конце статьи сводка установленных до настоящего времени пассивов и активов обанкротившихся фирм по торговле кожей показывает, что активы в среднем составляют лишь 5 шилл. 6 пенсов на фунт задолженности, а это означает для держателей векселей обанкротившихся фирм убытки на сумму в 1471589 фунтов стерлингов.

Пассив

Фирмы:		ф. ст.
Обанкротившиеся	9	1 530 991
Свертывающиеся или заключившие компромиссное соглашение с кредиторами	15	499 806
Подробности не опубликованы	10	—
Итого	34	2 030 797

Актив

		Суммы ф. ст.	На 1 ф. ст.	Дефицит ф. ст.
Обанкротившиеся	9	342 652	4 ш. 6 п.	1 188 339
Свертывающиеся или заключившие компромиссное соглашение с кредиторами	15	216 556	8 ш. 8 п.	283 250
Подробности не опубликованы	10	—	—	—
Итого	34	559 208	5 ш. 6 п.	1 471 589

Написано К. Марксом 8 сентября 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6063, 29 сентября 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛЕГКАЯ ПЕХОТА

Если когда-либо нашим волонтерам придется обменяться пулями с противником, то этим противником будет — всякий это знает — французская пехота; лучшим типом — beau idéal[*] — французского пехотинца является солдат легкой пехоты, особенно chasseur[**].

Французский стрелок является образцом не только для своей собственной армии: в вопросах, касающихся службы легкой пехоты, французы являются до некоторой степени законодателями для всех европейских армий; таким образом, французский стрелок становится в определенном смысле образцом для всей легкой пехоты Европы.

В обоих этих качествах, то есть как возможный противник и как самый совершенный до сих пор образец солдата легкой пехоты, французский стрелок представляет большой интерес для английского волонтера. И чем скорее наш волонтер познакомится с ним, тем лучше.

I

Вплоть до 1838 г. во французской армии винтовка не применялась. Старая винтовка с плотно пригнанной пулей, которую надо было заколачивать, что делало заряжание трудной и медленной операцией, была неподходящим оружием для французов. Наполеон, осматривая однажды в батальоне немецких

[*] — прекрасным идеалом. *Ред.*
[**] — стрелок. *Ред.*

стрелков кремневые ружья, воскликнул: «Конечно, это самое злополучное оружие, какое только может быть дано в руки солдата». Безусловно, старая винтовка была непригодна для больших масс пехоты. В Германии и Швейцарии некоторые отборные батальоны были всегда вооружены этой винтовкой, по солдаты этих батальонов использовались исключительно в качестве метких стрелков для уничтожения офицеров, для стрельбы по саперам во время постройки мостов и т. п., причем много внимания уделялось тому, чтобы формировать эти части из сыновей лесников или других молодых людей, которые задолго до поступления в армию научились обращаться с винтовкой. Альпийские охотники за козами, лесники, охранявшие большие леса в Северной Германии, где водились олени, представляли прекрасный материал для этих батальонов, являвшихся образцом также и для стрелков английских линейных войск.

Те войска, которые французы прежде обычно называли легкой пехотой, были снаряжены и обучены совершенно так же, как и линейные полки; поэтому в 1854 г. декретом Луи-Наполеона было отменено наименование этих двадцати пяти полков полками легкой пехоты, и они были включены в линейные войска, где и составляют в настоящее время полки под номерами от 76-го до 100-го.

Правда, в каждом батальоне пехоты было по роте вольтижеров, сформированных из лучших и наиболее развитых солдат низкого роста; а elite* солдат более высокого роста составляла роты гренадеров. Они должны были первыми рассыпаться в цепь, когда требовалось начать перестрелку; в остальном же они были вооружены и обучены так же, как и остальная часть батальона.

Когда в 1830 г. началось завоевание Алжира, французы оказались лицом к лицу с противником, вооруженным длинным ружьем, распространенным у большинства восточных пародов. Французские гладкоствольные ружья уступали им в дальности стрельбы. Конные бедуины на равнинах и кабильские стрелки в горах со всех сторон окружали французские колонны на марше; пули противника достигали колонн, тогда как он сам был вне сферы эффективного огня французов. На равнинах стрелки не могли далеко отходить от своих колонн из боязни, что их застигнет врасплох и уничтожит быстрая арабская конница.

Когда английская армия попала в Афганистан, она познакомилась с теми же длинными ружьями. Афганские стрелки,

* — отборная часть. *Ред.*

хотя и были вооружены только фитильными ружьями, производили в рядах англичан, как в лагере, в Кабуле, так и во время отступления по горам, ужасные опустошения на расстояниях, совершенно недоступных для бедной старой «смуглой Бесс». Урок был жестоким; можно было ожидать затяжной борьбы с племенами на северо-западной границе Британской Индии, и все же ничего не было сделано для того, чтобы снабдить отправляемых на эту границу английских солдат оружием, которое могло бы сравниться с восточными фитильными ружьями при стрельбе на дальние дистанции.

Не так обстояло дело у французов. Как только этот недостаток был обнаружен, немедленно же были предприняты шаги к его устранению. Герцог Орлеанский, сын Луи-Филиппа, во время своего свадебного путешествия по Германии в 1836 г. воспользовался случаем изучить организацию двух батальонов стрелков прусской гвардии. Он сразу же увидел, что именно здесь находится отправная точка, исходя из которой ему удастся создать тот тип войск, который нужен для Алжира. Он сразу же сам занялся этим вопросом. Однако на его пути возникало много препятствий из-за старого предубеждения французов против нарезного ружья. К счастью, изобретения Дельвиня и Поншарра на его родине помогли ему; они изобрели винтовку, которую можно было заряжать почти так же быстро и легко, как и гладкоствольное ружье, и которая в то же время значительно превосходила последнее по дальности и меткости стрельбы. В 1838 г. герцог получил разрешение сформировать роту, согласно своему замыслу; в том же году эта рота была увеличена до целого батальона; в 1840 г. батальон был направлен в Алжир, для того чтобы проверить, как он будет действовать в настоящей войне; он так хорошо выдержал испытание, что в том же году были сформированы еще девять батальонов стрелков. Наконец, в 1853 г. были организованы еще десять батальонов, так что в настоящее время во французской армии насчитывается всего двадцать батальонов стрелков.

Своеобразные военные качества бедуинов и кабилов, которые, несомненно, являлись образцовыми легкими кавалеристами и пешими стрелками, весьма скоро побудили французов попытаться завербовать себе на службу туземцев и завоевать Алжир, предоставляя арабам сражаться против арабов. Эта мысль положила, между прочим, начало образованию частей зуавов. Зуавы были сформированы главным образом из туземцев еще в 1830 г. и оставались преимущественно арабскими войсками

вплоть до 1839 г., когда они массами дезертировали в лагерь Абд-эль-Кадира, только что поднявшего знамя священной войны[108]. Таким образом, в каждой роте остался только кадровый состав и по двенадцати французских солдат, кроме двух чисто французских рот, приданных каждому батальону. Свободные места пришлось заполнить французами, и с этого времени зуавы стали исключительно французскими войсками, предназначенными для постоянной гарнизонной службы в Африке. Но первоначальный основной состав старых французских зуавов настолько приобрел характерные туземные черты, что с тех пор все эти войска остались по всему своему духу и навыкам особыми алжирскими войсками, со своими особыми национальными чертами, совершенно отличными от остальной части французской армии. Они вербуются большей частью из лиц, замещающих призывников[109], и, следовательно, большинство из них являются профессиональными солдатами в течение всей жизни. Эти части по существу входят в состав легкой пехоты армии и поэтому они давно уже снабжены винтовками. В настоящее время в Африке имеется три полка, или девять батальонов зуавов и один полк (два батальона) гвардейских зуавов.

Начиная с 1841 г, были сделаны новые попытки вербовать туземцев Алжира для местных войск. Были образованы три батальона, но они оставались слабыми и неукомплектованными вплоть до 1852 г., когда вербовка туземцев во французские войска стала усиленно поощряться и достигла такого успеха, что в 1855 г. удалось сформировать три полка, или девять батальонов, Это — тюркосы или tirailleurs indigenes*, о которых мы так много слышали во время Крымской и Итальянской войн.

Таким образом, не считая иностранного легиона (в настоящее время распущенного, но, по всей видимости, вновь формируемого) и трех дисциплинарных батальонов, во французской армии имеется 38 батальонов, специально сформированных и обученных для службы в качестве легкой пехоты. Из всех этих войск стрелки, зуавы и тюркосы имеют свои отличительные особенности. Войска двух последних видов имеют слишком сильно выраженный местный характер, чтобы когда-либо оказывать большое влияние на основную массу французской армии; однако их яростные атаки, — во время которых, как это было доказано в Италии, управление ими полностью сохраняется, и они даже предвосхищают благодаря присущей им воинской

* — туземные стрелки. *Ред.*

находчивости приказы командира — эти атаки навсегда останутся блестящим примером для остальных войск. Несомненно также и то, что французы в значительной степени переняли от арабов во всех деталях практику действий в рассыпном строю и способы использования преимуществ местности. Но тем видом легкой пехоты, который остался исключительно французским и тем самым сделался, как мы уже выше говорили, образцом для армии, являются стрелки.

II

Первая же страница французского строевого устава 1831 г. показывает, из каких низкорослых солдат состоит французская армия:

Медленный шаг: каждый шаг 65 сантиметров (25 дюймов) и 76 шагов в минуту.

Скорый шаг: та же длина шага и 100 шагов в минуту.

Шаг для атаки (pas de charge): та же длина шага и 130 шагов в минуту.

Шаг в 25 дюймов является несомненно самым коротким, а скорость 100 шагов в минуту — самой медленной в сравнении с принятыми при передвижениях на поле боя в любой другой армии. В то время как французский батальон за одну минуту продвинется на расстояние 208 футов, английский, прусский или австрийский батальоны продвинулись бы на расстояние 270 футов, то есть на тридцать процентов больше. Наш широкий шаг в 30 дюймов был бы слишком велик для коротконогих французов. То же самое во время атаки: французский солдат продвигается в минуту на 271 фут, или на такое расстояние, которое английский солдат проходит простым скорым шагом, тогда как беглым 36-дюймовым шагом, при 150 шагах в минуту, англичанин пробегает 450 футов, или на шестьдесят процентов больше. Один этот факт показывает, что установленная норма роста солдата не может быть уменьшена ниже определенного предела без того, чтобы это не отразилось на боеспособности и подвижности армии.

Из солдат с такими короткими ногами, с коротким и медленным шагом нельзя было сформировать легкую пехоту. Когда впервые создавались формирования стрелков, то прежде всего были приняты меры для того, чтобы отобрать в стране лучший материал для пехоты; все они были хорошо сложен-

ными, широкоплечими, подвижными солдатами ростом от 5 футов 4 дюймов до 5 футов 8 дюймов, набранными большей частью в горных районах страны. Строевым уставом стрелков (изданным в 1845 г.) длина шага для скорого марша была оставлена та же, но темп был увеличен до 110 шагов в минуту; для беглого шага (pas gymnastique) длина шага была установлена в 33 дюйма (83 сантиметра) при 165 шагах в минуту; но для развертывания, построения в каре или в других случаях, когда необходима быстрота, темп должен увеличиться до 180 шагов в минуту. Даже при такой скорости движения стрелок пройдет за минуту расстояние лишь на 45 футов больше, чем английский солдат при его беглом шаге. Но стрелок достигает необыкновенных результатов не исключительной быстротой движения, а тем, что он может продолжать это ускоренное движение в течение длительного времени; кроме того, в случае крайней спешности, при сборе и т. п., стрелки получают приказание бежать с предельной скоростью.

Беглый шаг — это самое главное, чему обучают во французских батальонах стрелков. Сперва солдат обучают шагу на месте с темпом 165 и 180 шагов в минуту, причем солдаты должны кричать: «раз!», «два!» или «правой!», «левой!»; предполагается, что это регулирует работу легких и предупреждает их воспаление. Затем солдат заставляют маршировать в том же темпе, причем расстояние постепенно увеличивается до тех пор, пока они смогут пройти расстояние в одну французскую лигу в 4000 метров ($2^1/_2$ мили) за 27 минут. Если обнаруживается, что у некоторых рекрутов для таких занятий слишком слабы легкие или ноги, их отправляют в линейную пехоту. Следующей ступенью обучения являются упражнения в прыжках и беге, причем в последнем требуется достигнуть на коротких расстояниях наивысшей скорости; как в pas gymnastique, так и в беге сначала занимаются на ровном учебном плацу или на дороге, а затем уже на местности без дорог с перепрыгиванием через изгороди и канавы. Только после такой подготовки солдатам вручают оружие, причем они опять проходят весь курс обучения беглому шагу, бегу и прыжкам, но уже с винтовкой в руке и в полном походном снаряжении; ранец и патронная сумка имеют такой же вес, как и в боевой обстановке; так их заставляют двигаться pas gymnastique целый час, в течение которого они должны пройти по крайней мере пять миль. Один иностранный офицер, одетый в штатский костюм, пытался однажды идти наравне с таким батальоном стрелков в полном походном снаряжении, но без тренировки

он едва смог поспевать за батальоном лишь в течение часа; стрелки же, двигаясь попеременно то скорым шагом, то pas gymnastique, прошли за этот день свыше 22 миль.

Все передвижения и перестроения на поле боя должны производиться беглым шагом; продвижение в линейном строю, построение в колонны и каре, повороты, развертывание и т. п. осуществляются так, чтобы солдаты сохраняли свои места при этом шаге так же уверенно, как и при обыкновенном скором шаге. Темп движения для всех перестроений — 165 шагов в минуту, и только при развертывании и поворотах он увеличивается до 180 шагов.

Ниже приводится мнение прусского штаб-офицера о французских стрелках.

«На Марсовом поле я видел несколько рот стрелков, производивших маневры рядом с линейным полком. Какой контраст составляет их подвижность, весь стиль их движений по сравнению с этим полком! С первого же взгляда на них вы видите, что это отборные войска, составленные из лучших людей лесистых и горных областей; все они хорошо сложены, коренасты, сильны и в то же время удивительно подвижны. Когда они передвигаются с поразительной быстротой и легкостью, вы чувствуете их предприимчивую натуру, их дерзкую отвагу, их быструю сообразительность, их неутомимость и выносливость, хотя, конечно, вы также видите и их огромное самомнение и свойственное французам тщеславие. И где бы вы их ни видели — в Страсбурге, Париже или в любом ином гарнизоне, —они всегда производят то же самое впечатление, они выглядят как бы вылитыми по одному и тому же образцу. Во главе их я видел только молодых офицеров; лишь некоторым из капитанов можно было дать лет тридцать пять; большинство же из них моложе, и даже штаб-офицеры были не старше этих лет, Их большая подвижность не обнаруживает признаков ни принужденности, ни напряжения; постоянные упражнения, казалось, сделали подвижность их второй природой, — так легко и свободно проделывают эти батальоны все свои движения. Их кровь, по-видимому, течет более спокойно, и дыхание менее прерывисто, чем у других. Отдельные связные на улице быстро обгоняют всех, идущих впереди; и тем же быстрым шагом целые батальоны, под веселые звуки рожка, колоннами проходят по улицам. Где бы вы ни видели их — на учебном плацу, в походе или дома, — никогда они не казались мне усталыми. Честолюбие в этом отношении может идти рука об руку с привычкой.

Если быстрота движений и точность прицеливания кажутся несовместимыми, то стрелки, по-видимому, преодолели эту кажущуюся несовместимость. Я сам не видел их учебной стрельбы по мишеням, но, по мнению опытных офицеров, нельзя не придерживаться высокого мнения о выполнении ими таких упражнений. Если точность прицеливания у них и нарушается, то это, конечно, происходит в таких размерах, что оказывает очень небольшое влияние на эффективность их огня на поле сражения, В Африке, где во многих случаях стычкам предшествовали подобные марши беглым шагом, они всегда умели поражать противника своим огнем, а это доказывает, что специальная система тренировки, которую они проходили, служит соответствующему развитию их физических сил и не нарушает точности прицеливания. С войсками, не прошедшими такой тренировки, дело обстояло бы, конечно, совсем иначе.

Большие преимущества этой системы тренировки очевидны. На войне бывает много случаев, когда способность вашей пехоты передвигаться быстрее, чем она делает это сейчас, может приобрести решающее значение; например, чтобы предупредить противника при занятии важной позиции, быстро выйти к командующему над местностью пункту, поддержать часть, атакованную превосходящими силами, или застигнуть противника врасплох внезапным появлением отряда с той стороны, откуда его не ожидают».

Война в Алжире со всей очевидностью показала французскому военному командованию огромное превосходство пехоты, обученной такому длительному бегу. Начиная с 1853 г. велось обсуждение вопроса о том, не следует ли ввести эту систему во всей армии. Генерал Лурмель (убитый под Севастополем 5 ноября 1854 г.) специально обратил на это внимание Луи-Наполеона. Вскоре после Крымской войны pas gymnastique был введен во всех французских пехотных полках. Правда, скорость была несколько меньше, да и самый шаг, возможно, короче, чем у стрелков, к тому же продолжительность бега, принятая у стрелков, была для линейных войск значительно уменьшена. Это было необходимо: неодинаковые физические силы и рост солдат в линейных войсках привели к тому, что возможности более слабых физически и более низких ростом солдат были приняты как норма при обучении войск в целом. Но все же прежнюю медлительность при передвижении можно теперь в случае нужды преодолеть: милю или около этого время от времени можно пробежать, а способность солдат производить перестроения беглым шагом позволяет, в частности, атаковать бегом на дистанции от шестисот до восьмисот ярдов, что и сделали французы в прошлом году, пробежав в несколько минут то самое расстояние, на котором отличная австрийская винтовка была наиболее опасна. Pas gymnastique в значительной степени содействовал победе в сражениях при Палестро, Мадженте и Сольферино[110]. Самый бег вызывает у солдат сильный моральный подъем; атакующий батальон, двигаясь скорым шагом, может проявить нерешительность, но тот же батальон, достаточно тренированный, чтобы преодолеть это расстояние не запыхавшись, в большинстве случаев будет бесстрашно двигаться вперед, достигнет цели, понеся сравнительно небольшой урон, и, конечно, произведет гораздо большее впечатление на стоящего на месте противника, если он пойдет в атаку бегом.

Достижение стрелками такого высокого совершенства в беге целесообразно только для такого рода специальных войск, но это было бы непрактичным и бесполезным для массы линейной пехоты, Тем не менее, английские линейные войска,

с их лучшим солдатским материалом, могли бы без труда быть подготовлены так, чтобы далеко превзойти в этом отношении французские линейные войска, и, как всякие полезные для здоровья упражнения, это оказало бы на солдат прекрасное физическое и моральное воздействие. Пехота, которая не сможет в течение нескольких часов попеременно двигаться милю бегом и милю шагом, скоро будет считаться медлительной. Что касается волонтеров, то при больших различиях между ними по возрасту и физической силе трудно было бы достигнуть хотя бы таких результатов, однако постепенная тренировка в беглом шаге на дистанциях от половины до одной мили, безусловно, не повредила бы их здоровью, но чрезвычайно улучшила бы их подготовку к действиям на поле боя.

III

Во Франции используют все средства для развития физических и моральных сил и умственных способностей каждого отдельного рекрута, и особенно каждого стрелка, в такой степени, чтобы сделать из него возможно более совершенного солдата. Применяются все способы, которые могут сделать его сильным, активным и проворным, научить его быстро оценивать преимущества местности или быстро принимать решения в трудной обстановке; все используется для того, чтобы повышать его уверенность в себе, своих товарищах и в своем оружии. Поэтому во Франции муштра составляет только небольшую часть солдатской службы, и, по нашим представлениям, французский батальон на учебном плацу марширует, выполняет повороты и ружейные приемы поразительно небрежно. Но это, по-видимому, является следствием национального характера, которое пока что не сопровождалось какими-либо дурными результатами. В английских же и немецких войсках, видимо, предпочитают более строгую систему обучения; эти войска быстрее исполняют команды и после известного периода обучения во всех своих движениях всегда будут проявлять большую четкость, чем та, которой когда-либо достигнет французский солдат. В остальном система тактических движений на учебном плацу во Франции почти та же, что и » Англии, однако на поле боя эти системы резко различаются между собой.

Одним из основных занятий французского солдата являются гимнастические упражнения. В Париже имеется центрально» военно-гимнастическое училище, которое готовит учителей для всей армии. Там в течение 6 месяцев обучаются от 15 до 20 офицеров из различных полков и, кроме того, по одному сержанту от каждого линейного полка или батальона стрелков, затем они сменяются другими. Курс упражнений, который

там проходят, не отличается в значительной степени от соответствующего курса, установленного в других странах; существует, по-видимому, лишь одно своеобразное упражнение — штурм стены, на которую влезают, цепляясь руками и ногами за углубления, образованные в стене пушечными ядрами, или же пользуясь приставленным к стене шестом или закинутой на стену веревкой с крючком. Упражнение этого рода несомненно имеет важное практическое значение и сильно способствует тому, чтобы приучить солдат с уверенностью пользоваться ногами и руками. В этой школе обучают также штыковому бою, но он ограничивается лишь обучением различным приемам изготовки и уколов; солдат совершенно не приучают действительно защищаться друг от друга или от кавалерии.

Во Франции каждый гарнизон располагает всем необходимым для занятий гимнастикой. Прежде всего везде имеется площадка, отведенная для того, чтобы можно было проводить занятия по обычным видам гимнастики, и обеспеченная всеми необходимыми принадлежностями. Сюда приходят поочередно все солдаты, и прохождение установленного курса обучения гимнастике входит в их служебные обязанности. Этот вид занятий введен не так давно и всецело заимствован у стрелков, которых первыми стали обучать гимнастике, и после того, как эта система для них оказалась столь полезной, ее распространили на всю армию.

Кроме того, в каждой казарме имеется фехтовальный и танцевальный залы. В первом обучаются фехтованию на рапирах и палашах; во втором обучаются танцам и борьбе, которую французы называют «la boxe»*. Каждый солдат может выбрать тот вид упражнений, которому он будет обучаться, но один из этих видов он обязан изучить. Обыкновенно предпочитают танцы и рапиру. Иногда также проводится обучение упражнениям с фехтовальными палками.

Все эти упражнения, равно как и гимнастика в собственном смысле этого слова, изучаются не потому, что они необходимы сами по себе; обучение этим упражнениям проводится потому, что они вообще развивают физическую силу и ловкость у солдат и придают им большую уверенность в себе. Фехтовальный и танцевальный залы отнюдь не являются местом, где выполняются скучные обязанности, — напротив, они представляют собой нечто привлекательное и удерживают солдата в казармах даже в свободное от занятий время; он идет туда для развлечения; если в строю он был не более чем машиной, то

* — «боксом». *Ред.*

здесь, со шпагой в руке, он независимый человек, пришедший померяться с товарищами своей ловкостью; и вся та уверенность в своей быстроте и ловкости, которые он приобретет здесь, принесет большую пользу для службы в охранении и действий в рассыпном строю, где ему также придется рассчитывать более или менее на свои собственные силы.

Новая система рассыпного строя, принятая у стрелков, была впоследствии введена не только во всей французской армии, но и послужила образцом для многих европейских армий и в том числе для усовершенствованной системы, введенной в английской армии во время Крымской войны и после нее. Поэтому мы отметим лишь некоторые главные черты этой системы, в особенности по той причине, что в бою французы очень часто действуют совсем иначе. Это происходит отчасти потому, что они следуют общим приказам (как в 1859 г, в Италии), отчасти из-за того, что офицерам предоставляется полная свобода действий исключительно в соответствии с обстановкой, а отчасти потому, что вообще все строевые уставы в бою неизбежно подвергаются значительным изменениям. Стрелки в рассыпном строю действуют группами по 4 человека, причем каждая группа развертывается в одну линию с интервалом между солдатами в 5 шагов. Интервалы между группами составляют по меньшей мере 5 шагов (образуя, таким образом, непрерывную линию — по одному солдату на каждые пять шагов) и самое большее — 40 шагов между группами. Унтер-офицеры занимают места в 10 шагах позади своих отделений, офицеры же, каждый в сопровождении 4 солдат и 1 сигналиста, находятся в 20—30 шагах позади. Если в цепь развертывается только часть роты, то капитан занимает место посредине между стрелковой цепью и группой поддержки. Самое главное, на что должно быть обращено внимание, — это использование местности в целях укрытия; этому приносится в жертву как равнение, так и точное соблюдение интервалов. Стрелковой цепью управляют только с помощью сигнального рожка: всего насчитывается двадцать два сигнала; кроме них, каждый батальон стрелков и каждая из входящих в него рот имеет свой собственный, особый сигнал, который должен предшествовать сигналу команды. Офицеры имеют при себе свисток, которым, однако, они могут пользоваться только в исключительных случаях; свистком подается пять сигналов: «внимание!», «вперед!», «стой!», «назад!», «сбор!». Этот свисток послужил образцом того свистка, который некоторые стрелки-волонтеры ввели у себя как неотъемлемый предмет своего снаряжения, лишая, таким образом, офицеров возможности пользоваться

свистком, когда это может потребоваться. В случае кавалерийской атаки развернутым строем стрелки собираются в группы по четыре человека, а также по отделениям и по другим подразделениям компактными массами без определенного порядка или же присоединяются к группе поддержки, образуя своего рода ротное каре, или к батальону, причем последний должен действовать в развернутом строю или образовывать каре. Французы очень много занимаются этими различными способами сбора и превосходно выполняют их; разнообразие их не создает никакого беспорядка, так как солдаты обучены в случае опасности собираться любым способом, какой только возможен, и после этого использовать удобный путь, чтобы присоединиться к более крупной группе, которую указывает сигнал. Каре строится иногда в две, а иногда в четыре шеренги.

По сравнению со старой системой обучения, принятой почти во всех армиях до того, как были образованы войска стрелков, этот новый метод имеет огромные преимущества. Но не следует забывать, что все это, в конце концов, не что иное, как ряд уставных положений для строевых занятий на учебном плацу. Здесь нет места для проявления умственных способностей каждого отдельного солдата, и если бы эти приемы Выполнялись на ровной местности, то они сочетались бы с таким педантизмом, который способен удовлетворить самого строгого и взыскательного служаку. Шеренги строятся на положенных интервалах, они наступают, отступают, меняют фронт и направление так же, как и всякий батальон линейных войск, и солдаты передвигаются по сигналу рожка так же, как куклы на проволоке. Настоящее же учебное поле для стрелков — перед лицом противника, и тут французы имели для своей легкой пехоты превосходную школу в Алжире, на сильно пересеченной местности, обороняемой кабилами — наиболее храбрыми, упорными и осторожными стрелками, какие когда-либо были на свете. Именно здесь французы развили до самой высокой степени ту способность вести бой в рассыпном строю и уменье использовать укрытия, которые они проявляли в каждой войне, начиная с 1792 года; и здесь зуавы особенно использовали с наибольшей для себя выгодой уроки, преподанные им туземцами, и, таким образом, послужили образцом для всей армии. Обычно считают, что стрелковые цепи в наступлении должны образовывать нечто подобное развернутой линии, собираясь вместе, может быть, только в тех местах, которые представляют хорошее укрытие, и рассредоточиваясь там, где приходится переходить через открытые пространства; бой со стрелками противника завязывают с фронта, только

иногда используя изгородь или что-нибудь в этом роде, для того чтобы пострелять немного во фланг, не рассчитывая и не пытаясь достигнуть этим чего-нибудь большего, кроме отвлечения внимания противника. Не таковы зуавы. Для них расчлененный строй — это самостоятельные действия небольшими группами, подчиненные общей цели; попытка использовать выгоды, как только представится к этому возможность; подойдя неожиданно к главным силам противника, они приводят его в расстройство метким огнем; исход мелких стычек они решают, совсем не собираясь многочисленными группами. Для них неожиданные нападения и засады составляют самую сущность действий в рассыпном строю. Они пользуются прикрытием не для того, чтобы только открывать огонь из-за сравнительно укрытой позиции, а главным образом для того, чтобы незаметно подползти вплотную к неприятельским стрелкам, неожиданно вскочить и отбросить их в беспорядке; они пользуются прикрытиями, чтобы приблизиться к флангам противника и, появившись там неожиданно большими массами, отрезать часть их линии войск или, устроив засаду, заманить в нее неприятельских стрелков, если те слишком поспешно бросятся преследовать предпринявших ложное отступление зуавов. При решительных действиях подобные уловки можно было бы применить во время многочисленных перерывов между напряженными действиями, которые ведутся с целью решить исход боев. Но в малой войне, в войне отдельными отрядами и сторожевыми постами для добывания сведений о противнике или в охранении расположения своих войск на отдыхе эти качества зуавов приобретают особенно большое значение. Что представляют собой зуавы, показывает следующий пример. Во всех армиях существует правило, что в сторожевом охранении, особенно ночью, часовые не должны сидеть, а тем более лежать, и обязаны, как только появится противник, открывать стрельбу, для того чтобы поднять тревогу в сторожевой заставе. Теперь прочтите описание лагеря зуавов, сделанное герцогом Омальским («Revue des deux Mondes»[111], 15 марта 1855 г.):

«Ночью даже отдельный зуав, находящийся на вершине вон того холма и наблюдающий за лежащей впереди местностью, уходит в укрытие. Вы не видите сторожевых постов, но подождите до тех пор, пока офицер начнет проверять караулы, и вы увидите, что он разговаривает с зуавом, который лежит, распластавшись на земле, непосредственно за вершиной, и бдительно за всем наблюдает. Вы видите вон ту группу кустарников. Я вовсе не удивился бы, если бы, осматривая ее, вы обнаружили, что там засело несколько зуавов; в случае, если бы бедуин прокрался в эти кусты для того, чтобы высмотреть, что делается в лагере, они не стали бы стрелять, а бесшумно закололи бы его штыком, чтобы не обнаружить засады».

Что представляют собой солдаты, которые обучаются службе охранения только в гарнизонах, в условиях мирной обстановки, и о которых нельзя сказать с уверенностью, что они бодрствуют, если только они не стоят или не находятся в движении, по сравнению с солдатами, прошедшими подготовку в войне с бедуинами и кабилами, где применяются всякие хитрости и всевозможные уловки? И при всех этих отклонениях от установленной системы зуавы лишь однажды были застигнуты врасплох своим бдительным врагом.

Во владениях Англии на северо-западной границе Индии имеется один округ, очень похожий, с военной точки зрения, на Алжир. Там почти такой же климат, характер местности и почти такое же население пограничной полосы. Там часто случаются набеги и всякого рода враждебные столкновения; в этом-то округе и были подготовлены солдаты, являющиеся одними из лучших на британской военной службе. И без сомнения странно, что эти длительные и в высшей степени поучительные столкновения не оказали глубокого влияния на способы несения всевозможных видов службы в легких войсках британской армии, что после двадцати и более лет борьбы с афганцами и белуджами эта часть войск оказалась столь несовершенной, что надо было спешно копировать французские образцы для того, чтобы сделать пехоту боеспособной в этом отношении.

Французские стрелки ввели во французской армии: 1) новую систему обмундирования и снаряжения: мундир, легкий кивер, поясную портупею вместо портупеи через плечо; 2) винтовку и уменье ею пользоваться: современную систему стрелкового дела; 3) применение беглого шага в течение длительного времени и пользование им при перестроениях; 4) занятия штыковым боем; 5) гимнастику и 6) вместе с зуавами — современную систему рассыпного строя. И если быть искренними, то разве не французам мы обязаны многим из всего этого, поскольку это принято в британской армии?

Все же еще многое можно усовершенствовать. Почему бы британской армии со своей стороны не провести такие усовершенствования? Почему бы на северо-западной границе Индии даже теперь не сформировать из действующих там войск такой вид войск, который был бы способен сделать для английской армии то, что стрелки и зуавы сделали для французской?

Написано Ф. Энгельсом в середине сентября — середине октября 1860 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» №№ 3, 5 и 7; 21 сентября, 5 и 20 октября 1860 г. и в сборнике «Essays Addressed to Volunteers», Лондон, 1861 г.

Печатается по тексту сборника, сверенному с текстом журнала

Перевод с английского

К. МАРКС

РОССИЯ ИСПОЛЬЗУЕТ АВСТРИЮ. — ВАРШАВСКИЙ КОНГРЕСС

Берлин, 17 сентября 1860 г.

Из всех европейских стран Германия в настоящее время представляет самую любопытную, самую запутанную и самую печальную картину. Действительное положение дел в Германии всего лучше можно понять из простого сопоставления двух фактов: недавнего собрания германского Национального союза в Кобурге и предстоящей встречи главных германских государей в Варшаве[112]. В то время как Национальный союз стремится к объединению отечества, отказываясь от немецкой Австрии и возлагая свои надежды на Пруссию, сам прусский регент связывает свои планы сопротивления французской агрессии с восстановлением Священного союза под покровительством России. Как известно, русская внешняя политика ничуть не считается с принципами в обычном понимании этого слова. Она не является ни легитимистской, ни революционной, но с одинаковой легкостью использует все возможности территориального расширения, независимо от того, должно ли оно быть достигнуто присоединением к восставшим народам или к борющимся монархам. Неизменной политикой России в отношении Германии стало присоединение то к одной, то к другой стороне. Сначала она вступает в соглашение с Францией с целью сломить сопротивление Австрии своим восточным планам, а затем становится на сторону Германии с целью ослабить Францию и получить вексель на благодарность Германии, чтобы затем учесть его на Висле или на Дунае. В ходе развития европейских осложнений Россия всегда будет предпочитать коалицию с немецкими государями союзу с французскими выскочками по той простой причине, что ее настоящая сила состоит

в дипломатическом превосходстве, а не в материальной мощи. Война со своим непосредственным соседом, Германией, вызванная союзом с Францией, обнаружила бы действительное бессилие северного колосса, тогда как в войне с Францией Россия в силу своего географического положения призвана всегда играть роль резерва, вынуждая Германию нести действительное бремя войны и приберегая для себя плоды победы. Союзные державы в этом отношении походят на различные корпуса армии. Авангарду и центру приходится выдерживать главный удар, но решает исход сражения и одерживает победу резерв. Пусть германские мечтатели льстят себя обманчивой надеждой, что Россия под сильным воздействием внутренней социальной борьбы, связанной с освободительным движением, на этот раз опровергнет догмат русского историка Карамзина о неизменности ее внешней политики.

Высказывалось предположение, что огромная империя, раздираемая классовой борьбой и истощенная финансовым кризисом, с величайшей радостью предоставит Европу самой себе; но такое предположение свидетельствует о плохом понимании истинной природы движения, происходящего внутри России. Каковы бы ни были подлинные намерения благожелательного царя, для него столь же невозможно примирить уничтожение крепостного права с сохранением собственной самодержавной власти, как в 1848 г. для благожелательного папы* было невозможно примирить итальянское единство с жизненными интересами папства. Как ни просто звучат слова «освобождение крепостных в России», за ними скрываются самые различные значения и самые противоречивые стремления. Покрывало, в начале движения наброшенное на эти противоречивые стремления своего рода общим энтузиазмом, должно быть неизбежно разорвано, как только будут предприняты шаги, свидетельствующие о переходе от слов к делу. По мнению царя, освобождение крепостных равносильно устранению последних препятствий, еще ограничивающих императорское самодержавие. С одной стороны, должна быть устранена сравнительная независимость дворянства, покоящаяся на его бесконтрольной власти над большинством русского народа; с другой стороны, правительственный проект, направленный на уничтожение «коммунистического» принципа, должен ликвидировать самоуправление сельских общин крепостных крестьян, основанное на их общинной собственности на порабощенную землю. Таково освобождение крепостных в понимании

* — Пия IX. *Ред.*

центрального правительства. В свою очередь, дворянство — т. е. та влиятельная часть русской аристократии, которая отчаялась в возможности сохранения прежнего положения вещей — решило предоставить крепостным освобождение на двух условиях. Первым условием является денежное вознаграждение, превращающее крестьян из крепостных в должников по закладной, так что, поскольку речь идет о материальных интересах, то, по крайней мере для двух или трех поколений ничто не изменилось бы, кроме формы крепостной зависимости — ее патриархальная форма была бы заменена новой, цивилизованной формой. Помимо этого вознаграждения, которое должны были бы уплатить крепостные, дворянство потребовало выплаты государством дополнительного вознаграждения. Взамен местной власти над своими крепостными, от которой оно изъявило готовность отказаться, дворянство потребовало политической власти, которая должна быть вырвана у центрального правительства и которая по существу дала бы ему конституционное право участия в общем управлении империей.

Наконец, сами крепостные предпочитали простейшее толкование проблемы освобождения. В их понимании освобождение означало старый порядок вещей за вычетом их старых господ. В этой взаимной борьбе, в которой правительство, несмотря на угрозы и лесть, противостоит оппозиции дворянства и крестьян, аристократия — оппозиции правительства и крепостных, являющихся ее собственностью, а крестьянство — объединенной оппозиции своего верховного господина и местных господ, — в этой борьбе, как всегда бывает в подобного рода делах, власть имущие пришли к взаимному соглашению за счет угнетенного класса. Правительство и аристократия сговорились пока отложить вопрос об освобождении крестьян и вновь попытать счастья во внешних авантюрах. Отсюда тайное соглашение с Луи Бонапартом в 1859 г.[113] и официальный конгресс в Варшаве с участием германских государей в 1860 году. Итальянская война в достаточной мере ослабила самоуверенность Австрии, чтобы превратить ее из препятствия в орудие планов русской внешней политики, а Пруссия, которая осталась в дураках, проявив в ходе войны одновременно честолюбивое вероломство и полную бездеятельность, вынуждена теперь, ввиду угрозы со стороны Франции на ее рейнской границе, идти в фарватере Австрии. Одним из больших заблуждений Готской партии[114] было воображать, что удары, которые Австрия, вероятно, получит от Франции, приведут к ее распаду на составные части, причем австрийская часть Германии,

освобожденная от уз, связывающих ее с Италией, Польшей и Венгрией, сможет легко войти в состав единой великой Германской империи. Долгий исторический опыт показал, что любая война, которую Австрии пришлось бы вести с Францией или Россией, не освободила бы Германию от австрийского влияния, но лишь подчинила бы ее планам Франции или России. Разбить Австрию одним мощным ударом на составные части было бы со стороны этих держав плохой политикой, если бы даже они располагали силами для нанесения такого удара; но ослабить Австрию, с целью использовать остатки ее влияния в своих интересах, было и всегда будет главной целью их дипломатических и военных операций. Только германская революция, с одним из своих центров в Вене, а другим в Берлине, могла бы разбить на куски империю Габсбургов, не подвергая опасности целостность Германии и не подчиняя ее ненемецкие области французскому или русскому контролю.

Предстоящий конгресс в Варшаве чрезвычайно укрепил бы положение Луи Бонапарта во Франции, если бы перспектива конфликта в Италии между подлинно национальной партией и французской партией не лишила бы его этой возможности. Так или иначе можно надеяться, что Варшавский конгресс откроет, наконец, глаза Германии и поможет понять, что для того, чтобы противостоять вторжениям извне или достигнуть единства и свободы в стране, она должна очистить свой собственный дом от своих династических господ.

Написано К. Марксом 17 сентября 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6072, 10 октября 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ПРУССИИ. — ПРУССИЯ, ФРАНЦИЯ И ИТАЛИЯ [115]

Берлин, 27 сентября 1860 г.

Принц-регент, который, как я уже сообщал вашим читателям, с того времени как он достиг верховной власти, стал в глубине души упорным и закоренелым легитимистом, несмотря на мишурные знаки либерализма, которые нацепили на него официальные провозвестники фантастической прусской идиллии, — только что воспользовался случаем публично излить свои долго сдерживаемые чувства. Как ни странно, но тем не менее это факт, что принц-регент Пруссии в данный момент не допускает гарибальдийцев к цитадели Мессины и сохраняет эту важную военную твердыню за своим дражайшим братом, неаполитанским королем-бомбой*. Прусский посланник в Неаполе граф фон Перпонше, личность, столь же известная своим упорным легитимизмом, как и прусский посланник в Риме барон фон Каниц, подобно большинству своих коллег, сопровождал короля-бомбу в Гаэту, где прусский военный корвет «Лорелея» стал на якоре для защиты германских подданных. 15 сентября цитадель Мессины была готова капитулировать. Офицеры объявили себя сторонниками Виктора-Эммануила и отправили в Гаэту депутацию с целью сообщить королю, что крепость не может более держаться. На следующий день эта депутация была отправлена обратно в Мессину на военном корвете «Лорелея», на борту которого находился уполномоченный прусского правительства; последний по прибытии судна немедленно отправился в цитадель, где имел продолжительную беседу с командиром неаполитанских войск. Помимо своего личного красноречия, прусский агент показал целую пачку

* — Фердинандом II. *Ред.*

депеш короля, призывавших генерала к сопротивлению и содержавших категорические возражения по поводу всех предложений сдачи даже на самых выгодных условиях, так как форты еще достаточно обеспечены всем на несколько месяцев. Пока прусский уполномоченный оставался в Мессине, из цитадели доносились громкие крики: «Evviva il Re!»*, а после его отъезда переговоры, начатые с целью определения условий сдачи, были немедленно прерваны. По получении этих известий граф Кавур поспешил выразить недовольство в Берлине по поводу «злоупотребления прусским флагом» и нарушения обещания сохранять полный нейтралитет в революционной войне в Италии. Несмотря на справедливость этого недовольства, графу Кавуру менее чем кому-либо другому пристало заявлять о нем. Г-н фон Шлейниц, депеши которого во время войны 1859 г. получили некоторую известность своим слащавым стилем, своими двусмысленными рассуждениями и несравненным искусством нанизывать фразу за фразой в ущерб аргументации, жадно ухватился за представившийся ему случай втереться в доверие принца-регента и на сей раз сменил свой смиренный полушепот на резкий, высокомерный тон. Он дал графу Кавуру суровую отповедь, напрямик заявив ему, что Сицилия пока еще не стала сардинской провинцией, что туринский двор ежедневно нарушает условия договора и что если Кавур желает протестовать против иностранного вмешательства в Италии, то ему следовало бы направлять свои протесты в Тюильри.

Отозвание французского посланника из Турина рассматривается здесь как явная уловка, поскольку всем известно, что немедленно после свидания в Шамбери между Луи Бонапартом и гг. Фарини и Чальдини последнему было поручено руководить вторжением пьемонтских войск в Папскую область. Это вторжение было намечено в Шамбери с целью вырвать инициативу из рук Гарибальди и передать ее Кавуру, самому изворотливому слуге французского императора. Революционная война в Южной Италии, как известно, рассматривается в Тюильри не как случайно покатившаяся лавина, а как обдуманный акт независимой итальянской партии, которая со времени вступления Луи-Наполеона на via sacra[116] постоянно заявляла, что восстание Юга — единственное средство избавления от кошмара французского покровительства. Действительно, в своем манифесте к итальянскому народу от 16 мая 1859 г. Мадзини открыто заявил:

* — «Да здравствует король!» *Ред.*

«На известных условиях Север может объединиться под знаменами Виктора-Эммануила, где бы австрийцы ни находились — на итальянской территории или по соседству; восстание на Юге должно принять иное, более независимое направление. Восстание, восстание объединенное, учреждающее временное правительство, вооружающее, избирающее стратегический пункт, опираясь на который оно может удерживать свои позиции и привлекать добровольцев с Севера, из Неаполя и Сицилии, — такое восстание еще в состоянии спасти дело Италии и создать свою власть, представленную национальным лагерем. Благодаря наличию такого лагеря и благодаря добровольцам Севера, Италия в конце войны, каковы бы ни были намерения ее инициаторов, еще может стать главным вершителем своих собственных судеб... Такое проявление народных стремлений исключило бы всякую возможность нового раздела Италии, всякое навязывание извне новых династий, всякий мир на Адидже или Минчо, всякую уступку какой-либо части итальянской территории. Но имя Рима неотделимо от имени Италии. Там, в этом священном городе, залог нашего национального единства. Долг Рима — не увеличивать сардинскую армию пестрой толпой добровольцев, но доказать императорской Франции, что тот, кто служит опорой папского деспотизма в Риме, никогда не будет признан борцом за итальянскую независимость... Если Рим забудет свои долг, мы должны действовать за римлян. Рим символизирует единство родины. Сицилия, Неаполь и добровольцы Севера должны образовать его армию».

Таковы были слова Мадзини в мае 1859 г. — слова, повторенные Гарибальди, когда, находясь во главе народной армии, созданной в Сицилии и Неаполе, он обещал провозгласить единство Италии с вершины Квиринала[117].

Читатель помнит, как Кавур с самого начала прилагал все усилия к тому, чтобы создавать трудности для экспедиции Гарибальди; как после первого успеха, достигнутого народным героем, он отправил в Палермо Лафарину вместе с двумя бонапартистскими агентами с целью лишить завоевателя его диктаторской власти; как, далее, каждое военное мероприятие Гарибальди встречало со стороны Кавура сначала дипломатическое, а затем военное противодействие*. После падения Палермо и похода на Мессину популярность Гарибальди среди населения и армии в Париже поднялась так высоко, что Луи-Наполеон счел разумным прибегнуть к методу лести. Когда генерал Тюрр, в то время уволенный с действительной службы, прибыл в Париж, он был осыпан милостями императора. Он был не только почетным гостем в Пале-Рояле, но был даже принят в Тюильри[118], причем император выразил безграничный восторг перед своим «аннектированным» подданным, героем из Ниццы, и осыпал его знаками своей благосклонности вроде нарезных пушек и т. п. В то же время Тюрру внушали исходившее от императора убеждение, что Гарибальди, после того как

* См. настоящий том, стр. 93—96. *Ред.*

он овладеет Неаполем и неаполитанским флотом, лучше всего предпринять вместе с венгерскими эмигрантами попытку высадиться в Фьюме, чтобы водрузить там знамя венгерской революции. Однако Луи-Наполеон глубоко ошибался, полагая, что Тюрр был или хотя бы воображал себя человеком, способным сколько-нибудь воздействовать на направление деятельности Гарибальди. Тюрр, которого я знаю лично, это храбрый солдат и толковый офицер, однако вне сферы военной деятельности он — полнейший нуль и стоит ниже среднего уровня обычных смертных; ему не хватает не только духовного и умственного развития, но и той природной сметки и чутья, которые могут заменить воспитание, образование и опыт. В общем, это добродушный, беспечный, славный малый, в высшей степени легковерный, но уж, конечно, не человек, способный политически руководить кем бы то ни было, тем более Гарибальди, который с огненной душой соединяет частицу того тонкого итальянского гения, какой можно обнаружить в Данте не менее, чем в Макиавелли. Таким образом, ставка на Тюрра оказалась просчетом; так, по крайней мере, говорят в кругах Тюильри. Тогда попытались использовать Кошута, которого отправили к Гарибальди, чтобы склонить последнего в пользу планов императора и совлечь с истинного пути, который ведет к Риму. Гарибальди воспользовался Кошутом как средством для возбуждения революционного энтузиазма и потому дал ему возможность вкусить сладость народных оваций, но в то же время мудро сумел отличить его имя, представляющее дело народа, от его миссии, которая таила в себе ловушку Бонапарта. Кошут вернулся в Париж в полном унынии; однако, чтобы доказать свою верность интересам императора, он, как сообщает «Opinion nationale»[119], этот Moniteur[*] Плон-Плона, обратился с письмом к Гарибальди, в котором призывает последнего помириться с Кавуром, отказаться от всякого посягательства на Рим, дабы не оттолкнуть от себя Францию, подлинную надежду угнетенных национальностей, и даже предоставить Венгрию ее собственной судьбе, ибо эта страна еще не созрела для восстания.

Мне не нужно говорить вам, что здесь, в Берлине, акции министерского либерализма сильно упали ввиду предстоящего конгресса в Варшаве, на котором не только правители божьей милостью должны обменяться рукопожатием, но и их министры иностранных дел — князь Горчаков, граф Рехберг и наш собственный г-н фон Шлейниц — должны собраться в уютном

[*] — официальный вестник. *Ред.*

уголке раззолоченной передней, чтобы дать должное направление грядущей истории человечества.

Переговоры Пруссии с Австрией о новом торговом договоре между Таможенным союзом и Австрией, намеченном договором от 19 февраля 1853 г.[120], можно считать теперь прерванными, так как прусский кабинет определенно заявил, что не может быть и речи о каком-либо уравнивании или хотя бы сближении таможенных пошлин.

Написано К. Марксом 27 сентября 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6076, 15 октября 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

АРТИЛЛЕРИЯ ВОЛОНТЕРОВ

Вопрос об артиллерии волонтеров имеет большое значение, и его следует широко обсудить — тем более потому, что пока еще, по-видимому, с полной ясностью не установлено, какую роль должна сыграть артиллерия волонтеров в обороне страны.

Итак, очевидно, что первый вопрос, который нужно решить, это вопрос о том, какая область действий подходит для артиллерии волонтеров. Без разрешения этого вопроса система обучения в различных частях никогда не будет сколько-нибудь единообразной. Наука об артиллерии включает в себя самые разнообразные предметы, и изучить их полностью, как теоретически, так и практически, всем волонтерам — офицерам и рядовым — было бы трудно; поэтому различные части, когда они понадобились бы для боевых действий, прибыли бы весьма неодинаково подготовленными к тем обязанностям, которые они должны выполнять; и многие роты, получив определенное задание, оказались бы очень мало подготовленными к его выполнению.

В нижеследующих замечаниях мы ни в коем случае не беремся говорить о том, какой должна и какой не должна быть артиллерия волонтеров; мы просто хотим указать некоторые из тех условий, с учетом которых должна формироваться артиллерия волонтеров, как и всякая другая артиллерия, чтобы тем самым создать возможность для начала дискуссии, которую мы хотим вызвать. В результате этой дискуссии в конечном итоге должно быть достигнуто понимание того, в какой области надлежит действовать артиллерийским частям волонтеров.

Вся артиллерия разделяется на полевую артиллерию, которая должна действовать на поле боя вместе с пехотой и кавалерией и снабжена орудиями на конной тяге, и осадную или крепостную артиллерию, в которой тяжелые орудия, составляющие неподвижные и укрытые батареи, используются для атаки или обороны укрепленных пунктов. Если в регулярной армии длительный срок службы солдат и специальное научное образование офицеров дают возможность обучить весь состав несению службы в обоих видах артиллерии, по крайней мере настолько, чтобы в случае нужды каждую роту можно было привлечь к выполнению любой из этих обязанностей, то по-иному обстоит дело с волонтерами, как офицерами, так и рядовыми, которые могут посвящать только часть своего времени своим военным обязанностям. Во Франции, Австрии и Пруссии полевая артиллерия существует совершенно отдельно от гарнизонной или осадной артиллерии. Если так обстоит дело в регулярных постоянных армиях, то для этого несомненно должны быть известные причины, которые в армии волонтеров будут действовать гораздо сильнее.

Дело в том, что само по себе обслуживание полевых орудий не настолько отличается от обслуживания тяжелых орудия в батареях, чтобы рядовой солдат волонтерской роты не мог легко обучиться тому и другому. Но самый характер обязанностей офицеров в том и другом случае настолько различен, что лишь при специальном образовании и продолжительной практике можно подготовить их одинаково хорошо к исполнению и тех и других обязанностей. У офицера полевой артиллерии главными достоинствами являются: уменье быстро оценить военную обстановку, правильная оценка местности и определение расстояний, образцовое знание силы действия своих орудий, дающее ему возможность выдерживать атаку до последней минуты, не теряя ни одного орудия, знание на основе длительного опыта, какую работу способны выполнять лошади и как следует обращаться с ними в походе, и, наконец, большая решительность в сочетании с предусмотрительностью. От офицера же гарнизонной или осадной артиллерии требуются: научные познания, теоретическое знание артиллерийского дела во всех его отраслях, фортификации, математики и механики, уменье все это использовать, настойчивое и неослабное внимание к возведению и восстановлению земляных укреплений, а также к результатам сосредоточенного огня и, наконец, мужество и стойкость — то есть нечто большее, чем простая лихость. Дайте командование бастионом какому-либо капитану 9-фунтовой батареи, и даже лучшему из них потребуется много

учиться, прежде чем он будет в состоянии хорошо справляться со своей работой; поставьте офицера, имевшего дело в продолжение нескольких лет только с осадными орудиями, во главе батареи конной артиллерии, — и ему потребуется много времени, прежде чем он отделается от своей методичной медлительности и приобретет должную быстроту в действиях, требующуюся для нового вида оружия. Что же касается унтер-офицеров, у которых нет такой научной подготовки, как у их начальников, то здесь трудности еще более возрастают.

Из двух видов артиллерии для гарнизонной артиллерии, по-видимому, легче всего подготовить артиллериста. Гражданские инженеры обладают всеми предварительными научными знаниями, нужными для этого дела, и быстро научатся применять в артиллерии те научные принципы, с которыми они уже хорошо знакомы. Они легко научатся обращению с различными механизмами, применяемыми при передвижении тяжелой артиллерии, возведению батарей и правилам фортификации. Поэтому они образуют тот контингент, из которого главным образом и должны набираться артиллерийские офицеры-волонтеры, причем они будут особенно пригодны для службы в гарнизонной артиллерии. То же самое можно сказать относительно унтер-офицеров и рядовых артиллеристов. Все, кто долго имел дело с машинами, как то: инженеры, механики, кузнецы, образуют лучший материал для артиллерии, и поэтому крупные промышленные центры должны дать лучшие части. Учебную стрельбу из тяжелых орудий нельзя вести внутри страны, но море не так уж далеко отстоит от наших городов Ланкашира и Йоркшира, находящихся внутри страны, и поэтому имеется возможность иногда организовывать для этой цели поездки на берег моря; кроме того, в батареях тяжелой артиллерии, где при каждом выстреле видно падение снаряда и артиллеристы сами могут корректировать стрельбу, боевые стрельбы по цели не являются вопросом такой первостепенной важности.

Существует еще одно возражение против попытки формировать полевую артиллерию волонтеров — это высокая стоимость орудий и лошадей. Правда, несколько рот, сложившись вместе, может быть и в состоянии покрыть расходы на приобретение лошадей для нескольких орудий на летние месяцы и затем по очереди обучаться обращению с ними, но все же ни из рядовых, ни из офицеров не выработаются квалифицированные артиллеристы для полевой артиллерии. Расходы по оснащению одной полевой батареи из шести орудий обыкновенно считаются примерно равными расходам на снаряжение целого батальона пехоты; ни одна рота артиллерии волонтеров не сможет по-

зволить себе подобных расходов, а принимая во внимание, что потеря орудия на поле боя считается позором, можно серьезно сомневаться в том, что какое-либо правительство было бы склонно, в случае вторжения неприятеля, доверить артиллерийским частям волонтеров полевые орудия с лошадьми и ездовыми на тех же условиях, на которых волонтеры-стрелки снабжаются ручным оружием.

Исходя из этих, а также и из ряда других соображений, мы не можем не прийти к заключению, что для артиллерии волонтеров подходит такая область, как комплектование расчетов тяжелых орудий для неподвижных береговых батарей. В городах, расположенных внутри страны, неизбежно будут делаться попытки обучать волонтеров полевой артиллерии с тем, чтобы поддержать в волонтерском движении интерес к этому делу. И, без сомнения, ни офицерам, ни солдатам не принесет вреда, если они обучатся, насколько это возможно, обращению с легкими орудиями конной артиллерии; но на основании нашего личного опыта службы в этом роде войск мы сильно сомневаемся в том, что волонтеры в конечном счете окажутся подготовленными в этой области для службы в действующей армии. Все же волонтеры научатся многому, что будет им столь же полезно при обращении с тяжелыми орудиями, и они скоро станут достаточно сведущими в обращении с ними, когда им придется иметь с ними дело.

Есть еще другой вопрос, о котором нам хочется упомянуть. Артиллерия гораздо более, чем пехота и кавалерия, является по своему существу родом войск, требующим научных знаний, и поэтому его эффективность будет зависеть главным образом от теоретических и практических познаний офицеров. Мы не сомневаемся, что в скором времени «Наставление для артиллеристов» майора Гриффитса[121] будет в руках каждого офицера артиллерии волонтеров. Содержание этой книги показывает, с какими разнообразными предметами должен ознакомиться артиллерийский офицер и даже унтер-офицер, прежде чем он сможет сколько-нибудь претендовать на знание своего оружия, а ведь эта книга представляет собой всего лишь краткий конспект того, что должен знать искусный артиллерист. Помимо регулярных ротных и батальонных строевых учений, общих для пехоты и артиллерии, нужно знать множество артиллерийских орудий различных калибров, их лафеты и платформы, заряды, дальнобойность орудий и разнообразных снарядов; нужно знать, как сооружается батарея, науку об осаде крепостей, постоянные и полевые укрепления; нужно быть знакомым с изготовлением боевых припасов и пиротехнических средств

и, наконец, овладеть наукой о стрельбе артиллерии, которая в настоящий момент, благодаря введению нарезных пушек, получает такие замечательные и новые дополнения. Все эти предметы должны быть изучены как теоретически, так и практически, и все они являются одинаково важными, ибо, если когда-либо волонтеры артиллерии будут призваны на действительную службу, они станут в тупик, раз они не будут обращать внимания на все эти отрасли артиллерийской науки. Из всех волонтерских частей артиллерия является таким родом войск, где подготовленность офицеров имеет самое важное значение, и мы надеемся и уверены, что они приложат все силы для того, чтобы приобрести тот практический опыт и теоретические познания, без которых они окажутся неподготовленными в дни испытаний.

Написано Ф. Энгельсом в первой половине октября 1860 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» № 6, 13 октября 1860 г. и в сборнике «Essays Addressed to Volunteers», Лондон, 1861 г.

Печатается по тексту сборника, сверенному с текстом журнала

Перевод с английского

К. МАРКС

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВОЙНЕ В ПРУССИИ

Берлин, 23 октября 1860 г.

Гнев и страх наших либералов по поводу участия принца-регента в Варшавском конгрессе, как и всякое недовольство истинных прусских либералов, нашли выход в ожесточенной клевете против Австрии и ее новоиспеченной конституции[122]. Прежде всего Францу-Иосифу никогда не простят, что он лишил этих господ их главного утешения, а также неизменной темы их болтливых самовосхвалений, а именно — противопоставления «конституционной» Пруссии «абсолютистской» Австрии. Конечно, австрийский диплом дает повод не только для придирок, но и для всякого рода серьезных опасений. Обстоятельства, при которых был пожалован этот дар, и руки, которые его преподнесли, — все это придает ему характер скорее уловки, нежели искренней уступки. Еще ранее, 4 марта 1849 г., Франц-Иосиф обнародовал общие положения конституции лишь для того, чтобы аннулировать их в следующем году, после того как военное счастье улыбнулось ему[123]. Однако в летописях истории вообще не существует примеров, чтобы монархи когда-либо ограничивали свои собственные привилегии и уступали народным требованиям иначе, как под сильным давлением извне, равно как не существует и примеров того, чтобы они оставались верными своему слову, всякий раз когда им представлялась возможность безнаказанно нарушить свои клятвы и данные ими обещания. Старая венгерская конституция[124] полностью не восстановлена, ибо два важнейших полномочия — вотирование государственных доходов и набор войск — отняты у пештского сейма и переданы центральному рейхсрату в Вене; последний предполагается

превратить в генеральные штаты всей империи, и потому его наделяют атрибутами, которые, по-видимому, станут постоянным источником конфликтов между ним самим и различными национальными или провинциальными сеймами. Так как конституции немецких и славянских провинций содержат лишь самые общие и неопределенные положения, то их можно толковать по-всякому. Крупнейшим недостатком диплома является, по мнению мадьяр, отделение Хорватии, Сербии и Трансильвании от Венгрии и предоставление этим провинциям особых сеймов; однако, если вспомнить события 1848— 1849 гг., то мы вправе сомневаться в том, что хорваты, словенцы, сербы и валахи захотят присоединиться к этой жалобе мадьяр и оказать ей поддержку. По-видимому, в данном случае венские государственные деятели ловко сыграли на национальном принципе, обратив его в свою пользу.

Однако, что касается общего сейма всей империи — рейхсрата, заседающего в Вене и состоящего из делегатов от различных сеймов Галиции, Венгрии, Трансильвании, Хорватии, Сербии, Венеции и немецких провинций, то, находясь вне контроля сейма Германского союза, не разорвет ли он отношения, которые до сих пор существовали между немецкой Австрией и Германским союзом? Вот та великая тема, о которой без конца толкуют теперь представители официального прусского либерализма, приводящие все новые доводы в пользу своей любимой идеи — исключения австрийской части Германии из Германского союза. Но все их рассуждения основаны на заблуждении, так как они принимают за чистую монету диплом Франца-Иосифа. Хотя последний надо рассматривать как ловкий трюк со стороны австрийской династии, тем не менее он предоставляет различным народам, подпавшим под иго Габсбургов, прекрасную возможность самим устроить свою судьбу и открыть новую эру революций. Теперь же австрийская конституция принесет большую пользу тем, что она смирит фарисейскую гордость прусских лжелибералов и лишит династию Гогенцоллернов единственного преимущества, которым она могла хвастаться перед своим соперником, а именно, что Пруссия, оставаясь по-прежнему средоточием бюрократии и военщины, прикрывается более приличной формой конституционализма.

Чтобы вы ясно представляли подлинное положение в этой хваленой «возрожденной» Пруссии, необходимо напомнить о переменах, происшедших недавно в организации прусской армии. Как вы помните, прусская палата депутатов, не имея мужества ни на то, чтобы нанести оскорбление общественному

мнению открытым санкционированием правительственных предложений о реорганизации армии, ни на то, чтобы решительно воспротивиться солдафонским наклонностям принца-регента, прибегла к обычной уловке слабых, избрав средний путь — ни рыба ни мясо. Палата отказалась утвердить правительственный план реорганизации армии, но голосовала за ассигнование 9500000 долларов на приведение армии в состояние готовности для отражения угрозы извне. Другими словами, прусские депутаты голосовали за отпуск средств, необходимых правительству для выполнения его плана, но делали это под искусственным предлогом. Как только прусский парламент был распущен на каникулы, правительство, открыто нарушая условия, на которых оно получило ассигнования, принялось без дальнейших церемоний вводить те изменения в организации армии, которых желал принц-регент и которые были отвергнуты так называемыми представителями. Во время перерыва в заседаниях парламента численность постоянной армии была *удвоена,* причем число ее полков было доведено с 40 до 72 линейных и 9 гвардейских полков. Таким образом, верховной волей принца-регента и явно в нарушение воли народа, а также вопреки голосованию его лжепредставителей, постоянные еже" годные расходы военного бюджета были увеличены на 100%. Но не думайте, что гогенцоллернский принц или кто-либо из его коллег рискует разделить судьбу Страффорда[125]. Все дело ограничится тем, что тихонько поворчат, не переставая при этом пылко уверять в своей преданности династии и неограниченном доверии кабинету. Принимая во внимание, что даже старая организация армии, существовавшая главным образом за счет земледельческого населения, сделалась невыносимым бременем для финансов и препятствием для производительной деятельности народа, который с течением времени вступил на путь промышленного развития, можно легко понять, в какой степени армия, численность которой теперь удвоилась, должна подавлять самую драгоценную энергию народных масс и поглощать источники национального богатства. Прусская армия может теперь похвастаться тем, что по отношению к численности населения и национальным ресурсам она является самой большой в Европе.

Вы знаете, что государь из династии Гогенцоллернов называет себя сам и именуется министрами и чиновниками Kriegsherr, т. е. «верховный военачальник». Это, конечно, не значит, что прусские короли и регенты имеют власть над военным счастьем. Их сильное стремление к сохранению мира и их известная склонность бывать битыми в открытом бою лучше

всего доказывают это. Титул «верховный военачальник», столь дорогой сердцу гогенцоллернских государей, означает скорее, что истинную опору их королевской власти следует искать не в народе, а лишь в одной его части, отделенной от массы, противопоставленной ей, отличимой от нее нашивками, вымуштрованной в духе пассивного повиновения, превращенной посредством дрессировки в простое орудие династии, которая располагает ею как своей собственностью и использует ее по собственной прихоти. Поэтому прусский король скорее отречется от престола, нежели позволит своей армии принести присягу на верность конституции. Таким образом, государь из династии Гогенцоллернов, будучи королем своего народа лишь постольку, поскольку он является «верховным военачальником», другими словами, собственником армии, — должен прежде всего страстно любить свою армию, лелеять ее, льстить ей и подкармливать ее все более жирными кусками за счет национального богатства. Эта великая цель была достигнута путем новой организации армии. Число офицеров удвоено, а быстрое повышение в чинах, свойственное французской, австрийской и русской армиям и прежде служившее предметом зависти прусских офицеров, теперь обеспечено им без какой-либо необходимости подвергать свою драгоценную жизнь хотя бы малейшей опасности. Отсюда тот огромный энтузиазм по отношению к принцу-регенту и его «либеральным» министрам, который царит теперь не среди простых солдат, а среди офицеров прусской армии. В то же время аристократические охотники на лисиц[126], ворчавшие против либеральной фразеологии нового режима, вполне примирились с ним благодаря тому, что им предоставлена новая возможность содержать своих младших сыновей за счет народа. Во всем этом есть один минус даже с династической точки зрения. Теперь Пруссия сосредоточила все имеющиеся в ее распоряжении силы в постоянной армии. Если эта армия будет разбита, то у нее не останется никакого резерва, к которому она могла бы прибегнуть.

Написано К. Марксом. 23 октября 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6097, 8 ноября 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИСТОРИЯ ВИНТОВКИ

I

Винтовка является немецким изобретением, относящимся еще к концу XV столетия. Первые винтовки были изготовлены, очевидно, с единственной целью облегчить заряжание оружия пригнанной почти вплотную пулей. Для этого были сделаны прямые нарезы, без каких бы то ни было винтообразных оборотов, с одной лишь целью уменьшения трения пули в канале ствола. Сама пуля была обернута кусочком просаленной шерстяной или полотняной материи (пластырь) и таким образом забивалась без особой трудности. Эти винтовки, как они ни были примитивны, давали гораздо лучшие результаты стрельбы, чем гладкоствольное стрелковое оружие того времени с пулями значительно меньшего диаметра, чем диаметр канала ствола.

Позднее характер винтовки был коренным образом видоизменен приданием нарезам винтообразной формы, которая превратила канал ствола в своего рода гайку. Пуля, благодаря плотно прилегающему пластырю, направлялась по нарезам и, кроме того, совершала винтообразные обороты и, следовательно, сохраняла винтообразное вращение вокруг линии своего полета. Вскоре было установлено, что этот способ, при котором пуле придавалось вращательное движение, значительно увеличивал как дальность, так и меткость стрельбы, и, таким образом, вскоре прямые нарезы были заменены винтообразными.

Это и был тот вид винтовки, который оставался в общем употреблении более двухсот лет. Если не считать усовершенствования курка и более тщательного изготовления прицельных приспособлений, то это оружие почти не подверглось каким-либо усовершенствованиям вплоть до 1828 года. Оно

в значительной мере превосходило гладкоствольный мушкет в отношении меткости, но по дальности полета пули это превосходство было менее значительным; за пределами 400— 500 ярдов рассчитывать на меткость было невозможно. Вместе с тем, заряжание винтовки являлось делом сравнительно трудным. Забивание пули представляло довольно утомительную операцию; порох и завернутая в пластырь пуля вкладывались в ствол отдельно, и за одну минуту можно было сделать не более одного выстрела. Эти недостатки винтовки делали ее непригодной для широкого применения в армии, особенно в XVIII веке, когда все сражения решались частым огнем развернутых линий. При такой тактике старый гладкоствольный мушкет со всеми его очевидными недостатками считался все же гораздо более предпочтительным оружием. Поэтому мы видим, что винтовка оставалась излюбленным оружием охотников на оленя и за горными козами, в качестве же особого вида боевого оружия ее использовали в немногих батальонах метких стрелков в тех только армиях, которые располагали достаточным числом опытных охотников среди населения, чтобы формировать такие батальоны.

Войны американской и французской революций[127] внесли значительные изменения в тактику. С тех пор был введен расчлененный строй в бою; сочетание передовых стрелковых цепей с колоннами стало характерной чертой современного боя. Главные силы в течение большей части боя держат в тылу; они находятся в резерве или маневрируют с тем, чтобы сосредоточиться против слабого пункта противника; их вводят в действие только в решающие моменты, в то время как стрелковые цепи и их непосредственные подкрепления все время ведут бой. Они расходуют большую часть боеприпасов, а между тем объекты их огня редко превосходят фронт роты; в большинстве случаев им приходится вести огонь по отдельным бойцам, хорошо защищенным в укрытиях. И все же действие их огня имеет весьма важное значение, ибо он служит как подготовке атаки, так и, прежде всего, ее отражению; их задача состоит в том, чтобы ослабить сопротивление частей противника, занимающих отдельные фермы и деревни, а также отразить контратаки противника. Но с помощью старой «смуглой Бесс» ни одна из этих задач не могла быть выполнена удовлетворительно. Всякий, кто находился под огнем стрелков, вооруженных гладкоствольными мушкетами, не мог вынести иного впечатления, кроме глубокого презрения к результатам мушкетного огня на средних дистанциях. Однако винтовка старого образца была непригодна для массового вооружения стрелков.

Старая винтовка, для того чтобы облегчить забивание пули, должна была быть короткой, настолько короткой, что она уже не подходила в качестве рукоятки для штыка. Вследствие этого стрелков, вооруженных винтовками, использовали только на таких позициях, на которых они были защищены от штыковых и кавалерийских атак.

При таких обстоятельствах сама собой выдвигалась следующая задача: изобрести оружие, которое сочетало бы в себе дальность полета пули и меткость огня винтовки с быстротой и легкостью заряжания и длиной ствола гладкоствольного мушкета, — оружие, которое было бы одновременно огнестрельным и холодным и могло бы быть дано в руки каждому пехотинцу.

Таким образом, мы видим, что с введением в новейшей тактике рассыпного строя возникла и необходимость в усовершенствованном оружии. В XIX столетии всякий раз, как только появляется потребность в каком-либо предмете и дальнейшие обстоятельства ее оправдывают, эта потребность непременно удовлетворяется. Так же была удовлетворена потребность и в данном случае. Почти все усовершенствования стрелкового оружия, достигнутые с 1828 г., были направлены на то, чтобы удовлетворить эту потребность.

Однако прежде чем пытаться дать отчет о тех усовершенствованиях, которые вызывали столь большие и многочисленные перемены в устройстве нарезного огнестрельного оружия, основанные на отказе от старой системы забивания пули, мы позволим себе коснуться попыток усовершенствования ружья при сохранении старого способа заряжания.

Винтовка с овальным каналом ствола, известная в Англии под названием винтовки Ланкастер, была в употреблении на континенте более сорока лет. Мы находим упоминание о ней в одной немецкой военной книге, напечатанной в 1818 году. В Брауншвейге полковник Бернер усовершенствовал ее, и в 1832 г. вся пехота герцогства была вооружена такой винтовкой. Овальность была незначительная, и овальная пуля заряжалась старым способом забивания. Однако эта овальная пуля должна была употребляться только при одиночной стрельбе. Для стрельбы залпами солдаты были снабжены сферическими пулями меньшего калибра, которые скатывались вниз по каналу ствола так же легко, как всякая мушкетная пуля. Все же неудобства этой системы очевидны. Она замечательна лишь тем, что явилась первой попыткой вооружения нарезными мушкетами всей пехоты одной из армий.

В Швейцарии гражданский инженер и пехотный офицер г-н Вильд значительно усовершенствовал винтовку. Его пуля

была в меньшей, чем обычно, пропорции по отношению к каналу ствола, и была рассчитана на то, чтобы входить в нарезы канала ствола только своим пластырем; на шомполе имелся диск, который не позволял ему входить слишком глубоко в канал ствола и забивать пулю так плотно к заряду, чтобы создавалась возможность преждевременного взрыва пороха; крутизна нарезов была уменьшена и заряд увеличен. Винтовка Вильда давала очень хорошие результаты на дистанции более 500 ярдов, при весьма отлогой траектории, причем из нее можно было сделать более 100 выстрелов, прежде чем образовывался нагар. Она была принята на вооружение в Швейцарии, Вюртемберге и Бадене, но, конечно, в настоящее время устарела и заменена другой.

Самой современной и лучшей винтовкой, сконструированной по принципу забивания пули, является новая швейцарская винтовка, принятая на вооружение метких стрелков. Это оружие, подобно американскому, имеет весьма малый калибр — не более 10,50 миллиметра, или 0,42 дюйма; ствол, длиной в 28 дюймов, имеет восемь пологих нарезов (один оборот в 34 дюйма); шомпол снабжен диском Вильда; пуля цилиндро-оживальная, очень длинная, забивается посредством просаленного пластыря; заряд сравнительно большой, с крупнозернистым порохом. Это оружие дало изумительные результаты; при испытании различных винтовок, недавно произведенном голландским правительством, его дальнобойность, меткость и отлогость траектории были признаны непревзойденными. Действительно, при дальности стрельбы в 600 ярдов высшая точка траектории равна всего 8 футам 6 дюймам, так что при этой дальности все пространство является поражаемым для кавалерии, а последние 100 ярдов являются опасными даже для пехоты; другими словами, ошибка при определении дистанции до цели на 100 ярдов при дальности в 600 ярдов обычно не препятствует пуле поражать цель высотой в 6 футов. Этот результат далеко превосходит результаты любого другого нарезного мушкета; самые лучшие из них требуют угла возвышения, который поднимает высшие точки траектории, при дальности стрельбы в 600 ярдов, до 13—20 футов, и, следовательно, уменьшает поражаемое пространство с 60 до 25 ярдов. Эта чрезвычайная отлогость траектории достигается благодаря малому калибру оружия, которое вмещает очень удлиненную остроконечную пулю и сравнительно мощный заряд; при небольшом калибре винтовка может быть очень прочной, не будучи громоздкой, пуля может быть длинной, не будучи тяжелой, заряд — сравнительно мощным при

не слишком большой отдаче. Ясно, что замечательная стрельба этого оружия объясняется отнюдь не забойным заряжанием; на самом деле такое заряжание является единственным недостатком винтовки, препятствующим ее использованию в качестве основного оружия пехоты. Швейцарцы поэтому ограничились тем, что вооружили этой винтовкой лишь роты своих отборных стрелков, в руках которых она даст, без сомнения, наилучшие результаты.

Далее мы покажем, как винтовка усовершенствовалась и превращалась в оружие, которое могло быть дано в руки каждому пехотинцу.

II

Французский офицер Дельвинь первый сделал попытку превратить винтовку в оружие, пригодное для массового вооружения пехоты. Он ясно видел, что для этого необходимо, чтобы пуля скользила внутри ствола так же свободно или почти так же свободно, как пуля гладкоствольного мушкета, и чтобы она затем изменяла свою форму для того, чтобы войти в нарезы.

Чтобы добиться этой цели, он сконструировал уже в 1828 г. винтовку с каморой в казенной части, т. е. крайний конец канала ствола в казенной части, куда вкладывается порох, был сделан значительно меньшего диаметра, чем в остальной части ствола. Форма названной каморы была заимствована от гаубиц и мортир, всегда имевших такую конструкцию; но в то время как в артиллерии она просто служила для того, чтобы прочно удерживать небольшие заряды, употребляемые для гаубиц и мортир, в винтовке Дельвиня камора отвечала совершенно другому назначению. После того как в камору всыпался порох, вслед за ним скатывалась пуля меньшего диаметра, чем канал ствола; дойдя до края каморы, она не могла пройти дальше и оставалась на месте, упираясь в края каморы; нескольких резких ударов шомполом было достаточно для того, чтобы вогнать мягкий свинец пули в нарезы и расширить ее диаметр настолько, чтобы она была вплотную пригнана к стенкам канала ствола.

Величайшим неудобством этой системы было то, что пуля теряла свою сферическую форму и делалась несколько сплющенной, вследствие чего она имела склонность терять винтообразное вращение, приданное ей нарезами, что значительно уменьшало ее меткость. Чтобы исправить это, Делъвинь изобрел продолговатую пулю (цилиндро-коническую), и хотя опыты с подобного рода пулей во Франции были вначале не очень успешными, они оказались весьма удовлетворительными в Бель-

гии, Австрии и Сардинии, где винтовка Дельвиня с различными усовершенствованиями была введена в батальонах стрелков вместо старого ружья. Хотя эта винтовка теперь почти везде заменена другой, усовершенствования Дельвиня заключают в себе два важных принципа, на которые должны были опираться все последующие изобретатели: во-первых, в винтовках, заряжающихся с дула, пуля должна опускаться по стволу с известным зазором для того, чтобы облегчить заряжание, и должна изменить свою форму, чтобы войти в нарезы, только после того как будет крепко забита; и, во-вторых, продолговатые пули являются единственными, которые следует принять для новейших винтовок. Таким образом, Дельвинь сразу поставил вопрос на должную основу, и он вполне заслуживает, чтобы его называли отцом новейшей винтовки.

Преимущества продолговатой пули над сферической весьма многочисленны, поскольку первой можно придать боковое вращение (вокруг продольной оси), что удовлетворительным образом достигается почти в любой системе современной винтовки. Продолговатая пуля имеет значительно меньшее сечение пропорционально своему весу и, следовательно, встречает меньшее сопротивление атмосферы, чем сферическая пуля. Ее заостренному концу можно придать такую форму, чтобы довести это сопротивление до минимума. Как дротик или стрела, она до известной степени поддерживается воздухом. Следствием этого является то, что она от сопротивления воздуха теряет свою начальную скорость в гораздо меньшей степени, чем любая сферическая пуля того же диаметра и, следовательно, покрывает данное расстояние при гораздо более отлогой траектории (то есть при линии полета, гораздо более опасной для противника).

Другим преимуществом является то, что продолговатая пуля имеет гораздо большую поверхность соприкосновения со стенками ствола, чем сферическая. Поэтому продолговатая пуля значительно лучше входит в нарезы, что позволяет уменьшить крутизну, равно как и глубину нарезов. Оба эти обстоятельства облегчают чистку оружия и в то же время позволяют пользоваться полными зарядами без увеличения отдачи ружья.

И, наконец, поскольку вес продолговатой пули значительно превышает вес сферической, то самый калибр винтовки, или диаметр канала ствола, может быть значительно уменьшен, в то время как оружие продолжает сохранять способность выбрасывать пулю, равную по весу прежней сферической пуле. Далее, если вес старого гладкоствольного мушкета

и вес его пули рассматривать как стандартные величины, то винтовка с продолговатой пулей того же веса может быть прочнее старого мушкета — пропорционально тому, насколько будет уменьшен диаметр канала ствола, — и при этом винтовка не будет тяжелее старого мушкета. Будучи более прочным оружием, она лучше выдерживает заряд, имеет меньшую отдачу, и поэтому уменьшенный калибр винтовки допускает относительно более сильные заряды, придавая большую начальную скорость пуле и обеспечивая тем самым более низкую траекторию полета.

Следующее усовершенствование было сделано другим французским офицером, полковником Тувененом. Он обнаружил один недостаток, заключавшийся в том, что при забивании пули в нарезы она удерживается круговым выступом, которого она касается своими краями. Поэтому он удалил выступы каморы, высверливая канал ствола и делая его, как раньше, одинакового диаметра по всей длине. В центре болта, запирающего канал ствола, он укрепил короткий, крепкий стальной стержень, или чеку, выступавшую в канал, вокруг которой ложился всыпаемый порох; пуля поддерживалась притупленной верхушкой стержня, а удары шомпола в то же время вгоняли ее в нарезы. Преимущества этой системы были значительны. Расширение пули от ударов шомпола было гораздо более правильным, чем в винтовке Дельвиня. Оружие позволило сделать больший зазор, что облегчило заряжание. Результаты, достигнутые этим усовершенствованием, были настолько убедительны, что уже в 1846 г. французские chasseurs a pied* были вооружены винтовками Тувенена; вслед за ними были вооружены зуавы и прочая легкая африканская пехота; а как только было установлено, что старые гладкоствольные мушкеты могут быть при небольших затратах переделаны в винтовки Тувенена, были соответственно переделаны и все карабины французской пешей артиллерии. Прусские стрелки были вооружены винтовками Тувенена в 1847 г., баварские — в 1848 г., и вскоре большая часть малых государств Северной Германии последовала этому примеру, вооружив в некоторых случаях этим превосходным оружием даже часть линейных войск. Во всех указанных винтовках имеется, очевидно, определенное приближение к единой системе, несмотря на все их различия, как, например, по калибрам и т. д.; число нарезов было уменьшено (в большинстве случаев до четырех), и степень их крутизны обычно составляет от трех четвертей до одного оборота на всю длину ствола.

* — пешие стрелки. *Ред.*

Но все же винтовка Тувенена имела свои недостатки. При наличии столь длинного ствола, который у обыкновенного мушкета линейной пехоты должен служить удобной рукояткой для штыка, усилия, которые требовались для того, чтобы неоднократными ударами расширить свинец пули так, чтобы он вошел в нарезы, были слишком велики. К тому же стрелкам при положении лежа или с колена было очень трудно прилагать такие усилия для забивания пули. Сопротивление силе взрыва, которое оказывала пуля, вдавленная в нарезы непосредственно впереди порохового заряда, увеличивало отдачу и вынуждало поэтому пользоваться сравнительно небольшим зарядом. Наконец, чека всегда представляла собой ненужное усложнение в устройстве оружия; производить чистку вокруг чеки было очень трудно, и она часто ломалась.

Таким образом, принцип вдавливания пули ударами шомпола дал в свое время весьма удовлетворительные результаты в системе Дельвиня и еще лучшие результаты в системе Тувенена. Но винтовка, построенная по такому принципу, еще не могла доказать своего превосходства как оружия, годного для вооружения всей пехоты, перед старым гладкоствольным мушкетом. Для винтовки, пригодной для каждого солдата, в основу должны были быть положены другие принципы.

III

Дельвинь, винтовку которого мы описывали в предыдущей статье, нашел необходимым сделать в своей продолговатой пуле углубление со стороны основания, чтобы таким образом уменьшить ее вес до веса старой сферической пули. Хотя он скоро обнаружил, что применение этой полой пули было несовместимо *с* системой расширения пули путем механического забивания, все же проведенных им опытов было достаточно для того, чтобы доказать, что газ, образующийся при взрыве, войдя в образованное в пуле углубление, стремился расширить стенки этой полой части пули настолько, чтобы заставить ее плотно прилегать к стволу и войти в нарезы.

Это и было то открытие, которым в 1849 г. воспользовался капитан Минье. Он целиком устранил чеку, или стержень, на дне канала ствола и восстановил ту первоначальную простоту винтовки, которой она обладала до Дельвиня и Тувенена; он полагался исключительно на воздействие пороховых газов, расширявших после взрыва полую часть пули. Его пуля была цилиндро-оживальная, с двумя кольцеобразными желобками вокруг цилиндрической части[*], высверленная конусообразно со стороны основания; чашеобразная пустая железная втулка (culot) закрывала полую часть и вгонялась туда силой пороховых газов после воспламенения, расширяя таким образом с достаточной силой свинец. Сама пуля, даже будучи помещена в просаленный бумажный патрон, имела достаточный зазор, чтобы свободно проходить вниз по стволу.

Теперь, наконец, мы получили винтовку и пулю, сконструированные по принципам, которые давали возможность вручить

[*] Эти желобки (cannelures) изобрел другой французский офицер — Тамизье. Кроме уменьшения веса пули и ее трения о стенки ствола, они уравновешивали полет пули в воздухе, наподобие крыльев стрелы, и таким образом делали траекторию более отлогой.

такое оружие каждому пехотинцу. Новое оружие заряжалось так же легко, как и гладкоствольный мушкет, но было гораздо эффективнее старой винтовки, с которой оно имеет одинаковую меткость, но превосходит ее по дальности стрельбы. Из всех систем ружей, заряжающихся с дула, винтовка с расширяющейся пулей является бесспорно наилучшим оружием как для всеобщего употребления, так и для метких стрелков. Именно этому обстоятельству обязана она своим громадным успехом и своим распространением в самых различных частях войск, с последующими многочисленными попытками улучшить формы пули или нарезов. Ввиду того, что пуля Минье была внутри полой, она могла быть сделана лишь ненамного тяжелее прежней сферической пули того же калибра; в силу того, что пуля свободно лежала на порохе и при выстреле лишь постепенно расширялась, проходя по стволу, отдача была гораздо меньше, чем в старых винтовках или в винтовках Дельвиня и Тувенена, в которых крепко забитая в ствол пуля могла быть сдвинута лишь всей силой взрыва; в результате этого в винтовке Минье можно использовать сравнительно более сильный заряд. Нарезы должны делаться очень неглубокими, что облегчает чистку ствола. Длина оси, по которой проходит один полный оборот нарезов, довольно велика, вследствие чего число оборотов пули и трение ее в воздухе (которое имеет место при всяком вращении) уменьшаются, благодаря чему лучше сохраняется начальная скорость. Наличие углубления у основания пули переносит ее центр тяжести значительно более вперед; а все эти условия, взятые вместе, дают сравнительно отлогую траекторию.

Но причиной всеобщего распространения винтовки Минье явилось фактически другое обстоятельство, а именно то, что все старые гладкоствольные мушкеты при помощи весьма простой переделки могли быть превращены в винтовки, пригодные к использованию пуль Минье. В Пруссии, когда Крымская война потребовала, чтобы вся пехота немедленно была вооружена нарезными мушкетами, а достаточного числа игольчатых ружей еще не было изготовлено, у 300000 старых мушкетов были сделаны нарезы, и они были приспособлены к использованию пуль Минье, на что было затрачено меньше года.

Французское правительство первым вооружило винтовками Минье несколько батальонов; но в них были сделаны прогрессивные нарезы, то есть нарезы, в казенной части ружья более глубокие, чем в дульной части, и пуля, входя в нарезы казенной части, снова сжималась при своем дальнейшем прохождении через ствол по менее глубоким нарезам, в то время как изнутри

на нее продолжала действовать расширяющая сила пороховых газов. Таким образом создавалось такое трение, что очень часто сплошная головка пули отрывалась и вылетала из ствола, между тем как полое основание продолжало крепко сидеть в нарезах. Этот и другие недостатки заставили правительство отказаться от дальнейших попыток принять на вооружение винтовку Минье.

В Англии в 1851 г. было изготовлено 28000 винтовок такого же типа, как и во Франции; английские пули имели слегка коническую форму с оживально заостренным кончиком, с круглой полой втулкой и без всяких желобков, так как были рассчитаны на известное *сжатие.* Результаты оказались крайне неудовлетворительными, главным образом из-за формы пули. Только в 1852 г. были произведены новые опыты, в результате которых появились, наконец, винтовка и пули Энфилд, о чем мы будем говорить дальше. Винтовка Энфилд является лишь разновидностью винтовки Минье. С 1854 г. она окончательно заменила все гладкоствольные мушкеты в британской армии.

В Бельгии винтовка Минье с небольшими изменениями была введена с 1854 г. в стрелковых, а позднее также и в линейных войсках.

В Испании в 1853 г. винтовку Минье получили стрелковые, а потом, в том же году, линейные войска.

В Пруссии, как уже было сказано, в 1855—1856 гг. винтовка Минье была временно принята на вооружение в линейных войсках, но затем окончательно заменена игольчатым ружьем.

В мелких немецких государствах винтовка Минье была введена почти повсеместно, за очень немногими исключениями.

В Швейцарии винтовка Прела, предназначенная для вооружения всей пехоты, за исключением метких стрелков, представляет собой лишь разновидность винтовки Минье.

И, наконец, в России правительство в настоящий момент занято заменой старых гладкоствольных ружей винтовками Минье очень хорошего образца.

Почти в каждом образце винтовок этих стран число, глубина и шаг нарезов, а также форма пули подверглись различным изменениям в деталях. Описание наиболее важных изменений составит предмет следующей главы.

IV

Мы снова вкратце повторим принципы системы Минье. Нарезное ружье с мелкими нарезами заряжается продолговатой пулей, диаметр которой настолько меньше диаметра канала ствола, что она свободно скользит вниз по стволу. Эта пуля высверливается со стороны основания, т. е. с конца, ложащегося на порох. При выстреле быстро образующиеся благодаря взрыву газы входят в эту полую часть и своим давлением на сравнительно тонкие стенки полой части *расширяют* свинец настолько, что он плотно прилегает к стенкам канала и заполняет нарезы. Пуля, таким образом, должна направиться по оборотам этих нарезов и сохранить приданное ей винтообразное вращение, характерное для каждой нарезной ружейной пули. Это главная и самая существенная часть во всех разнообразных винтовках, стреляющих расширяющимися пулями; это общее всем им свойство. Что же касается деталей, то разными изобретателями внесено много различных изменений.

Втулку ввел сам Минье. Эта втулка представляет собой маленький, круглый, чашеобразный кусочек листового железа, вогнанный в конец отверстия полой части пули. Имелось в виду, что при помощи пороховых газов произойдет дальнейшее проникновение втулки в полое пространство, и таким образом втулка будет содействовать расширению пули, сделав его более вероятным. Вскоре, однако, убедились, что эта чашеобразная втулка имела большие неудобства: она часто отделялась от пули при вылете из дула и при своей неровной линии полета иногда легко ранила своих же солдат, расположенных немного впереди сбоку. Кроме того, втулка иногда перевертывалась в тот момент, когда вгонялась в пулю, и являлась, таким образом, причиной неправильного расширения пули и, следовательно, отклонения полета пули от линии цели. Так как было доказано, что расширение пули может быть

достигнуто без всяких втулок, то стали производить опыты для того, чтобы установить лучшую форму расширяющейся пули без втулки. Прусский капитан Нейндорф первый, по-видимому, предложил такую пулю (в 1852 г.). Полое пространство его пули имеет цилиндрическую форму, но расширяющуюся к основанию наподобие воронки. Эта пуля дала очень хорошие результаты как в отношении дальности полета, так и в отношении меткости, но вскоре было обнаружено, что втулка служила, кроме расширения пули, еще и другому назначению: она предохраняла тонкие стенки полой пули от разрушения во время перевозки и при небрежном обращении, в то время как пули Нейндорфа деформировались во время перевозки и поэтому давали чрезвычайно плохие результаты. В связи с этим в большинстве немецких армий полая железная втулка была сохранена, но ей была придана длинная заостренная конусообразная форма, и в таком виде она вполне отвечала своему назначению: никогда не перевертывалась и почти никогда не отделялась от свинцовой пули. Пуля Энфилд, как хорошо известно, имеет прочную деревянную втулку.

Тем не менее, в некоторых государствах продолжались опыты с пулями без втулок, и в ряде армий такие пули были введены в употребление. Это имело место в Бельгии, Франции, Швейцарии и Баварии. Главной целью всех этих опытов было стремление установить такую форму для полой части пули, которая предохраняла бы ее от разрушения, не препятствуя в то же время ее расширению. Этой полой части придавали форму или колокола (Тиммерханс в Бельгии), или трехсторонней призмы (Неслер во Франции) с крестообразным сечением (Плённис в Дармштадте) и т. д. Но, по-видимому, почти невозможно соединить эти два качества — прочность и способность расширяться — в любой из разновидностей расширяющейся пули без втулки, пока не будет значительно уменьшен калибр. Новая баварская пуля (майора Подевильса) с простой цилиндрической выемкой и очень прочными стенками, кажется, пока что лучше всего отвечает этому требованию, но баварская винтовка имеет очень небольшой калибр.

В странах, где старые гладкоствольные мушкеты были нарезаны для пуль Минье, крупный калибр старого мушкета, конечно, становился обязательным. Но там, где армия снабжалась только новыми ружьями, их калибр был значительно уменьшен, по соображениям, о которых мы упоминали в предыдущей статье. Английская винтовка Энфилд имеет калибр 14,68 миллиметра, южногерманская винтовка (введенная в Вюртемберге, Баварии, Бадене, Гессен-Дармштадте) — 13,9 милли-

метра. Одни французы для винтовок своей гвардии сохранили калибр прежних гладкоствольных мушкетов (17,80 миллиметра).

Винтовка Энфилд представляет собой прекрасный образец системы оружия с расширяющимися пулями. Ее калибр является настолько небольшим, что допускает стрельбу пулями, по длине в два раза превосходящими ее диаметр и в то же время по весу не более тяжелыми, чем старые сферические мушкетные пули. Качество ее изготовления очень высоко и превосходит качество почти всех винтовок, существующих на вооружении континентальных войск. Ее пуля очень пропорциональна; правда, имеются возражения против деревянной втулки, указывающие на то, что она может или разбухать и тем самым увеличивать диаметр пули, или сжиматься и поэтому выпадать, по мы считаем эти возражения неосновательными. Если бы разбухание втулки создавало какие-либо неудобства, то это было бы обнаружено гораздо раньше; в случае же сжатия втулки наличие патрона предохраняет ее от выпадения. В общем, результаты, достигнутые винтовкой Энфилд, приблизительно такие же, какие были достигнуты лучшими континентальными винтовками с расширяющимися пулями.

Возражения против винтовки Энфилд, как ружья с расширяющимися пулями, следующие: калибр мог бы быть еще меньше, что дало бы возможность иметь более длинную пулю и более прочный ствол при том же весе; доказано, что пять нарезов лучше, чем три; ствол длинной винтовки Энфилд по меньшей мере слишком непрочен у дула, чтобы его можно было использовать в качестве рукоятки для штыка; пуля, не имея кольцеобразных желобков, должна испытывать слишком большое трение в канале, и поэтому возникает опасность, что прочный конец ее может оторваться, а кольцеобразная полая часть плотно заклиниться в нарезах.

Изменение калибра является делом очень серьезным, по без этого очень трудно придать дульной части ствола большую прочность. Это кажется нам самым серьезным возражением. Все же остальные возражения несущественны; число нарезов и форма пули могут быть изменены в любое время без затруднения; но даже в ее настоящем виде винтовка Энфилд показала себя как очень полезное боевое оружие.

До сих пор мы сравнивали винтовку Энфилд лишь с ружьями, которые заряжаются расширяющимися пулями; сравнение же с винтовками, устроенными по другим принципам, мы должны оставить до следующего раза, когда мы будем рассматривать различные другие принятые в настоящее время конструкции.

V

В 1852 г. английский ружейный мастер г-н Уилкинсон и австрийский артиллерийский офицер капитан Лоренц одновременно, но независимо друг от друга, изобрели другой способ увеличивать диаметр свободно лежащей продолговатой пули силой пороховых газов, которые вгоняли ее плотно в канал ствола и заставляли идти по нарезам. Этот способ состоял в том, чтобы заставить пороховые газы *сжимать* пулю в продольном направлении, а не расширять ее.

Возьмите мягкий, эластичный мяч, положите его на стол и сильным ударом руки заставьте его отлететь прочь. Первым результатом удара, прежде чем он заставит мяч отлететь, явится изменение формы последнего. Как ни мал вес мяча, он оказывает достаточное сопротивление, чтобы мяч сплюснулся со стороны, откуда он получает удар; он сжался в одном направлении, и, следовательно, его объем должен увеличиться в другом направлении; подобное видоизменение произойдет и в том случае, если вы его совсем сплющите. Как удар действует на эластичный мяч, так взрыв пороховых газов должен действовать на *сжимающуюся пулю* Лоренца и Уилкинсона. Вес, vis inertiae* пули, служит средством, которое своим сопротивлением силе пороховых газов сжимает пулю в продольном направлении и этим расширяет ее в стороны. В момент вылета пуля бывает короче и толще, чем при заряжании.

Для того, чтобы продолговатая массивная свинцовая пуля могла оказать достаточное сопротивление и быть, таким образом, достаточно сжатой, чтобы войти в нарезы, она должна быть очень тяжелой — другими словами, длина ее должна быть очень велика по отношению к ее толщине. Но такая пуля даже для ружья небольшого калибра была бы слишком тя-

* — сила инерции. *Ред.*

желой во время войны, так как обычный носимый запас боеприпасов переобременил бы солдат. Во избежание этого в цилиндрической части пули были вырезаны два глубоких кольцеобразных желобка. Возьмите пулю Энфилд, удалите втулку, наполните полость расплавленным свинцом и, когда он охладится, вырежьте у плоского конца цилиндрической части пули близко друг к другу два желобка, оставив три образовавшиеся части пули укрепленными, как они и были, на общей оси прочного свинца. Пуля тогда будет состоять из двух очень плоских усеченных конусов, направленных вперед, и тяжелого плотного острия; все эти части прочно соединены между собой. Эта пуля будет представлять тип сжимающейся пули. Сопротивление пороховым газам оказывает тяжелая передняя часть, или острие пули; передняя часть заднего конуса вгоняется силой пороховых газов в основание следующего конуса, а головка последнего в свою очередь вгоняется в основание остроконечной части пули, и таким образом пуля, укороченная и сжатая в продольном направлении, становится настолько толще, что плотно прилегает к каналу ствола и входит в нарезы.

Из этого, очевидно, следует, что прочное острие является самой главной частью сжимающейся пули. Чем она длиннее и тяжелее, тем большее сопротивление она окажет и тем вероятнее будет сжатие от порохового взрыва. Пока калибр винтовки мал, скажем, гораздо меньше калибра винтовки Энфилд, сжимающиеся пули можно делать не более тяжелыми, чем расширяющиеся пули. Но с увеличением калибра увеличивается поверхность основания пули или, другими словами, поверхность, подвергающаяся непосредственному действию пороховых газов; и это является причиной, почему при больших калибрах сжимающиеся пули всегда будут слишком тяжелы, чтобы их можно было использовать; иначе говоря, сила пороховых газов, преодолев сопротивление пули, выбросит ее из ствола, прежде чем она будет надлежащим образом сжата. Таким образом, гладкоствольные мушкеты большого калибра могут быть переделаны в ружья с расширяющимися пулями, но ни в коем случае не в ружья для сжимающихся пуль.

При малых калибрах и неглубоких нарезах система сжимающихся пуль дает прекрасные результаты. Расположение центра тяжести впереди является очень благоприятным для отлогой траектории. В отношении легкости и быстроты заряжания, а также незначительности отдачи сжимающаяся пуля имеет все преимущества перед расширяющейся. Эта пуля прочна и может довольно хорошо выдерживать перевозку, не требуя бережного обращения; ее форма позволяет прессовать

ее, а не отливать. Единственной отрицательной стороной пули является лишь то, что она требует очень малого зазора, не более 0,01 дюйма, и большой точности в отношении как калибра ствола, так и размера пуль, ибо ясно, что сжатие не увеличивает окружности пули хотя бы приблизительно в такой же степени, как при расширяющем действии. Таким образом, при наличии более крупного зазора или при стволах старых образцов сомнительно, получила ли бы пуля достаточное сжатие для того, чтобы войти в нарезы. Но этот малый зазор не является большим препятствием, так как многие ружья с расширяющимися пулями имеют не больший зазор (например, винтовка Энфилд имеет зазор только в 0,01 дюйма), и теперь нетрудно изготовить ствол и пулю точно соответствующих размеров.

Австрийская армия приняла сжимающуюся пулю для всей пехоты. Калибр ее мал: 13,9 миллиметра, или 0,546 дюйма (на 0,031 меньше пули Энфилд); ствол имеет четыре очень неглубоких нареза (хотя четное число нарезов для ружей с расширяющимися пулями встречает решительные возражения, но в ружьях с сжимающимися пулями оно считается лучше, чем нечетное число) с одним оборотом приблизительно в шесть футов шесть дюймов (почти так же, как у винтовки Энфилд). Пуля весит около 480 гран (на 50 гран меньше, чем у винтовки Энфилд), а заряд составляет $^1/_6$ ее веса (у винтовки Энфилд — около $^1/_8$ веса пули). Эта винтовка подверглась испытанию в итальянской кампании 1859 г., и многие французские солдаты, в особенности офицеры, которые не выдержали ее огня, свидетельствуют о ее превосходных качествах. Она имеет значительно более отлогую траекторию, чем винтовка Энфилд, что является следствием пропорционально более сильного заряда, меньшего калибра, дающего возможность пользоваться удлиненной пулей, а может быть, и наличия двух кольцеобразных желобков.

Саксония, Ганновер и одно или два мелких немецких государства также ввели для легкой пехоты винтовки, которые стреляют сжимающимися пулями системы Лоренца.

В Швейцарии, кроме винтовки для метких стрелков, о которой мы уже упоминали, была введена винтовка того же калибра (10,51 миллиметра, или 0,413 дюйма, на 0,164 меньше, чем винтовка Энфилд) с сжимающейся пулей. Этой винтовкой вооружены легкие роты пехотных батальонов. Применяемая здесь пуля системы Лоренца и результаты, получаемые этой винтовкой, по отлогости траектории, дальности полета и меткости стрельбы ставят ее на второе место после упомянутой

швейцарской винтовки для метких стрелков, пуля которой загоняется в ствол старым способом и имеет самую отлогую траекторию из всех известных нам ружей. При стрельбе на 500 ярдов эта винтовка, заряженная швейцарской сжимающейся пулей, дает поражаемое пространство в 130 ярдов![*]

Пока несомненно одно, что система сжимающихся пуль дала лучшие результаты, чем система расширяющихся пуль, так как она до сих пор давала безусловно самую отлогую траекторию. Тем не менее, так же несомненно и то, что это последнее обстоятельство обязано не самой системе, а другим причинам, среди которых главной является малый калибр. При одинаково малом калибре расширяющаяся пуля может дать такую же отлогую траекторию, как и ее соперница, имевшая до сих пор больший успех. Это скоро станет очевидным. Винтовки четырех государств Юго-Западной Германии (Баварии и пр.) имеют тот же калибр, что и австрийские, так что для них в случае необходимости можно использовать австрийские пули, и наоборот. Но введя у себя одинаковый диаметр канала ствола; все эти государства в то же время приняли расширяющиеся пули; таблицы практической стрельбы обеими пулями наилучшим образом показывают достоинства каждой из них. Если, как мы того ожидаем, расширяющаяся пуля даст такие же хорошие результаты, как и ее соперница, то она заслуживает предпочтения: во-первых, более вероятно, что она будет входить в нарезы при любых обстоятельствах; во-вторых, ее можно сделать при том же диаметре канала ствола более легкой, чем сжимающаяся пуля; и в-третьих, на нее оказывает меньшее влияние расширение канала ствола, имеющее место у всех ружейных стволов, после того как они пробыли в употреблении некоторое время.

[*] Под поражаемым пространством понимается та часть линии полета пули, которая не выше человеческого роста, — скажем, 6 футов. Так, например, пуля, направленная на основание цели высотой в 6 футов, находящейся на расстоянии в 500 ярдов, попадает во всякий предмет высотой в 6 футов, расположенный на линии прицеливания, где-либо между 370 и 500 ярдами от стрелка. Другими словами, при дистанции в 500 ярдов может быть сделана ошибка в определении расстояния в 130 ярдов, но цель все же будет поражена, если линия прицеливания взята правильно.

VI

Все винтовки, которые мы до сих пор описывали, заряжались с дула. Тем не менее, в старину существовало множество видов огнестрельного оружия, заряжавшегося с казенной части. Заряжание пушек с казенной части предшествовало заряжанию с дула, и в самых старых арсеналах имеются ружья и пистолеты, которые насчитывают по 200—300 лет, с подвижной казенной частью, куда вкладывали заряд, не вводя его через дуло шомполом. Большую трудность всегда составляло соединить затвор со стволом так, чтобы его легко можно было снять и снова поставить, а само соединение было бы при этом достаточно прочным, чтобы выдержать давление пороховых газов. Ничего нет удивительного, что при несовершенстве техники того времени оба эти требования нельзя было сочетать: или части, сцепляющие затвор со стволом, были недостаточно прочны и долговечны, или самый процесс снятия и закрепления совершался чрезвычайно медленно. Ничего нет удивительного, что это оружие было оставлено, так как заряжание с дула являлось делом гораздо более быстрым, и что шомпол продолжал занимать господствующее положение.

Когда же в новейшее время как военные люди, так и оружейные мастера поставили своей задачей сконструировать такое огнестрельное оружие, которое сочетало бы в себе быстроту и легкость заряжания старого мушкета с дальностью полета пули и меткостью винтовки, то, естественно, заряжание с казенной части снова привлекло к себе внимание. С созданием надлежащей системы закрепления казенной части все трудности были преодолены. Пуля несколько большего диаметра, чем канал ствола, могла быть вложена вместе с зарядом в казенную часть и, направляемая вперед силой взрыва,проталкивалась через канал ствола, где, заполнив нарезы излишком свинца, шла по ним, не образуя никакого зазора. Единственную труд-

ность представлял способ сцепления казенной части. Но что было невозможным в XVI и XVII столетиях, то не может считаться безнадежным в настоящее время.

Если предположить, что эта трудность преодолена, то громадные преимущества заряжания с казенной части очевидны. Значительно сокращается время, необходимое для заряжания. Никакого вытаскивания шомпола, поворачивания его и нового вкладывания обратно. Одним движением открывается затвор, другим — вкладывается на свое место патрон и третьим — затвор снова закрывается. Таким образом, частый огонь стрелков или частые залпы, столь важные во многих решительных случаях, обеспечиваются в такой степени, которой не может достигнуть никакое оружие, заряжающееся с дула.

Во всех заряжающихся с дула ружьях заряжание затрудняется, как только солдат во время перестрелки становится на колено или ложится, укрываясь за каким-либо местным предметом. Располагаясь за укрытием, он не может держать свое ружье в вертикальном положении, отчего большая часть заряда во время прохождения вниз по каналу ствола пристает к его стенкам; если же он будет держать ружье прямо вверх, то обнаружит себя. Ружье, заряжающееся с казенной части, он может заряжать в любом положении, даже не отрывая глаз от противника, так как он может заряжать, не глядя на свое ружье. В цепи он может заряжать его во время движения; делая выстрел за выстрелом во время движения вперед, он приближается к противнику все же с ружьем, постоянно заряженным. Пуля может быть простейшей конструкции, чрезвычайно прочная; и можно быть гарантированным от того, что пуля сорвется с нарезов, — подобно тому, как это происходило с сжимающейся и с расширяющейся пулей, — а также от любых других неприятных случайностей. Чистка ружья необыкновенно облегчается. Камора, или место, куда вкладываются порох и пуля, являющаяся частью, всегда наиболее подверженной загрязнению, совершенно открыта; ствол или канал открыт с обоих концов, и его можно легко осмотреть и отлично вычистить. Части, помещающиеся около казенника, будучи в силу необходимости более тяжелыми, так как иначе они не могли бы выдержать давления пороховых газов, переносят центр тяжести ружья к плечу, чем обеспечивается устойчивость при прицеливании.

Мы видели, что единственная трудность состоит в том, чтобы достичь прочного закрепления казенной части. Не может быть сомнения, что эта трудность теперь полностью преодолена. Число заряжающихся с казенной части ружей, изготовленных

за последние двадцать лет, огромно и, по крайней мере, некоторые из них оправдывают все обоснованные ожидания как в отношении эффективности и прочности механизма для заряжания с казенной части, так и в отношении легкости и быстроты, с которой казенная часть может быть поставлена и снята. Тем не менее, в настоящее время в качестве боевого оружия используются лишь три различных системы.

Первая — это винтовка, которой вооружена в настоящее время пехота в Швеции и Норвегии. Механизм для заряжания с казенной части является достаточно удобным и прочным. Заряд воспламеняется посредством капсюля, причем и курок и боек находятся в *нижней* части каморы. О практическом применении этого оружия мы не смогли добыть каких-либо подробностей.

Вторая — это револьвер. Револьвер, так же как и винтовка, является очень старым немецким изобретением. Столетия тому назад делались пистолеты с несколькими стволами, снабженными вращающимся приспособлением, которое после каждого выстрела поворачивало новый ствол в положение, требующееся для действия на него замка. В Америке полковник Кольт снова воспользовался этой идеей. Он отделил каморы от стволов, так что для всех вращающихся камор существовал один ствол, и сделал таким образом оружие заряжающимся с казенной части. Так как большинство из наших читателей имело дело с пистолетом Кольта, то нет необходимости описывать его; кроме того, сложный характер механизма потребовал бы подробного объяснения, которое невозможно сделать без чертежей. Заряд этого оружия воспламеняется посредством капсюля; а сферическая пуля, которая несколько больше канала ствола, при вдавливании в него входит в нарезы. После того как изобретение Кольта стало известным, было сделано много изобретений ручного оружия с вращающимся механизмом, но только Дин и Адамс действительно упростили и усовершенствовали его как боевое оружие. Тем не менее, эта система чрезвычайно сложна, и для военных целей она применима только к пистолетам. Но при некоторых усовершенствованиях этот револьвер станет необходимым для всей кавалерии и для моряков, на случай абордажа, в то время как для артиллерии он был бы значительно полезнее, чем любой карабин. В самом деле, его действие в рукопашном бою ужасно; револьверами снабжена не только американская кавалерия, они были также введены в британском, американском, французском, русском и других флотах.

В шведском ружье, так же как и в револьвере, воспламенение заряда производится извне посредством обыкновенного ударного капсюля. Третью группу ружей, заряжающихся с казны, составляет столь нашумевшее прусское игольчатое ружье, которое целиком вытесняет оружие двух первых систем; заряд его воспламеняется изнутри.

Игольчатое ружье было изобретено гражданским лицом, г-ном Дрейзе из Зёммерды, в Пруссии. Дрейзе первоначально изобрел способ воспламенения заряда посредством иглы, мгновенно проникающей во взрывчатое вещество, помещенное в патроне, а уже в 1835 г. завершил свое изобретение, сконструировав ружье, заряжающееся с казенной части, которое снабжалось механизмом с иглой, воспламеняющей заряд. Прусское правительство сразу же купило секрет изобретения, который ему удалось сохранить для себя до 1848 г., когда это изобретение стало общеизвестным. В то же время прусское правительство решило в случае войны вооружить этим оружием всю свою пехоту и приступило к массовому производству игольчатых ружей. В настоящее время ими вооружены вся линейная пехота и большая часть ландвера, а вся легкая кавалерия вооружается теперь заряжающимися с казенной части игольчатыми карабинами.

О механизме заряжания с казенной части мы можем только сказать то, что он, по-видимому, является простейшим, удобнейшим и наиболее прочным из всех, до сих пор предложенных. Он подвергался испытаниям уже в течение ряда лет, и единственным недостатком его можно считать лишь то, что этот механизм сравнительно быстро изнашивается и не может выдержать такого количества выстрелов, какое выдерживает неподвижная казенная часть ружья, заряжающегося с дула. Но это — недостаток, неизбежный для всех механизмов заряжания с казны, и необходимость несколько более частой, чем в старых образцах, замены некоторых деталей казенной части ни в коем случае не может умалить больших достоинств этого оружия.

Патрон содержит в себе пулю, порох, а также воспламеняющийся состав и вкладывается *закрытым* в камору, которая несколько шире, чем нарезной ствол. Затвор закрывается простым движением руки, и в то же самое время оружие ставится на боевой взвод. Однако снаружи никакого курка нет. Сзади заряда, в полом железном цилиндре, находится прочная остроконечная стальная игла, приводимая в действие спиральной пружиной. Постановка оружия на боевой взвод состоит в простом оттягивании этой пружины назад, сжатии ее

и крепком удержании в этом положении; когда спусковой крючок отводится назад, он освобождает пружину, которая сразу же посылает иглу вперед; последняя прокалывает патрон и, мгновенно воспламеняя взрывчатый состав, зажигает заряд. Таким образом, заряжание и производство выстрела из этого ружья состоит всего лишь из пяти движений: открывания затвора, вкладывания в него патрона, закрывания затвора, прицеливания и выстрела. Нет ничего удивительного, что из такого ружья можно произвести в минуту пять метких выстрелов.

Пуля, первоначально употреблявшаяся для стрельбы из игольчатого ружья, имела весьма неудачную форму, вследствие чего ее траектория была очень высока. Некоторое время тому назад этот дефект был успешно исправлен. Теперешняя пуля значительно длиннее и имеет форму желудя, вынутого из чашечки. Диаметр пули значительно меньше диаметра канала ствола; для того, чтобы придать пуле требуемую толщину, ее основание вставлено в своего рода чашечку, или кружок, из мягкого металла. Эта чашечка, насаженная на пулю, находясь в стволе, идет по его нарезам и таким образом придает пуле вращательное движение и в то же самое время значительно уменьшает трение в канале ствола, при этом совершенно устраняя зазор. Вследствие этого результаты стрельбы из ружья настолько улучшились, что с прицелом, при котором раньше стреляли на 600 шагов (500 ярдов), теперь стреляют на 900 шагов (750 ярдов); несомненно, это означает значительное понижение траектории.

Ничего нет более далекого от истины, чем утверждение, будто игольчатое ружье имеет очень сложную конструкцию. Детали, составляющие механизм для заряжания с казенной части и игольчатый замок, не только значительно менее многочисленны, но и значительно прочнее, чем части, составляющие обыкновенный ударный замок, который все же никто не считает слишком сложным для его использования в суровых условиях войны. Кроме того, чтобы разобрать на части обыкновенный ударный замок, требуется значительное время и разные инструменты, между тем как игольчатый замок может быть разобран и собран невероятно быстро и без помощи каких-либо иных инструментов, кроме десяти пальцев солдата. Единственная часть замка, которая подвержена ломке, это — сама игла. Но каждый солдат носит с собой запасную иглу, которую он может сразу же вставить в замок, не разбирая его на части, даже в бою. Нам также известно, что г-н Дрейзе сделал поломку иглы очень редким явлением благодаря такому усовершенствованию замка, в результате которого игла отводится

обратно на свое прежнее место тотчас же по воспламенения заряда.

Траектория современного прусского игольчатого ружья почти такая же, как и винтовки Энфилд; калибр его несколько больше калибра винтовки Энфилд. Не может быть сомнения, что с уменьшением калибра до калибра австрийского ружья, а еще лучше, до швейцарской винтовки метких стрелков, игольчатое ружье сравняется с любым из них по дальности полета пули, меткости стрельбы и отлогости траектории, между тем как его другие огромные преимущества будут сохранены. Механизм для заряжания с казенной части может быть сделан даже еще более прочным, чем теперь, а центр тяжести ружья может быть перенесен еще ближе к плечу прицеливающегося солдата.

Введение в армии оружия, обладающего такой скорострельностью, естественно вызывает, особенно у народа, столь склонного к теоретизированию, как северогерманцы, много разных предположений о том, какие изменения внесет это оружие в тактику. Не было конца спорам о так называемой революции в тактике, которую будто бы произведет игольчатое ружье. В Пруссии большинство военных в конце концов пришло к выводу, что против батальона, стреляющего частыми залпами из игольчатых ружей, никакая атака невозможна и что, следовательно, со штыком покончено. Если бы эта нелепая мысль восторжествовала, то игольчатое ружье принесло бы пруссакам немало жестоких поражений. К счастью, Итальянская война доказала всем, кто был способен понять, что огонь современных винтовок — не такая уж грозная опасность для мужественно атакующего батальона, и принц Фридрих-Карл Прусский воспользовался этим случаем, чтобы напомнить своим коллегам, что пассивная оборона даже при наличии хорошего вооружения всегда ведет к верному поражению. Мнение военных кругов изменилось; опять начинают понимать, что люди, а не мушкеты, будут выигрывать сражения; если же новое ружье и внесет какое-либо существенное изменение в тактику, то это будет возвращение к более широкому применению развернутых линий (где это позволяет местность) и даже к той атаке линиями, которая после того, как она обеспечила Фридриху Великому победу в большинстве сражений, была почти совершенно забыта в прусской пехоте.

VII

Сделав обзор разных систем устройства различных винтовок, находящихся на вооружении современных европейских армий, мы не можем закончить рассмотрение нашего предмета, не сказав несколько слов относительно винтовки, которая, хотя и не принята на вооружение ни в одной из армий, однако пользуется вполне заслуженной популярностью по своей удивительной меткости на дальних дистанциях. Мы имеем в виду, конечно, винтовку Уитворта.

Г-н Уитворт, если мы не ошибаемся, претендует на введение двух новых, оригинальных принципов в конструкцию своего огнестрельного оружия, а именно: шестиугольного канала ствола и механического прилегания пули к каналу. Канал ствола вместо круглого имеет по всей длине шестиугольное сечение и очень крутые нарезы или обороты, что видно по поверхности шестиугольных пуль. Сама пуля, сделанная из твердого металла, прилегает к каналу ствола с предельной точностью и не рассчитана на изменение формы под воздействием давления пороховых газов, так как шесть углов пули заставляют ее с исключительной точностью следовать по оборотам нарезов. Для того, чтобы предупредить образование зазора и смазывать канал ствола, между порохом и пулей помещается кусочек или кружочек просаленной материи; когда материя проходит вслед за пулей по направлению к дулу, сало растапливается от тепла, образующегося при взрыве.

Несмотря на несомненно прекрасные результаты, которых достиг г-н Уитворт со своей винтовкой, мы все же считаем этот принцип менее совершенным, чем принцип расширения или сжатия пули или заряжания с казенной части пулей большего диаметра, чем диаметр канала ствола. Другими словами, мы думаем, что винтовка с расширяющейся или сжимающейся пулей или ружье, сконструированное по системе прусского

игольчатого ружья, имели бы превосходство над винтовкой Уитворта, если бы мастерство их изготовления было одинаково высоким, калибр так же мал и все прочие условия одинаково соблюдены. Как бы ни было точно механическое прилегание пули г-на Уитворта, она все же не может прилегать с такой же точностью, как пуля, изменяющая свою форму в момент и после воспламенения. Его винтовка с твердой пулей имеет то, чего следует вообще полностью избегать в винтовках, а именно зазор и, как следствие этого, прорыв пороховых газов; даже растопленный жир не сможет совершенно устранить этот зазор, особенно в ружье, канал ствола которого от долгого употребления стал хотя бы незначительно шире. Существует очень точный предел для всех механических прилеганий такого рода — другими словами, прилегание должно быть свободным настолько, чтобы пуля проходила легко и быстро вниз по каналу даже после производства нескольких десятков выстрелов. Следствием является то, что шестиугольные пули прилегают, но неплотно, и хотя мы точно не знаем величины зазора, но тот факт, что пуля, обернутая бумажкой, проходит вниз по стволу очень легко без всякой смазки, заставляет предполагать, что зазор немногим меньше (если он вообще меньше), чем у пули Энфилд, у которой он равен 0,01 дюйма. Г-н Уитворт, изобретая свою винтовку, видимо, руководствовался преимущественно двумя задачами: во-первых, уничтожить всякую возможность засорения нарезов и, во-вторых, совершенно уничтожить случайности, которые могут препятствовать движению цилиндрической пули по нарезам, — такие случайности действительно препятствуют как расширению, так и сжатию пули, — предварительно подогнав форму пули к форме канала ствола. Засорение нарезов частицами свинца, отрывающимися от пули, может иметь место у *всех* винтовок с мягкими свинцовыми пулями; случайности, препятствующие пуле правильно идти по нарезам, могут иметь место у ружей как со сжимающимися, так и с расширяющимися пулями, но не у заряжающихся с казенной части ружей прусского образца. Ни одно из этих затруднений, однако, не является настолько значительным, чтобы его нельзя было преодолеть и чтобы в целях избежания этих затруднений надо было жертвовать основным принципом устройства винтовки, состоящим в том, что пуля должна проходить по нарезам, не оставляя никакого зазора.

Говоря так, мы опираемся на высокий авторитет, а именно на самого г-на Уитворта. Нам известно, что г-н Уитворт отказался от своего принципа механического прилегания, поскольку

это касалось его винтовки, и что в настоящее время большинство стреляет из его винтовки не твердой, плотной шестигранной пулей, а мягкой свинцовой цилиндрической пулей. Эта пуля — полая в своем основании, наподобие пули Энфилд, но без втулки; она очень длинна (одна, весом в 480 гран, в три раза длиннее своего диаметра, другая, весом в 530 гран, в три с половиной раза длиннее своего диаметра) и *вдавливается в нарезы силой пороховых газов, образующихся при взрыве.* Итак, мы видим, что принцип *механического прилегания* пули г-на Уитворта совершенно оставлен во имя принципа *расширения,* и винтовка Уитворта стала одной из разновидностей винтовки Минье, совершенно так же, как это когда-то было с винтовкой Энфилд. Остается шестиугольный канал ствола; но насколько он будет пригоден для ружья с расширяющейся пулей?

Шестиугольный канал ствола имеет, конечно, шесть нарезов, а мы видели, что для расширяющихся пуль четное число нарезов было признано менее пригодным, чем нечетное, так как нежелательно, чтобы два нареза были диаметрально противоположны друг другу. Нарезы у большинства ружей с расширяющимися пулями очень неглубоки; так, например, у винтовки Энфилд они едва заметны. В шестиугольнике разница между диаметром внутреннего круга (представляющего собственно канал) и диаметром внешнего круга (проведенного через шесть углов) составляет около двух тринадцатых внутреннего круга или немногим менее одной шестой его части; другими словами, свинец должен расшириться примерно на одну шестую своего диаметра, прежде чем он сможет надлежащим образом войти в углы нарезов шестиугольного канала ствола. Из этого должно было бы вытекать то, что шестиугольный ствол, хотя и чрезвычайно остроумно задуманный для системы механического прилегания пули, казалось бы, не должен отвечать требованиям системы с расширяющейся пулей.

Но, как показывают результаты испытания почти каждой винтовки, он все же отвечает требованиям этой системы. Как же это могло случиться, если г-н Уитворт, отказавшись от существа своего принципа, теперь применяет принцип, к которому его винтовка не приспособлена?

Прежде всего, это объясняется высоким мастерством изготовления винтовок. Как известно, по точности изготовления мельчайших и даже микрометрических деталей г-н Уитворт не имеет соперников. Как его технические инструменты, так и его винтовки являются превосходными образцами по конструкции деталей. Взгляните на мушку на дуле его винтовки и сравните ее с мушкой винтовок других систем! Нет никакого сравнения,

а для винтовок с дальнобойностью в 1000 ярдов это является огромнейшим преимуществом.

Во-вторых, и это главное: калибр винтовки Уитворта равен 0,451 дюйма в наименьшей части канала (то, что мы назвали внутренним кругом). Винтовка Энфилд имеет калибр 0,577 дюйма; швейцарская винтовка метких стрелков, о которой мы не раз упоминали как о ружье, дающем самую отлогую траекторию, имеет калибр 0,413 дюйма. Теперь обратите внимание на различие форм пули. Расширяющаяся пуля Уитворта в 530 гран почти на три восьмых дюйма длиннее пули Энфилд, имеющей тот же вес; в то время как первая в три с половиной раза длиннее своего диаметра, вторая едва только вдвое длиннее своего диаметра. Очевидно, что при одинаковом весе и при одинаковом заряде легче преодолевать сопротивление воздуха, то есть давать более отлогую траекторию будет та пуля, которая тоньше и длиннее, чем та, которая короче и толще. Далее, заряд пороха у винтовки Энфилд весит 68 гран; для винтовки Уитворта употребляются заряды в 60, 70 и 80 гран, но хорошие стрелки, которые пользовались этой винтовкой, нам говорили, что для того, чтобы заставить пулю достаточно расшириться и дать хорошие результаты стрельбы на большую дистанцию, требуется 80 гран. Итак, заряд для винтовки Уитворта на одну шестую больше, чем для винтовки Энфилд; и этот заряд должен действовать лучше (даже при одинаковом весе), так как он воспламеняется в более ограниченном пространстве и действует на значительно меньшую поверхность пули.

Здесь, следовательно, мы имеем другой пример огромного преимущества малого калибра, дающего длинную тонкую остроконечную пулю. Любой из наших читателей, кто внимательно следил за исследованием преимуществ различных систем винтовок, должен был давно прийти к выводу, что форма пули имеет гораздо более важное значение, чем система, по которой сконструирована сама пуля или винтовка, и что для того, чтобы солдат имел легко носимую пулю лучшей формы, мы должны иметь *малый калибр канала ствола.* Именно этому вновь учит нас винтовка Уитворта.

Отсюда мы также можем сделать вывод, что при малом калибре длинное тяжелое острие пули оказывает достаточное сопротивление, чтобы позволить ее полой хвостовой части должным образом расшириться без помощи втулки. Пуля Уитворта имеет лишь небольшое углубление в своем основании, не имея втулки. Она должна расширяться по крайней мере в три раза более других расширяющихся пуль; и все же при 80 гранах пороха (которые ружье выдерживает без

особенно большой отдачи) она вполне удовлетворительно входит в нарезы.

Мы сильно сомневаемся в том, что винтовка Уитворта станет когда-либо боевым оружием; напротив, мы думаем, что шестиугольный ствол скоро совсем выйдет из употребления. Если бы волонтеры, убедившись на практике в превосходстве стрелковых данных винтовки Уитворта над нынешней винтовкой Энфилд, предложили вооружить их винтовкой Уитворта, то они, конечно, впали бы в крайность. Мы думаем, что совершенно невозможно сравнивать эти два вида оружия. Винтовка Уитворта является предметом роскоши, так как ее изготовление по крайней мере вдвое дороже, чем производство винтовки Энфилд. В своем настоящем виде она представляет собой слишком хрупкое оружие для того, чтобы дать его в руки каждому солдату; а между тем, удалите, например, ее тонкую мушку и замените ее другой, не требующей столь бережного обращения, и меткость ружья при стрельбе на дальние дистанции значительно уменьшится. Чтобы вооружить и армию, и волонтеров винтовками Уитворта, нужно сделать одно из двух: либо оставить без изменения калибр ручного оружия, принятого ныне на вооружение, но тогда винтовка Уитворта с калибром винтовки Энфилд дала бы гораздо худшие результаты, чем современная винтовка Уитворта; либо уменьшить калибр, скажем, до размеров нынешней винтовки Уитворта, — но тогда очень вероятно, что и винтовка Энфилд с уменьшенным калибром, если на ее изготовление израсходовать столько же, сколько и на винтовку Уитворта, дала бы такие же хорошие, если не лучшие результаты.

VIII

В заключение перечислим вкратце различные системы винтовок, находящиеся ныне в употреблении, и те принципы, которые мы можем считать установившимися для этого вида оружия.

Имеются следующие различные системы винтовок:

1. Система забойного заряжания, при которой плотно пригнанная пуля, обернутая в пластырь, загоняется с дула сильными ударами молотка по шомполу. Это самый старый способ вдавливания пули в нарезы. В настоящее время для боевого оружия он почти нигде не применяется; наиболее важным и заслуживающим внимания исключением является новая швейцарская винтовка метких стрелков, имеющая очень малый калибр и длинную остроконечную пулю и дающая из всех существующих ныне винтовок самую отлогую траекторию. Винтовка эта предназначена для вооружения не всей массы пехоты, а лишь отборных частей, и требует аккуратного заряжания для обеспечения благоприятных результатов, которые и отличают ее от всех известных ружей.

2. Система сплющивания свободно входящей в ствол пули о какое-нибудь препятствие на дне казенной части (край суженной каморы — Дельвинь — или стержень, помещенный в середине каморы, — Тувенен), чтобы таким образом вогнать ее в нарезы. Этот способ, одно время принятый повсеместно, теперь более или менее вытесняется другими системами. В то же время заметим, что для него требуется довольно крупный калибр ружья, так как в противном случае камора будет очень узкой.

3. Система расширения свободно прилегающей продолговатой пули, полой со стороны своего основания. Пороховые газы, образующиеся при воспламенении заряда, входят в полое пространство, раздувая его, так сказать, до такой степени, чтобы

достаточно плотно пригнать пулю к каналу ствола и заставить ее идти по нарезам. Эта система в настоящее время находит повсеместное применение, и все же ее еще можно значительно усовершенствовать, как недавно показали прекрасные результаты, достигнутые г-ном Уитвортом со своей винтовкой с тех пор, как он ввел в нее принцип расширения.

4. Система сжатия пули, при которой достигается тот же самый результат посредством снабжения пули глубокими кольцеобразными желобками, позволяющими силе пороховых газов, при наличии сопротивления веса тяжелой передней части пули, сжать ее по длине и таким образом обеспечить необходимое увеличение ее в диаметре. Этот способ, хотя, видимо, и менее надежный, чем основанный на принципе расширения, дал прекрасные результаты при малых калибрах, как это уже было доказано в Швейцарии и Австрии. Но все же сжимающаяся пуля, если ею стреляют из вышеупомянутой швейцарской винтовки метких стрелков, не дает тех хороших результатов, которые получаются при стрельбе плотно пригнанной и обернутой в пластырь пулей из того же самого ружья.

5. Система заряжания с казенной части, сама по себе имеющая преимущества над всеми остальными системами винтовок в самом способе заряжания и стрельбы, в то же самое время дает наибольшую вероятность того, что пуля должным образом пойдет по нарезам, так как камора и сама пуля делаются несколько большего размера, чем остальная часть канала ствола, и, таким образом, пуля не может дойти до дула, не будучи вдавлена в нарезы. Этой системе суждено, видимо, постепенно вытеснить все остальные.

Мы не принимаем в расчет систему механической пригонки пули г-на Уитворта, так как эта система более не применяется, по крайней мере поскольку, это касается ручного стрелкового оружия, и, таким образом, мы будем иметь дело только с вышеупомянутыми системами. Если классифицировать различные системы согласно достоинствам, им присущим, то мы должны сказать, что заряжающееся с казенной части игольчатое ружье выше всех; следующей идет система расширяющихся пуль; затем уже система сжимающихся пуль. Первые же две системы можно считать вышедшими из употребления, потому что если система заряжания посредством проталкивания пули, как в Швейцарии, при одинаковом калибре и дает пока более удовлетворительные результаты, чем заряжание сжимающимися пулями, мы все же совсем не склонны приписывать эти результаты *самой системе без* предварительного тщательного изучения ее, да к тому же обернутая пластырем пуля швейцарской

винтовки метких стрелков признана непригодной для всей массы пехоты.

В то же время мы уже видели, что с введением продолговатой пули сама система устройства ружья или пули имеет лишь второстепенное значение с точки зрения обеспечения большей дальности полета, отлогой траектории и меткости стрельбы. Пока пули были сферические, система нарезов имела гораздо более важное значение, потому что тогда все пули встречали сопротивление воздуха почти при равных условиях, а большая крутизна нарезов, большая глубина или большее число желобков и т. д. играли сравнительно гораздо более существенную роль, чем теперь. Но с введением продолговатой пули появляется новый элемент. Пуля может быть длиннее или короче, причем пределы колебания довольно обширны, и теперь весь вопрос сводится к тому, какая форма пули является наиболее приемлемой. По теоретическим соображениям ясно, что одна и та же масса свинца, выбрасываемая с одинаковой начальной скоростью, лучше сохранит эту скорость в том случае, если она имеет длинную и тонкую форму, чем если она коротка и толста, предполагая, конечно, что налицо приданное пуле каналом ствола винтообразное вращение, которое предохранит ее от беспорядочного переворачивания при полете. Сопротивление воздуха является задерживающей силой; оно постепенно уменьшает начальную скорость, приданную пуле силой пороховых газов, и таким образом ведет ко все большему увеличению силы тяжести, так сказать, к большей задержке пули. Начальная скорость зависит от заряда и, в известной мере, от конструкции оружия; поэтому мы можем считать их постоянными величинами; сила тяжести также постоянна и имеет определенную величину; таким образом, остается изменяемой лишь форма пули, которую надо лучше приспособить для полета, чтобы пуля испытывала наименьшее сопротивление воздуха, а для уменьшения сопротивления атмосферы, как мы уже говорили, длинная и тонкая пуля является гораздо более пригодной, чем короткая и толстая того же веса.

Наконец, максимальный вес пули боевого оружия является также величиной известной. Солдат должен быть в состоянии носить при себе по крайней мере шестьдесят патронов, помимо своего вооружения и снаряжения. Таким образом, чтобы изготовить свинцовую пулю наилучшей формы при данном весе (скажем, в 530 гран), нужно увеличить ее длину и уменьшить толщину; другими словами, должен быть уменьшен калибр канала ствола винтовки. До известной степени это допустимо для всех систем без исключения. Посмотрите на пулю Энфилд

в 530 гран и на пулю Уитворта того же веса; одного взгляда достаточно, чтобы понять, почему пуля Уитворта имеет гораздо более отлогую траекторию (то есть гораздо лучше сохраняет свою начальную скорость) и потому легко попадает в цель на расстоянии в одну тысячу ярдов, тогда как на попадание пулей Энфилд с такой же дистанции рассчитывать нельзя. А между тем обе эти пули принадлежат к системе расширяющихся пуль, причем устройство пули Уитворта является не лучшим образцом из всех пуль, приспособленных для расширения. Или взгляните на швейцарскую стрелковую винтовку со стволом еще меньшего калибра, чем у ружья Уитворта, дающую еще лучшие результаты и еще более отлогую траекторию, независимо от того, забивается ли в него обернутая пластырем пуля при помощи шомпола, или она проходит совершенно свободно и сжимается силой пороховых газов. Или возьмите прусское игольчатое ружье; уменьшив диаметр и увеличив длину пули и вводя ее в широкий канал ствола при помощи кружка или пыжа, при том же самом прицеле, при котором раньше стреляли на 600 ярдов, теперь можно стрелять на 900 ярдов. Таким образом, мы с достаточной уверенностью можем считать установленным тот факт, что вообще эффективность огня винтовок, по какой бы системе они ни были сконструированы, является обратно пропорциональной диаметру канала ствола. Чем меньше калибр, тем лучше винтовка, и наоборот.

Этими замечаниями мы заканчиваем тему, которая, может быть, показалась многим из наших читателей довольно сухой, Тем не менее она является очень важной. Ни один сознательный солдат не должен быть в неведении относительно того, по каким принципам сконструировано его оружие и как оно должно действовать. Считается, что все, что мы попытались изложить здесь, известно унтер-офицерам большинства армий на континенте; и конечно, огромное большинство волонтеров, представляющих «разум страны», также должно хорошо знать свое огнестрельное оружие.

Написано Ф. Энгельсом в конце октября 1860 г. — первой половине января 1861 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» №№ 9, 11, 14, 15, 17, 18, 19 и 20; 3 и 17 ноября, 8, 16 и 29 декабря 1860 г. и 6, 12 и 19 января 1861 г. и в сборнике «Essays Addressed to Volunteers». Лондон, 1861 г.

Печатается по тексту сборника, сверенному с текстом журнала

Перевод с английского

К. МАРКС

НАПРЯЖЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕНЕЖНОГО РЫНКА

Лондон, 10 ноября 1860 г.

Началось то, что предсказывали уже давным-давно, — утечка золотых слитков и в связи с этим повышение учетной ставки. Вчера Английский банк поднял учетную ставку с 4% до $4^1/_2{}^0/о$. За соответствующий месяц 1859 г. банковская учетная ставка не превышала 3%, несмотря на то, что в то время имела место отправка громадного количества серебра на Восток, достигавшая 13234305 фунтов стерлингов. Очевидная цель банка заключалась в том, чтобы помешать утечке золота из своих подвалов; на 26 сентября запасы золота определялись суммой в 16255951 ф. ст., теперь же они сократились до 13897085 ф. ст., если не считать 43000 ф. ст., изъятых из банка вчера. Начиная с 26 сентября утечка непрерывно увеличивалась, пока на этой неделе не составила почти 300000 фунтов стерлингов. Значительный импорт хлеба, конечно, должен был рано или поздно привести к вывозу драгоценных металлов, но так как векселям по оплате хлеба еще не наступил срок, то наблюдающаяся ныне утечка не может быть объяснена этим, да и кроме того она происходит в тот самый момент, когда учетная ставка в Лондоне выше, чем в Париже, Амстердаме, Брюсселе и Гамбурге, и в то же время вывоз золота, как биржевая операция, не дает никаких прибылей.

Куда же в таком случае уходит золото? В подвалы Французского банка. Учетная ставка Французского банка составляет сейчас только 3 %, хотя с конца августа это предприятие потеряло около 4000000 ф. ст., между тем как его дисконтные операции за август и сентябрь увеличились почти на 3000000 фунтов стерлингов. Всякий обычный банк при таких обстоятельствах поднял бы учетную ставку, но Луи Бонапарт, опасаясь

вызвать *явное* замешательство на денежном рынке, приказывает банку закупать золото с убытком для себя и в будущем заставит его продолжать эту, несомненно, невыгодную в коммерческом отношении операцию. С другой стороны, Английский банк показал, что он не может остановить происходящую теперь утечку путем повышения процентной ставки. Вчера, например, из эмиссионного отделения банка совершенно не было изъято золото в слитках, зато из банкового департамента было извлечено значительное количество соверенов. Одним из неизбежных последствий пресловутых банковых законов сэра Роберта Пиля, изданных в 1844 и 1845 гг.[128], является то, что коммерческая публика никогда не знает действительного количества вывозимых драгоценных металлов, так как банковый департамент не публикует никаких отчетов о соверенах, извлекаемых из его сундуков.

Повышение официальной учетной ставки Английского банка, особенно если оно будет продолжаться, конечно, заставит Французский банк действовать в том же направлении и таким образом помешает Луи Бонапарту по-прежнему отдавать приказы директорам банка о закупке золота в убыток для банка для того, чтобы расстройство денежного рынка не стало явным. Однако утечка золота из Англии не будет остановлена этой вынужденной мерой, так как в надлежащее время наступит срок уплаты по хлебным векселям, и платить придется наличными деньгами.

Написано К. Марксом 10 ноября 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribunes» № 6111, 24 ноября 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЛОНТЕРЫ-САПЕРЫ, ИХ ЗНАЧЕНИЕ И ОБЛАСТЬ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С некоторых пор армия волонтеров уже располагает значительным количеством пехоты и артиллерии, а также и небольшим составом кавалерии; теперь же начинает, наконец, создаваться и последний род волонтерских войск — инженерные войска. В настоящее время вопрос о волонтерах-саперах подвергается весьма широкому обсуждению, и он вполне заслуживает такого внимания. Инженерных войск регулярной армии стало уже недостаточно для выполнения тех многочисленных обязанностей, которые возлагаются на них в метрополии и в колониях. А что же будет с ними в случае войны или ожидаемого вторжения? Многочисленные возводимые в настоящее время укрепления, которые представляют собой обширные укрепленные лагери, сооружаемые вокруг портов, потребуют тогда для своих гарнизонов значительного числа офицеров и солдат-саперов; во время войны действующая армия, пополнившись волонтерами, увеличится вдвое или втрое по сравнению с теперешней своей численностью и также будет нуждаться в известном пополнении саперами для того, чтобы получить возможность свободно действовать против неприятеля. Без значительного увеличения численности инженерных войск регулярной армии задачи этого рода войск будут выполняться недостаточно хорошо, или же нужно будет привлечь заранее подготовленных волонтеров.

Число саперов, которое должно быть придано во время войны действующей армии, в конце концов, не столь уж велико; каждому армейскому корпусу из двух дивизий (от 16 до 24 батальонов пехоты с соответствующим количеством кавалерии и артиллерии) совершенно достаточно придать три или четыре

роты. Если армия во время войны будет состоять из 40000 линейных войск, 20000 милиции и 100000 волонтеров — всего из 160000 человек, или 200 батальонов, что составит от восьми до десяти корпусов, то для них потребуется около тридцати саперных рот. Предположим, что десять рот дадут инженерные войска регулярной армии, тогда двадцать рот остается выставить волонтерам. Примерно такого же количества волонтеров-саперов было бы достаточно для помощи саперам регулярной армии при обороне укреплений портов; таким образом, при существующей численности пехоты и артиллерии волонтеров для них казалось бы достаточно примерно сорока рот волонтеров-саперов. Если бы численность волонтеров возросла в таком размере, что они составили бы во время войны более 100000 человек, не считая гарнизонов, то тогда было бы достаточно добавить одного сапера на каждые 100 человек дополнительных стрелков, что составит 200 саперов (или три роты) на каждый армейский корпус в 20000 человек.

Следовательно, в настоящее время максимальное количество инженерных войск, которое целесообразно было бы создать, составляет сорок рот или около 3000 человек. Но для того чтобы сделать их саперами не только по названию, но и на деле, потребуется много сил. Мы уже и теперь видим, что у волонтеров-артиллеристов большая часть времени посвящается ротным и батальонным строевым учениям с карабином в руках, хотя все эти занятия служат только для парадных целей и никогда не принесут им никакой пользы в действующей армии ни при обслуживании полевых орудий, ни в укреплениях. И мы опасаемся, что то же самое произойдет и с саперами. Они прежде всего должны помнить о том, что каждый час, потраченный на ротную муштру сверх того срока, который необходим, чтобы придать им воинский вид, научить быстро и с готовностью повиноваться приказам и приобрести способность совершать в полном порядке марши, является для них потерянным временем; что они должны обучаться совершенно другому и что от этого, а не от многократных прохождений церемониальным маршем, зависит их боеспособность. Им нужно ознакомиться — как солдатам, так и офицерам — с основами полевой и долговременной фортификации; они должны будут практиковаться в сооружении траншей и батарей и в устройстве и исправлении дорог. Если найдутся средства, то они должны будут строить военные мосты и даже отрывать минные галереи. Мы боимся, что некоторые из этих отраслей инженерного дела могут быть изучены только теоретически, так как в Англии мало крепостей, а также понтонов, и нельзя предполагать, что каждый волонтер

попадет в Портсмут или Чатам, чтобы изучить фортификацию или участвовать в наводке понтонного моста. Но есть другие отрасли инженерного дела, в которых может практиковаться каждая рота. Если бы здесь, в Манчестере была сформирована саперная рота, то мы могли бы показать этим саперам большое количество проселочных дорог, находящихся в таком же плохом состоянии, как и те, по которым походной колонне придется двигаться во время войны, и лица, которых это касается, были бы, весьма вероятно, только очень рады позволить саперам сколько угодно практиковаться в постройке дорог. К тому же им было бы не очень трудно найти участок земли, на котором они могли бы строить некоторые полевые укрепления, рыть траншеи и возводить батареи; особенно потому, что такой участок земли предоставил бы возможность как волонтерам-артиллеристам, так и пехотинцам практиковаться в таких областях военной службы, которые иначе они были бы не в состоянии изучить. Они могли бы даже найти места, где им позволили бы время от времени перебрасывать небольшой мост на упорах через одну из тех рек с высокими берегами в нашей местности, которые создают самые благоприятные условия для наводки таких мостов там, где дно этих рек имеет твердый грунт. Такие занятия, как и многие другие им подобные, должны составлять главное содержание практической подготовки саперов: ротное строевое обучение следует быстро провести с самого начала, а затем вернуться к нему опять лишь тогда, когда части вполне ознакомятся со своими настоящими обязанностями саперов; тогда, во время второй зимы, для строевого обучения могли бы быть с выгодой использованы вечера. Но если саперы с самого начала ставят себе целью соперничать с пехотинцами в маршировке и батальонных перестроениях в ущерб своему специальному обучению, если внимание их офицеров будет направлено больше на выполнение обязанностей пехотного офицера, чем на образование по специальности, тогда волонтеры-саперы могут быть уверены, что во время войны их будут гораздо чаще использовать как пехотинцев, чем как саперов.

Найти хорошо подготовленных офицеров будет нетрудно, если их отбирать только из числа людей, пригодных для такой деятельности, — из гражданских инженеров. Несколько месяцев теоретических занятий и поездка время от времени в Чатам, Портсмут или Олдершот очень быстро сделали бы их сведущими в большинстве отраслей военно-инженерного дела; в этом им помогло бы также военное обучение своих рот. Они будут учиться, обучая других. Собственная профессия заставляет их знать все принципы военно-инженерного дела, и так как

они *должны* быть весьма понятливыми и сведущими людьми, то применение этих принципов к военным вопросам представит для них мало трудностей.

Мы читали в «Army and Navy Gazette» статью относительно некоей огромной военно-инженерной организации, которая должна охватить все железнодорожные линии страны и в случае вторжения неприятеля принести большие результаты. Этот план преподносится общественности в чрезвычайно неопределенной форме; пока мы не видим больших преимуществ, приписываемых этому плану, и скорее склонны думать, что здесь смешаны два совершенно разных предмета. Несомненно, что чрезвычайно важно изучить стратегическое значение каждой отдельной железнодорожной линии в королевстве, так же как и всей железнодорожной сети в целом. Это настолько важно, что мы считали бы большим упущением, если бы это не было сделано уже давно и если бы в архивах Главного штаба, так же как и в архивах командующих различными округами, не находились теперь весьма пространные документы, заключающие в себе результат этого изучения. Но это обязанность штаба, а не саперов. Что касается формирования инженерных войск из машинистов, кочегаров, путеукладчиков и землекопов на каждой железнодорожной линии, то мы не видим в этом большой выгоды. У этих людей уже есть, так сказать, военная организация и более строгая дисциплина, чем в любой волонтерской части в стране. То, что, как предполагается, они будут делать в качестве волонтеров-саперов, они способны выполнять в той же мере и при своем настоящем положении. И поскольку во время войны еще более чем теперь необходимо, чтобы они оставались там, где они находятся сейчас, то совершенно бесполезно обучать их специальным отраслям военно-инженерного дела.

Эти замечания относятся к плану в том виде, как он был опубликован; если бы в будущем оказалось, что в нем содержатся иные детали, то мы, конечно, должны сохранить за собой право высказать свое мнение. Тем не менее мы позволим себе указать еще на одно преимущество, которое дает наличие в стране большого числа подготовленных инженеров. Большинство армий располагает, кроме офицеров, — саперов и минеров, — некоторым количеством офицеров-инженеров, не входящих в состав каких-либо рот и исполняющих специальные обязанности. Почему не предоставить гражданским инженерам Англии возможность самим подготовиться для этой службы? Колледж гражданских инженеров мог бы стать средством для осуществления этой цели. Несколько курсов лекций по военно-инженерному делу и короткий практический курс занятий с саперной

ротой сделали бы все, что требуется; экзамен, строго ограниченный военными предметами и только тем, что в данном случае абсолютно необходимо, мог бы стать главным испытанием для принятия в офицерский корпус волонтеров-инженеров, не входящих в состав частей; правительство, конечно, должно иметь право отстранить тех кандидатов, которые будут признаны неподходящими. Такие офицеры сослужили бы большую службу, потому что в данном случае все зависит именно от знаний офицера; и в случае необходимости они, имея под своей командой нескольких пехотинцев или артиллеристов-волонтеров, могли бы выполнять некоторые саперные работы с большим успехом, чем инженерные офицеры регулярных войск с одним или двумя отделениями линейной пехоты, выделенными им для выполнения такого же рода обязанностей.

Написано Ф, Энгельсом в конце ноября 1860 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» №№ 12 и 13; 24 ноября и 1 декабря 1860 г. и в сборнике «Essays Addressed to Volunteers». Лондон, 1861 г.

Печатается по тексту сборника, сверенному с текстом журнала

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

АВСТРИЯ. — РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Лондон, 24 декабря 1860 г.

Революция в Австрии стремительно развивается. Всего лишь два месяца тому назад Франц-Иосиф признал в своем *дипломе* от 20 октября[129], что его империя находится в состоянии революции, и, чтобы найти выход из положения, пытался подкупить Венгрию обещанием, что ее старинная конституция, в той или иной форме урезанная, будет восстановлена. Хотя диплом и был уступкой революционному движению, однако по своему замыслу он являлся одним из тех ловких маневров предательской политики, которые так характерны для австрийской дипломатии. Венгрию предполагалось купить уступками, с виду очень крупными, особенно по сравнению с ничтожными подачками немецким и славянским провинциям и с пародией на имперский парламент, создание которого намечал диплом. Но при более основательном знакомстве с этим документом его предательский характер выступает достаточно ясно, чтобы искусно задуманный маневр превратился в явную нелепость и в свидетельство беспомощности и слабости правительства перед лицом революционного движения. Дело было не только в том, что вотирование ассигнований и военного контингента должно было быть отнято у венгерского сейма и предоставлено центральному парламенту и частично даже лично императору, — как будто правительство, вынужденное за последние десять лет терпеть одну политическую обиду за другой, было еще достаточно сильно, чтобы удержать за собой эти права, отнятые у тех, кто их действительно завоевал. Ничтожность и неопределенность прав, предоставленных другим частям империи и центральному представительному учреждению, сразу доказывали при их сопо-

ставлении неискренность всего замысла. А когда были опубликованы конституции для провинций Штирии, Каринтии, Зальцбурга и Тироля — конституции, предоставляющие львиную долю мест в представительных учреждениях дворянству и духовенству и сохраняющие старые сословные различия, — когда старое министерство осталось у власти, тогда исчезли все сомнения в том, с какой целью все это было задумано. Имелось в виду успокоить Венгрию, а затем превратить ее в орудие, которое должно было помочь абсолютистской Австрии выпутаться из трудного положения; а о том, какова будет ее судьба, после того как Австрия снова станет сильной, Венгрия достаточно хорошо знает по опыту. Сам факт неограниченного и безусловного признания венгерского языка единственным официальным языком в Венгрии должен был послужить исключительно возбуждению венгерских славян, румын и немцев против мадьярской национальности. Венгерские староконсерваторы (vulgo[*] аристократы), заключившие эту сделку с императором, тем самым потеряли всякую опору у себя дома; они решили променять на это два наиболее существенных права сейма. В действительности императорский диплом никого не обманул. В то время как в немецких провинциях общественное мнение сразу же заставило старые муниципальные советы (назначенные императором после революции) открыть свои двери перед новыми людьми, которые теперь избираются народным голосованием, венгры начали восстанавливать своих старых комитатских чиновников и комитатские собрания[130], которые до 1849 г. представляли всю местную власть в стране. Так или иначе, является добрым предзнаменованием то, что оппозиционная партия сразу же овладела местными и коммунальными органами управления, а не ограничилась требованием эфемерной смены министерства и не отказалась занять важные позиции, которые были открыты перед ней в более скромной сфере деятельности. В Венгрии старинные органы местного управления, реорганизованные в 1848 г., сразу передали всю гражданскую власть в руки народа и поставили венское правительство перед альтернативой: уступить или немедленно прибегнуть к военной силе. Поэтому здесь движение, естественно, развивалось особенно быстро. По всей стране раздаются требования полного восстановления конституции с изменениями, произведенными в 1848 г., и всех законов, относительно которых тогда было достигнуто соглашение между сеймом и королем. Кроме того, выдвинуто требование немедленной отмены табачной

* — иными словами. *Ред.*

монополии (незаконно введенной после 1848 г.) и всех других законов, изданных без согласия сейма. Сбор налогов открыто объявлен незаконным до тех пор, пока они не будут вотированы сеймом; не была внесена даже третья часть причитающихся налогов; молодых людей, призванных в армию, убеждали сопротивляться набору или укрываться от него; срывали имперских орлов, и — что хуже всего— в этот переходный период правительство было бессильно бороться с начавшимся волнением. Всюду, где созывались комитатские собрания, они единодушно поддерживали эти требования; а съезд венгерских нотаблей, собравшийся в Гране под председательством примаса Венгрии с целью предложить правительству основные принципы выборов в сейм, почти без обсуждения единогласно заявил, что демократический избирательный закон 1848 г. остается в силе.

Это превосходило то, чего ожидали староконсерваторы, когда они шли на компромисс с императором. Они были совершенно «debordes»*. Революционные волны грозили потопить их. Само правительство понимало, что необходимо что-то предпринять. Но что мог предпринять венский кабинет?

Попытка подкупить Венгрию была накануне полного краха. Что, если кабинет теперь попытается подкупить немцев? Они никогда не пользовались такими правами как венгры и, может быть, удовольствуются меньшим. Чтобы существовать, австрийская монархия должна поочередно натравливать друг против друга различные подвластные ей национальности. Славяне могут быть пущены в ход лишь в крайнем случае: они слишком связаны с Россией панславистской агитацией; значит, надо использовать немцев. Граф Голуховский, ненавистный польский аристократ (ренегат, предавший дело Польши и перешедший на службу Австрии), был принесен в жертву, и кавалер фон Шмерлинг был назначен министром внутренних дел. Он был министром эфемерной Германской империи в 1848 г., а затем австрийским министром; с этого поста он ушел, когда была окончательно упразднена конституция 1849 года. Он слыл конституционалистом. Но и тут опять было проявлено столько колебаний и нерешительности, прежде чем он был окончательно приглашен на этот пост, что весь эффект снова был потерян. Спрашивали, что может сделать Шмерлинг, если все остальные министры остались на своих местах? Еще до того, как он получил окончательное назначение, все надежды стали рассеиваться, и, вместо искренней уступки, его назначение явилось лишь но-

* — «захлестнуты». *Ред.*

вым доказательством слабости. Но в то время как в немецких провинциях оппозиция довольствовалась тем, что обеспечила за собой местную власть и относилась к каждому шагу правительства с нескрываемым недоверием и неудовольствием, в Венгрии движение продолжало развиваться. Еще до назначения Шмерлинга призванные к власти венгерские староконсерваторы, во главе с Сеченом и Вайем, признали невозможность сохранения своего положения; и императорское правительство вынуждено было унизиться до того, чтобы пригласить двух венгерских министров 1848 г., — которые до осени этого года были коллегами расстрелянного Баттяни, а также Кошута и Семере, — пригласить Деака и Этвеша войти в правительство, возглавляемое человеком, который раздавил Венгрию с помощью России. Они еще не назначены; атмосфера нерешительности и колебаний, препирательств из-за пустяков все еще в полном расцвете, но если они примут приглашение, они наверняка в конце концов будут назначены.

Таким образом, Франц-Иосиф вынужден делать одну уступку за другой, и если удастся добиться созыва в январе двух сеймов, одного в Пеште для Венгрии и ее областей, а другого в Вене для остальных провинций империи, то у императора будут вырваны новые уступки. Но вместо того, чтобы успокоить его подданных, каждая новая уступка все больше будет возмущать их неприкрытой фальшью, с которой эти уступки делаются. А если к этому добавить еще воспоминания прошлого — маневры венгерской эмиграции, состоящей на жалованье у Луи-Наполеона., а также то обстоятельство, что не может быть либеральной Австрии, потому что внешняя политика Австрии всегда будет реакционной и поэтому сразу же станет источником конфликтов между короной и парламентом, причем Луи-Наполеон спекулирует на этом обстоятельстве, — то вполне вероятно, что 1861 год явится свидетелем распада Австрийской империи на ее составные части.

Написано Ф. Энгельсом 24 декабря 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6152, 12 января 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДВИЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ

Оказывается, 1861 год принес еще недостаточно потрясений. На наших глазах происходит сецессионистский мятеж в Америке, восстание в Китае[131], продвижение России в Восточной и Средней Азии; мы имеем дело с восточным вопросом и его естественным порождением — французской оккупацией Сирии и Суэцкого канала; мы наблюдаем распад Австрии, причем Венгрия — на пороге открытого восстания, осаду Гаэты и узнаем об обещании Гарибальди освободить Венецию 1 марта; и последнее, но отнюдь не менее важное — делается попытка восстановить маршала Мак-Магона на престоле его предков в Ирландии[132]. Но всего этого еще недостаточно. Теперь нам обещана, кроме того, четвертая шлезвиг-гольштейнская кампания.

Датский король* в 1851 г. добровольно принял на себя известные обязательства перед Пруссией и Австрией относительно Шлезвига[133]. Он обещал, что герцогство не будет присоединено к Дании, что его представительное собрание будет существовать отдельно от датского и что обе национальности, немецкая и датская, будут пользоваться в Шлезвиге одинаковыми правами. Кроме того, были специально гарантированы права представительного собрания Гольштейна. На таких условиях союзные войска, занимавшие Гольштейн, были отозваны.

Датское правительство всячески уклонялось от выполнения своих обещаний. В Шлезвиге южная половина исключительно немецкая; в северной половине все города немецкие, в то время как сельское население говорит на испорченном датском

* — Фредерик VII. *Ред.*

диалекте; литературным языком с незапамятных времен почти повсюду был немецкий язык. С согласия населения происходил процесс германизации, который длился столетиями; поэтому, за исключением жителей самых северных пограничных округов, даже та часть крестьянства, которая говорит на датском диалекте (однако настолько отличающемся от литературного датского языка, что его легко понимают немецкие обитатели юга), понимает литературный верхненемецкий язык лучше, чем литературный датский. После 1851 г. правительство разделило этот край на датский, немецкий и смешанный округа. В немецком округе единственным официальным языком правительственных учреждений, суда, церкви и школы был объявлен немецкий язык, в датском округе — датский. В смешанных округах за обоими языками были признаны одинаковые права. Внешне это выглядит довольно справедливо, но на самом деле при учреждении датского округа датский литературный язык был насильно навязан населению, значительное большинство которого даже не понимало его и желало лишь одного, чтобы управление, судопроизводство, воспитание, крещение и венчание осуществлялись на немецком языке. Однако правительство предприняло настоящий крестовый поход для искоренения всех следов германизма в округе, запрещая даже частное обучение в семьях на каком-либо другом языке, кроме датского; в то же время оно старалось косвенным путем обеспечить преобладание датского языка в смешанном округе. Оппозиция, вызванная этими мерами, оказалась очень бурной, и была сделана попытка подавить ее с помощью ряда актов мелочной тирании. Например, в небольшом городке Эккернфёрде был сразу наложен штраф на сумму свыше 4000 долларов за преступление, состоявшее в незаконной подаче прошения в представительное собрание; все оштрафованные лица, как *преступники,* были объявлены лишенными избирательных прав. Тем не менее население и представительное собрание оказывали и продолжают оказывать сопротивление.

В Гольштейне датское правительство оказалось не в состоянии заставить представительное собрание вотировать какие бы то ни было налоги, коль скоро правительство не шло на уступки политического или национального характера. Оно не хотело идти на уступки, но, с другой стороны, оно не хотело также лишать себя доходов герцогства. Поэтому, чтобы создать сколько-нибудь законное основание для взимания налогов с населения герцогства, правительство созвало совет королевства — собрание, лишенное всякого представительного характера, но имевшее назначение представлять собственно Данию, Шлезвиг-Гольштейн и Лауэнбург. Несмотря на то, что гольштейнцы

отказались в нем участвовать, это собрание вотировало налоги для всей монархии, и на основе решений этого собрания правительство определило налоговые ставки для Гольштейна. Таким образом, Гольштейн, который должен был стать независимым и обособленным герцогством, был лишен всякой политической независимости и подчинен собранию, являющемуся по своему составу преимущественно датским.

Основываясь на этих фактах, немецкая печать в течение последних пяти-шести лет призывает немецкие правительства принять принудительные меры в отношении Дании. Факты сами по себе, конечно, убедительные. Но немецкая печать—та печать, которой было разрешено существовать в течение реакционного периода после 1849 г., — воспользовалась шлезвиг-гольштейнским вопросом лишь как средством завоевания популярности. Конечно, было очень легко разражаться благородным негодованием против датчан, если это разрешали немецкие правительства — те правительства, которые у себя дома старались перещеголять Данию в мелочной тирании. Война против Дании стала популярным лозунгом, когда разразилась Крымская война. Требование войны против Дании раздалось снова, когда Луи-Наполеон вступил в австрийские владения Италии. Теперь-то, наконец, они полностью добьются своего. Столпы «новой эры» в Пруссии[134], до сих пор относившиеся столь сдержанно к призывам либеральной печати, в данном случае выступают в полном согласии с последней. Новый прусский король заявляет всему миру, что он должен добиться урегулирования этой старой тяжбы; дряхлое Франкфуртское собрание пускает в ход всю свою громоздкую машину ради спасения германской национальности. И что же, либеральная пресса торжествует? Нисколько! Либеральная печать теперь, когда наступил решительный час, отрекаясь от своих слов, кричит: осторожно! — уверяет, что у Германии нет флота, с помощью которого она могла бы бороться против флота морской державы, и — особенно в Пруссии — проявляет все признаки трусости. То, что несколько месяцев тому назад представлялось неотложным патриотическим долгом, вдруг изображается теперь как австрийская интрига, в которую Пруссия-де не должна впутываться.

Что неожиданный энтузиазм немецких правительств по отношению к шлезвиг-гольштейнскому вопросу менее всего является искренним — это, конечно, не подлежит сомнению. Как пишет датская газета «Dagbladet»[135]:

«Мы все знаем, что один из старых приемов немецких правительств заключается в том, чтобы вытаскивать шлезвиг-гольштейнский вопрос всякий раз, когда они чувствуют нужду в некоторой популярности, и при-

крывать свои собственные многочисленные грехи, возбуждая фанатизм против Дании».

Так, несомненно, обстояло дело в Саксонии, и до известной степени то же самое происходит теперь в Пруссии. Но в Пруссии неожиданное выдвижение этого вопроса, очевидно, означает вместе с тем союз с Австрией. Прусское правительство видит, как Австрия распадается изнутри, в то время как извне ей угрожает война с Италией. Конечно, не в интересах прусского правительства видеть Австрию уничтоженной. В то же время итальянская война, по отношению к которой Луи-Наполеон недолго будет оставаться безучастным зрителем, на этот раз вряд ли окончится, не затронув территории Германского союза, а в этом случае Пруссия обязана будет вмешаться. Затем война с Францией на Рейне несомненно будет сопровождаться войной с Данией на Эйдере, и так как прусское правительство не может допустить, чтобы Австрия была разбита, зачем ждать, пока Австрия будет опять побеждена? Почему не вмешаться в шлезвиг-гольштейнский конфликт и не заинтересовать тем самым в войне всю Северную Германию, которая не стала бы сражаться в защиту Венеции? Если таков ход мыслей прусского правительства, то он довольно логичен, но он был столь же логичен и в 1859 г., еще до того как Австрия была ослаблена поражениями при Мадженте и Сольферино и внутренними потрясениями. Почему же Пруссия в то время не поступила соответственным образом?

Нельзя с уверенностью сказать, что эта большая война произойдет ближайшей весной. Но если эта война произойдет, то, хотя ни одна из сторон не заслуживает никакой симпатии, в результате все равно произойдет революция, какая бы из сторон ни потерпела поражение. Если будет побежден Луи-Наполеон, его престол несомненно рухнет; если же потерпят поражение прусский король и австрийский император, то им придется отступить перед немецкой революцией.

Написано Ф. Энгельсом в конце января 1861 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6178, 12 февраля 1861 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ФРАНЦУЗСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ [136]

По данным «Almanach de Gotha»[137], являющегося наиболее авторитетным источником из всех, какие только можно найти по данному вопросу, во французской армии на 1860—1861 годы установлены следующие штаты военного времени:

1. *Пехота: гвардия* — двенадцать гренадерских батальонов, шестнадцать батальонов вольтижеров, два батальона зуавов, один батальон стрелков, — всего тридцать один батальон. *Линейные войска* — сто три полка, по четыре батальона в каждом, — всего четыреста двенадцать батальонов; три полка *зуавов,* два полка *иностранного легиона,* три полка *тюркосов* (или туземных алжирских стрелков), по три батальона в каждом, всего двадцать четыре батальона; *стрелков* — двадцать батальонов; *зефиров* или легких африканских (дисциплинарных) батальонов — три; pompiers (пожарных) города Парижа — один батальон.

Всего четыреста девяносто один батальон, или в военное время	515 037	чел.
2. *Кавалерия: гвардия* — шесть полков, или тридцать семь эскадронов; *линейные войска*—пятьдесят восемь полков, или триста пятьдесят восемь эскадронов, — всего триста девяносто пять эскадронов	100 221	»
3. *Артиллерия:* двадцать два полка — двести двадцать семь батарей (в том числе сто сорок шесть шестиорудийных батарей — 876 орудий — составляют полевую артиллерию)	66 007	»
4. *Инженерные войска*	15 443	»
5. *Тыловая служба:* санитарные войска, интендантство	24 561	»
6. *Жандармерия*	24 172	»
7. Штабы, инвалиды, военные школы и пр.	17 324	»
Итого	762 765	чел.

Таковы штаты военного времени. Штаты мирного времени следующие:

Пехота	255 248	чел.
Кавалерия	61 023	»
Артиллерия	39 023	»
Инженерные войска	7 467	»
Тыловая служба и т. д.	11 489	»
Жандармы, инвалиды и т. п.	41 496	»
Всего	415 746	чел.

В январе 1859 г., незадолго до начала Итальянской войны, в «Constitutionnel» было опубликовано официальное *положение о* французской армии, согласно которому штаты военного времени составляли 568000 человек, а штаты мирного времени — 433000 человек. Каким же образом оказалось возможным на протяжении двух лет увеличить штаты военного времени на 200000 человек при фактическом сокращении штатов мирного времени?

Ежегодный контингент пригодных к несению военной службы молодых людей, которым может располагать армия, равняется, как и прежде, примерно 160000 человек. Из них при Луи-Филиппе фактически призывалось от 40000 до 60000 человек, что считалось достаточным для того, чтобы поддерживать состав армии на прежнем уровне, несмотря на потери в Алжире. Позже призывалось 80000 и даже 100000 человек и более. Империя, которая означала мир[138], потребляла в 2 раза больше пушечного мяса, чем в нем нуждались конституционная монархия или республика. Срок службы установлен в 7 лет, но даже если предположить, что за последнее время призывалось ежегодно 100000 человек (что превышает среднюю цифру), это составило бы за 7 лет только 700000 человек. А если исключить отсюда потери, понесенные в походах и по другим причинам, то едва ли останется и 600000 человек. Откуда же взялись остальные 163000 человек?

Ответ на эти два вопроса содержится в последних декретах французского императора. Перед Итальянской войной полки, формировавшиеся до тех пор из трех батальонов, по восемь рот в каждом, стали формироваться из четырех батальонов, по шести рот в каждом. Таким образом, простым перераспределением двадцати четырех рот внутри полка было получено четыре батальона вместо трех. Численность батальона имеет свой максимум. Если в нем свыше 1000 человек, то он становится слишком многочисленным для того, чтобы им мог управлять голосом

один человек, и слишком громоздким для того, чтобы им можно было быстро маневрировать. Численность же роты можно изменять в значительно большей степени: будет ли в роте 100 или 250 человек, — это зависит от выбора, а не определяется необходимостью. Создание указанным выше путем четвертых батальонов с тем же числом офицеров и унтер-офицеров дало возможность, как только были найдены люди, увеличить полк до 4000 вместо 3000 человек. Во время войны полки формировались в составе трех боевых батальонов, четвертый же батальон образовывал запасную часть — депо. Таким образом, в этих четвертых батальонах ста линейных полков было найдено средство для того, чтобы зачислить в состав армии на 100000 человек больше, чем могло проходить службу при том же составе кадров. После войны четвертые батальоны были расформированы, но недавно их снова восстановили. Дополнительно сформировано еще три пехотных полка (101-й, 102-й и 103-й), что дало возможность включить в состав армии еще 17000 человек. Эти новые формирования составляют 112000 человек, а 51000 человек, которых недостает при подсчете, возможно, являются той цифрой, на которую вследствие прежних потерь армия в январе 1859 г. уменьшилась по сравнению с ее полным штатным составом военного времени. Это показывает, что в настоящее время в одной только французской пехоте имеются кадры, достаточные для того, чтобы организовать громадное число людей, о которых мы говорили выше, не прибегая к новым формированиям. Но откуда взять людей для пополнения этих кадров личным составом?

За последние семь лет при регулярных наборах в армию оставались непризванными от 550000 до 600000 человек. Фактический ежегодный контингент, который подлежит призыву, составляет около 160000 человек. Ежегодный набор в худшем случае меньше этой цифры лишь на 50000 человек, а в случае надобности имеются молодые люди, которые за последние шесть лет были совершенно освобождены от военной службы благодаря тому, что вытянули льготные номера при наборе. Они могли бы составить по крайней мере около 300000, но поскольку эти люди в течение длительного времени привыкли считать себя навсегда освобожденными от воинской повинности, поскольку часть из них женилась, часть рассеялась по стране, в силу чего их трудно отыскать, их призыв в армию не вызвал бы одобрения среди населения и был бы трудно осуществим.

Откуда же Луи-Наполеон восполняет это недостающее ему число людей? Путем введения видоизмененной прусской системы резерва. Из 160000 человек, которые ежегодно могут быть при-

званы, часть, скажем — половина, используется для заполнения освободившихся мест в постоянной армии. Остальные зачисляются в списки резерва, формируются в части и обучаются первый год в течение двух месяцев, второй и третий годы — по одному месяцу. Они продолжают оставаться военнообязанными и могут быть призваны в течение семи лет так же, как и проходившие службу в линейных войсках. Далее, мы имеем основание полагать, что если военные врачи не будут слишком строгими при медицинском осмотре — а во время войны они часто становятся чрезвычайно снисходительными — то ежегодный контингент в 160000 человек, пригодных к военной службе, мог бы быть при известном напряжении доведен до 200000 человек; но сейчас мы оставляем этот вопрос в стороне. Если бы ежегодный контингент был равен 160000, то в течение семи лет составилась бы армия в 1112000 человек, а за вычетом круглой цифры на потери получаем *один миллион солдат.* Таким образом, мы видим, что благодаря новой, недавно введенной системе резерва, войска Луи-Наполеона через несколько лет превзойдут то число солдат, которых готовы принять существующие части. Однако это обстоятельство тоже предусмотрено. В будущем *все* четыре батальона полка должны стать боевыми батальонами; сейчас под названием учебного батальона формируется пятый батальон, под предлогом обучения солдат, зачисленных в резерв. Эта новая организация обеспечивает возможность зачисления еще 103000 человек, увеличивая число людей, которые могут быть с успехом использованы в существующих частях или формированиях из постоянных кадров до 863000 бойцов.

Не удовлетворяясь этим, французское правительство предполагает сформировать еще один гвардейский полк и семнадцать полков линейной пехоты. Эти восемнадцать полков составят девяносто новых батальонов, или 90000 человек.

Таким образом, судя по тому, что известно даже теперь, мы уверены, что до конца текущего года французская армия будет организована таким образом, что сможет свободно вместить в своих батальонах, эскадронах и батареях не менее 953000 человек. Что же касается людей, которыми будут пополняться эти формирования, то мы видим, что около 700000 человек можно найти даже и в этом году, не прибегая к призыву людей, освобожденных в предшествующие годы. Но как только будет введена всеобщая воинская повинность для прохождения службы либо в строевых частях, либо в резерве, будет довольно легко применить тот же принцип к лицам, освобожденным от воинской повинности за последние шесть лет (Наполеон в свое время делал

это неоднократно), и тогда, без всякого сомнения, все 953000 человек скоро будут набраны.

Итак, мы видим, что этот человек, который непреднамеренно вызвал волонтерское движение, отвечает на него тем, что спокойно и без шума организует миллионную армию и в то же самое время строит двадцать бронированных фрегатов — возможно, для того чтобы сопровождать часть этой армии через Ла-Манш.

Написано Ф. Энгельсом в конце января 1861 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» № 22, 2 февраля 1861 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

МАРШАЛ БЮЖО О МОРАЛЬНОМ ФАКТОРЕ В БОЮ

Нижеследующие строки переведены из инструкции, которую написал для своих офицеров Бюжо, являвшийся в то время командиром 56-го французского полка[139]. Это, без всяких исключений, лучшее из всего, что написал когда-либо маршал Бюжо. В этой инструкции с непревзойденной в военной литературе любой страны силой и категоричностью и с такой ясностью, которую может дать лишь длительный военный опыт, сформулированы принципы ведения боя пехотой. Этим принципам французы неизменно следуют даже сейчас; они до сих пор приносили им победу над армиями, которые по установившимся за долгое время привычкам мирного времени, по-видимому, больше полагались на искусную тактику, чем на подъем морального духа солдат. Эти принципы не новы, и они отнюдь не являются исключительно французскими; но в данной работе они удачно сгруппированы и изложены хорошим, четким языком. Они вовсе не заменяют тактическое искусство, но являются весьма необходимым дополнением к нему; кроме того, большинство из них являются настолько очевидными, и, чтобы их понять, требуется так мало военных знаний, что они будут вполне доступны большей части волонтеров.

Господа! Искусство ведения войсковой частью боя оказывает могущественное влияние на исход боевых действий; благодаря ему правильные диспозиции для боя увенчиваются успехом, а при плохих диспозициях предотвращаются их самые худшие последствия. Между войсками, обладающими высоким моральным духом, энергично управляемыми, воспитанными на правильных принципах ведения боя, и войсками, организованными и обученными, как большинство европейских войск, та же разница,

что и между взрослыми и детьми. В истинности этого обстоятельства я убедился на опыте двадцати сражений. Я надеюсь, что и вы убедитесь в этом и будете всеми имеющимися у вас средствами помогать мне поднять моральное состояние и боевую подготовку 56-го полка до такого высокого уровня, чтобы никакая императорская или королевская гвардия в мире не могла и пяти минут оказывать нам сопротивление в условиях местности, одинаково благоприятных для обеих сторон.

Большинство из вас, господа, видело бои пехоты, которые представляли собой лишь робкую перестрелку с очень дальних дистанций войск, расположенных параллельно друг другу.

В ожидании победы обе стороны, по-видимому, уповали на случай, или надеялись на страх, который их пули могли внушить противнику. Они тратили миллионы патронов, но единственным результатом этого были убитые и раненые у той и другой стороны, пока какое-либо обстоятельство, большей частью не зависящее от ведущих бой войск, не заставляло одну из этих линий отступить. Войска, которые таким путем израсходовали свои боеприпасы и ряды которых сильно поредели, мало склонны предпринимать новые усилия, и свежие силы, действующие в соответствии с более правильными принципами, легко обращают их в бегство.

По-другому должна вести бой хорошо обученная пехота. Сейчас мы попытаемся установить те принципы, которые должны дать нам огромные преимущества перед пехотой всех стран Европы.

Эти принципы, господа, отнюдь не являются плодом кабинетных размышлений; они были приняты мною на основании опыта с начала испанской войны в 1808 г., и они всегда приносили мне успех в борьбе с испанцами, англичанами* и австрийцами. Я надеюсь, что вы примете их к руководству, ибо они соответствуют тому, что вы, должно быть, сами наблюдали в боях, в которых вы участвовали; вы должны сделать все возможное, чтобы привить их своим подчиненным; а когда эти принципы войдут глубоко в сознание всего полка, от барабанщиков и до командира полка, 56-й полк может считать себя непобедимым; тогда ему можно нанести поражение лишь соединенными усилиями нескольких родов войск, одновременно действующих против него, но ни в коем случае не одной пехотой, даже значительно превосходящей его по численности.

Бой имеет моральную и физическую стороны. Первая представляется мне наиболее важной; но давайте сначала разберем вторую.

Ведение огня с дальних дистанций характерно -для плохой пехоты; хорошая пехота бережет боеприпасы. Именно потому, что огонь составляет самую главную силу пехоты, она не должна зря расходовать боеприпасы, и ее нужно обучать прицеливанию с максимальной точностью. Если время для ведения огня не наступило, держите свои войска вне досягаемости оружия противника или в укрытии. Когда это время пришло, двигайтесь навстречу противнику энергично и хладнокровно, что позволит вам выполнить любые задачи. В случае, если противник, вопреки всем ожиданиям, будет стойко удерживать позиции и позволит вам подойти на очень близкое расстояние, не открывая огня, вы должны первыми дать залп и позаботиться о том, чтобы ваши солдаты всегда заряжали оружие двумя пулями для каждого выстрела. Я неоднократно добивался успеха благодаря применению стрельбы двумя пулями. В разгаре боя я могу и забыть отдать соответствующий приказ, но вы должны помнить об этом; я придаю этому большое значение. Благодаря хладнокровию и решимости, а также

* Маршал Бюжо, в чине майора или подполковника, командовал батальоном в армии маршала Сюше в Каталонии. Хорошо известно, что эта часть французских войск в Испании имела наибольший успех и удерживала свои позиции дольше всех других.

стрельбе двумя пулями, вам редко придется давать еще один залп, независимо от того, атакуете вы позицию противника или отражаете его атаку.

Тот, кто хоть немного разбирается в вопросах ведения войны, согласится с тем, что иначе и быть не может. Если вы близко подошли к противнику с заряженным оружием, когда он уже израсходовал свои боеприпасы, как он сможет оказать вам сопротивление? Его моральное состояние подорвано, ибо он испытывает страх перед залпом с ближней дистанции, который не может не быть губительным, и он отступит. Тогда-то и давайте залп, врывайтесь в ряды противника и *берите пленных* — это лучше, чем убивать. *Пока вы штыком убиваете одного человека, вы могли бы взять в плен шестерых.* Такой бой очень недорого обходится победителю; вы теряете несколько человек во время наступления, но как только вы сблизились с противником и опрокинули его, вы не несете никаких потерь. Такая тактика, господа, обеспечит вам победу, и если бы ее усвоила вся армия, она побеждала бы, какими бы плохими ни были диспозиции для боя. Последние не входят в нашу компетенцию; но когда нам указан пункт, в котором мы должны нанести удар, мы должны это сделать так, чтобы разгромить любого находящегося перед нами противника. Такова была тактика Дюге-Труэна, и своей блестящей репутацией он обязан этому методу ведения боя больше, чем всем другим своим талантам. Он близко подходил к кораблю противника, причем его пушки были заряжены, а экипаж лежал на палубе; как только его корабль касался вражеского судна, его экипаж вскакивал и открывал сильнейший огонь по палубе последнего, после чего абордаж уже не представлял трудностей.

Помимо вышеуказанных, мы должны использовать и другие средства, так как нам необходимо иметь как можно больше преимуществ. Важным вспомогательным средством будет умелое использование застрельщиков; их действия всегда должны предшествовать действиям солдат в сомкнутом строю, будь то в наступлении или в обороне. В наступлении они будут находить такие складки местности, которые нельзя было бы обнаружить наблюдением на расстоянии, и будут вести ураганный огонь по рядам противника. Это будет беспокоить противника и мешать ему точно целиться в пехоту, которая наступает развернутым строем, не ведя огня. По возможности их следует направлять в такие пункты, где *не* будет происходить решающей схватки. Если, однако, обстановка потребует, чтобы они действовали впереди наступающей линии, они должны в конечном счете отступить к ее флангам, с тем чтобы не мешать ее действиям, а затем попытаться выйти на фланги противника, чтобы деморализовать его и захватить пленных, или же они должны отойти через интервалы между батальонами, или плашмя залечь на земле, чтобы пропустить линию пехоты вперед.

Застрельщики, как и пехотинцы, находящиеся в развернутом строю, не должны зря расходовать боеприпасы. Дело не в том, чтобы просто обмениваться пулями: эти пули должны способствовать достижению успеха. Для этого, непосредственно перед атакой пехоты в развернутом строю, застрельщикам следует указать позиции, которые они должны будут занять, прежде чем открыть огонь; и как только они откроют огонь, линия пехоты пойдет в атаку. Вы понимаете, что если бы застрельщики на какой-то промежуток времени были предоставлены самим себе в непосредственной близости от войск противника, они были бы отброшены назад, и их задача не была бы выполнена; вам пришлось бы посылать им подкрепление, чтобы оттеснить застрельщиков противника, которые заставили их отступить, а это было бы уже серьезным неудобством. Поэтому крайне важно вводить застрельщиков в бой лишь a propos*; наиболее подходящим

* — своевременно. *Ред.*

моментом почти всегда будет момент атаки. Если противник еще до этого момента начнет беспокоить нас своими застрельщиками, мы их отбросим назад внезапными и короткими, но энергичными атаками. Вы наверняка заставите их отступить, если, вместо того чтобы выставить против них параллельную им линию застрельщиков, как это обычно делается, вы обойдете их с фланга или если прорвете их линию силами роты, которая будет брошена на них сосредоточенной группой. Это является следствием морального воздействия, которое я пытаюсь объяснить себе следующим образом.

Застрельщики не могут обладать той моральной силой, тем чувством сплоченности, которые являются результатом чувства локтя и единства командования. Каждый застрельщик до некоторой степени сам себе командир и принимает во внимание лишь свои собственные силы. Он видит, как на него движется бегом большая группа солдат; он слишком слаб, чтобы выстоять; он отступает. Его соседи справа и слева делают то же самое и увлекают за собой уже своих соседей, которые бегут, бессознательно подражая им или боясь быть отрезанными; они собираются вместе дальше в тылу, с тем чтобы возобновить огонь.

Наша атакующая рота не ответит на этот огонь; она либо вновь отступит, либо укроется в какой-либо складке местности. *Нет ничего более глупого, более вредного, чем эти постоянные стычки застрельщиков, которые совершенно ни к чему не приводят; вы тратите боеприпасы и изматываете своих людей, не улучшая положение, и часто в решающий момент вам будет не хватать тех средств, которые вы зря таким образом израсходовали.* Я особенно подчеркиваю этот момент, ибо пустая трата боеприпасов является наиболее крупным недостатком нашей пехоты, как и пехоты всех других стран. Во многих случаях, после получасовой стрельбы и еще до того, как достигнут какой-либо успех, вы отовсюду слышите громкие жалобы на то, что патроны кончаются; чтобы пополнить их, солдаты покидают боевой порядок, а это часто приводит к поражению. Для самого крупного сражения должно хватить шестидесяти патронов на солдата. В 1815 г. 14-й линейный полк, которым тогда командовал полковник Бюжо, вел в Альпах бой в течение восьми часов и сберег одну треть патронов. На протяжении этих восьми часов противник все время вел огонь, а 14-й полк отвечал лишь отдельными залпами, и то только тогда, когда австрийцы, переходя в атаку, находились вблизи его позиции. *Сразу же после залпа полк неизменно переходил в штыковую атаку,* и это решало исход атаки противника без дальнейшей перестрелки и беспорядочной стрельбы. Обе стороны возвращались на свои первоначальные позиции, которые были расположены очень близко одна от другой; австрийцы продолжали вести огонь, а 14-й полк воздерживался от стрельбы до новой атаки противника.

Цель этого примера заключается также в том, чтобы помочь вам усвоить и оценить правильные принципы ведения боя в обороне, а именно: всегда самим атаковать в последний решающий момент; но в обороне, как и в наступлении, имеется еще один чрезвычайно эффективный метод достижения победы, заключающийся в том, чтобы по возможности избегать ведения боя при параллельном расположении войск, при котором до некоторой степени уравниваются преимущества и исход которого может быть решен в нашу пользу только благодаря моральному превосходству и более эффективной стрельбе двумя пулями. Поэтому в решающий момент мы будем стараться охватить фланги противника. Это довольно легко осуществить при обороне на пересеченной местности. Когда противник уже полностью развернул атаку, мы направляем в колонне часть наших резервов на фланги позиции, и эти подразделения появляются в решающий момент, продви-

гаются вперед и развертываются, с тем чтобы атаковать противника с флангов; мы посылаем застрельщиков к нему в тыл, и как только каждый из батальонов или выдвинутые во фланг противника подразделения развернулись, они немедленно атакуют, чтобы не дать противнику времени сорвать атаку. Противник, атакованный одновременно с фронта и с флангов, должен быть быстро разгромлен.

Такие же методы могут быть использованы при нашем наступлении. Две небольшие колонны в этом случае двигаются за обоими флангами развернутой линии и, достаточно приблизившись к противнику, также перестраиваются в линию, удлиняя фронт своих войск и образуя нечто вроде полукруга, охватывающего линию войск противника; или же, если у вас недостаточно сил для этого, фланговые батальоны наступающей линии на ходу перестраиваются в расчлененные в глубину колонны, выходят во фланги противнику, вновь образуют линию и атакуют, а интервалы между ними занимают застрельщики. Этот маневр представляется мне весьма подходящим для достижения цели и вполне осуществимым, если командир батальона хорошо умеет определять расстояния, чтобы начать его не слишком рано и не слишком поздно. Конечно, когда ночь или пересеченная местность позволяет вам незаметно выйти во фланги противнику, этим следует воспользоваться в первую очередь.

При отходе следует расходовать боеприпасы особенно экономно. Когда вы обороняетесь путем ведения огня, вы ухудшаете свое положение, ибо нисколько не продвигаетесь ближе к месту своего назначения. Бывают обстоятельства, *когда вам даже придется бежать,* чтобы оказаться вне пределов досягаемости для противника. Часто в этом заключается единственный способ избежать уничтожения. Как много частей было уничтожено из-за того, что они совершали медленный постепенный отход, который ошибочно назывался методическим! Единственно разумный метод состоит в том, чтобы любыми средствами добиваться своей цели: при отступлении эта цель — быстро выйти за пределы досягаемости для противника, поскольку обстоятельства не позволяют вам продолжать бой; вы ни в коем случае не должны ставить себе целью из ложно понятого чувства чести ввязываться в бой, который может быть лишь гибельным для вас и из которого, как вы убедитесь, часто невозможно будет снова выпутаться. В этом случае лишь быстрое отступление является методически правильным. Пример такого отступления можно привести из жизни одного из наших величайших современных полководцев.

Во время отхода маршала Массены из Португалии маршал Ней получил приказ задержать арьергардом продвижение англичан, чтобы дать время обозу пройти дефиле. Эту задачу он выполнял со свойственной ему энергией, но так как английская армия получала подкрепление за подкреплением, удерживать занимаемый рубеж дальше было невозможно. Оставив этот рубеж, он был бы вынужден спуститься в узкую долину и вновь подняться по склону другого холма, находившегося за ней; в течение этого времени его войска находились бы под огнем противника, который, конечно, не преминул бы немедленно занять оставленную позицию. Маршал считал, что при медленном отходе он понес бы большие потери; поэтому он приказал батальонным знаменщикам, связным штаба и др. обозначить на высоте в тылу новую линию, трассировку которой должны были произвести офицеры штаба. Как только это было сделано, по его приказу батальоны перебежали долину и заняли эту линию, которая, таким образом, возникла, как бы по мановению волшебной палочки. Без этой блестящей меры предосторожности мы потеряли бы много людей, а возможно, дело закончилось бы нашим разгромом. В то же время ясно, что этот маневр неприменим, когда вам угрожает кавалерия; в таком случав нужно

отступать как можно быстрее, все время сохраняя соответствующий порядок в своих рядах.

Я неоднократно слышал утверждения людей, выдающих себя за знатоков тактики, о том, что отход следует совершать медленным шагом; этот принцип всегда казался мне порочным. Несомненно, бывают случаи, когда часть армии должна будет остановить противника, с тем чтобы обеспечить время для отхода остальных войск; но тогда вам не придется двигаться медленным шагом, вы должны будете сражаться и, очень часто, продвигаться вперед и атаковать, чтобы снова поднять моральный дух своих войск и подорвать моральный дух противника. Но когда эта часть армии выполнила свою задачу, когда цель достигнута, когда все большее сосредоточение войск противника делает невозможным продолжение боя этой частью армии, она должна вскоре отойти так быстро, как позволят обстоятельства.

Поэтому мы будем учиться отступать быстро и методически правильно, хотя и не сохраняя строя, и немедленно восстанавливать свои ряды, перестраиваться в линию беглым шагом на одном из флангов противника перевернутым или обычным строем и всегда прицеливаться с максимальной точностью.

Моральный дух всегда казался мне важнее физических сил. Вы создаете его, облагораживая душу солдата, прививая ему любовь к славе, чувство полковой чести и, прежде всего, развивая в нем патриотизм, зерно которого имеется в сердце каждого человека. Воспитав таким образом своих солдат, вы сможете легко совершать большие дела, если только вы сумели завоевать их доверие. Чтобы завоевать его, вы должны будете выполнять все свои обязанности по отношению к ним, подружиться с ними, часто беседовать с ними о войне и способах ее ведения и убедить их в том, что вы в состоянии умело руководить ими. Находясь под огнем, вы должны будете показывать им пример высокого мужества и полного хладнокровия.

Вы должны уделять особое внимание всему, что может помочь поднять мужество ваших солдат и ослабить его у противника. Именно с этой целью *56-й полк никогда не позволит, противнику атаковать его; в решающий момент он всегда возьмет инициативу боя в свои руки и атакует противника.* В обороне он будет располагаться за линией, на которой он предполагает вести бой, с тем чтобы в решающий момент выдвинуться на эту линию. В этом случае видно сильное влияние морального фактора: на стороне войск, расположенных на естественно выгодной и хорошо оборудованной позиции, все материальные преимущества; и все же размещенные здесь войска почти наверняка будут выбиты с этой позиции, если они будут ограничиваться ведением боя на месте. Можно сказать, что, как в моральном, так и в материальном отношении, *хорошая оборона всегда должна вестись наступательно.* Наступательные действия на флангах и в тылу противника почти всегда приносят результаты; даже если они ведутся лишь небольшой группой солдат, они оказывают исключительное воздействие *на моральное состояние* противника. Лучшим маневром при таких действиях является образование за флангами атакующей линии сомкнутых колонн, которые развертываются и охватывают противника, как только вы вступаете с ним в непосредственное соприкосновение. А так как такой маневр весьма действенен, вам нужно будет предостеречь своих солдат, предупредив их, что они сами могут быть атакованы таким же образом, и показав им, как уберечь себя от этого. Необходимо также предупредить их относительно возможности тревожных криков в тылу, таких как «Мы окружены!», «Мы отрезаны!» и т. п.; надо сообщить им, что замыкающие и, кроме того, подразделения отборных солдат в тылу имеют строгий приказ закалывать штыками или расстреливать всех агентов противника

или наших собственных негодных солдат, сеющих панику; что все группы противника, которые решатся угрожать нашим флангам и тылу, будут быстро уничтожены нашими резервами и что тем временем нашим солдатам следует думать лишь о том, как разгромить противника, находящегося прямо перед ними.

Улучшая *моральное состояние* своих войск, вы, далее, добиваетесь того, что ваши ряды не будут редеть за счет солдат, которые будто бы сопровождают раненых. После боя, если мы не окажемся далеко, мы должным образом позаботимся о раненых; но наша основная задача, наша первейшая обязанность — одержать победу. Раненых победившей армии никогда не бросают на произвол судьбы; раненые же армии, потерпевшей поражение, вынуждены испытывать бесчисленные бедствия. Поэтому уход за ранеными во время боя представляет собой ложное сострадание и обычно является просто маскировкой трусости. И в данном случае офицеры должны будут снова показывать пример преданности делу, отказываясь в случае ранения от всякой помощи со стороны солдат, которые должны вести бой.

Во время битвы при Аустерлице можно было видеть, как многие наши раненые из рядовых отсылали обратно в батальоны своих товарищей, которые предлагали доставить их на медицинский пункт.

Одним из лучших средств поддержания мужества солдата является блестящее поведение офицера на всех этапах боя. А если полк остановлен под артиллерийским огнем/ Они должны тогда гордо прогуливаться перед фронтом своих солдат и поддерживать их настроение веселой беседой и ободряющими словами. А если пришло время обрушиться на противника? Тогда они должны подготовить своих солдат к этому, повторить им изложенные выше принципы ведения огня и посоветовать им в рукопашном бою держаться как можно ближе друг к другу и по первому сигналу быстро собираться.

Существует одно хорошее средство помешать преждевременному открытию огня вашими солдатами; оно заключается лишь в том, что офицеры верхом на лошадях продвигаются впереди наступающей линии. «Солдаты, — может сказать командир полка, — ведь вы же не будете стрелять в своих офицеров! А я буду впереди вас до тех пор, пока не наступит время для открытия огня». Солдаты, которых таким образом ведут в бой, всегда будут храбрыми и редко будут терпеть поражение, ибо они редко встретят противника, обладающего такой твердостью духа и руководствующегося такими принципами ведения боя.

Если появляется кавалерия, необходимо напомнить солдатам о силе нашего каре, которое делает их неуязвимыми. Что касается меня, то я заявляю вам о своем искреннем желании, чтобы в первом бою, в котором мы будем участвовать, нас атаковала кавалерия — настолько я уверен в том, что это принесет славу 56-му полку.

Самым суровым испытанием для морального духа солдат является отступление. Часто говорят, что французы мало подходят для этого вида боя, а это равносильно утверждению, что французы плохие солдаты. Это абсурд. За последние сорок лет многочисленными фактами было доказано, что под руководством хороших командиров французы могут совершать блестящие отходы. Очень часто причиной неудач считали национальный характер, тогда как вину следовало бы возложить на генералов, которые давали неправильные распоряжения или были неспособны поднять моральный дух войск.

Старая пословица гласит: «Сделайся овцой, и тебя будут стричь». На время отступления вы должны сделаться львами; и после того, как вы нанесете противнику, который преследует вас по пятам, три-четыре

сильных удара, вас будут уважать. Имея даже небольшой боевой опыт ведения войны, можно легко добиться известных успехов в арьергардных боях, а это значительно содействует подъему морального духа отступающей армии, а преследующие войска делает крайне нерешительными. При отступлении вы всегда имеете возможность выбрать место боя; там вы сосредоточиваете и группируете свои войска так, чтобы было удобно охватить голову колонны противника, которая сильно растянется во время преследования. Каждому должны быть заранее точно определены его задачи, и бой должен быть быстрым и стремительным. Нельзя проявлять никакой нерешительности или колебания; голова колонны противника должна быть разгромлена, после чего вы быстро отходите, чтобы избежать боя с подкреплениями, которые будут беспрерывно прибывать.

Господа, я сказал достаточно, чтобы вы могли понять и оценить могущество морального духа. Он поднимается, когда есть уверенность в том, что офицеры знают, как вдохновить своих подчиненных; его укреплению способствуют тактичные, разумные и мужественные действия. Вы должны стараться в мирной обстановке дать своим солдатам ясное представление о том, на что вы будете способны в условиях войны. Вы достигнете этого, если не будете ограничиваться инспектированием, смотрами и скучными учениями; все это, несомненно, полезные вещи, но они не оказывают влияния на моральное состояние солдата. Вы должны беседовать со своими солдатами о наших прошлых войнах, рассказывать им о подвигах нашей храброй армии, вызывая у них желание превзойти эти подвиги, — словом, делать все, чтобы привить им любовь к славе.

Вступительные замечания написаны Ф. Энгельсом в начале февраля 1861 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» № 23, 24 и 26; 9, 16 февраля и 2 марта 1861 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ESSAYS

ADDRESSED TO VOLUNTEERS.

[Reprinted from the "Volunteer Journal for Lancashire and Cheshire."]

LONDON:
W. H. SMITH AND SON, 186, STRAND.
MANCHESTER: W. H. SMITH AND SON, 12, BROWN STREET.
1861.

Титульный лист сборника
«Essays Addressed to Volunteers»

Титульный лист сборника
«Essays Addressed to Volunteers»

ПРЕДИСЛОВИЕ К ОТДЕЛЬНОМУ ИЗДАНИЮ «СТАТЕЙ ДЛЯ ВОЛОНТЕРОВ»[140]

Помещенные ниже статьи первоначально были написаны для «Volunteer Journal for Lancashire and Cheshire» и теперь переиздаются в их настоящем виде по желанию владельцев этой газеты, которые, по-видимому, находят, что они заслуживают более широкого распространения среди волонтеров, чем может дать им периодический орган, носящий более или менее местный характер. Справедливо ли это мнение, предоставляется судить читателю.

Едва ли нужно оговаривать, что факты, изложенные в таких статьях, как статьи о винтовке, о французской легкой пехоте и т. д., не новы и не оригинальны; наоборот, эти статьи неизбежно в значительной мере представляют собой компиляцию из других источников, которые, однако, нет надобности перечислять. Единственную часть этих статей, которую можно считать оригинальной, составляют выводы автора и высказываемые им суждения.

Ф. Э.

Манчестер, 9 марта 1861 г.

Напечатано в сборнике «Essays Addressed to Volunteers». Лондон, 1861 г.

Печатается по тексту сборника

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ГЕНЕРАЛЫ-ВОЛОНТЕРЫ

Волонтерскому движению недостает одного — беспристрастной и разумной, но в то же время откровенной и искренней критики, исходящей от посторонних компетентных лиц. Волонтеры были до такой степени любимцами общества и прессы, что такая критика сделалась совершенно невозможной. Никто не стал бы прислушиваться к ней, всякий назвал бы ее несправедливой, неблагородной и несвоевременной. Недостатки в исполнении волонтерами своих обязанностей почти всегда обходили молчанием, тогда как каждую часть превозносили до небес за все то, что она выполняла более или менее удовлетворительно. Сделанные в мягком тоне замечания людей, которые были сколько-либо беспристрастными, вызывали резкое осуждение. Всюду, где им приходилось высказываться по вопросам, касающимся волонтеров, они всегда рисковали прослыть самонадеянными выскочками, если только они не были готовы расточать грубую лесть или незаслуженную похвалу. Как часто волонтеров оскорбляли глупыми льстивыми фразами о том, что они способны сражаться против любой армии в мире! Как часто им говорили, что никакая дивизия линейных войск не смогла бы действовать лучше, чем действовали они в Гайд-парке, Эдинбурге, Ньютоне или Ноусли!

Итак, отвергнув такую бессмысленную лесть, которая всегда заслуживала бы лишь осмеяния, мы вполне готовы признать, что волонтеров сначала нужно в достаточной мере испытать, прежде чем можно было бы составить правильное мнение об их подготовленности. Но время для этого уже давно прошло. Если, после почти двухлетнего существования, волонтерское движение все еще не может выдержать критики, то оно никогда не будет в состоянии выдержать ее. По нашему мнению, большие

смотры, проведенные прошлым летом, являются переходным периодом от детской стадии этого движения к его юношеской стадии. Этими смотрами волонтеры сами фактически вызывали критику, однако эта критика, за одним или двумя исключениями, не высказывалась публично теми, кто должен был бы это сделать.

Результаты отсутствия откровенной и искренней критики и расточения такой грубой лести теперь достаточно очевидны. Едва ли найдется хотя бы одна волонтерская часть, просуществовавшая 18 месяцев, которая втайне не была бы убеждена в том, что ее подготовка стоит на должном уровне. Рядовые волонтеры, пройдя лишь простейшие виды батальонных построений, установленный курс обучения рассыпному строю на ровной местности и небольшую тренировку в стрельбе из винтовок, — слишком быстро готовы заявить, что они могут справляться со всем этим с таким же успехом, как и линейные войска. А какого мнения о себе офицеры, показывает погоня за производством в капитаны, майоры и подполковники, которая происходила почти в каждой части. Всякий считал себя вполне достойным любого офицерского звания, которого ему удалось бы добиться, а так как в большинстве случаев люди, несомненно, выдвигались не по заслугам, то не следует удивляться тому, что очень часто они оказывались совсем не на месте. Благосклонные к волонтерам пресса и общество пожелали называть их действия совершенством; офицеры и солдаты настолько твердо уверовали в это, что стали смотреть на военную службу как на необычайно легкое дело. Удивительно, как еще их собственное скороспелое совершенство не привело их к мысли о том, что постоянная армия, с проходящими длительное обучение офицерами и солдатами, совсем лишняя в стране, где можно гораздо проще фабриковать прекрасных солдат по волонтерскому принципу.

Первым явным доказательством вреда, причиненного волонтерскому движению его друзьями в прессе, был показной бой на учениях, происходивших летом прошлого года в Лондоне. Несколько предприимчивых полковников из волонтеров решили, что настало время дать почувствовать своим солдатам, что представляет собой бой. Конечно, мудрецы из регулярных войск покачивали головой, но это не имело значения. Ведь эти кадровые военные относились недоброжелательно к волонтерскому движению; они завидовали волонтерам; успех смотра в Гайд-парке чуть не свел их с ума; они боялись, что учебный бой волонтеров превзойдет все то, чего добились когда-либо в этой области линейные войска и т. п. Разве волонтеры не прошли ружейные приемы, взводное и батальонное обучение и действия в рассыпном строю? А их офицеры, хотя они еще

недавно и были простыми штатскими, разве теперь они не опытные капитаны, майоры и полковники? Почему бы им не командовать бригадой или дивизией так же успешно, как и батальоном? Почему бы им не поиграть немножко в генералы, раз они с таким успехом действовали, обладая не столь высокими чинами?

Показной бой на маневрах прошел так, что по всем отчетам он представлял собой лишь нечто показное. Бой велся с величайшим презрением ко всем складкам местности, с очаровательным пренебрежением к действию огня и с поистине смехотворным преувеличением всех условностей, которые присущи любому учебному бою. Солдат он ничему не научил; они унесли с собой совершенно противоположное действительности представление о бое, пустой желудок и усталость в ногах. Последние два обстоятельства можно, пожалуй, считать единственными результатами учений, которые принесли какую-то пользу начинающим воинам.

Такое ребячество было простительно в детской стадии развития этого движения. Но что сказать, если к подобным попыткам возвращаются в настоящее время? Наши неутомимые лондонские генералы-волонтеры, которые сами присвоили себе это звание, снова за работой. Лавры прошлого лета не дают им покоя. Простой учебный бой обыкновенного масштаба уже не удовлетворяет их честолюбие. На этот раз должно быть проведено большое решительное сражение. Армия в составе 20000 волонтеров будет переброшена из Лондона на южное побережье, отразит вторжение и в тот же вечер возвратится в Лондон, чтобы на следующее утро приступить к своим обычным делам. Все это, как совершенно правильно замечает «Times», проводится без всякой организации, без штаба, интендантства, сухопутного транспорта, полкового обоза и даже больше — без ранцев и всех тех необходимых походных принадлежностей, которые солдат регулярной армии носит в ранце! Однако это лишь одна сторона вопроса; все это показывает только одну поразительную черту — невероятную самонадеянность, которой наши генералы-волонтеры имеют счастье обладать. «Times» не задается вопросом, как приобрести простые тактические знания и овладеть искусством вождения войск. А ведь это вопрос не меньшей важности. Обучение волонтеров до сих пор проходило только на ровной местности; но поле боя обычно вовсе не представляет собой ровную и непересеченную местность, и как раз использование пересеченной и холмистой местности составляет основу всей прикладной тактики, всего искусства расположения войск в бою. Теперь спрашивается, как же генералы, полковники и капитаны из волонтеров могут обладать

этим искусством, которому необходимо учиться как теоретически, так и практически? Где их обучали этому искусству? На эту основу прикладной тактики обращалось так мало внимания, что мы не знаем ни одной части, которая была бы обучена на практике рассыпному строю на пересеченной местности. Во что же, в таком случае, превратятся все эти попытки провести учебный бой, как не в театральное представление, которое, может быть, и удовлетворит невежественных зрителей, но будет безусловно бесполезным для людей, вынужденных участвовать в нем, и которое может только способствовать тому, чтобы придать волонтерскому движению смешной вид в глазах военных, присутствующих при таком зрелище.

К нашему удивлению, мы видим, что даже в практичном Манчестере сделана попытка сфабриковать генералов-волонтеров. Мы, несомненно, не так далеко зашли, как наши друзья лондонцы; у нас будет проведен не учебный бой, а лишь однодневные занятия в поле при участии всех манчестерских волонтеров, нечто похожее, по-видимому, на смотр в Ньютоне, причем эти занятия должны быть проведены на сравнительно ровной местности. Здесь мы хотим пояснить, что мы далеки от того, чтобы порицать эти попытки организации полевых учений; напротив, мы считаем, что полдюжины таких занятий, проводимых ежегодно, принесли бы манчестерским волонтерам большую пользу. Мы хотели бы лишь добавить, что будем считать даже желательным, чтобы эти полевые учения проходили на местности, несколько более пересеченной, с целью внесения в маневры (против воображаемого противника) большего разнообразия, а также для постепенного развития у офицеров и солдат навыков маневрировать на пересеченной местности. Такие маневры дали бы адъютантам впоследствии прекрасную возможность увязать с ними на офицерских учебных занятиях ряд практических уроков на тему о способах использования местности в бою. Таким образом, мы не только одобряем этот план, но желали бы даже увидеть его в расширенном и упорядоченном виде. Между тем, из заметки, появившейся в прошлую субботу в местной газете, мы узнаем, что на этих учениях волонтеры будут все делать своими силами. Другими словами, у них будет волонтер — главнокомандующий, волонтеры — бригадные генералы и волонтерский штаб. Здесь, таким образом, мы имеем попытку импортировать в Манчестер лондонскую систему фабрикации генералов-волонтеров, а против этого мы решительно возражаем. Относясь со всем должным уважением к офицерам, командующим полками в Манчестере, мы говорим, что им еще многому надо научиться — здесь мы не делаем

никаких исключений, — прежде чем они станут вполне подготовленными командирами батальонов. Если же они, еще не достигнув уровня, соответствующего тем обязанностям, которые они уже на себя взяли, стремятся принять на один день высшее командование, то мы утверждаем, что они тем самым причиняют величайший вред волонтерскому движению, занимаясь не чем иным, как игрой в солдатики, и низводят это движение на низшую ступень. Находясь во главе своих батальонов, они были бы на своем месте, смогли бы следить за своими солдатами и сами бы чему-нибудь научились. В качестве же поддельных генералов они не принесли бы реальной пользы ни своим солдатам, ни самим себе. Честь и слава адъютантам наших манчестерских полков: большей частью им принадлежит заслуга в том, что их полки стали такими, какими они являются в настоящее время; но их место — в своих полках, где пока без них нельзя обойтись, тогда как они не принесли бы никакой реальной пользы этим полкам, если бы хоть на один день стали разыгрывать роль адъютанта, генерала или бригадного майора, что и самим им, наверное, не дало бы особого удовлетворения.

Когда в Манчестере находится штаб северной группы войск армии с многочисленным и квалифицированным личным составом и стоят гарнизонами пехотный и кавалерийский полки, то, конечно, нет никакой надобности прибегать к таким необычайным приемам. Мы полагаем, что военной субординации и интересам самих волонтеров более соответствовало бы собираться в таком количестве и в полном вооружении, лишь предоставив командующему округом руководство, равно как и права назначать по своему усмотрению штабных и строевых офицеров дивизии и бригад. Несомненно, волонтеры были бы встречены так же подружески, как и прежде. Во главе дивизии и бригад у них были бы тогда люди, знающие свое дело и способные указать ошибки, если они будут допущены, и они также сохранили бы в целости свою собственную организацию. При этом, несомненно, исключалось бы такое положение, когда полковники действовали бы в качестве генералов, майоры — в качестве полковников, а капитаны — в качестве майоров; это принесло бы огромную пользу, так как в Манчестере не производилась бы фабрикация поддельных генералов, благодаря которой Лондон приобретает теперь незавидную славу.

Написано ф. Энгельсом в первой половине марта 1861 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» № 28, 16 марта 1861 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

БРАЙТОН И УИМБЛДОН

Действия волонтерских частей Лондона и его окрестностей в пасхальный понедельник, кажется, полностью подтвердили наши предположения, изложенные в статье «Генералы-волонтеры»[*]. Попытка лорда Раниле собрать на один день всех волонтеров своего округа под своим собственным командованием сразу же вызвала раскол между различными частями. В лице лорда Бери появился конкурирующий кандидат на пост главнокомандующего; показному бою в Брайтоне он противопоставил однодневное полевое учение в Уимблдоне. Между некоторыми частями возникли большие разногласия, и, как следствие этого, одни направились в Брайтон под начальство лорда Раниле, другие — в Уимблдон под начальство лорда Бери, третьи — в этот же пункт, но самостоятельно, некоторые— в Ричмонд, а некоторые — в Уонстед. Это рассредоточение само по себе не принесло бы никакого вреда. Каждая часть совершенно не зависит от другой и имеет право по своему усмотрению использовать свой праздник. Но эти резкие споры, личные перебранки и проявления враждебности, которые предшествовали этому расколу и которые, наверное, продлятся еще некоторое время, должны были нанести и нанесли большой вред. Офицеры стали на сторону либо одних, либо других; равным образом приняли в этом участие и их солдаты, но не всегда вместе со своими командирами, так что большинство лондонских волонтеров раскололось на две больших партии — группировки Раниле и Бери. Очень многие солдаты из частей, получивших

[*] См. настоящий том, стр. 266—270. *Ред.*

приказ отправиться в Уимблдон, появились в Брайтоне без оружия, по в форме, чтобы протестовать против решения и распоряжения своих же непосредственных начальников; а лорд Раниле, удивительно довольный этим выражением симпатии, даже сформировал из них временный батальон и, проявив изысканный военный вкус, до сих пор не встречавшийся ни в одной армии, разрешил им пройти перед ним торжественным маршем вместе с его собственными солдатами. Так, по крайней мере, сообщает «Daily Telegraph»[141].

Но какое право, спросим мы, имеют лорд Раниле или лорд Бери выдвигать самих себя в качестве кандидатов в волонтерские генералы и тем вызывать раздор между частями, действовавшими до сего времени совместно и согласованно? Оба эти офицера служили в регулярных войсках; если у них было честолюбивое желание стать генералами, то перед ними, как и перед всеми другими, был открыт обычный путь добиваться этого положения; а по своему общественному положению они имели на это в десять раз больше шансов, чем огромное большинство их товарищей. Они очень хорошо знали, когда поступали в волонтерские части, что высшим воинским званием в этих войсках является звание подполковника; что если волонтеры будут когда-нибудь призваны на действительную военную службу, то они будут сведены в бригады вместе с линейными и милиционными войсками и поставлены под командование бригадных генералов линейных войск; что сама природа английской военной организации не допускает назначения генералов из какого-либо другого вида войск, помимо линейных. Стремясь занять положение временных генералов волонтерских войск, они домогаются таких постов, на которые ни они, ни любой другой волонтерский офицер никогда не будут назначены и которые они и не способны занимать из-за отсутствия опыта в управлении большими массами войск. Но если только из-за того, чтобы в течение одного дня поиграть в генералы, они расстраивают единство между различными частями своего округа и рискуют нанести движению серьезный ущерб, то они тем более заслуживают решительного и сурового осуждения.

До сих пор при всех крупных сборах волонтеров обыкновенно пост главнокомандующего и право назначения бригадных и дивизионных генералов предоставлялись командующему войсками округа. В предыдущей статье мы говорили*, что полностью одобряем этот порядок как соответствующий военному этикету и субординации и обеспечивающий назначение знающих

* См. настоящий том, стр. 269—270. *Ред.*

свое дело командиров. Теперь мы видим, что такой порядок имеет еще большее значение. Если бы командование пасхальными сборами было поручено соответствующим военным властям, то раскола бы не произошло и можно было бы избежать всех этих пререканий. Но лондонские командиры, по-видимому, вселили в своих солдат в высшей степени нелепый страх перед Главным штабом. «Ради бога, не допускайте Главный штаб!» — взывали они. Мы на севере не проявляли такой обособленности. Мы всегда были в превосходных отношениях с нашими настоящими военными начальниками и убедились в преимуществах этого; мы надеемся также, что останется в силе прежняя система, которая избавит нас от этих смешных ссор, разъединяющих в данное время лондонские войска.

Насколько недоверчиво относились лондонцы к Главному штабу, показывает шум, вызванный присутствием в Брайтоне генерала Скарлетта, который был командирован Главным штабом для доклада о ходе маневров. Мудрецы из различных частей с самым серьезным видом покачивали головами. Посылка сюда этого генерала была попыткой Главного штаба сделать первый шаг. Предсказывались самые ужасные последствия, которые наступили бы в том случае, если бы допустили, чтобы это стало обычным делом. Волонтеры должны протестовать, и действительно было предложено заявить, что генерал Скарлетт не имеет права на салют, который полагается только лорду-наместнику графства. Вопрос был в конце концов разрешен тем, что оба они появились сразу и совместно принимали салют. Но тог факт, что такие вопросы могли быть предметом дискуссии, показывает, до какой степени неправильно некоторые волонтеры понимают свое положение.

Таким образом, мы видим, что ни в отношении дисциплины в частях, ни в отношении субординации или хотя бы уважения к старшим офицерам этот пасхальный сбор не послужил на пользу лондонским волонтерам.

Обращаясь к некоторым вопросам полевых учений, мы должны предупредить, что можем исходить только из сообщений лондонской прессы по военным вопросам, которые чрезвычайно неполны и неясны; поэтому, если у нас будут фактические ошибки, то этого нельзя поставить нам в вину.

Пять бригад лорда Раниле, пройдя церемониальным маршем, заняли позицию к востоку от Брайтона фронтом к городу. Бригады были очень небольшими, каждая насчитывала 3 батальона, в среднем по 400 человек; этими силами нужно было занять гряду холмов, которая была слишком широкой, для того чтобы удерживать ее таким небольшим количеством войск. Если

в этом случае 7000 человек принимают бой, то предполагается, что неприятель не имеет очень большого численного превосходства, так как в противном случае войска отошли бы к своим резервам. Следовательно, командир построил бы свои войска, как обычно, в первой и второй линии и в резерве, обеспечивая как можно лучше свой фланг и поручив своим резервам и главным силам (расположение которых предполагается у него в тылу) отражать любые обходные движения со стороны неприятеля. Но, как видно почти из всех сообщений, лорд Раниле растянул все свои 7000 солдат в одну-единственную линию! Его план был разработан в расчете на втрое большее количество войск, а так как вместо 20000 явилось лишь 7000 человек, то он занял этими небольшими силами фронт на протяжении всего участка, который был предназначен для ожидавшегося большего числа войск. Если действительно было сделано так, то тем самым раз навсегда решен вопрос о претензиях лорда Раниле на пост генерала, волонтерского или какого-нибудь иного. Мы меньше всего склонны думать, что он совершил столь нелепый поступок, но мы никогда не видели таких почти единодушных сообщений обычно разноречивой прессы и поэтому должны поверить, что это было именно так. Нам даже сообщили, что *имелся* небольшой резерв в составе нескольких рот, но что две трети из них были сразу отозваны в первую линию, так что на месте проводимого учения едва ли был даже и намек на вторую линию или резерв.

Эта первая линия со своей *воображаемой* второй линией и *воображаемым* резервом была атакована предполагаемым неприятелем, который был встречен огнем застрельщиков из цепи и после этого был отброшен частым огнем рот правого фланга. Почему волонтеров обучали стрельбе шеренгами во время учебного боя, трудно сказать. Мы полагаем, что все солдаты, которые побывали в боях, согласятся с нами, что стрельба шеренгами, находившая некоторое применение в те времена, когда шеренги, маршируя, двигались вперед, теперь совершенно устарела, что она никогда не может принести никакой пользы при наличии перед фронтом неприятеля и что промежуточное звено между огнем одиночных стрелков и залпом нецелесообразно.

Воображаемый противник отбросил линию обороняющихся войск. Как были изображены действия второй линии и резервов (которые, как надо в конце концов *предположить,* должны были поддержать первую линию), мы затрудняемся понять. Батальоны должны были представить себе не только то, что они были отброшены, но также и то, что им была оказана помощь. Затем была занята и оставлена вторая, находившаяся в тылу линия высот,

но на третьем рубеже местности дела приняли другой оборот, и с подходом воображаемых подкреплений противник был отбит, однако серьезному преследованию не подвергся.

«Times» сообщает нам, что передвижения носили самый несложный характер. Ниже приводится краткое сообщение, которое корреспондент «Telegraph» получил от одного офицера, как отчет о движениях его батальона:

«Прибыв в строю со вздвоенными рядами, шеренги образовали перед фронтом роты № 1 колонну с дистанцией в одну четверть; колонна стала заходить влево и снова развернулась фронтом к роте № 1, продвинулась в линейном построении, прикрываемом № 1, и остановилась, после чего был дан сигнал сбора и начали действовать застрельщики; огонь справа от рот; линия отступила, она отошла в тыл по четыре в ряд с крайнего правого фланга рот; фронт перестроился в колонну; образовал колонну с дистанцией в одну четверть позади роты № 1; колонна повзводно прошла вокруг центра; развернулась для захождения на дистанцию из тыла; зашла налево вперед, развернутая в линию, и дала залп; продвинулась в ротных колоннах справа вдоль тыла; выстроилась в шеренгу с ротой № 1; образовала колонну впереди роты № 1 с дистанцией в одну четверть, развернулась фронтом к роте № 2; затем рота № 1 продвинулась на линию фронта, и остальная часть зашла направо вперед; образовала колонну сзади роты № 1 с дистанцией в одну четверть, по четыре налево, и таким образом оставила холм».

Относительно того, как выполнялись эти передвижения, мы знаем только, что, как обычно это и случалось у волонтеров, очень часто нарушались дистанции, и роты при построении в линию выходили порознь.

В Уимблдоне лорд Гровнор рано утром проводил маневры со своим батальоном и ушел, когда прибыли две бригады лорда Бери (менее 4000 человек). Занятия, которые провели эти бригады, были очень простыми, но они очень хорошо были приспособлены для того, чтобы дать солдатам представление о действиях и перестроениях, которые будут иметь место в настоящей войне. Все это так хорошо изложено в обращении полковника Мак-Мердо, что нам придется только добавить, что и здесь мы встретились со стрельбой шеренгами, применявшейся для того, чтобы заполнить промежуток времени между отступлением застрельщиков и открытием огня залпами — прием, который мы самым решительным образом считаем ошибочным во всех отношениях. Герцог Веллингтон скорее позволил бы своим солдатам в такие моменты залечь, прижавшись к земле, чем подняться для того, чтобы попасть под огонь артиллерии и отвечать на него слабой, неэффективной и деморализующей их самих стрельбой шеренгами.

В отношении всего остального мы полностью разделяем мнение полковника Мак-Мердо, высказанное им в его великолепном

обращении, которым мы и заканчиваем эти замечания. Мы надеемся, что все волонтеры обратят внимание на то, что он говорит о ротном строевом учении, и запомнят это. Первоначальное обучение волонтеров должно быть в силу необходимости менее совершенным, чем обучение солдат регулярных войск, но тем не менее для придания батальонам устойчивости оно имеет громаднейшее значение. Только самое внимательное отношение к ротному учению может до известной степени восполнить этот неизбежный недостаток.

Полковник Мак-Мердо говорит:

«Волонтеры! Сведущим людям нет необходимости детально разъяснять те движения, которые вы производили сегодня, но я считаю необходимым обратить ваше внимание на характер тех двух позиций, которые вы занимали во время выполнения вами передвижений в поле. Первая позиция, которую вы занимали, была безусловно очень сильной позицией — настолько сильной, что две трети неприятеля не смогли бы успешно действовать. Его кавалерия не смогла бы успешно действовать, его артиллерия оказалась бы не в состоянии нанести вам вред, разве только навесным огнем. Предполагалось, что неприятель, обнаружив, что позиция является очень сильной, попытается достигнуть плато, на котором мы теперь находимся, обходя наш фланг вдоль одной из тех вытянутых в направлении к Уимблдону долин. Следовательно, вам необходимо было оставить сильную позицию, которую вы прежде удерживали, путем перемены фронта влево. Неприятель имел в виду двоякую цель. Он хотел выйти на гладкую и ровную местность, посредством чего он мог ввести в действие свою артиллерию и кавалерию, а также использовать и пехоту; он хотел также обходом вашего левого фланга выйти на уимблдонскую дорогу, по которой он мог двинуться через ваш фронт на Лондон. Я хочу указать вам на разницу между двумя позициями, которые вы удерживали. Совсем по-иному обстояло дело, когда вы расположились вдоль этого вытянувшегося в длину, трудно преодолимого гребня высоты, где вы были недосягаемы ни для кавалерии, ни для артиллерии. Там вы остановили неприятеля, и там остановило бы неприятеля любое число смелых солдат; но здесь вас поместили как бы на своеобразный биллиардный стол, где вы, возможно, могли быть поставлены под удар лучших войск в Европе. Я замечал, что некоторые батальоны здесь при построении в линию были несколько неустойчивы. Я не упрекаю их в этом, так как до сего времени они имели очень мало практики. Все же они были неустойчивы; и если они были неустойчивы сегодня при построении в линию, то что произошло бы, если бы эта равнина простреливалась огнем неприятельской артиллерии, если бы вы изнемогали от жажды, вокруг вас падали бы многие ваши товарищи и если бы внезапно, среди пыли и дыма, вы почувствовали, что сама земля сотрясается под вами от мощной атаки неприятельской кавалерии? Подумайте, как легко могли бы оказаться неустойчивыми молодые войска при таких обстоятельствах. Как же можно все это преодолеть? Дисциплиной и только дисциплиной. Под термином «дисциплина» я не имею в виду исправление дурного поведения; я подразумеваю под ним вошедшее в привычку единство, сочетание духа и тела, направленное к осуществлению определенной цели, — то сочетание духа и тела, которое приводит в действие все в целом и заставляет роту, батальон или бригаду действовать подобно машине. А этого можно достигнуть только ротным учением; этого можно достигнуть только уделяя большое внимание одиночному

обучению, так как я рассматриваю роту как определенную единицу армии, и если одиночные бойцы хорошо обучены и стойки, то и рота будет стойкой, а значит, стойкой будет и вся армия. Все, чему вы научились в ведении стрельбы, все ваше рвение, весь ваш патриотизм окажутся бесполезными в день битвы без полного знания ротного учения. Помочь может ротное учение, и только оно, и поэтому я прошу вас подумать над тем, что отличная стрельба — это еще не все, что вам ничто не поможет до тех пор, пока вы не приобретете абсолютной устойчивости в строю под огнем неприятеля. Джентльмены, вам выпала сегодня тяжелая работа на мокрой земле, и поэтому я не хочу вас больше задерживать, предоставляя вам возможность разойтись по домам, которые вы так успешно способны защищать».

Написано Ф. Энгельсом около 4 апреля 1861 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» № 31, 6 апреля 1861 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

РОТНОЕ СТРОЕВОЕ УЧЕНИЕ

В предпоследнем номере нашего журнала мы обратили особое внимание волонтеров на замечания полковника Мак-Мердо о ротном строевом учении*. Теперь мы вновь возвращаемся к этому вопросу, полагая, что настало время, когда каждый стрелок в стране должен в полной мере оценить важность ротного строевого учения.

На днях нам представился случай наблюдать батальонное строевое учение одной волонтерской части, которая, в общем, стоит безусловно выше среднего уровня среди войск нашего округа в отношении соответствующего числа бойцов, хорошей посещаемости учений, внимательного отношения к службе со стороны офицеров и, следовательно, боеспособности в целом. К нашему большому удивлению, мы обнаружили очень небольшие успехи по сравнению с тем, что мы наблюдали в этой же части около шести месяцев тому назад. Батальонные построения производились несколько лучше, чем в конце прошлого сезона, но ружейные приемы и взводные построения производились очень небрежно. Даже выполняя прием с оружием «па плечо», каждый волонтер, казалось, действовал так, точно совершенно не сознавал, что он должен действовать согласованно с четырьмястами людей, находящимися от него справа, слева и сзади. При изготовке и прицеливании каждая винтовка, казалось, гордилась тем, что принимала нужное положение независимо от ее соседей; и, в общем, спокойное пренебрежение к счету «раз-два!» или «раз-два-три!», которым должно характеризоваться вы-

* См. настоящий том, стр. 275—277. *Ред.*

полнение каждого слова команды, было, казалось, обычным явлением.

В одном углу казарменного двора, на котором происходило ротное строевое учение, нам случайно удалось увидеть группу солдат линейного полка, построенную для строевого занятия под командой сержанта. Мы полагаем, что это была группа отстающих по строевой подготовке солдат батальона, построенных для дополнительного учения. Но какая разница! Люди стояли, как статуи, ни один сустав не двигался, пока не подавалась команда, и тогда двигались только те части тела, которые должны были выполнять команду, — остальные же оставались совершенно неподвижными. Когда команда доходила до слуха стрелков, каждое ружье двигалось одновременно с другими, каждое из движений, на которые разделялось выполнение команды, было совершенно отчетливым и производилось всеми в одно и то же время. Действительно, вся группа солдат производила движения, как один человек. Джентльменам, которые так любят хвастаться тем, что волонтеры могут выполнять все так же хорошо, как и линейные войска, не мешало бы немного познакомиться с линейными войсками; тогда они вскоре увидели бы, что между самыми лучшими волонтерами и линейным полком, обученным хуже всех других, до сих пор существует огромная разница.

Но какая польза, — могут сказать, — для волонтеров в достижении такого совершенства в строевом обучении? Они не предназначены для этого, от них нельзя этого и ожидать, да оно от них и не потребуется. Несомненно, все это совершенно правильно. Самая попытка заставить волонтеров соперничать с линейными войсками в совершенстве строевого обучения привела бы к развалу этого движения. Но волонтеры должны иметь строевую выучку, и притом такую, чтобы совместные одновременные действия стали совершенно механическими, совершенно естественными для них, чтобы все их движения и действия могли производиться совершенно уверенно, одновременно всеми и с известной долей воинской выправки. Во всех этих вопросах линейные войска останутся образцом, равняясь на который волонтеры должны будут улучшать свою выучку, а ротное строевое учение должно стать тем средством, благодаря которому только и может быть достигнута требуемая подготовка.

Возьмем обучение ружейным приемам и взводное учение. Что все винтовки в батальоне должны двигаться одновременно, согласно каждому слову поданной команды и в соответствии с установленными правилами, — это является не просто вопросом

внешнего вида. Надо полагать, что все волонтерские части сделали теперь такие успехи, что солдаты могут проделать это упражнение, не задевая друг друга и не цепляясь винтовками. Но даже независимо от этого само небрежное выполнение различных движений оказывает несомненно большое моральное влияние на обучаемый батальон. Зачем любому из этих солдат быть особенно внимательным к команде, если он видит ошибки, совершаемые справа и слева, и если винтовки двигаются вразброд вверх и вниз еще долго после того, как он уже выполнил команду? Как может солдат на левом фланге быть уверенным перед лицом неприятеля в своих товарищах, находящихся на правом фланге, если он не будет знать, что они будут заряжать винтовки, брать на изготовку и прицеливаться вместе с ним по поданной команде и снова будут готовы одновременно с ним открыть стрельбу или броситься в атаку? Больше того, всякий опытный солдат вам скажет, что привычка к таким одновременным действиям — уверенность в том, что команда офицера сопровождается двумя или тремя короткими отчетливыми звуками, которые указывают, что каждый солдат действует одновременно со своими товарищами, — имеет очень большое моральное влияние на батальон. Это доводит до сознания солдат тот факт, что они действительно составляют как бы единый организм, что они целиком находятся в руках командира, который может применить их силу без всякого промедления и с наибольшим результатом.

С другой стороны, возьмем движения больших или малых войсковых частей. До тех пор, пока каждый солдат не закрепит свою строевую выучку настолько, что всякое движение, которое от него может потребоваться, он будет выполнять по поданной команде почти механически, батальон никогда не будет уверенно передвигаться. Солдат, который должен еще рыться в памяти или ломать себе голову, чтобы понять, чего требует от него поданная команда, принесет батальону больше вреда, чем пользы. Это случится с солдатом, который в силу привычки или каких-нибудь иных причин склонен думать, что за определенными движениями обязательно следуют другие; он часто будет слышать совершенно иную команду, чем та, которую он ожидал, и тогда он, весьма вероятно, ошибется. А эти недочеты могут быть устранены только систематическими ротными строевыми занятиями. Здесь офицер сможет заставить небольшое подразделение, находящееся под его командованием, выполнить в каких-нибудь четверть часа столько различных движений и построений, сможет до такой степени разнообразить порядок перехода от одного к другому, что солдаты, никогда не знающие,

что последует дальше, быстро научатся быть внимательными и совершенно механически реагировать на команду. В батальоне все движения неизбежно выполняются медленнее и в целом, следовательно, они менее поучительны для солдат, хотя более поучительны для офицеров; но общепризнанным фактом является то, что солдаты, достигшие совершенства в ротном учении, за очень короткое время под командой хороших офицеров прекрасно изучат перестроения в составе батальона. Чем больше солдаты будут тренироваться в ротных перестроениях под руководством знающего, расторопного инструктора, тем увереннее они будут впоследствии действовать в батальоне. И нет необходимости указывать, как важна в батальоне полная четкость: залп можно дать до некоторой степени беспорядочно и все же достигнуть результата; но батальон, пришедший в замешательство при построении каре, развертывании, повороте в колонне и т. д., может быть безнадежно потерян, если перед ним находится активный и опытный неприятель.

Затем важен вопрос о дистанциях. Бесспорным является тот факт, что ни один волонтер-офицер или рядовой не имеет навыков в определении дистанции на глаз. Каждое батальонное учение показывает, как трудно офицерам сохранять правильную дистанцию при марше расчлененной или сомкнутой колонной батальона и при развертывании. При построении колонны из каре волонтеры отделений, находящихся в центре, почти всегда теряют свою дистанцию; они отступают назад слишком далеко или слишком близко, и, следовательно, захождение получается весьма неправильным. Офицеры могут научиться сохранять дистанцию только в батальоне, хотя ротные построения по взводам и отделениям и будут содействовать улучшению их подготовки; но волонтеры, чтобы научиться построению в колонну из каре (построение в высшей степени важное на виду у неприятеля), должны практиковаться в этом в своих ротах.

Нужно рассмотреть еще и другой вопрос: это вопрос о военной выправке солдат. Мы имеем в виду не только стройность, осанку и при этом все же свободное положение каждого солдата в отдельности под ружьем, но и те быстрые одновременные действия при ротных и батальонных перестроениях, которые так же необходимы всякой части при движении, как и батальону при выполнении ружейных приемов на месте. Волонтеры, кажется, бывают вполне удовлетворены, если им кое-как и удается встать на предназначенные им места приблизительно в требуемое время, включая обычно несколько секунд на передышку. Несомненно, что этот вопрос является главным,

и в первый год существования волонтерских частей всякий был бы совершенно удовлетворен этим. Но для каждого движения имеется определенный, установленный, требуемый уставом способ его выполнения, причем предполагается, что он является тем способом, при котором нужная цель может быть достигнута в возможно более короткое время и наиболее удобным путем для всех, кто выполняет это движение, и, следовательно, в полнейшем порядке. Отсюда следует вывод, что всякое отклонение от предписанного способа неизбежно связано с некоторым нарушением порядка и отсутствием согласованности и последовательности, что создает у наблюдателя не только впечатление небрежного выполнения, но и влечет за собой определенную потерю времени и заставляет солдат думать, что отдельные положения устава — это пустой вздор. Дайте какому-нибудь солдату посмотреть на волонтерскую часть, когда она движется в колонне по четыре от центра и фронта, строится поротно иди производит какое-либо другое перестроение, и он сразу увидит, какие небрежные привычки мы приобретаем. Но такие недостатки, которые могут быть терпимы в старом линейном полку, который имеет хороший фундамент основательного обучения и который можно заставить снова пройти то же обучение и освободиться от своих неторопливых манер, значительно более опасны в волонтерской части, где этот солидный фундамент детального обучения неизбежно отсутствует. Свойственная им небрежность, которую приходится терпеть вначале, когда солдаты *должны* спешно пройти весь элементарный курс обучения, будет возрастать и умножаться, если ей не будет положен предел регулярными, усердными и строгими ротными учениями. Полностью устранить такие небрежные привычки будет невозможно, но во всяком случае они могут и должны быть ограничены так, чтобы не получить дальнейшего распространения. Что касается индивидуальной выправки солдат, то она, мы полагаем, будет постепенно улучшаться, хотя мы очень сильно сомневаемся, исчезнет ли когда-нибудь этот свойственный волонтерам колеблющийся строй при шаге на месте, который замечается на всех волонтерских учениях. Мы имеем в виду определенную привычку двигать верхней частью тела при шаге на месте, присущую, кажется, всем волонтерам, которых мы когда-либо видели. Как только поднимается правая нога, поднимается также и правое плечо и опускается левое; вместе с левой ногой движется вверх и левое плечо, и таким образом весь фронт колеблется взад и вперед, подобно созревшему хлебному полю под напором яростного ветра, что мало похоже на отряд стойких солдат, готовых встретить врага.

Мы думаем, что сказали достаточно для того, чтобы привлечь внимание к этому вопросу. Каждый волонтер, который принимает волонтерское движение близко к сердцу, согласится с нами в том, что касается необходимости регулярного и усердного ротного учения; так как на первоначальное обучение волонтерских войск, позвольте нам это повторить, неизменно не обращалось должного внимания, то требуется много внимания и большая работа, чтобы до некоторой степени восполнить этот недостаток.

Написано Ф. Энгельсом в середине апреля 1861 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» № 33, 20 апреля 1861 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВИНТОВКИ И СТРЕЛЬБА ИЗ ВИНТОВОК

ВИНТОВКИ ЛАНКАСТЕР И ЭНФИЛД

Недавнее состязание между лейтенантом Уоллингером и сержантами саперных войск, о котором мы сообщали в номерах нашего журнала от 6 и 13 апреля, вновь привлекло внимание публики к качествам винтовки Ланкастер, особенно как боевого оружия военного образца. Во время состязания в Чатаме сержанты стреляли из обыкновенного военного карабина Ланкастер 577 с овальным каналом ствола, принятого на вооружение саперных войск, стоимостью около 4 фунтов стерлингов. Сравнивать такое оружие с отлично изготовленной винтовкой Уитворта стоимостью около 25 ф. ст. было бы, очевидно, неправильно. Более подходит сравнение, которое можно было бы провести между карабином Ланкастер и обыкновенной винтовкой Энфилд, так как разница в цене между этими двумя образцами оружия не столь велика, и цена винтовки Ланкастер вероятно сравнялась бы с ценой винтовки Энфилд, если бы она производилась в таких же больших количествах на правительственных заводах. Тогда остается вопрос — является ли Ланкастер лучшей из этих винтовок? Автор заметки, опубликованной в «London Review»[142], исходя из общих принципов и основываясь также на подлинном опыте, отвечает на этот вопрос утвердительно; мы обращаем внимание на следующие выдержки из его статьи на эту тему:

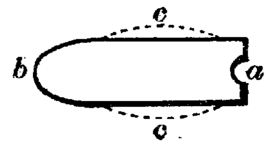
«Закон, который определяет меткость стрельбы из винтовок, очень прост. Необходимо только установить определенное соотношение между длиной и диаметром пули и придать последней достаточное вращательное движение вокруг ее продольной оси, чтобы в результате этого достигнуть безошибочной меткости стрельбы, независимо от того, каким именно способом сообщается пуле это вращательное или винтообразное движение.

Это значит, что канал ствола может иметь любое число нарезов любой формы или вовсе не иметь нарезов, но если выдержано указанное соотношение и пуля приобретает надлежащее вращательное движение, — точность стрельбы во всех случаях будет одинакова. Однако при выборе оружия, пригодного для солдата, необходимо руководствоваться прежде всего тем, что вес и длина оружия не должны превышать определенного предела, что оно должно легко заряжаться и легко чиститься. Из этого следует, что для того чтобы оружие легко заряжалось, величина поверхности, испытывающей трение во время заряжания, должна быть возможно меньше и что при выборе формы нарезов следует по возможности совершенно избегать углов. Мы не знаем другой формы, которая бы удовлетворяла этим требованиям лучше, чем овальная спираль, поскольку при такой форме канала во время заряжания имеются лишь две поверхности трения и никакая другая форма не представляет таких удобств при чистке теми скудными средствами, которыми располагает солдат в боевой обстановке. Это мнение, по-видимому, подтверждается результатами кампании в Индии и испытаниями на Мальте, в Гибралтаре и в других местах за пределами Англии. Говорят, что в Индии винтовки Энфилд совсем «отказывали» во многие критические периоды кампании. Газеты, частные письма и официальные донесения изобилуют подобными жалобами; однако с такими же боевыми припасами и в такой же обстановке винтовки с овальным каналом, которыми были вооружены саперные войска, всегда действовали безотказно, к полному удовлетворению офицеров и солдат.

Винтовка Энфилд при уменьшенном калибре и при применении удлиненной пули дает такие же хорошие результаты, как и винтовка Уитворта; все же существующая винтовка Энфилд военного образца представляет собой попытку удовлетворить невыполнимым требованиям. Офицерам, на которых было возложено конструирование этого оружия, не разрешили уменьшить его калибр ниже установленного предела. Поэтому был принят стандартный калибр в 0,577 дюйма. В результате того, что диаметр канала ствола был слишком большим, возникло неразрывно связанное с этим затруднение, а именно — трудность добиться полного и безусловного герметического прилегания пули к стенкам канала ствола при движении пули по каналу под действием взрыва пороха. Рассмотрим фактические результаты этих несовершенных условий, проявившиеся в винтовке Энфилд. Вес пули установлен в 530 гран, пороховой заряд — 70 гран, калибр, как уже сказано, равен 0,577 дюйма. Давление, создаваемое взрывом 70 гран пороха и воздействующее на большую площадь поперечного сечения пули, недостаточно и не может быть достаточным, чтобы обеспечить во всех случаях требуемое расширение пули и заполнение ею нарезов. Тщательно поставленные опыты показывают, что даже и 10% пуль не расширяются равномерно и полностью во все стороны. Иногда на пуле отчетливо заметен след только одного нареза, иногда двух, и только одна десятая общего числа выпущенных пуль расширяется полностью; отсюда — недостаточная меткость при стрельбе из боевой винтовки калибра 0,577 дюйма.

Наилучшие условия для меткой стрельбы из винтовок с нарезами *любой формы* состоят в следующем: калибр должен равняться 0,5 дюйма, длина пули — 1,12 дюйма, крутизна или шаг нарезки — 1 на 18 дюймов, заряд пороха 90—100 гран (№ 6) при том же весе пули, то есть 530 гран. При этих условиях силу, оказывающую давление на площадь поперечного сечения пули, можно считать возросшей, а следовательно, неизменно достигается надежное прилегание пули к стенкам канала, благодаря тому, что уменьшенный диаметр канала ствола позволяет увеличить длину пули, причем отпадает необходимость в деревянной втулке, применяемой для

расширения металла и имеющейся в пуле нынешнего образца. Поэтому пуля является однородной и сплошной и имеет длину около трех диаметров. При взрыве расширяющая сила пороховых газов; оказывает давление сначала на дно пули, то есть ее заднюю часть *(a),* а передача движущей силы, хотя и происходит почти мгновенно, но все же встречает сопротивление в виде vis inertiae* массы металла, из которой состоит пуля, — сопротивление, оказываемое по всей длине пули (от *a* до *b)* и усиленное встречным сопротивлением воздуха в канале ствола.

Пуля для винтовки малого калибра

С первого же взгляда ясно, что это сопротивление должно проявиться в средней части пули или в плоскости наибольшего сопротивления *(c),* а следовательно, совершенно естественно расширяясь здесь, пуля должна слегка укоротиться, примерно, скажем, на 0,1 дюйма, в то время как ее средняя часть увеличится в диаметре в достаточной мере, чтобы принять совершенно точно форму канала ствола, какова бы ни была эта форма.

Если эти более совершенные условия выполнены, то ни в одном случае из пятисот не наблюдается недостаточного расширения, пуля неизменно принимает форму канала ствола, в результате чего и достигается отличная меткость стрельбы.

Эти замечания относятся ко всем винтовкам любого образца.

Что же дают винтовке эти благоприятные условия и почему они повышают меткость стрельбы? Показав, каким образом пуля в точности принимает форму канала, постараемся проследить результаты этого. Одним из главных достижений при конструкции винтовки является получение «отлогой траектории»; это значит, что кривая, описываемая пулей во время полета, должна приближаться, насколько возможно, к прямой линии, а из этого неизбежно вытекает безусловная необходимость большой скорости, уменьшающей до минимума влияние силы тяжести, которая понижает траекторию пули во время ее полета. Первой цели добиваются уменьшением калибра, а самая высокая скорость и наибольшая меткость стрельбы достигаются при увеличении порохового заряда, воздействующего на уменьшенную- площадь поперечного сечения пули.

Относительно системы устройства нарезов из сказанного нами можно заключить, что, поскольку пуля. приобретает при вылете из ствола нужное «вращение», то, в сущности, совершенно безразлично, каким образом ей сообщается это вращение: шестиугольной ли формой канала ствола, как у винтовки Уитворта, или овальной, как у винтовки Ланкастер, или тремя нарезами, как у винтовки Энфилд. Нет необходимости и в нескольких нарезах, так как если даже *один* нарез захватывает пулю с достаточной силой, чтобы придать ей вращательное движение, — нужное условие будет достигнуто. Однако легко доказать, что некоторым системам нарезов присущи недостатки. Если нарезы образуют углы, то некоторая часть силы бывает потеряна на то, чтобы при расширении пуля заполняла и эти углы, не говоря уже о возможном прорыве газов в этих местах. Кроме

* — силы инерции. *Ред.*

того, каждый угол является слабым местом ствола; этот дефект проявляется при любом числе нарезов и пропорционален их глубине. Поэтому теоретически наилучшей формой является овальная спираль винтовки Ланкастер, имеющей такую форму, которую легче всего принимает пуля при самом незначительном ее расширении.

Что винтовка Ланкастер имеет большие достоинства, явствует из того факта, что до принятия винтовки образца Энфилд, конкурировавшего в то время с ней, она получила рекомендации четырех совершенно различных комиссий, которые отдавали ей предпочтение. Она была представлена на одобрение главнокомандующему и препровождена -последним для вынесения окончательного решения в Хант. Первый отчет офицеров тамошней стрелковой школы был весьма благоприятным, но во втором отчете они высказались в пользу винтовки Энфилд. Причина, определившая это решение, заключалась в том, что пули «срывались с нарезов». Однако впоследствии, как говорят, выяснилось следующее. Первые 10000 пуль Притчетта, с которыми производились первые испытания, были надлежащего стандартного калибра. Применение этих патронов дало отличные результаты. Во время повторных опытов использовались другие боеприпасы; первые были изготовлены в 1853, а вторые в 1854 году; при этом офицеры, производившие опытную стрельбу в Хайте, не имели представления о разнице между этими боеприпасами, так как их не осведомили о том, что диаметр пуль, изготовленных в 1854 г., был на 0,007 дюйма меньше диаметра пуль 1853 года.

Это обстоятельство обнаружилось лишь спустя полтора года после принятия окончательного решения в пользу винтовки Энфилд, когда полковник (тогда капитан) Фицрой Самерсет испытывал образец карабина с овальным каналом для саперных войск. Легко понять, что, поскольку диаметр уменьшенной пули Притчетта был меньше надлежащего стандарта, она во многих случаях, особенно при некоторой излишней твердости свинца, должна была вылетать из дула, не приобретая вращательного движения, то есть, она недостаточно расширялась, чтобы заполнить всю внутреннюю часть ствола, будь это винтовка Ланкастер или винтовка какого-либо другого образца.

Мы полагаем, едва ли кто усомнится в том, что винтовка Уитворта слишком дорога для использования ее в армии и требует более тщательного ухода, чем это возможно в боевой обстановке; поэтому следует произвести испытания винтовок Ланкастер и Энфилд или других пригодных для тяжелой службы в условиях военного времени. Однако эти испытания надо проводить не в виде стрелковых состязаний, а стрельбой с неподвижного станка, с одинаковыми пороховыми зарядами и с пулями одинакового веса и формы, так, чтобы все условия были равны и результаты испытания зависели только от качеств самого оружия».

Вышеприведенные замечания касаются двух разных вопросов: 1) каково наивыгоднейшее соотношение между диаметром и длиной продолговатой ружейной пули для стрельбы из *любой* винтовки, и 2) какими достоинствами обладает винтовка Ланкастер с овальным каналом ствола?

Что касается первого вопроса, мы далеко не согласны с автором, что размеры лучшей предложенной им пули следует предпочесть всем прочим. Винтовки, которые давали до настоящего времени лучшие результаты,— швейцарская и Уитворта — обе имеют калибр менее 0,5 дюйма и относительно большую длину пули.

Однако мы не можем входить здесь в рассуждения по вопросу столь общего характера.

Что касается второго вопроса, то мы не видим, чтобы автор приводил положительные доказательства *какого-либо* превосходства винтовки Ланкастер над винтовкой Энфилд. То обстоятельство, что карабины саперных войск «отказывали» не так часто, как пехотные винтовки Энфилд, легко объясняется тем,что во всех армиях пехота в сто раз многочисленнее, чем инженерные войска и что последние пользуются своими карабинами в сто раз реже, чем линейные части своими винтовками, так как саперные войска имеют совершенно иные задачи, чем пехота.

На примере винтовки Уитворта доказано, что длинную и с трудом расширяющуюся пулю с достаточным углублением в задней части, при полном заряде, можно заставить принять почти любую форму нарезов; здесь требуется очень большое расширение, и все же даже задняя часть пули принимает шестиугольную форму. Поэтому можно, несомненно, сделать такую пулю, которая расширялась бы достаточно для того, чтобы заполнить поперечное сечение овального канала, если разница между обоими диаметрами его не слишком велика. Но мы не понимаем, почему на этом основании можно считать, что саперный карабин лучше винтовки Энфилд. Идеальная пуля нашего автора не имеет совершенно никакого отношения к этому карабину — она не подошла бы к нему; и если даже при уменьшении калибра автор полагает, что необходим заряд, увеличенный до 90— 100 гран пороха, чтобы заставить пулю принять овальную форму канала, то мы считаем, что это весьма похоже на молчаливое признание того, что ныне принятый заряд в 70 гран *не* обеспечивает во всех случаях полного расширения пули в овальном канале саперного карабина. Наш автор не говорит о том, что произойдет с усилением отдачи при увеличенном заряде, а мы знаем, что заряд весом в 80—90 гран, как у винтовки Уитворта, вызывает довольно неприятную отдачу, которая при учащенной стрельбе очень скоро сказывается на устойчивости прицеливания.

Необычайно удачные результаты, полученные с саперным карабином на состязаниях в Чатаме, а также отличные стрельбы, проведенные с винтовкой Ланкастер некоторыми частными лицами и не раз упоминавшиеся в печати, делают весьма желательным повторение испытания качеств винтовки с овальным каналом и расширяющимися пулями и пригодности ее как боевого оружия. Со своей стороны, мы полагаем, что она также не окажется свободной от недостатков и что вопрос о системе

устройства нарезов является весьма второстепенным в отношении военного стрелкового оружия. Вместо того чтобы придираться к винтовке Энфилд из-за таких мелочей, почему бы не перейти сразу к существу дела и не сказать, что самым большим и самым важным недостатком винтовки является ее *большой калибр?* Измените его, и вы увидите, что все прочие усовершенствования будут касаться лишь деталей.

Написано Ф. Энгельсом в конце апреля 1861 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» № 35, 4 мая 1861 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОЛДЕРШОТ И ВОЛОНТЕРЫ

Герцог Кембриджский в своей речи на обеде в лондонской стрелковой бригаде сказал, что он был бы очень рад видеть волонтеров в Олдершоте. Единственное затруднение заключается, по его мнению, в том, каким образом их туда привлечь. Мы попытаемся сделать несколько предложений относительно того, как преодолеть это затруднение.

Без сомнения, не может быть и речи о посылке волонтеров в Олдершот или в любой другой лагерь целыми частями. Их состав полностью исключает такую возможность. Нет ни одной роты, а тем более батальона, в котором большинство личного состава могло бы одновременно освободиться для этой цели хотя бы на две недели.

Но если нельзя привлечь в Олдершот целые части волонтеров, то не могли бы они отправляться туда поодиночке и при этом все-таки многому научиться? Мы полагаем, что могли бы, если бы дело было поставлено так, чтобы волонтерам были предоставлены все благоприятные условия для использования этой возможности.

Мы полагаем, что значительное большинство волонтеров составляют те люди, которые время от времени могут на две недели в течение года освобождаться от своих обычных занятий. Очень многие из них регулярно пользуются такими или даже более продолжительными отпусками. Среди них наверное найдется значительное число лиц, которые не откажутся и даже, напротив, охотно согласятся по крайней мере один раз провести время и истратить свои деньги в Олдершоте, если только их там примут. Таким образом, можно было бы без всяких затруднений держать в Олдершоте от мая до конца сентября сменяющийся состав волонтеров, по численности всякий раз равный, по мень-

шей мере, хорошему батальону. Если мы можем привлечь в лагерь волонтеров, состав которых будет меняться, то каким образом это можно использовать?

Мы предлагаем выделить ряд бараков или палаток, примерно на 600 волонтеров, и назначить командиром этого волонтерского лагеря капитана или, еще лучше, майора линейных войск, дав ему в помощь адъютанта и фельдфебеля. Лагерь должен открываться, скажем, в мае, как только запишется достаточное число волонтеров; если лагерь заполнен, то дальнейших кандидатов следует допускать в том случае, если для них окажется место, причем все эти волонтеры должны быть сведены в батальон; чтобы придать волонтерам вид войска, имеющего единую форму, они должны носить поверх мундиров блузу установленного покроя и цвета. Так как, несомненно, будет избыток офицеров, то выход из этого положения только один: заставить этих офицеров временно исполнять обязанности сержантов и даже рядовых. Мы отнюдь не считаем это недостатком, напротив, мы полагали бы, что это приносит определенные выгоды. Ни один офицер-волонтер не прошел сам настолько основательно строевую выучку, чтобы временное возвращение в строй не принесло ему пользы; пусть он вспомнит, что каждому офицеру линейных войск приходится из года в год на некоторое время брать на плечо винтовку. Распределение временных офицерских должностей в батальоне организовать нетрудно: можно начать со старших из присутствующих капитанов, а затем остальные могут по очереди занимать их должности. Командиру батальона может быть предоставлена известная свобода назначения на эти должности по своему усмотрению для того, чтобы обеспечить оживленное соревнование среди присутствующих офицеров. Однако все это — вопросы, касающиеся деталей, разрешение которых не встретит больших затруднений, если к самой идее отнесутся со всей серьезностью.

Такой батальон со сменяющимся личным составом никогда не сможет достигнуть очень высокого уровня боевой подготовки, и задача командира и его помощников будет не из легких. Но во всяком случае была бы достигнута одна цель, а именно: в волонтерской армии вообще, и среди ее офицеров и унтер-офицеров в частности, было бы создано ядро из людей, которые хотя бы в течение двух недель являлись настоящими солдатами. Две недели могут показаться ничтожным сроком, однако мы не сомневаемся в том, что, покидая лагерь, каждый почувствует громадную разницу между тем, каким он был до прибытия в Олдершот и каким он стал. Существует огромная разница между обучением строю один-два раза в неделю после целого

дня, занятого разными делами, и обучением в лагере утром, днем и вечером хотя бы в течение двух недель. За эти две недели у каждого находящегося в лагере волонтера не будет других занятий, кроме военного обучения; каждый из них укрепит свое знание строя в такой мере, в какой это совершенно недостижимо при теперешних строевых учениях волонтеров, сколько бы времени они ни продолжались; кроме того, он получит гораздо большую практику в военной службе, чем он мог бы надеяться получить в своей части, если только она не будет специально выведена в лагерь. Покидая Олдершот, каждый поймет, что за эти две недели он приобрел по крайней мере столько же знаний, сколько за всю свою предшествующую службу в войсках волонтеров. Через определенный срок не будет почти ни одной роты волонтеров, в которой один или несколько человек не побывали бы в Олдершоте; и все должны понимать, насколько такое включение более подготовленных элементов повысит уверенность и военные навыки многих волонтерских частей.

Мы предположили, что продолжительность курса обучения для каждого волонтера должна составлять две недели, просто потому, что почти все могут найти способ уделить этому делу такое короткое время. Но не может быть никаких препятствий к тому, чтобы разрешить волонтерам, которые могут себе это позволить, оставаться в лагере целый месяц.

Само собой разумеется, что волонтеры должны будут содержаться в лагерях за свой собственный счет. Правительство должно предоставить палатки и лагерные принадлежности и, быть может, принять меры к снабжению продовольствием за счет волонтеров. Таким образом, почти без всяких расходов для государства обучение в лагере будет обходиться дешево и самим волонтерам, причем все будет делаться согласно правилам настоящей лагерной службы.

Мы не сомневаемся, что если этот опыт проделать хотя бы один раз, то он нашел бы живейший отклик со стороны волонтеров; батальон был бы всегда укомплектован полностью, и, может быть, вскоре возникла бы необходимость создания подобных батальонов в других лагерях или в том же самом Олдершоте. Если бы избыток офицеров оказался слишком большим, можно было бы сформировать в одном из лагерей специальный «офицерский батальон» с более продолжительным сроком пребывания, и мы полагаем, что такой батальон вполне оправдал бы себя, по крайней мере в течение одного сезона.

Однако лагеря и вообще линейные войска могут принести пользу офицерам-волонтерам и другим путем: при помощи временного прикомандирования таких офицеров к батальонам

регулярной армии. Это можно было бы сделать, не заставляя офицеров уезжать слишком далеко от дома; во время этого прикомандирования (скажем, на месяц) офицер-волонтер должен выполнять свои обязанности, как если бы он действительно служил в данном полку. Несомненно, можно было бы изыскать способ прикомандировывать к батальону одновременно хотя бы одного офицера-волонтера, нисколько не нарушая хода обычных дел и положения офицеров действительной службы, которые всегда проявляли самое лучшее отношение к волонтерам. Если бы это предложение было принято, то мы считали бы целесообразным не допускать прикомандирования к линейным войскам ни одного такого офицера-волонтера, который тем или иным путем не доказал, что он может извлечь из этого пользу, так как офицеров-волонтеров направляли бы туда не для приобретения элементарных военных знаний, а для закрепления и совершенствования знаний, уже приобретенных ими, и для изучения того, чему они не могут научиться в своих частях.

Оба наши предложения — сформирование в лагерях батальонов с переменным личным составом и разрешение прикомандировывать достаточно квалифицированных офицеров-волонтеров на месяц к линейным частям — имеют в виду главным образом подготовку офицеров. Мы снова и снова повторяем, что офицеры являются слабым местом армии волонтеров; добавим, что в настоящее время всем должно быть ясно, что с помощью существующей системы обучения волонтеров *нельзя создать подготовленного офицерского корпуса* и что поэтому необходимо найти новые способы обучения, чтобы армия волонтеров не только не ухудшалась, а наоборот, совершенствовалась.

Мы выступаем с этими предложениями только для того, чтобы привлечь внимание к этому вопросу. Мы не стремимся изложить перед читателями окончательный план, разработанный во всех подробностях, предусматривающий все возможные случаи и готовый к немедленному проведению в жизнь. Этим должны были бы заняться другие лица, если бы к этому вопросу подошли серьезно. Но мы хотим сказать, что все волонтерское движение представляло собой опыт, и если нет готовности несколько продлить этот опыт, чтобы найти верный путь к усовершенствованию новой армии, явившейся результатом этого опыта, то движение должно в конце концов зайти в тупик.

Написано Ф. Энгельсом в начале мая 1861 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» № 36, 11 мая 1861 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО И ВОЛОНТЕРЫ

Мы полагаем, что среди волонтеров всей Великобритании нигде не было проявлено большей готовности и стремления подчиняться всем приказам и распоряжениям военного министерства, занять правильную позицию по отношению к регулярной армии и направлять волонтерское движение в соответствии с требованиями военных властен, чем в Ланкашире и, наряду с другими городами, в Манчестере. Когда было отдано распоряжение обеспечить себя складами для вооружения, то оно было выполнено, хотя в большом городе это неизбежно было связано с серьезными затруднениями. Какие бы приказы ни отдавались, им повиновались немедленно и безоговорочно. Когда собралось большое количество наших волонтеров, то они предвосхитили желание герцога Кембриджского и обратились к окружным военным властям с просьбой взять на себя командование и организовать бригады. Желание достигнуть действительных результатов побудило наших ланкаширских волонтеров к благожелательной оценке всякого вмешательства правительства; они знали, что единообразие и правильная организация необходимы более всего, и смотрели на каждый циркуляр военного министерства как на шаг, направленный к обеспечению этих требований. «Volunteer Journal» с первого же номера непрестанно рекомендовал с готовностью и охотой повиноваться приказам военного министерства и разъяснял, что полное согласие между волонтерами и военными властями, как местными, так и центральными, дает большие преимущества. В то время как в других местах, особенно в Лондоне, распространялись таинственные слухи относительно пагубного влияния Главного

штаба, о попытках вмешательства со стороны властей и т. д. — такие соображения никогда, ни на один момент не оказывали на нас влияния. Мы верили в искренность заявлений главнокомандующего, военного министра и всех их подчиненных об их готовности поддерживать волонтерское движение всеми возможными способами и методами.

Но мы не можем закрывать глаза на то обстоятельство, что недавно имели место один-два незначительных факта, которые производят такое впечатление, точно и в самом деле у людей, стоящих у власти, произошла какая-то перемена во взглядах на волонтерское движение, особенно с тех пор, как лорд де Грей и Рипон перестал быть заместителем военного министра. Несколько недель тому назад — кажется, это было в духов день — лорд Раниле производил в Риджентс-парке смотр тем лондонским волонтерам, которые прибыли по его приглашению. Мы не раз резко осуждали попытки лорда Раниле играть в генералы*. Он мог бы обратиться к генеральному инспектору волонтеров полковнику Мак-Мердо с просьбой произвести смотр его волонтерам или выделить для этого другого квалифицированного офицера. Все же, уместно это было или нет, но он явился в парк со своими волонтерами; о смотре было объявлено публично, и о нем стало настолько широко известно, что собралась большая толпа зрителей. Среди этой толпы находились лица, поведение которых было в высшей степени скандальным; они сгрудились вокруг волонтеров, расстроили их шеренги, лишили их возможности производить перестроения, бросали камни, а некоторые даже, как утверждают, пытались ранить лошадей офицеров острыми предметами. Как только это началось, командовавшие волонтерами офицеры, естественно, стали разыскивать полицию, но из 6000 человек, составляющих армию сэра Ричарда Мейна, говорят, *там не было ни одного!* В результате этого из-за вмешательства толпы смотр лорда Раниле потерпел полный провал. Весьма вероятно, что если бы событиям предоставили идти своим ходом, то все дело вполне заслуженно потерпело бы такой же провал, какой неизменно терпели все предшествующие попытки лорда Раниле. В результате всего происшедшего, лорд Раниле сделался мучеником и приобрел горячие симпатии всех волонтеров.

Не может быть сомнения в том, что полное отсутствие полиции на публично объявленном смотре было не совсем случайным. В прессе отмечалось, что полиция, вероятно, имела распоряжение держаться в стороне, а мы знаем, что в Лондоне среди

* См. настоящий том, стр. 266—270 и 271—277. *Ред.*

волонтеров очень широко распространено мнение о том, что Главный штаб приложил к этому руку и что в Главном штабе хотят подорвать волонтерское движение всеми возможными способами. В связи с этим в Лондоне поднялось весьма сильное возмущение, и следует признать, что указанные обстоятельства, которые, насколько мы знаем, никто и не пытался оправдать или разъяснить, очень способствуют созданию такого настроения.

На этой неделе мы сообщаем и о другом происшествии, которое отнюдь не говорит о том, что власти намереваются, как они обещали, сделать все, что в их силах, чтобы оказать помощь волонтерам. Некоторое время тому назад было объявлено, что одна из наших манчестерских частей намерена на короткий срок направиться в лагерь. Мы думаем, что такое объявление было сделано лишь после того, как удостоверились в возможности выполнить это. Настойчиво утверждают, что к властям обращались с устной просьбой предоставить палатки и т. д. и что было получено согласие выполнить эту просьбу; более того, были даже установлены условия, на которых было дано это согласие. Мы думаем, что эта договоренность была достигнута не более двух или трех недель тому назад. В силу этого были заключены и все иные соглашения — об участке для лагеря, о войсковой лавке, офицерской столовой и по другим вопросам, — а когда все было налажено и была заявлена официальная просьба отпустить палатки, власти сразу пошли на попятную и заявили, что они не могут предоставить вовсе никаких палаток!

Это, разумеется, расстраивает весь план, и все понесенные частями издержки и причиненные им хлопоты оказались напрасными; все мы знаем, что волонтерские части имеют все основания беспокоиться за свой маленький счет в банкирской конторе, если он у них имеется. Нам сообщили, что так много волонтерских частей обратилось к правительству с просьбой о выдаче палаток, что оно не может найти палаток для всех и что поэтому части не получат ни одной палатки. Независимо от того, соответствует это действительности или нет, правительство должно знать, что сделка есть сделка и что последующие события не могут освободить его от уже принятых на себя обязательств. Но по слухам, которые начинают теперь делать свое дело в Манчестере точно так же, как и в Лондоне, — это лишь простой предлог, а правительство не хочет, чтобы волонтеры вообще находились в лагере; даже если бы части, о которых идет речь, обеспечивали себя палатками или бараками за свой собственный счет и из самостоятельного источника, все же в высоких сферах смотрели бы на лагерь недоброжелательно.

Такие случаи, конечно, не могут способствовать созданию той сердечности в отношениях между властями и волонтерами, которая так необходима для дальнейшего успеха движения. Движение слишком сильно, чтобы какое бы то ни было правительство могло положить ему конец; но недостаток доверия к властям со стороны волонтеров и скрытая оппозиция со стороны властей могут очень быстро вызвать значительное замешательство и задержать на время развитие движения. Этого допустить нельзя. В парламенте имеется очень много офицеров-волонтеров. Пусть они используют свое положение и примут меры, чтобы правительство дало такие объяснения, которые бы сразу исправили положение дел и показали волонтерам, что они могут надеяться на сердечную поддержку вместо скрытой враждебности.

Написано Ф. Энгельсом в начале июня 1861 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» № 40, 8 июня 1861 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВАЛЬДЕРЗЕЕ О ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ

Недавно в Берлине была опубликована книга «Французская армия на учебном плацу и на воине»[143], которая вызвала большую сенсацию и за короткий срок выдержала несколько изданий. Хотя автор называет себя просто «старым офицером», все же не является тайной, что книга написана генералом графом Вальдерзее, бывшим прусским военным министром. Это человек, занимающий очень высокое положение в прусской армии, где он особенно выделился тем, что произвел коренную ломку старой педантичной системы обучения солдата ведению стрельбы в стрелковых цепях, действиям дозоров и охранения и вообще несению службы легкой пехоты. Его новый метод, к которому мы, может быть, вернемся когда-нибудь при удобном случае, теперь введен в этой армии. Он замечателен тем, что полностью свободен от всякого педантизма в вопросах формы, пробуждая исключительно умственные способности солдата при несении службы, которая может быть хорошо выполнена только путем разумного и гармоничного взаимодействия многих людей. Вполне естественно, что офицер, который придавал такое большое значение воспитанию умственных качеств каждого отдельного солдата, всегда серьезно интересовался французской армией, как армией, которая наиболее известна индивидуальными умственными способностями своих солдат в области военного дела; не приходится поэтому удивляться, если мы видим, что он сделал эту армию особым предметом своих исследований и что в ее рядах у него много друзей и знакомых, от которых он может получать ценную информацию. После того, как французы достигли успехов в итальянской

кампании 1859 года, действуя против одной из лучших и храбрейших армий Европы, обстоятельства, благодаря которым неизменно достигались такие необычайные победы, стали важным вопросом для всей Европы. В упомянутой выше книге генерал Вальдерзее излагает то, что, по его мнению, служит разъяснением этого вопроса.

Нижеследующее взято из обзора общего характера французской армии:

«Она разделяет все хорошие качества, но также и все недостатки и слабости французского характера. Воодушевляемая подлинно воинственным духом, она исполнена боевого задора, жажды действий и славы, храбра и отважна, и она доказывала это во все времена, а совсем недавно — на полях сражений в Алжире, Крыму и Италии. Повсюду имели место факты, когда и офицеры и солдаты — особенно из состава отборных войск — совершали чудеса храбрости, и действия французских солдат в этих кампаниях вообще заслуживают самого большого внимания.

Обладая большой физической подвижностью и быстрой сообразительностью, которые, однако, довольно часто переходят в неугомонность, французский солдат неутомим и настойчив в бою так же, как и при всякой тяжелой работе.

В высшей степени самоуверенный, полный честолюбия и тщеславия, каждый отдельный солдат желает лишь одного — наступать на неприятеля. Он не знает никаких трудностей; он поступает по старой французской пословице: «Если дело возможно, то оно почти сделано; если оно невозможно, оно все же будет как-нибудь сделано». Не долго думая— и часто, правда, очень неосмотрительно — он идет вперед, убежденный в том, что нет таких трудностей, которых он не мог бы преодолеть. Поэтому со стремительностью и пылкостью, присущими его нации, он всегда стремится к атаке, и в этом заключается его главная сила. Кроме того, французский солдат смышлен, искусен, особенно приспособлен для одиночного боя и привык действовать самостоятельно. Он изобретателен и ловок в затруднительных положениях; он обладает особой сноровкой удобно устраиваться на бивуаке, исправлять под огнем -мосты и т. п., моментально приводить дома и деревни в состояние, удобное для обороны, и затем защищать их с величайшим упорством.

Война — это родная стихия армии. Французское правительство весьма разумно считает войну нормальным состоянием для войск, и поэтому всегда и при всех обстоятельствах обращается с ними с той же строгостью и суровостью, как и во время действительной кампании. Полки возможно чаще собираются в лагерях и, кроме того, постоянно меняют места расквартирования, дабы не допустить возникновения среди них привычек мирного времени. В том же духе и обучение солдат приспособлено исключительно к целям войны, и ничего не делается для парадных целей. Ни об одной части никогда не судят по тому, как она проходит церемониальным маршем, и поэтому иностранные офицеры с некоторым удивлением наблюдают, как французские батальоны проходят церемониальным маршем — даже перед императором — небрежной походкой, колеблющимися шеренгами, солдаты шагают не в ногу и идут с ружьями на плечо, как по команде «вольно».

Но такая картина имеет наряду со светлой и свою теневую сторону. Все эти хорошие военные качества, которые побуждают французского

солдата стремительно вести наступление, дают свои блестящие результаты *только до тех пор, пока вы позволяете ему наступать. Чувство индивидуальности,* которое является источником всех его наступательных качеств, имеет и свои большие недостатки. Солдат, будучи занят главным образом собой, идет вместе со всей массой лишь до тех пор, пока она успешно наступает; но если эта масса под давлением и, может быть, неожиданно вынуждена отступить, то ее сплоченность, связь каждого индивидуума со своим товарищем, быстро нарушается, тем более, что в таком случае небрежное тактическое обучение войск, о котором речь будет ниже, делает всякую устойчивость невозможной и приводит к замешательству и к полному разложению.

Прибавьте к этому, что французы по своей природе поддаются зависти и со всем легкомыслием, свойственным их нации, в критические моменты склонны относиться к другим с подозрением. Французский солдат со всем пылом охотно следует за своими офицерами в бой, но только до тех пор, пока эти офицеры идут впереди него и буквально увлекают его. Именно этого ожидают солдаты, и когда они под огнем идут вперед, они выражают это криком: «Эполеты, вперед!». Вот почему старшие офицеры и генералы должны обычно идти в атаку впереди своих войск — конечно, самое подходящее место для генерала, — и этим объясняются те исключительные потери, которые французы всегда несли в офицерском составе. Но если отступление становится неизбежным, доверие к офицерам быстро исчезает и в крайних случаях уступает место открытому неповиновению. В силу этих причин отступление, решительно навязанное французской армии, всегда было и всегда будет для нее губительным».

Генерал Вальдерзее мог бы дополнить еще во многом описание той легкости, с какой при неблагоприятных обстоятельствах исчезает доверие французского солдата к своим офицерам. Доверие солдата к своим непосредственным начальникам, даже после неоднократных неудач, является лучшим показателем дисциплины. С этой точки зрения французы не на много превосходят совершенно недисциплинированных рекрутов. Им кажется несомненным фактом, что они никогда не могут быть побеждены иначе, как вследствие «измены», и всякий раз, как они проигрывали сражение и были вынуждены отступать более чем на несколько сот ярдов или бывали застигнуты врасплох неожиданным продвижением неприятеля, они неизменно поднимали крик: «Нас предали!». Это настолько неотделимо от их национального характера, что Наполеон в своих мемуарах (написанных на острове Св. Елены спустя долгое время после самих событий)[144] смог предъявить несправедливое обвинение большей части своих генералов в своего рода изменнических действиях, а французские историки — военные и другие — смогли приумножить эти инсинуации, придавая им характер самых удивительных вымыслов. Как нация думает о генералах, так же думает и солдат о своих полковых и ротных офицерах. Несколько сильных ударов, и с дисциплиной совершенно покончено; вот почему, по сравнению со всеми другими

армиями, отступления, совершавшиеся французской армией, были наиболее гибельными.

О системе комплектования солдатского и офицерского состава Вальдерзее сообщает следующее:

«Французский солдат вербуется из среды молодых людей страны путем жеребьевки; но каждый имеет право уплатить установленную правительством сумму за заместителя. Эта сумма поступает в находящийся в распоряжении правительства фонд, из которого заместитель получает небольшую сумму в качестве премии при поступлении на службу, а остальное — по истечении своего срока, причем проценты уплачиваются ему в течение всего срока службы. Следуемая ему сумма может быть, однако, конфискована частично или полностью за преступление или дурное поведение. Поэтому правительство держит подбор заместителей целиком в своих собственных руках и обыкновенно зачисляет в солдаты, по возможности, только тех людей, которые уже отслужили один семилетний срок и показали, что они надежны и хорошего поведения. Поэтому армия обеспечена очень большим числом старых солдат, и из них же отбирается большинство унтер-офицеров. Срок службы семилетний; из этого срока, однако, большая часть солдат действительно служит в армии только четыре-пять лет, проводя остальное время в отпуску.

Унтер-офицеры отбираются весьма тщательно и подвергаются офицерами испытанию с большим вниманием. Они по большей части отличаются не только своим прекрасным поведением и превосходным знанием всех деталей службы, но и сообразительностью, самостоятельностью, прекрасной солдатской выправкой и определенным чувством собственного достоинства, особенно в обращении с рядовыми, по отношению к которым они очень хорошо знают, как нужно использовать ту большую власть, которую им дает устав. Так как каждый унтер-офицер может быть произведен в офицеры, они стараются держать рядовых на почтительном расстоянии от себя и прилагают, вместе с тем, все усилия, чтобы отличиться и подать хороший пример своим подчиненным.

В настоящее время большинство унтер-офицеров состоит из заместителей. Лишь немногие среди них стали капралами и сержантами в течение своего первого срока службы, и это преимущественно те молодые люди, которые, получив хорошее образование и не попав в военные школы вследствие большого наплыва кандидатов, добровольно поступают в армию, чтобы добиваться офицерского чина. Эти молодые люди очень скоро продвигаются до чина унтер-офицера и, пройдя практическое испытание по военному делу, требуемое от сержантов, прежде чем они могут стать младшими лейтенантами, очень часто получают офицерский чин, прослужив от 2 до 4 лет.

Большинство офицеров, произведенных из рядовых, получают офицерские звания после 9—12, а часто только после 15—20 лет службы. Из 170 таких офицеров, взятых на выборку, 16 получили офицерские звания после службы от 2 до 4 лет, 62 — после службы от 5 до 8 лет, 62 — от 9 до 12 лет и 30 — от 13 до 20. Первые 16 принадлежали к группе образованных молодых людей; 62 получивших офицерские звания после службы от 5 до 8 лет были произведены как отличившиеся в бою. Таким образом, в мирное время производство в офицеры из рядовых даже во Франции происходит медленно.

Офицеры комплектуются частью из рядовых, как отмечалось выше, а частью (главным образом в мирное время) из военных школ, где молодые люди должны проучиться два года, после чего, пройдя строгий экзамен,

они сразу получают офицерские звания. Эти две категория офицеров держатся одна от другой на большом расстоянии; воспитанники военных учебных заведений и образованные люди, произведенные из рядовых, смотрят презрительно сверху вниз на младших лейтенантов и лейтенантов пожилого возраста, добывших эполеты долголетней службой; офицеры, даже в одном батальоне, далеко не составляют той сплоченной группы, которую они образуют почти во всякой другой армии. И все же те, кто выдвинулся из сравнительно менее образованной части рядовых (и которые теперь, после тяжелых потерь в Крыму и в Италии, составляют большую часть младших офицеров), оказываются на своем месте весьма полезными. Хотя они очень часто явно невежественны, порой грубы и едва ли стоят выше сержанта по своему поведению или манерам, они обычно искусны в своей области, в совершенстве знают свои обязанности, добросовестны, требовательны, пунктуальны; они очень хорошо знают, как обращаться с солдатом, как проявлять заботу о нем, как вдохновить его своим примером и во время службы в гарнизоне, и под огнем неприятеля. Кроме того, в настоящее время они в большинстве случаев обладают солидным опытом лагерной жизни, походов и боев.

В целом французский офицер — смышленый и воинственный; он знает, что ему нужно делать, знает — особенно под огнем — как действовать на свой страх и риск и как воодушевить солдат, подавая пример своей личной храбрости. Если прибавить к этому — для большинства из них — большой опыт походов и боев, то мы должны сказать, что они обладают такими качествами, которые ставят их очень высоко в профессиональном отношении.

Производство в новый чин делается либо по старшинству, либо по выбору командования. В мирное время на два случая производства по старшинству приходится один случай производства по выбору; в военное время — наоборот. Но выбор вообще ограничивается образованной группой офицеров, тогда как масса офицеров, выдвинутых из рядовых, производится в новые звания только по старшинству, и поэтому они достигают капитанского звания в довольно пожилом возрасте. Это звание является почти самой высокой ступенью, которой они когда-либо достигают, и обычно они бывают совершенно удовлетворены, если могут уйти в отставку с капитанской пенсией.

Вот почему во французской армии вы видите очень много младших офицеров в возрасте от 30 до 40 лет и значительное число капитанов, приближающихся к 50-летнему возрасту. Вместе с тем среди старших офицеров и генералов имеется очень много сравнительно молодых людей. Это является, несомненно, большим преимуществом, и непрерывные войны в Африке, Крыму и в Италии, значительно ускорив продвижение по службе, выдвинули еще больше молодых людей на высшие командные должности.

Для того чтобы представить себе соотношение между производством в более высокие чины из указанных двух категорий офицеров, интересно ознакомиться с нижеследующими сведениями об убитых и раненых офицерах или занимавших высокие командные должности в Италии: из военных школ — 34 генерала, 25 полковников, командовавших полками, 28 других старших офицеров, 24 капитана, 33 лейтенанта и младших лейтенанта; из рядовых — 3 генерала, ни одного полковника, командовавшего полком, 8 старших офицеров, 66 капитанов, 95 младших офицеров.

В генералы реже производятся старшие офицеры из штабов, из учебных или отборных частей, чем из основной массы старших офицеров. Поэтому им не хватает главным образом более высокого военного образо-

вания; лишь немногие из них имеют les vues larges*. Слабые в стратегии, они весьма неумело управляют большими войсковыми соединениями и в силу этого очень нуждаются в приказах сверху или в компетентной помощи, так что очень часто во время военных действий, как и на учебном плацу, они получают настоящую программу передвижений, которые должны быть совершены для того, чтобы вступить в бой. Вместе с тем, у них много здравого смысла, и они находчивы в выборе средств для достижения цели; они знают практическую сторону своей службы, усердны, честолюбивы и преданы службе. Их привычка действовать самостоятельно придает им необходимую энергию в боевой обстановке. Они преодолевают любые трудности; во всякой обстановке, требующей решительных мер, они действуют без промедления, не ожидая приказов и не посылая за ними; они не боятся ответственности, и, будучи храбрыми, как все французы, они всегда лично ведут свои войска.

Большая часть из них сражалась в Алжире, Крыму и в Италии и поэтому обладает ценным запасом боевого опыта. Из генералов, участвовавших в сражениях в Италии в 1859 г., было 28 старых «африканцев», из них 18 сражались также и в Крыму. Только один генерал (Партуно) совершал в Италии свой первый боевой поход.

Благодаря этим непрерывным сражениям, французская армия обладает более молодым составом генералов, чем какая-либо другая армия. Чтобы сохранить это положение в мирное время, генерал-лейтенанты уходят в отставку с сокращенным жалованьем в возрасте 65, а генерал-майоры — в возрасте 60 лет.

Короче говоря, нужно считать, что французские генералы являются сравнительно молодыми и подвижными, сведущими, энергичными, опытными на войне и хорошо к ней приспособленными, хотя до сих пор лишь немногие проявили необыкновенные способности и хорошее знакомство с управлением крупными войсковыми соединениями и ни Крымская, ни Итальянская войны не дали ни одного выдающегося военного гения».

Переходя к практике строевого обучения французов, наш автор говорит:

«Неотесанный и неуклюжий рекрут, каким он выглядит, когда прибывает в свой полк, тем не менее довольно часто, раньше, чем пройдут две недели, и иногда даже раньше, чем он получит полностью обмундирование, стоит на часах с достоинством и властным видом старого служаки и очень скоро приобретает должный вид благодаря тщательному *одиночному обучению,* которое он проходит. Хотя ротные и батальонные строевые учения оставляют желать много лучшего, однако каждый отдельный солдат заботливо обучается гимнастике и штыковым приемам, фехтованию на рапирах и длительному движению беглым шагом... На учебном плацу пехота обычно держит себя неуверенно, небрежно и поэтому она несколько медлительна; но в походе она чрезвычайно проворна и приучена к долгим переходам, значительная часть которых совершается беглым шагом; такой шаг очень часто и небезуспешно применяется в бою. Именно по этим данным во Франции и оценивают качество подготовки войсковых частей; о них никогда не судят ни по тому, как они вымуштрованы, ни, тем более, только по прохождению церемониальным маршем. Французы и в самом деле не могут проходить церемониальным маршем в должном порядке, так как им не хватает того тщательного обучения строю, которое, в конце концов, необходимо для всякой хорошей войсковой части».

* — широкий кругозор. *Ред.*

Говоря о строевом обучении, наш автор приводит следующий анекдот про Наполеона I:

«Наполеон хорошо знал недостатки, присущие этой системе небрежного строевого обучения, и стремился всеми силами их исправить. Под его строгим руководством четкости в обучении придерживались в той мере, в какой это было возможно по отношению к французам, хотя сам он был не очень хорошим инструктором. Однажды в Шенбрунне, в 1809 г., ему пришла в голову мысль самому обучить батальон своей гвардии, заставить его, как говорят французы, faire la theorie*. Он вытащил шпагу и подал команду; но после нескольких перестроений он привел своих солдат в такой полнейший беспорядок, что воскликнул, вкладывая шпагу в ножны: «Черт бы побрал вашу... теорию! Приведите снова в порядок это безобразие!» («Que le diable emporte votre... theorie! Redressez cette cochonnerie!»).

Относительно «тюркосов», туземных алжирских войск, мы находим следующее замечательное заявление:

«Согласно сведениям, полученным от французских офицеров, тюркосы больше всего не любили стычек с австрийскими стрелковыми частями. Когда бы они их ни встречали, они не только отказывались идти вперед, но сами бросались на землю, и принудить их подняться для атаки невозможно было ни угрозами, ни побоями, точно это были верблюды в пустыне».

О строевом обучении пехотного полка автор говорит:

«Обучение рекрутов производится очень педантично, но в то же время и очень поверхностно; выправке отдельных солдат уделяется мало внимания, и поэтому уставы выполняются (в ротном и батальонном учении) определенно небрежно. Очень мало заботятся о том, чтобы солдаты должным образом стояли по команде «смирно», чтобы было хорошее равнение, шеренга была плотно сомкнута или даже чтобы солдаты шли в ногу. Считается, по-видимому, достаточным, чтобы солдаты были *на месте* и чтобы они так или иначе приходили совместно. Армия, привыкшая к такой системе небрежного обучения, конечно, не проявит в сколько-нибудь значительной степени порожденные ею недостатки, пока она продолжает вести наступательные действия. Однако эта система должна оказать очень плохое влияние на дисциплину и порядок в бою; и всякий раз, как становится неизбежным отступление под огнем неприятеля, она может привести к самым серьезным последствиям. Вот почему попытка отступления в должном порядке так часто оказывалась опасной для французов, и вот почему отступление, навязанное им крепкой, хорошо обученной армией, всегда будет для них гибельным».

Рассмотрев вопросы строевого обучения, генерал Вальдерзее дает сокращенное изложение принципов боя маршала Бюжо (тех самых, перевод которых мы в значительной части привели в предыдущих номерах «Volunteer Journal», под заглавием «Маршал Бюжо о моральном факторе в бою»**). С этими принципами он вполне соглашается, пытаясь в то же время

* — заняться теорией. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 255—262. *Ред.*

доказать — и не без успеха, — что большая часть из них является старыми практическими правилами, уже встречавшимися в инструкциях Фридриха Великого. Мы не останавливаемся на этом, равно как и на занимающей довольно много места критике итальянской кампании 1859 г. со стратегической точки зрения (в которой раскрыто не менее 18 явных грубых промахов генерала Дьюлаи), чтобы перейти к рассмотрению способов ведения французами боя в этой кампании.

Наиболее существенными принципами этого метода являются:

1. Действовать наступательно всякий раз, когда это только возможно.

2. Пренебрегать длительным ведением огня и как можно скорее переходить в штыковую атаку беглым шагом.

Когда стали известны эти принципы, то в большинстве случаев делался вывод о том, что французы всюду и всегда, с полным пренебрежением ко всем тактическим формам, стремительно бросались на австрийцев и всегда мгновенно, без особого труда, опрокидывали их или гнали прочь.

Однако история кампании доказывает, что дело обстояло далеко не так. Она, напротив, показывает:

1. Что французы, несомненно, в большинстве случаев, но не всегда, стремительно атаковали своих противников беглым шагом, но что вряд ли они когда-нибудь наносили им поражение первым ударом. Обычно они не только не имели в этом успеха, но в большинстве случаев терпели неудачу и несли потери при нескольких повторных атаках, так что в течение боя они отступали почти так же часто, как и наступали.

2. Что довольно часто они атаковали без ведения огня, но если их атаку отбивали, то они были вынуждены продолжать вести некоторое время огневой бой, хотя и прерываемый повторными штыковыми атаками. При Мадженте и Сольферино такие перестрелки длились несколько часов.

Затем автор, исходя из сведений, полученных как от французских, так и от австрийских офицеров, делает обзор тактических построений, применявшихся французами в итальянской кампании, выдержками из которого мы и закончим эту статью.

Наш автор, описав общий характер и принципы боя французской армии, переходит к обзору тактических построений, применявшихся ею во время итальянской кампании 1859 года.

«Французская армейская дивизия состоит из двух бригад, из которых первая включает батальон стрелков и два линейных полка (каждый из трех батальонов), тогда как вторая имеет только два линейных полка (или шесть батальонов). Каждый батальон состоит из шести рот.

В боевом порядке первая бригада образует первую линию, причем батальоны построены в колонны на половину дистанции, имеющие между собой полные интервалы развертывания, и прикрываются цепью стрелков. Вторая бригада стоит во второй линии, в 250 ярдах позади, с батальонами тоже в колоннах на половину дистанции, но только с половинными интервалами развертывания между ними; они обычно находятся за одним из *флангов* первой линии.

Построение колонны, которое обычно применялось в Итальянской войне, французы называют дивизионной колонной — две роты в колонне назывались дивизионом. Шесть рот выстраиваются так: две впереди, две в полудистанции позади них, за ними снова две роты в полудистанции позади вторых двух рот. Эта колонна может быть построена в затылок или двум центральным ротам, или двум крайним ротам того или другого фланга. В гвардии, состоявшей целиком из отборных солдат, она строилась всегда за двумя центральными ротами, и благодаря этому (так же, как в английской двойной колонне, строящейся в затылок двум центральным подразделениям) время как для выстраивания колонны, так и для развертывания сокращалось наполовину; но в линейных войсках колонна обычно строилась в затылок двум правофланговым ротам. Смысл такого построения состоял в том, что при таком порядке «гренадерская» рота (№ 1) располагалась впереди колонны, тогда как легкая или «вольтижерская» рота (№ 6) находилась позади. Таким образом, эти две роты, состоявшие из отборных солдат, образовывали, так сказать, остов, в котором были заключены четыре менее надежных «центральных роты»; и кроме того, в случае, когда двум находящимся позади ротам отдавался приказ развернуться в стрелковую цепь, то одной из них была легкая рота, в то время как гренадерская рота в передней линии оставалась вместе с остальными, если всему батальону не нужно было развертываться.

Для армии, ведущей бой преимущественно не в линии, а комбинирующей стрелковые цепи и колонны, такое построение имеет большие преимущества. Треть солдат (две передних роты) всегда в состоянии пустить в ход свое огнестрельное оружие, причем в то же самое время колонна в состоянии просто и быстро развернуться. Большая дистанция между составными частями колонны (половина ротной дистанции, или около 40 ярдов) помогает значительно уменьшить опустошительное действие артиллерии, которое она производит в более сомкнутых колоннах; а если принять во внимание, что, как правило, две роты рассыпаются в цепь, а поэтому вся колонна состоит из двух рот первой линии и двух — в 40 ярдах позади, то станет ясно, что такое построение в максимальной степени приближается к линейному; две роты, находящиеся позади, действуют скорее в качестве резерва или второй линии по отношению к двум передним ротам, чем в качестве той действительной поддержки, которая, как обычно предполагается в атакующих колоннах армий европейского континента, должна быть оказана передовой линии со стороны войск, находящихся позади нее. Помимо того, хотя в итальянскую кампанию время от времени и производилось развертывание в линию, но в такой местности, как в Ломбардии, ведение боя линией совершенно невозможно. На этих небольших полях, пересеченных живыми изгородями, рвами и каменными стенами и покрытых, кроме хлебов, тутовыми деревьями, перевитыми виноградными ветвями, на местности, где дорожки, идущие между высокими стенами, так узки, что две телеги с трудом могут разъехаться, — в таких условиях местности всякому правильному построению часто наступает конец, как только войска выдвигаются для непосредственного соприкосновения с противником. Единственно, что необходимо, это — иметь большое количество стрелков перед фронтом и стремительно продви-

гаться компактными массами к наиболее важным пунктам. И вот, для такой цели не может быть лучшего построения, чем то, которое выбрано французами. В то время как треть батальона находится в стрелковой цепи — никакой группы поддержки, поскольку колонна в 100 ярдах позади является достаточной поддержкой, — весь батальон быстро продвигается вперед, и стрелки, когда они окажутся достаточно близко, освобождают пространство перед фронтом батальона и находятся на его флангах; первая линия дает залп и идет в атаку; вторая, в 40 ярдах позади, следует в качестве резерва и сохраняет строй, насколько это позволяет местность. Мы должны признать, что этот метод, кажется, как нельзя лучше соответствует всем задачам наступления в такой местности и, насколько это возможно, будет удерживать солдат вместе и под контролем офицеров.

Повсюду, где местность была достаточно открытой, допускающей правильные передвижения, наступление производилось следующим образом. Стрелковая цепь вела перестрелку с неприятелем до тех пор, пока колонне не отдавался приказ наступать; группы поддержки — если они были — пристраивались к флангам стрелковой цепи и сами развертывались на линии обоих флангов с целью охватить наступающего неприятеля и открыть по нему перекрестный огонь; когда колонна выходила на линию стрелковой цепи, последняя заполняла промежутки между батальонами, продвигаясь вперед в одной линии с головой колонны; в 20 ярдах от неприятеля голова колонны давала залп и шла в атаку. Если местность была сильно пересеченной, то в цепь развертывались даже три или четыре роты батальона; сообщают также о случаях (тюркосы у Мадженты), когда в стрелковую цепь развертывались целые батальоны.

Против штыковой атаки австрийцев порой применялся метод, подобный предписанному английскими уставами для уличной стрельбы (батальонное учение, параграф 62). Головные роты колонны давали залп, делали поворот в стороны флангов и отходили в колонны по два в тыл, где снова строились; то же самое делали следующие за ними роты и, наконец, после того как последние роты дали залп и очистили пространство перед фронтом, весь батальон атаковывал неприятеля.

В решающие моменты солдатам давался приказ сложить свои ранцы на землю, захватив с собой лишь немного хлеба и все боевые припасы, имевшиеся в ранце, которые они рассовывали, где только могли. Вот откуда произошла выдумка о том, что «зуавы обычно носили свои патроны в карманах шаровар».

У Мадженты зуавы и 1-й гренадерский гвардейский полк развернулись на некоторое время и вели одиночный огонь и огонь шеренгами. У Сольферино дивизия гвардейских вольтижеров (двенадцать батальонов), перед тем как начать боевые действия, также развернулась в одну линию, но когда батальоны действительно вступили в бой, они, кажется, были в обычной колонне. Так как в обоих этих случаях развертывание производилось под непосредственным командованием и в присутствии Луи-Наполеона, то едва ли может быть какое-нибудь сомнение, что он отдавал соответствующие приказы под влиянием известных воспоминаний о маневрах английских войск, построенных в линию; но в обоих случаях склонность французских офицеров к своему собственному национальному способу ведения боя, а также характер местности, кажется, взяли верх, как только наступил момент решительной борьбы.

Наступление на деревню начиналось несколькими колоннами, впереди которых двигались густые стрелковые цепи; более слабая колонна, предназначенная для атаки позиции с фронта, держалась до конца позади, в то время как более сильные колонны обходили деревню с флангов.

Войска, которые *брали* деревню, сразу занимали и укрепляли ее, тогда как *резервы* преследовали неприятеля. При обороне деревни французы больше надеялись на резервы позади деревни или на ее флангах, чем на сильный гарнизон в самих домах».

Этим извлечением из раздела о тактических построениях французской армии в Италии в 1859 г. мы закапчиваем рассмотрение работы графа Вальдерзее. Хотя местность в Англии является гораздо менее пересеченной, чем в Ломбардии, однако, в связи с наличием здесь многочисленных изгородей, рвов, групп деревьев и лесных участков, в сочетании с волнистым характером местности и глубокими перерезающими ее лесистыми оврагами, она представляет собой поле боя, гораздо более пересеченное, чем обширные сплошные равнины Северной Франции, Бельгии и Германии. Если бы французская армия когда-нибудь попыталась высадиться на английской земле, то не может быть большого сомнения в том, что построения ее пехоты были бы очень похожи на построения, применявшиеся в Италии; вот почему мы считаем эти построения небезынтересными для английских волонтеров.

Замечания о книге Вальдерзее написаны Ф. Энгельсом в июне 1861 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» №№ 42, 44, 46 и 62; 22 июня, 6 и 20 июля, 8 ноября 1861 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЕННАЯ КРИТИКА СМОТРА В НЬЮТОНЕ

Прошлогодний смотр в Ньютоне прошел с большим успехом, тем более выдающимся, что ему мешали разного рода трудности. Это была первая попытка собрать волонтеров Ланкашира в одно целое; железнодорожные перевозки были далеко не такими, какими они должны были бы быть; грунт был в отвратительном состоянии; погода была очень плохая. Несмотря на все это, смотр прошел необыкновенно удачно, и наши волонтеры пошли домой промокшие, голодные и томимые жаждой, но с гордым сознанием того, что они всех удивили своим спокойствием, своей уверенностью и воинским видом, с которыми они выполняли свою задачу.

Можно ли сказать то же самое о смотре в этом году? Мы боимся, что нельзя. Железнодорожные перевозки производились отлично; грунт — в превосходном состоянии; погода — прекрасная; волонтеры прошли уже обучение второго года; и все же мы уверены, что большинство из них отправились домой менее удовлетворенные своей работой и своими успехами за этот день, чем в прошлом году. Кто виноват в этом?

Когда войска прибыли на местность, где проводился смотр, флажки, отмечающие места расположения различных бригад, были расставлены, были сразу также повсюду установлены и указатели, обозначавшие места батальонов. Но очень многие батальоны, особенно те, которые прибыли первыми, долгое время двигались взад и вперед, останавливались, опять двигались и опять останавливались, прежде чем встали на назначенные им места. В результате части, которые прибыли за полчаса или за час до начала смотра, не имели времени, чтобы составить винтовки в козлы и распустить солдат хотя бы на несколько минут, чтобы подкрепиться пищей. В этом была, конечно, вина не командиров батальонов.

После общего салюта начались перестроения. Но вряд ли здесь были какие-либо перестроения. Первая бригада развернулась и произвела ряд стрельб — одну очередь поротно, от центра к флангу, один залп — побатальонно, три очереди стрельбы шеренгами. Тем временем развернулась вторая бригада и по окончании стрельбы сменила первую линию. Это было сделано путем перестроения обеих линий по четыре в глубину и прохождения четверок второй линии через промежутки первой. В самом уставе это перестроение характеризуется как пригодное лишь для *парадных целей* и никогда не применяющееся в боевой обстановке (стр. 113). Затем вторая бригада вела стрельбу таким же образом, в то время как третья бригада развернулась для образования второй линии, а первая бригада в колонне отошла в тыл. Мы заметили, что первая бригада проделывала все это очень медленно и отошла в сторону только тогда, когда стрельба второй бригады почти окончилась. Затем выдвинулась третья, а за ней четвертая бригада, которые поочередно вели стрельбу, после чего все войска построились в колонну на сомкнутых интервалах и прошли церемониальным маршем.

Таким образом, совершенно очевидно, что вместо перестроений налицо имелись лишь два момента, когда выступавшие волонтеры могли показать свое уменье, — стрельба и прохождение церемониальным маршем. Мы не согласны с тем, чтобы стрельба холостыми патронами служила критерием для суждения о таких частях, как волонтеры, собравшиеся в Ньютоне. Там были части, которые перестреляли огромное количество холостых патронов и которые, следовательно, давно достигли значительного успеха в четких, дружных залпах. Были там и другие части, которые в такой же, а возможно и в большей степени были подготовлены в ротном и батальонном учении и в учебной стрельбе по мишеням, но которые едва ли когда-нибудь до этого стреляли холостыми патронами. Там было также большое число мелких провинциальных частей, сведенных в батальоны по случаю смотра; эти части никогда не имели возможности для стрельбы залпом в составе батальона по той очень простой причине, что до этого времени они не были в состоянии пройти даже батальонное учение. Стрельба залпами, поскольку о ней можно судить только по звуку, но не по результатам, является самой легкой из всех обязанностей солдата; уверенно действующий в других отношениях батальон научится ей в очень короткое время, и если подавляющее большинство присутствовавших на смотре батальонов в действительности очень плохо стреляли залпами, то мы должны

сказать, что мы скорее довольны этим обстоятельством, так как это показывает, что батальоны не тратили зря время на практические упражнения в таком искусстве, которое они могут изучить когда угодно в недельный срок и которое очень походит на забаву с игрушками или на рекламу.

Единственным положительным моментом программы смотра было то, что она дала возможность всей присутствовавшей пехоте выполнить кое-какие упражнения. В других отношениях она была действительно очень бедна. Не было действий в стрелковых цепях, почти не производились перестроения, а установленный критерий для оценки подготовки был не только обманчивым, но и положительно несправедливым по отношению к большинству присутствовавших частей. Что касается смелой атаки кавалерии, которой закончились занятия, то лучше о ней не говорить. Публика приняла ее за превосходную шутку.

При прохождении церемониальным маршем мы снова заметили обычный недостаток волонтеров — полное пренебрежение к дистанциям. Только одна часть прошла, сохраняя более или менее правильные дистанции, и это была *не* та часть, которая отличалась в такой же мере своими залпами. Мы же полагаем, что сохранение правильных дистанций в существующей системе обучения волонтеров более трудно и более важно, чем четкие залпы. В общем, прохождение церемониальным маршем показало, что улучшения по сравнению с прошлым годом были меньшими, чем мы имели право ожидать, но мы обязаны сказать, что в этом отношении меньшие по численности части из провинции сделали наибольшие успехи. Они заслуживают тем большего общественного признания, что эти небольшие части должны преодолевать величайшие затруднения, большинство их лишено помощи адъютантов и для обучения у них нет других военных начальников, кроме инструкторов — сержантов.

Мы с сожалением заметили среди ланкаширских волонтеров увеличение количества красных курток и даже медвежьих шапок; это, по-видимому, указывает на сильное стремление к парадности, что не может принести движению какую-либо пользу. Однако это такая тема, которая увела бы нас слишком далеко от Ньютона, и поэтому мы вернемся к ней при другом удобном случае.

Написано Ф. Энгельсом в начале августа 1861 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» № 49, 10 августа 1861 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

К. МАРКС

АМЕРИКАНСКИЙ ВОПРОС В АНГЛИИ

Лондон, 18 сентября 1861 г.

Письмо г-жи Бичер-Стоу лорду Шефтсбери[145], независимо от его собственных достоинств, принесло большую пользу, заставив настроенные против Севера лондонские газеты высказаться и изложить перед публикой официальные причины их враждебного тона по отношению к Северу и плохо скрытых симпатий по отношению к Югу, что не совсем вяжется с их попытками выдать себя за крайних противников рабства. В качестве первой и главной причины недовольства они указывают на то, что теперешняя американская война «ведется не за отмену рабства», и потому от благородных британцев, обычно предпринимающих войны и интересующихся войнами других народов, руководствуясь лишь «широкими принципами гуманности», нельзя ждать симпатий к их северным соплеменникам.

«Прежде всего», — пишет «Economist», — «утверждение, будто спор Севера с Югом означает борьбу между свободой негров, с одной стороны, и рабством негров — с другой, настолько же бесстыдно, насколько и лживо». «Север», — заявляет «Saturday Review»[146], — «не провозглашает отмену рабства и никогда не делал вид, что борется против рабства. Север не избрал в качестве своего oriflamme* священный принцип справедливости по отношению к неграм; его cri de guerre** не является безоговорочная отмена рабства». «Если», — пишет «Examiner»[147], — «мы обманулись в истинном значении этого возвышенного движения, то кто, как не сами федералисты, ответственны за этот обман?»

Прежде всего, допустим, что это первое соображение в основном правильно. Война была начата не в целях уничтожения

* — знамени. *Ред.*
** — боевым кличем. *Ред.*

рабства, и власти Соединенных Штатов сами приложили все старания, чтобы опровергнуть подобный взгляд. Но, с другой стороны, следует помнить, что не Север, а Юг начал войну; первый только оборонялся. Если достоверно, что Север, после долгих колебаний, проявив неслыханное в летописях европейской истории долготерпение, обнажил наконец меч не для уничтожения рабства, а для спасения Союза, то Юг, со своей стороны, начал войну громким провозглашением «особого института»* как единственной и главной цели мятежа. Он признал, что борется за свободу порабощать другой народ — за свободу, которой, вопреки возражениям Севера, будто бы угрожала опасность после победы республиканской партии[148] и избрания г-на Линкольна на пост президента. Конгресс конфедератов хвастался тем, что его новоизобретенная конституция[149], в отличие от конституции Вашингтонов, Джефферсонов и Адамсов, впервые признала, что рабство по самой сути своей является благом, оплотом цивилизации и божественным институтом. Если Север заявлял, что борется только за Союз, то Юг гордился тем, что поднял мятеж во имя господства рабства. Если идеалистически настроенную и враждебную рабству Англию не привлекло заявление Севера, то как же случилось, что она не почувствовала резкого отвращения к циничному признанию Юга?

«Saturday Review» старается выпутаться из этого неприятного положения, поставив под сомнение собственные заявления сецессионистов. Журнал оказывается более проницательным и обнаруживает, «что *рабство имеет очень мало общего с сецессией»;* напротив, декларации Джефферсона Дэвиса и К° — чистейшие «условности», в которых «не больше смысла, чем в тех условных выражениях об оскверненных алтарях и разрушенных очагах, которые постоянно встречаются в подобных прокламациях».

Запас аргументов, приводимых настроенными против Севера газетами, очень скуден, и во всех этих газетах встречаются почти одни и те же выражения, повторяющиеся, как в математических формулах, с определенными интервалами, в весьма мало отличающихся друг от друга вариациях или комбинациях.

«Почему», — восклицает «Economist», — «только вчера, когда сецессионистское движение впервые приняло серьезный оборот при первом сообщении об избрании г-на Линкольна, северяне предложили Югу, если он останется в Союзе, всевозможные гарантии сохранения в неприкосновенности этого отвратительного института и отказались самым торжественным образом от всякого намерения вмешаться в это дело, причем их

* — рабства. *Ред.*

вожди предлагали в конгрессе один компромисс за другим, основанные на согласии не затрагивать рабства?» «Как объяснить», — вопрошает «Examiner», — «что Север был готов уладить дело путем самых широких уступок Югу в отношении рабства? Как случилось, что в конгрессе была предложена определенная географическая линия, за пределами которой рабство должно было быть признано как необходимый институт? Южные штаты не удовлетворились этим».

«Economist» и «Examiner» должны были бы задать вопрос не только, почему компромисс Криттендена[150] и другие компромиссные меры были *предложены* в конгрессе, но и почему они не были *приняты?* Они делают вид, будто считают эти компромиссные предложения принятыми Севером и отвергнутыми Югом, между тем как на самом деле они не были приняты благодаря партии Севера, которая провела избрание Линкольна. Эти предложения так и не вылились в форму резолюций, оставшись в зачаточном состоянии pia desideria*, и Юг фактически не имел возможности ни отвергнуть, ни принять их. Нас приближает к сути вопроса следующее замечание «Examiner»:

«Г-жа Стоу говорит: «Рабовладельческая партия, видя, что она больше не может использовать Союз в своих целях, решила разрушить его». В этих словах содержится признание, что до этого рабовладельческая партия пользовалась Союзом в своих целях, и было бы хорошо, если бы г-жа Стоу ясно показала, когда Север начал выступать против рабства».

Можно было бы полагать, что «Examiner» и другие оракулы общественного мнения в Англии достаточно знакомы с современной историей, чтобы не нуждаться в информации г-жи Стоу по таким чрезвычайно важным вопросам. Все растущее злоупотребление Союзом со стороны рабовладельческой клики, действующей в союзе с демократической партией Севера[151], является, так сказать, характерной чертой истории Соединенных Штатов с начала текущего столетия. Следующие одна за другой компромиссные меры знаменуют последовательные этапы агрессивных действий, которые приводили к постепенному превращению Союза в раба рабовладельцев. Каждый из этих компромиссов означал новую агрессию со стороны Юга и новую уступку со стороны Севера. В то же время ни одна из очередных побед Юга не была одержана без ожесточенной борьбы с враждебной ему силой на Севере, которая выступала в лице различных партий, с различными лозунгами и под различными знаменами. Если положительный и окончательный результат каждой отдельной схватки оказывался в пользу Юга, то внимательный наблюдатель исторических событий не мог не заметить, что каждое новое продвижение рабовладельцев

* — благих пожеланий. *Ред.*

является шагом на пути к их окончательному поражению. Даже во времена Миссурийского компромисса силы борющихся сторон настолько уравновесились, что Джефферсон, как видно из его воспоминаний, опасался, что Союзу угрожает раскол из-за этого смертельного антагонизма[152]. Агрессивность рабовладельческой стороны достигла своей высшей точки, когда, благодаря биллю Канзас-Небраска[153], впервые в истории Соединенных Штатов — как признался сам г-н Дуглас, — были уничтожены все юридические преграды распространению рабства на территории Соединенных Штатов; когда после этого один из северных кандидатов купил себе избрание в президенты тем, что обещал Союзу завоевать или купить на Кубе новую территорию, где бы господствовали рабовладельцы; когда позже решением по делу Дреда Скотта[154] федеральные власти провозгласили распространение рабства законом американской конституции и, наконец, когда фактически африканская торговля рабами была возобновлена в еще больших размерах, чем когда-либо раньше в период ее легального существования. Но одновременно с этим кульминационным пунктом агрессивных действий со стороны Юга, предпринятых им при попустительстве демократической партии Севера, налицо были несомненные признаки того, что антагонистические факторы на Севере настолько окрепли, что это должно было скоро изменить соотношение политических сил. Канзасская война[155], образование республиканской партии и большое количество голосов, полученных г-ном Фримонтом во время президентских выборов 1856 г., — все это были убедительные доказательства того, что Север накопил достаточно энергии, чтобы исправить те ошибки, которые были под давлением рабовладельцев совершены в течение полувека в истории Соединенных Штатов, и чтобы заставить страну вернуться к подлинным принципам своего развития. Помимо этих политических явлений, был один важный статистический и экономический факт, указывающий, что использование федерального Союза в интересах рабовладельцев достигло такого пункта, когда оно — вынужденно или de bonne grace* — должно будет пойти на убыль. Этим фактом было развитие Северо-Запада, гигантский прогресс, достигнутый его населением с 1850 до 1860 г., а также то новое и живительное влияние, которое неизбежно должно было оказать все это на судьбы Соединенных Штатов.

Но разве все это было тайной главой истории? Неужели нужно было *«признание»* г-жи Бичер-Стоу, чтобы перед

* — добровольно. *Ред.*

«Examiner» и другими политическими светилами лондонской прессы раскрылась тщательно скрываемая истина о том, что «до этого рабовладельческая партия использовала Союз в своих целях»? Разве американский Север повинен в том, что английские журналисты были захвачены врасплох резким столкновением антагонистических сил, борьба между которыми являлась движущей силой истории Соединенных Штатов в течение полувека? Разве повинны американцы в том, что английская печать приняла за порожденную в один день причуду то, что на самом деле явилось назревшим результатом многолетней борьбы? Тот факт, что образование и развитие республиканской партии в Америке было почти не замечено лондонской печатью, выразительнее всяких слов говорит о бессодержательности ее тирад против рабства. Возьмите, например, двух антиподов лондонской печати: лондонскую газету «Times» и «Reynolds's Weekly Newspaper»[156]; одна — самый крупный орган респектабельных классов, другая — единственный сохранившийся орган рабочего класса. Первая газета незадолго до того, как окончилась карьера г-на Бьюкенена, выступила с пространным восхвалением его управления и клеветой на республиканцев. Рейнольдс, со своей стороны, во время пребывания Бьюкенена в Лондоне был одним из его любимцев и с тех пор никогда не упускал случая превозносить Бьюкенена и всячески поносить его противников. Как могло случиться, что республиканская партия, выставившая в качестве своей программы открытую борьбу против агрессии рабовладельцев и использования Союза в интересах рабовладения, одержала победу на Севере? Как могло случиться, далее, что основная масса членов демократической партии Севера, отбросив в сторону свои прежние связи с лидерами рабовладельцев, не считаясь со своими полувековыми традициями, жертвуя значительными коммерческими выгодами и еще более значительными политическими предрассудками, поспешила поддержать нынешнее республиканское правительство и щедро предложила ему людей и деньги?

Вместо ответа на эти вопросы «Economist» восклицает:

«Разве можем мы забыть, что аболиционистов обычно столь же жестоко преследовали и оскорбляли на Севере и на Западе, как и на Юге? Разве можно отрицать, что раздражительность и нерешительность, чтобы не сказать неискренность, вашингтонского правительства в течение многих лет служили главным препятствием, о которое разбивались наши усилия, направленные на полное уничтожение работорговли на берегах Африки, в то время как большая часть судов, фактически участвовавших в этой торговле, была построена с помощью северного капитала, принадлежала северным купцам и имела экипаж, состоящий из матросов-северян?»

Вот, поистине, шедевр логики! Настроенная против рабства Англия не может симпатизировать Северу, разрушающему тлетворное влияние рабовладельцев, потому что она не может забыть, что Север, будучи подчинен этому влиянию, поддерживал работорговлю, травил аболиционистов и допускал, чтобы его демократические учреждения были заражены рабовладельческими предрассудками. Она не может симпатизировать правительству г-на Линкольна, потому что ранее ей приходилось критиковать правительство г-на Бьюкенена. Она обязательно должна злобно придираться к теперешнему движению Севера по пути к обновлению, поощрять северян, которые симпатизируют работорговле, заклейменной республиканской программой, и заигрывать с рабовладельцами Юга, создающими собственное государство, потому что она не может забыть, что Север вчера был не таким, каков он сегодня. Необходимость для оправдания своей позиции прибегать к подобному крючкотворству, заимствованному из практики Олд-Бейли[157], доказывает больше, чем что-либо другое, что настроенная против Севера часть английской прессы руководствуется скрытыми мотивами, слишком низкими и позорными, чтобы их можно было высказать открыто.

Поскольку один из излюбленных маневров этой части английской печати состоит в том, чтобы поставить в упрек нынешнему республиканскому правительству действия его рабовладельчески настроенных предшественников, она изо всех сил пытается убедить английский народ в том, что в «New-York Herald»[158] надо видеть единственного подлинного выразителя общественного мнения Севера. Лондонская газета «Times» задала соответствующий тон, и servum pecus[*] остальных враждебных Северу органов, больших и малых, усердно ей вторит. Так, «Economist» пишет:

«В разгар спора не было недостатка в нью-йоркских газетах и нью-йоркских политиках, которые советовали воюющим сторонам, поскольку они вывели крупные армии на поле сражения, использовать их не друг против друга, а против Великобритании, с тем, чтобы примирить внутренние раздоры, в том числе и по вопросу о рабстве, и вторгнуться на британскую территорию без предупреждения и с подавляющими силами».

«Economist» прекрасно знает, что энергично поддержанные лондонской газетой «Times» попытки «New-York Herald» втравить Соединенные Штаты в войну против Англии преследовали лишь одну цель: обеспечить успех сецессии и помешать движению за возрождение Севера.

[*] — раболепное стадо. *Ред.*

Враждебная Северу английская печать все же идет на одну уступку. Чванливый «Saturday» сообщает нам:

«Во время выборов Линкольна служило предметом спора и ускорило взрыв не что иное, как ограничение рабства теми штатами, где этот институт уже существует».

А «Economist» замечает:

«Это правда, что целью республиканской партии, избравшей г-на Линкольна, было предотвратить распространение рабства на незаселенных территориях... Возможно, что успех Севера, если бы он был полным и безусловным, дал бы ему возможность ограничить рабство пятнадцатью штатами, где оно уже существует, и таким образом в конечном счете мог бы привести к ликвидации рабства — по это более вероятно, чем достоверно».

В 1859 г., по случаю экспедиции Джона Брауна в Харперс-Ферри[159], тот же самый «Economist» напечатал серию статей, в которых подробно доказывалось, что в силу некоего *экономического закона* американское рабство обречено на постепенное исчезновение с того момента, как оно будет лишено возможности распространения. Этот «экономический закон» был прекрасно понят рабовладельцами.

«Если не произойдет значительного увеличения рабовладельческой территории», — говорит Тумбс, — «то через 15 лет придется разрешить рабам убегать от белых, или же белые вынуждены будут бежать от рабов».

Провозглашенный республиканцами принцип ограничения рабства территорией, установленной по конституции, послужил определенным поводом для угрозы сецессии, впервые прозвучавшей в палате представителей 19 декабря 1859 года. После того как г-н Синглтон (Миссисипи) на свой вопрос: «Решила ли республиканская партия не давать Югу ни пяди новой территории для рабовладения, пока Юг входит в состав Союза?» — получил от г-на Кертиса (Айова) утвердительный ответ, г-н Синглтон *заявил, что это разрушит Союз.* Его совет штату Миссисипи таков: чем скорее Миссисипи выйдет из Союза, тем лучше — «пусть джентльмены вспомнят, что Джефферсон Дэвис предводительствовал нашими войсками в Мексике, что он еще жив и, возможно, возглавит армию Юга». Независимо от *экономического закона,* в силу которого распространение рабства является жизненным условием его сохранения в пределах территории, установленной по конституции, вожди Юга всегда отлично понимали, что рабство им необходимо для удержания *политической* власти в Соединенных Штатах. *Джон Калхун,* защищая свои предложения в сенате, определенно заявил 19 февраля 1847 г., «что из всех

органов власти только в сенате Юг сохраняет равновесие сил» и что создание новых рабовладельческих штатов стало необходимым «для сохранения равновесия сил в сенате». Кроме того, олигархия 300000 рабовладельцев даже у себя дома могла удерживать власть только благодаря тому, что постоянно швыряла своим белым плебеям приманку в виде предстоящих завоеваний внутри и вне границ Соединенных Штатов. Если же, по словам оракулов английской прессы, Север принял твердое решение ограничить рабство его теперешней территорией и, таким образом, ликвидировать его конституционным путем, то разве этого недостаточно, чтобы привлечь к нему симпатии враждебной рабству Англии?

Но английских пуритан, по-видимому, действительно нельзя удовлетворить не чем иным, как только строго аболиционистской войной.

«Поскольку», — заявляет «Economist», — «война эта ведется не за освобождение негритянской расы, то что же еще может заставить нас так горячо симпатизировать делу федералистов?»

«Было время», — пишет «Examiner», — «когда наши симпатии были на стороне Севера, так как мы считали, что он действительно оказывает серьезное сопротивление агрессии рабовладельческих штатов» и стоит за «освобождение как за меру справедливости по отношению к черной расе».

Однако в тех же номерах, в которых эти газеты говорят нам, что они не могут симпатизировать Северу, так как его война не является аболиционистской войной, сообщается, что «отчаянный путь провозглашения освобождения негров и призыва рабов ко всеобщему восстанию» есть нечто такое, «одна мысль о чем внушает отвращение и ужас», и что «компромисс» был бы «гораздо более желателен, чем успех, купленный такой дорогой ценой и *запятнанный таким преступлением»*.

Таким образом, английский пыл по отношению к аболиционистской войне — простое ханжество. Дьявольский замысел раскрывается в следующих рассуждениях:

«Наконец», — пишет «Economist», — «дает ли *тариф Моррилла* право на нашу благодарность и симпатию и является ли уверенность в том, что в случае победы северян этот тариф будет распространен на всю республику, достаточным основанием для того, чтобы мы шумно жаждали их успеха?»

«Североамериканцы», — пишет «Examiner», — «в действительности хлопочут лишь об одном: об эгоистическом протекционистском тарифе... Южным Штатам надоело, что протекционистский тариф Севера лишает их плодов рабского труда».

«Examiner» и «Economist» дополняют один другого. Последний достаточно честен, чтобы в конце концов признаться, что

для него и его последователей вопрос о симпатиях есть просто-напросто вопрос о тарифе, тогда как первый сводит войну между Севером и Югом к войне из-за тарифа, к войне между протекционизмом и свободой торговли. «Examiner», может быть, не знает, что даже южно-каролинские нуллификаторы 1832 г., по свидетельству генерала Джэксона, пользовались протекционизмом лишь как предлогом для сецессии; но даже «Examiner» должен знать, что теперешний мятеж вспыхнул, не дожидаясь принятия тарифа Моррилла[160]. На самом деле южанам не могло надоесть то, что протекционистский тариф Севера отнимал у них плоды труда их рабов, ибо в 1846— 1861 гг. действовал фритредерский тариф.

«Spectator»[161] следующим удивительным образом характеризует в своем последнем номере тайные мысли некоторых враждебных Северу органов печати:

«Что же действительно считают желательным враждебные Северу органы печати, оправдывая свои требования ссылкой на неумолимую логику фактов? Они доказывают, что распадение Союза желательно именно потому, что, как мы уже сказали, это единственно возможный путь к прекращению «беспричинной и братоубийственной борьбы», а также и в силу других доводов, изобретенных ими в качестве удобного обоснования моральных требований страны, поскольку исход событий уже ясен; эти доводы выдвинуты, конечно, только задним числом и являются скромной попыткой оправдать действия провидения, «его пути по отношению к человеку» в тот момент, когда неизбежная необходимость стала явной. Они заявляют, что интересам штатов будет вполне соответствовать разделение их на враждебные группы. Они будут сдерживать честолюбивые стремления друг друга; они будут взаимно нейтрализовать свои силы, и, если когда-нибудь у Англии возникнет конфликт с одной или несколькими из них, чувство соперничества опять-таки заставит антагонистические группы прийти нам на помощь. Это создаст, как утверждают, весьма благоприятное положение вещей, потому что избавит нас от беспокойства, а также будет стимулировать политическое «соревнование» между штатами — эту наилучшую гарантию честности и чистоты.

Таковы доводы, — очень упорно отстаиваемые, — образующейся теперь среди нас многочисленной группы, симпатизирующей южанам. В переводе на общепонятный язык — не грустно ли, что английская аргументация по этому вопросу такова, что нуждается в переводе, — это означает, что нас огорчает теперешний размах «братоубийственной» войны, потому что она впоследствии может сконцентрировать в одну страшную схватку целый ряд хронических мелких воин, страсти и проявления недоверия между группами соперничающих штатов. Подлинная истина, — и сторонникам этой далеко не английской точки зрения она хорошо известна, хотя они и маскируют эту истину благопристойными фразами, — заключается в том, что соперничающие группы американских штатов не могли бы жить друг с другом в мире и согласии. Злобная враждебность, порождаемая теми самыми причинами, которые создали теперешний конфликт, стала бы хронической. Утверждают, что различные группы штатов имеют различные таможенные интересы. Эти различные таможенные интересы стали бы источником постоянных мелких войн, если бы

штаты распались, а рабство — этот корень всего конфликта — послужило бы источником непрерывной вражды, разногласий и борьбы. Между враждующими штатами никогда больше не удалось бы восстановить никакого устойчивого равновесия. И все же утверждают, что такая перспектива длительной непрерывной борьбы является провиденциальным разрешением разгоревшегося ныне великого спора; единственная подлинная причина, почему перспектива эта приветствуется, заключается в том, что если нынешний грандиозный конфликт может привести к восстановлению более мощного политического единства, то, напротив, бесконечный ряд мелких конфликтов приведет к ослаблению и раздроблению континента, что не может страшить Англию.

Мы не отрицаем, что сами американцы посеяли семена этого низменного и презренного образа мыслей своей часто недружественной и вызывающей позицией по отношению к Англии, но мы прямо заявляем, что с нашей стороны низко и достойно презрения иметь такие мысли. Для нас ясно, что отсрочка окончательного разрешения не обещает Америке глубокого и длительного мира, что отсрочка эта грозит американской нации упадком и превращением ее в ряд ссорящихся кланов и племен, и все же мы воздеваем в ужасе руки перед теперешней «братоубийственной» войной, потому что в ней заключается надежда на окончательное разрешение. Мы убеждаем американцев предпочесть неопределенное будущее, полное мелких распрей, столь же братоубийственных и, вероятно, грозящих еще большей деморализацией, потому что это избавит нас от шипов американской конкуренции».

Написано К. Марксом 18 сентября 1861 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6403, 11 октября 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ ХЛОПКОМ

Лондон, 21 сентября 1861 г.

Непрерывный рост цен на хлопок-сырец начинает, наконец, серьезно отражаться на работе бумагопрядильных фабрик, и потребление ими хлопка теперь на 25% меньше нормального. Это явилось результатом ежедневного сокращения производства; многие фабрики работают только четыре или три дня в неделю; как на тех предприятиях, где введена сокращенная рабочая неделя, так и на тех, которые еще работают полную рабочую неделю, часть машин простаивает; некоторые фабрики временно совсем закрыты. В некоторых местах, как, например, в Блэкберне, сокращение рабочей недели сопровождается снижением заработной платы. Однако сокращение рабочего времени пока еще только начинается, и мы можем предсказать с полной уверенностью, что через несколько недель эта отрасль промышленности перейдет на три рабочих дня в неделю и что одновременно остановится множество машин на большинстве предприятий. В общем, английские фабриканты и купцы очень медленно и весьма неохотно признавали неблагополучие в деле снабжения их хлопком.

«Весь последний американский урожай», — говорили они, — «давно уже отправлен в Европу. Сбор нового урожая только начался. Мы не могли бы получить ни на одну кипу хлопка больше, чем получили, даже если бы войны и блокады вовсе не существовало. Сезон отправки хлопка начинается не раньше конца ноября; обычно не раньше конца декабря начинают отгружать большие партии. До тех пор не имеет большого значения, остается ли хлопок на плантациях или отправляется в порты, по мере того как его упаковывают. Если блокада прекратится еще *до конца этого года,* то, возможно, к марту или апрелю мы будем так же обеспечены хлопком, как если бы блокада никогда не была объявлена».

В глубочайших тайниках купеческих душ таилась надежда, что весь американский кризис, а следовательно и блокада, прекратятся до конца года или что лорд Пальмерстон насильственно прорвет блокаду. Последняя мысль была совсем оставлена с тех пор, как, кроме всего прочего, Манчестер понял, что две крупные силы — денежный капитал, вложивший огромные средства в промышленные предприятия Северной Америки, и хлебная торговля, опирающаяся на Северную Америку как на свой главный источник снабжения, — будут совместно противодействовать всякой неспровоцированной агрессии со стороны британского правительства. Надежды на своевременное снятие блокады во имя интересов Ливерпуля или Манчестера[162], или на прекращение американской войны путем компромисса с сецессионистами отступили перед обстоятельством, прежде неизвестным на английском хлопчатобумажном рынке, а именно перед американскими операциями с хлопком в Ливерпуле—операциями, отчасти носившими спекулятивный характер, отчасти имевшими целью обратную отправку хлопка в Америку. Вследствие этого в течение двух последних недель на ливерпульском хлопковом рынке царило лихорадочное возбуждение. К спекулятивному вложению капитала в хлопок со стороны ливерпульских купцов присоединилось спекулятивное вложение капитала со стороны манчестерских и других фабрикантов, жаждущих запастись сырьем на зиму. Размеры этих последних сделок достаточно видны из того факта, что значительная часть свободных складских помещений в Манчестере уже занята такими запасами и что в течение всей недели, начиная с 15 сентября и кончая 22 сентября, цена американских сортов «миддлинг»* повысилась на $^3/_8$ пенса за фунт, а высших сортов — на $^5/_8$ пенса.

С начала американской войны цены на хлопок постоянно росли, но разорительное несоответствие между ценами на сырье и ценами на пряжу и ткани проявилось лишь за последние недели августа. До тех пор всякое серьезное падение цен на хлопчатобумажные изделия, которое можно было предвидеть ввиду значительного уменьшения американского спроса. уравновешивалось скоплением товаров в первых руках и спекулятивной отправкой хлопчатобумажных изделий в Китай и Индию. Но эти азиатские рынки вскоре оказались переполненными. «Calcutta Price Current»[163] от 7 августа 1861 г. пишет:

«Запасы товаров скопляются; после нашего последнего сообщения ввезено не меньше 24000000 ярдов гладкой хлопчатобумажной материи.

* — стандартных сортов хлопка. *Ред.*

Сообщения из Англия говорят о продолжении погрузок, превосходящих каши потребности, и, пока это имеет место, нельзя ожидать улучшения... Рынок Бомбея тоже переполнен».

Сокращению индийского рынка способствовали и некоторые другие обстоятельства. За недавним голодом в северо-западных провинциях последовали опустошения от холеры, в то время как по всей Нижней Бенгалии чрезмерно обильные дожди, затопив весь край, причинили серьезный ущерб урожаю риса.

В письмах из Калькутты, полученных в Англии на прошлой неделе, сообщается о продажах, дающих чистую выручку в $9^1/_4$ пенса за фунт пряжи № 40, которая может быть куплена в Манчестере не дешевле, чем за $11^3/_8$ пенса, между тем как продажа 40-дюймовой рубашечной ткани по сравнению с теперешними ценами в Манчестере приносит убыток в $7^1/_2$ пенсов, 9 пенсов и 12 пенсов со штуки. На китайском рынке цепы тоже были снижены из-за скопления ввезенных товаров.

При таких обстоятельствах, если спрос на английские хлопчатобумажные изделия понижается, рост цен на них, конечно, не может поспевать за прогрессирующим ростом цен на сырье; наоборот, прядение, тканье и набивка хлопчатобумажной материи во многих случаях перестает оправдывать издержки производства. Возьмем в качестве примера следующий случай, установленный одним из самых крупных манчестерских фабрикантов в отношении грубой пряжи:

	Цена за фунт		Разница в цене хлопка и пряжи	Стоимость прядения одного фунта
17 сентября 1860 г.				
Стоимость хлопка	$6^1/_4$	пенса	4 пенса	3 пенса
Пряжа (основа) № 16 продана за	$10^1/_4$	»	—	—
	Прибыль — 1 пенс с 1 фунта.			
17 сентября 1861 г.				
Стоимость хлопка	9	пенсов	2 пенса	$3^1/_2$ пенса
Пряжа (основа) № 16 продана за	11	»	—	—
	Убыток — $1^1/_2$ пенса с 1 фунта.			

Потребление индийского хлопка быстро растет, и при дальнейшем росте цен поставки из Индии будут поступать во все увеличивающейся пропорции, но пока невозможно изменить в несколько месяцев все условия производства и направление

торговли. Англия фактически расплачивается теперь за свое многолетнее скверное управление обширной индийской империей. Два главных препятствия, которые она должна преодолеть, пытаясь заменить американский хлопок индийским, — это нехватка средств сообщения и транспорта по всей Индии и бедственное положение индийского крестьянина, лишающее его возможности использовать благоприятные условия. Обеими этими трудностями англичане обязаны самим себе. Современная промышленность Англии вообще имела две одинаково противоестественные опоры. Одной из них был *картофель* как единственное средство пропитания для Ирландии и значительной части английского рабочего класса. Эта опора была сметена картофельной болезнью и последовавшей за ней ирландской катастрофой[164]. Тогда потребовалось принятие более широкой основы для воспроизводства и поддержания миллионов трудящихся. Второй опорой английской промышленности был хлопок, который производили рабы Соединенных Штатов. Теперешний американский кризис заставляет англичан расширить область своего снабжения и освободить хлопок из-под контроля олигархии, разводящей и потребляющей рабов. Пока английская хлопчатобумажная промышленность находилась в зависимости от выращиваемого рабами хлопка, можно было с полным основанием утверждать, что она опиралась на двойное рабство — косвенное рабство белых в Англии и прямое рабство черных по ту сторону Атлантического океана.

Написано К. Марксом 21 сентября 1861 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6405, 14 октября 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ЛОНДОНСКАЯ ГАЗЕТА «TIMES» И ЛОРД ПАЛЬМЕРСТОН

Лондон, 5 октября 1861 г.

«Английский народ участвует в управлении своей страной, читая газету «Times»». Это суждение, высказанное одним выдающимся английским автором* по поводу так называемого английского самоуправления, правильно лишь постольку, поскольку оно касается внешней политики королевства. Что же касается внутренних реформ, то они никогда не проводились при поддержке «Times»; напротив, газета «Times» не переставала выступать против них, пока не убеждалась в своей полной неспособности сколько-нибудь задержать их осуществление. Возьмем, например, эмансипацию католиков, билль о реформе, отмену хлебных законов, штемпельного сбора и налога на бумагу[165]. Всякий раз, когда победу бесспорно одерживали сторонники реформы, газета «Times» делала крутой поворот, дезертировала из реакционного лагеря и ухитрялась в решительную минуту быть с победителями. Во всех этих случаях «Times» не направляла общественное мнение, а подчинялась ему, грубо, неохотно и после длительных, но тщетных попыток повернуть назад вздымающиеся волны народного движения, Поэтому настоящее влияние этой газеты на общественное мнение ограничено областью внешней политики. Ни в одной европейской стране широкая публика, и особенно буржуазия, не проявляет столь глубокого невежества в вопросах внешней политики своей собственной страны, как в Англии, — невежества, объясняемого двумя главными причинами. С одной стороны, со времени славной революции 1688 г.[166] аристократия

* — Р. Лоу. *Ред.*

неизменно сохраняла монополию на руководство внешней политикой Англии. С другой стороны, все растущее разделение труда в известной степени выхолостило общий интеллект буржуа, ограничив всю их энергию и умственные способности узкой сферой торговых, промышленных и профессиональных интересов. В результате получилось, что аристократия *действовала* за буржуазию, а пресса *думала* за нее в области внешней или международной политики; и очень скоро обе стороны, аристократия и пресса, уяснили себе, что в их общих интересах объединиться. Достаточно открыть «Cobbett's Political Register»[167], чтобы убедиться, что с начала нынешнего столетия крупные лондонские газеты постоянно играли роль присяжных защитников высокородных заправил английской внешней политики. Правда, понадобилось пройти несколько промежуточных периодов, пока не установилось существующее положение. Аристократия, монополизировавшая управление внешней политикой, сначала сузилась до размеров олигархии, представленной тайным конклавом под названием кабинета, а затем кабинет был оттеснен одним лицом, лордом Пальмерстоном, который в течение последних тридцати лет узурпировал абсолютную власть в управлении национальными ресурсами Британской империи и в определении направления ее внешней политики.

Одновременно с этой узурпацией, в силу закона концентрации, действующего в области газетного дела еще быстрее, чем в области бумагопрядения, лондонская газета «Times» достигла положения английской национальной газеты, став, так сказать, представителем английского общественного мнения перед лицом других народов. Если монополия управления внешней политикой нации перешла от аристократии к олигархическому конклаву, а от олигархического конклава к одному лицу, министру иностранных дел Англии, т. е. к лорду Пальмерстону, то монополия мыслить и судить за нацию о ее собственной внешней политике и представлять общественное мнение в этих делах перешла от всей печати к одному ее органу — к «Times». Лорд Пальмерстон, который келейно управлял внешней политикой Британской империи, руководствуясь мотивами, не известными ни широкой публике, ни парламенту, ни даже его собственным коллегам, был бы очень глуп, если бы не попытался завладеть той единственной газетой, которая узурпировала право широко обсуждать от имени английского народа его собственные секретные дела. Газета «Times», в словаре которой никогда не было слова «добродетель», должна была бы, со своей стороны, проявить более чем спартанскую добродетель,

чтобы не вступить в союз с правителем, фактически самолично распоряжавшимся национальными ресурсами империи. Поэтому со времени французского coup d'etat*, когда в Англии правительство одной клики было вытеснено правительством коалиции нескольких клик, и узурпации Пальмерстона, следовательно, больше не угрожали никакие соперники, газета «Times» целиком превратилась в его раба. Пальмерстон позаботился о том, чтобы протащить на второстепенные посты в кабинете некоторых влиятельных лиц из «Times» и приласкать других, приняв их в свой общественный круг. С этого времени деятельность «Times» в области внешней политики Британской империи целиком направлена на фабрикование общественного мнения, соответствующего внешней политике лорда Пальмерстона. «Times» должна подготовлять общественное мнение к тому, что лорд Пальмерстон намерен предпринять, и заставлять общественное мнение одобрять то, что он уже сделал.

Каких усилий требовал этот рабский труд, лучше всего обнаружилось во время последней сессии парламента. Эта сессия оказалась отнюдь не благоприятной для лорда Пальмерстона. Некоторые независимые члены палаты общин, либералы и консерваторы, восстали против узурпированной им диктатуры и попытались разоблачением его прошлых злодеяний дать нации почувствовать опасность, таящуюся в сохранении подобной неограниченной власти в тех же руках. Г-н Данлоп, открыв атаку внесением предложения о назначении специального комитета в связи с афганскими документами, которые Пальмерстон представил палате в 1839 г., доказал, что Пальмерстон фактически их подделал[168]. «Times» в парламентском отчете опустила все места речи г-на Данлопа, которые, по мнению газеты, могли бы особенно повредить ее хозяину. Позднее лорд Монтегю, внеся предложение об опубликовании всех документов, относящихся к датскому договору 1852 г., обвинил Пальмерстона в том, что ему принадлежала главная роль в маневрах, направленных к изменению датского престолонаследия в интересах одной иностранной державы[169], и в том, что он ввел в заблуждение палату общин, сообщив заведомо неверные сведения. Однако Пальмерстон успел прийти к соглашению с г-ном Дизраэли, чтобы провалить предложение лорда Монтегю, прервав заседание палаты из-за отсутствия кворума, и таким образом действительно удалось замять дело. Тем не менее речь лорда Монтегю длилась полтора часа, прежде чем

* — государственного переворота. *Ред.*

заседание было прервано из-за отсутствия кворума. «Times» была заранее уведомлена Пальмерстоном о том, что заседание будет прервано, и поэтому редактор, специальной задачей которого было искажать и фабриковать парламентские отчеты, устроил себе день отдыха, в результате чего речь лорда Монтегю появилась на столбцах газеты в неискаженном виде. Когда на следующее утро промах обнаружился, была написана передовая статья, сообщавшая Джону Булю, что закрытие заседания из-за отсутствия кворума является остроумным способом прекращения скучных речей, что лорд Монтегю невыносимо скучен и что нельзя было бы управлять делами нации, если бы от скучных парламентских ораторов не избавлялись самым бесцеремонным образом. Пальмерстон был снова притянут к ответу на последней сессии, когда г-н Хеннесси внес предложение о представлении парламенту переписки министерства иностранных дел во время польской революции 1831 года. Газета «Times» снова прибегла, как и в отношении предложения г-на Данлопа, к простому замалчиванию. Отчет газеты о речи г-на Хеннесси — настоящее издание in usum delphini[170]. Если принять во внимание, сколько усердия нужно приложить, чтобы пробежать огромные парламентские отчеты в ту же ночь, когда они доставляются в редакцию из палаты общин, и в ту же ночь так исказить, изменить, фальсифицировать их, чтобы в них никак не наносился ущерб политической непорочности Пальмерстона, то надо признать, что, сколько бы выгод и преимуществ ни получала газета «Times» от своего прислужничества благородному виконту, ее задача отнюдь не из приятных.

Если, таким образом, «Times» способна при помощи лживых измышлений и замалчиваний так вводить в заблуждение общественное мнение в отношении событий, которые произошли лишь накануне в английской палате общин, то ее искусство применять лживые измышления и замалчивание к событиям, происходящим далеко за границей, например, к событиям войны в Америке, должно быть поистине безгранично. Если при обсуждении американских дел газета напрягала все силы, чтобы восстановить друг против друга англичан и американцев, то она делала это не из симпатии к английским хлопчатобумажным магнатам и не из внимания к каким-либо действительным или предполагаемым интересам Англии. Она просто исполняла приказания своего хозяина. Из изменившегося за последнюю неделю тона лондонской газеты «Times» мы можем, следовательно, вывести заключение, что лорд Пальмерстон намерен отказаться от крайне враждебной позиции, которую

он до сих пор занимал по отношению к Соединенным Штатам. В одной из сегодняшних передовых статей газеты «Times», которая в течение ряда месяцев превозносила наступательные силы сецессионистов и распространялась о неспособности Соединенных Штатов справиться с ними, высказывается полная уверенность в военном превосходстве Севера. О том, что эта перемена тона продиктована хозяином, вполне убедительно свидетельствует то обстоятельство, что другие влиятельные органы печати, о которых известно, что они связаны с Пальмерстоном, точно так же переменили направление. Один из этих органов, «Economist», довольно прозрачно намекает спекулянтам общественным мнением, что наступило время «тщательно проверить» свои так называемые «чувства по отношению к Соединенным Штатам». Соответствующее место из «Economist», на которое я ссылаюсь и которое я считаю нужным привести как доказательство новых указаний, полученных пальмерстоновскими журналистами, гласит:

«Мы искренне признаем, что в одном отношении северяне имеют право жаловаться и что мы также в одном отношении вынуждены быть больше настороже, чем, может быть, это делали обычно. Наши руководящие газеты были слишком склонны цитировать и считать представителями взглядов и позиций Соединенных Штатов те газеты, которые всегда отличались плохой репутацией и слабым влиянием и о которых теперь почти наверняка известно, что они в душе придерживаются сецессионистских взглядов и прикрываются чужим флагом, что они прикидываются сторонниками крайних воззрений Севера и в то же время пишут в интересах Юга и, вероятно, оплачиваются им. Мало кто из англичан может, например, искренне считать, что «New-York Herald» выражает характер или взгляды северной части республики. Повторяем: мы должны быть очень осторожны, в противном случае наше правильное критическое отношение к унионистам может незаметно превратиться в признание и защиту сецессионистов. Средний человек обычно очень склонен быть *пристрастным.* Однако, как бы горячо мы ни критиковали слова и дела Севера, мы никогда не должны забывать, что сецессия Юга была продиктована намерениями и началась действиями, вызывающими с нашей стороны самое горячее и глубокое порицание. Конечно, мы должны осуждать протекционистский тариф Союза как гнетущее и мрачное безумие. Конечно, мы сочувствуем стремлению Юга иметь низкие пошлины и свободную торговлю. Конечно, мы хотим, чтобы процветание штатов, которые производят так много сырья и нуждаются в таком количестве фабричных изделий, не было прервано или совсем нарушено. Но в то же время мы не можем упускать из виду бесспорный факт, что истинной целью и основным мотивом сецессии была *не* защита права владеть рабами на своей собственной территории (северяне проявляли в этом отношении не меньшую уступчивость, чем проявленная южанами требовательность), а распространение рабства на огромные, неограниченные пространства, до сих пор свободные от этого проклятия, но которые плантаторы мечтали в дальнейшем освоить. Эту цель мы всегда считали безрассудной, несправедливой и омерзительной. Общественный порядок, установленный в южных штатах институтом рабства, вызывает у англичан тем большее отвращение

и осуждение, чем ближе они с ним знакомятся. И мы должны заявить южанам, что никакие денежные или торговые преимущества, которые наша страна, возможно, могла бы получить от расширенной эксплуатации девственной почвы плантаторских штатов и новых территорий, на которые они претендуют, никогда ни в малейшей степени не изменят наших взглядов на эти вопросы, не помешают нам выражать нашу точку зрения, не остановят нашего выступления, когда оно станет неизбежным или уместным. Предполагают, что они (сецессионисты) еще носятся со странной идеей — *причинив* Франции и Англии ущерб и лишения полным прекращением снабжения со стороны Америки и доведя их таким образом до истощения, заставить правительства этих стран выступить от их имени и вынудить Соединенные Штаты прекратить блокаду... Нет решительно никаких шансов на то, чтобы какая-либо из этих держав хоть на один момент почувствовала себя вправе совершить такой акт явной и недопустимой враждебности по отношению к Соединенным Штатам... Мы меньше зависим от Юга, чем Юг от нас, и южане скоро начнут понимать это. Поэтому мы хотим, чтобы они поняли, что пока существует рабство, нас будет разделять более или менее высокая моральная преграда и что наши мысли одинаково далеки как от молчаливого поощрения, так и от дерзости открытого вмешательства. Ланкашир — не Англия, и нужно сказать, к чести и мужеству населения наших промышленных районов, что если бы даже их настроения можно было отождествить, то все же *хлопок не был бы королем»*.

Все, что мне хотелось доказать, это то, что Пальмеретон, а следовательно и лондонская пресса, действующая по его приказам, отказывается от своей враждебной позиции по отношению к Соединенным Штатам. Причины этого revirement*, как его называют французы, я попытаюсь разъяснить в одной из моих последующих корреспонденции. Прежде чем закончить, добавлю, что г-н Форстер, член парламента от Брадфорда, прочел в прошлый вторник в зале брадфордского Механического института лекцию на тему «Гражданская война в Америке», в которой проанализировал подлинные причины и характер этой войны и с успехом опроверг лживые измышления пальмерстоновской прессы.

Написано К. Марксом 5 октября 1861 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6411, 21 октября 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — перелома. *Ред.*

К. МАРКС

ЛОНДОНСКАЯ ГАЗЕТА «TIMES» О ПРИНЦАХ ОРЛЕАНСКИХ В АМЕРИКЕ

Лондон, 12 октября 1861 г.

По случаю поездки прусского короля в Компьен[171] лондонская газета «Times» напечатала несколько едких статей, показавшихся весьма оскорбительными по ту сторону Ла-Манша. «Pays, Journal de l'Empire»[172], в свою очередь охарактеризовала авторов из «Times» как людей, головы которых отравлены джином, а перья запачканы грязью. Этот случайный обмен ругательствами имел своей целью лишь скрыть от общественного мнения ту близость, которая существует между Принтинг-хаус-сквер[173] и Тюильри. За пределами границ Франции у героя декабря нет большего сикофанта, чем лондонская газета «Times», и услуги последней являются тем более неоценимыми, чем больше эта газета время от времени присваивает себе тон и манеру цензора Катона по отношению к своему Цезарю. Газета «Times» в течение месяцев осыпала Пруссию оскорблениями. Воспользовавшись жалким делом Макдоналда[174], газета сообщала Пруссии, что Англия приветствовала бы переход рейнских провинций из-под варварского господства Гогенцоллернов к просвещенному деспотизму Бонапарта. Это возмутило не только прусскую династию, но и прусский народ. Газета «Times» неодобрительно отозвалась об идее заключения англо-прусскою союза в случае конфликта между Пруссией и Францией. Газета напрягала все силы, чтобы убедить Пруссию в том, что ей нечего ждать помощи со стороны Англии и что самое лучшее для нее — это прийти к какому-нибудь соглашению с Францией. Когда, наконец, слабый и приспособляющийся прусский король решился на поездку в Компьен, газета «Times» могла с гордостью

воскликнуть: «quorum magna pars fui»*, но теперь настало время, когда необходимо изгладить из памяти англичан тот факт, что «Times» прокладывала путь прусскому монарху. Отсюда ее бутафорские громы. Отсюда же и ответные громы со стороны «Pays, Journal de l'Empire».

Теперь газета «Times» снова заняла позицию смертельного противника бонапартизма, получив тем самым возможность оказать помощь герою декабря. Случай для этого вскоре представился. Луи Бонапарт, конечно, наиболее щепетилен в тех случаях, когда дело касается славы его соперников — претендентов на французскую корону. Он показал себя в смешном свете в деле с памфлетом герцога Омальского против Плон-Плона[175], и его поведение оказало делу орлеанистов большую поддержку, чем все, что сделали все сторонники Орлеанов вместе взятые. В эти последние дни французскому народу опять пришлось провести параллель между Плон-Плоном и принцами Орлеанскими. Когда Плон-Плон отправился в Америку, в Сент-Антуанском предместье появились карикатуры, изображавшие его в виде толстяка, занятого поисками короны, но в то же время принимающего вид самого безобидного путешественника, который питает особое отвращение к запаху пороха. В то время как Плон-Плон возвращался во Францию, не пополнив лавры, которые он приобрел в Крыму и в Италии, принцы Орлеанские пересекли Атлантический океан, чтобы поступить на службу в национальную армию[176]. Отсюда большая суматоха в бонапартистском лагере. Негодование бонапартистов не могло найти выхода в продажной парижской прессе. Таким образом были бы лишь обнаружены опасения сторонников Империи, повторилась бы скандальная история с памфлетом и напрашивались бы нежелательные сравнения между принцами в изгнании, которые борются под республиканским знаменем против поработителей миллионов трудящихся, и другим изгнанным принцем, который приносил присягу в качестве английского специального констебля, чтобы принять участие в подавлении английского рабочего движения[177].

Кто должен помочь герою декабря разрешить эту дилемму? Кто иной, как не лондонская газета «Times»? Если та самая лондонская газета «Times», которая 6, 7, 8 и 9 октября 1861 г. возбудила ярость «Pays, Journal de l'Empire» своей циничной критикой компьенского визита, если эта самая газета могла

* — «в этом большая заслуга принадлежит мне» (Вергилий, «Энеида», книга вторая). *Ред.*

выступить 12 октября с беспощадными нападками на принцев Орлеанских за их вступление в ряды национальной армии Соединенных Штатов, то разве Луи Бонапарт тем самым не доказал свою правоту по отношению к принцам Орлеанским? Разве статья «Times» не будет переведена на французский язык, разве она не будет комментироваться французской прессой» разве prefet de police* не разошлет ее во все департаментские газеты и разве она не будет циркулировать по всей Франции как беспристрастный приговор, вынесенный лондонской газетой «Times», личным врагом Луи Бонапарта, по поводу последних действий принцев Орлеанских? Поэтому-то «Times» сегодня выступает с весьма грубыми нападками на этих принцев.

Луи Бонапарт, конечно, слишком деловой человек, чтобы, подобно официальным торговцам общественным мнением, проявлять слепоту суждения в отношении войны в Америке. Он знает, что подлинный народ Англии, Франции, Германии, Европы считает дело Соединенных Штатов своим собственным делом, делом свободы и что, несмотря на всю продажную софистику, он видит в Соединенных Штатах свободную землю миллионов безземельных Европы, их обетованную землю, которую теперь надо защищать с оружием в руках от грязных посягательств рабовладельцев. Более того, Луи-Наполеон знает, что народные массы во Франции связывают борьбу в поддержку Союза с борьбой их предков за основание американской независимости и что в их глазах каждый француз, обнажающий свой меч за национальное правительство, лишь выполняет завет Лафайета[178]. Поэтому Бонапарт знает, что если что-нибудь может помочь принцам Орлеанским завоевать расположение французского народа, так это именно их вступление в ряды национальной армии Соединенных Штатов. Он содрогается при одной мысли об этом, и поэтому лондонская «Times», его цензор и сикофант, заявляет сегодня принцам Орлеанским, что «они не увеличат своей популярности среди французской нации, унизившись до службы этому *подлому делу».* Луи-Наполеон знает, что все войны, которые велись в Европе между враждующими нациями со времени его coup d'etat**, были искусственными войнами, беспочвенными, вздорными, основанными на фальшивых предлогах. Война с Россией, война в Италии, не говоря уже о разбойничьих экспедициях против Китая, Кохинхины[179] и т. д.,

* — префект полиции. *Ред.*
** — государственного переворота. *Ред.*

никогда не возбуждали симпатий французского народа, который инстинктивно чувствовал, что эти войны велись лишь с целью укрепить цепи, созданные coup d'etat. Первая великая война в современной истории — это война в Америке.

Народы Европы знают, что рабовладельцы Юга начали эту войну декларацией о том, что существование рабовладения более несовместимо с существованием Союза. Следовательно, народы Европы знают, что борьба за существование Союза является борьбой против существования рабства, что в этой борьбе высшая форма народного самоуправления, какая только существовала до сих пор, дает бой самой низкой и самой бесстыдной форме порабощения человека, когда-либо встречавшейся в летописях истории.

Луи Бонапарт, конечно, чрезвычайно недоволен тем обстоятельством, что принцы Орлеанские приняли участие именно в этой войне, отличающейся грандиозностью своих размеров и величием своих целей от беспочвенных, вздорных и ничтожных войн, которые происходили в Европе, начиная с 1849 года, Потому-то лондонская газета «Times» считает нужным заявить:

«Пренебречь различием между войнами, которые велись враждующими нациями, и этой наиболее беспричинной и вздорной из всех гражданских войн, какие только знает история, значит нанести своего рода оскорбление общественной нравственности».

«Times», конечно, обязана усилить свои нападки на принцев Орлеанских за то, что они «унизились до службы такому подлому делу». Делая глубокий реверанс победителю при Севастополе и Сольферино, «Times» пишет:

«Нелепо сравнивать то, что происходило у Спрингфилда и Манассаса, с подвигами у Севастополя и Сольферино».

Ближайшая почта покажет, как императорские органы по заранее обдуманному плану используют статью из «Times». Согласно пословице, друг в беде стоит тысячи друзей в счастливые времена, а тайный союзник лондонской газеты «Times» как раз находится в очень тяжелом положении.

Нехватка хлопка, последовавшая за нехваткой хлеба, торговый кризис, соединенный с неурожаем, сокращение таможенных доходов и денежные затруднения заставили Французский банк взвинтить учетную ставку до 6%, войти в соглашение с Ротшильдами и Берингом о займе в 2 миллиона ф. ст. на лондонском рынке, заложить за границей принадлежащие французскому правительству цепные бумаги и при всем том остаться с резервом в сумме лишь 12000000 при наличии обязательств, превышающих 40000000. Такое положение дел в области

экономики создает подходящую обстановку для конкурирующих претендентов, чтобы поставить на карту двойную ставку. В Сент-Антуанском предместье уже имели место хлебные беспорядки, и поэтому настоящий момент является самым неподходящим для того, чтобы позволить принцам Орлеанским приобрести популярность. Этим и объясняется яростное выступление лондонской газеты «Times».

Написано К. Марксом 12 октября 1861 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6426, 7 ноября 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Redactions-Bureau:

Ankündigungs-Bureau:

Die Presse.

Abonnement für Wien:

Abonnement für die Provinz:

№ 293. Wien, Freitag den 25. October 1861. 14. Jahrgang

К. МАРКС

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ [180]

Лондон, 20 октября 1861 г.

Задающая тон лондонская пресса — еженедельные и ежедневные газеты — уже несколько месяцев повторяет все те же перепевы о Гражданской войне в Америке. Подвергая оскорблениям свободные штаты Севера, она в то же время боязливо защищается от подозрения в симпатиях к рабовладельческим штатам Юга. В самом деле, она постоянно пишет по две статьи: одну статью, в которой нападает на Север, и другую статью, в которой оправдывается за свои нападки на Север. Qui s'excuse s'accuse[*].

Мотивы оправдания в основном гласят: война между Севером и Югом — война из-за тарифа; далее, эта война беспринципна, она не затрагивает вопроса о рабстве, так как в действительности дело идет о притязаниях Севера на верховенство; наконец, если даже право на стороне Севера, то разве не напрасной будет попытка насильственно подчинить себе 8 миллионов англосаксов! Разве отделение от Юга не избавит Север от всякой связи с рабством негров и не обеспечит ему с его 20 миллионами жителей и огромной территорией более высокое, прежде едва ли мыслимое развитие? Разве Север не должен был бы поэтому приветствовать сецессию как радостное событие, вместо того чтобы стремиться побороть ее путем кровавой и напрасной гражданской войны?

Мы рассмотрим пункт за пунктом защитительные речи английской прессы.

[*] — Кто оправдывается, тот признает себя виновным. *Ред.*

Война между Севером и Югом, — так гласит первое оправдание, — есть просто война из-за тарифа, война между покровительственной системой и системой свободной торговли, и Англия стоит, разумеется, на стороне свободной торговли. Должен ли рабовладелец пользоваться всеми плодами труда рабов или же он должен быть обманным образом лишен части этих плодов протекционистами Севера? Вот вопрос, о котором будто бы идет речь в этой войне. Газета «Times» ограничилась этим блестящим открытием; «Economist», «Examiner», «Saturday Review» и tutti quanti* развивали тему дальше. Для данного открытия характерно, что оно сделано не в Чарлстоне, а в Лондоне. В Америке каждому, конечно, было известно, что в 1846—1861 гг. господствовал фритредерский тариф и что депутат Моррилл провел в конгрессе свой протекционистский тариф 1861 г. лишь после того, как мятеж уже вспыхнул. Таким образом, сецессия произошла не потому, что в конгрессе прошел тариф Моррилла, а в лучшем случае, тариф Моррилла прошел в конгрессе потому, что произошла сецессия. Когда в 1832 г. в Южной Каролине имела место первая попытка сецессии[181], протекционистский тариф 1828 г., несомненно, послужил предлогом, но всего лишь предлогом, как это известно из заявления генерала Джэксона. На этот раз, однако, прежний предлог в самом деле не повторился. На конгрессе сецессионистов в Монтгомери избегали всякого упоминания вопроса о тарифах, так как производство сахара в Луизиане, одном из влиятельнейших штатов Юга, покоится целиком на покровительственных пошлинах.

Война Соединенных Штатов, — продолжает свои оправдания лондонская пресса, — является не чем иным, как войной за насильственное сохранение Союза. Янки не могут решиться зачеркнуть 15 звезд на своем знамени. Они хотят изображать на мировой арене колоссальную фигуру. Другое дело, конечно, если бы война велась за уничтожение рабства! Но вопрос о рабстве, — как, между прочим, категорически заявляет «Saturday Review», — не имеет никакого отношения к этой войне.

Прежде всего следует напомнить, что инициатива войны исходила не от Севера, а от Юга. Север обороняется. В течение месяцев он спокойно смотрел, как сецессионисты захватывали форты, военные арсеналы, судовые верфи, таможни, кассы, корабли, запасы оружия Союза, оскорбляли его знамя, брали в плен отдельные отряды его войск. Наконец, сецессионисты решили шумным военным выступлением заставить прави-

* — иже с ними. *Ред.*

тельство Союза отказаться от его пассивной позиции и *только поэтому* предприняли бомбардировку форта Самтер у Чарлстона. 11 апреля (1861 г.) их генерал Борегар во время переговоров с командиром форта Самтер майором Андерсоном узнал, что форт обеспечен продовольствием лишь на три дня и, таким образом, по истечении этого срока должен будет сдаться без боя. Чтобы предупредить эту сдачу без боя, сецессионисты начали рано утром на следующий же день (12 апреля) бомбардировку, которая через несколько часов привела к падению форта. Едва только это известие было передано по телеграфу в Монтгомери, где заседал конгресс сецессионистов, как военный министр Уокер публично заявил от имени новой Конфедерации: «Никто не может сказать, где закончится *начавшаяся сегодня война».* Одновременно он пророчествовал, «что знамя южной Конфедерации еще до 1 мая будет развеваться над куполом старого Капитолия в Вашингтоне, а в скором времени, быть может, и над Фанл-холлом в Бостоне»[182]. Только тогда последовало воззвание, в котором Линкольн призывал 75000 человек на защиту Союза. Бомбардировка форта Самтер отрезала единственно возможный конституционный выход, а именно — созыв всенародного американского конвента, как это было предложено Линкольном в его обращении при вступлении в должность президента. Для Линкольна оставался только один выбор; либо бежать из Вашингтона, очистить Мэриленд и Делавэр, отдать Кентукки, Миссури и Виргинию, либо на войну ответить войной.

На вопрос о принципе Гражданской войны в Америке отвечает боевой лозунг, который провозгласил Юг, нарушив мир. Стивенс, вице-президент южной Конфедерации, заявил на конгрессе сецессионистов, что конституция, высиженная в Монтгомери, существенно отличается от конституции Вашингтона и Джефферсона тем, что теперь впервые рабство признается само по себе благодетельным институтом и краеугольным камнем всего государственного здания, в то время как революционные предки, люди, опутанные предрассудками XVIII века, смотрели на рабство как на исходящее от Англии и устранимое с течением времени зло. Другой матадор Юга, г-н Спратт, воскликнул: «Для нас дело идет о создании великой рабовладельческой республики (a great slave republic)». — Итак, если Север и обнажил меч только для защиты Союза, то разве Юг не заявил уже раньше, что дальнейшее существование рабства несовместимо более с дальнейшим существованием Союза?

Подобно тому как бомбардировка форта Самтер дала сигнал к началу войны, победа на выборах *республиканской* партии

Севера, избрание Линкольна президентом, послужили сигналом к сецессии. Линкольн был избран 6 ноября 1860 года. 8 ноября 1860 г. из Южной Каролины телеграфировали: «Сецессию здесь считают решенным делом». 10 ноября законодательное собрание штата Джорджия уже занималось планами сецессии, а на 13 ноября было назначено специальное заседание законодательного собрания штата Миссисипи, чтобы рассмотреть тот же вопрос о сецессии. Но избрание Линкольна само явилось лишь результатом раскола в *демократическом* лагере. Во время избирательной борьбы демократы Севера отдали свои голоса *Дугласу,* а демократы Юга — *Брекинриджу,* и именно этому раздроблению голосов демократов обязана своей победой республиканская партия. Почему, с одной стороны, получила перевес *республиканская* партия на Севере? Почему, с другой стороны, произошел раскол *внутри демократической* партии, обе части которой на Севере и на Юге более полустолетия действовали совместно?

Власть над Союзом, которую Юг постепенно узурпировал благодаря своему сговору с демократами Севера, достигла своего кульминационного пункта во время президентства Бьюкенена. Последний Континентальный конгресс 1787 г. и первый конгресс, созванный на основе конституции в 1789—1790 гг., законодательным путем запретили рабство во всех территориях республики к северо-западу от Огайо. (Территориями называются, как известно, расположенные внутри самих Соединенных Штатов колонии, население которых еще не достигло численности, необходимой по конституции для образования самостоятельных штатов[183].) Так называемый Миссурийский компромисс (1820 г.), в результате которого Миссури вошел в состав Соединенных Штатов в качестве рабовладельческого штата, запрещал рабство во всех остальных территориях к северу от 36°30' широты и к западу от Миссури. Благодаря этому компромиссу, область рабовладения продвинулась на несколько градусов долготы, между тем как, с другой стороны, его будущее распространение, казалось, было ограничено вполне определенной географической линией. Этот географический барьер был, в свою очередь, опрокинут в 1854 г. так называемым биллем Канзас-Небраска, автором которого являлся Ст. А. Дуглас, тогдашний лидер демократов Севера. Этот билль, прошедший в обеих палатах конгресса, отменял Миссурийский компромисс, ставил рабство и свободу в равные условия, предписывал правительству Союза относиться к ним обоим с одинаковым безразличием и предоставлял народному суверенитету, т. е. большинству колонистов, решение вопроса

о том, вводить или не вводить рабство в какой-либо территории. Так впервые в истории Соединенных Штатов были устранены всякие географические и юридические преграды для распространения рабства в территориях. Под действием этого нового законодательства свободная до тех пор территория Новая Мексика — территория, в пять раз большая, чем штат Нью-Йорк — была превращена в рабовладельческую территорию, и сфера рабства была продолжена от границы Мексиканской республики до 38° северной широты. В 1859 г. Новая Мексика получила рабовладельческий кодекс, который может соперничать в варварстве с кодексами законов Техаса и Алабамы, Между тем, как доказывает перепись 1860 г., Новая Мексика с населением почти в 100000 жителей не насчитывает и полусотни рабов. Таким образом, для Юга было достаточно послать через границу нескольких авантюристов с немногими рабами и затем, с помощью центрального правительства в Вашингтоне, а также его чиновников и поставщиков в Новой Мексике, созвать с невероятным шумом мнимонародное представительство, чтобы навязать этой территории рабство и тем самым господство рабовладельцев.

Однако в других территориях этот удобный метод оказался неприменимым. Тогда Юг сделал следующий шаг и апеллировал от конгресса к Верховному суду Соединенных Штатов. Этот суд, насчитывающий девять судей, из которых пять принадлежат Югу, был издавна послушнейшим орудием рабовладельцев. В 1857 г., по пресловутому делу Дреда Скотта[184] он постановил, что каждый американский гражданин имеет право взять с собой на любую территорию всякую признанную конституцией собственность. Конституция признает рабов собственностью и обязывает правительство Союза защищать эту собственность. Следовательно, на основании конституции владельцы могут принудить своих рабов к труду в территориях, и каждый отдельный рабовладелец может, таким образом, вводить рабство в свободных до сих пор территориях против воли большинства колонистов. Законодательные собрания территорий лишались права запрещать рабство, а на конгресс, наряду с правительством Союза, возлагалась обязанность защищать пионеров рабовладельческой системы.

Если Миссурийский компромисс 1820 г. расширил географические границы рабства в территориях, если билль Канзас-Небраска 1854 г. уничтожил всякую географическую границу и поставил на ее место политическую преграду — волю большинства колонистов, то Верховный суд Соединенных Штатов своим решением в 1857 г. уничтожил и эту политическую

преграду, превратив все территории республики, настоящие и будущие, из рассадников свободных штатов в рассадники рабства.

В то же время при правительстве Бьюкенена в штатах Севера беспощадно проводился изданный в 1850 г. более суровый закон о выдаче беглых рабов[185]. Казалось, что поимка рабов для южных рабовладельцев стала конституционным призванием Севера. С другой стороны, чтобы по возможности задержать колонизацию территорий свободными поселенцами, партия рабовладельцев срывала все меры по созданию так называемого фонда свободных земель [Freesoil-Masregeln], то есть меры, которые должны были безвозмездно обеспечить колонистам определенное количество невозделанных государственных земель[186].

Как во внутренней, так и во внешней политике Соединенных Штатов интересы рабовладельцев служили путеводной звездой. Фактически Бьюкенен добился поста президента благодаря изданию Остендского манифеста, в котором приобретение Кубы, будь то путем покупки или силой оружия, провозглашалось великой задачей национальной политики[187]. Во время его правления Северная Мексика была уже поделена между американскими земельными спекулянтами, которые нетерпеливо ждали сигнала, чтобы наброситься на Чиуауа, Коауилу и Сонору[188]. Непрерывные пиратские экспедиции флибустьеров против государств Центральной Америки подобным же образом направлялись Белым домом в Вашингтоне. В теснейшей связи с этой внешней политикой, открытой целью которой было завоевание новых областей для распространения рабства и господства рабовладельцев, находилось втайне поддерживаемое правительством Союза *возобновление торговли рабами*[189]. 20 августа 1859 г. Ст. А. Дуглас сам заявил в американском сенате: за последний год негров из Африки ввезено больше, чем за какой-либо другой год, даже по сравнению с тем временем, когда работорговля еще была разрешена законом; число ввезенных за последний год рабов достигает 15000.

Вооруженное распространение рабства вовне сделалось признанной целью национальной политики; Союз действительно стал рабом 300000 рабовладельцев, господствовавших на Юге. К такому результату привел целый ряд компромиссов, которыми Юг обязан своему союзу с демократами Севера. Об этот же самый? союз до сих пор разбивались все периодически повторявшиеся с 1817 г. попытки оказать сопротивление непрерывно возраставшему натиску рабовладельцев. Наконец наступил переломный момент.

Едва только прошел билль Канзас-Небраска, который уничтожал географическую границу рабовладения и ставил введение рабства в новых территориях в зависимость от воли большинства колонистов, как вооруженные эмиссары рабовладельцев, пограничный сброд из Миссури и Арканзаса, с охотничьим ножом в одной руке и револьвером в другой, набросились на Канзас и путем неслыханных зверств пытались прогнать колонистов с заселенной ими территории. Эти разбойничьи набеги поддерживались центральным правительством в Вашингтоне. Отсюда чрезвычайно сильная ответная реакция. На всем Севере, а особенно на Северо-Западе, образовалась Организация помощи с целью оказать поддержку Канзасу людьми, оружием и деньгами[190]. Из этой Организации помощи и возникла *республиканская партия,* которая, следовательно, обязана своим появлением борьбе за Канзас. После того как потерпела крушение попытка силой оружия превратить Канзас в *рабовладельческую территорию,* Юг пытался достигнуть того же результата посредством политических интриг. Правительство Бьюкенена прилагало все силы, чтобы путем принудительных мер заставить Канзас войти в состав Соединенных Штатов в качестве *рабовладельческого штата,* навязав ему рабовладельческую конституцию. Отсюда новая борьба, которая велась на этот раз главным образом в вашингтонском конгрессе. Даже Ст. А. Дуглас, лидер демократов Севера, решительно выступил теперь (1857—1858 гг.) против правительства и против своих союзников на Юге, так как навязывание рабовладельческой конституции противоречило принципу суверенитета колонистов, проведенному в билле о Небраске в 1854 году. Дуглас, сенатор от северо-западного штата Иллинойс, потерял бы, конечно, все свое влияние, если бы он захотел признать за Югом право с оружием в руках или посредством актов конгресса отнять колонизованные Севером территории. Таким образом, подобно тому как борьба за Канзас вызвала к жизни *республиканскую партию,* она послужила одновременно причиной первого *раскола внутри* самой *демократической партии.*

Республиканская партия выдвинула свою первую программу на президентских выборах 1856 года. Несмотря на то, что ее кандидат Джон Фримонт не победил, огромное количество голосов, которое он получил, безусловно свидетельствовало о быстром росте партии, особенно на Северо-западе. На своем втором национальном конвенте перед президентскими выборами (17 мая 1860 г.) республиканцы повторили свою программу 1856 г., снабдив ее лишь некоторыми дополнениями. Основное содержание ее было таково: рабству не предоставляется более

ни одной пяди новых территорий; пиратская внешняя политика должна быть прекращена; возобновление торговли рабами клеймится позором; наконец, должны быть изданы законы о свободных землях для поощрения свободной колонизации.

Самым важным пунктом этой программы было то, что рабству не предоставлялось ни пяди новых земель, — напротив, предлагалось навсегда ограничить его пределами тех штатов, где оно уже было узаконено. Таким образом, рабство как бы интернировалось; но непрерывное расширение территории и непрерывное распространение рабства за пределы его старых границ —-это условие существования рабовладельческих штатов Союза.

Возделываемые рабами культуры предметов южного экспорта — хлопок, табак, сахар и т. д. — являются доходными лишь в том случае, если они производятся большими группами рабов в массовом масштабе и на обширных пространствах естественно плодородной почвы, требующей лишь примитивного труда. Интенсивные культуры, зависящие не столько от плодородия почвы, сколько от вложенного капитала, образованности и инициативности работника, противоречат самому существу рабства. Отсюда быстрое превращение таких штатов, как Мэриленд и Виргиния, ранее применявших рабский труд для производства товаров на экспорт, в штаты, разводящие рабов, чтобы затем экспортировать их в отдаленные районы Юга. Даже в Южной Каролине, где рабы составляют четыре седьмых населения, культура хлопка в течение ряда лет почти совсем не развивается вследствие истощения почвы. Больше того, Южная Каролина под давлением обстоятельств частично уже превратилась в штат, разводящий рабов, так как она ежегодно продает рабов в штаты крайнего Юга и Юго-Запада уже на 4 миллиона долларов. Как только наступает такой момент, становится необходимым приобретение новых территорий, для того чтобы одной части рабовладельцев с их рабами предоставить новые плодородные земли, а другой, оставшейся части, создать новый рынок для разведения, а следовательно, и для продажи рабов. Так, например, не подлежит сомнению, что если бы не присоединение к Соединенным Штатам Луизианы, Миссури и Арканзаса, рабство в Виргинии и Мэриленде давно бы исчезло. Один из лидеров южан, сенатор Тумбс, удачно выразил на конгрессе сецессионистов в Монтгомери экономический закон, который требует непрерывного расширения территории рабовладения:

«Если не произойдет значительного увеличения рабовладельческой территории», — сказал он, — «то через 15 лет придется разрешить рабам убегать от белых, или же белые вынуждены будут бежать от рабов».

Представительство отдельных штатов в палате представителей конгресса зависит, как известно, от соответствующей численности их населения. Так как население свободных штатов растет несравненно быстрее, чем население рабовладельческих штатов, то число представителей Севера должно было вскоре обогнать число представителей Юга. Поэтому подлинным средоточием политической власти Юга все больше и больше становится американский сенат, где каждый штат, независимо от численности его населения, представлен двумя сенаторами. Следовательно, для того чтобы утвердить свое влияние в сенате, а через сенат и свою гегемонию в Соединенных Штатах, Юг нуждался в непрерывном образовании новых рабовладельческих штатов. Но это было возможно лишь путем захвата чужих земель, как было с Техасом, или же путем превращения принадлежащих Соединенным Штатам территорий сначала в рабовладельческие территории, а затем в рабовладельческие штаты, как это было с Миссури, Арканзасом и другими. *Джон Калхун,* которым рабовладельцы восхищаются как своим государственным деятелем par excellence*, уже 19 февраля 1847 г. заявил в сенате, что только сенат обеспечивает Югу равновесие сил, что необходимо расширение территории рабовладения, чтобы сохранить это равновесие в сенате между Севером и Югом, и что именно этим оправдываются попытки Юга насильственным путем создать новые рабовладельческие штаты.

Наконец, число собственно рабовладельцев на юге Союза не превышает 300000 — ограниченная олигархия, которой противостоят многие миллионы так называемых «белых бедняков» (poor whites), масса которых постоянно возрастала вследствие концентрации землевладения и положение которых можно сравнить лишь с положением римских плебеев во времена крайнего упадка Рима. Только приобретением и надеждой на приобретение новых территорий, а также пиратскими набегами удается примирять интересы этих «белых бедняков» с интересами рабовладельцев, давать безопасное направление их беспокойной жажде деятельности и прельщать их перспективой самим когда-нибудь стать рабовладельцами.

Итак, ограничение рабства пределами его старой территории должно было, согласно экономическому закону, привести к его постепенному исчезновению, уничтожить политическую гегемонию, осуществляемую рабовладельческими штатами через сенат, и, наконец, подвергнуть рабовладельческую олигархию

* — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

опасностям, угрожающим ей внутри ее собственных штатов со стороны «белых бедняков». Своим принципом, что всякое дальнейшее расширение рабовладельческих территорий должно быть воспрещено законом, республиканцы, таким образом, подсекали самый корень господства рабовладельцев. Победа республиканцев на выборах должна была поэтому привести к открытой борьбе между Севером и Югом. Однако сама эта победа была обусловлена, как указывалось выше, расколом в лагере демократов.

Уже борьба за Канзас вызвала раскол между партией сторонников рабовладения и ее союзником — демократами Севера. Тот же спор снова вспыхнул в более общей форме теперь, во время президентских выборов в 1860 году. Демократы Севера, во главе со своим кандидатом Дугласом, ставили введение рабства в территориях в зависимость от воли большинства колонистов. Партия рабовладельцев, во главе со своим кандидатом Брекинриджем, утверждала, что из конституции Соединенных Штатов, как это разъяснил также и Верховный суд, законно вытекает рабство; рабство-де уже само по себе является законным во всех территориях и не нуждается ни в какой особой натурализации. Следовательно, в то время как республиканцы воспрещали всякое увеличение рабовладельческих территорий, партия южан претендовала на все территории республики как на гарантированные законом домены. То, что рабовладельцы пытались проделать в качестве примера с Канзасом, — навязать территории рабство с помощью центрального правительства против воли самих колонистов — они теперь объявляли законом для всех территорий Союза. На такую уступку не могли пойти лидеры *демократов,* так как она привела бы только к дезертирству их армии в лагерь республиканцев. С другой стороны, партию рабовладельцев не мог удовлетворить «суверенитет колонистов», предложенный Дугласом. То, чего она хотела добиться, необходимо было провести в ближайшие четыре года при новом президенте; это могло быть проведено только средствами центрального правительства и не допускало дальнейших отсрочек. От внимания рабовладельцев не ускользнуло, что образовалась новая сила, *Северо-Запад,* население которого почти удвоилось за время с 1850 по 1860 г. и находилось уже примерно на одном уровне с белым населением рабовладельческих штатов. Эта сила не была склонна ни по традициям, ни по темпераменту, ни по образу жизни тащиться от компромисса к компромиссу, подобно старым северо-восточным штатам. Для Юга Союз имел ценность лишь постольку, поскольку он предоставлял ему федеральную

власть как средство для проведения политики в интересах рабовладельцев. В противном случае для него лучше было порвать теперь же, чем еще в течение четырех лет созерцать развитие республиканской партии и подъем Северо-Запада, чтобы затем начать борьбу при неблагоприятных условиях. Итак, партия рабовладельцев играла ва-банк!. Когда демократы Севера отказались и дальше играть роль «белых бедняков» Юга, Юг доставил Линкольну победу благодаря раздроблению голосов и воспользовался затем этой победой как предлогом для того, чтобы обнажить меч.

Все движение, как это ясно видно, покоилось и покоится на *вопросе о рабстве.* Не в том смысле, должны ли рабы быть немедленно освобождены внутри существующих рабовладельческих штатов, а в том, должны ли 20 миллионов свободных жителей Севера и далее подчиняться олигархии 300 тысяч рабовладельцев; должны ли огромные территории республики служить основой для создания свободных штатов или стать рассадниками рабства; наконец, должна ли национальная политика Союза сделать своим девизом вооруженное распространение рабства в Мексике, Центральной и Южной Америке.

В следующей статье мы рассмотрим утверждение лондонской прессы, будто Север должен приветствовать сецессию как наиболее благоприятное и единственно возможное разрешение конфликта.

Написано К. Марксом 20 октября 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 293, 25 октября 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

«Пусть убегает, он не достоин твоего гнева!» Этот совет Лепорелло покинутой возлюбленной Дон-Жуана английская государственная мудрость вновь и вновь преподносит Северу Соединенных Штатов — еще недавно такой совет прозвучал из уст лорда Джона Рассела. Если Север позволит Югу убежать, то он будто бы освободится от всякой связи с рабством, от своего исторического первородного греха, и создаст основу для нового, более высокого развития.

Действительно, если бы Север и Юг представляли собой два самостоятельных государства, как, например, Англия и Ганновер, то их отделение друг от друга было бы не труднее, чем отделение Англии от Ганновера[191]. Однако *«Юг»* не представляет собой ни области, строго отделенной от Севера в географическом отношении, ни единого целого в духовном отношении. Вообще это не страна, а боевой лозунг.

Совет разойтись полюбовно предполагает, что южная Конфедерация, хотя и является нападающей стороной в гражданской войне, ведет ее, по крайней мере, в целях обороны. Думают, что для партии рабовладельцев дело идет лишь о том, чтобы объединить области, в которых она господствовала до сих пор, в самостоятельную группу штатов и изъять их из-под верховной власти Союза. Не может быть представления более ложного. *«Югу нужна вся его территория.* Он хочет и должен ее иметь». Таков был боевой клич, с которым сецессионисты напали на Кентукки. Под «всей территорией» Юга они подразумевают прежде всего все так называемые *пограничные штаты* (border states) — Делавэр, Мэриленд, Виргинию, Северную

Каролину, Кентукки, Теннесси, Миссури и Арканзас. Кроме того, они претендуют на всю территорию к югу от линии, проходящей от северо-западной окраины Миссури до Тихого океана. Следовательно, то, что рабовладельцы называют «Югом», охватывает более чем три четверти прежних владений Союза. Большая часть территории, на которую они претендуют, находится еще во владении Союза и сначала должна быть у него отвоевана. Что же касается так называемых пограничных штатов, включая и те, которые находятся во владении Конфедерации, то они никогда не были *собственно рабовладельческими штатами.* Они скорее составляют область владений Соединенных Штатов, в которой система рабства и система свободного труда существуют рядом друг с другом и борются за господство, представляя собой настоящее поле битвы между Югом и Севером, между рабством и свободой. Война, которую ведет южная Конфедерация, является, следовательно, не оборонительной, а захватнической войной, войной за распространение и увековечение рабства.

Горная цепь, которая начинается в Алабаме и тянется на север до реки Гудзон, образуя как бы позвоночный столб Соединенных Штатов, разрезает так называемый Юг на три части. Горная область, образуемая Аллеганскими горами с их двумя параллельными цепями — Камберлендской грядой на западе и Голубым хребтом на востоке, — подобно клину отделяет низменность западного побережья Атлантического океана от низменности южных долин Миссисипи. Обе эти разделенные горной областью низменности, с их огромными болотами рисовых полей и широко раскинувшимися хлопковыми плантациями, и представляют подлинную зону рабства. Длинный горный клин, врезающийся в самое сердце рабовладельческой территории и обладающий живительной атмосферой, здоровым климатом и почвой, богатой углем, солью, известняком, железной рудой, золотом, короче — всеми видами сырья, необходимыми для всестороннего промышленного развития, является уже теперь в большей своей части свободной страной. По своим физическим свойствам почва здесь может успешно обрабатываться лишь свободными парцелльными крестьянами. Рабовладельческая система лишь спорадически прозябала здесь и никогда не пускала глубоких корней. Из жителей этой горной области и состоит в большей части так называемых пограничных штатов ядро свободного населения, которое уже в интересах самосохранения становится на сторону Севера.

Рассмотрим отдельные части спорной области.

Делавэр, самый северо-восточный из пограничных штатов, находится фактически и в духовном отношении во владении Союза. Все попытки сецессионистов создать здесь хотя бы одну дружественную им партийную фракцию терпели неудачу с самого начала войны благодаря единодушию населения. Контингент рабов в этом штате уже давно находится в процессе вымирания. Только за период с 1850 по 1860 г, число рабов уменьшилось наполовину, так что Делавэр насчитывает теперь, при общей численности населения в 112218 человек, лишь 1798 рабов. Несмотря на это, южная Конфедерация требует передать ей Делавэр, и в военном отношении Север действительно не смог бы его удержать, как только Юг овладел бы Мэрилендом.

Вышеупомянутый конфликт между горной областью и равниной имеет место и в самом *Мэриленде.* На 687034 человека всего населения здесь приходится 87188 рабов. То, что подавляющее большинство населения идет за Союзом, еще раз убедительно доказали недавние всеобщие выборы в вашингтонский конгресс. Тридцатитысячная армия Союза, занимающая в настоящее время Мэриленд, должна не только служить резервом армии на Потомаке, но также, в особенности, удерживать в повиновении мятежных рабовладельцев во внутренних районах страны. Здесь обнаруживается то же явление, что и в других пограничных штатах, где основная масса населения стоит на стороне Севера, а численно незначительная партия рабовладельцев — на стороне Юга. Свою малочисленность партия рабовладельцев возмещает средствами власти, которыми она располагает в результате долголетней монополии на все государственные должности, непрерывных занятий из поколения в поколение политическими интригами и концентрацией огромных состояний в немногих руках.

Виргиния представляет в настоящий момент огромный военный лагерь, где главная армия сецессионистов и главная армия Союза противостоят друг другу. В северо-западных гористых местностях Виргинии число рабов составляет 15000, в то время как в двадцать раз превышающее его свободное население состоит большей частью из независимых крестьян. Напротив, восточная равнина Виргинии насчитывает около полумиллиона рабов. Разведение негров и продажа их в южные штаты являются для нее главным источником дохода. Когда зачинщики мятежа в равнине путем интриг провели в законодательном собрании штата в Ричмонде акт о сецессии и поспешили открыть южной армии ворота Виргинии, северо-запад Виргинии отмежевался от сецессионистов, образовал новый

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ НАКАНУНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1861–1865 ГГ.
КАНАДА
(Брит.)
ТИХИЙ ОКЕАН
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
МЕКСИКАНСКИЙ ЗАЛИВ
МЕКСИКА
ТЕРРИТОРИЯ ВАШИНГТОН
ТЕРРИТОРИЯ ДАКОТА
ТЕРРИТОРИЯ НЕБРАСКА
ТЕРРИТОРИЯ НЕВАДА
ТЕРРИТОРИЯ ЮТА
ТЕРРИТОРИЯ КОЛОРАДО
ТЕРРИТОРИЯ НОВАЯ МЕКСИКА
ИНДЕЙСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ
ОРЕГОН
КАЛИФОРНИЯ
МИННЕСОТА
ВИСКОНСИН
МИЧИГАН
АЙОВА
ИЛЛИНОЙС
ИНДИАНА
ОГАЙО
КАНЗАС
МИССУРИ
КЕНТУККИ
ПЕНСИЛЬВАНИЯ
НЬЮ-ЙОРК
НОВАЯ АНГЛИЯ
ВИРГИНИЯ 17.IV.1861
СЕВ. КАРОЛИНА 21.V.1861
ТЕННЕССИ 7.V.1861
ЮЖН. КАРОЛИНА 20.XII.1860
ДЖОРДЖИЯ 19.I.1861
АЛАБАМА 11.I.1861
МИССИСИПИ 9.I.1861
ЛУИЗИАНА 26.I.1861
АРКАНЗАС 6.V.1861
ТЕХАС 1.II.1861
ФЛОРИДА 10.I.1861
Портленд
Сейлем
Сакраменто
Сан-Франциско
Лос-Анжелес
Сент-Пол
Мадисон
Лансинг
Детройт
Де-Мойн
Чикаго
Спрингфилд
Индианаполис
Колумбус
Франкфорт
Луисвилл
Топика
Осоватоми
Джефферсон-Сити
Сент-Луис
Нашвилл
Питтсбург
Гаррисберг
Филадельфия
Балтимор
Вашингтон
Ричмонд
Норфолк
Роли
Уилмингтон
Колумбия
Чарлстон
Атланта
Монтгомери
Джэксон
Литл-Рок
Остин
Батон-Руж
Новый Орлеан
Таллахасси
Джэксонвилл
Олбани
Бостон
Конкорд
Хартфорд
Провиденс
Нью-Йорк
Трентон
Довер
Аннаполис
Монпилиер
Огаста
мыс Гаттерас
Багамские о-ва (Брит.)
Миссури
Миссисипи
Колумбия
Снейк
Йеллоустон
Колорадо
Платт
Арканзас
Канейдиан
Огайо
Теннесси
Рио-Гранде
Свободные штаты
Северо-Восточные
Северо-Западные
Западные
Рабовладельческие штаты
Пограничные
Южные
Граница рабовладения по Миссурийскому компромиссу 1820 г.
Территории, на которые распространилось рабовладение после принятия билля Канзас-Небраска 1854 г.
Граница между Союзом и Конфедерацией
20.XII.1860 Даты выхода штатов из Союза
Административные центры штатов
Границы штатов и территорий на 31 марта 1861 г.
Государственные границы на 1861 г.
Штаты, обозначенные на карте цифрами:
1 – Коннектикут 2 – Род-Айленд 3 – Делавэр
150 0 150 300 км

штат и теперь под знаменем Союза с оружием в руках защищает свои владения от вторжений южан.

Теннесси, с населением в 1109847 жителей, среди которых 275784 раба, находится в руках южной Конфедерации, подвергнувшей всю страну осадному положению и системе проскрипций, как во времена римских триумвиратов. Когда рабовладельцы зимой 1861 г. предложили созвать всенародный конвент, который должен был так или иначе решить вопрос о сецессии, большинство населения отвергло какой бы то ни было созыв конвента, чтобы тем самым уничтожить всякий предлог для сецессионистского движения. Позднее, когда Теннесси был уже захвачен войсками южной Конфедерации и там была установлена система террора, все же больше одной трети голосовавших на выборах высказалось в пользу Союза. Подлинный центр сопротивления против партии рабовладельцев составляет здесь, как и в большинстве пограничных штатов, горная область — *Восточный Теннесси.* 17 июня 1861 г. в Грин-вилле собрался всенародный конвент Восточного Теннесси, который высказался в пользу Союза, делегировал бывшего губернатора штата Эндрью Джонсона, одного из ревностных приверженцев Союза, в вашингтонский сенат и опубликовал «declaration of grievances» — жалобу, раскрывающую все средства обмана, интриг и запугивания, с помощью которых Теннесси был «отголосован» [«hinausvotiert»] из Союза. С этого времени сецессионисты силой оружия удерживают Восточный Теннесси в повиновении.

Такое же положение, как в Западной Виргинии и Восточном Теннесси, мы встречаем на севере Алабамы, северо-западе Джорджии и на севере Северной Каролины.

Дальше к западу, в пограничном штате *Миссури,* где насчитывается 1173317 жителей и 114965 рабов, — последние по большей части сосредоточены в северо-западной части штата — народный конвент в августе 1861 г. высказался в пользу Союза. Джексон, губернатор штата и орудие в руках партии рабовладельцев, выступил против законодательного собрания Миссури и был объявлен вне закона; после этого он возглавил вооруженные банды, напавшие на Миссури из Техаса, Арканзаса и Теннесси, чтобы поставить Миссури на колени перед Конфедерацией и разрубить мечом узы, связывающие его с Союзом. Миссури, наряду с Виргинией, является в настоящий момент главным театром гражданской войны.

Новая Мексика — не штат, а только территория, куда во время президентства Бьюкенена были ввезены 25 рабов, чтобы вслед за ними прислать из Вашингтона рабовладельческую

конституцию; Новая Мексика, как это признает даже Юг, вовсе не добивалась присоединения к нему. Зато Юг добивался Новой Мексики и поэтому перебросил через границу из *Техаса* вооруженную банду авантюристов. Новая Мексика взывала к правительству Союза о защите от этих «освободителей».

Читатель, вероятно, уже заметил, что мы придаем особое значение численному соотношению между рабами и свободными жителями в отдельных пограничных штатах. И действительно, это соотношение является решающим. Это термометр, которым следует измерять жизненные силы всей системы рабства. Душой всего сецессионистского движения является *Южная Каролина.* Этот штат насчитывает 402541 раба на 301271 свободного жителя. Далее следует *Миссисипи,* давший южной Конфедерации ее диктатора Джефферсона Дэвиса. Этот штат насчитывает 436696 рабов на 354699 свободных жителей. На третьем месте стоит *Алабама,* где 435132 раба приходятся на 529164 свободных жителя.

Последний из спорных пограничных штатов, который нам предстоит еще рассмотреть, — это *Кентукки.* Его недавняя история особенно характерна для политики южной Конфедерации. Кентукки насчитывает на 1135713 жителей 225490 рабов. Во время трех следовавших друг за другом всенародных выборов — зимой 1861 г., когда избирались делегаты на конгресс пограничных штатов, в июне 1861 г., когда состоялись выборы в вашингтонский конгресс, и, наконец, в августе 1861 г., при выборах в законодательное собрание штата Кентукки, — неизменно возрастающее большинство высказывалось в пользу Союза. Зато Магоффин, губернатор Кентукки, и все высшие должностные лица штата являются фанатическими сторонниками партии рабовладельцев, равно как и Брекинридж, представитель Кентукки в вашингтонском сенате, вице-президент Соединенных Штатов при Бьюкенене и кандидат на президентских выборах 1860 г. от партии рабовладельцев. Влияние партии рабовладельцев оказалось слишком слабым для того, чтобы склонить Кентукки на сторону сецессии, но достаточно сильным для того, чтобы заставить этот штат объявить в начале войны о своем нейтралитете. Конфедерация признавала нейтралитет до тех пор, пока тот служил ее целям, пока она была занята подавлением сопротивления в Восточном Теннесси. Как только эта цель была достигнута, она стала стучать ружейным прикладом в ворота Кентукки с кличем: *«Югу нужна вся его территория.* Он хочет и должен ее иметь!»

Разбойничьи банды Конфедерации ворвались в «нейтральный» штат одновременно с юго-запада и юго-востока. Кентукки

очнулся от сна нейтралитета, его законодательное собрание открыто стало на сторону Союза, приставило к предателю-губернатору комитет общественной безопасности, призвало народ к оружию, объявило Брекинриджа вне закона и приказало сецессионистам немедленно очистить захваченную территорию. Это был сигнал к войне. Армия южной Конфедерации двинулась на Луисвилл, в то время как волонтеры из Иллинойса, Индианы и Огайо устремились в Кентукки, чтобы спасти его от вооруженных миссионеров рабства.

Попытки Конфедерации, присоединить к себе, например, Кентукки и Миссури против воли этих штатов доказывают нелепость предлога, будто бы она борется за права отдельных штатов против посягательств на них со стороны Союза. Конфедерация, правда, признает за отдельными штатами, которые она причисляет к «Югу», право отделиться от Союза, но отнюдь не признает за ними права оставаться в Союзе.

Даже собственно рабовладельческие штаты не свободны от противодействующих элементов, хотя война вовне, военная диктатура внутри и рабство повсюду придают им в данный момент видимость гармонии. Ярким примером является *Техас,* где 180388 рабов приходятся на 601039 жителей. Закон 1845 г., в силу которого Техас вошел в состав Соединенных Штатов в качестве рабовладельческого штата, давал ему право образовать из его территории не один, а целых пять штатов. Таким образом Юг приобрел бы в американском сенате десять новых голосов вместо двух, а увеличение числа голосов в сенате было главной целью его тогдашней политики. Однако рабовладельцы не считали возможным в 1845—1860 гг. разделить Техас, где большую роль играет немецкое население, хотя бы на два штата, чтобы не дать при этом во втором штате партии свободного труда преимущества по сравнению с партией рабовладения. Это — лучшее доказательство того, как сильно противодействие рабовладельческой олигархии в самом Техасе.

Джорджия — самый большой и самый населенный из рабовладельческих штатов. Из общего числа жителей в 1057327 человек здесь насчитывается 462230 рабов, что составляет почти половину всего населения. Несмотря на это рабовладельческой партии до сих пор не удалось санкционировать в Джорджии путем всенародного голосования конституцию, навязанную Югу в Монтгомери.

На конвенте штата *Луизиана,* собравшемся 21 марта 1861 г. в Новом Орлеане, политический ветеран штата Розелиес заявил:

«Монтгомерийская конституция — это не конституция, а заговор. Она учреждает не народное правительство, а *ненавистную и неограниченную*

олигархию. Народу не было дозволено принять участие в этом деле. Конвент в Монтгомери вырыл могилу политической свободе, и теперь нас созывают, чтобы присутствовать на ее похоронах».

В самом деле, олигархия 300000 рабовладельцев использовала конгресс в Монтгомери не только для того, чтобы провозгласить отделение Юга от Севера. Она использовала его также и для изменения внутреннего устройства рабовладельческих штатов, для полного подчинения той части белого населения, которая сохраняла еще некоторую самостоятельность под защитой демократической конституции Союза. Уже в период с 1856 по 1860 г. политические лидеры, юристы, моралисты и теологи рабовладельческой партии старались доказать не столько правомерность рабства негров, сколько то, что цвет кожи не имеет значения для существа дела и что трудящиеся классы всюду созданы для рабства.

Итак, мы видим, что война, которую ведет южная Конфедерация, является в полном смысле слова захватнической войной, войной за распространение и увековечение рабства. Большая часть пограничных штатов и территорий находится еще во владении Союза, на сторону которого они стали сначала посредством своего волеизъявления на выборах, а затем и с оружием в руках. Конфедерация же причисляет их к *«Югу»* и стремится отвоевать их у Союза. В тех пограничных штатах, которые Конфедерации пока удалось захватить, она удерживает в повиновении сравнительно свободные горные районы посредством осадного положения. Что же касается собственно рабовладельческих штатов, то и там Конфедерация вытесняет прежнюю демократию, заменяя ее неограниченной олигархией 300000 рабовладельцев.

Отказавшись от своих завоевательных планов, южная Конфедерация признала бы свою нежизнеспособность и отказалась бы от цели, которая ставится сецессией. Ведь сецессия произошла только потому, что в рамках Союза превращение пограничных штатов и территорий в рабовладельческие штаты оказалось более невозможным. С другой стороны, мирно уступив южной Конфедерации спорные области, Север предоставил бы рабовладельческой республике более чем три четверти всей территории Соединенных Штатов. Север потерял бы целиком побережье Мексиканского залива и Атлантического океана, за исключением узкой полосы от бухты Пенобскот до залива Делавэр, и сам отрезал бы себя от Тихого океана. Миссури, Канзас, Новая Мексика, Арканзас и Техас последовали бы за Калифорнией[192]. Крупные земледельческие штаты, расположенные в котловине между Скалистыми горами и Аллеганами,

в долинах Миссисипи, Миссури и Огайо, будучи не в состоянии вырвать устье Миссисипи из рук сильной и враждебной им рабовладельческой республики на Юге, были бы вынуждены в силу своих экономических интересов отделиться от Севера и присоединиться к южной Конфедерации. Эти северо-западные штаты, в свою очередь, вовлекли бы в тот же водоворот сецессии и все прочие северные штаты, расположенные далее к востоку, за исключением, быть может, штатов Новой Англии[193].

Таким образом, в действительности произошло бы не распадение Союза, а *реорганизация* его, *реорганизация на основе рабства* под признанным контролем рабовладельческой олигархии. План такой реорганизации был открыто провозглашен главными ораторами Юга на конгрессе в Монтгомери и воплощен в том параграфе новой конституции, который предоставляет любому штату прежнего Союза право свободно присоединиться к новой Конфедерации. Рабовладельческая система заразила бы весь Союз. В северных штатах, где рабство негров практически неосуществимо, белый рабочий класс был бы постепенно низведен до уровня илотов[194]. Это вполне соответствовало бы открыто провозглашенному принципу, что только определенные расы могут пользоваться свободой и что, если на Юге самый тяжелый труд является уделом негров, то на Севере он является уделом немцев и ирландцев или их прямых потомков.

Современная борьба между Югом и Севером есть, следовательно, не что иное, как борьба двух социальных систем — системы рабства и системы свободного труда. Эта борьба вспыхнула потому, что обе системы не могут долее мирно существовать бок о бок на североамериканском континенте. Она может закончиться лишь победой одной из этих систем.

Если пограничные штаты, эти спорные области, где обе системы до сих пор боролись за господство, являются шипом в теле Юга, то, с другой стороны, нельзя не признать, что они в минувший период войны были наиболее слабым пунктом Севера. Часть рабовладельцев этих округов по приказанию заговорщиков Юга выказывала лицемерную лояльность по отношению к Северу; другая часть действительно считала, что в соответствии с ее реальными интересами и традиционными представлениями ей следует быть на стороне Союза. Те и другие в одинаковой степени парализовали Север. Забота о том, чтобы удержать расположение «лояльных» рабовладельцев пограничных штатов, боязнь бросить их в объятия сецессионистов, — одним словом, трогательное внимание к интересам, предрассудкам и чувствам этих сомнительных союзников с самого начала войны чрезвычайно ослабило правительство Союза,

принудило его к полумерам, заставило лицемерно скрывать принцип войны и щадить самое уязвимое место противника, корень зла — *само рабство.*

Если еще недавно Линкольн малодушно отверг Миссурийскую прокламацию Фримонта об освобождении рабов, принадлежащих мятежникам[195], то это произошло лишь из опасения перед громким протестом «лояльных» рабовладельцев Кентукки. Однако переломный момент уже наступил. Кентукки — последний из пограничных штатов — был втянут в борьбу между Севером и Югом. С началом действительной войны за пограничные штаты в самих пограничных штатах исход этой борьбы уже не будет зависеть от дипломатических и парламентских переговоров. Одна часть рабовладельцев сбросит маску лояльности, другая же удовольствуется перспективой денежного вознаграждения, подобного тому, какое Великобритания заплатила вест-индским плантаторам[196]. Сами события заставляют провозгласить решающий лозунг — *освобождение рабов.*

О том, что даже самые неисправимые деятели демократической партии и дипломаты Севера независимо от своей воли приходят к такому выводу, свидетельствуют некоторые заявления, сделанные в последнее время. Генерал *Касс,* военный министр при Бьюкенене и до сих пор один из самых ревностных сторонников Юга, в открытом послании объявляет освобождение рабов conditio sine qua non[*] спасения Союза. Д-р *Браунсон,* лидер католической партии Севера, по его собственному признанию, самый энергичный противник аболиционистского движения с 1836 по 1860 г., публикует в октябре, в последнем номере своего «Обозрения»[197] статью *за* освобождение рабов.

«Если мы», — говорит он между прочим, — «до сих пор боролись против освобождения рабов, считая это опасным для Союза, то тем решительнее должны мы выступить против сохранения рабства теперь, когда убедились, что дальнейшее его существование несовместимо с сохранением Союза или нашей нации как свободной республики».

Наконец, «World»[198], нью-йоркский орган дипломатов вашингтонского кабинета, заключает одну из своих громовых статей против аболиционистов следующими словами:

«В день, когда будет решаться, что должно погибнуть — рабство или Союз, в этот день будет вынесен смертный приговор рабству. Если Север не может победить *без* освобождения, то он победит *при помощи* освобождения».

Написано К. Марксом в конце октября 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 306, 7 ноября 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — непременным условием. *Ред.*

К. МАРКС

КРИЗИС В АНГЛИИ

Сегодня, как и пятнадцать лет назад, Англия стоит перед катастрофой, которая грозит подорвать основу всей ее экономической системы. *Картофель,* как известно, являлся единственным продуктом питания для Ирландии и значительной части рабочего населения Англии, когда картофельная болезнь 1845 и 1846 гг. поразила гниением источник жизни ирландцев. Результаты этой ужасной катастрофы известны. Население Ирландии уменьшилось на два миллиона, из которых одна часть погибла от голода, другая бежала за Атлантический океан. Вместе с тем это чудовищное бедствие способствовало победе в Англии партии сторонников свободной торговли; английская земельная аристократия была вынуждена пожертвовать одной из своих самых прибыльных монополий, а отмена хлебных законов обеспечила более широкую и более здоровую базу для воспроизводства и содержания миллионов трудящихся.

Чем *картофель* был для ирландского сельского хозяйства, тем является *хлопок* для важнейшей отрасли промышленности Великобритании. От его переработки зависит существование массы населения, превышающей общую численность жителей Шотландии или две трети общего числа жителей современной Ирландии. Согласно переписи 1861 г., население Шотландии составляло 3061117 человек, а население Ирландии — всего лишь 5764543 человека, между тем как более четырех миллионов жителей Англии и Шотландии прямо или косвенно получают средства к существованию от хлопчатобумажной промышленности. Правда, хлопчатник не поражен никакой болезнью. Производство хлопка не является также монополией

отдельных областей земного шара. Наоборот, ни одно растение, дающее материал для одежды, не занимает столь обширных площадей в Америке, Азии и Африке, как хлопок. Хлопковая монополия рабовладельческих штатов американского Союза является не естественной, а исторически сложившейся монополией. Она росла и развивалась одновременно с монополией английской хлопчатобумажной промышленности на мировом рынке. В 1793 г., вскоре после периода великих механических изобретений в Англии, Илай Уитни, квакер из Коннектикута, изобрел cotton-gin — хлопкоочистительную машину, отделяющую хлопковое волокно от семян хлопчатника. До этого изобретения при самой напряженной работе в течение целого дня один негр едва успевал очистить от семян 1 фунт хлопкового волокна. После же изобретения cotton-gin старая негритянка легко могла очищать за день 50 фунтов хлопкового волокна, а постепенные усовершенствования позднее удвоили производительность машины. Оковы, тяготевшие над культурой хлопка в Соединенных Штатах, были теперь разбиты. Развиваясь рука об руку с английской хлопчатобумажной промышленностью, она быстро выросла в коммерческую великую державу. В ходе этого развития Англия порой, по-видимому, страшилась монополии американского хлопка как зловещего призрака. Такой момент наступил, например, в тот период, когда в английских колониях было проведено освобождение негров, купленное за 20000000 фунтов стерлингов. Находили рискованным, что промышленность Ланкашира и Йоркшира покоится на самовластии рабовладельческой плетки в Джорджии и Алабаме, в то время как английский народ приносит такие огромные жертвы ради уничтожения рабства в своих собственных колониях. Но филантропия не творит истории, в особенности истории торговли. Подобные же опасения возникали всякий раз, когда в Соединенных Штатах случался неурожай хлопка и когда рабовладельцы использовали это стихийное явление для того, чтобы путем комбинаций к тому же еще и искусственно повысить цены на хлопок. Владельцы английских хлопкопрядильных и ткацких фабрик грозили тогда восстанием против «короля-хлопка». Выдвигались разнообразные проекты получения хлопка из азиатских и африканских источников. Так было, например, в 1850 году. Но следовавшие за этим высокие урожаи хлопка в Соединенных Штатах совершенно заглушали такого рода порывы к освобождению. А в последние годы американская хлопковая монополия достигла едва ли мыслимых прежде размеров, отчасти вследствие законодательства о свободной торговле, отменившего дифференциаль-

ную пошлину, которая до тех пор взималась с хлопка, возделываемого рабами, отчасти же вследствие одновременного гигантского прогресса английской хлопчатобумажной промышленности и культуры хлопка в Америке за последние десять лет. Уже в 1857 г. Англия потребляла почти полтора миллиарда фунтов хлопка.

И вдруг Гражданская война в Америке угрожает теперь этой главной опоре английской промышленности. В то время как Союз блокирует гавани южных штатов, чтобы воспрепятствовать вывозу хлопка урожая текущего года и тем самым лишить сецессионистов главного источника их дохода, принудительную силу этой блокаде придает лишь Конфедерация своим решением не вывозить по собственной инициативе ни одной кипы хлопка, а напротив, побудить Англию к тому, чтобы она сама вывозила свой хлопок из южных гаваней. Это должно заставить Англию насильственно прорвать блокаду, объявить затем войну Союзу и таким образом бросить свой меч на чашу весов в пользу рабовладельческих штатов.

С самого начала Гражданской войны в Америке цена на хлопок в Англии непрерывно возрастала, но долгое время она росла в меньшей степени, чем этого можно было ожидать. В общем английский торговый мир взирал на американский кризис, по-видимому, весьма флегматично. Причина этого хладнокровного отношения была очевидна. Весь американский хлопок урожая последнего года давно уже находился в Европе. Продукция нового урожая никогда не грузится на суда раньше конца ноября, а сколько-нибудь значительных размеров эта погрузка редко достигает ранее конца декабря. Вот почему до этого времени было довольно безразлично, остаются ли тюки с хлопком на плантациях или тотчас же после упаковки доставляются в южные порты. Если бы блокада прекратилась в какой-либо момент до конца года, то Англия могла бы с уверенностью рассчитывать на то, что в марте или апреле она получит обычное количество хлопка, как если бы блокады никогда и не было. Английский торговый мир, в большей своей части введенный в заблуждение английской прессой, тешился иллюзией, что военный спектакль продлится не более шести месяцев и закончится признанием Конфедерации со стороны Соединенных Штатов. Но в конце августа на ливерпульском рынке появились североамериканцы для закупки хлопка частично для спекуляции в Европе, частично для обратной отправки в Северную Америку. Это неслыханное событие открыло глаза англичанам. Они начали понимать всю серьезность положения. С тех пор ливерпульский хлопковый рынок

находится в состоянии лихорадочного возбуждения; цены на хлопок вскоре поднялись на 100 процентов выше их среднего уровня, и хлопковая спекуляция приняла столь же необузданный характер, как и железнодорожная спекуляция 1845 года. Прядильные и ткацкие предприятия в Ланкашире и в других центрах британской хлопчатобумажной промышленности сократили свое рабочее время до трех дней в неделю, часть из них совершенно остановила машины; губительное воздействие на другие отрасли промышленности не заставило себя ждать, и теперь вся Англия с содроганием ждет приближения ужаснейшей экономической катастрофы, которая давно ей угрожала.

Потребление *индийского* хлопка, естественно, возрастает, а растущие цены обеспечат еще более усиленный привоз хлопка с его древней родины. Однако невозможно произвольно за несколько месяцев коренным образом изменить условия производства и характер торговли. В настоящее время Англии действительно приходится расплачиваться за свое длительное скверное управление Индией. Ее теперешние судорожные попытки заменить американский хлопок индийским наталкиваются на два больших препятствия: недостаток путей сообщения и транспорта в Индии и бедственное положение индийского крестьянина, которое не дает ему возможности использовать выгодную в данный момент обстановку. Но не говоря уже об этом, так же как и о том, что индийский хлопок нуждается в предварительной тщательной обработке, для того чтобы он смог занять место американского, даже при самых благоприятных обстоятельствах потребуются *годы,* прежде чем Индия сможет производить для вывоза требуемое количество хлопка. А между тем, точно подсчитано, что через *четыре месяца* запас хлопка в Ливерпуле будет полностью исчерпан. Но даже и на это время его хватит лишь при том условии, если сокращение рабочего времени до трех дней в неделю и полная остановка части машин будет производиться британскими владельцами хлопкопрядильных и ткацких фабрик в еще больших размерах, чем до сих пор. Такой образ действий уже подвергает фабричные районы величайшим социальным бедствиям. А если американская блокада продлится и после января, что будет тогда?

Написано К. Марксом около 1 ноября 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 306, 6 ноября 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Лондон, 2 ноября 1861 г.

Отчеты английского министерства торговли за девять месяцев, кончая 30 сентября 1861 г., указывают на большое сокращение экспорта и еще большее увеличение импорта. Сравнение вывоза за последние три года дает следующий общий итог:

Стоимость экспорта
за девять месяцев, кончая 30 сентября

Годы	ф. ст.
1859	98 037 311
1860	101 724 340
1861	93 795 332

Следовательно, экспорт текущего года, по сравнению с соответствующим периодом 1860 г., сократился всего на 7929014 ф. ст., причем несравненно большая доля этого уменьшения,, равная 5671730 ф. ст., вызвана внезапным сокращением американской торговли. Размеры, в которых общее падение экспорта, вызванное этой причиной, отразилось на отдельных отраслях английской торговли, можно видеть из следующей таблицы:

Стоимость экспорта в Соединенные Штаты
за девять месяцев, кончая 30 сентября

	1859 г.	1860 г. (в ф. ст.)	1861 г.
Пиво и эль	78 060	76 843	25 642
Уголь и антрацит	144 556	156 665	200 244
Бумажные ткани	2 753 782	2 776 472	1 130 973
Фаянс и фарфор	448 661	518 778	191 606
Галантерея и модные товары	1 204 085	1 083 438	542 312

Продолжение

	1859 г.	1860 г. (в ф. ст.)	1861 г.
Полотняные изделия	1 486 276	1 337 778	493 654
Скобяные и ножевые товары	865 066	776 772	446 095
Металлы — железо, чугун	205 947	165 052	79 086
Брусья, болты, прутья	642 822	546 493	148 587
Рельсы всех сортов	744 505	665 619	168 657
Литье	16 489	17 056	9 239
Готовые изделия	357 162	378 842	125 752
Сталь необработанная	372 465	457 490	216 246
Медь в листах и гвозди	99 422	44 971	10 005
Свинец в болванках	53 451	66 015	1 451
Жесть	935 692	833 644	274 488
Масличные семена	122 570	72 915	1 680
Соль	63 876	84 818	59 809
Шелковые материи, платки, ленты	197 605	102 393	88 360
Прочие шелковые изделия	129 557	93 227	22 984
Сода	439 584	399 153	142 311
Спиртные напитки (английские)	53 173	56 423	12 430
Шерстяные материи всех родов	586 701	535 130	250 023
Разные материи, фланель, одеяла и т. д.	1 732 224	1 612 284	652 399
Камвольные ткани	1 052 053	840 507	377 597
Всего	15 785 784	16 300 711	5 671 730

Помимо сокращения вследствие ослабления американской торговли, наблюдалось также общее уменьшение экспорта на 2257284 фунта стерлингов. Большая доля этого падения приходится на сентябрь, когда высокая цена на хлопок и соответственный рост цен на хлопчатобумажные изделия и пряжу начали оказывать сильное влияние на рынки британской Северной Америки, Ост-Индии и Австралии. В течение всего девятимесячного периода, кончая сентябрем 1861 г., Турция и Германия были, после Соединенных Штатов, странами, наиболее сократившими потребление английских товаров. Экспорт во Францию не возрос сколько-нибудь значительно, увеличился сильно лишь вывоз одного сельскохозяйственного продукта, а именно, овечьей и ягнячьей шерсти. В течение первых девяти месяцев 1860 г. Англия вывезла во Францию 4735150 фунтов шерсти стоимостью в 354047 фунтов стерлингов. В течение соответствующего периода текущего года экспорт достиг

8716083 фунтов шерсти стоимостью в 642468 фунтов стерлингов. Из прочих цифр, приведенных в отчетах об экспорте, значительный интерес представляют лишь те, которые относятся к Италии. Английский вывоз в новое королевство явно увеличивается, чем в значительной степени и объясняются английские симпатии к итальянской свободе. Так, например, экспорт английских хлопчатобумажных тканей в Сардинию, Тоскану, Неаполь и Сицилию возрос с 756892 ф. ст. в 1860 г. до 1204287 ф. ст. в 1861 году; экспорт хлопчатобумажной пряжи — с 348158 ф. ст. в 1860 г. до 538373 ф. ст. в 1861 году; экспорт железных изделий — с 120867 ф. ст. в 1860 г. до 160912 ф. ст. в 1861 году.

Таблицы импорта охватывают только первые *восемь месяцев* текущего года. Следующие цифры показывают его общие размеры.

Реальная стоимость импорта

Годы	ф. ст.
1859	88 993 762
1860	106 894 278
1861	114 588 107

Рост импорта объясняется главным образом значительным увеличением закупок заграничной пшеницы — с 6796131 ф. ст. в первые восемь месяцев 1860 г. до 13431487 ф. ст. в соответствующий период 1861 года. Что касается хлопка-сырца, то объем его ввоза за соответствующий период уменьшился лишь незначительно, тогда как цена сильно возросла, что видно из приводимой ниже таблицы.

Количество хлопка, ввезенного в течение первых девяти месяцев

Годы	Вес (в центнерах)	Стоимость ф. ст.
1859	8 023 082	24 039 197
1860	10 616 347	28 940 676
1861	9 616 087	30 809 279

В настоящий момент в Англии не существует общих политических вопросов. Все и вся поглощены промышленным вопросом и американским кризисом. В предыдущей статье я обратил ваше внимание на лихорадочное состояние ливерпульского хлопкового рынка*. Действительно, за последние две недели здесь

* См. настоящий том, стр. 322—325. *Ред.*

обнаружились все симптомы железнодорожной горячки 1845 года. Хирурги, зубные врачи, доктора, адвокаты, повара, рабочие, служащие и лорды, актеры и священники, солдаты и моряки, журналисты и школьные учительницы, мужчины и женщины — все спекулировали на хлопке. Многие из партий хлопка, которые покупались, продавались и перепродавались, состояли лишь из одной, двух, трех или четырех кип. Более значительные количества оставались на том же самом складе, хотя и меняли по двадцать раз своих владельцев. Кто покупал хлопок в 10 часов, продавал его в 11 и получал $^1/_2$ пенса прибыли с каждого фунта. Многие партии хлопка таким образом в течение 12 часов несколько раз переходили из рук в руки. Но на этой неделе наступило некоторое снижение цен, объясняемое лишь тем обстоятельством, что шиллинг представляет собой круглую цифру, ибо состоит из 12 пенсов, и большинство решило продать свой хлопок, как только цена его дойдет до 1 шиллинга за фунт; поэтому неожиданно произошло крупное увеличение предложения хлопка, а вследствие этого и снижение его цены. Однако это явление может быть только временным.

Когда разум англичанина свыкнется с мыслью, что фунт хлопка может стоить 15 пенсов, временная преграда для спекуляции рухнет, и спекулятивная лихорадка разгорится с удвоенной силой. Движение это в одном отношении благоприятно для Соединенных Штатов: оно враждебно партии, стоящей за прорыв блокады. В печати уже публиковались протесты спекулянтов, в которых не без основания говорится, что любые действия военного характера со стороны английского правительства явились бы актом прямой несправедливости по отношению к тем купцам, которые, полагаясь на верность английского правительства открыто признанному им принципу невмешательства, строили на этом свои расчеты, спекулировали в своей стране, посылали свои заказы за границу и покупали хлопок, определяя его цену на основе учета влияния на нее естественных, вероятных и предвидимых событий.

В сегодняшнем номере «Economist» напечатана чрезвычайно нелепая статья, автор которой на основании статистических данных о населении и площади Соединенных Штатов приходит к заключению, что там поместилось бы по меньшей мере семь обширных империй и что поэтому унионисты должны оставить «мечту о полном господстве». Единственный разумный вывод, который «Economist» мог бы сделать из своих собственных статистических сообщений, это тот, что северяне, даже если бы они этого хотели, не могли бы отказаться от своих требований,

без того, чтобы не отдать в жертву рабовладению обширных штатов и территорий, где «рабство еще влачит свое существование, но не может оставаться постоянным институтом». Автор ухитряется избежать этого единственно разумного вывода.

Помимо собственных торговых затруднений, Англию беспокоит критическое положение французских финансов. Маневры Французского банка, направленные к тому, чтобы остановить утечку драгоценного металла в Англию посредством дружеских векселей, полученных от Ротшильда и других крупных фирм, привели, как и следовало ожидать, лишь к временному уменьшению затруднений Франции. Теперь она поочередно обращается за помощью к банкам Берлина, Гамбурга и Петербурга; но все эти попытки, вместо того чтобы облегчить положение, лишь свидетельствуют о его безнадежности. Затруднения, которые теперь испытывает французское правительство, характеризуются двумя мерами, к которым оно прибегло в течение последних двух недель. Чтобы удерживать в обращении казначейские векселя, проценты по ним пришлось поднять до $7^1/_2$, а Виктору-Эммануилу приказано частично отложить реализацию очередных выпусков нового итальянского займа, в который французскими капиталистами вложены очень крупные суммы. Тот, конечно, уступил требованию своего патрона.

В Тюильри сейчас два противоположных течения, предлагающие два противоположных средства для временного излечения финансового недуга. Истинные бонапартисты, Персиньи и Credit Mobilier, вынашивают проект подчинения Французского банка непосредственному и полному контролю правительства, превращения его в простой придаток государственного казначейства и использования приобретенной таким образом власти для неограниченной эмиссии государственных бумажных денег, не размениваемых на золото. Другая партия, представленная Фульдом и другими ренегатами прежних режимов, предлагает новый заем, размер которого определяется различно: по наиболее скромным подсчетам — в 16000000 ф. ст., по более смелым — в 30000000 фунтов стерлингов.

Написано К. Марксом 2 ноября 1861 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6440, 23 ноября 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В настоящий момент в Англии не существует политического вопроса, который привлекал бы всеобщее внимание. Страна проявляет интерес и к французскому финансовому, торговому и сельскохозяйственному кризису, и к британскому промышленному кризису, и к нехватке хлопка, и к американским делам.

В здешних компетентных кругах ни одной минуты не заблуждались относительно того, что операции с дутыми векселями, проведенные Французским банком с некоторыми крупными банкирскими домами по обе стороны Ла-Манша, являются лишь чрезвычайно слабым паллиативом. Все, чего можно было этим достигнуть и что было достигнуто, свелось к *кратковременному* уменьшению утечки золота в Англию. Повторные попытки Французского банка мобилизовать металлические резервы в Петербурге, Гамбурге и Берлине подрывают его кредит, не заполняя в то же время его кассы. Повышение процента по казначейским обязательствам с целью сохранения их курса и необходимость добиваться от Виктора-Эммануила согласия на уменьшение платежей по новому итальянскому займу рассматриваются здесь как опасный симптом болезни французских финансов. К тому же известно, что в настоящий момент в Тюильри идет борьба между двумя финансовыми проектами. Истинные бонапартисты, возглавляемые Персиньи и Перейра (из Credit Mobilier), хотят полностью подчинить Французский банк правительству, низвести его до роли простого бюро министерства финансов и использовать преобразованное таким образом учреждение как фабрику ассигнаций.

Известно, что именно этот принцип и лежал первоначально в основе организации Credit Mobilier. Менее авантюристическая партия, представляемая Фульдом и другими ренегатами времен Луи-Филиппа, предлагает *новый национальный заем,* сумма которого определяется одними в 400, другими — в 700 миллионов франков. «Times» в сегодняшней передовой статье, отражая, по-видимому, точку зрения Сити, утверждает, что Франция вследствие своего экономического кризиса совершенно парализована и лишена влияния в Европе. Однако «Times» и Сити ошибаются. Если правительству декабрьского переворота удастся пережить зиму без больших внутренних потрясений, то весной оно затрубит к войне. Это не устранит внутренних затруднений, но заглушит их.

В одной из предыдущих статей* я указывал, что спекуляция хлопком в Ливерпуле за последние недели весьма напоминает самые безумные времена железнодорожной горячки 1845 года. Зубные врачи, хирурги, адвокаты, кухарки, вдовы, рабочие, конторские служащие и лорды, актеры и духовенство, солдаты и портные, газетные сотрудники и содержатели меблированных комнат, мужчины и женщины — все спекулировали на хлопке. Покупались, продавались и перепродавались ничтожные партии от одной до четырех кип. Более значительные партии хлопка месяцами оставались лежать на том же самом складе, хотя за это время двадцать раз менялись их владельцы. Кто покупал хлопок в 10 часов, в 11 часов уже продавал его с надбавкой в $^1/_2$ пенса на фунт. Таким образом один и тот же хлопок в течение десяти часов нередко до шести раз переходил из рук в руки. Однако на этой неделе наступило нечто вроде затишья, которое можно объяснить единственно тем разумным доводом, что фунт хлопка (средний сорт орлеанского хлопка) достиг цены в 1 шиллинг, а двенадцать пенсов составляют шиллинг и являются, следовательно, круглым числом. Поэтому каждый заранее решил сбыть свои запасы, лишь только будет достигнут этот максимум. Отсюда внезапное увеличение предложения и последующая реакция. Как только англичане освоятся с мыслью, что цена фунта хлопка может подняться и *выше* 1 шиллинга, эта пляска святого Витта возродится в еще более безумных формах.

Последний официальный отчет о британском вывозе и ввозе, опубликованный *министерством торговли,* отнюдь не рассеял мрачного настроения. *Таблица вывоза* охватывает девятимесячный период с января по сентябрь 1861 года. Она показывает,

* См. настоящий том, стр. 357—360. *Ред.*

по сравнению с тем же периодом 1860 г., сокращение вывоза почти на 8 миллионов фунтов стерлингов. Из них только 5671730 ф. ст. приходится на вывоз в Соединенные Штаты, остальная же сумма распределяется между британской Северной Америкой, Ост-Индией, Австралией, Турцией и Германией. Увеличение вывоза имеет место только в отношении *Италии.* Так, например, экспорт английских хлопчатобумажных товаров в Сардинию, Тоскану, Неаполь и Сицилию возрос с 756892 ф. ст. в 1860 г. до 1204287 ф. ст. в 1861 году; экспорт английской хлопчатобумажной пряжи повысился с 348158 ф. ст. до 538373 фунтов стерлингов; экспорт железных изделий увеличился со 120867 ф. ст. до 160912 ф. ст. и т. д. Эти цифры имеют немаловажное значение для понимания английских симпатий к итальянской свободе.

В то время как экспортная торговля Великобритании сократилась почти на 8 миллионов ф. ст., ее *импортная торговля возросла* в еще большей степени, — обстоятельство, которое никоим образом не способствует выравниванию платежного баланса. Этот рост ввоза происходит, главным образом, за счет увеличения импорта пшеницы. Если за первые *восемь* месяцев 1860 г. стоимость импортированной пшеницы составляла всего лишь 6796131 ф. ст., то за тот же период текущего года она достигла 13431487 фунтов стерлингов.

Наиболее примечательным явлением, о котором свидетельствует *таблица ввоза,* является быстрое увеличение *импорта из Франции,* достигающего уже сейчас почти 18 миллионов ф. ст. (в год), между тем как английский вывоз во Францию немногим превышает вывоз разве в Голландию. Политики континентальных стран до сих пор не заметили этого совершенно нового явления в истории современной торговли. Оно доказывает, что экономическая зависимость Франции от Англии примерно в шесть раз превышает экономическую зависимость Англии от Франции, особенно если не ограничиваться только рассмотрением цифр в таблицах английского вывоза и ввоза, но и сравнить их с таблицами французского ввоза и вывоза. При этом оказывается, что в настоящее время Англия стала для Франции главным экспортным рынком, между тем как Франция осталась для Англии совершенно второстепенным экспортным рынком. Отсюда ужасная боязнь конфликта с «коварным Альбионом», несмотря на шовинизм и хвастливые фразы относительно Ватерлоо.

Наконец, последние английские таблицы вывоза и ввоза свидетельствуют еще об одном важном факте. В то время как английский экспорт в *Соединенные Штаты* за первые *девять*

месяцев этого года снизился более чем на 25% по сравнению с соответствующим периодом 1860 г., один только нью-йоркский порт за первые *восемь* месяцев текущего года *увеличил* свой вывоз в Англию на 6 миллионов фунтов стерлингов. Вывоз американского золота в Англию за этот период почти прекратился, между тем как теперь, наоборот, в течение нескольких недель наблюдается утечка золота из Англии в Нью-Йорк. На деле оказывается, что неурожай в Англии и Франции помогает Северной Америке покрывать свой дефицит, в то время как тариф Моррилла[199] и сопутствующее гражданской войне стремление к экономии чрезвычайно сократили потребление английских и французских промышленных изделий в Северной Америке. Сравните теперь эти статистические данные с иеремиадами «Times» относительно финансового краха Северной Америки!

Написано К. Марксом, 3 ноября 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 308, 9 ноября 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ИНТЕРВЕНЦИЯ В МЕКСИКЕ

Лондон, 7 ноября

Сегодня «Times» помещает написанную в столь знакомом калейдоскопически-пестром и напыщенно юмористическом стиле передовую статью по поводу французского вторжения в Даппскую долину и протеста Швейцарии против этого нарушения неприкосновенности ее территории[200]. Оракул из Принтинг-хаус-сквер вспоминает, как во времена ожесточеннейшей борьбы между английскими фабрикантами и земельными собственниками подговаривали маленьких детей, работавших на фабриках, бросать иголки в наиболее тонкие части машин, чтобы таким образом нарушить работу всего могучего механизма. Машины — это Европа, маленькое дитя — это Швейцария, а иголка, которую *она* бросает в спокойно работающий автомат, — это вторжение *Луи Бонапарта* на ее территорию, или, вернее, поднятый Швейцарией крик по поводу этого вторжения. Таким образом, иголка внезапно превращается в крик от укола иголкой, а сама аналогия — в глупую шутку с читателем, который ждет аналогии. «Times» забавляется далее своим собственным открытием, что Даппская долина — это одна-единственная деревня по имени Крессоньер. Свою краткую статью газета заканчивает положением, находящимся в полном противоречии с началом статьи. Зачем, — восклицает газета, — подымать большой шум из-за этого бесконечно малого швейцарского пустяка, если ближайшей же весной Европа будет со всех сторон объята пламенем? Не забудьте, что Европа только что признавалась исправным механизмом. Вся статья кажется полной бессмыслицей, и все же в ней есть свой смысл. Она означает, что Пальмерстон предоставил своему союзнику по ту

сторону Ла-Манша carte blanche* по отношению к Швейцарии. Объяснение всему этому мы найдем в сухом сообщении «Moniteur», что Англия, Франция и Испания 31 октября заключили конвенцию о совместной *интервенции в Мексике*[201]. Насколько далеко отстоят друг от друга кантон Ваадт и Веракрус, настолько же тесно соприкасаются статья «Times» о Даппской долине и сообщение «Moniteur» о Мексике.

Вполне вероятно, что интервенцию в Мексике Луи Бонапарт считает одним из тех возможных предприятий, которые он все время держит наготове, чтобы развлечь французский народ. Несомненно, что Испания, которой совсем вскружили голову ее дешевые успехи в Марокко и Сан-Доминго[202], мечтает о восстановлении своего господства в Мексике. Но не подлежит сомнению, что французский план еще не созрел окончательно и что обе державы — Франция и Испания — вовсе не желали вести крестовый поход против Мексики под *английским* верховным командованием.

Газета «Morning Post»[203], собственный Moniteur** Пальмерстона, сообщила 24 сентября подробности договора, который будто бы заключили между собой Англия, Франция и Испания в целях совместной интервенции в Мексике. Днем позже «Patrie»[204] выступила с заявлением, в котором отрицалось существование подобного договора. 27 сентября «Times» опровергла сообщение «Patrie», не ссылаясь, однако, на нее. Согласно статье «Times», лорд Рассел *сообщил* французскому правительству решение Англии относительно интервенции, на что г-н Тувенель ответил, что император французов принял такое же решение. Теперь очередь была за Испанией. Испанское правительство заявило в полуофициальном органе, что оно имеет в виду интервенцию в Мексике, но никоим образом не совместно с Англией. Опровержения посыпались дождем. «Times» категорически заявила, что «на экспедицию получено полное согласие американского президента». Но едва это сообщение появилось по ту сторону Атлантического океана, как все американские правительственные газеты заклеймили его как ложь, утверждая, что президент Линкольн не выступит против Мексики, а поддержит ее. Из всего этого видно, что план интервенции в его теперешнем виде возник в сент-джемсском кабинете[205].

Не менее загадочными и противоречивыми, чем объяснения по поводу происхождения конвенции, были объяснения относительно ее целей. Один орган Пальмерстона — «Morning Post» — возвестил, что Мексика не является организованным государством

* — свободу действий. *Ред.*
** — официальный вестник. *Ред.*

с устойчивым правительством, а представляет собой просто разбойничье гнездо. Как с таковым с ней и следует обращаться. Экспедиция преследует якобы только одну цель — удовлетворение английских, французских и испанских держателей мексиканских государственных бумаг. Для этого объединенные военные силы займут главные порты Мексики, будут взимать на ее побережье ввозные и вывозные пошлины и сохранят за собой эту «материальную гарантию» до тех пор, пока не будут удовлетворены все долговые претензии.

Другой орган Пальмерстона — газета «Times» — наоборот, заявила, что в результате долгого опыта Англия «закалилась против грабежей со стороны обанкротившейся Мексики». Дело идет не о частных интересах кредиторов; «Times» выражает надежду, что «одно лишь присутствие соединенной эскадры в Мексиканском заливе и оккупация некоторых портов побудят мексиканское правительство приложить *новые* усилия для поддержания внутреннего мира и заставят недовольных придерживаться более конституционной формы оппозиции, чем разбой».

Итак, согласно этому заявлению, экспедиция предпринимается для поддержки официального правительства Мексики. Но вместе с тем «Times» намекает, что «столица Мексики обладает достаточно здоровым климатом на тот случай, если окажется необходимым продвинуться столь далеко».

Оригинальнейший способ укрепления того или иного правительства состоит, бесспорно, в насильственном секвестре его доходов и захвате его территории. С другой стороны, прямая оккупация портов и взимание в них пошлин побудили бы мексиканское правительство лишь к перенесению таможенной линии дальше от берега. При этом ввозные пошлины на иностранные товары и вывозные пошлины на американские товары удвоились бы, и интервенция действительно удовлетворила бы претензии европейских кредиторов, наложив контрибуцию на европейско-мексиканскую торговлю. Мексиканское правительство может стать платежеспособным, только укрепившись внутри страны, а внутри страны оно может укрепиться лишь в том случае, если будут уважать его независимость вовне.

Если открыто признанные цели экспедиции столь противоречат друг другу, то еще более противоречивыми являются средства, предлагаемые для достижения этих целей. Сами английские правительственные органы признают, что если путем односторонней интервенции Франции, либо Англии или Испании можно достигнуть хоть чего-нибудь, то *совместная* интервенция этих держав исключает всякую возможность успеха.

Вспомним, что мексиканская либеральная партия, возглавляемая Хуаресом, официальным президентом республики, в настоящее время господствует почти на всей территории страны; что католическая партия, предводительствуемая генералом Маркесом, терпела поражение за поражением и что организованные ею разбойничьи банды отброшены в горные районы Керетаро и вынуждены заключить союз с тамошним индейским вождем Мехиа. Последней надеждой католической партии была *испанская* интервенция.

«Единственный пункт», — говорит «Times», — «по которому могут возникнуть разногласия между нами и нашими союзниками, касается *правительства республики.* Англия хотела бы оставить бразды правления в руках либеральной партии... между тем как Францию и Испанию можно заподозрить в пристрастии к недавно свергнутому правительству клерикалов. Было бы странно, если бы Франция как в Старом, так и в Новом свете превратилась в покровительницу священников и бандитов. Подобно тому как в Италии сторонники Франциска II снаряжаются Римом для того, чтобы вносить анархию в управление Неаполем, так и в Мексике большие дороги и даже улицы столицы подвергаются нападениям разбойников, которых клерикальная партия открыто признает своими друзьями».

Именно поэтому Англия и укрепляет либеральное правительство, предпринимая против него крестовый поход совместно с Францией и Испанией, и старается подавить анархию, посылая находящейся при последнем издыхании клерикальной партии новые подкрепления из Европы!

Побережье Мексики, где обычно свирепствует лихорадка, за исключением короткого зимнего периода, может быть удержано лишь в том случае, если будет завоевана сама страна. Но третий английский правительственный орган — «Economist» — объявляет завоевание Мексики невозможным.

«Если», — говорит он, — «мы попробуем навязать этой стране вместе с английской армией английского принца, то этим мы вызовем сильнейший гнев со стороны Соединенных Штатов. Соперничество Франции сделало бы такое завоевание невозможным, а английский парламент почти единогласно отклонил бы подобное предложение сразу же после его внесения. Со своей стороны, Англия не может доверить Франции управление Мексикой. Об Испании же не может быть и речи».

Итак, вся экспедиция представляет собой мистификацию, разгадку которой дает «Patrie» в следующих словах:

«Конвенция признает необходимым водворение в Мексике сильного правительства, которое могло бы поддерживать там спокойствие и порядок».

Речь идет попросту о том, чтобы, образовав новый Священный союз, применить к американским государствам тот же самый

принцип, согласно которому Священный союз считал себя призванным вмешиваться во внутренние дела правительств европейских стран. Первый план такого рода был разработан Шатобрианом для испанских и французских Бурбонов во времена Реставрации[206]. Он потерпел крушение благодаря *Каннингу* и *Монро,* президенту Соединенных Штатов, который решительно отвергал всякое европейское вмешательство во внутренние дела американских государств. С тех пор американский Союз всегда рассматривал доктрину Монро[207] как международный закон. Но нынешняя гражданская война создала удобную ситуацию, дающую возможность европейским монархиям создать прецедент интервенции, опираясь на который можно действовать и в дальнейшем. В этом и заключается подлинная цель англо-франко-испанской интервенции. Ее ближайшим результатом может быть и неизбежно будет только *восстановление* в Мексике уже начавшей было затихать анархии.

Помимо всех общих соображений международно-правового характера, событие это имеет для Европы весьма большое значение, так как Англия купила сотрудничество Луи Бонапарта в мексиканской экспедиции ценой уступок в области континентальной политики.

Написано К. Марксом 7 ноября 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 311, 12 ноября 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ИНТЕРВЕНЦИЯ В МЕКСИКЕ

Лондон, 8 ноября 1861 г.

Замышляемая Англией, Францией и Испанией интервенция в Мексике является, по моему мнению, одним из самых чудовищных предприятий, когда-либо занесенных в летописи международной истории. Это — чисто пальмерстоновская затея, поражающая непосвященного безрассудством цели и непригодностью применяемых средств, что кажется несовместимым с общеизвестной ловкостью старого интригана.

Вполне вероятно, что мексиканская экспедиция является одним из многочисленных предприятий, которые Луи Бонапарт вынужден постоянно держать наготове для развлечения французской публики. Бесспорно, что Испании, политики которой никогда не отличались особой выдержкой, совсем вскружили голову ее недавние дешевые успехи в Марокко и Сан-Доминго, и она мечтает о восстановлении своего господства в Мексике. Но не подлежит сомнению, что французский план еще далеко не созрел и что как Франция, так и Испания всячески противились совместной экспедиции в Мексику под английским

руководством.

24 сентября собственный Moniteur* Пальмерстона, лондонская газета «Morning Post», первая сообщила подробности плана совместной интервенции согласно пунктам договора, который, как сообщала газета, только что заключен между Англией, Францией и Испанией. Едва это сообщение пересекло Ла-Манш, как французское правительство на столбцах парижской «Patrie» объявило его прямой ложью. 27 сентября лондонская газета

* — официальный вестник. *Ред.*

«Times», национальный орган Пальмерстона, в передовой статье впервые высказалась по поводу плана и опровергла «Patrie», не ссылаясь, однако, на нее. «Times» даже утверждала, что граф Рассел сообщил французскому правительству решение Англии принять участие в интервенции в Мексике, а г-н де Тувенель ответил, что император французов пришел к такому же решению. Очередь была за Испанией. Одна полуофициальная мадридская газета, подтверждая намерение Испании вмешаться в дела Мексики, отвергала в то же самое время идею общей интервенции совместно с Англией. *Dementis*[*] все еще продолжали сыпаться одно за другим. «Times» категорически заявила, что «на экспедицию получено полное согласие американского президента». С тех пор все американские газеты, касаясь данной статьи «Times», опровергают это утверждение.

Таким образом, очевидно, и это было прямо признано «Times», что совместная интервенция в ее настоящей форме есть английская, то есть пальмерстоновская, затея. Испания была вынуждена присоединиться под давлением Франции, а Франция была привлечена путем уступок, сделанных ей в области европейской политики. В этом отношении является знаменательным совпадением, что «Times» в том самом номере от 6 ноября, в котором возвещается о заключении в Париже соглашения о совместной интервенции в Мексике, одновременно опубликовала передовую статью, в которой пренебрежительно и с высокомерным презрением высказалась по поводу протеста Швейцарии против недавнего вторжения на ее территорию, а именно вторжения французских войск в Даппскую долину. В уплату за участие в мексиканской экспедиции Луи Бонапарт получил carte blanche[**] в замышляемых им захватах в Швейцарии, а возможно, и в других частях европейского континента. Переговоры по этим вопросам между Англией и Францией продолжались беспрерывно в течение сентября и октября.

В Англии никто не желает интервенции в Мексике, кроме держателей мексиканских бумаг, которые, однако, никогда не могли похвастать своим влиянием на общественное мнение нации. Поэтому было трудно сообщить публике о пальмерстоновском плане. Наилучшим средством для этого было сбить с толку британского слона противоречивыми утверждениями, исходящими из одной и той же лаборатории, составленными по тем же самым материалам и отличающимися лишь дозами, в которых они преподносились этому животному.

[*] — Опровержения. *Ред.*
[**] — свободу действий. *Ред.*

«Morning Post» в номере от 24 сентября провозгласила, что «никакой территориальной войны в Мексике» не будет, что единственным спорным пунктом являются финансовые претензии к мексиканскому казначейству, что «с Мексикой нельзя иметь дело как с организованным и прочным государством» и что поэтому «главные мексиканские порты временно будут оккупированы, а на их таможенные доходы будет наложен секвестр».

«Times» от 27 сентября, наоборот, заявила, что «долгим опытом мы закалили себя против нечестности, бесстыдства, узаконенного и непоправимого грабежа наших соотечественников в результате банкротства этой страны» и что, следовательно, «частный грабеж английских кредиторов», как это заявляла «Morning Post», не лежит на самом деле в основе интервенции. Замечая en passant*, что «столица Мексики обладает достаточно здоровым климатом, на тот случай, если окажется необходимым продвинуться так далеко», «Times», однако, выражала надежду, что «одно лишь присутствие соединенной эскадры в Мексиканском заливе и оккупация некоторых портов побудят мексиканское правительство приложить *новые* усилия для поддержания мира и заставят недовольных придерживаться более конституционной формы оппозиции, чем разбой».

Если, далее, согласно «Morning Post», экспедиция была предпринята потому, что «в Мексике не существует никакого правительства», то, согласно «Times», целью экспедиции было ободрение и поддержка *существующего* мексиканского правительства. Безусловно, самым странным способом, когда-либо употреблявшимся для укрепления правительства, является захват его территории и секвестр его доходов.

После того как «Times» и «Morning Post» выступили с намеком, Джон Буль перешел в распоряжение второстепенных правительственных оракулов, систематически и в том же противоречивом духе обрабатывавших его в течение четырех недель, до тех пор, пока, наконец, общественное мнение достаточно свыклось с идеей совместной интервенции в Мексике, хотя его и держали намеренно в неведении относительно цели и задач этой последней. Наконец, переговоры с Францией закончились. «Moniteur» возвестил, что конвенция между тремя державами, предпринимающими интервенцию, была заключена 31 октября, а «Journal des Débats»[208], один из владельцев которого назначен командиром одного из кораблей французской эскадры, возвестил миру, что постоянного территориального завоевания не предвидится, что будут захвачены Веракрус и другие пункты

* — между прочим. *Ред.*

на побережье, причем принято решение, что, в случае несогласия законных властей удовлетворить требования интервентов, будет предпринято наступление на столицу и что, кроме того, в республику должно быть импортировано сильное правительство.

Газета «Times», которая со времени своего первого сообщения от 27 сентября, казалось, забыла о самом существовании Мексики, теперь должна была вновь выступить. Тот, кто не знает о связи «Times» с Пальмерстоном и не знаком с ее первоначальной статьей о пальмерстоновском плане, сочтет сегодняшнюю статью «Times» самой резкой и безжалостной сатирой на всю авантюру. Она начинается с заявления, что «экспедиция представляет собой *весьма удивительное* явление» (далее газета называет ее курьезным явлением).

«Три государства объединяются с целью заставить хорошо вести себя четвертое, не столько посредством войны, сколько путем авторитетного вмешательства в целях установления порядка».

Авторитетное вмешательство в целях установления порядка! Это буквально язык Священного союза, и он действительно *удивительно* звучит в устах Англии, которая гордится своим принципом невмешательства! Но почему же «метод ведения и объявления войны и все прочие заповеди международного права» заменены «авторитетным вмешательством в целях установления порядка?» Потому, — говорит «Times», — что «в Мексике не существует никакого правительства». А какова признанная цель экспедиции? «Предъявить требования законному правительству в Мексике».

Единственные претензии, которые могут быть выставлены державами-интервентами, единственные предлоги, которые могли бы придать малейшую тень оправдания их враждебным действиям, — нетрудно резюмировать. Это денежные претензии кредиторов и ряд личных оскорблений, нанесенных, как сообщают, подданным Англии, Франции и Испании. Это те самые основания для интервенции, которые первоначально были выдвинуты «Morning Post», а недавно были официально подтверждены лордом Джоном Расселом в его интервью представителям мексиканских кредиторов в Англии. В сегодняшнем номере «Times» заявляет:

«Англия, Франция и Испания согласились на экспедицию, чтобы принудить Мексику к *выполнению своих определенных обязательств* и чтобы *защитить подданных соответствующих корон».*

Однако далее в статье «Times» меняет направление и восклицает:

«... Нам несомненно удастся *получить,* по крайней мере, *признание наших денежных претензий;* фактически *один британский фрегат в любое время мог бы получить такое удовлетворение.* Мы можем также надеяться, что наиболее скандальные насилия, имевшие место, будут искуплены немедленными и более существенными возмещениями, но *ясно, что для того, чтобы осуществить только это, нам вовсе нет нужды прибегать к таким крайностям, какие теперь предлагают».*

Итак, «Times» с таким многословием признает, что выставленные первоначально причины экспедиции являются пустыми предлогами, что для достижения удовлетворения нет никакой нужды в мероприятиях, подобных тем, которые предприняты в настоящее время, и что в действительности «признание денежных претензий и защита европейских подданных» не имеют ничего общего с нынешней объединенной интервенцией в Мексике. В чем же заключается ее подлинная цель и задача?

Прежде чем углубляться в дальнейшие разъяснения «Times», мы en passant укажем на некоторые другие «курьезы», которых «Times» старательно избегает касаться. Прежде всего действительно «курьезно» видеть, как Испания — именно Испания — превращается в участника крестового похода за святость обязательств по внешним долгам! «Courrier du dimanche»[209] в номере за прошлое воскресенье уже требует от французского правительства, чтобы оно воспользовалось удобным случаем и принудило Испанию «к выполнению ее вечно откладываемых давних обязательств по отношению к французским кредиторам».

Вторым, еще большим «курьезом», является то, что тот самый Пальмерстон, который, согласно недавнему заявлению лорда Джона Рассела, собирается вторгнуться в Мексику, чтобы заставить ее правительство заплатить английским кредиторам, — этот самый Пальмерстон добровольно и вопреки мексиканскому правительству *пожертвовал* договорными правами Англии и ипотекой, которую гарантировала Мексика своим английским кредиторам.

По договору, заключенному с Англией в 1826 г., Мексика обязывалась не допускать установления рабства на какой-либо из составлявших тогда ее владения территорий. По другой статье того же договора она предоставляла Англии в обеспечение полученных от британских капиталистов займов ипотеку в виде 45000000 акров общественных земель в Техасе. Именно Пальмерстон, десять или двенадцать лет спустя, вмешался в качестве посредника на стороне Техаса против Мексики. В договоре, заключенном им тогда с Техасом, он жертвовал не только *делом борьбы против рабства,* но также и *ипотекой на государственные земли,* лишая таким образом английских кредиторов их гарантий. Мексиканское правительство тогда

протестовало, но тем временем государственный секретарь Джон К. Калхун позволил себе шутку: он информировал сент-джемсский кабинет, что его желание «быть свидетелем ликвидации рабства в Техасе» было бы наилучшим образом достигнуто путем присоединения Техаса к Соединенным Штатам. Фактически английские кредиторы потеряли всякое право предъявлять претензии Мексике в результате добровольного отказа Пальмерстона от ипотеки, гарантированной кредиторам договором 1826 года.

Но поскольку лондонская «Times» признает, что настоящая интервенция не имеет никакого отношения к денежным претензиям или личным оскорблениям, какова же, наконец, ее подлинная или мнимая цель?

«*Авторитетное вмешательство в целях установления порядка».* Англия, Франция и Испания замышляют новый Священный союз и образовали вооруженный ареопаг для восстановления порядка во всем мире. «Мексика, — пишет «Times», — *должна быть спасена от анархии* и поставлена на путь самоуправления и мира». Интервенты там «должны установить сильное и устойчивое правительство», причем это правительство должно быть составлено из членов «какой-либо мексиканской партии».

Но неужели кто-либо воображает, что Пальмерстон и его глашатай «Times» действительно рассматривают объединенную интервенцию как средство осуществления провозглашенной цели, — именно: прекращения анархии и установления в Мексике сильного и устойчивого правительства? Столь далекая от того, чтобы придерживаться подобного химерического кредо, газета «Times» в своей первой передовой статье от 27 сентября прямо пишет:

«Единственный пункт, по которому могут возникнуть разногласия между нами и нашими союзниками, касается *правительства республики.* Англия хотела бы *оставить* бразды правления в руках *либеральной партии, которая теперь находится у власти,* в то время как Францию и Испанию можно заподозрить в пристрастии к *недавно свергнутому правительству клерикалов...* Было бы действительно странно, если бы Франция как в Старом, так и в Новом свете превратилась в покровительницу священников и бандитов».

В сегодняшней передовой «Times» продолжает рассуждать в том же духе и резюмирует свои сомнения в следующей фразе:

«Трудно предположить, чтобы все державы, участвующие в интервенции, согласились на оказание абсолютного предпочтения той или другой из двух партий, между которыми поделена теперь Мексика, и *равным образом, трудно сообразить,* что будет найден практический компромисс между столь решительными врагами».

Итак, Пальмерстон и «Times» вполне осведомлены, что «в Мексике существует правительство»; что «либеральная партия», которой официально покровительствует Англия, «находится у власти», а «власть клерикалов низвергнута»; что испанская интервенция была последней отчаянной надеждой священников и бандитов; что, наконец, анархия в Мексике прекращается. Следовательно, им известно также, что объединенная интервенция, открыто признанной целью которой является не что иное, как спасение Мексики от анархии, будет иметь совершенно противоположные результаты; она ослабит конституционное правительство, укрепит при помощи французских и испанских штыков партию духовенства, заставит вновь разгореться пламя гражданской войны и, вместо прекращения, *восстановит* анархию в полном расцвете.

Заключение, которое делает сама «Times», исходя из этих предпосылок, действительно «удивительно» и «курьезно».

«Хотя», — пишет газета, — «соображения эти и заставляют нас взирать с беспокойством на результаты экспедиции, они не говорят против *целесообразности самой экспедиции».*

Итак, тот факт, что экспедиция противоречит своей собственной открыто признанной цели, не означает, что сама экспедиция нецелесообразна. Итак, средство не является нецелесообразным, если оно препятствует достижению этой цели.

Но я еще не сказал о самом большом «курьезе», на который намекала «Times».

«Если», — пишет газета, — «президент *Линкольн* примет предусматриваемое конвенцией приглашение участвовать в *предстоящих операциях, дело приобретет еще более курьезный характер».*

Действительно, было бы верхом «курьеза», если бы Соединенные Штаты, находящиеся в дружбе с Мексикой, объединились с европейскими торговцами порядком и своим участием во всех их актах санкционировали вмешательство европейского вооруженного ареопага во внутренние дела американских государств. Первый проект такого пересаживания Священного союза по ту сторону Атлантического океана был составлен *Шатобрианом* для французских и испанских Бурбонов в эпоху Реставрации. Эта попытка потерпела провал, благодаря английскому министру *г-ну Каннингу* и американскому президенту *г-ну Монро.* Пальмерстону казалось, что происходящие в Соединенных Штатах события создают благоприятный момент, чтобы выдвинуть старый проект в видоизмененной форме. Так как Соединенные Штаты в настоящее время не должны позволять, чтобы внешние осложнения препятствовали их

войне за Союз, то все, что они могут делать, — это *протестовать.* Их лучшие благожелатели в Европе надеются, что они будут протестовать и, таким образом, перед лицом всего мира решительно отвергнут всякую сопричастность к одному из самых подлых планов.

Эта военная экспедиция Пальмерстона, осуществляемая в союзе с двумя другими европейскими державами, началась во время перерыва в заседаниях парламента, без санкции и против воли британского парламента. Первой войной Пальмерстона, предпринятой помимо парламента, была афганская война, смягченная и оправданная *подложными документами*[210]. Другой такой войной была его персидская война 1856—1857 годов[211]. Он защищал ее под тем предлогом, что «принцип предварительной санкции палатой не применяется к войнам *в Азии».* Оказывается, этот принцип не применяется и к войнам *в Америке.* С утратой контроля над внешними войнами парламент потеряет всякий контроль над национальным казначейством, и парламентарное правление превратится в сущий фарс.

Написано К. Марксом 8 ноября 1861 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6440, 23 ноября 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

МОСЬЕ ФУЛЬД[212]

Париж, 16 ноября

Для ценителей комедийного жанра, известного под названием «высокая политика», французский «Moniteur» от 14 ноября послужит источником огромного наслаждения. Как в старой классической драме, героев опутывает незримая всемогущая судьба, которая на этот раз приняла образ дефицита в миллиард франков. Как в старой драме, диалог ведется лишь между двумя персонажами: Эдипом-Бонапартом и Тиресием-Фульдом. Но трагедия превращается в комедию, так как Тиресий говорит лишь то, что Эдип нашептал ему заранее.

Умение снова и снова выводить на сцену старых, уже отыгравших свои роли personae dramatis[*] в качестве блистающих новизной героев относится к наиболее характерным трюкам бонапартистской комедии. Сначала Бийо заменяет Персиньи, затем Персиньи заменяет Бийо! То же самое происходит и в бонапартистской прессе. Грангийо, Кассаньяк, Лимерак без конца перебрасываются то в «Constitutionnel», то в «Pays», то в «Patrie». Господина Верона, этого «bourgeois de Paris»[213], сменяет во главе газеты «Constitutionnel» Сезена, Сезена — Кювшаль, Кюшваля — Кассаньяк, Кассаньяка — Рене, Рене— Грангийо, а через шесть лет Верон снова занимает свое старое место в качестве совершенно нового персонажа.

Так и при конституционной системе Тьер обрел прелесть новизны, как только получил отставку Гизо, а Моле оказался новинкой, едва лишь получил отставку Тьер, после чего круговорот повторился. Однако эти различные деятели представляли

[*] — действующих лиц. *Ред.*

различные партии и устремления. Если они вытесняли друг друга, чтобы следовать друг за другом, и следовали друг за другом, чтобы снова вытеснять друг друга, то эта карусель являлась отражением изменений в соотношении сил тех партий, которые вообще составляли pays legal* при Луи-Филиппе. Но Бийо или Персиньи, Валевский или Тувенель, Ларокет или Фульд, Грангийо или Лимерак? Тут получается то, что англичане называют «a distinction without a difference» (отличие при отсутствии всякого различия). Все эти лица представляют одно и то же, а именно — coup d'etat**. Они не представляют различные интересы и партии народа. Они представляют лишь различные черты облика императора. Они — лишь различные маски, под которыми скрывается одно и то же лицо.

Газета «Times», питающая слабость к сравнениям, сравнивает Луи Бонапарта с Людовиком XVI, а Фульда с Тюрго. Фульд и Тюрго! Сравнивать их — это приблизительно то же, что сравнивать г-на Вайяна с Карно на том лишь основании, что оба восседали в военном министерстве. Тюрго был главой новой экономической школы восемнадцатого века, школы физиократов[214]. Он был одним из интеллектуальных героев, свергнувших старый режим, в то время как Людовик XVI был олицетворением этого старого режима. А кто такой Фульд? Фульда, члена династической оппозиции[215] при Луи-Филиппе, несмотря на самые настойчивые домогательства, принципиально отвергали всякий раз, когда династической оппозиции представлялась возможность выдвинуть министра финансов. Фульд слывет «financier dangereux»***, и ряд его неудачных финансовых операций оправдывает эту кличку. Достаточно было ему выступить в защиту какого-нибудь предложения, чтобы палаты провалили его. Но вот пришло к власти временное правительство. Не успели его провозгласить, как Фульд пробился к Ледрю-Роллену, предложил свои услуги в качестве министра финансов и... посоветовал объявить *государственное банкротство.* Его домогательства потерпели крушение, и отвергнутый любовник написал в отместку памфлет «Pas d'assignats!»[216]. Наконец, в лице Луи Бонапарта Фульд нашел человека, в достаточной мере безрассудного для того, чтобы доверить г-ну Фульду французскую государственную казну.

Фульд был тесно связан с маневрами, обеспечившими 10 декабря 1848 года победу «племянника»**** на президентских выбо-

* — круг лиц, пользовавшихся избирательным правом. *Ред.*
** — государственный переворот. *Ред.*
*** — «роковым финансистом». *Ред.*
**** — Луи Бонапарта. *Ред.*

рах. Фульд был весьма деятельным другом и подготовил государственный переворот в финансовом отношении. Второе декабря 1851 года было не только победой Луи Бонапарта, но и победой Фульда. Фульд стал всемогущим. Фульд сделался государственным министром. Фульд получил возможность возводить в ранг государственных дел даже свои menus plaisirs*. Наряду с диктатурой в области финансов он установил свою диктатуру над театрами. Как и другие пресловутые герои из мира haute finance**, Фульд совмещает страсть к доллару со страстью к героиням кулис. Фульд стал султаном кулис. Фульд, наряду с Перейра, является изобретателем финансовой системы Империи. Он несет прямую ответственность за девять десятых нынешнего дефицита. Наконец, в 1860 г. великий Фульд ушел от государственных дел, чтобы в 1861 г. снова выйти на сцену в императорской финансовой комедии в качестве «a new man» («совершенно нового лица»). Фульд снова появляется в роли Тюрго, Фульд играет роль маркиза Позы! Applaudite, amici!***

Написано К. Марксом 15 ноября 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 318, 19 ноября 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — прихоти. *Ред.*
** — финансовой аристократии. *Ред.*
*** — Аплодируйте, друзья! *Ред.*

К. МАРКС

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ

Газета «Times», которая сначала умеренно хвалила императорский coup d'eclat*, а затем превозносила его до небес, делает сегодня внезапный поворот от панегириков к критике. То, как выполняется этот маневр, характеризует Левиафана английской прессы:

«Мы предоставляем *другим* воздавать цезарю хвалу за признание, что он представляет собой ограниченное, а не непогрешимое существо, и за то, что, господствуя над страной, бесспорно, лишь силой меча, он не претендует на правление в силу божественного права. Нам же следует спросить о результатах, достигнутых за десять лет императорского правления в области финансов. Результаты эти несравненно важнее, чем фразы, которыми они выражены... Исполнительная власть делала все, что ей было угодно; министры были ответственны только перед императором; состояние финансов держалось в строгой тайне от общества и от палат. Процедура ежегодного вотирования бюджета была не преградой, а маской, не защитой, а обманом. Итак, чего же достиг французский народ, предоставив свои свободы и свое достояние в распоряжение одного-единственного человека?.. Сам господин Фульд признает, что чрезвычайные кредиты, предоставленные с 1851 по 1861 г., достигли 2800000000 франков и что дефицит нынешнего года составляет не менее 1 миллиарда франков...

Мы не знаем, каким образом добывались эти суммы. Во всяком случае, не путем налогового обложения. Нам говорят, что израсходованы 4 миллиона, уплаченные Французским банком за возобновление своих привилегий; $5^1/_2$ миллионов заимствованы из дотационного фонда армии, и в обращение пущены всевозможные кредитные бумаги. *Что касается положения дел в данный момент,* то наш парижский корреспондент уверяет, *будто государственное казначейство не имеет достаточно денег для предстоящей в следующем месяце выплаты полугодовых дивидендов.* В таком плачевном и постыдном положении оказались французские финансы

* — доблестный подвиг. *Ред.*

после десяти лет блестящего и преуспевающего императорского правления, и только теперь, в момент, когда французское правительство оказалось не в состоянии выполнять свои текущие обязательства, оно проявляет до некоторой степени доверие к нации и приоткрывает ей небольшую частицу той действительности, которая скрывалась за пышной фантасмагорией столь часто превозносимого финансового процветания. Более того, именно в этот момент «Revue des deux Mondes» привлекается к судебной ответственности за публикацию некоторых сведений относительно финансового положения Франции, недостатком которых является разве лишь то, что они выдержаны в чрезмерно розовых тонах».

«Times» спрашивает далее о причинах этого крушения. За десять лет существования Империи экспортная торговля Франции возросла более чем в два раза. Вместе с промышленностью развивалось сельское хозяйство, а одновременно росла и железнодорожная сеть. Кредитная система, делавшая до 1848 г. лишь свои первые шаги, получила бурное и всестороннее развитие. Все это происходило не по велению императора, а благодаря переворотам на мировом рынке, происшедшим после открытия золота в Калифорнии и Австралии. Но почему же произошла катастрофа?

«Times» упоминает о чрезвычайных расходах на армию и флот, являющихся естественным результатом стремления Луи Бонапарта играть в Европе роль Наполеона. Газета упоминает о войнах и, наконец, о колоссальных расходах на общественные работы, которые должны были дать занятие предпринимателям и пролетариям и поддерживать у них хорошее настроение-

«Но», — продолжает «Times», — «всего этого недостаточно для объяснения столь страшного дефицита, самого большого в летописях истории... К агрессивным вооружениям в армии и флоте, к общественным работам и непредвиденным войнам присоединилась *позорная и всеобщая система грабежа.* — На *Империю* и ее приверженцев падал золотой дождь. Огромные состояния, приобретенные внезапно и каким-то загадочным образом, вызывали скандальные толки и удивление до тех пор, пока скандальные толки не затихли, а изумление не ослабло вследствие частого повторения и даже всеобщего характера этого явления. Современная Франция дала нам ключ к тем местам из сатир Ювенала, где внезапно приобретенное богатство рассматривается как преступление против народа. Роскошные жилища, великолепные экипажи, чрезмерная расточительность людей, которые до coup d'etat* влачили, как это всем известно, голодное существование, — у всех на устах. Двор устанавливал свой бюджет с почти невероятной расточительностью. Новые дворцы возникали как по мановению волшебного жезла, и блеск ancien regime** был превзойден. Безумная расточительность не знала никаких границ, кроме наличности государственной казны и государственного кредита. Первой уже более не существует, второй исчерпан. *Вот что принесли Франции десять лет императорского правления»*.

* — государственного переворота. *Ред.*

** — старого порядка. *Ред.*

Важнейшим для Европы вопросом является, несомненно, вопрос о том, *может ли превратиться* финансовая система Империи в конституционную финансовую систему, на что как будто подает надежды переписка между Луи Бонапартом и Фульдом? В данном случае дело идет не о мимолетных намерениях отдельных лиц. Дело идет об экономических *условиях существования* реставрированной Империи. Мошенническая система финансов могла бы превратиться в обычную финансовую систему только путем устранения *коррупции* как всеобщего средства управления, путем сокращения численности армии и флота до уровня мирного времени и, следовательно, путем *отказа* нынешнего режима *от подражания Наполеону,* наконец, путем полного отречения от проводившегося до сих пор плана, который заключался в том, чтобы привязать к существующему правительству некоторую часть буржуазии и городского пролетариата посредством развертывания большого строительства за государственный счет, а также других общественных работ. Но разве выполнение этих условий не означало бы: «Et propter vitam vivendi perdere causas»[*]! В самом деле, разве под маркой наполеоновской фирмы может быть восстановлена скромная система Луи-Филиппа? Это так же невозможно, как и учреждение Июльской монархии под сенью drapeau blanc[217].

Поэтому мы с самого начала называли coup d'éclat 14 ноября комедией[**] и ни одной минуты не сомневались, что эта комедия преследует лишь две цели: справиться с затруднениями данного момента и благополучно пережить зиму. Если обе эти цели будут достигнуты, то весной раздастся гром военных литавр и будет сделана попытка устроить так, чтобы на этот раз война сама окупила связанные с ней расходы. Не следует забывать, что до сих пор — и это было неизбежным следствием всего лишь *игры* в наполеонизм — Франция декабрьского переворота *покупала* всю свою славу за счет *французского же государственного кошелька.*

Английская пресса после недолгих колебаний пришла к тем же самым выводам относительно *серьезности* обещаний, данных 14 ноября, и *возможности* их исполнения.

Так, «Times» заявляет в сегодняшнем номере, в цитированной выше передовой статье:

«Император отказывается от пользования чрезвычайными кредитами. Такое проявление самоотверженной добродетели обычно предшествует новому французскому займу, но редко переживает его».

---

[*] — «И ради жизни сгубить источники жизни» (Ювенал. «Сатиры»). *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 383—385. *Ред.*

А в биржевом разделе той же газеты говорится:

«Весьма сомнительно, чтобы вызванная финансовым кризисом внезапная финансовая непогрешимость долго просуществовала после того, как пароксизм кончится, государственная касса снова наполнится и новый заем будет обеспечен... Говорят, что общественное мнение заставит императора осуществить программу Фульда вопреки своей собственной воле. Но не правильнее ли будет сказать, что каждый готов предаться этому самообману, в то время как поставщики армии и флота и спекулянты твердо рассчитывают на то, что весной, после преодоления грозящей сейчас опасности, «Moniteur» найдет достаточно веские основания — например, «изменившееся положение Европы», или необходимость что-то исправить, или опасность, где-то грозящая чести Франции, или интересы католической веры, или интересы свободы и цивилизации человечества, — чтобы возвратиться к прежней финансовой системе, от которой вообще нельзя отказаться на длительное время в стране, где господствует военная диктатура и где не существует общепризнанного и нерушимого конституционного права?»

В таком же духе высказывается и «Economist». Свои рассуждения он заканчивает словами:

«Несмотря на декрет, *политический риск* всегда будет оставаться руководящим принципом для человека, который нисколько не сомневается в том, что малейший промах может привести к окончательной гибели его династии».

До сих пор Луи Бонапарт подвергал Европу только опасностям, потому что ему самому во Франции постоянно грозила опасность. Можно ли думать, что опасность, создаваемая им для Европы, будет уменьшаться по мере того, как во Франции будет расти опасность, угрожающая ему самому? Это произойдет лишь в том случае, если внутренняя опасность успеет созреть настолько, что приведет к взрыву.

Написано К. Марксом 18 ноября 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 322, 23 ноября 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ОТСТРАНЕНИЕ ФРИМОНТА

Отстранение Фримонта от должности главнокомандующего армией в Миссури представляет собой узловой пункт в истории развития Гражданской войны в Америке. Фримонту приходится искупать два больших греха. Он был первым кандидатом республиканской партии на должность президента (1856 г.), и он же — первый генерал Севера, который пригрозил рабовладельцам освобождением рабов (30 августа 1861 г.)[218]. Таким образом, он остается конкурентом для будущих кандидатов в президенты и помехой для нынешних сторонников компромисса.

За последние два десятилетия в Соединенных Штатах выработалась своеобразная практика — не выбирать в президенты людей, которые занимали видное положение в своей партии. Правда, имена таких людей используются для предвыборных демонстраций, но как только наступает решающий момент, от них отказываются и заменяют неизвестными посредственностями, пользующимися влиянием лишь в местном масштабе. Таким путем стали президентами Полк, Пирс, Бьюкенен и другие. Таким же образом был избран и А. Линкольн. Генерал Эндрью Джэксон является последним президентом Соединенных Штатов, который обязан избранием своему личному значению, в то время как все его преемники, наоборот, обязаны этим своей личной незначительности.

На выборах 1860 г. наиболее выдающимися именами республиканской партии были Фримонт и Сьюард. Известный своими действиями во время мексиканской войны[219], смелым исследованием Калифорнии и кандидатурой на выборах 1856 г., Фримонт был слишком заметной фигурой, чтобы его

хотя бы приняли во внимание, когда дело шло уже не о демонстрации, а об успехе республиканской партии. Поэтому он не выступил в качестве кандидата. Иное дело Сьюард, республиканский сенатор конгресса в Вашингтоне, губернатор штата Нью-Йорк и, безусловно, лучший оратор республиканской партии со времени ее возникновения. Потребовался ряд обидных поражений, чтобы заставить г-на Сьюарда отказаться от собственной кандидатуры и покровительствовать в качестве оратора тогда еще сравнительно мало известному А. Линкольну. Но когда он увидел, что его попытки выставить свою собственную кандидатуру потерпели крушение, он, в качестве республиканского Ришелье, предложил свои услуги человеку, которого считал республиканским Людовиком XIII. Он содействовал избранию Линкольна президентом, поставив при этом условие, что Линкольн назначит его государственным секретарем — должность, которую в известной степени можно сравнить с постом английского премьер-министра. Действительно, как только Линкольн был избран президентом, Сьюарду был обеспечен пост государственного секретаря. И тотчас же произошла странная перемена в позиции Демосфена республиканской партии, в свое время прославившегося предсказанием «irrepressible conflict» (неотвратимого конфликта) между системой свободного труда и системой рабства[220]. Избранный 6 ноября 1860 г. Линкольн должен был, однако, вступить в должность президента лишь 4 марта 1861 года. За этот промежуток времени, во время зимней сессии конгресса, Сьюард стал центром всех попыток компромисса; северные адвокаты Юга, как, например, «New-York Herald», для которых до сих пор Сьюард являлся bete noire[*], внезапно принялись восхвалять его как государственного деятеля, олицетворяющего примирение, и, действительно, не его вина, что не был заключен мир любой ценой. Сьюард явно рассматривал пребывание в должности государственного секретаря лишь как предварительную ступень и был занят не столько нынешним «неотвратимым конфликтом», сколько будущим президентством. Он дал новое доказательство того, что виртуозы ораторского искусства являются государственными деятелями, опасными своей ограниченностью. Стоит только почитать его государственные депеши! Какая отвратительная смесь высокопарного фразерства и мелочности духа, показной силы и действительной слабости!

Итак, для Сьюарда Фримонт являлся опасным соперником, которого следовало погубить, — дело, казавшееся тем более

[*] — пугалом. *Ред.*

легким, что Линкольн, верный своей адвокатской манере и чуждый всякой оригинальности, боязливо цепляется за букву конституции и страшится всякого шага, который мог бы встревожить «лояльных» рабовладельцев пограничных штатов. Характер Фримонта — совсем иного склада. Он явно человек, склонный к пафосу, несколько высокопарный и надменный, не чуждый мелодраматизма. Сначала правительство пыталось путем ряда мелочных придирок заставить его добровольно подать в отставку. Когда это не удалось, оно отстранило его от командования в тот момент, когда организованная им самим армия только что перешла в наступление на юго-западе Миссури и предстояло решающее сражение.

Фримонт — кумир штатов Северо-Запада, создавших ему славу «pathfinder» (следопыта)[221]. Они рассматривают его смещение как личное оскорбление. Если правительство Союза потерпит еще несколько неудач, вроде Булл-Рана или Болс-Блаффа[222], то можно будет сказать, что в лице Джона Фримонта оно само создало вождя оппозиции, которая тогда выступит против нынешнего правительства и положит конец теперешней дипломатической системе ведения войны. Что же касается опубликованного военным министерством в Вашингтоне обвинительного акта против смещенного генерала, то к нему мы еще вернемся позднее.

Написано К. Марксом, около 19 ноября 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 325, 26 ноября 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОФИЦЕРЫ-ВОЛОНТЕРЫ

«Лейтенант А. В. уволен со службы за недостойное поведение; младший лейтенант С. D. вычеркнут из списков; капитан Е. F. уволен со службы в армии Соединенных Штатов» — вот несколько примеров последних военных новостей, которые мы в большом количестве получаем из Америки.

Соединенные Штаты в течение последних восьми месяцев располагали в составе действующей армии очень большой армией волонтеров; они не жалели ни сил, ни средств, чтобы сделать эту армию боеспособной, и, кроме того, эта армия имела еще то преимущество, что почти все это время она располагалась в поле зрения сторожевых постов неприятеля, который никогда не осмеливался атаковать ее в целом или преследовать ее после поражения. Эти благоприятные обстоятельства должны были в весьма значительной степени восполнить те недостатки, которые имели место при организации волонтеров в Соединенных Штатах: очень слабую поддержку, которую они получили от весьма небольшой регулярной армии, образующей их ядро, и отсутствие опытных адъютантов и инструкторов. Ибо мы не должны забывать, что в Америке было много людей, готовых помочь организации волонтеров и пригодных для этого дела, — частью немецкие офицеры и солдаты, которые прошли регулярное обучение и побывали в боях во время кампаний 1848— 1849 гг., частью английские солдаты, эмигрировавшие за последние десять лет.

И вот, если при таких обстоятельствах становится необходимой регулярная чистка офицерского состава, то это признак

некоторой слабости, присущей не самой волонтерской системе, а системе комплектования офицерского состава волонтеров, избираемых без достаточного отбора самими волонтерами из своей среды. И только после восьмимесячной кампании правительство Соединенных Штатов перед лицом неприятеля решается предложить офицерам-волонтерам в какой-то степени определить свою подготовленность к тем обязанностям, которые они взялись выполнять, когда получали офицерские звания; и смотрите, как много добровольных или вынужденных прошений об отставке, какая масса более или менее позорных увольнений явилась следствием этого. Несомненно, что если бы армии Соединенных Штатов у Потомака противостояли войска, укрепленные и спаянные должным количеством профессиональных солдат, то она давно бы уже рассеялась, несмотря на свою численность и несомненную личную храбрость солдат, входящих в ее состав.

Эти факты могут служить хорошим уроком для английских волонтеров. Как могут припомнить некоторые из наших читателей, мы с самого возникновения «Volunteer Journal» утверждали*, что офицеры являются слабым местом волонтерской системы, и настаивали на проведении экзаменов для офицеров по истечении определенного срока, предложив им проверить, находятся ли они, по крайней мере, на правильном пути, чтобы стать годными для исполнения взятых на себя обязанностей. Большая часть джентльменов, взявшихся командовать солдатами и обучать их тому, в чем они были в то время столь же несведущи, как и сами солдаты, отнеслась с пренебрежением к этой мысли. Это был период, когда ко всякой помощи правительства, а также и к вмешательству с его стороны относились с равным презрением. Но с того времени обращение к кошелькам тех же самых джентльменов стало для последних довольно обременительным и заставило их обратиться за денежной поддержкой к правительству; и, как водится в отношениях с правительствами, это означало в то же время и призыв к его вмешательству. Кроме того, двухлетний опыт довольно ясно выявил дефекты существующей системы комплектования частей волонтеров офицерами. Ныне мы получили от одного лондонского офицера, как видно, вполне авторитетное сообщение о том, что офицеры-волонтеры вскоре будут призваны для проверки экзаменационной комиссией их пригодности к командованию.

* См. настоящий том, стр. 146—147. *Ред.*

Мы искренне желаем, чтобы это было так. Дело в том, что среди английских офицеров-волонтеров тоже в известной мере нужно произвести чистку. Взгляните на линейный батальон на учении и сравните его с батальоном волонтеров. То, на что волонтеры затрачивают полтора часа, солдаты линейных войск выполняют меньше чем в полчаса. Мы видели очень много построений в каре, производившихся некоторыми лучшими батальонами английских волонтеров, и мы должны сказать, что никуда не годной была бы та кавалерия, которая не разгромила бы их всякий раз, раньше чем их фланги будут готовы к стрельбе. Это не было виной волонтеров. Они, казалось, знали свои обязанности так хорошо, как этого можно было ожидать, и временами даже выполняли их столь же механически, как вы видите это в линейном батальоне. Но волонтерам приходилось выжидать ротных офицеров, которые, казалось, колебались относительно того, какую нужно подать команду и когда следует ее подать. Таким образом, нерешительность, а подчас и путаница вносились в построение, которое больше, чем все остальные, требует быстроты как в подаче команды, так и в ее исполнении — быстроты, приобретаемой лишь долгой практикой. И если такое положение имеет место после двухлетней практики, то разве это не является доказательством того, что многие офицеры-волонтеры занимают такие ответственные посты, к которым они не подготовлены?

Вместе с тем, командиры батальонов недавно получили в высшей степени похвальный отзыв из уст весьма компетентного и авторитетного лица. Было указано, что они, по-видимому, подготовлены к своей работе, тогда как у ротных офицеров дело обстоит не всегда так. Мы совсем не склонны, как это видно из вышесказанного, опровергать последнее заявление, но мы должны сказать, что если бы упомянутый высокий авторитет видел подполковников и майоров не на большом смотре, а на обыкновенном батальонном учении, то данное мнение было бы, вероятно, несколько иным. На большом смотре ни один старший офицер, командующий батальоном, если он не подготовлен полностью к выполнению своих обязанностей, не взялся бы действовать под свою личную ответственность. У него есть адъютант в качестве суфлера, который знает, что нужно делать; он соответственно пользуется его подсказками и успешно делает свое дело, тогда как незадачливый капитан должен кое-как выполнять свои обязанности без всякого суфлера. Но взгляните на того же старшего офицера во время батальонного учения. Здесь за ним не наблюдает зоркий генеральский глаз; здесь он — высшая власть; и здесь адъютант довольно часто должен

занимать место, указанное ему уставами ее величества и держать свой совет при себе, пока его не спросят или пока не наступит полный беспорядок. Вот где вы видите старшего офицера-волонтера в истинном свете. Здесь, на батальонном учении он должен руководить своими волонтерами; но так как сам он далек от совершенства в этой науке, то он пользуется присутствием волонтеров, чтобы самому практиковаться в ней. Как гласит старая пословица, docendo discimus*. Но если учитель сам не тверд в искусстве, которому он должен обучать, то могут произойти и, к несчастью, довольно часто происходят промахи и путаница. Это не будет способствовать ни успехам волонтеров в батальонном обучении, ни доверию их к своему командиру, если только солдаты обнаружат, что батальонное учение для них не означает ничего иного, кроме предоставления старшему офицеру, который ими командует, возможности самому пройти учение, в то время как их гоняют бесцельно взад и вперед и рассчитывают, что они должны превосходством своих знаний выправлять промахи своего старшего офицера.

Мы не намерены сказать этим, что офицеры, командующие волонтерами, не прилагали некоторых усилий, чтобы изучить свои обязанности; но мы хотим сказать, что если ротные офицеры не могут быть сфабрикованы из штатских людей с той же легкостью, как рядовые солдаты, то сфабриковать старших офицеров еще труднее. Основываясь лишь на опыте батальонного учения, мы должны прийти к заключению, что командовать батальонами могут только военные-профессионалы. И если мы считаем, что учение составляет лишь часть обязанностей старшего офицера, что командир батальона, который может быть послан для выполнения самостоятельной задачи, где он должен действовать под свою личную ответственность, нуждается в знании высшей тактики, то мы должны также сказать, что было бы очень печально видеть, что жизнь 600 или 1000 солдат будет доверена руководству таких штатских людей, из которых теперь состоит значительное большинство командиров батальонов.

Будьте уверены, что если английские волонтеры когда-либо встретятся лицом к лицу с неприятелем, то это будет происходить не при таких благоприятных обстоятельствах, которые позволяют ныне американскому правительству очищать ряды своих офицеров-волонтеров от наименее способных лиц. Если английские волонтеры будут призваны, то сражаться им придется не с такой же волонтерской армией, а с наиболее

* — уча учимся. *Рвд.*

дисциплинированной, наиболее активной армией Европы. Самые первые бои будут решающими, и будьте уверены, что если возникнут какие-нибудь колебания иди путаница, будь то от неправильной команды полковников или от нерешительности капитанов, — этим сразу же воспользуются. Перед лицом противника не будет времени для чистки, и поэтому мы надеемся, что она будет проведена, пока еще есть время.

Написано Ф. Энгельсом в середине ноября 1861 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» № 64, 22 ноября 1861 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

К. МАРКС

ИНЦИДЕНТ С «ТРЕНТОМ»

Лондон, 28 ноября

Столкновение английского почтового парохода «Трент» с североамериканским военным кораблем «Сан-Джасинто» в узком проходе Старого Багамского пролива является злобой дня. 27 ноября после полудня почтовый пароход «Ла-Плата» привез известие об этом инциденте в Саутгемптон, откуда электрический телеграф тотчас же с. быстротой молнии разнес его по всей Великобритании. В тот же вечер лондонская биржа стала ареной бурных сцен, наподобие тех, какие разыгрались в момент объявления Итальянской войны. Курсы государственных бумаг упали от $^3/_4$ до 1%. Самые неправдоподобные слухи распространялись по Лондону. Говорили, будто американскому посланнику Адамсу были вручены паспорта, будто на все американские суда, стоящие на Темзе, наложено эмбарго и т. д. Одновременно на ливерпульской бирже купцы созвали митинг протеста с целью призвать английское правительство к принятию мер для отмщения за поруганную честь британского флага. Каждый здравомыслящий англичанин ложился спать в убеждении, что заснет он при мирном, а проснется уже при военном положении.

Но несмотря на все это, можно почти категорически утверждать, что столкновение, происшедшее между «Трентом» и «Сан-Джасинто», не таит в себе *никакой опасности войны.* Полуофициальная пресса, вроде «Times» и «Morning Post», призывает к спокойствию и старается погасить пламя страстей холодными юридическими рассуждениями. Газеты, вроде «Daily Telegraph», которые по едва уловимому mot d'ordre* поднимают рев в за-

* — сигналу. *Ред.*

щиту британского льва, представляют настоящий образец умеренности. Только торийская оппозиционная пресса — «Morning Herald» и «Standard»[223] — выходит из себя. Эти факты заставляют всякого, кто разбирается в подобных делах, прийти к выводу, что министерство уже приняло решение не делать из этого «untoward event» (неприятного эпизода) casus belli[*].

К тому же это событие, хотя и не во всех деталях его развития, можно было предвидеть заранее. Господа Слайделл, посланный Конфедерацией во Францию, и Мэзон, посланный Конфедерацией в Англию, вместе со своими секретарями Юстисом и Мак-Фарландом, прорвавшись 12 октября на пароходе «Теодора» через блокаду Чарлстона, отплыли в Гавану, чтобы попытаться оттуда переправиться в Европу под английским флагом. Их прибытие ожидалось в Англии со дня на день. Североамериканские военные суда вышли из Ливерпуля, чтобы перехватить этих господ вместе с их депешами по эту сторону Атлантического океана. Английское правительство уже представило на рассмотрение своим официальным юрисконсультам вопрос о том, имеют ли североамериканцы право предпринять подобный шаг. Говорят, что юрисконсульты дали утвердительный ответ.

С юридической точки зрения вопрос вращается в порочном кругу. Со времени образования Соединенных Штатов Северная Америка восприняла *английское* морское право во всей его строгости. Основное положение этого морского права гласит, что все *нейтральные торговые суда* подлежат *обыску* со стороны воюющих держав.

«Это право», — заявил лорд Стоуэлл в своем ставшем знаменитым судебном решении, — «является единственной гарантией того, чтобы на нейтральных судах не перевозилось никакой контрабанды».

Величайший американский авторитет *Кент* высказывается в том же смысле:

«Право это вытекает из права воюющей нации на самосохранение. Доктрина *английских* адмиралтейских судов относительно права осмотра и обыска полностью признана судами нашей страны».

Отнюдь не борьба с правом обыска, как это иногда ошибочно предполагают, вызвала англо-американскую войну 1812— 1814 годов[224]. Америка объявила эту войну скорее потому, что Англия *незаконно* присвоила себе право обыска даже американских *военных кораблей* под предлогом поимки беглых английских матросов.

[*] — повода к войне. *Ред.*

Итак, «Сан-Джасинто» имел право обыскать «Трент» и конфисковать находящуюся на нем контрабанду. Что *депеши,* имевшиеся у Мэзона, Слайделла и К°, относятся к категории контрабанды, признают даже «Times», «Morning Post» и т. п. Остается невыясненным лишь вопрос о том, подходят ли под категорию контрабанды сами гг. Слайделл, Мэзон и К° и подлежат ли они конфискации на этом основании! Пункт этот довольно щекотлив, и по поводу него доктора права придерживаются различных точек зрения. *Пратт,* самый крупный английский авторитет по вопросу о «контрабанде», в отделе *«Квази-контрабанда — депеши, пассажиры»* упоминает, в частности, «пересылку информации и приказов какого-либо воюющего правительства его иностранным агентам или перевозку военных пассажиров»[225]. Господа Мэзон и Слайделл, не являющиеся офицерами, не были вместе с тем и дипломатическими представителями, так как их правительства не признаны ни Англией, ни Францией. Что же они представляют собой? Уже *Джефферсон,* в оправдание чрезвычайно широкого понятия контрабанды, которое применялось Англией во время англо-французских войн, отмечал в своих воспоминаниях[226], что по самой своей природе контрабанда исключает всякое окончательное определение и неизбежно оставляет широкий простор произволу. Но во всяком случае видно, что этот *юридический вопрос* с почвы английского права переносится на почву дунс-скотовских контроверз[227], динамическая сила которых не выйдет за пределы дипломатической переписки.

Политическую сторону действий североамериканцев совершенно правильно характеризует «Times» в следующих словах:

«Даже г-н Сьюард должен признать, что голоса эмиссаров Юга, доносящиеся из плена, звучат в Лондоне и Париже в тысячу раз убедительнее, чем если бы они раздавались в Сент-Джемсе или Тюильри».

А кроме того, разве Конфедерация уже не представлена в Лондоне гг. Янси и Манном?

Мы рассматриваем эту последнюю акцию г-на Сьюарда как одну из характерных бестактностей самонадеянной слабости, которая пытается выдать себя за силу. Если эта морская авантюра ускорит удаление Сьюарда из вашингтонского кабинета, то у Соединенных Штатов не будет никакого основания заносить этот эпизод в летописи своей гражданской войны как «untoward event».

Написано К. Марксом 28 ноября 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 331, 2 декабря 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ КОНФЛИКТ

Лондон, 29 ноября

Юристы короны[228] должны были вчера высказать свое мнение по поводу морского инцидента в Багамском проливе. Их процессуальные документы состояли из письменных показаний оставшихся на борту *«Трента»* английских офицеров и из устного показания коммодора Уильямса, находившегося на борту «Трента» в качестве представителя адмиралтейства и прибывшего 27 ноября с пароходом «Ла-Плата» в Саутгемптон, откуда он был немедленно вызван по телеграфу в Лондон. Королевские юристы признали право *«Сан-Джасинто»* произвести осмотр и обыск «Трента». По этому пункту не могло быть никаких сомнений, так как прокламация королевы Виктории о нейтралитете, изданная в начале Гражданской войны в Америке, вполне определенно зачисляет *депеши* в категорию контрабанды[229]. Оставался неясным, следовательно, вопрос о том, представляли ли собой контрабанду сами гг. Мэзон, Слайделл и К° и могли ли они поэтому подлежать конфискации. Королевские юристы придерживаются, по-видимому, такой точки зрения, ибо они игнорировали весь вопрос *материального* права. Согласно отчету «Times», в своем заключении они обвиняют командира «Сан-Джасинто» только в *процедурной ошибке.* Вместо того чтобы захватывать гг. Мэзона, Слайделла и К°, он должен был взять на буксир сам пароход «Трент» в качестве приза, доставить его в ближайший американский порт и там передать на рассмотрение североамериканского призового суда[230]. Такова, бесспорно, процедура, соответствующая английскому, а, следовательно, и североамериканскому морскому праву.

Столь же бесспорно, что англичане во время антиякобинской войны часто нарушали это правило и действовали, как и «Сан-Джасинто», без соблюдения должной процедуры. Как бы то ни было, благодаря этому решению королевских юристов весь конфликт сводится к *технической оплошности* и потому теряет всякое непосредственное значение. Для правительства Соединенных Штатов принятие такого истолкования, а следовательно, и представление соответствующего удовлетворения облегчается двумя обстоятельствами. Во-первых, командир «Сан-Джасинто» капитан Уилкс не мог получить из Вашингтона никаких прямых инструкций. Возвращаясь из Африки в Нью-Йорк, он 2 ноября прибыл в Гавану, которую покинул уже 4 ноября, между тем как столкновение с «Трентом» произошло 8 ноября в открытом море. Всего лишь двухдневное пребывание капитана Уилкса в Гаване не давало ему никакой возможности связаться со своим правительством. Консул Соединенных Штатов был единственным представителем американских властей, с которым он мог вести переговоры. Во-вторых, он, очевидно, потерял голову, о чем свидетельствует его отказ в выдаче депеш.

Важность этого события заключается в его моральном воздействии на английский народ и в том, что английские друзья сецессионистов — торговцы хлопком легко могут нажить на этом политический капитал. Для характеристики этих последних может служить созванный ими в Ливерпуле митинг протеста, о котором я уже упоминал ранее*. Митинг состоялся 27 ноября в 3 часа пополудни в зале хлопковых аукционов ливерпульской биржи, через час после того, как из Саутгемптона прибыла тревожная телеграмма.

После тщетных попыток навязать председательство г-ну Кьюнарду, владельцу пароходов фирмы Кьюнард, обслуживающей перевозки между Ливерпулем и Нью-Йорком, и другим крупным представителям торгового мира, председательское место занял один молодой купец по имени *Спенс,* известный своим памфлетом в защиту рабовладельческой республики[231]. Вопреки правилам английских митингов, сам председатель внес предложение «призвать правительство защитить достоинство британского флага, потребовав немедленного удовлетворения за нанесенное оскорбление». Это было встречено бурным одобрением, аплодисментами и бесчисленными возгласами: браво, браво! Главный аргумент защитника рабовладельческой республики состоял в том, что американский флаг до сих пор ограждал суда, перевозившие рабов, от обысков, хотя

* См. настоящий том, стр. 398—400. *Ред.*

Англия претендовала на право производить такие обыски. И далее этот филантроп разразился бешеными нападками на работорговлю! Он признал, что войну 1812—1814 гг. с Соединенными Штатами вызвала Англия, так как она настаивала на праве осмотра американских военных судов в целях обнаружения дезертировавших английских матросов.

«Но какая большая разница», — продолжал он, прибегая к удивительной диалектике, — «существует между правом обыска в целях поимки дезертиров, бежавших из английского флота, и правом насильственного захвата таких высокоуважаемых людей, как гг. Мэзон и Слайделл, находящихся к тому же под защитой английского флага!»

Однако главный козырь он приберег к концу своей тирады.

«Недавно», — бушевал он, — «я был на европейском континенте. Мне приходилось краснеть от стыда, выслушивая замечания, которые делают там по поводу нашего отношения к Соединенным Штатам. Что говорит каждый разумный человек на континенте? Что мы решили рабски сносить всякую несправедливость, всякое оскорбление нашего достоинства со стороны правительства Соединенных Штатов. Что я мог на это ответить? Мне оставалось только краснеть. Но коль повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить. Терпение наше длилось достаточно долго, так долго, сколько можно было сохранять его» (терпение). «Теперь мы стоим, наконец, перед фактами (!), и это очень неприятный и поразительный факт (!), и долг каждого англичанина—дать понять правительству, сколь решительно и единодушно чувство этой великой страны в связи с обидой, нанесенной ее флагу».

Это бессмысленное словоизвержение было встречено громом аплодисментов. Возражения противников тонули в реве, шиканье и топанье. На замечание некоего г-на Кэмпбелла, что весь этот митинг ведется «не по правилам», неумолимый Спенс ответил: «Пусть так, по сам факт, который мы должны рассмотреть, также противоречит правилам». В ответ на предложение некоего г-на Тёрнера перенести митинг на следующий день, дабы «город Ливерпуль мог также принять в нем участие и имя его не узурпировалось кликой хлопковых маклеров», со всех сторон послышались голоса: «Хватайте его за шиворот, вышвырните его вон!» Нисколько не смущаясь, г-н Тёрнер повторил свое предложение, которое, однако, вопреки всем правилам английских митингов, не было поставлено на голосование. Спенс победил. Однако в действительности ничто так не способствовало охлаждению настроения в Лондоне, как известие об этой победе г-на Спенса.

Написано К. Марксом 29 ноября 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 332, 3 декабря 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ИЗВЕСТИЕ О ДЕЛЕ «ТРЕНТА» И ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ПРОИЗВЕДЕННОЕ ИМ В ЛОНДОНЕ

Лондон, 30 ноября 1861 г.

Со времени объявления войны против России я никогда не наблюдал такого возбуждения во всех слоях английского общества, как при известии о деле «Трента», доставленном в Саутгемптон «Ла-Платой» 27-го сего месяца. Около двух часов пополудни новость о «неприятном эпизоде» благодаря электрическому телеграфу стала известна в газетных отделах всех английских бирж. Все коммерческие бумаги упали в цене, в то время как цены на селитру поднялись. Консоли понизились на $^3/_4$%, а У Ллойда на пароходы из Нью-Йорка было установлено страхование от военных рисков в 5 гиней. Поздно вечером в Лондоне циркулировали самые нелепые слухи о том, будто американскому посланнику уже были возвращены его паспорта, будто уже отдано было распоряжение о немедленной конфискации всех американских судов в портах Соединенного королевства и т. д. Друзья сецессионистов — ливерпульские торговцы хлопком — воспользовались случаем и в течение десяти минут собрали в зале хлопковых аукционов биржи митинг протеста под председательством г-на Спенса, автора некоего невразумительного памфлета в защиту южной Конфедерации. Представитель адмиралтейства на борту «Трента» коммодор Уильяме, прибывший на «Ла-Плате», был немедленно вызван в Лондон.

На следующий день, 28 ноября, лондонская пресса придерживалась в общем очень сдержанного тона, представляющего странный контраст с невероятным возбуждением в политических и торговых кругах, царившим накануне вечером. Пальмерстоновские газеты «Times», «Morning Post», «Daily Telegraph», «Morning Advertiser» и «Sun»[232] получили приказ не возбу-

ждать, а успокаивать. «Daily News» своим осуждением поведения «Сан-Джасинто», очевидно, стремилась не столько задеть федеральное правительство, сколько снять с себя подозрение в «предубеждении против янки», в то время как «Morning Star»[233], газета Джона Брайта, обойдя молчанием вопрос о политичности и мудрости этого «акта», защищала его законность. Было только два исключения в общем направлении лондонской прессы. Торийские писаки из «Morning Herald» и «Standard», по существу являющихся одной газетой, хотя и под разными названиями, испускали вопли, полные злорадства, по поводу того, что, наконец, поймали «республиканцев» в западню и нашли готовый casus belli*. Их поддержала только лишь одна газета, «Morning Chronicle»[234], которая пыталась продлить свое изменчивое существование, продаваясь то отравителю Палмеру, то Тюильри. Возбуждение биржи значительно улеглось, благодаря спокойному тону ведущих лондонских газет. В тот же день, 28 ноября, коммодор Уильямс явился в адмиралтейство и доложил об обстоятельствах происшествия в Старом Багамском проливе. Его доклад вместе с письменными показаниями офицеров, находившихся на борту «Трента», был вручен юристам короны, мнение которых поздно вечером было официально передано на рассмотрение лорда Пальмерстона, графа Рассела и других членов правительства.

29 ноября можно было заметить, что официальная печать слегка изменила тон. Стало известно, что юристы короны по формальным причинам объявили действия фрегата «Сан-Джасинто» *незаконными* и что кабинет, собравшись после этого днем на совещание, решил послать со следующим пароходом инструкции лорду Лайонсу — действовать в соответствии с заключением английских юристов. С этого момента возбуждение в главных деловых центрах — биржа, Ллойд, Иерусалимская контора, Балтийское общество и т. д. — возобновилось с удвоенной силой и еще более возросло под влиянием известия о том, что предполагавшаяся отправка груза селитры в Америку была накануне приостановлена и что 29-го таможней получен приказ, воспрещающий экспорт этого предмета в какую бы то ни было страну, за исключением строго оговоренных случаев. Английские фондовые бумаги упали еще на $^{3}/_{4}$%, и одно время все биржи были охвачены настоящей паникой, причем стало невозможно заключать сделки в каких-либо ценных бумагах, и во всех отраслях произошло резкое падение цен. Во второй половине дня настроение на бирже несколько улучшилось благодаря

* — повод к войне. *Ред.*

разным слухам, но главным образом благодаря известию о том, что, по мнению г-на Адамса, вашингтонский кабинет снимет с себя ответственность за действия «Сан-Джасинто».

30 ноября (сегодня) все лондонские газеты, за единственным исключением «Morning Star», поставили альтернативу — либо вашингтонский кабинет дает удовлетворение, либо — *война.*

Изложив общий ход событий со времени прибытия «Ла-Платы» по сегодняшний день, я перейду теперь к откликам печати. К вопросу об аресте южных эмиссаров на борту английского почтового парохода приходилось, конечно, подходить с двух точек зрения — с юридической и с политической.

Что касается юридической стороны дела, то первая трудность, которую выдвинула на обсуждение торийская печать и «Morning Chronicle», заключалась в том, что Соединенные Штаты никогда не признавали южных сецессионистов воюющей стороной и, следовательно, сами не могли претендовать на права воюющей стороны.

Этот софизм был тотчас же устранен самой официальной прессой.

«Мы», — писала газета «Times», — «уже признали штаты Конфедерации воюющей державой, а когда наступит время, признаем и их правительство. Тем самым мы приняли на себя все обязанности и неудобства нейтральной державы по отношению к двум воюющим сторонам».

Следовательно, независимо от того, признают или не признают Соединенные Штаты конфедератов воюющей стороной, они имеют право настаивать, чтобы Англия примирилась со всеми обязанностями и неудобствами, связанными с соблюдением нейтралитета в морской войне.

Поэтому вся лондонская пресса, за упомянутыми исключениями, признает за «Сан-Джасинто» право произвести осмотр и обыск «Трента» с целью убедиться, нет ли на нем товаров или людей, принадлежащих к категории «военной контрабанды». Ссылки «Times» на то, что английское прецедентное право «было создано в *условиях, совершенно отличных* от тех, которые сейчас имеют место», что «тогда не было пароходов и почтовых судов, перевозящих почту, которая представляет непосредственный интерес для народов всего мира», что «мы (англичане) *боролись за существование* и делали в те времена то, *чего не позволили бы* делать другим», — не носили серьезного характера. Частный Moniteur[*] Пальмерстона, «Morning Post», заявил в тот же день, что почтовые пароходы — это просто

[*] — официальный вестник. *Ред.*

торговые суда, и на них не распространяется изъятие из права обыска, принадлежащего военным и транспортным судам. *Право обыска* было фактически признано за «Сан-Джасинто» как лондонской прессой, так и юристами короны. Возражение, что «Трент» шел не из одного порта воюющей стороны в другой, а из нейтрального порта в нейтральный порт, отпало благодаря заключению лорда Стоуэлла о том, что право обыска установлено для выяснения места назначения судна.

Далее, возник вопрос: сделав выстрел, при котором ядро упало против носовой части «Трента», а затем выпустив снаряд, разорвавшийся вблизи от него, не нарушил ли «Сан-Джасинто» обычаев и правил вежливости, которые должны соблюдаться при осуществлении права осмотра и обыска? В общем лондонская пресса признала, что, поскольку детали происшествия до сих пор известны лишь из показаний одной из заинтересованных сторон, такой второстепенный вопрос не может повлиять на решение, которого ждут от английского правительства.

Раз право обыска, осуществленное «Сан-Джасинто», таким образом, признано, то чего же искало это судно? *Военной контрабанды,* которая, как он подозревал, перевозилась «Трентом». Что такое военная контрабанда? Являются ли *депеши* правительства воюющей страны военной контрабандой? Являются ли военной контрабандой *люди,* перевозящие эти депеши? И, в случае утвердительного ответа на оба эти вопроса, являются ли такие депеши и перевозящие их лица военной контрабандой, если они найдены на торговом судне, идущем из одного нейтрального порта в другой нейтральный порт? Лондонская пресса признает, что заключения высших юридических авторитетов по обе стороны Атлантического океана так противоречивы и с такой видимостью справедливости могут быть приведены в подтверждение как утвердительного, так и отрицательного ответа, что, во всяком случае prima facie*, вопрос решается в пользу «Сан-Джасинто».

В согласии с этим преобладающим мнением английской прессы, английские королевские юристы оставили совсем в стороне существо вопроса и остановились только на формальной его стороне. Они утверждают, что международное право нарушено не *по существу,* а только *формально.* Они пришли к тому выводу, что «Сан-Джасинто» допустил ошибку, арестовав на свою ответственность эмиссаров Юга, вместо того чтобы отвести «Трент» в какой-нибудь федеральный порт и передать вопрос в федеральный призовой суд, так как ни один вооруженный

* — на первый взгляд. *Ред.*

крейсер не имеет права брать на себя судебные функции на море. Таким образом, единственное, что вменяется в вину «Сан-Джасинто». английскими юристами, — это нарушение *процедуры,* и, на мой взгляд, они правы в своем заключении. Можно было бы легко откопать прецеденты, показывающие, что Англия также нарушала формальности морского права, но нельзя допустить, чтобы нарушения права заменили само право.

Теперь можно обсудить вопрос, следует ли обосновывать требование английского правительства об освобождении эмиссаров Юга нарушением, которое сами англичане признают скорее *формальным,* чем *по существу?* Один юрист из Темпля* замечает по этому поводу в сегодняшнем номере «Times»:

«Если позиция наша в этом деле не настолько благоприятна, чтобы постановление американского суда о виновности судна могло бы быть нами оспорено как явно противоречащее международному праву, то неправильность действий американского капитана, позволившего «Тренту» проследовать в Саутгемптон, явно отвечала интересам английских владельцев и английских пассажиров. Можем ли мы в таком случае считать поводом для международного конфликта процедурную ошибку, которая в действительности пошла нам на пользу?»

Однако если американское правительство должно, как мне кажется, согласиться с тем, что капитан Уилкс формально или по существу нарушил морское право, то в интересах своей репутации и с точки зрения своих выгод ему не следовало бы проявлять чрезмерную щепетильность в вопросе об условиях удовлетворения, которое должно быть дано потерпевшей стороне. Американское правительство должно помнить, что оно играет на руку сецессионистам, впутывая Соединенные Штаты в войну с Англией, что такая война была бы находкой для Луи Бонапарта при его теперешнем трудном положении и, следовательно, была бы всячески поддержана официальными кругами Франции и что, наконец, вооруженные силы, находящиеся под командованием англичан в различных пунктах Северной Америки и Вест-Индии, вместе с силами мексиканской экспедиции обеспечили бы английскому правительству подавляющее преобладание на море.

Что касается политической стороны ареста в Багамском проливе, то не только английская, но и вся европейская пресса в один голос выражает удивление по поводу странного поведения американского правительства, вызывающего столь серьезные международные осложнения ради того, чтобы арестовать гг. Мэзона, Слайделла и К°, в то время как гг. Янси и Манн

* — здание в Лондоне, где помещаются юридические корпорации. *Ред.*

с важностью расхаживают по Лондону. Газета «Times», конечно, права, говоря:

«Даже сам г-н Сьюард должен признать, что голоса этих эмиссаров Юга, доносящиеся из плена, звучат в Лондоне и Париже в тысячу раз убедительнее, чем если бы они раздавались в Сент-Джемсе или Тюильри».

Народ Соединенных Штатов, великодушно согласившийся на ограничение своей собственной свободы ради спасения своей страны, проявит, конечно, не меньшую готовность привлечь к себе общественное мнение Англии путем открытого признания и старательного исправления международного промаха, оправдывание которого могло бы привести к осуществлению самых дерзких надежд мятежников.

Написано К. Марксом 30 ноября 1861 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6462, 19 декабря 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

УРОКИ АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ

Когда несколько недель тому назад мы обратили внимание на процесс чистки, ставший необходимым в американской волонтерской армии*, мы были лишены возможности полностью исчерпать ценные уроки, которые постоянно дает нынешняя война волонтерам по эту сторону Атлантического океана. Мы позволим себе поэтому снова вернуться к этому вопросу.

Способ ведения войны, происходящей в настоящее время в Америке, действительно не имеет прецедента. От Миссури до Чесапикского залива миллион солдат, разделенных почти поровну на два враждебных лагеря, стоят друг против друга вот уже около шести месяцев, ни разу не вступив в общее сражение. В Миссури эти две армии продвигаются, отступают, сражаются и снова поочередно продвигаются и отступают без всякого видимого результата; даже теперь, после семи месяцев маршей и контрмаршей, которые должны были страшно опустошить страну, ход событий, видимо, так же далек от какого бы то ни было разрешения, как и раньше. В Кентукки, после длительного периода кажущегося нейтралитета[235], в действительности периода подготовки, становится, по-видимому, неизбежным такое же положение; в Западной Виргинии происходят непрерывные мелкие стычки без всякого видимого результата, а у Потомака, где сосредоточены крупнейшие силы обеих сторон почти на виду друг у друга, ни одна из них не стремится к наступлению, доказывая этим, что при данном положении дел даже победа была бы совершенно бесполезна, И до тех

* См. настоящий том, стр. 393—397. *Ред.*

пор, пока какие-либо внешние обстоятельства не внесут серьезного изменения, эта безрезультатная система войны, возможно, продлится еще целые месяцы.

Как следует объяснить все это?

И на той и на другой стороне у американцев сражаются почти исключительно волонтеры. Маленькое ядро прежней регулярной армии Соединенных Штатов либо растворилось, либо слишком слабо, чтобы переварить огромную массу необученных рекрутов, сосредоточенных на театре военных действий. Для того чтобы превратить всех этих людей в солдат, нет даже достаточного числа инструкторов. Следовательно, обучение должно идти очень медленно, и действительно, нельзя даже предсказать, как долго продлится это обучение, пока прекрасный людской материал, собранный на обоих берегах Потомака, не станет пригодным, чтобы двинуть его крупными массами и дать или принять сражение соединенными силами.

Но даже если солдаты смогли бы пройти обучение в относительно короткие сроки, то нет достаточного количества офицеров для руководства ими. Не говоря о ротных командирах, которые, конечно, не могут быть взяты из гражданского населения, недостает офицеров в качестве командиров батальонов, даже если каждый лейтенант и прапорщик регулярной армии будут назначены на эти должности. Значительное число полковников из штатских поэтому неизбежно; и ни один человек, знающий наших собственных волонтеров, не сочтет ни Мак-Клеллана, ни Борегара слишком робкими за то, что они отказываются предпринимать решительные действия или сложные стратегические маневры, располагая, в качестве исполнителей своих приказаний, полковниками из штатских с шестимесячным стажем.

Предположим, однако, что это затруднение было в общем преодолено; что полковники из штатских вместе со своими мундирами приобрели знания, опыт, такт, необходимые при исполнении их обязанностей, — по крайней мере, поскольку это касается пехоты. Но как будет обстоять дело с кавалерией? Обучение кавалерийского полка требует большего времени и большего опыта от обучающих офицеров, чем подготовка пехотного полка. Предположим, что все люди придут в свои части с достаточным знанием искусства верховой езды, то есть, что они смогут крепко сидеть в седле, управлять лошадью и знать, как ухаживать за нею и кормить ее, — все же и это едва ли сократит время, необходимое для обучения. Военная верховая езда, то управление вашей лошадью, благодаря которому вы заставляете ее проделывать все движения, необходимые при

перестроениях кавалерии, — это совсем другое дело, чем верховая езда, в которой обычно практикуются штатские. Небезызвестно, что наполеоновская кавалерия, которая, по мнению сэра Уильяма Нейпира («История войны на Пиренейском полуострове»)[236], была чуть ли не лучше английской кавалерии того времени, состояла из самых плохих всадников, когда-либо сидевших в седле, и многие из наших лучших спортивных наездников, вступая в волонтерские кавалерийские части, находили, что им еще многому нужно поучиться. Нам нет поэтому надобности выражать изумление при обнаружении того факта, что американцы испытывают острый недостаток в кавалерии и что то немногое, чем они обладают, состоит из чего-то вроде казаков или индийских иррегулярных кавалерийских частей (rangers), непригодных для атаки в сомкнутом строю.

В отношении артиллерии дело должно обстоять еще хуже; точно так же и с инженерными войсками. Оба эти рода войск владеют высоко техническими видами оружия и требуют длительного и тщательного обучения как офицерского, так и унтер-офицерского состава, а также, конечно, и более длительного, чем в пехоте, обучения солдат. Артиллерия, кроме того, является более сложным родом войск, чем даже кавалерия; вам нужны пушки, лошади, объезженные для их транспортировки, и две категории обученных солдат — канониры и ездовые; вам нужно, кроме того, большое количество повозок для снарядов и большие лаборатории для изготовления боевых припасов, литейные заводы, мастерские и т. д.; и все это должно быть оборудовано сложными машинами. Утверждают, что федералисты[237] имеют на фронте 600 орудий, но как они будут обслуживаться, мы легко можем себе представить, зная, что заново сформировать в шесть месяцев из ничего 100 полных, хорошо снабженных и хорошо обслуживаемых батарей совершенно невозможно.

Но предположим опять-таки, что все эти трудности были преодолены и что боевая часть двух враждующих американских группировок действует в прекрасных условиях, смогли бы они двигаться даже в этом случае? Конечно, нет. Армию нужно кормить, а большая армия в такой сравнительно слабо населенной местности, как Виргиния, Кентукки и Миссури, должна получать продовольствие главным образом со складов. Ее боевые припасы должны пополняться; за ней должны следовать оружейные мастера, шорники, столяры и другие мастера для поддержания ее боевой техники в должном порядке. Все эти необходимые условия отсутствовали в Америке; их пришлось организовывать почти на пустом месте, и у нас нет никаких

оснований утверждать, что даже в настоящее, время интендантство и транспорт обеих армий вышли из младенческого состояния.

Америка, как Север, так и Юг, как федеральная, так и конфедератская, не имела, вообще говоря, военной, организации. Линейная армия по своей численности совершенно не подходила для борьбы против серьезного неприятеля; милиционная армия почти отсутствовала. Прежние войны Союза никогда не подвергали испытанию военные силы страны; Англия между 1812 и 1814 гг. не могла выделить много войск, а Мексику обороняла главным образом разношерстная масса. Дело в том, что, благодаря географическому положению Америки, у нее фактически не было врагов, которые могли бы где-нибудь напасть на нее, в самом худшем случае, с большими силами, чем 30 или 40 тысяч солдат регулярной армии, и огромные пространства страны скоро оказались бы для армии такой численности более страшным препятствием, чем любые войска, которые Америка могла бы выставить против нее; между тем ее армии было достаточно, чтобы образовать ядро для 100000 волонтеров и обучить их в надлежащее время. Но когда гражданская война потребовала больше миллиона людей, то вся система рухнула, и все надо было начинать сначала. Результаты налицо. Две огромных, громоздких массы людей, полные страха друг перед другом, боясь победы почти так же, как и поражения, стоят друг против друга, пытаясь путем огромных издержек создать что-то, напоминающее регулярную организацию. Огромная трата денег, как бы она ни была ужасна, совершенно неизбежна благодаря полному отсутствию того организационного основания, на котором могло бы быть построено новое здание. Но могло ли быть иначе при том незнании и неопытности, которые преобладают в каждом ведомстве? С другой стороны, польза от этих издержек, в смысле продуктивности и организации, исключительно мала. Но могло ли быть иначе?

Британские волонтеры должны быть благодарны своей судьбе, что они с самого начала нашли многочисленную, хорошо дисциплинированную и опытную армию, которая взяла их под свое покровительство. Если иметь в виду предрассудки, свойственные всем профессиям, эта армия хорошо приняла их и хорошо с ними обращалась. Нужно надеяться, что ни волонтеры, ни публика никогда не подумают, что новый вид войск когда-нибудь сможет в какой бы то ни было степени заменить старый. Если такие люди имеются, то мимолетный взгляд на состояние двух американских волонтерских армий должен доказать им их собственное невежество и глупость. Никакая армия, заново организованная из штатских людей, никогда

не сможет стать боеспособной, если она не будет обучена и поддержана огромными интеллектуальными и материальными ресурсами, имеющимися в распоряжении многочисленной регулярной армии, а главным образом — той организацией, которая составляет самую сильную сторону регулярной армии. Предположите, что Англии угрожает вторжение, и сравните то, что произошло бы в этом случае, с тем, что неизбежно случилось в Америке. В Англии военное министерство, с помощью некоторого дополнительного числа чиновников, которых легко можно найти среди опытных военных, приступило бы к выполнению всей той дополнительной работы, которую потребовала бы армия в 300000 волонтеров; имеется достаточно запасных офицеров, причем особому наблюдению каждого из них можно было бы поручить, скажем, три или четыре батальона волонтеров, а при некотором усилии каждый батальон можно было бы обеспечить одним линейным офицером в качестве адъютанта и одним — в качестве полковника. Кавалерия, конечно, не могла бы быть создана импровизированным путем, но решительная реорганизация волонтерской артиллерии — с помощью офицеров и ездовых из королевской артиллерии — помогла бы укомплектовать много батарей полевой артиллерии. Гражданские инженеры страны ждут только удобного случая, чтобы изучить военную сторону своей профессии, что сразу же превратило бы их в первоклассных офицеров инженерных войск. Интендантство и транспортная служба уже организованы и, возможно, скоро оказались бы в состоянии удовлетворять потребности 400000 человек с той же легкостью, как и потребности 100000. Ничто не было бы дезорганизовано, ничто не было бы нарушено; со всех сторон волонтеры получали бы помощь и поддержку, и им нигде не нужно было бы бродить ощупью, в потемках; и — за исключением некоторых из тех промахов, без которых Англия не сможет обойтись в самом начале войны, — мы не видим причины, почему бы через шесть недель все не могло бы быть налажено в достаточной степени.

Теперь взгляните на Америку, и вы поймете, какую ценность представляет регулярная армия в деле создания армии волонтеров.

Написано Ф. Энгельсом в конце ноября 1861 г.

Напечатано в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» № 66, 6 декабря 1861 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

К. МАРКС

ГЛАВНЫЕ АКТЕРЫ ДРАМЫ «ТРЕНТ»

Лондон, 4 декабря

В настоящий момент будет небезынтересно познакомиться с главными действующими лицами драмы «Трент». С одной стороны выступает активный герой, командир «Сан-Джасинто» капитан *Уилкс,* с другой стороны — пассивные герои *Дж. М. Мэзон* и *Джон Слайделл.* Капитан Чарлз Уилкс — прямой потомок брата знаменитого английского демагога Уилкса, который одно время грозил поколебать трон Георга III. Борьба с североамериканскими колониями спасла тогда Ганноверскую династию от взрыва английской революции, симптомы которой проявлялись одинаково отчетливо как в выкриках Уилкса, так и в письмах Юниуса[238]. Капитан Уилкс, родившийся в Нью-Йорке в 1798 г., прослужил 43 года в американском флоте и командовал эскадрой, которая в 1838—1842 гг. по поручению правительства Союза исследовала северную и южную часть Тихого океана. Он опубликовал отчет об этой экспедиции в пяти томах[239]. Далее, он является автором сочинения о Западной Америке,которое содержит ряд ценных сведений о Калифорнии и Орегоне[240]. В настоящее время твердо установлено, что Уилкс действовал на свой страх и риск и без указаний со стороны Вашингтона.

Оба захваченных эмиссара южной Конфедерации — гг. *Мэзон* и *Слайделл* — представляют собой во всех отношениях противоположность друг другу. *Мэзон,* родившийся в 1798 г., происходит из старинной аристократической виргинской семьи — одной из тех семей, которые бежали из Англии, после того как роялисты потерпели окончательное поражение в битве при Вустере[241]. Дед нашего героя[*] принадлежит к кругу тех людей, которых американцы, наряду с Вашингтоном, Джефферсоном

[*] — Джордж Мэзон. *Ред.*

и др., называют «the revolutionary fathers» (отцами революции). Джон *Слайделл* не является ни аристократом по происхождению, ни рабовладельцем от рождения, как его коллега Мэзон. Родился он в Нью-Йорке, где его дед и отец были честными tallow-chandlers (торговцами сальными свечами). После нескольких лет изучения юриспруденции *Мэзон* вступил на политическую арену. С 1826 г. он несколько раз был членом виргинской палаты депутатов, в 1837 г. в течение одной сессии являлся членом палаты представителей американского конгресса, но становится значительной фигурой лишь с 1847 года. В этом году он был избран от Виргинии в американский сенат, где и оставался до весны 1861 года. *Слайделл,* которому сейчас 68 лет, должен был еще в ранние годы покинуть Нью-Йорк из-за любовной интрижки и дуэли — короче, вследствие какой-то скандальной истории. Он отправился в Новый Орлеан, где добывал средства к существованию сначала карточной игрой, а затем адвокатурой. Будучи вначале простым членом законодательного собрания Луизианы, он вскоре пробил себе дорогу в палату представителей и, наконец, в сенат американского конгресса. Руководитель предвыборных махинаций во время президентских выборов 1844 г., позднее участник мошеннических спекуляций государственными землями, он до известной степени шокировал даже тот вид морали, который общепринят в Луизиане.

Мэзон унаследовал влияние, Слайделл добился его. Оба они нашли свое настоящее место и дополняли друг друга в американском сенате, этой цитадели рабовладельческой олигархии. Согласно американской конституции, сенат выбирает особую комиссию по иностранным делам, играющую примерно такую же роль, какую раньше играл в Англии Тайный совет (privy council)[242], до того как функции его были узурпированы так называемым кабинетом, величиной, теоретически неизвестной английской конституции. Мэзон был долгое время председателем этой комиссии, а Слайделл — ее видным членом.

Мэзон, твердо убежденный в том, что каждый виргинец есть полубог, а каждый янки — плебей и прохвост, никогда не старался скрывать презрения к своим северным коллегам. Высокомерный, заносчивый, наглый, он умел мрачно морщить лоб, подобно Зевсу, и фактически переносил в сенат манеры, обычные для плантации. Фанатичный панегирист рабства, бесстыдно клеветавший на Север и особенно на его рабочий класс, любитель громовых тирад против Англии, Мэзон надоедал сенату назойливым многословием и в своем упрямом словоизвержении тщетно старался бессодержательной пышностью слов прикрыть полное отсутствие содержания. В последние годы

он демонстративно одевался в серый парусиновый костюм домашнего виргинского производства, но, — что характерно для этого человека, — серый сюртук был украшен кричащими пуговицами, которые изготовляются в одном из штатов Новой Англии — Коннектикуте.

В то время как Мэзон разыгрывал на авансцене роль Jupiter tonans* рабовладельческой олигархии, Слайделл действовал за кулисами. Обладая редкими способностями плести интриги, неутомимостью и выдержкой, бессовестностью и бесцеремонностью, но в то же время осторожный, скрытный, никогда не выступающий прямо, а всегда идущий извилистыми путями,— Слайделл был душой конклава южных заговорщиков. О репутации этого человека можно судить уже по тому, что когда в 1845 г., незадолго до начала войны с Мексикой, его направили туда в качестве посланника, Мексика отказалась вести переговоры с подобным субъектом[243]. Благодаря интригам Слайделла, Полк сделался президентом. Он же был одним из самых пагубных советников президента Пирса и злым гением правительства Бьюкенена. Оба они — Мэзон и Слайделл — выступали в качестве главных ораторов, отстаивавших закон о беглых рабах[244]; оба они были виновниками кровавой резни в Канзасе и оба были тайными инициаторами мероприятий, при помощи которых правительство Бьюкенена предоставило Югу все средства для отделения, сделав Север совершенно беззащитным.

Уже в 1855 г. Мэзон заявил на одном публичном собрании в Южной Каролине, что «для Юга остается только один путь — немедленное, полное и вечное отделение». В марте 1861 г. он заявил в сенате, что «он не обязан allegiance (верностью) правительству Союза», но тем не менее продолжал оставаться в сенате и получать свое жалованье сенатора до тех пор, пока чувствовал там себя в безопасности. Таким образом, это был шпион в высшем совете нации и вероломный нахлебник государственной казны.

Прабабушка Мэзона была дочерью знаменитого сэра Уильяма Темпла. Таким образом, он является дальним родственником Пальмерстона. Для народных масс Севера Мэзон и Слайделл являлись не только политическими противниками, но и *личными врагами.* Этим и объясняется всеобщее ликование по поводу их поимки, заглушившее в первые дни даже сознание опасности, грозящей со стороны Англии.

Написано К. Марксом 4 декабря 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 337, 8 декабря 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — Юпитера-громовержца. *Ред.*

К. МАРКС

* СПОРЫ ВОКРУГ ДЕЛА «ТРЕНТА»

Лондон, 7 декабря

Пальмерстоновская печать, — а я как-нибудь в другой раз покажу, что Пальмерстон в вопросах внешней политики совершенно так же *безусловно* контролирует $^{9}/_{10}$ английской прессы, как Луи Бонапарт контролирует $^{9}/_{10}$ французской прессы[*], — Пальмерстоновская печать чувствует, что ей приходится работать в обстановке «милых препятствий»[**]. С одной стороны, она признает, что королевские юристы свели все обвинения по адресу Соединенных Штатов к *простой процедурной ошибке, к технической оплошности.* С другой стороны, она хвастливо заявляет, что на основании этих чисто адвокатских хитросплетений Соединенным Штатам должен быть предъявлен *грозный ультиматум,* основанием для которого может служить лишь серьезное правонарушение, но отнюдь не ошибка формального. характера, допущенная при осуществлении признанного права. Поэтому Пальмерстоновская пресса сейчас снова поднимает вопрос о *материальном* праве. Чрезвычайная важность этого дела заставляет нас вкратце остановиться на вопросе о *материальном* праве.

Предварительно заметим, что ни одна английская газета не осмеливается ставить в упрек «Сан-Джасинто» осмотр и обыск «Трента». Следовательно, этот пункт не является спорным.

Затем мы хотим напомнить одно весьма важное место из прокламации королевы Виктории о нейтралитете от 13 мая 1861 года. Место это гласит:

---

[*] См. настоящий том, стр. 441—444. *Ред.*

[**] Гейне. «Новая весна. Пролог». *Ред.*

«*Виктория, королева.* Так как мы находимся в мире с Соединенными Штатами... мы предостерегаем всех наших возлюбленных подданных... чтобы они нарушением законно признанной блокады или *перевозкой офицеров... депеш...* или какой-либо другой военной контрабанды... не поступали вопреки нашей прокламации... Все лица, совершившие подобное правонарушение, подлежат различным наказаниям, предусмотренным английским муниципальным правом, а также международным правом... Лица эти никоим образом не могут рассчитывать на нашу *защиту* от последствий их проступка, наоборот, они навлекут на себя наше неудовольствие».

Итак, эта прокламация королевы Виктории с самого начала объявляет *депеши* контрабандой и подвергает корабль, который перевозит такую контрабанду, «наказаниям, предусмотренным международным правом». Каковы же эти наказания?

Американский автор по вопросам международного права *Уитон,* авторитет которого в равной мере признается по обе стороны Атлантического океана, говорит в своей книге «Elements of International Law» («Основы международного права»)[245], стр. 565:

«Перевозка депеш неприятеля влечет за собой для перевозящего их *нейтрального* судна *взятие в плен и конфискацию.* Последствия подобной услуги значительно превосходят последствия перевозки обычной контрабанды... *Английский* судья сэр *У. Скотт* говорит, что перевозка военных материалов неизбежно носит ограниченный характер, тогда как перевозка депеш представляет собой акт, который может расстроить весь план кампании неприятеля... Конфискация недозволенных предметов, являющаяся обычным наказанием за контрабанду, была бы смешна по отношению к депешам. За депеши не уплачивается никакого фрахта. Следовательно, конфискация их совершенно не затрагивает владельца судна, не наказывает и перевозящее их судно. Поэтому должно *конфисковываться* само судно, перевозящее депеши».

Уокер в своем сочинении «Introduction to American Law» («Введение в американское право»)[246] говорит:

«Нейтральные государства не должны участвовать в перевозке *депеш неприятеля* под угрозой конфискации корабля и его груза».

Кент, который является выдающимся авторитетом в *английском* суде, в своих «Commentaries» («Комментариях»)[247] заявляет:

«Если при обыске корабля обнаружится, что он везет *депеши неприятеля,* то корабль подлежит наказанию — захвату и конфискации по приговору призового суда».

Д-р *Роберт Филлимор,* «Advocate of Her Majesty in Her Office of Admiralty» («Адвокат королевы Виктории в ее Адмиралтейском суде»), в своей последней работе по международному праву[248] пишет на стр. 370:

«Официальные сообщения должностного лица (official) о положении дел воюющего правительства являются такого рода *депешами,* которые дают основание рассматривать перевозящих их лиц (carriers) как представителей неприятеля. Пагубные последствия подобной услуги неисчислимы и выходят далеко за пределы последствий перевоза обычной контрабанды, ибо ясно, что передача подобных депеш может содействовать успеху важнейших планов воюющей армии или, наоборот, помешать их осуществлению... Наказанием за это является конфискация не только корабля, перевозящего депеши, но и его груза».

Итак, твердо установлены два пункта. Прокламация королевы Виктории от 13 мая 1861 г. распространяет на *английские* суда, перевозящие депеши Конфедерации, наказания, предусмотренные международным правом. А международное право, согласно его английским и американским истолкователям, предусматривает в качестве *наказания* взятие в плен и конфискацию таких судов.

Поэтому пальмерстоновскне газеты *лгали,* исполняя поручение свыше, — а мы были достаточно наивны, чтобы поверить в эту ложь, — будто капитан «Сан-Джасинто» не искал *депеш* на «Тренте» и потому не обнаружил их; будто *«Трент»,* таким образом, ввиду этой оплошности, должен был остаться неприкосновенным. Наоборот, американские газеты от 17—20 ноября, которые еще *не могли* знать об этой английской лжи, *единогласно* утверждают, что депеши *были захвачены* и уже перепечатываются для представления их конгрессу в Вашингтоне. Это меняет все дело. Ввиду наличия этих депеш «Сан-Джасинто» имел право взять «Трент» на буксир, а каждый американский призовой суд обязан был конфисковать пароход и его груз. Вместе с «Трентом» ведению американской юрисдикции неизбежно подлежали и его пассажиры.

Господа Мэзон, Слайделл и К° немедленно по прибытии «Трента» в Монро подпали бы как мятежники под действие американской юрисдикции. Поэтому, если капитан «Сан-Джасинто» удовольствовался захватом депеш и перевозивших их лиц, вместо того чтобы отвести сам «Трент» в какую-либо американскую гавань, то этим он нисколько не ухудшил положения Мэзона, Слайделла и К°, между тем как, с другой стороны, пароходу, его грузу и пассажирам эта *процедурная ошибка* пошла только на пользу. И было бы поистине невероятно, если бы Англия решила объявить войну Соединенным Штатам на том основании, что капитан Уилкс совершил процедурную ошибку, наносящую ущерб Соединенным Штатам, но выгодную для Англии.

Вопрос о том, являются ли контрабандой сами Мэзон, Слайделл и К°, был поставлен и мог быть поставлен только потому,

что пальмерстоновские газеты распространяли *ложь,* будто капитан Уилкс депеш не искал и не захватывал. Именно в этом случае Мэзон, Слайделл и К° являлись бы на пароходе «Трент» по существу единственным объектом, который, пожалуй, мог подойти под категорию контрабанды. Но отвлечемся на минуту от этого обстоятельства. Прокламация королевы Виктории объявляет контрабандой «officers» воюющей стороны. Являются ли «officers» только военные офицеры? Были ли Мэзон, Слайделл и К° «officers» Конфедерации? «Officers», — говорит *Самюэл Джонсон* в своем словаре английского языка[249], — это «men employed by the public», то есть, по-немецки, «offentliche Beamte»[*]. Такое же объяснение дает и *Уокер* (см. его словарь, издание 1861 года)[250].

Итак, согласно английскому словоупотреблению, Мэзон, Слайделл и К°, являющиеся эмиссарами, id est[**] чиновниками Конфедерации, подпадают под категорию «officers», которых королевская прокламация объявляет *контрабандой.* Капитан «Трента» *знал,* что они являются таковыми, и потому подвергал себя, свой корабль и своих пассажиров опасности конфискации. Если, согласно Филлимору и всем прочим авторитетам, корабль, являющийся carrier (перевозчиком) депеш неприятеля, подлежит конфискации, так как он нарушает нейтралитет, то в еще большей степени это относится к *лицам,* перевозящим депеши. Согласно *Уитону,* даже *посол* неприятельской державы может быть задержан, пока он находится in transitu[***]. Вообще основой всего международного права является положение о том, что всякое лицо, принадлежащее к воюющей стороне, может рассматриваться противоположной стороной как «лицо, ведущее войну», и подлежит соответствующему обращению.

«Пока какой-либо человек», — говорит *Ваттель,* — «продолжает оставаться гражданином своей страны, он является неприятелем для всех тех, с которыми его нация находится в состоянии войны»[251].

Итак, мы видим, что английские королевские юристы свели спорный пункт к *простой процедурной ошибке* — не к error in re[****], а к error in forma[*****], так как в действительности не было *никакого нарушения материального права.* Пальмерстоновские органы печати снова поднимают вопрос о материальном праве

---

[*] — «официальные должностные лица». *Ред.*
[**] — то есть. *Ред.*
[***] — в пути. *Ред.*
[****] — ошибке по существу. *Ред.*
[*****] — ошибке в форме. *Ред.*

только потому, что одна лишь ошибка в процедуре, да притом еще *в пользу «Трента»,* не может служить достаточным основанием для предъявления высокомерного ультиматума.

Между тем в этом же смысле высказались влиятельные лица из двух диаметрально противоположных лагерей: с одной стороны — гг. *Брайт* и *Кобден,* с другой стороны — *Давид Уркарт.* Это принципиальные и личные враги. Одни — миролюбивые космополиты, а другой — *«последний англичанин»*[252]; первые всегда готовы пожертвовать всем международным правом ради международной торговли, тогда как Уркарт непоколебимо отстаивает принцип «fiat justitia, pereat mundus»[*], причем под «правосудием» он подразумевает «английское» правосудие. Мнения *Брайта* и *Кобдена* важны потому, что они выражают настроения влиятельной фракции буржуазии и представлены в правительстве Гладстоном, Милнером Гибсоном и в большей или меньшей степени сэром Корнуоллом Льюисом. Мнение Уркарта важно потому, что международное право он изучал в течение всей своей жизни и считается *неподкупным* истолкователем этого международного права.

Речь Брайта в пользу Соединенных Штатов и письмо Кобдена, составленное в том же духе, будут переданы через обычные источники газетной информации. Поэтому на них я останавливаться не буду.

Орган *Уркарта* «Free Press»[253] в последнем номере от 4 декабря говорит следующее:

«Мы должны бомбардировать Нью-Йорк! Эти безумные вопли можно было слышать неделю назад на всех улицах Лондона в тот вечер, когда пришло известие о совершенно незначительном военном событии. Подобный акт захвата лиц и имущества враждебной державы на борту нейтрального судна Англия *совершала во всякой войне как нечто само собой разумеющееся».*

«Free Press» напоминает далее, что в 1856 г. на Парижском конгрессе Пальмерстон, не будучи на то уполномочен короной или парламентом, поступился английским морским правом *в интересах России,* и продолжает:

«Чтобы оправдать эту жертву, газеты Пальмерстона заявляли тогда следующее: *Если бы мы сохранили за собой право осмотра и обыска,* то при первой же войне в Европе мы неизбежно *были бы вовлечены в войну с Соединенными Штатами.* А теперь на страницах тех же газет Пальмерстон призывает нас бомбардировать Нью-Йорк только потому, что Соединенные Штаты действуют на основе того самого права, которое признается нами в такой же мере, как и ими».

[*] — «пусть погибнет мир, но торжествует правосудие». *Ред.*

Относительно позиции «органов общественного мнения» «Free Press» замечает:

«Ослиный крик оттаявшего почтового рожка барона Мюнхаузена — ничто по сравнению с разноголосицей британской прессы по поводу взятия в плен Мэзона и Слайделла».

Затем газета юмористически сопоставляет в «строфах» и «антистрофах» те противоречивые положения, с помощью которых английская пресса старается доказать «нарушение права» со стороны Соединенных Штатов.

Написано К. Марксом. 7 декабря 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» №340, 11 декабря 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

РОСТ СИМПАТИЙ В АНГЛИИ

Лондон, 7 декабря 1861 **г.**

Друзья Соединенных Штатов по эту сторону Атлантического океана, охваченные тревогой, надеются, что федеральное правительство предпримет шаги к примирению. Объясняется это отнюдь не тем, что они участвуют в неистовой шумихе, поднятой английской прессой по поводу военного инцидента, который, даже по мнению самих английских королевских юристов, сводится лишь к процедурной ошибке и может быть резюмирован в нескольких словах: было допущено нарушение международного права, потому что капитан Уилкс, вместо того чтобы захватить «Трент», его груз, его пассажиров, а также эмиссаров, захватил только последних. Источником тревоги доброжелателей великой республики не является также и опасение, что в конце концов она не сможет справиться с Англией, имея в тылу гражданскую войну. Наконец, меньше всего они ожидают, что Соединенные Штаты в тяжелый час испытания хотя бы на один момент отрекутся от того гордого положения, которое они занимают в совете наций. Мотивы, которые руководят ими, совсем другого рода.

Во-первых, ближайшая задача Соединенных Штатов — это подавить мятеж и восстановить Союз. Самым горячим желанием рабовладельцев и их сообщников на Севере всегда было втянуть Соединенные Штаты в войну с Англией. Как только начались бы военные действия, первым шагом со стороны Англии было бы признание южной Конфедерации, а вторым — прекращение блокады. Во-вторых, ни один генерал, если только его к этому не вынудят, не примет сражения в момент и при условиях, выбранных неприятелем.

«Война с Америкой», — пишет «Economist», журнал, пользующийся большим доверием Пальмерстона, — «всегда будет одним из самых печальных эпизодов в истории Англии; но если она неизбежна, *то в настоящий момент война принесла бы нам минимальный ущерб, и это единственный момент* во *всей* нашей *истории, когда она могла бы помочь нам получить неожиданную и частичную компенсацию»*.

Те самые причины, которыми объясняется стремление Англии в этот «единственный момент» ухватиться за мало-мальски подходящий повод к войне, должны удерживать Соединенные Штаты от того, чтобы дать такой повод в этот «единственный момент». Вы не можете начинать войну с целью причинить врагу *«минимальный ущерб»* или даже предоставить ему благодаря войне *«неожиданную и частичную компенсацию»*. Преимущества момента будут целиком на одной стороне, на стороне вашего Брага. Нужно ли большое напряжение ума, чтобы доказать, что момент, когда в государстве свирепствует внутренняя война, наименее благоприятен для того, чтобы затевать войну с внешним врагом? Во всякое другое время торговые классы Великобритании смотрели бы на войну против Соединенных Штатов с величайшим ужасом. Теперь, наоборот, большая и влиятельная часть торговых кругов уже в течение месяцев убеждает правительство насильственным путем прорвать блокаду и тем самым обеспечить сырьем главную отрасль английской промышленности. Страх перед сокращением английского экспорта в Соединенные Штаты потерял свою остроту после того, как сокращение это уже стало фактом. «Они» (северные штаты), — пишет «Economist», — «являются плохими покупателями, вместо того чтобы быть хорошими». Обширный кредит, обычно предоставляемый английской торговлей Соединенным Штатам, главным образом путем акцептования векселей, получаемых из Китая и Индии, уже сократился примерно в пять раз по сравнению с 1857 годом. Наконец, последнее, но не менее важное: Франция декабрьского переворота, обанкротившаяся, парализованная внутри страны, отягощенная трудностями за границей, хватается за англо-американскую войну как за настоящую находку и, чтобы купить поддержку Англии в Европе, будет всеми силами поддерживать «коварный Альбион» по ту сторону Атлантического океана. Почитайте только французские газеты. Предел возмущения, до которого они дошли в своей нежной заботе о «чести Англии», их пылкие тирады о том, что Англия должна отомстить за оскорбление, нанесенное британскому флагу, их гнусная клевета на все американское, — все это было бы поистине ужасно, если бы не было в то же время так смешно и отвратительно. Наконец, если Соединенные Штаты уступят

в данном случае, они ни на йоту не умалят своего достоинства. Англия теперь протестует лишь против *процедурной ошибки,* против *промаха технического характера,* в чем она сама систематически грешила во всех своих морских войнах, но против чего Соединенные Штаты никогда не переставали протестовать; президент Медисон в своем послании об объявлении войны в 1812 г. сослался на это как на одно из самых возмутительных нарушений международного права[254]. Если в защиту Соединенных Штатов можно указать, что они платят Англии той же монетой, то будут ли их винить за то, что они великодушно сняли с себя ответственность за действия единственного американского капитана, поступавшего на свой страх и риск, за действия, которые они всегда осуждали как систематическую узурпацию со стороны английского флота! Фактически выиграла бы от этого только Америка. С одной стороны, Англии пришлось бы признать право Соединенных Штатов захватывать и передавать для конфискации американскому призовому суду каждое английское судно, использованное для нужд Конфедерации. С другой стороны, она должна была бы публично раз и навсегда отказаться на деле от той претензии, от которой она не хотела отказаться ни при заключении Гентского мирного договора 1814 г., ни во время переговоров между лордом Ашбертоном и государственным секретарем Уэбстером в 1842 году[255]. Таким образом, вопрос сводится к следующему: предпочитаете ли вы обратить «неприятный эпизод» в свою пользу или, ослепленные настроением момента, превратите его в выигрыш для ваших врагов, как внутренних, так и внешних?

С тех пор, как неделю тому назад я послал вам мою последнюю корреспонденцию[*], английская консолидированная рента еще больше пала, понижение по сравнению с прошлой пятницей дошло до 2%; теперешние цены на 9 января составляют $89^{3}/_{4}$— $89^{7}/_{8}$ за наличные и 90—$90^{1}/_{8}$ по новым счетам. Эта котировка соответствует котировке английской консолидированной ренты в течение первых двух лет англо-русской войны[**]. Падение это целиком обязано воинственному толкованию доставленных с последней почтой американских газет, раздраженному тону лондонской прессы, чья двухдневная сдержанность была лишь притворством, к которому прибегли по приказу Пальмерстона; это падение консолидированной ренты объясняется также посылкой войск в Канаду, прокламацией, воспрещающей экспорт оружия и материалов для изготовления пороха, и,

[*] См. настоящий том, стр. 404—409. *Ред.*
[**] — Крымской войны. *Ред.*

наконец, ежедневными демонстративными заявлениями о колоссальных военных приготовлениях в доках и морских арсеналах.

В одном вы можете быть уверены: Пальмерстон ищет законный повод для войны с Соединенными Штатами, но на заседаниях кабинета он встречает самое решительное сопротивление со стороны гг. Гладстона, Милнера Гибсона и, в меньшей степени, со стороны сэра Корнуолла Льюиса. «Благородного виконта» поддерживает Рассел, это презренное орудие в его руках, и вся вигская клика. Если вашингтонский кабинет доставит желаемый повод, то теперешний кабинет падет и будет заменен торийским правительством. Между Пальмерстоном и Дизраэли уже состоялось соглашение о предварительной подготовке такой перемены декораций. Этим и объясняется грозный боевой клич «Morning Herald» и «Standard», этих голодных волков, воющих в надежде получить долгожданные крохи общественной милостыни.

Планы Пальмерстона можно обнаружить, восстановив в памяти некоторые факты. Это он утром 14 мая настаивал на издании прокламации о признании сецессионистов воюющей стороной, после того как он был извещен по телеграфу из Ливерпуля, что г-н Адамс прибудет в Лондон вечером 13 мая. Это он, после жестокой борьбы со своими коллегами, отправил 3000 человек в Канаду — до смешного ничтожная армия, если она предназначена для защиты границы в 1500 миль, но очень хитрый маневр, чтобы поощрить мятеж и вызвать раздражение Союза. Это он много недель тому назад убедил Бонапарта предложить совместное вооруженное вмешательство в «междоусобную войну», поддержал этот проект в кабинете министров и потерпел неудачу только из-за сопротивления своих коллег. Тогда он и Бонапарт прибегли к мексиканской интервенции как pis aller*. Последняя операция преследовала две цели: вызвать справедливое негодование американцев и одновременно создать предлог для посылки эскадры, готовой, по словам «Morning Post», «принять любые меры, к которым враждебное поведение вашингтонского правительства может вынудить нас в водах северной Атлантики». В то самое время, когда была послана экспедиция, «Morning Post» вместе с «Times» и мелюзгой из числа пальмерстоновских газетных рабов заявила, что это прекрасный и к тому же человеколюбивый акт, так как он ставит рабовладельческую Конфедерацию между двух огней: между противником рабства— Севером и войсками противников рабства — Англии и Франции. А что говорит в своем сегодняшнем номере та же самая «Morning

* — крайнему средству. *Ред.*

Post» — это забавное сочетание Дженкинса и Родомонта, лести и хвастовства — по поводу адреса Джефферсона Дэвиса? Прислушайтесь к пальмерстоновскому оракулу:

«Надо полагать, что в течение довольно продолжительного времен и эта интервенция будет носить пассивный характер; и в то время как северное правительство находится слишком далеко, чтобы позволить себе серьезное вмешательство в это дело, южная Конфедерация, наоборот, имеет весьма протяженную линию соприкосновения с границами Мексики, так что ее дружественное расположение к инициаторам интервенции имеет немаловажное значение. Северное правительство неизменно издевалось над нашим нейтралитетом, а южное, обнаруживая государственный такт и умеренность, признавало, что это является единственным, что мы могли бы сделать для той или другой стороны. Как в наших переговорах с Мексикой, так и в наших сношениях с вашингтонским кабинетом, *дружеская сдержанность* южной Конфедерации является для нас значительным плюсом».

Замечу, что «Nord» — русская газета, следовательно газета, посвященная в планы Пальмерстона, — в номере от 3 декабря намекает на то, что мексиканская экспедиция с самого начала была затеяна не ради официально провозглашенной цели, а для войны против Соединенных Штатов.

Письмо генерала Скотта[256] оказало такое благотворное действие на общественное мнение и даже на лондонскую биржу, что заговорщики с Даунинг-стрит и из Тюильри сочли необходимым выпустить на сцену «Patrie», которая, давая понять, что она информирована из официальных источников, утверждает, будто арест эмиссаров Юга на «Тренте» был прямо санкционирован вашингтонским кабинетом.

Написано К. Марксом 7 декабря 1861 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6467, 25 декабря 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

КРИЗИС В ВОПРОСЕ О РАБСТВЕ

Лондон, 10 декабря

В Соединенных Штатах явно наступил переломный момент в основном вопросе всей гражданской войны, — *в вопросе о рабстве.* Генерал Фримонт отстраняется от своего поста за то, что объявляет свободными рабов, принадлежащих *мятежникам*[*]. Вскоре после этого вашингтонское правительство публикует инструкцию генералу Шерману — командующему экспедиционной армией в Южной Каролине, — которая идет дальше, чем прокламация Фримонта, предписывая принимать в качестве наемных рабочих беглых рабов даже *лояльных* рабовладельцев и при известных условиях вооружать этих рабов; при этом «лояльных» собственников утешают перспективой на получение компенсации в будущем. Полковник Кокрен идет дальше, чем Фримонт, требуя в качестве меры, вызванной военной необходимостью, всеобщего вооружения рабов. Военный министр Камерон официально одобряет «мнение» Кокрена. После этого министр внутренних дел от имени правительства дезавуирует заявление военного министра. Последний еще более энергично подтверждает свое «мнение» на официальном собрании и заявляет, что он поставит этот вопрос в своем докладе конгрессу. Преемник Фримонта в Миссури генерал Галлек, так же как и генерал Дикс в Восточной Виргинии, изгоняет беглых негров из военного лагеря и запрещает им впредь появляться в районе позиций, занимаемых его армией. В то же самое время генерал Вул принимает с распростертыми объятиями черную «контрабанду»[257] в крепости Монро, Прежние

[*] См. настоящий том, стр. 390—392. *Ред.*

лидеры *демократической* партии — сенатор Дикинсон и Кроссуэлл (бывший член так называемого демократического регентства[258]) — заявляют в открытом послании о своем согласии с Кокреном и Камероном, а полковник *Дженнисон* в Канзасе превосходит всех своих предшественников-военных, обращаясь к своим войскам с речью, в которой, между прочим, говорится:

«Никакого колебания в отношении мятежников и тех, кто им сочувствует... Я заявил генералу Фримонту, что я не взялся бы за оружие, если бы думал, что рабство переживет эту войну. Рабы, принадлежащие мятежникам, всегда найдут защиту в нашем лагере, и мы будем защищать пх до последнего бойца и до последней пули. Я не желаю иметь среди своих солдат ни одного человека, который *не является аболиционистом (I want no men who are not Abolitionists);* у меня нет места для них, и я надеюсь, что таких людей среди нас нет, так как все знают, что вопрос о рабстве лежит в основе этой дьявольской войны, составляет ее суть и смысл... Если же правительство не одобряет моих действий, то оно может взять обратно данные мне полномочия, но в этом случае я буду действовать на свой собственный страх и риск (on my own hook), даже если бы у меня было для начала всего лишь полдюжины солдат».

В пограничных рабовладельческих штатах, особенно в *Миссури,* в меньшей степени в Кентукки и т. д., вопрос о рабстве решается уже практически. Там наблюдается громадный отлив рабов. Из Миссури, например, исчезло около 50000 рабов, одна часть которых бежала, а другая переправлена самими рабовладельцами в более отдаленные южные штаты.

Ни в одной английской газете, как это ни странно, не отмечено в высшей степени важное и знаменательное событие. 18 ноября на острове Гаттерас собрались представители 45 графств Северной Каролины, которые назначили временное правительство, отменили акт о сецессии и заявили о возвращении Северной Каролины в лоно Союза. Избиратели округов той части штата, которая была представлена на этом конвенте, созываются для выборов представителей в вашингтонский конгресс.

Написано К. Марксом 10 декабря 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 343, 14 декабря 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 5, 1958 г.

К. МАРКС

ИЗВЕСТИЯ ИЗ АМЕРИКИ

Лондон, 13 декабря

Известие о судьбе «Гарвея Бирча» и о пребывании крейсера «Нашвилл» в порту Саутгемптон[259] пришло в Нью-Йорк 29 ноября, но, кажется, не вызвало особой сенсации, на которую определенные круги здесь рассчитывали в такой же мере, в какой ее опасались в лагере противников войны. На этот раз одна большая волна столкнулась с другой. Дело в том, что как раз в этот момент Нью-Йорк был взбудоражен предвыборной борьбой в связи с предстоящими 3 декабря выборами мэра. Представитель газеты «Times» в Вашингтоне г-н Рассел, который портит свой кельтский талант напускным англоманством, жеманно пожимает плечами, выражая удивление по поводу этой предвыборной суматохи. Конечно, г-н Рассел льстит тем самым лондонскому кокни*, воображающему, будто выборы мэра в Нью-Йорке представляют собой такой же старомодный балаган, как и выборы лорда-мэра в Лондоне. Как известно, лондонский лорд-мэр не имеет никакого отношения к большей части Лондона. Он является номинальным регентом Сити, своего рода мифическим существом, которое пытается доказать свое реальное существование приготовлением вкусных черепаших супов в дни торжественных пиршеств и вынесением необоснованных приговоров в случаях нарушения полицейских предписаний. Лондонский лорд-мэр является персоной государственного значения только лишь в фантазии парижских сочинителей водевилей и faits divers**. Напротив, мэр Нью-Йорка обладает

* — обывателю. *Ред.*
** — газетных происшествий. *Ред.*

реальной властью. В начале сецессионистского движения тогдашний мэр, пресловутый *Фернандо Вуд,* совсем уже, было, собрался провозгласить Нью-Йорк независимым городом-республикой[260], разумеется, с одобрения Джефферсона Дэвиса. Его план сорвался из-за энергичного противодействия республиканской партии Empire City*.

27 ноября американский сенатор *Чарлз Самнер* (из Массачусетса), тот самый, которому во время канзасской аферы один южанин нанес оскорбление палочными ударами, сделал на многолюдном собрании в нью-йоркском институте Купера[261] блестящий доклад о происхождении и скрытых пружинах рабовладельческого мятежа. После его речи собрание приняло следующее решение:

«Выдвинутая генералом Фримонтом доктрина относительно освобождения рабов, принадлежащих мятежникам, а также последующие заявления генерала Бёрнсайда, сенатора Уилсона, Джорджа Банкрофта» (знаменитого историка), «полковника Кокрена и Саймона Камерона, считающих причиной мятежа возможное уничтожение рабства, выражают моральную, политическую и военную необходимость. Собрание считает, что общественное мнение Севера в настоящий момент отнесется с полным сочувствием ко всякому практическому плану, который может быть предложен в целях искоренения этого национального зла, и будет рассматривать такой результат как единственно последовательное завершение этой борьбы между цивилизацией и варварством».

«New-York Tribune» по поводу речи Самнера замечает, в частности:

«Намек г-на Самнера на предстоящие в конгрессе дебаты по вопросу о рабстве пробуждает надежду, что конгресс поймет, наконец, в чем действительно состоит слабость Юга и сила Севера, и прибегнет к той решительной мере, с помощью которой только и можно быстро и окончательно подавить мятеж».

В одном частном письме из *Мексики,* между прочим, говорится:

«Английский посланник разыгрывает роль горячего друга правительства президента Хуареса... Лица, хорошо знакомые с испанскими интригами, уверяют, что генерал Маркес получил из Испании поручение вновь собрать распыленные силы клерикальной партии, состоящие как из мексиканских, так и из испанских элементов. Эта партия должна затем использовать ближайший удобный повод, чтобы испросить короля для мексиканского трона у ее католического величества**. Указывают, что на

* — Нью-Йорку. *Ред.*
** — Изабеллы II. *Ред.*

этот пост уже прочат дядю королевы. Поскольку он стар, то в силу естественного хода событий он скоро сойдет со сцены, а так как всяких определенных соглашений о назначении его преемника постараются избежать, то, следовательно, Мексика снова отойдет к Испании — таким образом в Мексике победит та же политика, что и на Гаити».

Написано К. Марксом 13 декабря 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 346, 17 декабря 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПРОЦЕСС О КЛЕВЕТЕ

Лондон, 19 декабря

Древние египтяне, как известно, довели до высокой степени *разделение труда,* поскольку это относится к обществу в целом, а не к отдельной мастерской. Почти каждая часть тела подлежала у них ведению особого врача, практика которого, согласно закону, ограничивалась только данной определенной областью. Воровство являлось видом особого ремесла с официально признанным лицом во главе. Однако каким жалким выглядит древнеегипетское разделение труда по сравнению с современным английским! Странный характер отдельных видов ремесла в Лондоне поражает нас не менее, чем их иерархическая организация.

Одним из таких курьезных видов ремесла является *шпионаж.* Он подразделяется прежде всего на две больших отрасли— *гражданский* шпионаж и *политический* шпионаж. Последний в данном случае мы целиком оставляем в стороне. Гражданский же шпионаж, в свою очередь, делится на два больших подотдела — *официальный* и *частный* шпионаж.

Официальным шпионажем занимаются, с одной стороны, detectives (сыщики), которые оплачиваются либо государством, либо городскими властями, и, с другой стороны, — common informers (простые осведомители), которые шпионят на свой собственный страх и риск и оплачиваются полицией jobwork (сдельно).

Частный шпионаж распадается на многообразные подразделения, которые, однако, можно в общем свести к двум главным разновидностям. Одна разновидность охватывает *некоммерческие* частные отношения, другая — *коммерческие.* Что касается пер-

вой разновидности, в которой чрезвычайно большую роль играет выслеживание супружеской неверности, то здесь общеевропейскую известность стяжал себе институт г-на *Филда.* О функциях *коммерческого* шпионажа можно получить более близкое представление по следующему инциденту.

Во вторник на этой неделе Court of Exchequer рассматривал дело о клевете, в котором в качестве обвиняемого выступал местный еженедельник «Lloyd's Weekly News»[262], а в качестве обвинителя — фирма *Стабс и К°.* Дело в том, что Стабс и К° издают еженедельную газету под названием «Stubbs' Gazette», орган возглавляемого Стабсом *«Общества по охране торговли».* Газета эта рассылается частным образом подписчикам, уплачивающим 3 гинеи за год, но, в отличие от прочих газет, не продается отдельными номерами в лавках stationers[*], на улице, на железных дорогах и т. д. В сущности, она представляет собой проскрипционный лист на несостоятельных должников, к какому бы сословию они ни принадлежали. Возглавляемое Стабсом «Общество по охране торговли» выслеживает неплатежеспособных частных лиц, а «Газета Стабса» регистрирует их фамилии черным по белому. Число подписчиков достигает двадцати тысяч.

И вот «Еженедельник *Ллойда»* опубликовал статью, где между прочим говорилось: «Долг каждого честного человека — положить конец этой постыдной системе *шпионажа».* Стабс потребовал судебного возмездия за эту клевету.

После того как адвокат истца, доктор Ши, излил поток своего ирландского красноречия, истцу Стабсу пришлось выдержать cross examination (это, действительно, перекрестный огонь, которому подвергаются свидетели во время допроса) со стороны доктора Баллантайна, адвоката «Еженедельника Ллойда». Состоялся следующий юмористический диалог.

Баллантайн: Требуете ли вы от ваших подписчиков определенной информации?

Стабс: Я прошу подписчиков сообщать мне имена лиц, которых они считают обманщиками. Затем мы расследуем эти дела. Сам я расследованиями не занимаюсь. У меня имеются агенты в Лондоне и в других крупных городах. В Лондоне я содержу девять или десять агентов, получающих годовое жалованье.

Баллантайн: Сколько получают эти джентльмены за добывание информации?

Стабс: От 150 до 200 фунтов стерлингов.

[*] — книготорговцев. *Ред.*

Баллантайн: И, кроме того, новый костюм? Ну, а что же происходит, если одному из этих столь хорошо оплачиваемых джентльменов удается поймать обманщика? — Мы публикуем его имя.

Баллантайн: Лишь в том случае, если это закоренелый обманщик? — Да. — Ну, а если он обманщик только наполовину? — Тогда мы заносим его в наш реестр. — До того времени, пока он не проявит себя полностью, после чего вы публикуете его имя? — Да. — Вы публикуете автографы обманщиков? — Да. — И в интересах торговли вы еще более повышаете за это сумму издержек. Вы публикуете фотографии обманщиков? — Да. — Вы не содержите тайного полицейского бюро? Вы не состоите в связи с г-ном Филдом? — Я рад, что могу сказать: нет! — Но в чем же, в таком случае, разница между вами? — Я отказываюсь отвечать на этот вопрос. — Что вы подразумеваете под вашими «законными агентами»? — Это связано с взысканием долгов. Под этими лицами я подразумеваю sollicitors (нечто среднее между адвокатом и судебным исполнителем), которые занимаются делами подписчиков на условиях, упомянутых в проспекте. — Итак, вы являетесь также взыскателем долгов? — Я взыскиваю долги через 700 солиситоров. — Боже правый, вы содержите 700 солиситоров, и мир все еще существует! Но скажите — вы содержите солиситоров или солиситоры содержат вас? — Они сами содержат себя. — Приходилось ли вам вести и другие судебные дела? — Да, около полдюжины. — Доводили ли вы их когда-либо до судебного решения? — Да. — Выносилось ли когда-либо решение в вашу пользу? — Один раз. — Что означает в вашей газете рубрика «Запрашиваемые адреса», после которой следует целый список имен? — Это скрывшиеся должники, местопребывание которых не могли обнаружить ни мы, ни наши подписчики. — Как организовано ваше дело? — Наше центральное бюро находится в Лондоне, а филиалы — в Бирмингеме, Глазго, Эдинбурге и Дублине. Дело это перешло ко мне по наследству от отца. Первоначально он вел его в Манчестере.

После этого адвокат Баллантайн в своей речи безжалостно напал на Стабса, «смешное и самодовольное поведение которого во время дачи показаний во всяком случае доказывает, что он, подобно навозному жуку, совершенно не осознает, в какой грязи он находится». Английская торговля, должно быть, очень глубоко пала, раз она нуждается в подобных охранителях. Эта недостойная система шпионажа дает в руки Стабсу страшное оружие для денежных вымогательств и т. д.

Lord Chief Baron*, назначенный вести этот процесс, стал в своем резюме на сторону защиты. Он закончил речь следующими словами:

«Присяжные многим обязаны свободе прессы, но не потому присяжные пользуются независимостью, что пресса свободна, а наоборот, пресса свободна потому, что присяжные независимы. Вы должны взвесить, не переходит ли инкриминируемая статья границ честной критики. Стабс занимает общественный пост и поэтому подлежит критике. Если вы считаете, что «Еженедельник Ллойда» перешел границы честной критики, тогда вы должны присудить истцу *соответствующее* возмещение!»

Присяжные удалились в свою комнату для совещаний. После пятнадцатиминутного обсуждения они снова появились в зале суда с решением: право на стороне истца Стабса, которому и присуждается возмещение за оскорбление его чести в размере *1 фартинга.* Фартинг — самая мелкая английская монета, соответствующая французскому сантиму и немецкому пфеннигу. Стабс покинул Гилдхолл под оглушительный хохот многочисленной аудитории и под эскортом нескольких своих поклонников, от навязчивых оваций которых его скромная особа спаслась только бегством.

Написано К. Марксом 19 декабря 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presses» № 353, 24 декабря 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — Лорд-председатель Суда казначейства. *Ред.*

К. МАРКС

ВАШИНГТОНСКИЙ КАБИНЕТ И ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ

Одной из удивительнейших неожиданностей столь богатой неожиданностями англо-франко-турецко-русской войны* бесспорно явилась принятая в Париже весной 1856 г. декларация о морском праве[263]. Когда началась война с Россией, Англия не применила против нее своего страшнейшего оружия — конфискации принадлежащих неприятелю товаров, перевозимых на нейтральных судах, и каперства. По окончании войны Англия сломала это оружие и возложила обломки его на алтарь мира. Россия, якобы побежденная сторона, получила уступку, которой она тщетно добивалась со времен Екатерины II путем ряда «вооруженных нейтралитетов»[264], войн и дипломатических интриг. Напротив, Англия, мнимый победитель, отказалась от мощных наступательных и оборонительных средств, которые возникли на основе ее морского могущества и которые она в течение полутораста лет отстаивала силой оружия против всего мира.

Человеколюбивые мотивы, выдвигавшиеся в качестве предлога при принятии декларации 1856 г., исчезают при самой поверхностной проверке. Каперство отнюдь не является *большим варварством,* чем действия волонтерских отрядов или партизан в сухопутной войне. Каперские суда — это морские партизаны. Конфискация частного имущества у лиц, принадлежащих к воюющей нации, производится и во время сухопутной войны. Разве, например, военные реквизиции не затрагивают, наряду с государственной казной неприятеля, также и собствен-

* — Крымской войны. *Ред.*

ность частных лиц? Сухопутная война по своей природе не угрожает имуществу неприятеля, находящемуся на нейтральной территории, то есть под суверенитетом нейтральной державы. Морская война по своей природе стирает эти границы, ибо море, как общая просторная дорога всех наций, не может находиться под суверенитетом какой-либо нейтральной державы.

Но на деле за филантропическими фразами декларации 1856 г. скрывается большая бесчеловечность. Декларация принципиально превращает войну из войны народов в войну правительств. Она наделяет неприкосновенностью собственность, по отказывает в ней человеку. Она ограждает торговлю от ужасов войны и тем самым делает торговые и промышленные классы равнодушными к этим ужасам. Впрочем, само собой разумеется, что человеколюбивые предлоги декларации 1856 г. предназначались лишь для европейской галерки, совершенно так же, как и религиозные предлоги Священного союза.

Общеизвестным является тот факт, что лорд *Кларендон,* зачеркнувший английское морское право своей подписью на Парижском конгрессе, действовал, как он впоследствии признал в палате лордов, без ведома короны и не имея на это соответствующих полномочий. Все его полномочия заключались в *частном письме* Пальмерстона. Последний до сих пор еще не осмелился потребовать от английского парламента ратификации Парижской декларации и подписи Кларендона под ней. Не говоря уже о дебатах по существу декларации, были основания опасаться дебатов по конституционному вопросу — может ли какой-либо английский министр присвоить себе право, независимо от короны и парламента, одним росчерком пера уничтожить старинную основу господства Англии на море. Если этот министерский coup d'etat* не привел к бурным запросам, а напротив, был молчаливо принят как fait accompli**, то этим Пальмерстон обязан влиянию манчестерской школы[265]. Она сочла, что представляемым ею интересам, а следовательно и филантропии, цивилизации и прогрессу, вполне соответствует новшество, которое позволило бы английским купцам без всяких помех продолжать торговлю с неприятелем на нейтральных судах, в то время как матросы и солдаты будут драться за честь нации. Манчестерцы ликовали по поводу того, что министр, действуя неконституционно, заставил Англию пойти на такие международные уступки, добиться которых конституционным,

* — буквально: государственный переворот; здесь: переворот. *Ред.*
** — совершившийся факт. *Ред.*

парламентским путем было просто немыслимо. Отсюда нынешнее возмущение английской манчестерской партии разоблачениями Синей книги, представленной Сьюардом вашингтонскому конгрессу.

Как известно, Соединенные Штаты являются единственной великой державой, отказавшейся присоединиться к Парижской декларации 1856 года. Если бы Соединенные Штаты отказались от каперства, им пришлось бы создавать большой государственный военный флот. Всякое ослабление их военных сил на море в то же время угрожало им кошмаром постоянной сухопутной армии, доведенной до размеров европейского масштаба. Тем не менее президент Бьюкенен выразил готовность принять Парижскую декларацию, если будет гарантирована одинаковая неприкосновенность всего находящегося на судах имущества, как неприятельского, так и нейтрального, за исключением военной контрабанды. Его предложение было отвергнуто. Теперь из Синей книги Сьюарда выясняется, что Линкольн сразу же после своего вступления в должность президента заявил Англии и Франции о согласии Соединенных Штатов присоединиться к Парижской декларации, поскольку ею отменяется каперство, но при условии, что запрещение каперства будет распространено также и на охваченные мятежом части Соединенных Штатов, т. е. на южную Конфедерацию. Практически ответом на его предложение послужило признание за южной Конфедерацией прав воюющей стороны[266].

«Гуманность, прогресс и цивилизация» подсказали кабинетам Сент-Джемса и Тюильри, что запрещение каперства необычайно понизило бы шансы сецессионистов, а тем самым и шансы на распад Соединенных Штатов. Поэтому Конфедерацию в спешном порядке признали воюющей стороной, с тем чтобы вслед за этим ответить вашингтонскому правительству, что Англия и Франция, разумеется, не могут признать предложение одной из воюющих сторон в качестве закона, обязательного для другой воюющей стороны. Такой же «благородной искренностью» проникнуть! все дипломатические переговоры Англии и Франции с правительством Соединенных Штатов со времени начала гражданской войны; и если бы «Сан-Джасинто» не задержал «Трент» в Багамском проливе, то какой-нибудь другой инцидент был бы использован в качестве повода для конфликта, на который рассчитывал лорд Пальмерстон.

Написано К. Марксом около 20 декабря 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 354, 25 декабря 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

МНЕНИЕ ГАЗЕТ И МНЕНИЕ НАРОДА

Лондон, 25 декабря

Политики континентальных стран, воображающие, будто лондонская печать может служить термометром настроений английского народа, в данный момент неизбежно заблуждаются. При первом известии об инциденте с «Трентом» английская национальная гордость поднялась на дыбы, и призыв к войне с Соединенными Штатами прозвучал почти во всех слоях общества. Лондонская пресса, напротив, проявляла подчеркнутую сдержанность, и даже газета «Times» сомневалась, имеется ли вообще налицо casus belli*. Чем объясняется это явление? Пальмерстон не был уверен, удастся ли королевским юристам выискать какой-либо законный предлог для войны. Дело в том, что за полторы недели до прибытия «Ла-Платы» в Саутгемптон агенты южной Конфедерации обратились из Ливерпуля к английскому правительству с доносом, что американские крейсеры намерены отплыть из *английских* портов и захватить гг. Мэзона, Слайделла и других в открытом море; агенты просили английское правительство о вмешательстве. Сообразуясь с заключением королевских юристов, правительство отклонило это ходатайство. Отсюда первоначально мирный и умеренный тон английской печати, в противоположность воинственному нетерпению народа. Но как только королевские юристы — генерал-атторней и генерал-солиситор, и тот и другой члены кабинета — откопали *технический* предлог для ссоры с Соединенными Штатами, роли народа и прессы переменились. Военная лихорадка в печати усиливалась по мере того, как она ослабевала

* — повод к войне. *Ред.*

в народе. В настоящий момент война против Америки настолько же непопулярна во всех слоях английского народа — за исключением лиц, интересы которых связаны с хлопком, и провинциальных дворянчиков, — насколько оглушителен воинственный вой печати.

Взглянем, однако, на лондонскую прессу.; Во главе ее стоит газета «Times», главный редактор которой, *Боб Лоу,* некогда подвизался в Австралии, демагогически подстрекая ее к отделению от Англии. Он — второстепенный член кабинета, нечто вроде министра просвещения; это просто креатура Пальмерстона. «Punch»[267] — придворный шут газеты «Times», превращающий ее sesquipedalia verba* в плоские остроты и бездарные карикатуры. Одного из главных редакторов «Punch» Пальмерстон пристроил в Board of Health (совет по охране здоровья) с годовым окладом в 1000 фунтов стерлингов.

«Morning Post» частично является личной собственностью Пальмерстона. Другая часть этого своеобразного предприятия продана французскому посольству. Остаток принадлежит «haute volée»** и поставляет точнейшие сведения придворным льстецам и дамским портным. Поэтому газета «Morning Post» известна в английском народе как *Дженкинс* (нарицательный образ лакея) печати.

«Morning Advertiser» является общей собственностью «licensed victuallers», то есть тех трактирщиков, которым разрешено продавать не только пиво, но и водку. Эта газета является вместе с тем органом английских *пиетистов,* а также sporting characters, то есть людей, которые наживаются на скачках, пари, боксе и т. п. Редактор газеты г-н *Грант,* некогда работавший для газет в качестве стенографа, в литературном отношении совершенно необразованный человек, удостоился чести быть допущенным на частные приемы Пальмерстона. С тех пор он восторгается «truly English minister» (истинно британским министром)[268], которого он же разоблачил в начале войны с Россией*** как «русского агента». Надо добавить, что набожные покровители этой водочной газеты находятся под верховным командованием графа Шефтсбери и что сам Шефтсбери — зять Пальмерстона. Шефтсбери является папой low church men[269], которые стремятся сочетать нечестивый спирт бравого «Advertiser» со святым духом****.

* — высокопарные слова. *Ред.*
** — «высшему свету». *Ред.*
*** — Крымской войны. *Ред.*
**** Игра слов: «Spiritus» означает «дух», а также «спирт». *Ред.*

«Morning Chronicle»! Quantum mutatus ab illo!* На протяжении почти полустолетия это был крупный орган партии вигов, довольно удачно соперничавший с «Times». Но звезда газеты закатилась со времени войны вигов[270]. Проделав всевозможные метаморфозы, она превратилась в penny paper[271], пробавлялась «сенсациями», так, например, стала на защиту отравителя *Палмера.* Затем газета продалась французскому посольству, которому, однако, вскоре стало жаль бросать деньги на ветер. Тогда она ударилась в антибонапартизм, однако и здесь не имела успеха. Наконец эта газета нашла долгожданных покупателей в лице гг. Янси и Манна — агентов южной Конфедерации в Лондоне.

«Daily Telegraph» представляет собой частную собственность некоего *Леви.* Сама английская печать заклеймила его газету прозвищем *пальмерстоновской* mob paper (газеты для черни). Наряду с этой функцией газета занимается chronique scandaleuse**. Для «Telegraph» характерно, что по прибытии известия о «Тренте» она, по приказу свыше, заявила, будто *война невозможна.* В навязанной ей роли, полной достоинства и сдержанности, газета почувствовала себя столь непривычно, что после того напечатала с полдюжины статей на тему о проявленных ею в этом случае сдержанности и достоинстве. Как только был дан приказ переменить курс, газета постаралась вознаградить себя за навязанную ей роль и превзойти всех своих сотоварищей дикими воинственными воплями.

«Globe»[272] является правительственной вечерней газетой, которая официально получает субсидии от всех вигских министерств.

Торийские газеты «Morning Herald» и «Evening Standard» принадлежат к одной и той же лавочке; их позиция определяется двумя мотивами: с одной стороны, традиционной ненавистью к *«мятежным* английским колониям», с другой стороны — хронической пустотой их кошелька. Они знают, что война с Америкой неизбежно опрокинет нынешний коалиционный кабинет и проложит путь торийскому кабинету. А вместе с торийским кабинетом вернутся официальные субсидии для «Herald» и «Standard». Вот почему даже голодные волки, почуяв добычу, не воют так громко, как завывают эти торийские газеты,предвидя войну с Америкой и золотой дождь, который за ней последует!

Из лондонской ежедневной печати заслуживают упоминания еще только «Daily News» и «Morning Star», которые выступают

* — Как он изменился! (Вергилий. «Энеида».) *Ред.*
** — скандальной хроникой. *Ред.*

против зачинщиков военной шумихи. «Daily News» скована в своих действиях связью с лордом Джоном Расселом, а влияние «Morning Star» (органа Брайта и Кобдена) умаляется ее репутацией «газеты, выступающей за мир любой ценой».

Большинство лондонских еженедельников — не более как эхо ежедневных газет и, следовательно, в подавляющей части настроено воинственно. «Observer»[273] находится на содержании у правительства. «Saturday Review» гонится за esprit[*] и воображает, что овладел им, когда с подчеркнутым цинизмом издевается над предрассудками «гуманности». Чтобы проявить «esprit», продажные адвокаты, попы и учителя, пишущие в этом журнале, с самого начала Гражданской войны в Америке зубоскалили, одобряя рабовладельцев. Затем они, разумеется вместе с «Times», воинственно забили в литавры. Они уже разрабатывают военные планы против Соединенных Штатов; эти планы поражают своим вопиющим невежеством.

В качестве более или менее достойных исключений следует упомянуть «Spectator», «Examiner» и особенно «Macmillan's Magazine»[274].

Итак, мы видим: в общем и целом лондонская пресса — провинциальная печать, за исключением газет, принадлежащих хлопчатобумажным магнатам, представляет похвальный контраст — это не что иное, как Пальмерстон и еще раз Пальмерстон. Пальмерстон хочет войны, английский народ ее не хочет. Ближайшие события покажут, кто одержит верх в этом поединке — Пальмерстон или народ. Во всяком случае, Пальмерстон ведет игру более опасную, чем Луи Бонапарт в начале 1859 года[275].

Написано К. Марксом 25 декабря 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 359. 31 декабря 1861 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — остроумием. *Ред.*

К. МАРКС

ШАРЛАТАНСТВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ. — ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ

Лондон, 31 декабря

По-видимому, вера в чудеса исчезает из одной области только для того, чтобы обосноваться в другой. Изгнанная из мира природы, она воскресает в политике. Так, по крайней мере, считают парижские газеты и их единомышленники в телеграфном агентстве и в агентствах газетной информации. Вчерашние парижские вечерние газеты, например, сообщают следующее: лорд Лайонс заявил г-ну Сьюарду, что он будет ждать до вечера 20 декабря, а затем уедет в Лондон в том случае, если вашингтонский кабинет откажется выдать арестованных. Стало быть, парижские газеты знали уже *вчера,* какие шаги были предприняты лордом Лайонсом *после* получения депеш, отправленных ему с пароходом «Европа». А между тем до *сегодняшнего дня* в Европе еще не получено известий о прибытии «Европы» в Нью-Йорк. «Patrie» и К° еще *до* получения известий о прибытии «Европы» в Америку оповещают Европу о событиях, происшедших уже после прибытия «Европы» в Соединенные Штаты. «Patrie» и К°, очевидно, полагают, что все дело в ловкости рук. Одна здешняя газета замечает в статье о бирже, что эти парижские выдумки, точно так же как подстрекательские статьи некоторых английских газет, способствуют не только политическим спекуляциям некоторых власть имущих, но в такой же степени и *биржевым спекуляциям* некоторых частных лиц.

«Economist», являвшийся до сих пор одним из самых громких глашатаев военной партии, публикует в своем последнем номере *письмо одного ливерпульского купца* и редакционную статью, где предостерегает английскую общественность от недооценки опасности войны с Соединенными Штатами. В течение 1861 г. Англия ввезла зерна на сумму в 15380901 ф. ст., из которой на долю Соединенных Штатов пришлось почти

6 миллионов фунтов стерлингов. Англия больше пострадала бы от невозможности покупать американский хлеб, чем Соединенные Штаты от невозможности продавать его. Далее, у Соединенных Штатов было бы преимущество *более быстрой информации.* Если бы они решили воевать, то из Вашингтона тотчас же полетели бы телеграммы в Сан-Франциско, и американские суда в Тихом океане и в китайских водах начали бы военные действия на несколько недель раньше, чем Англия смогла бы оповестить о начавшейся войне Индию.

С тех пор как началась гражданская война, американо-китайская торговля сократилась в огромной степени, точно так же как и американо-австралийская. Но поскольку эта торговля все же производится, грузы оплачиваются, главным образом, посредством английских аккредитивов, то есть с помощью английского капитала. Напротив, английская торговля с Индией, Китаем и Австралией, всегда имевшая значительные размеры, еще больше возросла после прекращения торговли с Соединенными Штатами. Таким образом, американские каперские суда имели бы широкое поле деятельности, а английские — сравнительно небольшое. Английские капиталовложения в Соединенных Штатах превосходят весь капитал, вложенный в английскую хлопчатобумажную промышленность, американские же капиталовложения в Англии равны нулю. Английский флот превосходит американский, но далеко не в такой степени, как это было во время войны 1812—1814 годов.

Если американские каперские суда уже тогда показали огромное превосходство над английскими, то что будет теперь? Об эффективной блокаде североамериканских портов, особенно зимой, не может быть и речи. На внутренних водных путях между Канадой и Соединенными Штатами, — а преобладание здесь имеет решающее значение для сухопутной войны на территории Канады, — Соединенные Штаты в случае открытия военных действий являлись бы безусловными хозяевами положения.

Словом, ливерпульский купец приходит к следующему заключению:

«Никто в Англии не рискнет настаивать на войне из-за одного только хлопка. Для нас было бы выгоднее в течение трех лет кормить все хлопчатобумажные округа за государственный счет, чем один год воевать ради них с Соединенными Штатами».

Ceterum censeo[276], что *инцидент с «Трентом»* не приведет к войне.

Написано К. Марксом 31 декабря 1861 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 4, 4 января 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

АМЕРИКАНОФИЛЬСКИЙ МИТИНГ

Лондон, 1 января

Антивоенное движение *английского народа* крепнет и ширится с каждым днем. Многолюдные митинги в самых различных частях страны настаивают на *третейском* урегулировании конфликта между Англией и Америкой. Составленные в этом духе меморандумы сплошным потоком поступают в адрес главы кабинета, а независимая *провинциальная печать* почти единодушна в своей оппозиции против воинственного пыла лондонской прессы.

Ниже приводится подробный отчет о митинге, состоявшемся в прошлый понедельник в *Брайтоне;* он представляет особый интерес потому, что был созван по инициативе рабочего класса, а оба главных оратора, гг. *Кенингем* и *Уайт,* — влиятельные члены парламента, принадлежащие к той части палаты, которая поддерживает *правительство.*

Проект первой резолюции, внесенный г-ном *Вудом* (рабочим), гласил,

«что причиной настоящего конфликта между Англией и Америкой является неправильное толкование международного права, а не преднамеренное оскорбление британского флага; что поэтому данный митинг высказывается за передачу всего спорного вопроса на третейское решение какой-нибудь нейтральной державы; что при данных обстоятельствах война с Америкой ничем не может быть оправдана — наоборот, она вызвала бы лишь осуждение со стороны всего английского народа».

В обоснование своего предложения г-н Вуд, между прочим, сказал:

«Говорят, что это новое оскорбление является лишь последним звеном в длинной цепи оскорблений, нанесенных Англии Америкой. Предположим, что это так; о чем говорило бы в таком случае бряцание оружием

в настоящий момент? Оно говорило бы о том, что пока Америка была единой и сильной, мы терпеливо сносили ее оскорбления, а теперь, в опасный для нее момент, мы спешим воспользоваться своей выгодной позицией, чтобы отомстить за нанесенное оскорбление. Разве подобное поведение не заклеймило бы нас в глазах цивилизованного мира как жалких трусов?»

Г-н *Кенингем*:

«... В настоящий момент в самом Союзе все более ярко проявляется *политика освобождения* (аплодисменты), и я твердо надеюсь, что никакая интервенция со стороны английского правительства не будет допущена (аплодисменты)... Неужели вы, свободнорожденные англичане, дадите вовлечь себя в войну против американской республики? Ведь именно таковы намерения «Times» и тех, кто стоит за этой газетой... Я призываю английских рабочих, которые больше всего заинтересованы в сохранении мира, возвысить свой голос протеста, а в случае надобности и поднять руку для предотвращения этого величайшего преступления (громкие аплодисменты)... «Times» использует все средства, чтобы разжечь воинственный пыл в нашей стране и вызвать враждебное настроение среди американцев своими оскорбительными выпадами... Я не принадлежу к так называемой партии мира. «Times» поощряет политику России; эта газета всеми силами стремилась (в 1853 г.) заставить нашу страну спокойно взирать на военные захваты русских варваров на Востоке. Я был среди тех, кто протестовал против этой неправильной политики. Когда в парламент был внесен *билль о заговорах,* имевший своей целью облегчить выдачу политических эмигрантов, газета «Times» не щадила усилий, чтобы форсировать прохождение этого билля в палате общин. Я был одним из тех 99 членов палаты, которые выступили против этого посягательства на свободы английского народа и свергли министра. (Аплодисменты.) Этот министр возглавляет теперь кабинет. Я предсказываю ему, что если он попытается вовлечь нашу страну в войну с Америкой без серьезных и веских оснований, то его замысел потерпит позорный провал. Я уверен, что он потерпит новое позорное поражение, еще более жестокое, чем то, которое выпало на его долю в связи с биллем о заговорах (громкие аплодисменты)... Я не знаком с официальным посланием, отправленным в Вашингтон, но, согласно общераспространенному мнению, королевские юристы рекомендовали правительству стать на узко юридическую точку зрения, заключающуюся в том, что эмиссары Юга не могли быть арестованы без судна, на котором они ехали. На этом основании выдвигается в качестве conditio sine qua non* требование выдачи Слайделла и Мэзона.

Предположим, что народ, живущий по ту сторону Атлантического океана, не позволит своему правительству выдать этих лиц. Неужели вы дадите вовлечь себя в войну ради спасения этих двух посланцев рабовладельцев?.. В нашей стране существует партия сторонников войны против американской республики. Вспомните о последней войне с Россией. Из опубликованных в Петербурге тайных депеш выяснилось с полной несомненностью, что статьи, печатавшиеся в «Times» в 1853 г., были написаны лицом, имевшим доступ к секретным русским государственным бумагам и документам. Г-н *Лейард* зачитал тогда в палате общин наиболее разительные места из этих статей, и обескураженная газета «Times» тотчас переменила тон и на следующее же утро подняла воинственную шумиху... «Times» неоднократно нападала на императора Наполеона и поддерживала наше правительство в его требовании неограниченных кредитов

* — непременного условия. *Ред.*

для сооружения сухопутных укреплений и плавучих батарей. И вот, после того как прозвучало это тревожное предостережение против Франции, «Times» хочет теперь путем вовлечения нашей страны в заатлантическую войну оставить наше побережье незащищенным перед лицом угрозы со стороны французского императора... Есть основание опасаться, что нынешние серьезные военные приготовления проводятся не только ввиду инцидента с «Трентом», но и на случай возможного признания правительства рабовладельческих штатов. Если Англия сделает это, она навсегда покроет себя несмываемым позором».

Г-н *Уайт*:

«Необходимо отметить, что рабочий класс является инициатором этого митинга и что все расходы по его устройству взял на себя комитет рабочих... Нынешнее правительство никогда не отличалось большим тактом и не было искренним и правдивым в своем обращении с народом... Я никогда ни на минуту не верил даже в отдаленную возможность войны в связи с делом «Трента». Я открыто высказывал многим членам правительства свое мнение, что ни один из них не верит в возможность войны из-за инцидента с «Трентом». К чему же эти энергичные приготовления? Я думаю, что Англия и Франция договорились между собой о том, чтобы ближайшей весной признать независимости южных штатов, К тому времени Великобритания сможет сосредоточить в американских водах мощный флот. Канада будет полностью подготовлена к обороне. Если северные штаты захотят тогда рассматривать признание южных штатов как casus belli*, Великобритания будет готова к войне...»

Оратор подробно остановился далее на опасностях войны с Соединенными Штатами, напомнил о сочувствии, проявленном Америкой по поводу смерти генерала Хавлока, о помощи, которую американские матросы оказали английским судам во время неудачного сражения на Байхэ[277], и т. д. В заключение он заявил, что гражданская война закончится отменой рабства и что поэтому Англия безусловно должна поддерживать Север.

После того как собрание единогласно приняло проект первой резолюции, был внесен, обсужден и принят меморандум Пальмерстону.

Написано К. Марксом 1 января 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 5, 5 января 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — повод к войне. *Ред.*

К. МАРКС

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ АНГЛИИ

Лондон, 11 января 1862 г.

Известие о мирном разрешении конфликта в связи с «Трентом»[278] было с восторгом встречено огромным большинством английского народа, что неопровержимо доказывает непопулярность угрожавшей войны и страх перед ее последствиями. Соединенные Штаты не должны никогда забывать, что, по крайней мере, *рабочий класс* Англии за все время от начала до конца конфликта ни разу не оставлял их. Его вмешательством объясняется тот факт, что, несмотря на ежедневные злостные подстрекательства со стороны продажной и безответственной печати, в Соединенном королевстве не удалось провести ни одного массового митинга в пользу войны за все то время, когда мир висел на волоске. Единственный митинг в пользу войны состоялся по прибытии «Ла-Платы» в зале хлопковых аукционов ливерпульской биржи; это был митинг спекулянтов, на котором торговцы хлопком были целиком предоставлены самим себе. Даже в Манчестере настроение рабочих было настолько определенным, что единичная попытка созвать митинг в пользу войны почти тотчас же была оставлена ее инициаторами.

В каком бы месте Англии, Шотландии или Ирландии ни происходили массовые митинги, они неизменно заявляли протест против бешеных призывов газет к войне, против зловещих замыслов правительства и высказывались за мирное разрешение спорного вопроса. Характерны в этом отношении два последних митинга, которые состоялись один в Паддингтоне (Лондон), а другой — в Ньюкасле на Тайне. На первом митинге было выражено одобрение г-ну Вашингтону Уилксу за его утверждение, что Англия не имеет оснований для возмущения по поводу

ареста эмиссаров Юга; на втором же митинге, в Ньюкасле, была почти единогласно принята резолюция, в которой говорилось, во-первых, что американцы повинны только в нарушении *установленной законом* формы осуществления права на производство обыска и ареста, и, во-вторых, что капитан «Трента» должен понести кару за нарушение английского нейтралитета, провозглашенного королевой.

При обычных обстоятельствах позицию английского рабочего класса можно было бы объяснить тем чувством естественной симпатии, которое народные массы всего мира должны испытывать к единственному народному правительству в мире. Но при нынешних обстоятельствах, когда значительная часть английского рабочего класса непосредственно и тяжело страдает от последствий южной блокады; когда другая его часть косвенно задета сокращением американской торговли, вызванным, как им говорят, своекорыстной «протекционистской политикой» республиканцев; когда единственный сохранившийся демократический еженедельник, «Reynolds's Paper», продался гг. Янси и Манну и еженедельно, истощая все ресурсы своего сквернословия, призывает рабочих принудить правительство в их собственных интересах к войне с Соединенными Штатами, — при таких обстоятельствах простая справедливость требует воздать должное правильной позиции английского рабочего класса, особенно если сравнить ее с лицемерным, наглым, трусливым и глупым поведением официального и преуспевающего Джона Буля.

Насколько эта нынешняя позиция народных масс отличается от той, которую они занимали во время конфликта с Россией*! Тогда «Times», «Post» и прочие Йеллоуплаши лондонской прессы нудно твердили о мире, а в ответ по всей стране происходили грандиозные митинги в пользу войны. Теперь они вопят о войне, а в ответ созываются митинги в пользу мира, разоблачающие пагубные для свободы замыслы правительства и его симпатии в пользу рабовладельцев. Гримасы, которые скорчили авгуры общественного мнения, узнав о мирном исходе инцидента с «Трентом», поистине уморительны.

Прежде всего им следует поздравить себя с тем, каким достоинством, здравым смыслом, доброжелательностью и умеренностью они отличались изо дня в день весь последний месяц. Они *проявляли* умеренность в первые два дня после прибытия «Ла-Платы», когда Пальмерстон беспокоился, удастся ли откопать какой-нибудь юридический предлог для ссоры. Но еще

* — Крымской войны. *Ред.*

не успели королевские юристы состряпать юридическую каверзу, как эти газеты подняли такую шумиху, какой не слыхали со времен аитиякобинской войны. Депеши английского правительства были отправлены из Квинстауна в начале декабря. На официальный ответ из Вашингтона нельзя было рассчитывать раньше начала января. Все новые инциденты, происшедшие за это время, говорили в пользу американцев. Тон заатлантической печати, несмотря на то, что инцидент с «Нашвиллом»[279] мог бы возбудить ее страсти, был спокойным. Все установленные факты говорили о том, что капитан Уилкс действовал на собственный страх и риск. Вашингтонское правительство находилось в затруднительном положении. Отклонив английские требования, оно осложнило бы гражданскую войну внешней войной. Уступив этим требованиям, оно создало бы впечатление, что уступает давлению извне, и нанесло бы ущерб своей популярности среди собственного народа. И, оказавшись в столь трудном положении, правительство вело в то же время войну, в которой на сто стороне должно быть горячее сочувствие всякого человека, если только он не заведомый негодяй.

Обыкновенное благоразумие и элементарное приличие должны были бы поэтому заставить лондонскую печать, хотя бы в промежуток времени между отправкой английского требования и получением американского ответа, старательно воздерживаться от всяких слов, способных возбудить страсти, вызвать недоброжелательство, осложнить создавшееся затруднительное положение. Но не тут-то было! Эта «неописуемо подлая и пресмыкающаяся» пресса, как ее называл Уильям Коббет — а он был знатоком в этом деле — прямо хвастала тем, что в течение почти полувека, когда сплоченная мощь Соединенных Штатов внушала ей страх, она покорно сносила все оскорбления и обиды рабовладельческих правительств; теперь же эта пресса с диким ликованием трусов торопится отомстить республиканскому правительству, поглощенному гражданской войной. Летопись человеческой истории не знает другого примера столь откровенной подлости.

Один из Йеллоуплашей, собственный Moniteur* Пальмерстона, «Morning Post», заявляет, что американские газеты возвели против него самое гнусное обвинение. Джон Буль совершенно не был осведомлен (ибо олигархи, бесконтрольно распоряжающиеся им, тщательно скрывают от него всякую информацию) о том, что г-н Сьюард, не дожидаясь депеши Рассела, сделал заявление, отрицающее какое бы то ни было уча-

* — официальный вестник. *Ред.*

стие вашингтонского кабинета в действиях капитана Уилкса. Депеша г-на Сьюарда прибыла в Лондон 19 декабря. 20 декабря слухи об этой «тайне» распространились на бирже. 21-го Йеллоуплаш — «Morning Post» выступил с торжественным заявлением, что «означенная депеша не имеет ровно никакого отношения к оскорблению, нанесенному нашему почтовому пароходу».

В «Daily News», «Morning Star» и других лондонских газетах вы найдете очень резкие нападки на Йеллоуплаша, но ничего не узнаете из них о том, что говорят за границей. А там говорят, что «Morning Post» и «Times», подобно «Patrie» и «Pays», дурачат своих читателей не только с целью дезориентировать их в политическом отношении, но и для того, чтобы хорошенько обобрать их на бирже в интересах своих хозяев.

Меднолобая газета «Times», отлично понимая, что за все эти дни кризиса она скомпрометировала только самое себя и лишний раз доказала нелепость своих претензий на роль органа, оказывающего влияние на подлинный народ Англии, выкинула сегодня трюк, который здесь, в Лондоне, вызывает только неудержимый смех, но который может быть неправильно истолкован по ту сторону Атлантического океана. Лондонское «простонародье», «чернь», как его называют Йеллоуплаши, весьма недвусмысленно дало понять — и даже намекнуло об этом в газетах, — что оно считало бы весьма уместным развлечением почтить Мэзона (кстати сказать, отдаленного родственника Пальмерстона, так как один из его предков был женат на дочери сэра У. Темпла), Слайделла и К° такими же демонстрациями, какими Гайнау был встречен в свое время на пивоваренном заводе Баркли. «Times» приходит в ужас от одной мысли о столь шокирующем инциденте. Что же эта газета делает для его предотвращения? Она призывает английский народ не обременять Мэзона, Слайделла и К° никакими публичными *овациями!* Газета «Times» знает, что ее сегодняшняя статья будет источником бурного веселья во всех пивных Лондона, но что ей до этого! По ту сторону Атлантического океана могут подумать, что великодушие «Times» избавило их от оскорбительных публичных оваций по адресу Мэзона, Слайделла и К°, между тем как на самом деле «Times» хлопочет только о том, чтобы спасти этих господ от публичного позора!

Пока исход дела «Трента» был неизвестен, «Times», «Post», «Herald», «Economist», «Saturday Review», — словом, вся фешенебельная продажная лондонская пресса, изо всех сил старались убедить Джона Буля, что вашингтонское правительство при всем желании не сможет сохранить мир, потому что этого

не допустит американская чернь, а федеральное правительство есть правительство черни. Теперь сами факты опровергли этих господ. Что же, постарались ли они загладить свою вину перед злостно оклеветанным ими американским народом? Признали ли эти газеты, по крайней мере, свои ошибки, которых не могут не сделать Йеллоуплаши, когда они берутся судить о действиях свободного народа? Нисколько! Теперь они единодушно заявляют, что, поскольку американское правительство не предвосхитило английских требований и не выдало изменников-южан тотчас же после их ареста, оно упустило превосходный случай для примирения и таким образом лишило всякого значения свою нынешнюю уступку. Вот уж поистине Йеллоуплаши! Г-н Сьюард дезавуировал действия Уилкса еще до получения английских требований и тотчас же заявил о своей готовности начать переговоры о мирном разрешении вопроса; а что делали вы в аналогичных случаях? Когда под предлогом насильственного снятия английских матросов с американских судов — предлог, который не имеет ничего общего с правилами морской войны и явно представляет собой чудовищное нарушение всякого международного права, — «Леопард» дал залп из всех орудий по «Чесапику», убил шесть человек из его экипажа, ранил двадцать одного и захватил находившихся на «Чесапике» мнимых англичан, что сделало тогда английское правительство? Это беззаконие было совершено 20 июня 1807 года. Действительное удовлетворение по этому делу, освобождение матросов и т. д., было предложено только 8 ноября 1812 г., то есть пять лет спустя. Правда, британское правительство сразу же заявило о своей непричастности к действиям адмирала Беркли, как это сделал и г-н Сьюард в отношении капитана Уилкса; но все наказание адмирала заключалось в том, что он был переведен на более высокую должность.

Обнародовав свои указы в Совете, Англия прямо признала, что она этим нарушает права нейтральных держав вообще и Соединенных Штатов в частности, но что она была вынуждена принять эти законы в качестве ответной репрессии против Наполеона и что она с радостью отменит их, как только Наполеон отменит свои мероприятия, нарушающие права нейтральных стран. Наполеон отменил их, поскольку они касались Соединенных Штатов, весной 1810 года. Англия продолжала нарушать морские права Америки, в чем она сама признавалась, Это длилось с 1806 г. и было прекращено 23 июня 1812 г., после того как 18 июня 1812 г. Соединенные Штаты объявили Англии войну. Англия отказывалась таким образом, в данном случае в течение шести лет, не от того, чтобы дать удовлетворение за

открыто совершавшееся ею нарушение права, — она отказывалась прекратить это нарушение. И эти люди толкуют еще о превосходном случае, упущенном американским правительством! Независимо от того, право оно или нет, британское правительство совершило акт трусости, предъявив свою претензию, основанную на мнимом техническом промахе, на простой процедурной ошибке, в виде ультиматума с требованием выдачи арестованных. Американское правительство, может быть, найдет нужным удовлетворить это требование, но у него не может быть никаких оснований спешить с этим.

При теперешнем разрешении конфликта в связи с «Трентом» вопрос, который лежит в основе всего этого спора и который, вероятно, вскоре возникнет снова, — вопрос о правах воюющей морской державы по отношению к нейтральным странам — отнюдь не может считаться разрешенным. Я постараюсь, с вашего позволения, осветить этот вопрос в одной из моих последующих корреспонденции. А пока разрешите мне прибавить, что, на мой взгляд, господа Мэзон и Слайделл оказали большую услугу федеральному правительству. В Англии имелась влиятельная партия сторонников войны, которая то ли из коммерческих, то ли из политических соображений усердно добивалась столкновения с Соединенными Штатами. Дело «Трента» явилось испытанием для этой партии. И она не выдержала этого испытания. Военные страсти разбушевались по второстепенному поводу, был дан выход страстям, громогласное бешенство олигархии возбудило подозрения английской демократии, широкие британские круги, заинтересованные в сношениях с Соединенными Штатами, оказали сопротивление, истинный характер гражданской войны стал понятным для рабочего класса, и, наконец, — последнее, но отнюдь не менее важное — опасный период, когда Пальмерстон правил единолично, без контроля со стороны парламента, быстро приближается к концу. Это был единственный момент, когда можно было попытаться вовлечь Англию в войну на стороне рабовладельцев. Теперь об этом не может быть и речи.

Написано К. Марксом 11 января 1862 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6499, 1 февраля 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

К ИСТОРИИ СОКРЫТИЯ ДЕПЕШИ СЬЮАРДА

Лондон, 14 января

Покойный инцидент с «Трентом» снова воскрес из мертвых, но на сей раз как casus belli* не между Англией и Соединенными Штатами, а между английским народом и английским правительством. Новый casus belli будет рассмотрен парламентом, который соберется в следующем месяце. Вы, несомненно, уже обратили внимание на полемику «Daily News» и «Star» против «Morning Post» по поводу сокрытия и отрицания мирной депеши Сьюарда от 30 ноября, которая была зачитана лорду Джону Расселу 19 декабря американским посланником г-ном Адамсом. Позвольте мне теперь вернуться к этому эпизоду. В ответ на заверение «Morning Post», что депеша Сьюарда не имеет ни малейшего отношения к делу «Трента», началось падение биржевых бумаг, и миллионные состояния стали переходить из рук в руки, неся потери одним, выигрыш другим. Поэтому в торговых и промышленных кругах вызвала величайшее негодование ничем не обоснованная полуофициальная ложь «Morning Post», разоблаченная опубликованием депеши Сьюарда от 30 ноября.

8 января днем в Лондоне было получено известие о мирном разрешении конфликта. В тот же вечер «Evening Star» (вечернее издание «Morning Star») обратилась к правительству с запросом по поводу сокрытия депеши Сьюарда от 30 ноября. На следующее утро, 9 января, «Morning Post» дала следующий ответ:

«Спрашивают, почему раньше ничего не было слышно о депеше Сьюарда, полученной г-ном Адамсом в течение декабря? Объясняется это

* — повод к войне. *Ред.*

очень просто. Полученная г-ном Адамсом депеша *не была передана* (not communicated) *нашему правительству»*.

Вечером того же дня «Star» полностью опровергла «Post», объявив ее «разъяснение» жалкой увёрткой. Депеша была, в самом деле, не *«передана»* Адамсом лорду Пальмерстону и. лорду Расселу, а *«зачитана»* им.

Утром в субботу 11 января на сцену выступила «Daily News» и на основании статьи «Morning Post» от 21 декабря доказала, что эта газета, а также правительство были в то время отлично знакомы с депешей Сьюарда и что они умышленно извратили ее содержание. Тогда правительство стало готовиться к отступлению. Вечером 11 января полуофициальная газета «Globe» заявила, что, хотя г-н Адамс действительно 19 декабря передал правительству депешу Сьюарда, в ней, однако, «не содержалось никакого предложения со стороны вашингтонского кабинета», равно как и никакого «прямого извинения в связи с оскорблением английского флага». Это стыдливое признание того факта, что английский народ в течение трех недель был жертвой преднамеренного обмана, только подлило масла в огонь, вместо того чтобы потушить его. По всем газетам промышленных округов Великобритании пронесся вопль негодования, отзвук которого прозвучал, наконец, вчера и в торийских газетах. Обратите внимание на то, что весь этот вопрос был поставлен в порядок дня не политиками, а деловыми кругами. «Morning Star» в сегодняшнем номере пишет по этому поводу:

«Лорд Джон Рассел, без сомнения, несет ответственность за сокрытие истины; он также ничего не сделал для опровержения лживой информации «Morning Post», но все-таки он не мог продиктовать столь явно противоречащую истине, принесшую огромный вред статью этой газеты от 21 декабря. На такое дело может решиться лишь *один* человек; только министр, сфабриковавший афганскую войну, способен был утаить мирное послание Сьюарда. Нелепая снисходительность палаты общин простила ему одно преступление; неужели парламент и народ не объединятся, чтобы покарать его за новое преступление?»

Написано К. Марксом 14 января 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 17, 18 января 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ

Английские железные дороги имеют ровесников среди людей, им 30 лет. За исключением национального долга, ни одна другая отрасль национальной экономики не достигала такого гигантского развития за столь короткий срок. По данным недавно опубликованной *Синей книги,* капитал, вложенный в железные дороги за период до 1860 г., составлял 348130127 фунтов стерлингов; из них 190791067 ф. ст. были получены посредством обыкновенных акций, 67873840 ф. ст. — посредством привилегированных акций, 7576878 ф. ст. — на основе долговых обязательств и 81888546 ф. ст. — по текущим займам. Весь совокупный капитал составляет примерно половину суммы национального долга и в пять раз превышает годовой доход от всей недвижимой собственности в Великобритании. Эта характерная для выскочек форма богатства, гигантское порождение современной индустрии, диковинный экономический гермафродит, ноги которого, подобно корням, уходят в землю, а голова живет на бирже, является могучим соперником аристократической земельной собственности и обеспечивает новую вспомогательную армию для буржуазии.

В 1860 г. протяженность железнодорожных путей составляла 22 тыс. английских миль, включая вторую колею и разъезды. Таким образом, за истекшие 30 лет ежегодно прокладывалось в среднем 733 мили железнодорожного пути. Но в данной отрасли индустрии средняя цифра еще более далека от действительного процесса развития, чем во всех других отраслях. В отдельные годы железнодорожной горячки, такие как 1844 и 1845, была штурмом захвачена вся основная территория.

В последующие годы шло постепенное освоение этой территории, связывались между собой крупные магистрали, строились ответвления, и железнодорожная сеть расширялась сравнительно медленно. В эти годы объем железнодорожного строительства падает ниже среднего уровня.

Прокладке рельсов предшествует огромная работа. Уже в 1854 г., по подсчетам Роберта Стефенсона, общая протяженность железнодорожных туннелей составляла около 70 миль, в наличии имелись 25000 железнодорожных мостов и многочисленные виадуки, из которых один — вблизи Лондона — протянулся на 11 миль. Земляные насыпи — 70000 кубических ярдов на одну погонную милю — могли бы заполнить пространство в 550 миллионов кубических ярдов. Если всю эту землю ссыпать в одно место в форме пирамиды, то диаметр ее основания составил бы половину мили (английской), а высота полторы мили — целая гора земли, рядом с которой собор св. Павла покажется лилипутом. Но с тех пор как Роберт Стефенсон произвел свой подсчет, железнодорожная сеть расширилась еще на одну треть.

«Вечная дорога», как англичане окрестили железнодорожные пути, отнюдь не бессмертна. Она нуждается в постоянном «обмене веществ». Железо, которое с течением времени утрачивает свои свойства вследствие износа, окисления и т. п., постоянно требует новой замены. Подсчитано, что паровоз, пробегая 60 миль, стирает 2,2 фунта стали, каждый пустой вагон — 4,5 унции, каждая тонна груза — 1,5 унции, и что такая железнодорожная линия, как Лондонско-Северо-Западная, может находиться в эксплуатации примерно в течение 20 лет. Общий износ железа за год оценивается в полфунта на ярд; вся железнодорожная сеть при ее нынешней протяженности требует ежегодно 24000 тонн железа для возмещения износа и 240000 тонн для эксплуатации. Однако рельсы, составляющие основу железнодорожного пути, заменяются гораздо реже, чем деревянные шпалы, на которых эти рельсы лежат. Укладка железнодорожных шпал требует ежегодной доставки 300000 деревьев, для выращивания которых нужны 6000 акров земли.

После завершения строительства железной дороги для ее эксплуатации необходимы локомотивы, уголь, вода, железнодорожные вагоны и, наконец, рабочий персонал. В 1860 г. число локомотивов составляло 5801, т. е. более одного локомотива на каждые две мили пути. Как и большинство машин на ранней стадии своего развития, локомотивы поначалу были не слишком изящны, двигались неуверенно, в известной мере еще напоминали старомодные средства передвижения, на смену

которым они пришли, и были сравнительно дешевы. Первый английский локомотив, четырехколесный, весом едва в 6 тонн, стоимостью в 550 ф. ст., постепенно был вытеснен паровозами стоимостью в 3000 ф. ст., которые тянули 30 пассажирских вагонов, весом по 5,5 тонн каждый, со скоростью 30 миль в час или 500 тонн груза со скоростью 20 миль в час. Подобно своим предшественникам — лошадям, отдельные локомотивы имеют собственные имена, с которыми связывается большая или меньшая известность.

Локомотив *«Ливерпуль»,* принадлежащий Северо-Западной дороге, развивает максимальную мощность в 1140 лошадиных сил. Это чудовище поглощает ежедневно тонну угля и от 1000 до 1500 галлонов* воды. Организм таких железных коней весьма деликатен. Он насчитывает не менее 5416 деталей, пригнанных друг к другу но менее тщательно, чем в часовом механизме. Железнодорожный состав, покрывающий 50 миль (английских) в час, обладает скоростью, равной шестой части скорости пушечного снаряда. Если средняя стоимость одного локомотива составляет 2200 ф. ст., то расходы на строительство 5801 локомотива составят более 12700000 фунтов стерлингов. Ежеминутно, в течение всего года, 20—25 тыс. литров воды превращаются в пар с помощью 4—5 тонн угля. Стефенсон отмечает, что превращаемой таким образом в пар воды вполне хватило бы для ежедневного потребления всему населению города Ливерпуля. В то же время количество поглощаемого топлива почти достигает размеров всего британского вывоза угля, имевшего место четыре года тому назад, и превосходит половину общего потребления Лондона.

На 5801 локомотив приходятся 15076 пассажирских вагонов и 180574 товарных вагона, общая стоимость которых составляет 20 млн. фунтов стерлингов. Все локомотивы и вагоны, соединенные в один поезд, заняли бы целиком линию от Брайтона до Абердина — расстояние, более чем в 600 миль.

Ежедневно в пути находятся свыше 7000 поездов, ежеминутно в течение суток — 7 поездов. За истекший год перевезенные пассажиры и грузы проделали расстояние более чем в 100 миллионов миль, что более чем в 4000 раз превосходит длину окружности земного шара. Каждую секунду в течение года свыше 3 миль железнодорожного пути бывают покрыты курсирующими поездами. По железной дороге было перевезено 12 миллионов голов крупного рогатого скота, овец и свиней, 90 миллионов тонн товаров и полезных ископаемых. При этом

* Галлон = 4,546 литра. *Ред.*

количество полезных ископаемых вдвое превысило количество прочих грузов.

Общий валовой доход достигает 28 миллионов фунтов стерлингов. Издержки производства, не считая износа самого железнодорожного полотна, составили у Компании железных дорог Центральных графств 41 процент от всей суммы дохода, у Йоркширско-Ланкаширской дороги — 42 процента; у Западно-Центральной дороги — 46 процентов и у Большой Северной дороги — от 55 до 56 процентов; средний расход по всем дорогам составил 13187368 ф. ст., или 47 процентов дохода.

Первое место по своей протяженности занимает дорога Лондонско-Северо-Западная. Первоначально она ограничивалась линией Лондон — Бирмингем, Большой Соединительной дорогой и линией Манчестер — Ливерпуль. Теперь же она со своими ответвлениями протянулась на востоке от Лондона до Карлайла и от Питерборо до Лидса, а на западе дошла до Холихеда. Дирекция дороги контролирует более тысячи миль железнодорожного пути и стоит во главе промышленной армии, численностью примерно в 20000 человек. Сооружение дороги обошлось более чем в 36 миллионов фунтов стерлингов. Валовой доход дороги за каждый час в течение суток составляет 500 ф. ст., а эксплуатационные расходы — 1000 ф. ст. в неделю. Чистая прибыль этой дороги, как и большинства других, падала по мере роста протяженности железнодорожной сети и охвата ею менее густонаселенных и менее развитых в промышленном отношении районов. Стоимость акций, выпускавшихся по 100 ф. ст., постепенно упала с 240 до 92—93 ф. ст., а дивиденды — с 10 до $3^3/_4$ процента. Одновременно с колоссальным ростом объема эксплуатации этой дороги, как и других железных дорог, контроль акционеров уменьшился, дирекция узурпировала почти всю полноту власти, и начались злоупотребления в управлении.

Написано К. Марксом в середине января 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 22, 23 января 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ ЛОРДА ДЖОНА РАССЕЛА

Лондон, 17 января

Положение лорда *Джона Рассела* во время недавнего кризиса было весьма неприятно даже для человека, вся парламентская деятельность которого доказывает, что он редко колебался, когда требовалось пожертвовать действительной властью ради официального поста. Никто не забыл, что лорд Джон Рассел должен был уступить Пальмерстону место премьера, но никто; по-видимому, не помнит, что он получил от Пальмерстона пост министра иностранных дел. Все принимали как должное, что Пальмерстон от своего собственного имени руководит кабинетом, а от имени Рассела — внешней политикой. Когда из Нью-Йорка пришло первое известие о мирном разрешении конфликта, виги и тори принялись наперебой громко прославлять государственную мудрость Пальмерстона, не удостоив при этом его помощника, министра иностранных дел лорда Джона Рассела, даже скромной похвалы. Его попросту игнорировали. Но стоило разразиться скандалу из-за *скрытой* американской депеши от 30 ноября, как имя Рассела воскресло из мертвых.

Нападающие и защитники сделали вдруг открытие, что *ответственный* министр иностранных дел зовется лордом *Джоном Расселом!* Но тут, наконец, и у Рассела лопнуло терпение. Не дожидаясь открытия парламента, вопреки всем министерским обычаям, он тотчас же опубликовал в официальной «Gazette»[280] от 12 января свою собственную переписку с лордом Лайонсом. Из этой переписки видно, что депеша Сьюарда от 30 ноября была зачитана г-ном Адамсом лорду Джону Расселу 19 декабря, что Рассел воспринял эту депешу как несомненное *извинение* за действия капитана Уилкса и что после соответ-

ствующего заявления Рассела г-н Адамс считал мирный исход конфликта обеспеченным. Что сказать после этого *официального* разоблачения о «Morning Post» от 21 декабря, которая отрицала получение какой бы то ни было депеши Сьюарда в связи с делом «Трента»? Что сказать о «Morning Post» от 9 января, которая обвинила г-на Адамса в сокрытии этой депеши? Что сказать обо всем воинственном шуме пальмерстоновской прессы в период между 19 декабря 1861 г. и 8 января 1862 года? Больше того! Депеша лорда Джона Рассела лорду Лайонсу от 19 декабря 1861 г. доказывает, что английский кабинет не предъявлял *никакого военного ультиматума;* что лорд Лайонс *не* получал предписания покинуть Вашингтон через семь дней после вручения «этого ультиматума»; что Рассел приказал посланнику избегать даже видимости угрозы; и, наконец, что английский кабинет намеревался принять *окончательное решение* только *после получения* ответа американского правительства. Таким образом, вся политика, о которой столько нашумела пальмерстоновская печать и которая вызвала так много раболепных откликов на континенте, оказалась пустой химерой. Она никогда не проводилась в действительности. Это доказывает только, как заявила сегодня одна лондонская газета, что Пальмерстон «пытался действовать вопреки официальной политике, обязательной для *ответственных* советников короны».

Что coup de main* лорда Джона Рассела поразил пальмерстоновскую печать, как гром среди ясного неба, убедительнее всего доказывает следующий факт. Вчерашняя газета «Times» *скрыла* переписку Рассела, не упомянув о ней ни словом. Только сегодня она помещает на своих страницах перепечатку этой переписки из лондонской «Gazette», сопровождая ее введением и предисловием в виде передовой статьи, которая тщательно обходит подлинную суть спора, *спора между английским народом и английским правительством*, и бросает по этому поводу только ворчливую фразу, что «лорд Джон Рассел переусердствовал, вычитав из депеши Сьюарда от 30 ноября какое-то *извинение».* Зато гнев Юпитера-громовержца из Принтинг-хаус-сквер изливается в другой передовой статье, где доказывается, что г-н *Гилпин,* член правительства, глава министерства торговли и приверженец манчестерской школы, не достоин своего места в правительстве. Гилпин, бывший книготорговец, демагог, апостол умеренности, которого никто не сочтет героем, в прошлый вторник, на митинге в Нортгемптоне, который он представляет в парламенте, преступным образом призывал английский

* — смелый удар. *Ред.*

народ к тому, чтобы путем организации публичных демонстраций воспрепятствовать преждевременному признанию южной Конфедерации, беспощадно заклейменной им как порождение рабовладельческого строя. Как будто, — возмущенно восклицает «Times», — как будто Пальмерстон и Рассел («Times» здесь снова вспоминает о существовании лорда Джона Рассела) не боролись с рабством всю свою жизнь! Конечно, со стороны г-на Гилпина было бестактностью, *умышленной* бестактностью призывать английский народ выступить против рабовладельческих симпатий правительства, в состав которого он сам входит. Но г-н Гилпин, как уже сказано, не герой. Вся его карьера свидетельствует о том, что он весьма мало склонен к подвижничеству. Его бестактное выступление произошло в *тот самый день,* когда лорд Джон Рассел совершил свой coup de main. Отсюда мы можем заключить, что английский кабинет далек от «happy family»* и что отдельные члены его давно уже подумывают о «разводе».

Русский эпилог драмы «Трент» не менее любопытен, чем ее финал, разыгранный английским кабинетом. Россия, которая во время всей этой шумихи молча находилась на заднем плане, скрестив руки, теперь внезапно появляется на авансцене, похлопывает г-на Сьюарда по плечу и заявляет, что наконец-то настал момент для окончательного урегулирования вопроса о морском праве нейтральных стран. Россия считает, как известно, своим долгом ставить в подходящую минуту и в подходящем месте неотложные вопросы цивилизации в порядок дня мировой истории. Россия станет неуязвимой для морских держав, как только эти последние откажутся от своих прав воюющей стороны по отношению к нейтральным государствам, а тем самым и от контроля над экспортной торговлей России. Парижская конвенция от 16 апреля 1856 г., местами *дословно* повторяющая русский договор 1780 г. о «вооруженном» нейтралитете против Англии, пока еще не стала в Англии *законом.* Какова была бы ирония судьбы, если бы *англо-американский* конфликт завершился санкционированием со стороны английского парламента и английской короны той уступки, которую сделали России на свой собственный страх и риск два английских министра после окончания *англо-русской* войны**!

Написано К. Марксом 17 января 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 20, 21 января 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — «семейного счастья». *Ред.*
** — Крымской войны. *Ред.*

К. МАРКС

РАБОЧИЙ МИТИНГ В ЛОНДОНЕ

Лондон, 28 января

Рабочий класс, составляющий такую преобладающую часть общества, в котором давно уже не существует *крестьянского сословия,* не имеет, как известно, своих представителей в парламенте. Тем не менее он не лишен политического влияния. Ни одно серьезное нововведение, ни одна решающая мера не были проведены в этой стране[*] без pressure from without (давления извне); то оппозиция прибегала к такому pressure[**] на правительство, то правительство использовало pressure против оппозиции. Под pressure from without англичане подразумевают большие внепарламентские народные демонстрации, которые, конечно, не могут быть осуществлены без деятельного участия рабочего класса. *Питт* сумел во время антиякобинской войны использовать народные массы против вигов. Эмансипация католиков, билль о реформе, отмена хлебных законов, билль о 10-часовом рабочем дне, война с Россией, отклонение пальмерстоновского билля о заговорах[281] — все это было результатом бурных внепарламентских демонстраций, в которых рабочий класс, то искусственно подстрекаемый, то действуя по собственному побуждению, выступал либо в качестве persona dramatis[***], либо в качестве хора и играл, смотря по обстоятельствам, то главную роль, то роль шумной толпы. Тем поразительнее поведение английского рабочего класса по отношению к Гражданской войне в Америке.

[*] — Англии. *Ред.*
[**] — давлению. *Ред.*
[***] — действующего лица. *Ред.*

Нужда рабочих в северных промышленных округах, вызванная закрытием фабрик и сокращением рабочего времени *под предлогом* блокады рабовладельческих штатов, не поддается описанию и возрастает с каждым днем. Другие слои рабочего класса находятся в менее бедственном положении, но и они жестоко страдают от обратного действия кризиса в хлопчатобумажной промышленности на остальные отрасли промышленности, от сокращения вывоза их собственной продукции в северные штаты Америки в связи с тарифом Моррилла и от полного прекращения этого вывоза в южные штаты вследствие блокады. Поэтому английское вмешательство в американские дела стало теперь для английского рабочего класса вопросом о хлебе насущном. К тому же «natural superiors» (естественные повелители) рабочих не гнушаются никакими средствами для возбуждения в них ярости против Соединенных Штатов. Единственный еще существующий значительный и широко распространенный рабочий орган, *«Reynolds's Newspaper»,* специально подкуплен для того, чтобы на протяжении шести месяцев из недели в неделю неистово твердить ceterum censeo[282] в отношении английской интервенции. Поэтому рабочий класс хорошо понимает, что правительство только и ждет воплей об интервенции снизу, этого pressure from without, требующего положить конец американской блокаде и нужде в Англии. При таких обстоятельствах нельзя не поражаться упорству, с которым рабочий класс хранит молчание, а если нарушает его, то лишь затем, чтобы возвысить свой голос против интервенции, *в защиту* Соединенных Штатов. Это — новое блестящее, доказательство непоколебимой стойкости английских народных масс, стойкости, которая составляет секрет могущества Англии и благодаря которой во время Крымской войны и восстания в Индии простой английский солдат, выражаясь гиперболическим языком Мадзини, казался полубогом.

Для характеристики «политики» рабочего класса мы приводим ниже отчет о большом *рабочем митинге,* состоявшемся вчера в Мэрилебоне, одном из самых населенных районов Лондона.

Председатель г-н *Стедман,* открывая митинг, сообщил, что предстоит вынести решение относительно *приема,* который должен быть оказан английским народом гг. *Мэзону* и *Слайделлу.*

«Необходимо выяснить, приезжают ли эти господа для того, чтобы освободить рабов от их цепей, или же для того, чтобы присоединить к этим цепям новое звено».

Г-н *Иейтс*:

«Рабочий класс в данном случае не может молчать. Двое господ, направляющиеся через Атлантический океан в нашу страну, являются агентами рабовладельческих и тиранических штатов. Они являются открытыми мятежниками против законной конституции своей страны и едут сюда с целью склонить наше правительство к признанию независимости рабовладельческих штатов. Долг рабочего класса — высказать теперь свое мнение, чтобы английское правительство не думало, будто мы являемся равнодушными зрителями его внешней политики. Мы должны показать, что деньги, затраченные нашим народом на освобождение рабов, не должны быть пущены на ветер. Если бы наше правительство действовало честно, оно от всей души поддержало бы северные штаты в деле подавления этого ужасного мятежа».

После обстоятельной защиты северных штатов и заявления, что «резкое выступление г-на Лавджоя против Англии было вызвано оскорбительными выпадами английской печати», оратор предложил следующую резолюцию:

«Настоящее собрание считает, что агенты мятежников Мэзон и Слайделл, находящиеся теперь на пути из Америки в Англию, отнюдь не заслуживают моральной поддержки английского рабочего класса, ибо они являются рабовладельцами и открытыми агентами тиранической клики, которая в данный момент находится в состоянии мятежа против американской республики и является заклятым врагом социальных и политических прав рабочего класса во всех странах».

Г-н *Уинн* поддержал резолюцию. Само собой разумеется, заявил он, что во время пребывания Мэзона и Слайделла в Лондоне необходимо избегать всяких личных оскорблений по их адресу.

Г-н *Николс,* житель *«крайнего севера* Соединенных Штатов», как он сам себя отрекомендовал, а на самом деле advocatus diaboli*, подосланный на митинг гг. Янси и Манном, заявил протест против внесенной резолюции.

«Я приехал сюда, потому что здесь существует свобода слова. В нашей стране правительство вот уже три месяца никому не позволяет открыть рта. Свобода подавлена не только на Юге, но и на Севере. На Севере имеется много противников войны, но они не смеют высказаться. Не менее двухсот газет закрыто или разгромлено чернью. Южные штаты так же имеют право отделиться от Севера, как Соединенные Штаты когда-то имели право отделиться от Англии».

Однако, несмотря на красноречие г-на Николса, первая резолюция была принята единогласно. Тогда он поднялся снова:

«Если вы упрекаете гг. Мэзона и Слайделла в том, что они рабовладельцы, то ведь то же самое следует сказать о Вашингтоне и Джефферсоне и др.».

* — адвокат дьявола. *Ред.*

Г-н *Билс* в пространной речи опроверг Николса и предложил затем вторую резолюцию:

«Ввиду плохо скрываемых попыток «Times» и других недобросовестных газет ввести в заблуждение английское общественное мнение относительно американских событий, втянуть нас под любым предлогом в войну с миллионами наших единокровных братьев и использовать временные затруднения республики для клеветы на демократические учреждения, — настоящий митинг считает важнейшей обязанностью рабочих, поскольку они не представлены в сенате нации, заявить о своей поддержке Соединенных Штатов в их титанической борьбе за сохранение Союза; разоблачить позорную и бесчестную позицию газеты «Times» и родственных ей аристократических газет, вставших на защиту рабовладения; самым решительным образом высказаться за политику строжайшего невмешательства в дела Соединенных Штатов и за передачу всех могущих возникнуть конфликтов на рассмотрение уполномоченных обеих сторон или третейских судов; заклеймить политику войны, проводимую органом биржевых спекулянтов, и выразить свое самое горячее сочувствие стремлениям аболиционистов добиться окончательного разрешения вопроса о рабстве».

Эта резолюция была принята единогласно, так же как внесенное под конец предложение «о передаче американскому правительству через г-на Адамса копии принятых решений, как выражения чувств и взглядов рабочего класса Англии».

Написано К. Марксом 28 января 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 32, 2 февраля 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

АНТИИНТЕРВЕНЦИОНИСТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ

Лондон, 31 января

Торговое могущество *Ливерпуля* обязано своим возникновением *торговле рабами.* Единственный вклад Ливерпуля в поэтическую литературу Англии — это оды в честь работорговли. Пятьдесят лет назад *Уилберфорс* не мог бы ступить на территорию Ливерпуля без опасности для жизни. Подобно тому как в прошлом веке торговля рабами, так в нынешнем веке торговля продуктом рабского труда — хлопком — составляет материальную основу могущества Ливерпуля. Неудивительно поэтому, что Ливерпуль является центром английских друзей сецессионистов. Это действительно *единственный* город в Соединенном королевстве, где во время недавнего кризиса удалось устроить quasi[*] массовый митинг в пользу войны с Соединенными Штатами. А что говорит Ливерпуль теперь? Послушаем одну из его больших ежедневных газет — «Daily Post»[283].

В передовой, озаглавленной «The cute Yankee» («Хитрые янки»), между прочим, говорится:

«С обычной для них ловкостью янки превратили мнимый проигрыш в реальный выигрыш и заставили Англию служить своим интересам... Могущество Великобритании действительно усилилось, но что из этого? Со времени основания Соединенных Штатов янки всегда настаивали на привилегии нейтрального флага, который ограждает плавающих под ним пассажиров от всякого посягательства и нападения со стороны воюющих держав. Мы всячески оспаривали подобную привилегию во время антиякобинской войны, англо-американской войны 1812—1814 гг. и еще совсем недавно в 1842 г., во время переговоров между лордом Ашбертоном и государственным секретарем Даниелом Уэбстером. Теперь мы должны прекратить свое сопротивление. *Принцип янки победил.* Г-н Сьюард

[*] — якобы. *Ред.*

констатирует этот факт, заявляя, что в этом принципиальном вопросе Англия сдала свои позиции и что благодаря инциденту с «Трентом» Соединенные Штаты получили от нас такую уступку, которой они до сих пор тщетно добивались всеми дипломатическими и военными средствами».

Еще важнее признание «Daily Post» относительно поворота в общественном мнении, даже в Ливерпуле.

«Конфедераты», — говорит она, — «не сделали ничего такого, что могло бы лишить их прежних симпатий. Как раз наоборот! Они мужественно боролись и принесли огромные жертвы. Если они и не добьются независимости, то каждый все же должен признать, что они ее заслуживают. Как бы то ни было, общественное мнение обратилось теперь против их притязаний. Еще четыре недели тому назад они были храбрыми молодцами (fine fellows). Теперь их называют весьма жалкой бандой (a very sorry set)... Да, действительно наступил перелом. Антирабовладельческая секта, (толь присмиревшая во время недавних народных волнений, теперь распоясалась и мечет громы и молнии против торговли людьми и против мятежных рабовладельцев!.. Не пестрят ли даже стены нашего города большими плакатами, полными инсинуаций и ядовитых нападок на гг. Мэзона и Слайделла, «авторов проклятого закона о беглых рабах»?.. Конфедераты проиграли от инцидента с «Трентом». Они рассчитывали выиграть от этого, а получилось так, что он стал их погибелью. Они утратили сочувствие нашей страны, и им следует как можно скорее примириться с этим странным обстоятельством. С ними обошлись очень скверно, но тут уж ничего не поделаешь (there will be no redress)».

После этого признания сочувствующей сецессионистам ливерпульской газеты легко понять, почему некоторые влиятельные пальмерстоновские органы печати заговорили вдруг теперь, перед открытием парламента, совсем другим языком. Так, в журнале «Economist» появилась в прошлую субботу статья под заглавием: *«Следует ли соблюдать блокаду?».*

Автор статьи исходит прежде всего из того очевидного *положения,* что блокада существует *только на бумаге* и что поэтому-де ее нарушение допускается международным правом. Франция требует насильственного прекращения блокады. Практическое решение вопроса зависит поэтому от Англии, у которой имеются важные и неотложные причины для такого шага. Дело в том, что она нуждается в американском хлопке. Между прочим, не совсем понятно, как это блокада, которая «существует только на бумаге», может воспрепятствовать провозу хлопка.

«И все-таки, — восклицает «Economist», — Англия *должна соблюдать* блокаду». Приведя сначала целый ряд мнимых аргументов в пользу этой точки зрения, автор переходит затем к сути вопроса.

«В таком деле», — говорит он, — «правительство должно опираться на поддержку всей страны. Однако английский народ в своей массе еще не *подготовлен* для вмешательства, которое Хоть по видимости означало бы, что мы способствуем созданию рабовладельческой республики.

Социальная система Конфедерации основывается на рабовладении; федералисты же всячески пытались убедить нас, что рабство составляет корень сецессии и что они являются врагами рабства, — а рабство вызывает у нас наибольшее отвращение... В этом кроется подлинная причина заблуждения народа. Распад, а не восстановление Союза, независимость. а не поражение Юга, — вот единственный верный путь к освобождению негров. Как-нибудь в другой раз мы постараемся разъяснить это нашим читателям. Но *пока еще это не для всех ясно. Большинство англичан думает иначе.* И пока оно упорствует в этом предубеждении, любая интервенция нашего правительства, которая сделала бы нас действительными противниками Севера и лишь мнимыми союзниками Юга, не встретила бы искренней поддержки у английского народа».

Другими словами: попытка подобной интервенции привела бы к падению министерства. И это объясняет нам также, почему «Times» так решительно высказывается против всякой интервенции и за нейтралитет Англии.

Написано К. Марксом 31 января 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 34, 4 февраля 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

К ХЛОПЧАТОБУМАЖНОМУ КРИЗИСУ

Несколько дней тому назад состоялось годичное собрание *Манчестерской торговой палаты.* Она представляет Ланкашир, крупнейший промышленный округ Соединенного королевства и центр британской хлопчатобумажной промышленности. Председатель собрания г-н *Э. Поттер* и главные докладчики гг. *Базли* и *Тёрнер* представляют Манчестер и часть Ланкашира в палате общин. Из выступлений на собрании мы, таким образом, *официально* узнаем, какую позицию в отношении американского кризиса займет в «сенате нации» этот крупный центр английского хлопчатобумажного производства.

На *прошлогоднем* собрании торговой палаты один из крупнейших хлопчатобумажных магнатов Англии г-н *Ашуорт* с пиндаровской выспренностью прославлял неслыханный рост хлопчатобумажной промышленности за последнее десятилетие. Он особенно подчеркнул при этом, что даже торговые кризисы 1847 и 1857 гг. не вызвали никакого сокращения вывоза английской хлопчатобумажной пряжи и ткани. Он объяснил это явление чудодейственной силой системы свободной торговли, введенной в 1846 году. Уже тогда казалось странным, что та же самая система, которая не могла избавить Англию от кризисов 1847 и 1857 гг., сумела оградить от влияния этих кризисов одну *особую* отрасль английской промышленности — хлопчатобумажное производство. Что же, однако, слышим мы сегодня? Все ораторы, в том числе и г-н Ашуорт, признают, что с 1858 г. произошло небывалое переполнение азиатских рынков и что вследствие массового и все возрастающего *перепроизводства* нынешний застой должен был наступить, даже если бы не было

Гражданской войны в Америке, тарифа Моррилла и блокады. Конечно, трудно сказать, составило ли бы сокращение стоимости вывоза за последний год 6 миллионов фунтов стерлингов и без этих отягощающих обстоятельств, но в этом нет ничего невозможного, если принять во внимание, что главные рынки Азии и Австралии обеспечены на 12 месяцев английскими хлопчатобумажными изделиями.

Таким образом, нынешний кризис английской хлопчатобумажной промышленности вызван, согласно признанию авторитетной в *этом* вопросе Манчестерской торговой палаты, не американской блокадой, а английским перепроизводством. Но каковы были бы для Англии последствия продолжения Гражданской войны в Америке? На этот вопрос мы получаем снова единодушный ответ: это означало бы безмерные бедствия для рабочего класса и разорение мелких фабрикантов.

«В Лондоне», — заметил г-н Читем, — «говорят, что у нас еще хватит хлопка для продолжения производства. Но дело не в одном только хлопке. Дело прежде всего в его *цене.* А при нынешних ценах капитал фабрикантов быстро растаял бы».

Тем не менее торговая палата решительно высказалась *против всякой интервенции* в Соединенные Штаты, хотя большинство ее членов, находясь под сильным влиянием «Times», склонно считать распад североамериканского Союза неизбежным.

«С наименьшей охотой», — сказал г-н Поттер, — «стали бы мы рекомендовать интервенцию. Манчестер менее всего склонен к подобному предложению. Ничто не заставит нас призывать к тому, что безнравственно».

Г-н *Базли*:

«В отношении американской распри необходимо соблюдать строжайший принцип невмешательства. Народ этой великой страны должен без всяких помех уладить свои собственные дела».

Г-н *Читем*:

«В нашем округе господствует мнение, которое самым решительным образом осуждает всякое вмешательство в американскую распрю. Необходимо ясно заявить об этом, ибо в случае сомнений на этот счет другая сторона оказала бы сильнейший нажим на правительство».

Итак, что же предлагает торговая палата? Она требует от английского правительства устранения всех препятствий, которые власти все еще ставят на пути возделывания хлопка в *Индии.* Она требует, прежде всего, отмены 10%-ной ввозной пошлины, которой облагаются английские хлопчатобумажные пряжа и ткани в Индии. Едва лишь был ликвидирован режим

Ост-Индской компании[284], едва Ост-Индия вошла в состав Британской империи, как Пальмерстон ввел при содействии г-на Уилсона ввозную пошлину на *английские* промышленные изделия в Индии, как раз в то самое время, когда он продал за англо-французский торговый договор Савойю и Ниццу, французский рынок был тем самым до некоторой степени открыт для английской промышленности, но одновременно в еще большей степени для нее закрылся ост-индский рынок.

Г-н Базли заметил по этому поводу, что со времени введения указанной пошлины множество английских машин было вывезено в Бомбей и Калькутту и что в этих городах были построены фабрики по типу английских. Эти фабрики приготовились поглотить лучший индийский хлопок. Если к 10%-ной пошлине на ввоз прибавить еще 15% фрахтовых издержек, то окажется, что искусственно созданные по инициативе английского правительства конкуренты защищены пошлиной в 25%.

На собрании магнатов английской промышленности вообще обнаружилось крайнее недовольство протекционистской тенденцией, которая все больше и больше распространяется в колониях, в частности также в Австралии. Господа промышленники забывают, что колонии в течение полутораста лет тщетно протестовали против «колониальной системы» метрополии. В то время колонии требовали свободы торговли, Англия же настаивала на ограничительных мерах. Теперь Англия проповедует свободу торговли, но колонии находят, что протекционизм, направленный против Англии, больше соответствует их интересам.

Написано К. Марксом в начале февраля 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 38, 8 февраля 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ИЗ АНГЛИИ

На континенте принято считать, что островитянина Джона Буля отличает «оригинальность» или «индивидуальное своеобразие». В общем и целом подобное представление смешивает англичанина прежних времен с современным англичанином. В действительности, напротив, резкие классовые различия, чрезвычайно далеко зашедшее разделение труда и так называемое «общественное мнение», создаваемое брахманами прессы, привели к однообразию характеров, так что Шекспир, например, не узнал бы своих соотечественников. Различия характерны уже не для отдельных индивидов, а для их «профессии» и класса. Если отвлечься от профессиональной принадлежности и обратиться к повседневной жизни, то один «респектабельный» англичанин настолько похож на другого, что даже Лейбниц вряд ли смог бы обнаружить между ними разницу, или differentia specifica*. Хваленое индивидуальное своеобразие, изгнанное из политических и социальных сфер, нашло последнее прибежище в причудах и капризах частной жизни, чтобы время от времени еще проявляться здесь sans gene**, причем люди не сознают при этом, в какое смешное положение они себя ставят. Поэтому англичанин все еще выступает как существо sui generis*** главным образом в *суде* — на этой публичной арене, где личные причуды резко сталкиваются между собой.

После этого предварительного замечания можно перейти к забавной судебной сцене, разыгравшейся несколько дней

* — специфическую отличительную черту, специфическое различие. *Ред.*
** — без стеснения. *Ред.*
*** — своеобразное, единственное в своем роде. *Ред.*

назад в Суде казначейства. Personae dramatis* — это, с одной стороны, сэр Эдвин Ландсир, крупнейший современный английский художник, с другой — гг. Холдейны, лондонские искусники-портные первого разряда; сэр Эдвин — ответчик, гг. Холдейны — истцы. Corpus delicti** состоял из пальто и фрака ценой в 12 ф. ст., которые художник отказался оплатить. Г-н Баллантайн выступал адвокатом Ландсира, г-н Гриффитс — адвокатом Холдейнов.

Холдейн показывает: сэр Эдвин Ландсир заказал обе вещи. Они были ему посланы для примерки, и заказчику не понравилась высота воротников. Воротники были переделаны. Тогда заказчик заявил, что не может их носить, поскольку ему в них жарко и неудобно, и к тому же они трут ему волосы. В соответствии с желанием ответчика были произведены различные переделки. В конце концов истцы отказались от дальнейших переделок, если таковые не будут оплачены особо. Тогда Ландсир отправил со слугой обе вещи обратно в мастерскую. В ответ истец послал ему следующее письмо:

«С настоящим письмом почтительнейше пересылаем Вам оба предмета одежды, переделанные вновь соответственно Вашему последнему указанию. Многочисленные и неудачные переделки, о которых Вы заявляете, имели место по Вашей же собственной вине. При первой примерке и пальто и фрак сидели отлично; но если заказчик выгибается, принимая самые невероятные позы, то никакое мастерство не в состоянии его удовлетворить. (Смех.) Мы с величайшим нежеланием производили все переделки в соответствии с Вашими требованиями, считая эти переделки излишними и противоречащими правилам нашего искусства. Но теперь мы находим, что дальше уступать уже невозможно. О Вашем требовании принять обе вещи обратно не может быть и речи. Поэтому мы закрываем приложенный к сему счет и просим Вас о скорейшей оплате».

Адвокат Баллантайн: Вы ведь не хотите сказать, что пальто и фрак хорошо сидят и сейчас? *Холдейн:* Именно это я и утверждаю.

Баллантайн: Не лучше ли они сидели до того, как были переделаны? *Холдейн.* Да. — *Б.* Ведь пальто и фраки — не ваша специальность? Вы приобрели известность шитьем брюк, не так ли? — *Х.* Пожалуй, что так! Мы более знамениты как специалисты по брюкам. — *Б.* Но не по фракам? Г-н Алфред Монтгомери, который привел к вам сэра Эдвина Ландсира, предупреждал его против ваших фраков, не так ли? — *Х.* Да, предупреждал. — *Б.* Не говорили ли вы или ваш брат сэру Эдвину, что вы предпочли бы сшить для него фрак даром, чем

* — Действующие лица. *Ред.*
** — Состав преступления, вещественное доказательство. *Ред.*

не шить его вовсе? — *X.* Мы не говорили ничего подобного. — *Б.* Что вы понимаете под «ослаблением» воротников? — *X.* Сэр Эдвин жаловался, что воротник трет ему шею. Поэтому мы ослабили воротник, то есть несколько уменьшили его высоту. — *Б.* И сколько, по-вашему, это стоит? — *X.* Два или три фунта.

Адвокат Баллантайн: Сэр Эдвин Ландсир считает нужным жаловаться на оскорбительное письмо Холдейна. Г-н Монтгомери рекомендовал сэру Эдвину доверить фирме Холдейн нижнюю часть своего тела, но отнюдь не верхнюю. Будучи большим художником, сэр Эдвин, тем не менее, малый ребенок в этих делах, почему он и осмелился пойти на риск, и суду ясно, каковы были последствия. Истец, которого присяжные только что видели на скамье свидетелей, тоже большой мастер. Но разве большой мастер станет переделывать свое произведение? Будучи уверенным в его совершенстве, он должен выстоять или пасть, защищая свое творение.

Но Холдейн не отстаивал свое творение. Он соглашался на переделки в той степени, в какой они соответствовали его собственным принципам. И после этого требовать от двух до трех фунтов за такую никудышную работу! Я имею честь обратиться здесь к трибуналу, члены которого тоже носят фраки; я спрашиваю: есть ли на свете большая мука, чем чересчур жесткие воротники, давящие шею? Я слышал, что когда сэр Эдвин примерил один из этих фраков, то его шея оказалась в тисках, и Англии угрожала опасность потерять одного из своих крупнейших художников. Сэр Эдвин согласен надеть упомянутые фрак и пальто здесь, перед судом, и господа присяжные могут сделать заключение на основании собственных наблюдений. Теперь я вызову сэра Эдвина в качестве свидетеля, и он расскажет вам историю обоих предметов одежды.

Сэр Эдвин Ландсир: ... Когда я надел фрак и пальто, то воротник стоял так. (Здесь сэр Эдвин повернулся и под громкий смех присутствующих продемонстрировал присяжным свою спину, произведя при этом впечатление, будто бы его неожиданно хватил удар)... Я ходатайствовал о приглашении в качестве арбитра первого сносного портного; но во всех случаях каждый клиент сам может лучше всего судить о том, как на нем сидит фрак или где ему жмет ботинок.

Г-н *Гриффитс:* Что сказал г-н Монтгомери, когда рекомендовал вам Холдейна? — Он сказал мне: «Сэр Эдвин, вам обычно с брюками везло меньше, чем с пальто и фраками».

Гриффитс: Может быть вы примерите здесь фрак и пальто? — Почему бы и нет? (Надевает на себя один из предметов.) Вот, смотрите! (Смех.)

Мартин (судья): Здесь среди присяжных имеется один портной. Не будет ли он столь любезен внимательнее осмотреть corpus delicti?

Названный портной встает со скамьи присяжных, подходит к сэру Эдвину, просит его надеть фрак и пальто, понимающе оглядывает их и качает головой.

Гриффитс: Сэр Эдвин, вы считаете, что фрак тесен? — Да! (Смех.) — Я хотел спросить: не узок ли он? — Гм, если бы мне пришлось *в нем* обедать, то я счел бы необходимым его снять.

Баллантайн: В таком случае, сэр Эдвин, вы не должны долее оставаться в нем. Освободите себя от него. — Весьма вам благодарен. (Снимает оба предмета.)

После патетических речей обоих адвокатов и забавного резюме судьи, в котором подчеркивалось, что комфорт английской нации не должен приноситься в жертву творческим идеалам фирмы Холдейн, суд вынес решение в пользу сэра Эдвина Ландсира.

Написано К. Марксом около 3 февраля 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 39, 9 февраля 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ ПО ПОВОДУ ОТВЕТНОГО АДРЕСА

Лондон, 7 февраля

Открытие парламента представляло бесцветную церемонию. Отсутствие королевы и прочтение тронной речи лордом-канцлером лишили эту церемонию всякого театрального эффекта. Сама тронная речь коротка, но отнюдь не выразительна. Она констатирует faits accomplis* внешней политики, а для оценки их отсылает к документам, уже представленным парламенту. Одна только фраза вызвала некоторую сенсацию — фраза, в которой королева «trusts» (надеется, верит), что «нет никаких оснований опасаться нарушения мира в Европе». Эта фраза в действительности означает, что европейский мир относится к области надежды и веры.

Господа, выступившие в обеих палатах с проектами ответа на тронную речь, получили, согласно парламентской практике, соответствующее поручение от министров еще за три недели до этого. Их ответ состоит, по обыкновению, из многословных повторений тронной речи и из льстивых похвал, которыми министры награждают самих себя от имени парламента. Когда в 1811 г. сэр *Фрэнсис Бёрдетт,* опередив официальных ораторов с их проектами адреса, воспользовался этим случаем, чтобы подвергнуть тронную речь резкой критике, то казалось, что под угрозой находится сама Magna Charta[285]. С тех пор подобные ужасы больше не повторялись.

Содержание дебатов по поводу тронной речи ограничивается поэтому «намеками» официальной оппозиции и «контрнамеками» министров. На этот раз, однако, дебаты представляли скорее

* — совершившиеся факты. *Ред.*

академический, чем политический интерес. Речь шла о том, кто произнес лучшее надгробное слово в память принца Альберта, который при жизни весьма неохотно подчинялся игу английской олигархии. Vox populi* присудил академическую пальму первенства Дерби и Дизраэли: первому — как прирожденному оратору, второму — как знатоку риторики.

«Деловая» часть прений вращалась вокруг *Соединенных Штатов, Мексики и Марокко.*

В вопросе о *Соединенных Штатах* Outs (находящиеся в оппозиции) расхваливали политику Ins** (beati possidentes***). *Дерби,* лидер консерваторов в палате лордов, и *Дизраэли,* лидер консерваторов в палате общин, образовали оппозицию не против кабинета, а друг против друга.

Дерби излил прежде всего свое неудовольствие по поводу отсутствия «pressure from without»****. Он «восхищается», сказал он, стоическим и полным достоинства поведением фабричных рабочих. Что же касается фабрикантов, то их он похвалить не может. Для них американский конфликт оказался чрезвычайно кстати, ибо перепроизводство и переполнение всех рынков все равно заставили бы их свернуть промышленность.

Дерби перешел, далее, к резким нападкам на североамериканское правительство, которое, не проявив инициативы, не выдав добровольно Мэзона, Слайделла и К° и не выразив раскаяния, «подвергло себя и свой народ позорному унижению» и поступило не «поджентльменски». Его секундант в палате общин г-н *Дизраэли* тотчас же понял, какой вред наносит выпад Дерби надеждам консерваторов на приход к власти. Поэтому он высказался в противоположном смысле:

«Когда я думаю об огромных трудностях, с которыми пришлось столкнуться государственным деятелям Северной Америки, я прихожу к выводу, что они преодолели их мужественно и смело».

С другой стороны, Дерби со свойственной ему последовательностью протестовал, против «новых учений» о морском праве. Англия с давних пор отстаивала права воюющих держав против претензий нейтральных стран. Правда, лорд Кларендон сделал в 1856 г. в Париже «опасную» уступку[286]. Но, к счастью, она еще не ратифицирована короной, так что «в данном вопросе международного права ничего не изменилось». Г-н *Дизраэли,*

* — Глас народа. *Ред.*
** — находящихся у власти. *Ред.*
*** — блаженны имущие. *Ред.*
**** — «давления извне». *Ред.*

явным образом по соглашению с правительством, совсем не коснулся этого пункта.

Дерби одобряет проводимую министрами политику невмешательства. Хотя время признания южной Конфедерации *еще* и не наступило, он требует достоверных документов для суждения о том, «в какой мере блокада эффективна и поэтому юридически обязательна». Лорд *Джон Рассел* заявил на это, что правительство Соединенных Штатов выделило достаточное количество судов для блокады, но не повсюду строго проводит ее. Г-н *Дизраэли* воздерживается от суждения о характере блокады, по требует от министров представления документов в целях информации. Он тем более предостерегает от слишком поспешного признания Конфедерации, поскольку в настоящий момент Англия компрометирует себя угрозами по адресу одного из американских государств (Мексики), независимость которого она сама же первая признала.

После *Соединенных Штатов* наступила очередь *Мексики.* Ни один член парламента не осудил войну, начатую без объявления, однако раздавались протесты против вмешательства во внутренние дела страны под лозунгом «антиинтервепционистской политики» и против коалиции Англии с Францией и Испанией в целях подчинения почти беззащитной страны. *Оппозиция* своими выступлениями лишь намекала на свое намерение приберечь Мексику в качестве предлога для своих партийных маневров. *Дерби* требует документов, касающихся как конвенции между тремя державами, так и способа ее выполнения. Он одобряет конвенцию, *ибо,* по его мнению, правильный путь для каждой из договаривающихся сторон заключается в том, чтобы отстаивать свои притязания *независимо* от других. Некоторые распространившиеся слухи заставляют его опасаться, что, по крайней мере, одна из трех держав — Испания — замышляет операции, выходящие за рамки договора. Как будто Дерби действительно допускает мысль, что великая держава Испания осмелится действовать *вопреки* воле Англии и Франции! Лорд *Джон Рассел* ответил: все три державы преследуют *одинаковую* цель и будут тщательно избегать всего, что могло бы помешать мексиканцам урегулировать дела, подлежащие ведению их собственного правительства.

Г-н *Дизраэли* в палате общин воздерживается от всякого суждения до ознакомления с представленными документами. Тем не менее он находит «заявление правительства *подозрительным».* Англия раньше других признала независимость Мексики. Этот шаг напоминает нам об одном замечательном периоде английской внешней политики — периоде оппозиции против

Священного союза — и об одном замечательном человеке, *Каннинге.* По какой же непонятной причине Англия решила первая нанести удар мексиканской независимости? К тому же в самый короткий срок был изменен предлог для интервенции. Сначала речь шла о компенсации за ущерб, причиненный английским подданным. Теперь поговаривают об установлении новых принципов управления и о провозглашении новой династии. Лорд *Пальмерстон* ссылается на представленные документы, на конвенцию, которая-де воспрещает союзникам «порабощение» Мексики и насильственное введение неугодной народу формы правления. Но в то же время он оставляет для себя дипломатическую лазейку. Ему будто бы известно по слухам, что в Мексике имеется партия, которая хотела бы заменить республику монархией. Он не знает, насколько сильна эта партия. Он, «со своей стороны, желает лишь, чтобы в Мексике было образовано *какое-нибудь правительство,* с которым иностранные правительства могли бы вести переговоры». Он желает, *таким образом,* образования «нового» правительства. Он объявляет *нынешнее правительство Мексики несуществующим.* Он присваивает коалиции Англии, Франции и Испании прерогативу Священного союза решать вопрос о существовании и несуществовании чужих правительств. «Это самое большее, — скромно добавляет он, — чего стремится достигнуть правительство Великобритании». Больше ничего!

Последний «открытый вопрос» внешней политики касался *Марокко.* Английское правительство заключило конвенцию с Марокко, чтобы дать ему возможность уплатить свой долг Испании, — долг, который Испания никогда не смогла бы навязать Марокко без позволения той же Англии. По-видимому, некоторые лица предоставили Марокко денежную ссуду для обеспечения уплаты в срок его платежей Испании, лишив таким образом Испанию предлога для дальнейшей оккупации Тетуана и для возобновления войны[287]. Английское правительство гарантировало этим лицам, в той или иной форме, получение процентов по их займам и, со своей стороны, в качестве гарантии взяло на себя управление марокканскими таможнями. Дерби нашел этот способ обеспечения независимости Марокко «rather strange» (довольно странным), но не добился от министров ответа. Г-н *Дизраэли* в палате общин остановился несколько подробнее на этом деле, носящем «довольно неконституционный» характер, поскольку министры за спиной парламента навязывают Англии новые денежные обязательства. *Пальмерстон* попросту отослал его к представленным «докумен-там».

Внутренних дел во время дебатов почти не касались. Дерби только предостерегал от «волнующих» спорных вопросов, вроде парламентской реформы, из внимания «к душевному состоянию королевы». Он готов регулярно платить дань своего восхищения английскому рабочему классу, при условии, что тот будет переносить свое лишение избирательных прав с таким же самоотверженным стоицизмом, как американскую блокаду.

Было бы ошибкой заключать на основании идиллического открытия парламента, что его ожидает идиллическое будущее. Наоборот! Роспуск парламента или отставка кабинета — таков девиз открывшейся сессии. Обоснованием этой альтернативы мы займемся в одной из следующих статей.

Написано К. Марксом 7 февраля 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 42, 12 февраля 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

МЕКСИКАНСКАЯ НЕРАЗБЕРИХА

Лондон, 15 февраля 1862 г.

Только что опубликованная Синяя книга по поводу интервенции в Мексике[288] содержит самые потрясающие разоблачения современной английской дипломатии со всем ее лицемерным ханжеством, с ее жестокостью по отношению к слабым, пресмыкательством перед сильными и полным неуважением к международному праву. Я вынужден отложить для следующей статьи тщательный анализ депеш, которыми обменивались Даунинг-стрит и британские представители в Мексике. Анализ этот дает неопровержимые доказательства того, что нынешняя неразбериха создана Англией, что Англия взяла на себя инициативу интервенции и мотивировала ее такими шаткими и внутренне противоречивыми предлогами, которые не могут даже прикрыть действительных, хотя и отвергаемых ею, оснований ее выступления. Подлые средства, использованные для организации мексиканской интервенции, могут быть превзойдены только тем старческим слабоумием, с каким британское правительство разыгрывает удивление и старается увильнуть от осуществления гнусного плана, им же самим разработанного. Именно этой последней стороны вопроса я и хочу теперь коснуться.

13 декабря 1861 г. г-н Истурис, испанский посланник в Лондоне, представил Джону Расселу ноту, включив в нее и инструкции, посланные генерал-капитаном Кубы испанским командирам, возглавляющим мексиканскую экспедицию. Джон Рассел положил ноту под сукно и хранил молчание. 23 декабря г-н Истурис направляет ему новую ноту, в которой пытается объяснить причины, побудившие испанские экспедиционные войска оставить остров Кубу до прибытия английских и фран-

цузских сил. Джон Рассел опять кладет ноту под сукно и продолжает упорно молчать. Г-н Истурис, желая удостовериться, не предвещает ли чего-либо недоброго эта длительная неразговорчивость, столь необычная для болтливого отпрыска дома Бедфордов, настаивает на личном свидании, согласие на которое было дано и которое состоялось 7 января.

К тому времени Джон Рассел уже более месяца был полностью осведомлен об односторонних военных действиях Испании против Мексики. После того как г-н Истурис официально сообщил ему об этом событии, прошел почти месяц. Но, несмотря на это, при личном свидании с испанским посланником Джон Рассел не обронил ни одного слова, выражавшего хотя бы малейшее неудовольствие или изумление по поводу «преждевременных шагов, предпринятых генералом Серрано», и слова его не возбудили у г-на Истуриса ни малейших сомнений насчет того, что все идет хорошо и что выступления Испании полностью одобряются британским правительством. Г-н Истурис, преисполненный кастильской гордости, конечно не желал допустить и мысли о том, что Испания является игрушкой и слепым орудием в руках своих могущественных союзников.

Однако приближался срок созыва парламента, и Джон Рассел должен был сочинить целую серию депеш, специально предназначенных не для международных переговоров, а для парламентского употребления. Поэтому 16 января он сочиняет депешу, которая в довольно сердитых тонах запрашивает по поводу односторонней инициативы, на которую отважилась Испания. Сомнения и колебания, больше месяца мирно дремавшие в его груди и никак не проявившиеся даже 7 января, во время его личного свидания с г-ном Истурисом, внезапно нарушили спокойную мечтательность этого доверчивого, искреннего и свободного от подозрительности государственного деятеля. Г-н Истурис поражен, как громом, и в своем ответе, датированном 18 января, несколько иронически напоминает его превосходительству об упущенных им возможностях высказать свое запоздалое негодование. Он, в сущности, платит его превосходительству той же монетой и, оправдывая проявленную Испанией инициативу, принимает тот же наивный вид, с каким Джон Рассел предъявил свое требование об объяснениях.

«Генерал-капитан Кубы», — говорит г-н Истурис, — «прибыл на место слишком рано, так как он боялся прибыть в Веракрус с опозданием». «Кроме того», — и здесь он поддевает лорда Джона, — «экспедиция была уже давно подготовлена во всех отношениях», хотя генерал-капитан до середины декабря был «не знаком с деталями договора и не знал пункта, намеченного для встречи эскадр».

Но договор был заключен только 20 ноября. Поэтому, если генерал-капитан «до середины декабря во всех отношениях подготовил» свою экспедицию, то это значит, что приказы об отправке экспедиции, посланные ему из Европы, были даны еще до заключения договора. Другими словами, первоначальное соглашение между тремя державами и предпринятые для его осуществления меры были проведены до заключения договора и в своих «деталях» отличались от постановлений этого последнего, ибо договор с самого же начала понимался не как программа действий, а как приличная формула, понадобившаяся для примирения общественного мнения с гнусными планами.

23 января Джон Рассел ответил г-ну Истурису несколько резкой нотой, указывавшей, что «британское правительство *не вполне* удовлетворено представленными объяснениями», но что в то же время оно не подозревает Испанию в опрометчивом желании действовать вопреки Англии и Франции. Лорд Джон Рассел, остававшийся в течение целого месяца сонным и бездейственным, стал проявлять кипучую энергию и величайшую осторожность по мере приближения парламентской сессии. Нельзя терять ни минуты. 17 января он устраивает личное свидание с графом Флао, французским послом в Лондоне. Флао сообщает ему зловещее известие о том, что его повелитель считает необходимым «послать в Мексику дополнительные силы» и высказывает мнение, что Испания своей опрометчивой инициативой испортила все дело, что

«союзники должны теперь двинуться в глубь Мексики и что не только намеченные силы оказываются теперь недостаточными для операции, но что и сама экспедиция принимает такой характер, при котором Луи Бонапарт не может согласиться на то, чтобы французские силы были слабее испанских или рисковали скомпрометировать себя».

Аргументация Флао была отнюдь не убедительна. Если Испания нарушила рамки соглашения, то одной ноты, посланной в Мадрид из Сент-Джемса или Тюильри, было бы достаточно, чтобы заставить ее отказаться от своих смешных претензий и вернуть ее к той скромной роли, которую предуказывал ей договор. Но нет. Ввиду того, что Испания нарушила договор, — нарушение чисто формальное и незначительное, ибо преждевременное прибытие в Веракрус испанских сил не вносило никаких изменений в официальные цели и задачи экспедиции, — ввиду того, что Испания осмелилась бросить якорь в Веракрусе в отсутствие английских и французских сил, Франции ничего не оставалось, как идти по стопам Испании, следовательно нарушить соглашение и не только увеличить свои экспедиционные

войска, но и изменить весь характер операции. Конечно, союзным державам не нужен был никакой предлог для того, чтобы раскрыть истину и в самом начале экспедиции пренебречь всеми официальными предлогами и целями, которые выставлялись для ее оправдания.

Соответственно этому Джон Рассел, хотя и выразил «сожаление по поводу шага», предпринятого Францией, тем не менее одобрил его, заявив графу Флао, что «у него нет никаких возражений от имени правительства ее величества против *основательности* французских *доводов»*. В депеше, датированной 20 января, он сообщает графу Каули, английскому послу в Париже, содержание этой своей беседы с графом Флао. За день до этого, 19 января, он послал сэру Ф. Крамптону, английскому посланнику в Мадриде, депешу, представляющую собой курьезную смесь лицемерной болтовни, предназначенной для британского парламента, и хитроумных намеков мадридскому двору относительно действительной ценности тех либеральных словечек, которые он так щедро расточает. «Выступления маршала Серрано, — говорит он, — рассчитаны на то, чтобы вызвать некоторое беспокойство», не только вследствие преждевременного отъезда испанской экспедиции из Гаваны, но и вследствие «тона прокламаций, опубликованных испанским правительством».

Но одновременно с этим наш bonhomme* подсказывает мадридскому двору благовидные доводы для оправдания явного нарушения договора. Он вполне убежден, что мадридский двор не имеет в виду ничего дурного; но ведь командиры, находящиеся на далеком расстоянии от Европы, иногда проявляют «опрометчивость» и требуют «весьма тщательного надзора за собой». Так добряк Рассел предлагает свои услуги, чтобы переложить ответственность с мадридского двора на неосторожных испанских командиров, «находящихся на далеком расстоянии» и недоступных даже для проповедей добряка Рассела. Не менее курьезна и другая часть его депеши. Союзные войска не должны лишать мексиканцев права «избрать свое собственное правительство», тем самым давая понять, что в Мексике «не существует правительства», что, наоборот, под покровительством союзных завоевателей мексиканцы должны избрать не только новых губернаторов, но и установить «новую форму правления». «Учреждение ими нового правительства порадует» британское правительство; но, конечно, военные силы завоевателей не должны влиять на ход всеобщего голосования, с помощью которого они рекомендуют мексиканцам установить новое правительство.

* — добряк. *Ред.*

Разумеется, самим командующим вторгшихся вооруженных сил предоставляется судить о том, какая новая форма правления «приемлема или не приемлема для мексиканцев».

Во всяком случае, добряк Рассел строит из себя невинность и умывает руки. Он отправляет в Мексику иностранных драгун, чтобы заставить мексиканский народ «избрать» новое правительство; но он надеется, что драгуны сделают это деликатно и тщательно прощупают политические настроения завоевываемой ими страны. Стоит ли останавливаться хоть на один момент на этом очевидном фарсе? Не говоря уже о содержании депеш добряка Рассела, стоит только прочесть «Times» и «Morning Post» за октябрь, то есть за шесть недель до заключения лицемерной конвенции 30 ноября, и вы увидите, что английские правительственные газеты заранее предсказывали все те нежелательные события, о которых Рассел узнал будто только в конце января, и объясняли их «опрометчивостью» некоторых испанских представителей, находящихся на далеком расстоянии от Европы.

Вторая часть разыгрываемого Расселом фарса заключалась в том, что он вывел на сцену в качестве претендента на мексиканский королевский престол австрийского эрцгерцога Максимилиана, любимчика Англии и Франции.

24 января, примерно за десять дней до открытия парламента, лорд Каули пишет лорду Расселу, что об эрцгерцоге говорят не только парижские кумушки, но что и офицеры, отправляющиеся в Мексику с подкреплениями, уверяют, будто целью их экспедиции является возведение эрцгерцога Максимилиана на мексиканский престол. Каули счел необходимым запросить Тувенеля по этому деликатному вопросу. Тувенель ответил ему, что соответствующие переговоры с австрийским правительством были начаты по инициативе не французского правительства, а мексиканских эмиссаров, «приехавших для этой цели и уже отбывших в Вену».

Вы ожидаете, что ничего не подозревавший Джон Рассел, который всего пять дней тому назад в своей депеше в Мадрид пространно говорил об условиях соглашения и даже позднее, в тронной речи от 6 февраля, провозгласил «удовлетворение» за несправедливости, причиненные европейским подданным, единственной причиной и целью интервенции, — вы ожидаете, что он, наконец, выйдет из себя и будет волноваться и бушевать по поводу тех неслыханных проделок, которыми отплатили ему за его добродушную доверчивость. Ничего подобного! Добряк Рассел знакомится со сплетнями, сообщенными ему Каули 26 января, а на следующий день поспешно садится и пишет де-

пешу, в которой предлагает свое содействие кандидатуре эрцгерцога Максимилиана на мексиканский престол.

Он уведомляет сэра Ч. Уайка, своего представителя в Мексике, что французские и испанские отряды «немедленно» двинутся на столицу Мексики; что, «по слухам», эрцгерцог Максимилиан является кумиром мексиканского народа и что, если это действительно так, «то в содержании соглашения не имеется ничего, препятствующего его восшествию на мексиканский престол».

В этих дипломатических откровениях замечательны два обстоятельства: во-первых, то, что Испанию одурачили, и, во-вторых, что Расселу даже и в голову не приходит, что он не может вести войну с Мексикой без предварительного объявления войны и что он может войти в коалицию с иностранными державами для ведения этой войны только на основе определенного договора, обязательного для всех заинтересованных сторон. Таковы эти люди, которые в течение двух месяцев надоедали нам своей лицемерной болтовней о святости строгих норм международного права и о своем уважении к ним!

Написано К. Марксом 15 февраля 1862 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6530, 10 марта 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

АМЕРИКАНСКИЕ ДЕЛА

Президент Линкольн никогда не отваживается сделать шаг вперед, прежде чем создавшееся положение и всеобщее требование общественного мнения не сделают невозможным дальнейшее промедление. Но стоит «old Abe»[*] однажды убедиться, что такой поворотный момент наступил, как он поражает и друзей и врагов какой-нибудь неожиданной, по возможности бесшумно проведенной операцией. Так, совсем недавно он самым незаметным образом предпринял неожиданный шаг, который полгода назад, возможно, стоил бы ему президентского кресла, а еще несколькими месяцами раньше вызвал бы бурю дебатов. Мы имеем в виду *устранение Мак-Клеллана* с поста commander in chief[**] всеми армиями Союза. Прежде всего, Линкольн заменяет военного министра Камерона энергичным и бесцеремонным юристом г-ном *Эдвином Стантоном.* Стантон тотчас же разослал генералам Бьюллу, Галлеку, Батлеру, Шерману и другим командующим военных округов и начальникам экспедиционных отрядов распоряжение о том, что впредь все приказы, как предназначенные для общего сведения, так и секретные, они будут получать непосредственно от военного министерства, и, с своей стороны, должны представлять свои доклады непосредственно военному министерству. Наконец, Линкольн отдал несколько приказов, подписав их присвоенным ему по конституции званием «commander in chief of the Army and Navy»[***]. Таким «бесшумным» способом у «молодого Наполеона»[289] было

[*] — «старине Эйбу» (Аврааму Линкольну). *Ред.*
[**] — главнокомандующего. *Ред.*
[***] — «главнокомандующего армией и флотом». *Ред.*

отнято верховное командование *всеми* армиями и оставлено лишь командование армией на Потомаке, хотя за ним и был сохранен *титул* «commander in chief». Переход верховного командования к президенту Линкольну удачно ознаменовался успехами в Кентукки, Теннесси и на Атлантическом побережье.

Пост commander in chief, который до сих пор занимал *Мак-Клеллан,* унаследован Соединенными Штатами от Англии и приблизительно соответствует званию grand connetable* в старой французской армии. Во время Крымской войны даже Англия убедилась в нецелесообразности этого устаревшего института. Поэтому был достигнут компромисс, в результате которого часть прежних прерогатив commander in chief была передана военному министерству.

Мы еще не располагаем необходимым материалом для суждения о фабианской тактике[290] Мак-Клеллана на Потомаке. Однако не подлежит никакому сомнению, что его влияние действовало подобно тормозу на ведение войны в целом. О Мак-Клеллане можно сказать то же самое, что Маколей говорит об Эссексе:

> «Военные ошибки Эссекса вытекали главным образом из его политической нерешительности. Он был честен, но отнюдь не был горячо предан делу парламента, и наряду с серьезным поражением он ничего так не боялся, как решительной победы»[291].

Мак-Клеллан, подобно большинству кадровых офицеров, получивших образование в Уэст-Пойнте[292], благодаря esprit de corps** более или менее тесно связан со своими старыми товарищами во вражеском лагере. Все они одинаково ревниво относятся к выскочкам из числа «штатских». Война, по их мнению, должна вестись чисто профессиональным образом, иметь своей неизменной целью восстановление Союза на его *старой* основе, и поэтому она, прежде всего, должна быть свободной от принципиальных и революционных тенденций. Прекрасный взгляд на войну, которая по сути дела является войной принципов! Первые генералы английского парламента совершали такую же ошибку.

> «Но», — говорит *Кромвель* в своем обращении к «охвостью» Долгого парламента 4 июля 1653 г., — «как все изменилось, лишь только во главе встали люди, исповедующие a principle of godliness and religion!»***[293]

Вашингтонская газета «Star»[294], специальный орган Мак-Клеллана, в одном из своих последних номеров заявляет:

* — великого коннетабля. *Ред.*
** — кастовому духу. *Ред.*
*** — принципы благочестия и религии. *Ред.*

«Целью всех военных комбинаций генерала Мак-Клеллана является восстановление Союза в *совершенно* таком же виде, в каком он существовал до начала мятежа».

Неудивительно поэтому, если на Потомаке, на глазах у главнокомандующего, армия использовалась для ловли рабов! Совсем недавно Мак-Клеллан особым приказом прогнал из лагеря семейство музыкантов Катчинсонов за то, что они распевали... песни против рабства.

Помимо этих «антитенденциозных» демонстраций, Мак-Клеллан брал под свою высокую защиту предателей в армии Союза. Так, например, он продвинул на более высокий пост Мейнарда, хотя Мейнард, как это видно из документов, опубликованных следственной комиссией палаты представителей, действовал в качестве агента сецессионистов. Мак-Клеллану удалось спасти от военного суда и большей частью предотвратить даже снятие с должности всех военных изменников, начиная от генерала Паттерсона, предательство которого явилось причиной поражения под Манассасом, и кончая генералом Стоном, который *осуществил* поражение при Болс-Блаффе по прямому сговору с неприятелем. Следственная комиссия конгресса раскрыла самые поразительные факты в этом отношении. Линкольн решил доказать путем энергичных действий, что с переходом к нему верховного командования пробил час изменников в генеральских эполетах и наступил *поворот* в военной политике. По его приказу генерал Стон был 10 февраля в два часа ночи арестован прямо в постели и доставлен в форт Лафайетт. Несколькими часами позже появился приказ об его аресте за подписью *Стантона;* в нем сообщалось, что арестованный обвиняется в государственной измене и предается военному суду. Арест Стопа и предание его суду состоялись без предварительного уведомления генерала Мак-Клеллана.

Мак-Клеллан явно вознамерился, оставаясь в бездействии и пожиная лавры лишь в кредит, не уступать первенства никакому другому генералу. Генералы Галлек и Поп приняли решение о проведении совместной операции, чтобы принудить к решающему бою генерала Прайса, которому однажды уже удалось спастись от Фримонта благодаря вмешательству Вашингтона, Телеграмма Мак-Клеллана запретила им нанести этот удар. Аналогичной телеграммой был «отменен» приказ генерала Галлека о взятии форта Колумбус в то время, когда этот форт был наполовину затоплен водой. Мак-Клеллан категорически запретил генералам на западе сноситься друг с другом, В случае подготовки комбинированных операций каждый из них должен был обращаться сначала в Вашингтон. Теперь

президент Линкольн вернул им необходимую свободу действий.

Насколько вся военная политика Мак-Клеллана была выгодна сецессионистам, лучше всего доказывают те панегирики, которые беспрестанно расточает ему «New-York Herald». Он — тот герой, который по душе «Herald». Пресловутый *Беннетт,* владелец и главный редактор «Herald», прежде распоряжался в Вашингтоне правительствами Пирса и Бьюкенена через своих «специальных представителей», alias* корреспондентов. При правительстве Линкольна он пытался опять добиться такого же положения окольным путем; с этой целью его «специальный представитель» д-р *Айвс,* южанин и брат одного офицера, перебежавшего к конфедератам, втерся в доверие к Мак-Клеллану. Должно быть, благодаря покровительству Мак-Клеллана, этот Айвс пользовался большими привилегиями в то время, когда во главе военного министерства стоял Камерон. Он ожидал, очевидно, от Стантона тех же поблажек и потому явился 8 февраля в военное ведомство, где военный министр, его главный секретарь и несколько членов конгресса как раз обсуждали военные мероприятия. Ему указали на дверь. Он заартачился, но, в конце концов, отступил, пригрозив, что «Herald» откроет огонь против нынешнего военного министерства, если он будет лишен своей «особой привилегии» специально знакомиться в военном ведомстве с результатами правительственных совещаний, телеграммами, официальными сообщениями и военными известиями. На следующее утро, 9 февраля, д-р Айве собрал у себя весь генеральный штаб Мак-Клеллана на завтрак с шампанским. «Но тут нагрянула беда»**. Вошел унтер-офицер с шестью солдатами, арестовал могущественного Айвса и доставил его в форт Мак-Генри, где он, согласно категорическому приказу военного министра, «будет содержаться под строгим надзором *как шпион».*

Написано К. Марксом около 26 февраля 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 61, 3 марта 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — иначе говоря. *Ред.*

** Шиллер. «Песнь о колоколе». *Ред.*

К. МАРКС

ДРУЗЬЯ СЕЦЕССИОНИСТОВ В ПАЛАТЕ ОБЩИН. — ПРИЗНАНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ БЛОКАДЫ

Лондон, 8 марта

Parturiunt montes![*] Английские друзья сецессионистов с момента открытия парламента грозили «запросом» по поводу американской блокады. Запрос, наконец, сделан в палате общин в очень скромной форме предложения, в котором правительство приглашается «представить дополнительные документы о состоянии блокады», — но даже это скромное предложение было отвергнуто без соблюдения формальности поименного голосования.

Г-н *Грегори,* депутат от Голуэя, сделавший этот запрос, уже в прошлогоднюю сессию парламента, вскоре после начала гражданской войны, внес предложение о признании южной Конфедерации. Его нынешней речи нельзя отказать в известной софистической ловкости. Единственным недостатком этой речи является то, что она распадается на две части, из которых одна отрицает другую. В одной части изображается пагубное действие блокады на английскую хлопчатобумажную промышленность и *поэтому* выдвигается требование о прекращении блокады. В другой части, на основании представленных кабинетом министров документов, в том числе двух заявлений гг. Янси и Манна и г-на Мэзона, доказывается, что блокады вообще не *существует,* разве только на бумаге, и *поэтому* ее не следует более признавать. Г-н Грегори сдабривал свою аргументацию беспрерывным цитированием «Times». Газета «Times», для которой напоминание о ее оракульских изречениях в данный момент оказалось чрезвычайно некстати, в благодарность публи-

[*] — Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus! (Рожают горы, родится жалкая мышь!) (Гораций, «Наука поэзии».) *Ред.*

кует *передовую статью,* где выставляет г-на Грегори на публичное осмеяние.

Запрос г-на Грегори был поддержан г-ном *Бентинком,* крайним тори, который уже в течение двух лет тщетно старается вызвать в консервативном лагере сецессию от г-на Дизраэли.

Защита мнимых интересов английской промышленности г-ном Грегори, представляющим Голуэй, незначительный портовый город на западе Ирландии, и г-ном Бентинком, представителем от Норфолка, чисто земледельческого округа, была сама по себе весьма забавным зрелищем.

Против них обоих выступил г-н *Форстер,* представитель Брадфорда, одного из центров английской промышленности. Речь Форстера заслуживает более пристального внимания, так как она убедительно доказывает никчемность разговоров о характере американской блокады, которые ведутся в Европе друзьями сецессионистов. Прежде всего, сказал он, Соединенные Штаты выполнили все требуемые международным правом формальности. Ни одну гавань они не объявили в состоянии блокады без предварительного заявления, без специального уведомления о времени установления блокады, без предоставления срока в 15 дней, по истечении которого запрещается вход и выход всем иностранным нейтральным судам.

Разговоры о «недействительности» блокады с юридической точки зрения основываются, таким образом, лишь на якобы частых случаях ее нарушения. До открытия парламента считалось, что блокаду нарушили 600 судов. Теперь г-н Грегори сокращает это число до 400. Его доказательства основываются на двух списках, из которых один был вручен правительству 30 ноября эмиссарами Юга *Янси* и *Манном,* а другой, дополнительный список, — *Мэзоном.* Согласно данным Янси и Манна, с момента объявления блокады по 20 августа ее нарушили более 400 судов, как при заходе в гавани, так и при выходе из них. Однако общее число судов, заходивших в гавани и выходивших из них, составляет, согласно официальным отчетам таможен, всего лишь 322. Из этого числа 119 вышли в море *до* объявления блокады, 56 — *до* истечения положенного срока в 15 дней. Остается 147 судов. Из этих 147 судов 25 были речными судами, приплывшими из внутренних районов страны в Новый Орлеан, где они стали на прикол; 106 судов были каботажными, и все, за исключением трех судов, по выражению самого г-на Мэзона, являются судами «quasi inland»*. Из этих 106 судов 66 плавали между Мобилом и Новым Орлеаном. Каждый, знакомый

* — «пригодными почти исключительно для внутреннего плавания». *Ред.*

с этими берегами, понимает, что нелепо называть прорывом блокады плавание какого-нибудь судна по лагунам, когда оно почти не выходит в открытое море, а лишь передвигается вдоль берега. Это же можно сказать и о судах, плавающих между Саванной и Чарлстоном, где они пробираются между островами и узкими береговыми косами. По свидетельству английского консула Банча, эти плоскодонные суда появлялись в открытом море всего лишь на несколько дней. За вычетом 106 каботажных судов, остаются 16 судов, отплывших в иностранные порты, из них 15 — в американские, главным образом на Кубу, и 1 — в Ливерпуль. «Корабль», прибывший в Ливерпуль, был шхуной, точно так же, как и все остальные «суда», за исключением одного сторожевого судна.

Много говорилось, — воскликнул г-н Форстер, — о мнимой блокаде. Но не является ли мнимым этот список, представленный гг. Янси и Манном? Такому же анализу он подверг дополнительный список г-на Мэзона и вдобавок показал, что число проскользнувших крейсеров составляет всего лишь 3 или 4, тогда как в последнюю англо-американскую войну[295] не менее 516 американских крейсеров прорвали английскую блокаду и беспокоили английские берега. «Наоборот, эта блокада была исключительно эффективной, начиная с момента ее объявления».

Дальнейшие доказательства дают отчеты английских консулов, и особенно южные прейскуранты. 11 января премия за провоз хлопка в Англию достигала в Новом Орлеане 100%, прибыль от ввоза соли — 1500%, а прибыль от военной контрабанды была несравненно более высокой. Несмотря на столь соблазнительные перспективы прибыли, было одинаково невозможно провозить как хлопок в Англию, так и соль в Новый Орлеан или Чарлстон. В действительности г-н Грегори жалуется не на то, что блокада была неэффективна, а на то, что она была слишком эффективна. Он призывает нас покончить с блокадой и тем самым положить конец промышленному и торговому застою. Достаточно спросить: «Кто предлагает палате нарушить блокаду? Представители бедствующих округов? Раздается ли этот призыв из Манчестера, где принуждены закрывать фабрики, или из Ливерпуля, где суда стоят на приколе в доках из-за отсутствия грузов? Напротив. Он раздается из Голуэя и поддерживается Норфолком».

Среди друзей сецессионистов привлек к себе внимание еще г-н *Линдси,* крупный судостроитель из Северного Шилдса. Линдси предлагал Союзу использовать свои верфи и с этой целью совершил поездку в Вашингтон, где его постигла неудача

в связи с тем, что его деловые предложения были отклонены. С этих пор он обратил свои симпатии на страну сецессии.

Дебаты были завершены пространной речью сэра *Р. Палмера* генерал-солиситора, выступившего от имени правительства. Он с юридической основательностью доказал действительность и эффективность блокады с точки зрения международного права. При этом он в самом деле вдребезги разбил, как его упрекал лорд Сесил, «новые принципы», провозглашенные Парижской декларацией 1856 года. Между прочим, он выразил свое удивление тем, что г-н Грегори и К° позволяют себе ссылаться в английском парламенте на авторитет г-на *Отфёя.* Действительно, это новоявленный «авторитет», открытый в бонапартистском лагере. Статьи Отфёя в «Revue contemporaine»[296] о морском праве нейтральных стран доказывают либо полное невежество, либо mauvaise foi[*] по приказанию свыше.

Вместе с полным поражением парламентских друзей сецессионистов в вопросе о блокаде отпадают все расчеты на разрыв отношений между Англией и Соединенными Штатами.

Написано К. Марксом 8 марта 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 70, 12 марта 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — злой умысел. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В АМЕРИКЕ

С какой бы точки зрения ни рассматривать Гражданскую войну в Америке, она представляет зрелище, не имеющее себе равного в летописях военной истории. Огромные размеры территории, из-за которой идет борьба; большая протяженность фронта операционных линий; громадные массы неприятельских армий, при создании которых вряд ли можно было опереться на какую-нибудь ранее существовавшую организационную базу; баснословные расходы на содержание этих армий; способ руководства ими и общие тактические и стратегические принципы ведения войны — все это совершенно ново для европейского наблюдателя.

Сецессионистский заговор, организованный задолго до начала войны и пользовавшийся покровительством и поддержкой правительства Бьюкенена, дал Югу возможность выступить первым — преимущество, с помощью которого он только и мог надеяться на достижение своей цели. Испытывая угрозу со стороны населяющих его территорию рабов и значительной части самих белых, выступающих за сохранение Союза, имея на две трети меньше свободных жителей, чем Север, но зато более готовый к нападению благодаря множеству авантюристических бездельников, укрывшихся на его территории, Юг мог добиться успеха только в случае быстрого, смелого, почти дерзновенного наступления. Если бы южанам удалось занять Сент-Луис, Цинциннати, Вашингтон, Балтимор и, быть может, Филадельфию, то они могли бы рассчитывать на панику, во время которой дипломатия и подкуп сумели бы обеспечить признание независимости всех рабовладельческих штатов, В слу-

чае же неудачи этой первой атаки, по крайней мере в решающих пунктах, их положение с каждым днем неизбежно должно было ухудшаться при одновременном усилении Севера. Это обстоятельство было правильно расценено лицами, в подлинно бонапартистском духе организовавшими сецессионистский заговор. Они открыли кампанию соответствующим образом. Их банды авантюристов набросились на Миссури и Теннесси, в то время как их считавшиеся более регулярными войска напали на Восточную Виргинию, подготовляя coup de main[*] против Вашингтона. Неудача этого предприятия означала с *военной точки зрения* проигрыш всей кампании южан.

Север вступил на арену военных действий неохотно, вяло, как этого и следовало ожидать при его более высоком промышленном и торговом развитии. Социальный механизм здесь несравненно сложнее, чем на Юге, и потребовалось гораздо больше времени, чтобы направить его движение по этому необычному пути. Вербовка добровольцев сроком на три месяца была большой, но, быть может, неизбежной ошибкой. Политика Севера заключалась в том, чтобы на первых порах ограничиваться обороной во всех решающих пунктах, организовывать свои силы, тренировать их посредством операций небольшого масштаба, не подвергая риску решительных сражений, и, наконец, как только организация достаточно укрепится, а армия одновременно более или менее очистится от предательских элементов, перейти в энергичное непрерывное наступление и, прежде всего, отвоевать Кентукки, Теннесси, Виргинию и Северную Каролину. Превращение граждан в солдат должно было занять на Севере больше времени, чем на Юге. Но, добившись однажды этого превращения, можно было рассчитывать на индивидуальное превосходство северян.

В общем и целом, за вычетом ошибок, объяснявшихся скорее политическими, чем военными причинами, Север действовал в соответствии с вышеуказанными принципами. Малая война в Миссури и Западной Виргинии, наряду с защитой населения, сохранившего верность Союзу, приучала в то же время войска к полевой службе и к огню, не подвергая их опасности серьезных поражений. Позор Булл-Рана[297] был до известной степени результатом прежней ошибки — вербовки добровольцев на три месяца. Было нелепо бросить необученных рекрутов в лобовую атаку против сильной позиции, в неудобной местности, при наличии лишь незначительно уступающего им по численности неприятеля. Паника, которая в решающий момент овладела

[*] — внезапный удар. *Ред.*

войсками Союза и причины которой до сих пор еще не выяснены, не могла удивить людей, хоть сколько-нибудь знакомых с историей народных войн. Подобные вещи случались очень часто с французскими войсками в 1792—1795 гг., что, однако, не помешало тем же войскам одержать победы при Жемапе и Флёрюсе, Монтенотте, Кастильоне и Риволи[298]. Плоские шутки европейской печати по поводу паники у Булл-Рана можно извинить только одним обстоятельством — предшествующим бахвальством части североамериканской прессы.

Шестимесячная передышка, последовавшая за поражением при Манассасе, была лучше использована Севером, чем Югом. Это выразилось не только в том, что войска северян получили более значительные пополнения, чем южные войска. Их офицерам были даны более правильные инструкции; дисциплина и обучение войск не наталкивались у них на такие препятствия, как на Юге. Предатели и негодные элементы, пробравшиеся в армию, были малопомалу удалены, и период булл-ранской паники отошел в прошлое. К армиям обеих сторон нельзя, конечно, подходить с меркой больших европейских армий или хотя бы даже прежней регулярной армии Соединенных Штатов. Наполеон действительно мог уже в течение первого месяца подготовить в учебно-запасных частях батальон необученных новобранцев, на второй месяц отправить их в поход, а на третий — пустить в бой, но в этом случае каждый батальон получал достаточное количество опытных офицеров и унтер-офицеров, каждая рота — несколько старых солдат, а в день боя молодые войска включались в одни бригады вместе с ветеранами и, так сказать, обрамлялись ими. Все эти условия в Америке отсутствуют. Без значительного числа опытных в военном деле людей, иммигрировавших в Америку вследствие европейских революционных волнений 1848—1849 гг., организация унионистской армии потребовала бы гораздо большего времени. Весьма небольшое число убитых и раненых, в сравнении с общей численностью участвовавших в бою людей (обычно один к двадцати), доказывает, что в большинство боевых столкновений, даже в последних боях в Кентукки и Теннесси, применялось главным образом огнестрельное оружие, причем на значительном расстоянии, а случайные штыковые атаки либо вскоре пресекались огнем противника, либо противник обращался в бегство, прежде чем дело доходило до рукопашной схватки. Между тем, благодаря успешному продвижению Бьюлла и Галлека через Кентукки в Теннесси, новая кампания началась при более благоприятных предзнаменованиях.

Отвоевав Миссури и Западную Виргинию, Союз открыл кампанию наступлением на Кентукки. Здесь сецессионисты удерживали три сильных позиции, три укрепленных лагеря: Колумбус на Миссисипи — на левом фланге, Боулинг-Грин — в центре и Милл-Спрингс на реке Камберленд — справа. Их фронт простирался на 300 миль с запада на восток. Такая растянутость фронта лишала эти три группы войск возможности взаимной поддержки и позволяла унионистам нападать на каждую из них в отдельности превосходящими силами. Серьезная ошибка в расположении войск сецессионистов проистекала из их попытки удерживать в своих руках все позиции. Один-единственный сильно укрепленный лагерь в центре, предназначенный для того, чтобы стать местом решающего сражения, и занимаемый основной массой войск, был бы несравненно выгоднее для обороны Кентукки. Он либо привлек бы к себе главные силы унионистов, либо поставил бы их в опасное положение, если бы они попытались продвигаться вперед, не считаясь с такой сильной концентрацией неприятельских войск.

При данных обстоятельствах унионисты решили атаковать эти три лагеря поочередно, выманить из них противника и заставить его принять бой в открытой местности. Этот план, отвечавший всем правилам военного искусства, был осуществлен быстро и энергично. Примерно в середине января войска унионистов, численностью приблизительно в 15000 человек, двинулись на Милл-Спрингс, где находилось 10000 сецессионистов. Унионисты маневрировали таким образом, чтобы создать у противника впечатление, будто перед ним лишь слабый разведывательный отряд. Генерал Цолликоффер тотчас же попался в ловушку, выступил из своего укрепленного лагеря и атаковал унионистов. Вскоре он убедился, что имеет дело с превосходящими силами неприятеля. Он пал в бою, а его войска потерпели такое же сокрушительное поражение, как унионисты при Булл-Ране. Но на. этот раз победа была использована совершенно иначе. Победители преследовали по пятам разбитую армию до тех пор, пока она не добралась до своего лагеря в Милл-Спрингсе, разгромленная, деморализованная, без полевой артиллерии и обоза. Этот лагерь был расположен на северном берегу реки Камберленд, так что в случае нового поражения войска не имели бы другого пути к отступлению, кроме переправы через реку на немногих пароходах и парусных судах. Вообще мы видим, что почти все свои лагери сецессионисты располагали на *неприятельском* берегу реки. Такое расположение, когда в тылу есть мост, не только отвечает правилам, но и весьма выгодно. Лагерь служит в таком случае предмостным укреплением и дает

возможность командованию перебрасывать по своему усмотрению находящиеся в нем войска на любой берег реки, чем обеспечивается полное господство над ней. Но зато нахождение лагеря на неприятельской стороне реки без моста в тылу отрезает в случае неудачного боя путь к отступлению и вынуждает войска к капитуляции или же обрекает их на истребление и гибель в воде, как это случилось с унионистами при Болс-Блаффе на неприятельском берегу Потомака, куда их завело предательство генерала Стона[299].

Добравшись до своего лагеря в Милл-Спрингсе, разбитые сецессионисты сразу же поняли, что либо надо отразить атаку противника на их укрепления, либо в скором времени им придется капитулировать. После урока, полученного утром, они уже не верили в силу своего сопротивления. И когда унионисты на следующий день двинулись в наступление, они обнаружили, что неприятель использовал ночь, чтобы переправиться через реку, оставив на другой стороне лагерь, обоз, артиллерию и все припасы. Таким образом, крайний правый фланг оборонительной линии сецессионистов был оттеснен к Теннесси, и Восточный Кентукки, где масса населения настроена враждебно к партии рабовладельцев, снова перешел к унионистам.

В это же время — около середины января — начались приготовления к вытеснению сецессионистов из Колумбуса и Боулинг-Грина. Была снаряжена сильная флотилия из судов, вооруженных мортирами, и бронированных канонерок, причем всюду объявлялось, что она должна сопровождать многочисленную армию, идущую вдоль Миссисипи из Кейро на Мемфис и Новый Орлеан. Однако все демонстрации на Миссисипи были только отвлекающим маневром. В решающий момент канонерки были переправлены на реку Огайо, а оттуда на реку Теннесси, по которой они поднялись до форта Генри. Этот пункт, вместе с фортом Донелсон на реке Камберленд, составлял вторую оборонительную линию сецессионистов в Теннесси. Позиция была выбрана удачно, так как в случае отступления за Камберленд эта река прикрывала бы их фронт, а река Теннесси — их левый фланг; узкая же полоса земли между обеими реками была достаточно защищена двумя вышеуказанными фортами. Однако быстрыми действиями унионистов вторая линия была прорвана раньше, чем были атакованы левый фланг и центр первой линии.

В первую неделю февраля канонерки унионистов появились перед фортом Генри, который сдался после короткой бомбардировки. Гарнизон ускользнул в форт Донелсон, так как сухопутных сил экспедиционного отряда было недостаточно для

окружения форта Генри. После этого канонерки вернулись обратно, по реке Теннесси, поднялись по реке Огайо, а оттуда направились вверх по реке Камберленд к форту Донелсон. Одна из канонерок смело поплыла вверх по реке Теннесси, через самый центр штата Теннесси, миновала штат Миссисипи и дошла до Флоренса на севере Алабамы, где ряд болот и мелей (известных под названием Mussel Shoals*) делает реку несудоходной. Тот факт, что находившаяся в отдельном плавании канонерская лодка проделала этот длинный путь, не менее чем в 150 миль, и затем вернулась обратно, ни разу не подвергнувшись нападению, доказывает, что в районе реки преобладают настроения в пользу Союза и что унионистские войска выиграют очень много, если они проникнут сюда.

Речная флотилия на Камберленде сочетала свои операции с действиями сухопутных сил, которыми командовали генералы Галлек и Грант. Сецессионисты в Боулинг-Грине были введены в заблуждение относительно передвижений унионистов. "Они продолжали спокойно оставаться в своем лагере, между тем как неделю спустя после падения форта Генри форт Донелсон был обложен со стороны суши 40-тысячной армией унионистов, а с реки ему угрожала сильная флотилия канонерских лодок. Подобно лагерю в Милл-Спрингсе и форту Генри, форт Донелсон также был обращен тылом к реке, не имея моста на случай отступления. Это была самая сильная из всех крепостей, атакованных унионистами до сих пор. Укрепления форта были возведены с особой тщательностью, а сама крепость была достаточно велика, чтобы укрыть ее 20-тысячный гарнизон. В первый день наступления канонерки заставили умолкнуть батареи, направленные на реку, и подвергли обстрелу внутренние укрепления, в то время как сухопутные войска оттеснили неприятельские форпосты и принудили основную массу войск противника отойти непосредственно под защиту орудий форта. На второй день канонерки, сильно пострадавшие накануне, действовали, по-видимому, слабо. Зато сухопутным войскам пришлось выдержать продолжительный и местами весьма жаркий бой с отрядами гарнизона, пытавшимися прорвать правый фланг неприятеля, чтобы обеспечить себе путь для отступления на Нашвилл. Однако энергичная атака против левого фланга сецессионистов, последовавшая со стороны правого фланга унионистов, и значительные подкрепления, полученные левым флангом унионистов, решили исход сражения в пользу атакующих. Некоторые внешние укрепления были

* — Масл-Шолс (Ракушечные мели). *Ред.*

взяты штурмом. Гарнизон, загнанный за внутренние оборонительные линии, без шансов на отступление и явно неспособный оказать на следующее утро сопротивление новой атаке, сдался на другой же день без всяких условий.

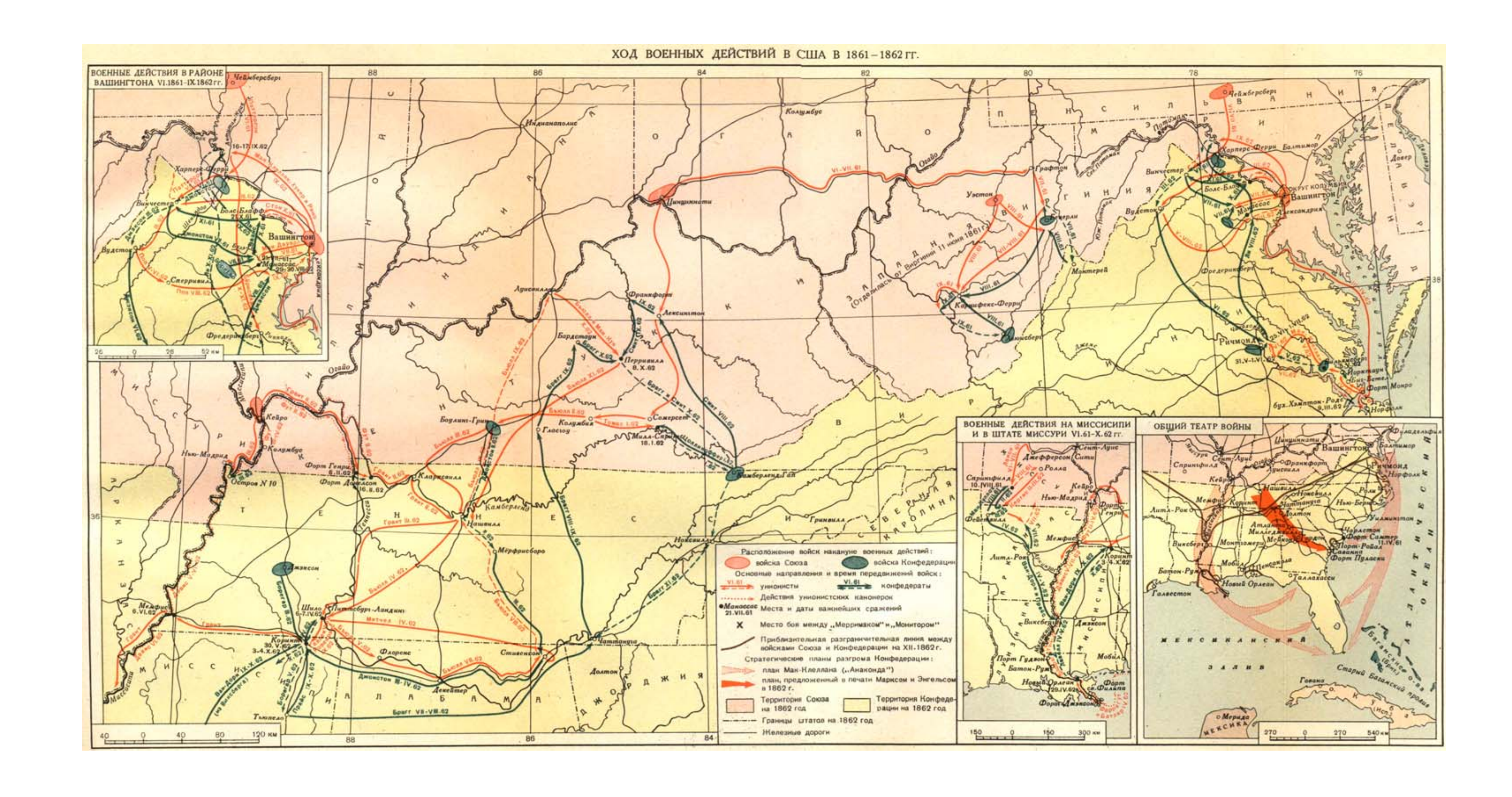
С падением форта *Донелсон* артиллерия, обоз, военные припасы противника попали в руки унионистов; 13000 сецессионистов сдались в день взятия форта, еще 1000 человек — на следующий день, и как только передовые части победителя появились у Кларксвилла, города, лежащего выше по течению Камберленда, он открыл им свои ворота. Здесь тоже оказалось большое количество провианта, заготовленного для сецессионистов.

Во взятии форта Донелсон загадочным является лишь одно обстоятельство: бегство генерала Флойда с 5000 человек на второй день после начала обстрела. Число беглецов было слишком велико, чтобы тайком ускользнуть ночью на паровых судах. При известных мерах предосторожности со стороны нападавших они не могли бы уйти.

Спустя семь дней после капитуляции форта Донелсон федералисты заняли Нашвилл. Расстояние между двумя этими пунктами составляет около 100 английских миль, и переход по 15 миль в день по отвратительным дорогам в самое неблагоприятное время года делает честь унионистским войскам. Получив известие о падении форта Донелсон, сецессионисты очистили Боулинг-Грин; неделю спустя они оставили Колумбус, отступив на один из островов Миссисипи, расположенный на 45 миль южнее. Таким образом, Кентукки был целиком отвоеван Союзом. Теннесси же сецессионисты смогут удержать лишь в том случае, если они дадут и выиграют большое сражение. С этой целью они как будто действительно уже сосредоточили 65000 человек. Ничто, однако, не мешает унионистам противопоставить им еще более значительную силу.

Руководство кампанией в Кентукки во время продвижения от Сомерсета до Нашвилла заслуживает величайшей похвалы. Возвращение столь обширной области, продвижение от Огайо до Камберленда в течение одного лишь месяца свидетельствуют об энергии, решительности и быстроте, которые редко достигались регулярными армиями в Европе. Сравните, например, медленное продвижение союзников от Мадженты до Сольферино в 1859 г.[300] — без преследования отступающего противника, без всяких попыток отрезать отстающих или обойти и окружить целые войсковые части неприятельской армии.

Галлек и особенно Грант представляют прекрасные образцы решительного военного командования. Не обращая ни малейшего внимания ни на Колумбус, ни на Боулинг-Грин, они кон-

ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В США В 1861–1862 ГГ.
ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РАЙОНЕ ВАШИНГТОНА VI.1861–IX.1862 гг.
ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА МИССИСИПИ И В ШТАТЕ МИССУРИ VI.61–X.62 гг.
ОБЩИЙ ТЕАТР ВОЙНЫ
Расположение войск накануне военных действий:
войска Союза
войска Конфедерации
Основные направления и время передвижений войск:
VI.61 унионисты
VI.61 конфедераты
Действия унионистских канонерок
Манассас 21.VII.61 Места и даты важнейших сражений
Место боя между „Мерримаком" и „Монитором"
Приблизительная разграничительная линия между войсками Союза и Конфедерации на XII.1862 г.
Стратегические планы разгрома Конфедерации:
план Мак-Клеллана („Анаконда")
план, предложенный в печати Марксом и Энгельсом в 1862 г.
Территория Союза на 1862 год
Территория Конфедерации на 1862 год
Границы штатов на 1862 год
Железные дороги
Вашингтон
Ричмонд
Цинциннати
Колумбус
Индианаполис
Франкфорт
Лексингтон
Перривилл 8.X.62
Боулинг-Грин
Нашвилл
Чаттануга
Шило 6-7.IV.62
Коринт
Мемфис 6.VI.62
Кейро
Остров N 10
Форт Генри 6.II.62
Форт Донелсон 16.II.62
Манассас
Харперс-Ферри
Балтимор
Фредериксберг
Норфолк
Новый Орлеан
Мексиканский залив
Атлантический океан

центрируют свои силы против главных пунктов — форта Генри и форта Донелсон, — быстро и энергично атакуют их и именно этим ставят в безвыходное положение Колумбус и Боулинг-Грин. Затем они сразу же идут на Кларксвилл и Нашвилл, не дав времени отступающим войскам сецессионистов закрепиться в Северном Теннесси. Во время этого стремительного преследования часть войск сепессионистов в Колумбусе оставалась совершенно отрезанной от центра и правого фланга своей армии. Английские газеты напрасно критиковали эту операцию. Если бы даже атака на форт Донелсон оказалась неудачной, сецессионисты у Боулинг-Грина, скованные войсками генерала Бьюлла, все равно не могли бы послать такое количество людей, которое дало бы возможность гарнизону преследовать разгромленных унионистов на открытой местности или поставить под угрозу их отступление. Что же касается Колумбуса, то он удален настолько, что никак не мог бы помешать передвижениям Гранта. В самом деле, после того как унионисты очистили от сецессионистов Миссури, Колумбус потерял для последних всякое значение. Войска, составлявшие его гарнизон, должны были в самом спешном порядке отступить к Мемфису или Арканзасу, чтобы избежать опасности бесславной сдачи.

В результате очищения штата Миссури и отвоевания штата Кентукки театр военных действий сузился настолько, что различные армии получили возможность по всей операционной линии действовать до известной степени совместно и добиваться определенных результатов. Другими словами, война только теперь начинает принимать *стратегический* характер, и географическая конфигурация страны приобретает новый интерес. Задача генералов армии Севера заключается теперь в том, чтобы отыскать ахиллесову пяту хлопковых штатов.

До взятия Нашвилла между Кентуккийской армией и армией на Потомаке не могло быть никакой стратегической общности. Они были слишком отдалены друг от друга. Они находились на одной и той же линии фронта, но их операционные линии были совершенно различны. Лишь после победоносного наступления в Теннесси операции Кентуккийской армии приобрели значение для всего театра военных действий.

Инспирируемые Мак-Клелланом американские газеты поднимают большой шум вокруг плана «Анаконда». Согласно этому плану, огромная линия армий должна окружить мятежников, все более и более сжимать свои звенья и, в конце концов, задушить противника. Это — чистое ребячество. Это — возрождение изобретенной в Австрии около 1770 г. так называемой *«кордонной системы»*[301], которая с таким большим упрямством

и всегда так неудачно применялась в 1792—1797 гг. против французов. При Жемапе, Флёрюсе и особенно при Монтенотте, Миллезимо, Дего[302], Кастильоне и Риволи с этой системой было покончено. Французы перерезали «удава» надвое, нанося удар в том пункте, где они сосредоточивали превосходящие силы. Затем отдельные части «удава» изрубались поочередно.

В густонаселенных и более или менее централизованных государствах всегда имеется центр, занятие которого неприятелем означало бы прекращение национального сопротивления. Блестящий пример — Париж. Но в рабовладельческих штатах нет такого центра. Они заселены редко, в них мало крупных городов, да и те расположены на побережье. Спрашивается: существует ли у них все-таки военный центр тяготения, с потерей которого был бы сломлен спинной хребет их сопротивления, или же они, подобно России в 1812 г., не могут быть завоеваны без занятия каждой деревни и каждого местечка, — одним словом, без занятия всей периферии?

Бросим взгляд на географические очертания отделившейся территории с ее длинной береговой полосой вдоль Атлантического океана и таким же вытянутым побережьем вдоль Мексиканского залива. Пока конфедераты держали в своих руках Кентукки и Теннесси, занимаемая ими территория составляла большую компактную массу. С потерей двух этих штатов в их территорию вгоняется огромный клин, отделяющий штаты у северного побережья Атлантического океана от штатов на берегу Мексиканского залива. Прямой путь из Виргинии и обеих Каролин в Техас, Луизиану, Миссисипи и отчасти даже в Алабаму ведет через Теннесси, который занят теперь унионистами. *Единственный* путь, который после полного завоевания Теннесси Союзом будет связывать обе группы рабовладельческих штатов, проходит через Джорджию. Это доказывает, что *Джорджия служит ключом к сецессионистской территории,*. С потерей Джорджии Конфедерация оказалась, бы разрезанной на две части, лишенные всякой взаимной связи. Обратное же взятие Джорджии сецессионистами было бы едва ли возможно, потому что унионистские боевые силы сосредоточились бы в одном центральном пункте, в то время как их противники, разделенные на два лагеря, не смогли бы собрать достаточно сил для общего наступления.

Требуется ли для подобной операции завоевание всей Джорджии, включая побережье Флориды? Отнюдь нет. В стране, где сообщение, особенно между отдаленными пунктами, в гораздо большей степени зависит от железных дорог, чем от шоссейных, достаточно захватить железные дороги. Самая южная железнодорожная линия между штатами, расположенными на

берегу Мексиканского залива, и Атлантическим побережьем проходит через Мейкон и Гордон у Милледжвилла.

Занятие обоих этих пунктов разрезало бы сецессионистскую территорию на две части и дало бы унионистам возможность разгромить их поочередно. Из вышеизложенного также следует, что никакая южная республика не жизнеспособна без обладания Теннесси. Без Теннесси столица Джорджии оказалась бы на расстоянии всего лишь восьми- или десятидневного перехода от границы; Север постоянно держал бы тогда кулак над головой Юга, и при малейшем нажиме Юг должен был бы отступить, либо снова начать борьбу за свое существование в таких условиях, когда одно-единственное поражение отнимало бы у него всякие шансы на успех.

Из всего изложенного- следует:

Потомак *не* является важнейшей позицией на театре военных действий. Взятие Ричмонда и дальнейшее продвижение Потомакской армии к югу, — затрудненное многочисленными реками, пересекающими ее путь, — могло бы произвести огромное моральное впечатление. С чисто военной точки зрения это не решило бы *ничего*.

Решение исхода кампании зависит от Кентуккийской армии, находящейся сейчас в Теннесси. С одной стороны, эта армия ближе всего к решающим пунктам, с другой — она занимает территорию, без которой сецессионистское государство нежизнеспособно. А потому эту армию следовало бы усилить за счет всех остальных, пожертвовав для этой цели всеми мелкими операциями. Ближайшими объектами для ее действий были бы Чаттануга и Долтон в районе верхнего Теннесси, эти важнейшие железнодорожные центры на всем Юге. После их занятия связь между восточными и западными сецессионистскими штатами ограничилась бы коммуникационными линиями Джорджии. Дальнейшая задача состояла бы в том, чтобы, захватив Атланту и Джорджию, отрезать другую железнодорожную линию и, наконец, захватив Мейкон и Гордон, уничтожить последнюю связь между обеими группами[303].

Если же вместо этого будет проводиться план «Анаконда», то, несмотря на все успехи в отдельных пунктах, даже на Потомаке, война может затянуться до бесконечности, открывая в то же время широкий простор финансовым затруднениям и дипломатическим интригам.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом в марте 1862 г.

Напечатано в сокращенном виде в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» № 80, 14 марта 1862 г. и полностью в газете «Die Presse» №№ 84 и 85; 26 и 27 марта 1862 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с текстом журнала

Перевод с немецкого

К. МАРКС

МЕЖДУНАРОДНАЯ АФЕРА МИРЕСА

Лондон, 28 апреля

Главной темой разговоров в здешних дипломатических кругах служат действия Франции в Мексике. Находят загадочным то обстоятельство, что Луи Бонапарт увеличил свою экспедиционную армию как раз в тот момент, когда он обещал уменьшить ее, а также то, что он собирается наступать, в то время как Англия идет на попятную. Здесь превосходно знают, что толчок к мексиканской экспедиции[304] исходил от сент-джемского, а не от тюильрийского кабинета. Так же хорошо знают, что Луи Бонапарт предпочитает осуществлять свои замыслы, в особенности же свои заокеанские авантюры, под эгидой Англии. Реставрированная империя, как известно, не усвоила еще умения своего оригинала расквартировывать французские войска в столицах современной Европы. В качестве pis aller[*] она ввела их в столицы древней Европы — в Константинополь, Афины и Рим, — а сверх того еще и в Пекин[305]. Так неужели же отказаться от театрально-эффектной прогулки в столицу ацтеков и от представившегося удобного случая заняться военно-археологическим коллекционерством a la[**] Монтобан[306]? Однако, если принять во внимание нынешнее состояние французских финансов и будущие серьезные конфликты с Соединенными Штатами и Англией, к которым может привести наступление Луи Бонапарта в Мексике, то сразу станет ясно, что объяснять его шаг вышеуказанным мотивом, как это охотно делают различные английские газеты, решительно невозможно. Мне думается, я могу сообщить вам разгадку вопроса.

[*] — крайнего средства, за неимением лучшего. *Ред.*
[**] — на манер. *Ред.*

Во время соглашения 17 июля 1861 г.[307], когда должны были быть урегулированы претензии английских кредиторов, а английский уполномоченный одновременно потребовал представления ему списка всех мексиканских долгов или грехов, мексиканский министр иностранных дел определил долг, следуемый Франции, в 200000 долларов, то есть в пустяковую сумму в 40000 фунтов стерлингов. Счет же, предъявленный *теперь* Францией, никоим образом не укладывается в эти скромные рамки.

При католическом правительстве Сулоаги и Мирамона было заключено соглашение о выпуске мексиканских государственных облигаций на сумму в 14000000 долларов через посредство швейцарского банкирского дома Ж. Б. Жеккер и К°. Вся сумма, реализованная при первом выпуске этих облигаций, составила только 5 процентов номинальной стоимости, или 700000 долларов. Все выпущенные облигации очень скоро попали в руки высокопоставленных французов, в том числе родственников императора, и людей, причастных к «haute politique»*. Банкирский дом Жеккер и К° продал этим господам указанные облигации гораздо дешевле их первоначальной номинальной цены.

Мирамон заключил это долговое обязательство в то время, когда столица находилась в его руках. Позднее, когда он превратился в простого предводителя партизанских отрядов, он распорядился через своего так называемого министра финансов, сеньора Песа-и-Песа, снова выпустить государственные облигации номинальной стоимостью в 38000000 долларов. Посредником при этом выпуске явился опять-таки банкирский дом Жеккер и К°, ограничивший, однако, на этот раз свои кредиты скромной суммой примерно в 500000 долларов, или от 1 до 2 процентов на доллар. И снова швейцарские банкиры постарались как можно скорее отделаться от своего мексиканского имущества, и опять облигации попали в руки «высокопоставленных» французов, в том числе нескольких завсегдатаев императорского двора, имена которых будут жить так же долго, как и афера Миреса в летописях европейских бирж[308].

Вот этот-то долг в 52000000 долларов, из которых до сих пор не получено даже 4200000 долларов, и отказывается признать правительство президента Хуареса, ссылаясь, с одной стороны, на то, что оно ничего о нем не знает, а с другой — на то, что гг. Мирамон, Сулоага и Песа-и-Песа не имели конституционных полномочий для взятия такого государственного долгового обязательства. Однако вышеупомянутые

* — «высокой политике». *Ред.*

«высокопоставленные» французы сумели провести в решающей инстанции противоположную точку зрения. В свою очередь лорд Пальмерстон был своевременно уведомлен некоторыми членами парламента, что вся эта затея может привести к крайне неприятным запросам в палате общин. Между прочим, следует опасаться вопроса, допустимо ли использование сухопутных и морских сил Великобритании для поддержки спекулятивных операций некоторых политиков rouge et noir* по ту сторону Ла-Манша. Пальмерстон жадно ухватился поэтому за конференцию в Орисабе[309], чтобы выпутаться из дела, которое грозит превратиться в грязную международную аферу Миреса.

Написано К. Марксом 28 апреля 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 120, 2 мая 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — буквально: красного и черного (цвета игры в рулетку), то есть азартных игроков. *Ред.*

К. МАРКС

АНГЛИЙСКАЯ ПРЕССА И ПАДЕНИЕ НОВОГО ОРЛЕАНА

Лондон, 16 мая

При получении первых сообщений о падении Нового Орлеана[310] «Times», «Herald», «Standard», «Morning Post», «Daily Telegraph» и прочие английские «sympathisers»[*] южных nigger-drivers[**] стали доказывать на основании стратегических, тактических, филологических, экзегетических, политических, моральных и фортификационных соображений, что это известие — одна из тех «canards»[***], которые так часто пускаются Рейтером, Гавасом, Вольфом[311] и их understrappers[****]. Естественные оборонительные средства Нового Орлеана были усилены, писали газеты, не только вновь сооруженными фортами, но и всякого рода подводными адскими машинами и бронированными канонерками. Газеты подчеркивали далее спартанский дух жителей Нового Орлеана и их смертельную ненависть к наемникам Линкольна. И, наконец, разве не под Новым Орлеаном было нанесено в свое время поражение Англии, положившее позорный конец ее второй войне с Соединенными Штатами (1812—1814 гг.)? Не оставалось сомнения, таким образом, что Новый Орлеан войдет в историю как вторая Сарагоса или как Москва «Юга»[312]. К тому же в нем находилось 15000 кип хлопка, с помощью которых так легко было зажечь неугасимый костер для самосожжения, не говоря уже о том, что в 1814 г. хорошо смоченные кипы хлопка оказались более стойкими против зажигательных снарядов, чем земляные укрепления

[*] — «доброжелатели». *Ред.*
[**] — рабовладельцев. *Ред.*
[***] — «уток». *Ред.*
[****] — буквально: младшими агентами; здесь: подголосками. *Ред.*

Севастополя. Итак, ясно, как день, что падение Нового Орлеана — очередное хвастовство янки.

Через два дня, когда с прибытием пароходов из Нью-Йорка первоначальные сообщения подтвердились, большинство английских газет, сочувствующих рабовладельцам, продолжало упорствовать в своем скептицизме. Газета «Evening Standard», например, была так несокрушимо тверда в своем неверии, что в одном и том же номере сначала в передовой статье черным по белому Доказывала неприступность города Полумесяца[313], а затем, в отделе «последних известий», крупными буквами сообщала о падении этого неприступного города. Наоборот, газета «Times», всегда считавшая осторожность лучшей частью доблести[*], переменила тон. Правда, газета еще продолжала сомневаться, но в то же время была готова ко всему, ибо ведь Новый Орлеан — город «rowdies»[**], а не героев. На этот раз газета «Times» оказалась права. Новый Орлеан был основан отбросами французской boheme[***], это в полном смысле слова французская *колония преступников,* и он никогда за все время своего существования не отрекался от своего происхождения. Жаль только, что «Times» post festum[****] пришла к этому довольно распространенному мнению.

В конце концов, однако, fait accompli[*****] должен был убедить даже самого Фому неверующего. Как быть? Английская пресса, сочувствующая рабовладельцам, доказывает теперь, что падение Нового Орлеана является выигрышем для конфедератов и поражением для федералистов.

Падение Нового Орлеана, утверждает она, дало возможность генералу Лавеллу усилить своими войсками армию Борегара, который тем более нуждается в этом подкреплении, поскольку на его фронте Галлеком будто бы сосредоточено 160000 человек (явное преувеличение!), а с другой стороны, его коммуникации с востоком перерезаны генералом Митчелом, прервавшим железнодорожное сообщение между Мемфисом и Чаттанугой, а следовательно, с Ричмондом, Чарлстоном и Саванной. После этого прорыва (на стратегическую необходимость которого мы указывали еще задолго *до* сражения у Коринта[******]) Коринт, находившийся в руках Борегара, остался без всякой железнодорожной связи, если не считать линий, соединяющих его с Мобилом и Новым Орлеаном. А когда после падения Но-

[*] Шекспир. «Король Генрих IV», часть I, акт V, сцена четвертая. *Ред.*
[**] — «негодяев». *Ред.*
[***] — богемы. *Ред.*
[****] — задним числом. *Ред.*
[*****] — совершившийся факт. *Ред.*
[******] См. настоящий том, стр. 506—507. *Ред.*

вого Орлеана у него осталась единственная железнодорожная линия на Мобил, он уже не мог, конечно, снабжать свои войска необходимым провиантом и отошел поэтому назад к Тьюпело; с прибытием войск Лавелла, по мнению английской прессы, сочувствующей рабовладельцам, возможности Борегара в деле снабжения, естественно, возрастают.

С другой стороны, — заявляют те же оракулы, — федералисты в Новом Орлеане будут истреблены желтой лихорадкой, и если в конце концов сам Новый Орлеан — не Москва, то не является ли его мэр Брутом? Прочтите только (ср. сообщение из Нью-Йорка) его мелодраматически-храброе послание коммодору Фаррагуту. «Brave words, Sir, brave words!»[*], но крепкими словами костей не перешибешь.

Газеты южных рабовладельцев смотрят, однако, на падение Нового Орлеана не столь оптимистически, как их английские утешители. В этом можно убедиться из следующих выдержек.

Ричмондская газета «Dispatch»[314] пишет:

«Что сталось с бронированными канонерками, с «Миссисипи» и «Луизианой», от которых мы ожидали спасения города Полумесяца? Их боевой эффект оказался таким же, как если бы они были сделаны из стекла. Бессмысленно отрицать, что падение Нового Орлеана — тяжелый удар. Правительство Конфедерации отрезано тем самым от Западной Луизианы, Техаса, Миссури и Арканзаса».

Норфолкская газета «Day Book»[315] замечает:

«Это — самое серьезное поражение со времени начала войны. Оно повлечет за собой лишения и тяготы для всех слоев общества и, что хуже всего, оно ставит под угрозу снабжение нашей армии».

Выходящая в Атланте газета «Intelligencer»[316] жалуется:

«Мы ожидали другого результата. Приближение врага не было неожиданностью; мы это давно предвидели, и нас уверяли, что если даже противник обойдет форт Джэксон, то страшный артиллерийский огонь принудит его к отступлению или уничтожит его. Все это оказалось самообманом, как и всякий раз, когда безопасность какого-нибудь пункта или города считалась обеспеченной крепостными сооружениями. Новейшие изобретения, по-видимому, сделали крепостные сооружения бесполезными для обороны. Бронированные канонерки сокрушают их или преспокойно проплывают мимо. Мы опасаемся, что Мемфис разделит судьбу Нового Орлеана, Разве не безумие обольщаться пустыми надеждами?»

Наконец, питерсбергская газета «Express»[317] заявляет: «Взятие Нового Орлеана федералистами — самое важное и роковое событие за всю войну».

Написано К. Марксом 16 мая 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 138, 20 мая 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — «Смело сказано, сэр, смело сказано!» (Шекспир. «Король Генрих IV». Часть I, акт III, сцена третья; перефразировано). *Ред.*

К. МАРКС

ДОГОВОР ПРОТИВ РАБОТОРГОВЛИ

Лондон, 18 мая

Американские газеты публикуют теперь in extenso* договор о борьбе с работорговлей, заключенный 7 апреля с. г. в Вашингтоне между Соединенными Штатами и Англией. Главные пункты этого важного документа заключаются в следующем. Право осмотра взаимно, но может осуществляться с обеих сторон только теми военными кораблями, которые имеют на это специальные полномочия от одной из договаривающихся держав. Договаривающиеся державы время от времени представляют друг другу исчерпывающую статистику о той части своего флота, которая предназначена для надзора за торговлей неграми. Право обыска имеет силу только по отношению к торговым судам, в зоне на расстоянии 200 миль от африканского побережья, к югу от 32° северной широты, и на расстоянии 30 морских миль от берегов Кубы. Осмотр судов — как английских судов американскими крейсерами, так и американских судов английскими крейсерами — не допускается в той части моря, которая относится к английской или к американской территории (то есть на. расстоянии трех морских миль от берега); не допускается также осмотр вблизи портов или колоний других держав.

Решения о задержанных судах выносятся смешанными судебными трибуналами, находящимися в Сьерра-Леоне, Капштадте и Нью-Йорке и состоящими наполовину из англичан, наполовину из американцев. В случае вынесения обвинительного приговора по отношению к судну, судовая команда, если

* — полностью. *Ред.*

это осуществимо без чрезмерных расходов, передается судебным властям той нации, под флагом которой судно плавало. При этом не только судовая команда (капитан, штурман и т. д.), но и владельцы судна несут наказание, положенное по законам данной страны. Торговые суда, в отношении которых был вынесен оправдательный приговор смешанными трибуналами, получают в течение года возмещение от той державы, под флагом которой плавал захвативший их военный корабль. Законным поводом для ареста судов считается не только присутствие на них захваченных негров, но и наличие в снаряжении судна специальных приспособлений для работорговли, ручных кандалов, цепей и прочих орудий для того, чтобы содержать негров под стражей, наконец, съестных припасов в количестве, явно превышающем потребности команды. Судно, на котором будут обнаружены подобные подозрительные предметы, должно доказать свою невиновность, причем даже в случае оправдания оно не может претендовать на какое-либо возмещение.

Командир крейсера, превысивший предоставленные ему договором полномочия, несет ответственность перед правительством соответствующей стороны. Если командир крейсера одной из договаривающихся держав заподозрит какое-нибудь торговое судно в том, что оно под эскортом одного или нескольких военных кораблей другой договаривающейся державы везет на борту негров или принимало участие в торговле африканскими рабами или снаряжено для такой торговли, — то он должен сообщить о своих подозрениях командиру эскорта и вместе с ним обыскать заподозренное судно, которое затем должно быть отведено в место пребывания одного из смешанных судебных трибуналов, если это судно, согласно условиям договора, подходит под категорию подозрительных судов. В случае вынесения обвинительного приговора, негры, находившиеся на борту данного судна, передаются в распоряжение правительства, под флагом которого произошла поимка. Негры немедленно отпускаются на свободу, и их пребывание на свободе гарантируется тем правительством, на территории которого они находятся. Договор может быть расторгнут только по истечении десяти лет. Он остается в силе в течение одного года с момента заявления о его расторжении одной из договаривающихся сторон.

Настоящий англо-американский договор, который является результатом Гражданской войны в Америке, наносит смертельный удар торговле неграми. Действие этого договора будет усилено законопроектом, внесенным недавно сенатором Самнером, который отменяет закон 1808 г. в части, касающейся

торговли неграми на побережье Соединенных Штатов, а перевозку рабов из одного порта Соединенных Штатов в другой наказует как преступное деяние[318]. В результате принятия этого законопроекта будет парализована большая часть торговли, которую ведут штаты, разводящие негров (border slave states*), со штатами, потребляющими негров (slave states** в собственном смысле слова).

Написано К. Марксом 18 мая 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 140, 22 мая 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — пограничные рабовладельческие штаты. *Ред.*
** — рабовладельческими штатами. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОЛОЖЕНИЕ НА АМЕРИКАНСКОМ ТЕАТРЕ ВОЙНЫ

Взятие Нового Орлеана, как свидетельствуют полученные теперь подробные сообщения, является почти беспримерным по своей смелости подвигом флота. Флот унионистов состоял из одних деревянных судов: приблизительно шести военных кораблей, имеющих от 14 до 25 пушек на каждом и поддерживаемых многочисленной эскадрой канонерок и судов, вооруженных мортирами. Этот флот имел перед собой два форта, преграждавших проход в Миссисипи. В сфере действия 100 орудий этих фортов река была преграждена мощным цепным боном, позади которого были сосредоточены мины, брандеры и другие средства разрушения. Чтобы пройти между фортами, нужно было, таким образом, преодолеть эти первые препятствия. Но за фортами имелась вторая грозная оборонительная линия, образованная бронированными канонерками, среди которых были также «Манассас» — железный таран и «Луизиана» — мощная плавучая батарея. Унионисты, после безрезультатного шестидневного обстрела обоих фортов, полностью господствующих над рекой, решили, не взирая на их огонь, тремя дивизионами форсировать железный барьер, а затем подняться вверх по течению реки и попробовать ввязаться в бой с «ironsides»*. Эта отважная попытка удалась. А как только флотилия появилась перед Новым Орлеаном, победа, естественно, была решена.

После этого Борегару уже нечего было защищать в Коринте. Его позиция там имела смысл лишь постольку, поскольку она

* — «железнобокими». *Ред.*

прикрывала Миссисипи и Луизиану, в особенности же Новый Орлеан. В стратегическом отношении его положение теперь таково, что в результате проигранного сражения у него не оставалось бы иного выбора, кроме как разбить свою армию на небольшие партизанские отряды, ибо он не сможет долее держать под своим командованием массу войск, не располагая в тылу своей армии большим городом, где концентрируются железнодорожные линии и средства снабжения.

Мак-Клеллан неопровержимо доказал, что он — военная бездарность, случайно вознесенная на высокий и ответственный пост, для которой цель военных действий состоит не в том, чтобы разгромить врага, а лишь в том, чтобы избежать собственного поражения и таким образом не лишиться своего узурпированного величия. Он ведет себя как старые так называемые «маневрирующие генералы», которые свое трусливое увиливание от всякого тактического решения оправдывали тем, что они будто бы вынуждают врага к сдаче своих позиций путем стратегического обхода. Конфедераты всегда ускользают от него, потому что он никогда не нападает на них в решающий момент. Так, он позволил им спокойно отступить от Манассаса к Ричмонду, хотя о плане этого отступления было сообщено уже за десять дней до этого даже в нью-йоркских газетах (например, в «Tribune»). Затем он разделил свою армию и предпринял стратегический обход противника с флангов, укрепившись с одним корпусом перед Йорктауном. Крепостная война всегда предоставляет повод для проволочек и уклонения от боя. Как только ему удалось сосредоточить силы, превосходящие конфедератов, он позволил противнику отступить от Йорктауна к Вильямсбергу и дальше, так и не принудив его к бою. Ни одна война не велась еще столь жалким образом. И если бой при отступлении у Вильямсберга не закончился вторым Булл-Раном для унионистских войск, а привел к поражению арьергарда конфедератов, то Мак-Клеллан совершенно не повинен в этом.

После перехода почти в 12 миль (английских), под 24-часовым проливным дождем, и по самым скверным дорогам, 8000 унионистских солдат под командой генерала *Хейнцельмана (немец* по происхождению, но уроженец Пенсильвании) подошли к Вильямсбергу и натолкнулись там лишь на слабые пикеты противника. Последний, однако, убедившись в малочисленности подошедшего отряда, стал высылать подкрепления из Вильямсберга, из числа отборных войск, и постепенно довел свои силы до 25000 человек. К 9 часам утра бой принял серьезный характер; в половине первого генерал Хейнцельман заметил, что шансы склоняются в пользу противника. Он стал

посылать одного вестового за другим к генералу Керни, который находился в 8 милях позади него, но мог двигаться лишь крайне медленно по совершенно «раскисшей» от дождя дороге. В течение целого часа Хейнцельман оставался без подкрепления. Тем временем 7-й и 8-й джерсейские полки, расстрелявшие весь свой запас пороха, начали удирать в лес по обе стороны от шоссе. Тогда Хейнцельман приказал полковнику Мениллу занять с пенсильванским кавалерийским эскадроном обе опушки леса, пригрозив дезертирам, что по ним будет открыт огонь. Это заставило бегущих остановиться.

Кроме того, восстановлению порядка способствовал пример, поданный одним из массачусетских полков, который также расстрелял свой порох, но, примкнув штыки к ружьям, спокойно поджидал противника. Наконец, вдали показался авангард генерала Керни под командой бригадира Берри (из штата Мэн). Войска Хейнцельмана встретили спасителей громовым «ура»; Хейнцельман приказал полковым музыкантам играть «Янки Дудль»[319] и расположил прибывший отряд Берри по фронту своих утомленных войск на участке почти в полмили длиной. После предварительной перестрелки бригада Берри бросилась в стремительную штыковую атаку и прогнала неприятеля с поля боя в его траншеи, самая большая из которых, после нескольких атак и контратак, осталась за унионистами. Таким образом равновесие сил было восстановлено. Прибытие Берри спасло унионистов. В 4 часа, с прибытием бригад Джемсона и Бирни, победа унионистов была решена. В 9 часов вечера начался отход конфедератов от Вильямсберга по направлению к Ричмонду, продолжавшийся и на другой день, при энергичном преследовании со стороны кавалерии Хейнцельмана. Уже между 6 и 7 часами утра на следующий день после боя Хейнцельман занял Вильямсберг частями генерала Джемсона. Арьергард бежавшего противника покинул город с противоположной стороны всего лишь за полчаса до этого. Выигранное Хейнцельманом сражение было в полном смысле слова пехотным сражением. Артиллерия в нем почти не участвовала. Ружейный огонь и штыковая атака решили дело. Если бы конгресс в Вашингтоне захотел выразить благодарность, то ее следовало бы адресовать генералу Хейнцельману, спасшему янки от второго Булл-Рана, а не Мак-Клеллану, который, по своему обыкновению, уклонился от «тактического решения» и в третий раз позволил уйти численно более слабому противнику.

Армия конфедератов в Виргинии находится в лучшем положении, чем армия Борегара — во-первых, потому, что ей противостоит не Галлек, а Мак-Клеллан, а во-вторых, потому, что

ее путь отступления пересекают многочисленные реки, сбегающие с гор в море. Но чтобы не дать этой армии *от бездействия* превратиться в банды, ее генералы рано или поздно будут вынуждены принять решающий бой — совершенно так же, как русские были вынуждены драться под Смоленском и у Бородино *против* воли генералов, правильно оценивавших положение. Как ни плачевно руководство военными операциями со стороны Мак-Клеллана, постоянные отступления конфедератов с потерей артиллерии, снаряжения и других военных припасов, одновременно с рядом мелких неудачных боев при отходе, во всяком случае, крайне деморализовали их армию, что даст себя знать в день решающего сражения.

Итак, подведем итоги. Если Борегар или Джефферсон Дэвис проиграют решающее сражение, то их армии превратятся в банды. Если же одна из них выиграет решающее сражение, что совершенно невозможно, — разложение их армий будет в лучшем случае только отсрочено. Они не в состоянии извлечь ни малейшей устойчивой выгоды даже из победы. Едва продвинувшись вперед на 20 английских миль, они вынуждены будут застрять и ожидать нового наступления противника.

Остается еще взвесить шансы партизанской войны. И тут приходится отметить тот крайне поразительный факт, что именно в этой войне против рабовладельцев население принимает весьма слабое участие или, вернее, не принимает никакого участия. В 1813 г. коммуникации французов то и дело нарушались и подвергались беспрестанным нападениям со стороны Коломба, Люцова, Чернышева и двадцати других партизанских и казачьих командиров. В 1812 г. в России население совершенно исчезло с пути французских войск; в 1814 г. французские крестьяне вооружались и убивали патрули и отставших солдат союзников. Здесь же мы не видим решительно ничего подобного. Покорно мирятся с *исходом крупных* сражений и утешают себя тем, что *«victrix causa diis placuit, sed victa Catoni»**. Хвастливые речи о войне на море рассеиваются, как дым. Впрочем, вряд ли можно сомневаться, что *«white trash»* («белая дрянь», как сами плантаторы называют «белых бедняков») попытается испробовать свои силы в партизанской войне и разбое. Но такая попытка сразу же превратит имущих плантаторов в *сторонников Союза.* Они даже призовут на помощь войска янки. Разговоры о том, что на Миссисипи будто бы сжигались большие количества хлопка и т. п., основываются исклю-

* — «боги были за победителя, но Катон за побежденного» (Лукиан. «Фарсалия»). *Ред.*

чительно на свидетельстве двух кентуккийских жителей, якобы прибывших в Луисвилл, — разумеется, не *по* Миссисипи. Пожар в Новом Орлеане нетрудно было организовать. Фанатизм новоорлеанских купцов объясняется тем, что они вынуждены были приобрести за наличные деньги массу облигаций, выпущенных правительством Конфедерации. Новоорлеанский пожар найдет подражателей и в других городах, и, наверное, еще что-нибудь будет сожжено, но все эти театральные эффекты смогут только до последней крайности обострить раздор между плантаторами и *«while trash»,* и тогда — finis secessiae![*]

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
23—25 мая 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 148,
30 мая 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — конец сецессии! *Ред.*

К. МАРКС

АНГЛИЙСКАЯ ГУМАННОСТЬ И АМЕРИКА

Лондон, 14 июня

Гуманность служит теперь в Англии, как свобода во Франции, предметом экспорта для traders in politics*. Нам вспоминается время, когда царь Николай приказал своим солдатам выпороть польских дам, а лорд Пальмерстон нашел «неполитичным» нравственное возмущение этим событием со стороны некоторых парламентских деятелей. Нам вспоминается, что лет десять тому назад на-Ионических островах вспыхнуло восстание[320], в связи с чем тамошний английский губернатор приказал высечь немалое число греческих женщин. Probatum est**, — сказали тогда Пальмерстон и его коллеги-виги, находившиеся у власти. Как было совсем недавно доказано в парламенте на основании официальных документов, в Индии сборщики налогов применяют против жен райятов*** настолько отвратительные средства принуждения, что о них невозможно распространяться подробно. Правда, Пальмерстон и его коллеги не отважились оправдывать эти гнусности, но какой бы крик подняли они, если бы какое-нибудь *иностранное* правительство дерзнуло открыто заявить о своем возмущении этими английскими мерзостями, а не только недвусмысленно намек-путь на вмешательство, в случае отказа Пальмерстона и его коллег немедленно дезавуировать индийских сборщиков налогов. А между тем, сам цензор Катон не мог бы ревнивее следить за нравами римских граждан, чем английские аристократы и их министры следят за «гуманностью» воюющих янки!

---

* — торговцев политикой. *Ред.*
** — Правильно. *Ред.*
*** — крестьян. *Ред.*

Леди из Нового Орлеана, желтолицые красавицы, безвкусно увешанные драгоценностями и похожие на жен древних мексиканцев, с той только разницей, что не съедают своих рабов in natura*, — вот кто на этот раз явился поводом для проявления британско-аристократической гуманности (прежде таким поводом служили портовые заведения Чарлстона). Английские женщины, голодающие в Ланкашире (правда, они не леди и не владеют рабами), не удостоились до сих пор упоминания ни в одной парламентской речи; вопли ирландских женщин, — которых все усиливающийся процесс концентрации мелких арендных участков на Зеленом Эрине** полуголыми выбрасывает на улицу, сгоняет с насиженных мест, словно на их родину обрушилось татарское нашествие, — вызвали до сих пор только один-единственный отклик со стороны палаты лордов, палаты общин и правительства ее величества — проповеди об абсолютном праве земельной собственности[321]. Но леди из Нового Орлеана — это, конечно, совсем другое дело! Эти леди слишком просвещенны, чтобы, подобно олимпийским богиням, принять участие в военной передряге или, подобно женам сагунтинцев, броситься в пылающий костер[322]. Они придумали новую и притом безопасную форму героизма — форму, которая могла быть изобретена только рабовладелицами, да еще в такой стране, где свободная часть населения состоит из лавочников по профессии, из торговцев хлопком, сахаром или табаком, не владеющих, в отличие от граждан античного мира, собственными рабами. Когда мужья этих леди разбежались из Нового Орлеана или спрятались в своих домах, сами леди выскочили на улицы и стали плевать в лицо победоносным унионистским войскам, показывать им язык или вообще, подобно Мефистофелю, делать «неприличные жесты», сопровождая их оскорбительными выражениями. Эти мегеры были уверены, что смогут бесчинствовать «безнаказанно».

Таков был их героизм. Генерал Батлер издал прокламацию, в которой предупредил их, что с ними будет поступлено, как с уличными девками, если они будут продолжать вести себя, как уличные девки. Батлер, хоть и адвокат по профессии, по-видимому, недостаточно основательно изучал английское statute law[323]. В противном случае, он, по аналогии с законами, навязанными Ирландии при Каслри[324], наверное, запретил бы им вообще показываться на улицах. Предостережение Батлера по адресу новоорлеанских «леди» привело в такое

* — живьем. *Ред.*
** — древнее название Ирландии. *Ред.*

негодование графа Карнарвона, сэра Дж. Уолша (игравшего столь смешную и неблаговидную роль в Ирландии) и г-на Грегори, уже год тому назад требовавшего признания Конфедерации, что граф в палате лордов, а рыцарь и человек «without a handle to his name»* в палате общин обратились к правительству с запросом, какие шаги намерено оно предпринять во имя оскорбленной «гуманности». И Рассел и Пальмерстон обрушились на Батлера, оба выразили уверенность, что он будет дезавуирован вашингтонским правительством, а столь чувствительный Пальмерстон, который за спиной королевы и без ведома своих коллег, из одного лишь «гуманного» восхищения, признал декабрьский coup d'etat 1851 г.[325] (по случаю которого некоторые «леди» были даже застрелены, а другие изнасилованы зуавами), — этот чувствительный виконт прямо назвал предостережение Батлера *«позором»*. В самом деле, леди, да еще леди, владеющие рабами, не могут безнаказанно излить свою ярость и злобу на простых унионистских солдат — крестьян, ремесленников и прочий сброд! Это ли не «позор»!

Никто из здешней публики не заблуждается относительно этого фарса гуманности. Цель его состоит в том, чтобы отчасти вызвать, отчасти поддержать настроение в пользу интервенции, прежде всего со стороны Франции. И действительно, после первых мелодраматических излияний рыцари гуманности в палате лордов и в палате общин сбросили, как по команде, свои трогательные маски. Их декламация послужила только прологом к запросу, не обратился ли император французов к английскому правительству с предложением о посредничестве и не было ли это предложение, как им хотелось бы надеяться, благожелательно принято английским правительством. И Рассел и Пальмерстон заявили, что ничего не знают о подобном предложении. Рассел заявил, что он считает настоящий момент крайне неблагоприятным для какого бы то ни было посредничества. Пальмерстон, более осторожный и сдержанный, ограничился замечанием, что английское правительство в *данный* момент не думает, о посредничестве.

План таков: во время перерыва в заседаниях английского парламента Франция выступит в роли посредницы, а осенью, когда положение в Мексике будет упрочено, она начнет интервенцию. Затишье на американском театре военных действий вновь вывело из оцепенения дельцов в Сент-Джемсе и Тюильри, спекулирующих на интервенции. Само это затишье является результатом стратегической ошибки военного командо-

* — «без титула». *Ред.*

вания северян. Если бы Кентуккийская армия после своих побед в Теннесси не дала отвлечь себя к югу, вниз по Миссисипи, а быстро двинулась бы на железнодорожные центры Джорджии, то Рейтер и К° не могли бы теперь спекулировать слухами об «интервенции» и «посредничестве». Как бы то ни было, Европа ничего не желает так горячо, как того, чтобы coup d'etat попытался «восстановить порядок в Соединенных Штатах» и «спасти цивилизацию» также и в этой стране.

Написано К. Марксом 14 июня 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 168, 20 июня 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

БРОНЕНОСНЫЕ И ТАРАННЫЕ СУДА И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В АМЕРИКЕ

Около трех с половиной месяцев тому назад, 8 марта 1862 г., морской бой в Хэмптон-Родсе между «Мэрримаком» и фрегатами «Камберленд» и «Конгресс» завершил долгую эру деревянных военных кораблей. 9 марта 1862 г. бой между «Мэрримаком» и «Монитором» в тех же водах положил начало эре войны на море, ведущейся кораблями с железной броней[326].

С тех пор конгресс в Вашингтоне отпустил значительные суммы на строительство различного рода бронированных судов и окончательное приведение в боевую готовность большой железной плавучей батареи г-на Стивенса (в Хобокене, вблизи Нью-Йорка). Кроме того г-н Эриксон завершает строительство шести судов, сооружаемых по типу «Монитора», но большего водоизмещения и с двумя вращающимися башнями, каждая из которых вооружена двумя большими пушками. Спущено на воду еще одно судно с железной броней «Галена», построенное не Эриксоном и отличающееся по конструкции от «Монитора», «Галена» была придана «Монитору» сначала для наблюдения за «Мэрримаком», а затем для подавления фортов мятежников на берегах реки Джемс. Эта задача решена уже повсюду, кроме участка реки протяженностью в 7—8 миль в районе Ричмонда. Третий бронированный корабль, действующий на реке Джемс, — «Вэнгэлуч», названный сначала «Стивенс» по имени его изобретателя и бывшего владельца.

Четвертый броненосец — «Нью-Айронсайдс» строится в Филадельфии и, по-видимому, будет через несколько недель готов к плаванию. «Вандербилт» и еще одно большое паровое судно переоборудованы в «тараны». Ряд других деревянных военных

кораблей, как например «Роанок», будут переоборудованы в броненосцы. Правительство Союза, кроме того, построило на реке Огайо от 4 до 5 покрытых железом канонерских лодок, уже сослуживших хорошую службу у форта Генри, форта Донелсон и при Питтсбург-Ландинге. Наконец, полковник *Эллит* вместе со своими друзьями оборудовал различного рода «тараны» в Цинциннати и других пунктах на Огайо. Для этого были использованы старые паровые суда, носовая часть которых заострялась и покрывалась железной броней. Эллит вооружил эти суда не пушками, а отборными стрелками, которыми столь богат Запад. Затем Эллит предложил «тараны», их экипажи и свои собственные услуги правительству Союза. Ниже мы еще вернемся к первым боевым делам этих импровизированных «таранов».

В противоположном лагере конфедераты тоже не теряли времени даром. Они начали строить новые бронированные суда и переоборудовать старые в Норфолке. Но прежде чем они успели завершить начатое здесь дело, Норфолк был взят войсками Союза, и все упомянутые суда были уничтожены. Затем конфедераты построили три мощных железных «тарана» в Новом Орлеане; четвертый — огромных размеров и отлично вооруженный — был близок к завершению, когда Новый Орлеан пал. По заключению морских офицеров Союза, последний корабль, если бы его успели привести в боевую готовность, создал бы серьезнейшую опасность для всего унионистского флота, так как вашингтонское правительство не имело возможности противопоставить этому чудовищу равного по силе противника. Стоимость его составляла два миллиона долларов, Как известно, мятежники сами уничтожили этот корабль.

В *Мемфисе* конфедераты выстроили не менее восьми «таранов», каждый с 4—6 пушками крупного калибра. Под Мемфисом же 6 июня произошла первая *«битва таранов»* на реке Миссисипи. Хотя унионистская флотилия, направлявшаяся вниз по Миссисипи, имела в своем составе пять бронированных канонерок, исход боя решили, однако, не они, а два *«тарана»* полковника *Эллита* — «Куин» и «Монарк». Из 8 «таранов» противника четыре были уничтожены, три захвачены, а один ушел. После того как канонерки унионистской флотилии вели некоторое время интенсивный артиллерийский огонь по судам мятежников, «Куин» и «Монарк» вклинились в расположение вражеской эскадры. Канонерки почти совершенно прекратили огонь, так как «тараны» полковника Эллита настолько перемешались с вражескими, что орудийная прислуга не могла отличить свои суда от неприятельских.

Как уже отмечалось выше, «тараны» Эллита не имели пушек, но зато у них на борту находилось множество отборных стрелков. Паровые машины и котлы «таранов» прикрывались лишь деревом. Все оснащение «таранов» заключалось, собственно, в мощных паровых машинах и заостренной носовой части, сделанной из дуба и покрытой железной обшивкой. Мужчины, женщины и дети тысячами устремились из Мемфиса к крутым берегам Миссисипи, чтобы отсюда, с расстояния, не превышавшего в некоторых пунктах и половины английской мили, наблюдать, затаив дыхание, за «битвой таранов». Она продолжалась едва ли более часа. Мятежники потеряли 7 кораблей и 100 человек, из которых около 40 утонули, в то время как у унионистов серьезные повреждения получил только один корабль, был ранен только один человек, а убитых вовсе не было.

Кроме одного железного «тарана», уцелевшего после морского боя под Мемфисом, конфедераты в настоящее время располагают, вероятно, еще несколькими «таранами» и бронированными судами в районе Мобила. Имеется также небольшое число канонерок в Виксберге, которым одновременно угрожают флотилия Фаррагута, плывущая вверх по реке, и флотилия Дэвиса, спускающаяся вниз по ее течению. За исключением указанных судов, флота Конфедерации более не существует.

Написано Ф. Энгельсом в конце июня 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 181, 3 июля 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

КИТАЙСКИЕ ДЕЛА

Незадолго до того, как начали плясать столы, в *Китае,* в этой живой окаменелости, началось революционное брожение[327]. Само по себе это явление не было чем-то исключительным, ибо в восточных государствах мы постоянно наблюдаем неподвижность социальной базы при неустанной смене лиц и племен, захватывающих в свои руки политическую надстройку. В Китае господствует чужеземная династия[328]. Почему бы после 300 лет не возникнуть движению, направленному к свержению этой династии? Движение с самого начала имело религиозную окраску, но это ~ черта, общая для всех восточных движений. Непосредственными причинами возникновения движения, очевидно, послужили: европейское вмешательство, опиумные войны[329], вызванное ими потрясение существующего правительственного режима, утечка серебра за границу, нарушение экономического равновесия в результате ввоза иностранных товаров и т. д. Парадоксально, что опиум, вместо усыпляющего, оказал пробуждающее действие. Оригинальными в этой китайской революции в действительности являются только ее носители. За исключением смены династии, они не ставят себе никаких задач. У них нет никаких лозунгов. Народным массам они внушают еще больший ужас, чем старым властителям. Все их назначение сводится как будто к тому, чтобы застойному маразму противопоставить разрушение в уродливо

отвратительных формах, разрушение без какого-либо зародыша созидательной работы. Для характеристики этих «бичей божиих» приведем следующие выдержки из письма г-на *Харви* (английского консула в Нинго) г-ну *Брусу,* английскому посланнику в Пекине.

Вот уже три месяца, пишет Харви, как Нинго находится в руках революционных *тайпинов.* Здесь, как и везде, где воцарялись эти разбойники, опустошение было единственным результатом их господства. Ставят ли они себе еще какие-нибудь цели? Господство неограниченных и необузданных эксцессов с их стороны кажется им действительно столь же важным, как уничтожение чужих жизней. Этот взгляд тайпинов в действительности никак не вяжется с иллюзиями английских миссионеров, сочиняющих басни о том, что тайпины осуществят «освобождение Китая», «возрождение империи», «спасение народа» и «введение христианства». В результате своей десятилетней трескучей и никчемной деятельности они все разрушили и ничего не создали.

Правда, продолжает г-н Харви, в официальных сношениях с иностранцами тайпины выгодно отличаются от мандаринов известной прямотой поведения и энергичной суровостью, но этим и исчерпывается список их добродетелей.

Как оплачивают тайпины свои войска? Их солдаты не получают жалованья, а живут добычей. Если завоеванные ими города богаты, солдаты утопают в изобилии; если города бедны, они проявляют образцовое терпение. Г-н Харви спросил одного хорошо одетого солдата-тайпина, любит ли он свое ремесло. «А почему бы и нет? — ответил тот. — Я забираю все, что мне нравится; а если я встречаю сопротивление, то...», — и он сделал рукой жест, означающий отсечение головы. И это не пустая фраза. Человеческая голова для тайпина стоит не более, чем кочан капусты.

Ядро революционной армии составляют регулярные войска— старые, прослужившие много лет и испытанные в боях солдаты. Остальная масса состоит из молодых рекрутов или крестьян, насильственно взятых в армию во время набегов. Вожаки систематически отсылают набранные в какой-нибудь завоеванной провинции войска в другую, отдаленную провинцию. Так, повстанцы в Нинго говорят в настоящий момент на двадцати различных диалектах, в то время как диалект Нинго сейчас впервые раздается в отдаленных районах. В каждом районе местные оборванцы, бродяги и негодяи добровольно присоединяются к тайпинам. Дисциплина требует повиновения только во время службы. Вступление в брак, так же как и курение

опиума, запрещены тайпинам под страхом смертной казни. Жениться можно будет только тогда, «когда будет восстановлена империя». В качестве возмещения тайпины получают в течение первых трех дней после взятия города, жители которого не успели своевременно бежать, carte blanche* на учинение каких угодно насилий над женщинами и девушками. По истечении трех дней *все* лица женского пола насильственно удаляются из городов.

Внушать ужас — такова вся тактика тайпинов. Их успех основан исключительно на действии этой пружины. Средством устрашения служит, прежде всего, появление сразу большими массами в каком-либо определенном месте. Сперва высылаются эмиссары, чтобы тайком разведать дорогу, посеять тревожные слухи, произвести то здесь, то там поджоги. Если мандаринам удается схватить и казнить этих эмиссаров, им на смену тотчас появляются другие, покуда либо мандарины вместе с городским населением не убегут прочь, либо, как это было при взятии Нинго, наступившая деморализация не облегчит победу повстанцам.

Главным средством устрашения является пестрая шутовская одежда тайпинов. У европейцев она вызвала бы только смех. Но на китайцев она действует как талисман. Эта шутовская одежда дает повстанцам поэтому больше преимуществ в бою, чем могли бы дать им нарезные пушки. Прибавьте ко всему еще длинные, косматые, черные или выкрашенные в черный цвет волосы, дико сверкающие глаза, заунывный вой, напускную ярость и неистовство, — и этого будет достаточно, чтобы насмерть перепугать чопорного, смирного, педантически размеренного китайского обывателя.

Вслед за эмиссарами, сеющими панику, появляются нарочно преследуемые беженцы из деревень, рисующие в преувеличенном виде численность, силу и свирепость приближающегося войска. А когда в городе вспыхивает пожар и его гарнизон выступает в поход под впечатлением этого ужасного зрелища, вдали показываются, наводя ужас, отдельные пестрые чудовища, появление которых оказывает магнетическое действие. В надлежащий момент сотни тысяч тайпинов, вооруженных ножами, пиками и охотничьими ружьями, с дикими криками бросаются на полуживого от страха противника и сметают все на своем пути, если только не наталкиваются на сопротивление, как это имело место недавно в Шанхае.

* — свободу действий. *Ред.*

«Сущность тайпинства», — говорит в заключение г-н Харви, — «это абсолютная химера (nothingness)».

Тайпин — это, очевидно, дьявол in persona*, каким его должна рисовать себе китайская фантазия. Но только в Китае и возможен такого рода дьявол. Он является порождением окаменелой общественной жизни.

Написано К. Марксом во второй половине июня — начале июля 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 185, 7 июля 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — во плоти. *Ред.*

К. МАРКС

СКАНДАЛ

Лондон занят сейчас одним из тех характерных скандалов, которые возможны только в стране, где старые аристократические традиции врастают в современное буржуазное общество-Corpus delicti* — Синяя книга парламентского комитета, содержащая доклад о сооружении набережной Темзы и о прокладывании вдоль берега реки, в центре города, новой улицы, которая должна соединить Вестминстерский мост с Блэкфрайарским[330]. Этот план, требующий огромных затрат, сразу разрешает несколько задач: благоустройство Лондона, очищение Темзы, улучшение санитарных условий, создание великолепного проспекта и, наконец, прокладывание новой магистрали. Это избавило бы Стрэнд, Флит-стрит и другие параллельные Темзе улицы от перегруженности экипажами и т. п. — перегрузки, которая становится с каждым днем все более и более опасной и напоминает нам сатиру Ювенала о римлянине, пишущем перед выходом из дому свое завещание, потому что существует большая вероятность, что он либо попадет под колеса, либо будет убит каким-нибудь свалившимся на него тяжелым предметом**. Так вот, в этом месте, которому предстоит такая метаморфоза, — на северном берегу Темзы, к востоку от Вестминстерского моста и в конце Уайтхолла — расположены городские резиденции нескольких крупных аристократов с дворцами и спускающимися до самой Темзы парками. Эти господа в общем и целом, конечно, приветствуют

* — Состав преступления, вещественное доказательство. *Ред.*
** Ювенал. «Сатиры», сатира III. *Ред.*

план, ибо осуществление этого плана за *счет государства* улучшило бы непосредственное окружение их «mansions»* и повысило бы таким образом ценность этих последних. Но их тревожит лишь одно. Они требуют, чтобы проектируемое строительство было *прервано* в тех местах, где вновь прокладываемая городская улица намечается непосредственно вдоль их собственных владений и привела бы их таким образом в соприкосновение с «misera contribuens plebs»**. Олимпийская отрешенность этих «fruges consumere nati»*** не должна нарушаться ни видом, ни шумом, ни дыханием занятого делом простонародья. Во главе этих благородных сибаритов находится *герцог Баклу,* который, будучи самым богатым и могущественным, пошел дальше всех в своих «скромных» требованиях. И что же? Парламентский комитет составляет свой доклад в духе требований герцога Баклу! Новое строительство должно быть *прервано* там, где оно причинило бы *беспокойство* герцогу Баклу. В состав этого комитета палаты общин входят *лорд Роберт Монтегю, родственник* герцога, и *сэр Джон Шелли,* депутат от одной части Лондона — от Вестминстера. Этому последнему пора уже теперь позаботиться о железном панцире, чтобы защитить себя на ближайших выборах от приготовленных для него армстронговских бомб из гнилых яблок и тухлых яиц.

Вот что пишет о докладе комитета даже «Times»:

«Эта Синяя книга — настоящий лабиринт. Самый доклад состоит из восьми строк. Остальное представляет собой хаос большей частью ничего не значащих пристрастных высказываний разных свидетелей и экспертов. Нет ни указателя, ни анализа, ни аргументов. Какой-то бесконечный поток болтовни и ни одного факта, который можно было бы проверить, ни одного суждения, на которое можно было бы положиться. Иногда кажется, что вот услышишь, наконец, действительно компетентное мнение, — но тут внезапно вторгается комитет и отказывается выслушать какой бы то ни было отзыв, не соответствующий желаниям герцога Баклу. Книга представляет собой объемистое и тяжеловесное suppressio veri****. Она составлена с явной целью помешать всякому деловому обсуждению этого вопроса в парламенте. Для этого из нее выброшены даже все чертежи, которые обещано опубликовать лишь post festum***** — надо полагать, уже после парламентских дебатов».

Этот скандал заставил жителей Лондона поставить два вопроса. Во-первых, кто этот *герцог Баклу,* этот великан, личные прихоти которого противопоставляются интересам трех

* — «вилл». *Ред.*
** — «жалким людом, платящим налоги». *Ред.*
*** — «рожденных для вкушения плодов» (Гораций. «Послания»). *Ред.*
**** — сокрытие истины. *Ред.*
***** — задним числом. *Ред.*

миллионов человек? Кто этот гигант, который один вызывает на поединок весь Лондон? С именем этого человека не связано воспоминание *ни об одной* парламентской битве. Он восседает в палате лордов, но принимает так же мало участия в ее делах, как евнух в радостях сераля. Ответы, которые он давал комитету, свидетельствуют о совершенно исключительном недостатке фосфора в его мозговом веществе. Итак, кто же «that man Buccleuch?»* — как бесцеремонно вопрошает лондонский кокни**. Ответ: отпрыск внебрачных детей, которых «merry monarch» (веселый монарх) Карл II прижил с *Люси Парсонс,* с самой бесстыдной и порочной из своих любовниц. Вот кто такой «that man Buccleuch»! Второй вопрос, поставленный лондонцами, гласил: как приобрел этот герцог Баклу свою «виллу» на Темзе? Ибо лондонцы помнят, что земля под этой «виллой» составляет собственность короны и еще восемь лет назад находилась в ведении королевского департамента lands and woods***.

Ответ на этот второй вопрос не заставил себя долго ждать. Здешняя печать не стесняется в подобных случаях, Для характеристики не только самого существа дела, но и того тона, в каком английская печать обсуждает столь щекотливые вопросы, я приведу *дословно* цитату из «Reynolds's Newspaper» за прошлую субботу:

«Привилегия герцога Баклу чинить препятствия благоустройству Лондона возникла всего лишь семь или восемь лет тому назад. В 1854 г. герцог получил в аренду дом Монтегю на Уайтхолле, применив при этом маневр, который бедного человека наверное привел бы на скамью подсудимых в Олд-Бейли. Но господин герцог имеет годовой доход в 300000 ф. ст. и, кроме того, еще ту заслугу, что он отпрыск Люси Парсонс, бесстыдной фаворитки «веселого монарха». Дом Монтегю составлял собственность короны, и в 1854 г. было точно известно, что участок, на котором он стоит, предназначается под общественные здания. Поэтому *г-н Дизраэли,* бывший тогда канцлером казначейства, отказался подписать составленный для герцога договор об аренде. Тем не менее, d'une maniere ou d'une autre**** договор был подписан. Г-н Дизраэли пришел в негодование и прямо заявил в палате общин, что его преемник *Гладстон* жертвует интересами общества ради частных интересов герцога. Г-н Гладстон ответил в свойственном ему иронически-елейном тоне, что подписывать названный договор, действительно, не следовало. Однако имелись, по-видимому, какие-то основания, сделавшие этот шаг необходимым. Было назначено парламентское расследование, и — о ужас! — оказалось, что подписан договор не кем иным, как *самим г-ном Дизраэли.*

Но тут-то мы и сталкиваемся с вышеупомянутым, отдающим уголовщиной вплоть до Олд-Бейли маневром благородного отпрыска Люси

* — «этот Баклу». *Ред.*
** — обыватель. *Ред.*
*** — земель и лесов. *Ред.*
**** — каким-то образом. *Ред.*

Парсонс! Г-н Дизраэли заявил, что он решительно не помнит, чтобы договор был *им* подписан. В то же время, однако, он признал подлинность своей подписи. Никто не сомневается в честности г-на Дизраэли. Как же разрешить эту загадку? Оказывается, что благородный отпрыск Люси Парсонс поручил какому-то агенту или другу *подсунуть* договор об аренде дома Монтегю с кучей бумаг, подписываемых канцлером без прочтения. Так г-н Дизраэли подписал документ, не имея ни малейшего понятия о его содержании! И таким-то путем отпрыск Люси Парсонс приобрел привилегию противопоставлять свои прихоти интересам трех миллионов лондонцев. Парламентский комитет сыграл роль раболепного орудия его наглости. Если бы на пути, вместо жульнически приобретенной виллы *одного* Баклу, стояли жилища 1000 рабочих, они были бы тотчас же безжалостно снесены, а их владельцы выброшены на улицу без единого гроша возмещения».

Написано К. Марксом в начале июля 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 189, 11 июля 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

НЕДОПУЩЕНИЕ ДЕБАТОВ О МЕКСИКЕ И СОЮЗ С ФРАНЦИЕЙ

Лондон, 16 июля

Одним из самых удивительных изобретений английского парламентаризма является count out (подсчет). Что такое count out? Если в палате общин присутствует менее 40 членов, то они не составляют кворума, то есть собрания, правомочного принимать решения. Когда какой-нибудь независимый депутат вносит предложение, которое одинаково неприемлемо для *обеих* олигархических фракций, для Ins и Outs (для тех, кто входит в правительство, и для тех, кто находится в оппозиции), тогда обе они по взаимному соглашению устраивают так, что в день дебатов происходит постепенный размен депутатов, alias* — они удаляются. Как только очищение скамей достигает необходимого максимума, government whip (правительственный кнут), то есть член парламента, которому данный кабинет поручил надзор за парламентской дисциплиной, подает знак заранее выбранному для этой цели собрату. Собрат-парламентарий поднимается и самым невинным тоном просит chairman (председателя) произвести подсчет присутствующих депутатов. Подсчет производится, и что же? Оказывается, что налицо меньше 40 членов. На этом дело кончается. Нежелательное предложение *устранено,* причем обе партии, и правительственная и оппозиционная, избегли тяжелой и компрометирующей необходимости голосовать против него.

На вчерашнем заседании «count out» был выполнен особенно любопытным способом. Лорд *Р. Монтегю* объявил, что он выступит в этот день с требованием обсудить новые

* — иначе говоря. *Ред.*

дипломатические документы по поводу *интервенции в Мексике.* Он начал свою речь следующими словами:

«В прошлую субботу палате была представлена последняя Синяя книга о Мексике, так что депутаты теперь в состоянии обсуждать мексиканский вопрос. Я *знаю,* что правительственная и оппозиционная партии договорились между собой провалить мое предложение посредством count out. Но я надеюсь, что палата, в сознании лежащего на ней долга, не потерпит подобного маневра в столь важном деле».

Однако лорд Р. Монтегю просчитался. После того как выступил он сам и *Лейард* ответил ему от имени правительства, а *Фицджералд* произнес несколько официальных фраз от имени тори, поднялся *Кинглек* (либеральный депутат). *Вступительную часть* своей речи он закончил такими словами:

«Все эти переговоры, разоблаченные теперь благодаря представленным документам, служат разительным примером тех приемов, к каким прибегает французское правительство, чтобы использовать свои связи с нашей страной в качестве средства для поддержания императорского трона.

Для французского правительства крайне важно отвлечь внимание французского народа от внутренних дел тем, что оно указывает ему на свои великие деяния за границей, но еще важнее для французского правительства показать, что оно совершает эти деяния по соглашению с одной из великих почтенных держав».

Едва *Кинглек* вымолвил эти слова, как один *«достопочтенный»* член палаты внес предложение *«подсчитать»* число присутствующих депутатов. И что же? Оказалось, что палата растаяла и в ней осталось всего-навсего 33 человека. Внесенное лордом *Монтегю* предложение было убито тем самым count out, против которого он протестовал при открытии дебатов.

Кроме прерванной речи Кинглека, действительный интерес представляла только речь Р. Монтегю. В ней содержится следующее важное разъяснение по поводу фактического положения дел:

«Сэр Чарлз Уайк заключил с Мексикой договор. Из раболепства перед Луи Бонапартом этот договор не был ратифицирован лордом Джоном Расселом. Сэр Ч. Уайк заключил указанный договор после того как Франция, установив связь с главой реакционной партии Альмонте, вступила тем самым на путь отмены общего соглашения между Англией, Францией и Испанией. Лорд Джон Рассел сам заявил в одном официальном уведомлении, что этот договор удовлетворяет всем справедливым требованиям Англии. Однако в своей переписке с Тувенелем он обещал, согласно желанию Бонапарта, пока что *не* ратифицировать договор. Он разрешил Тувенелю сообщить об этом решении Законодательному корпусу. Более того, лорд Рассел унизился настолько, что обещал Тувенелю прервать всякие сношения с сэром Ч. Уайком до 1 июля 1862 г. — срок, в течение которого Тувенель мог бы дать свой ответ. Тувенель ответил, что Бонапарт не оспаривает права Англии действовать сепаратно, но возражает

против заключенного сэром Ч. Уайком англо-американского договора. Тогда Рассел приказал задержать ратификацию договора, в то время как Уайк ожидал ее».

Англия, сказал лорд Монтегю далее, использует свое влияние для того, чтобы взыскать с мексиканского государственного казначейства суммы по обязательствам, незаконно добытым *Морни* «и, *быть может, еще более высокопоставленными лицами* во Франции» при посредничестве швейцарского биржевого дельца *Жеккера.*

«Все это мексиканское дело», — продолжал он, — «было начато без ведома парламента. Первая война, не санкционированная парламентом, имела место в 1857 году. Пальмерстон оправдывал это тем, что война ведется в Азии. Теперь тот же самый принцип применяется к Америке. В конце концов, он будет применен и к Европе. Парламентский режим превращается, таким образом, в пустой фарс, поскольку вместе с контролем над войнами народное представительство теряет и контроль над денежным кошельком».

Лорд *Монтегю* заключил свою речь следующими словами:

«Я обвиняю правительство в том, что оно сделало нас союзниками палача французской свободы, а теперь дает возможность этому бессовестному авантюристу утверждать деспотизм в чужой стране. Оно связывает нашу судьбу с судьбой человека, который вызывает отвращение людей и которого ожидает мщение неба».

Написано К. Марксом 16 июля 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 198, 20 июля 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

К КРИТИКЕ ПОЛОЖЕНИЯ В АМЕРИКЕ

Кризис, охвативший сейчас Соединенные Штаты, вызван двоякого рода причинами: военными и политическими.

Если бы последняя кампания велась по *единому* стратегическому плану, то, как уже ранее разъяснялось на страницах нашей газеты[*], главная армия на западе должна была использовать свои успехи в Кентукки и Теннесси для вторжения через северную часть Алабамы в Джорджию и для овладения там железнодорожными центрами у Декейтера, Милледжвилла и т. д. Тем самым была бы прервана связь между восточной и западной армиями сецессионистов и исключена возможность их взаимной поддержки. Вместо этого Кентуккийская армия двинулась вниз по Миссисипи на юг, по направлению к Новому Орлеану, и ее победа неподалеку от Мемфиса привела лишь к тому, что большая часть войск Борегара была переброшена в Ричмонд; в результате у конфедератов неожиданно создалось здесь численное и позиционное превосходство над Мак-Клелланом, который не использовал поражения неприятельских войск под Йорктауном и Вильямсбергом и к тому же с самого начала распылил свои собственные боевые силы. Одного командования Мак-Клеллана, уже охарактеризованного нами ранее[**], было достаточно, чтобы обеспечить гибель крупнейшей и наилучшим образом дисциплинированной армии. Наконец, и военный министр Стантон сделал непростительную ошибку. В расчете

[*] См. настоящий том, стр. 506—507, 525. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 491—493, 517—521. *Ред.*

на благоприятный эффект за границей он, после завоевании Теннесси, приостановил вербовку солдат и обрек, таким образом, армию на беспрестанное ослабление в тот самый момент, когда ей больше всего требовались подкрепления для быстрого и решительного наступления. Несмотря на стратегические промахи и вопреки командованию Мак-Клеллана, война, благодаря постоянному притоку рекрутов, если и не была до сих пор выиграна, то все же быстро приближалась к победоносной развязке. Шаг Стантона был тем губительнее потому, что как раз тогда Юг призвал под ружье всех мужчин в возрасте от 18 до 35 лет, поставив таким образом на *одну* карту все. Вот эти-то обученные тем временем люди дают теперь конфедератам почти повсюду перевес и обеспечивают им инициативу. Они остановили Галлека, вытеснили из Арканзаса Кертиса, разбили Мак-Клеллана и под командованием Джэксона-Каменная стена дали сигнал к партизанским набегам, доходящим теперь уже до Огайо.

Военные причины кризиса отчасти связаны с политическими. Одна из этих причин — влияние демократической партии, которая возвела такую бездарность, как Мак-Клеллан, на пост commander in chief* всеми вооруженными силами Севера за то, что в свое время он был сторонником Брекинриджа. Другая причина — робкая предупредительность по отношению к желаниям, выгодам и интересам лидеров *пограничных рабовладельческих штатов* (border slave states), притуплявшая до сих пор принципиальную заостренность гражданской войны и, так сказать, лишавшая ее души. «Лояльные» рабовладельцы этих пограничных штатов добились того, что продиктованные Югом fugitive slave laws (законы о беглых рабах)[331] оставались в силе, а симпатии негров к Северу насильственно подавлялись, что ни один из генералов не мог осмелиться сформировать негритянскую роту и что, наконец, рабство превратилось из ахиллесовой пяты Юга в его неуязвимый панцирь. Благодаря рабам, выполняющим всю производительную работу, Юг может поставить под ружье все свое боеспособное население!

В настоящий момент, когда акции сецессионистов поднимаются, лидеры пограничных штатов начинают повышать своп притязания. Однако обращение к ним Линкольна[332], в котором он угрожает бурным ростом аболиционистской партии, показывает, что дело принимает революционный оборот. Линкольн знает то, чего не знает Европа, — что такой холодный

* — главнокомандующего. *Ред.*

отклик на его призыв выставить 300000 рекрутов объясняется вовсе не апатией или расслабленностью под влиянием поражения. Дело в том, что Новая Англия и Северо-Запад, давшие армии основные людские резервы, решили принудить правительство к революционному ведению войны и начертать на звездном флаге в качестве боевого лозунга слова: «Уничтожение рабства». Линкольн уступает этому pressure from without* медленно и с опаской, но он знает, что не сможет противиться ему долго. Отсюда его умоляющий призыв к пограничным штатам добровольно и на взаимовыгодных условиях отказаться от института рабства. Он знает, что только сохранение рабства в пограничных штатах обеспечивает неприкосновенность рабства на Юге и не позволяет Северу применить действительно радикальное средство исцеления. Он ошибается только, когда воображает, что «лояльных» рабовладельцев можно убедить доброжелательными речами и разумными доводами. Они уступят только силе.

Мы присутствовали пока лишь при первом акте гражданской войны — войны, которая велась *по-конституционному,* Второй акт — ведение войны *по-революционному* — еще впереди.

Между тем распущенный ныне на каникулы конгресс декретировал во время своей первой сессии ряд важных мероприятий, которые мы здесь вкратце охарактеризуем.

Помимо финансовых законов, конгресс принял столь долго и тщетно ожидавшийся народными массами Севера *закон о гомстеде,* согласно которому часть государственных земель безвозмездно предоставляется для обработки колонистам, туземным или пришлым[333]. Он отменил рабовладение в Колумбии и в столице Союза, предоставив денежную компенсацию бывшим рабовладельцам[334]. Во всех *территориях* Соединенных Штатов рабство объявлено «навсегда невозможным». Закон, согласно которому в Союз принимается новый штат — *Западная Виргиния,* предписывает постепенную отмену рабства и объявляет свободными всех негритянских детей, родившихся после 4 июля 1863 года. Условия постепенного освобождения негров в общем заимствованы из закона, который был издан с подобной же целью 70 лет тому назад в Пенсильвании. Четвертый закон объявляет свободными всех рабов мятежников, как только они попадают в руки республиканской армии. Другой закон, *впервые* проводимый теперь в жизнь, разрешает организацию военных отрядов **из** этих освобожденных негров и отправку их в бой против южан.

* — давлению извне. *Ред.*

Признана независимость негритянских республик Либерии и Гаити[335] и, наконец, заключен договор с Англией об отмене работорговли.

Таким образом, как бы ни выпал жребий военной удачи, можно уже теперь с уверенностью сказать, что рабство негров ненадолго переживет гражданскую войну.

Написано К. Марксом 4 августа 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 218, 9 августа 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ПРОТЕСТ РАССЕЛА ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОЙ ГРУБОСТИ. — ПОВЫШЕНИЕ ЦЕН НА ЗЕРНО. — К ПОЛОЖЕНИЮ В ИТАЛИИ

Лондон, 20 августа

Лорд Джон Рассел известен среди англичан в качестве «letter-writer» (сочинителя писем). В своем последнем письме г-ну Стюарту он сетует по поводу оскорблений, наносимых «Старой Англии» североамериканскими газетами. Et tu, Brute![*] Нет такого добропорядочного англичанина, который в разговоре с вами с глазу на глаз не выразил бы своего изумления этим tour de force[**]. Известно, что английская журналистика периода 1789—1815 гг. была непревзойденной в своих яростных враждебных выпадах против французской нации. И тем не менее, «malignant brutality» (лютая ненависть), проявленная ею за последний год по отношению к Соединенным Штатам, превзошла эту традицию! Достаточно привести несколько примеров, относящихся к последнему времени.

«Мы обязаны», — пишет «Times», — «оказывать всяческую моральную поддержку нашим соплеменникам (южным рабовладельцам), которые столь мужественно и упорно сражаются за свою свободу против помеси разбойников и притеснителей».

Нью-йоркская «Evening Post»[336] (орган аболиционистов) замечает по этому поводу следующее:

«Разве эти английские пасквилянты, эти отпрыски бриттов, датчан саксов, кельтов, норманнов и голландцев обладают *столь уж чистой кровью,* что все другие народы в сравнении с ними кажутся помесью?»

Вскоре после появления приведенной выше цитаты газета «Times» назвала президента Линкольна «достопочтенным шу-

[*] — И ты, Брут! *Ред.*
[**] — ловким приемом. *Ред.*

том», его министров — «бандой жуликов и негодяев», а армию Соединенных Штатов — «армией, офицеры которой — мошенники-янки, а рядовые — немецкие воры». Все это было напечатано в газете жирным шрифтом. И лорд Джон Рассел, не удовлетворенный лаврами, которые ему доставили его письма епископу Дургамскому и сэру Джемсу Хадсону в Турин[337], осмеливается в своем письме Стюарту говорить об «оскорблениях со стороны североамериканской печати», нанесенных Англии!

Но всему есть свой предел. Вопреки наглости и злопыхательству прессы, официальные английские круги будут соблюдать мир с «мошенниками-янки», а их глубокие симпатии к южанам, этим великодушным торговцам человеческой кровью, сведутся к никчемной болтовне и отдельным операциям контрабандного характера, ибо с вздорожанием зерна шутить не приходится, а любой конфликт с янки присоединил бы *теперь* к хлопковому голоду еще и хлебный голод.

Англия давно перестала удовлетворять свои потребности в хлебе за счет собственного производства зерна. В 1857, 1858 и 1859 гг. она ввезла зерна и муки на сумму в 66 миллионов ф. ст., в 1860, 1861 и 1862 гг. — на 118 миллионов фунтов стерлингов. Что же касается количества ввезенного зерна и муки, то оно составило за 1859 г. 10278774 квартера*, за 1860 г. — 14484976 квартеров, а за 1861 г. — 16094914 квартеров. Таким образом, только за последние пять лет импорт зерна возрос на 50%.

Англия, действительно, уже сейчас ввозит из-за границы половину необходимого ей количества зерна. И есть все основания предполагать, что в будущем году этот импорт увеличится еще на 30%—мы имеем в виду его стоимостное выражение, — так как весьма обильный урожай в Соединенных Штатах воспрепятствует чрезмерному росту цен на зерно. А что урожай зерна в Англии в нынешнем году будет почти наверняка ниже среднего на $^1/_4$—$^1/_5$, это доказывают подробные сообщения из всех земледельческих округов, только что опубликованные в «Mark-Lane Express»[338] и в «Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette». Если после заключения мира в 1815 г. лорд Брум утверждал, что государственный долг Англии в сумме одного миллиарда фунтов стерлингов служит для Европы залогом ее «good behaviour» (хорошего поведения), то неурожай хлеба в нынешнем году является для Соединенных Штатов лучшей гарантией того, что Англия «will not break the Queen's peace» (не нарушит общественного спокойствия).

---

* Квартер = 12,7 *кг. Ред.*

Мне переслали письмо, полученное из Генуи от одного из лучших друзей *Гарибальди,* из которого я привожу здесь несколько выдержек» В письме, между прочим, говорится:

«Вчера (16 августа) сюда были доставлены последние письма Гарибальди и нескольких офицеров его армии. Письма датированы 12 августа. Все они проникнуты непоколебимой решимостью генерала твердо отстаивать свою программу «Рим или смерть!» и содержат категорические предписания в этом духе его друзьям. С другой стороны, генерал Куджа получил вчера из Турина *настоятельный* приказ прибегнуть к крайнему средству, то есть всеми силами обрушиться на добровольцев и захватить в плен Гарибальди и его друзей, если он откажется сложить оружие в течение 24 часов. Если войска подчинятся этому приказу, то произойдет ужасная катастрофа. Решение о применении крайних мер было принято вследствие телеграммы из Парижа, которая гласит: «Император не снизойдет до переговоров с итальянским правительством, пока не будет разоружен Гарибальди». Если бы Раттацци любил свою родину больше, чем свой пост, он ушел бы в отставку и разрешил бы Рикасоли или другому в меньшей степени непопулярному министру занять его место. Он бы подумал тогда о том, что идти с Луи Бонапартом против Италии, а не с Италией против Бонапарта, — это значит подвергать опасности монархию, которой он, по его словам, служит. Если в Сицилии проливается итальянская кровь руками итальянцев, то повинен в этом не Гарибальди, так как его девиз: «Да здравствует итальянская армия!». Энтузиазм, с которым повсюду встречают эту армию, доказывает, каким авторитетом пользуется Гарибальди. Если же армия прольет кровь добровольцев, то кто осмелится рассчитывать на то, что народ спокойно стерпит это?»

Написано К. Марксом 20 августа 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 233, 24 августа 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

АБОЛИЦИОНИСТСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В АМЕРИКЕ

На страницах нашей газеты уже отмечалось*, что президент *Линкольн* — человек юридически осторожный, ищущий примирения на почве конституции, родом из пограничного рабовладельческого штата *Кентукки* — лишь с большим трудом высвобождается из-под контроля «лояльных» рабовладельцев, всячески старается избежать открытого разрыва с ними и именно поэтому вступает в конфликт с принципиально последовательными партиями Севера, все более и более выдвигаемыми ходом событий на передний план. Прологом к этому конфликту можно считать речь, произнесенную *Уэнделлом Филлипсом* в Абингтоне (Массачусетс) по случаю годовщины освобождения рабов в английской Вест-Индии.

Уэнделл Филлипс, наряду с *Гаррисоном* и *Дж. Смитом,* является главой аболиционистов в Новой Англии. В течение тридцати лет он неустанно и с опасностью для жизни провозглашал в качестве боевого лозунга освобождение рабов, одинаково равнодушный к насмешкам газет, к улюлюканью продажных rowdies** и к предостережениям заботливых друзей. Как один из крупнейших ораторов Севера, как человек железной воли, соединяющий огромную энергию с самым возвышенным образом мыслей, он пользуется признанием даже со стороны своих противников. Лондонская «Times» — что может более убедительно характеризовать эту великодушную газету? — в сегодняшнем номере *доносит* вашингтонскому правительству

* См. настоящий том, стр. 490—491, 541—542. *Ред.*
** — хулиганов. *Ред.*

о речи Уэнделла Филлипса в Абингтоне. «Times» считает эту речь «злоупотреблением» свободой слова.

«Невозможно», — говорит «Times», — «придумать что-либо более необузданное. Никогда ни в одной стране ни один человек, находящийся в здравом уме и хоть сколько-нибудь ценящий свою жизнь или свободу, не произносил столь безумные слова во времена гражданской войны. Читая эту речь, нельзя не прийти к выводу, что оратор поставил своей целью добиться преследования со стороны правительства».

И «Times», несмотря на свою ненависть к правительству Союза, — а может быть, именно благодаря ей, — по-видимому, не прочь выступить в роли государственного обвинителя!

Речь Уэнделла Филлипса в Абингтоне при нынешних условиях имеет более важное значение, чем какая-либо военная сводка. Мы приводим поэтому наиболее яркие места из этой речи.

«Правительство», — сказал между прочим Уэнделл Филлипс, — «борется за сохранение рабства, и поэтому борьба его бесполезна. Линкольн ведет политическую войну. Но еще и по сей день он страшится штата Кентукки больше, чем всего Севера. Он доверяет Югу. Негры, сражавшиеся на стороне южан, на вопрос, не страшен ли им град пушечных ядер и бомб, разрывающих вокруг землю и разбивающих деревья в щепки, отвечали: «Нет, масса*; мы знаем, что они предназначены не для нас!» То же самое могли бы сказать мятежники о бомбах Мак-Клеллана. Они знают, что эти бомбы предназначены вовсе не для того, чтобы причинить им зло. Я не утверждаю, что Мак-Клеллан предатель, но я утверждаю, что если бы он был предателем, то он должен был бы действовать в точности так, как он действовал. Не опасайтесь за Ричмонд, Мак-Клеллан не возьмет его. Если война будет и дальше вестись таким же образом, *без* разумной цели, то это будет бесполезной потерей крови и золота. Лучше пусть уж Юг стал бы независимым сегодня, чем рисковать хотя бы еще одной человеческой жизнью ради войны, которая ведется на основе нынешней вызывающей отвращение политики. Для продолжения войны в прежнем масштабе требуется 125000 человек ежегодно и миллион долларов ежедневно. Но от Юга вам все равно не избавиться. Джефферсон как-то сказал о рабстве: «У южных штатов волк под самым носом, но они не могут его ни поймать, ни прогнать прочь». Так и у нас Юг под самым носом, но мы не можем ни поймать его, ни прогнать прочь. Признайте его завтра, и вы все-таки не добьетесь мира. Целых 80 лет жил он вместе с нами, страшась нас все это время, ненавидя нас на протяжении доброй половины этого периода, постоянно причиняя нам хлопоты и клевеща на нас. В случае уступки его нынешним притязаниям, он, упоенный своим успехом, не оставался бы и года в пределах своей воображаемой границы — нет, в тот момент, когда мы заговорим о мирных условиях, он станет кричать о своей победе. Мы не добьемся мира до тех пор, пока не будет искоренено рабство. Пока вы оставляете во главе нашего нынешнего правительства черепаху, вы делаете дыру одной рукой для того, чтобы заткнуть ее другой рукой. Пусть вся нация подтвердит решения Нью-йоркской торговой

* Масса (massa) — искаженное английское слово «master» (хозяин), употреблявшееся неграми на юге США. *Ред.*

палаты, и тогда у армии будет нечто такое, за что стоит сражаться. Джефферсон Дэвис не стал бы брать Вашингтон, даже если бы он был в состоянии сделать это. Он знает, что бомба, упавшая в этот Содом, пробудила бы всю нацию.

Весь Север загремел бы тогда в один голос: «Долой рабство, долой все, что мешает спасению республики!» Джефферсон Дэвис вполне удовлетворен своими успехами. Эти успехи намного превзошли его ожидания! Если только он продержится с их помощью до 4 марта 1863 г., то Англия — и это будет в порядке вещей — признает южную Конфедерацию... Президент не выполнил акта о конфискации. Он, может быть, честный человек, но что нам за дело до его честности! Он не умеет ни видеть, ни предвидеть. Когда я был в Вашингтоне, я удостоверился, что Линкольн еще три месяца тому назад написал прокламацию об освобождении всех рабов, но Мак-Клеллан заставил его отказаться от этого решения, а представители Кентукки принудили его оставить на посту Мак-Клеллана, которому он не доверяет. Потребуются годы для того, чтобы Линкольн научился сочетать свои юридически-адвокатские сомнения с требованиями гражданской войны. В этом страшная ограниченность демократического правления и его величайшее зло.

Во Франции 100 человек, убежденных в своей правоте, увлекли бы за собой весь народ, но для того чтобы наше правительство сделало хоть один шаг, сначала должны всколыхнуться 19 миллионов. А скольким из этих миллионов годами внушалось, что рабство есть божественный институт! При наличии таких предрассудков, когда парализованы руки и сердца, вы требуете от президента, чтобы он спас вас от негров! Если эта теория правильна, то только рабовладельческий деспотизм может дать нам временный мир... Я знаю Линкольна. В Вашингтоне я снял с него мерку. Он — первоклассная посредственность («a first-rate second-rate man»). Он честно дожидается того момента, когда нация возьмет его в руки, как метлу, и выметет с его помощью рабовладение... В минувшие годы неподалеку от этой трибуны, с которой я сейчас говорю, виги стреляли в воздух, чтобы заглушить мой голос, а каков результат?

Сыновья этих вигов нашли теперь могилу в болотах Чикахомини[339]! Уничтожьте же с божьей помощью этот Союз и создайте вместо него другой, на фундаменте которого было бы начертано: «Политическое равенство для всех граждан мира»... Во время своего пребывания в Чикаго я спрашивал у юристов Иллинойса, среди которых Линкольн занимался адвокатской практикой, что он за человек, может ли он сказать «нет»? Ответ гласил: «Это бесхребетный человек. Если американцы хотели избрать человека, абсолютно не способного к руководству, к инициативе, они должны были избрать Авраама Линкольна. Никто не слышал, чтобы он когда-нибудь сказал «нет!». Я спросил: «А Мак-Клеллан способен сказать «нет»?». Директор Чикагско-Центральной железной дороги, где служил Мак-Клеллан, ответил: «Он не способен принять какое-либо решение. Спросите его о чем-нибудь — и пройдет час, прежде чем он даст ответ. За все время, пока он имел дело с правлением Центральной железной дороги, он ни разу не разрешил ни одного серьезного спорного вопроса».

Таковы эти два человека, от которых больше, чем от кого бы то ни было, зависит сейчас судьба республики Севера! Лица, хорошо знакомые с состоянием армии, уверяют, что Ричмонд можно было бы взять уже пять раз, если бы этому не мешал бездельник, стоящий во главе Потомакской армии; но он предпочел месить грязь в болотах Чикахомини, чтобы потом с позором покинуть это место вместе с его навозными укреплениями. Линкольн, из жалкой трусости перед пограничными рабовладельческими

штатами, оставляет этого человека на его теперешнем посту; но недалек тот День, когда Линкольн признается, что он никогда не доверял Мак-Клеллану... Будем надеяться, что война продлится достаточно долго, чтобы превратить нас в настоящих мужей, и тогда мы быстро добьемся победы. Бог вложил в наши руки громовую стрелу освобождения, чтобы поразить мятежников...»

Написано К. Марксом 22 августа 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 239, 30 августа 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Allgemeine Militär-Zeitung.

Herausgegeben von einer Gesellschaft deutscher Offiziere und Militärbeamten.

Siebenunddreißigster Jahrgang.

№ 44. Darmstadt, 1. November 1862.

Ф. ЭНГЕЛЬС

СМОТР ВОЛОНТЕРОВ В АНГЛИИ

С тех пор как вы дали мне возможность поместить в вашей газете отчет о смотре волонтеров в Ньютоне в августе 1860 г.[*], прошло два года. Может быть, вашим читателям будет небезынтересно после столь долгого перерыва снова услышать несколько слов о состоянии и тактической подготовке *английского народного ополчения.*

На численности и нынешней организации волонтеров я, быть может, остановлюсь вскоре в другой связи; теперь же я ограничусь сообщением, что по официальным данным наличный состав волонтерских формирований исчисляется в 162800 человек, являясь, таким образом, более многочисленным, чем когда-либо раньше, и сразу же перейду, пользуясь одним примером, к описанию тактической подготовки этих формирований.

2 августа генеральный инспектор всех волонтеров, полковник Мак-Мердо, производил в Хитон-парке, находящемся на расстоянии одного часа пути от Манчестера, смотр контингента волонтеров, выставленного этим городом. Войска состояли из 1-го, 2-го и 3-го манчестерских «полков» (6-й, 28-й и 40-й ланкаширские батальоны) и из «полков», выставленных пригородами Ардуиком и Солфордом (33-й и 56-й ланкаширские батальоны). Однако из этих так называемых «полков» только три (1-й и 3-й манчестерские и ардуикский) явились каждый

[*] См. настоящий том, стр. 140—147. *Ред.*

в составе батальона; остальные два составляли вместе один батальон. В этих батальонах число рядов в роте колебалось от 18 до 21*; каждые 8 рот составляли батальон численностью, в среднем, включая и офицеров, до 400 человек. Кроме того, была представлена еще волонтерская кавалерия (32 человека) и артиллерия (две одолженные г-ном Уитвортом однофунтовые амюзетты и около 150 человек пехоты в качестве прикрытия) тоже из Манчестера. В большинстве батальонов можно было бы выставить пехоты на 100—150 человек больше, но командиры позаботились, по-видимому, о том, чтобы недостаточно обученные волонтеры остались дома.

Участок, на котором производился смотр (южная часть парка, принадлежащего графу Уилтону, где прежде происходили скачки), представляет собой понижающийся с запада на восток склон холма; справа и слева он ограничен лощинами, которые соединяются у восточного подножия холма, образуя ровный луг площадью, примерно, в 800 шагов в квадрате. Ручей, протекающий вдоль северного подножия холма, за которым местность снова повышается, ограничивает участок с этой стороны; по всем остальным направлениям он замыкается леском, расположенным вдоль стены парка. Совершенно открытый характер местности нарушается только огороженными или незащищенными группами мелкого кустарника, а также отдельными деревьями и кое-где заболоченными местами.

Смотры полковника Мак-Мердо, в противоположность большинству обычных волонтерских смотров, всегда производятся без предварительно установленной и сообщенной войскам программы: волонтеры никогда не знают заранее, что им придется делать. Зато передвижения, совершаемые под его командой, бывают лишь такого рода, которые действительно применяются перед лицом врага и исключают всякое тактическое мудрствование. Мак-Мердо, зять завоевателя Синда, сэра Чарлза Нейпира, и начальник его штаба в Индии, отнюдь не педант, а солдат глубоко практического склада, и вся его деятельность и волонтерских войсках доказывает, что он в этой должности вполне на своем месте.

Бригада встретила инспектора, построенная, как обычно, в линию. После вступительных формальностей он приказал построиться в колонны на одну четверть дистанции (обычная колонна англичан при движениях войск вне сферы неприятельского огня), сомкнуться к середине и изменить фронт колони захождением вправо, так что упомянутый ровный луг и роща у

* Имеется в виду двухшереножный строй. *Ред.*

восточной стены парка оказались перед фронтом. Во время этих перестроений, произведенных быстро и без какого-либо замешательства, кавалерия рассыпалась в цепь, промчалась через лесок и открыла огонь по предполагаемому неприятелю, но скоро вернулась обратно. После этого правофланговый батальон (6-й ланкаширский) был выдвинут вперед, причем четыре его роты рассыпались в цепь, а четыре остались на месте в качестве поддержки; два других батальона (смешанный 28-й и 56-й ланкаширские и 33-й ланкаширский) развернули фронт, в то время как левофланговый батальон (40-й ланкаширский) остался построенным в колонну и вместе с кавалерией расположился на расстоянии 200 шагов позади в качестве резерва. Оба орудия стояли на краю холма, на правом фланге цепи стрелков. До того как был отдан приказ о наступлении, стрелки, роты поддержки и развернутые в линию батальоны лежали распластавшись на земле. В таком положении бригада представляла очень воинственное зрелище, какое мы не привыкли наблюдать во время обычных волонтерских маневров; сразу было видно, что командует настоящий солдат.

Но вот раздался сигнал для цепи стрелков двинуться вперед и открыть огонь. Бой в рассыпном строю был проведен не совсем удачно. Волонтеры, привыкшие по шаблону рассыпаться в цепь на открытой ровной местности своего учебного плаца, слишком тщательно заботились о сохранении равнения, чтобы думать о прикрытии. Естественные рубежи и заросли были для них в диковинку. Особенно сбивали их с толку огороженные кусты, через которые нельзя было пройти; одна рота остановилась перед таким кустарником в тесной лощине и преспокойно стреляла в него, между тем как остальная часть цепи уже давно его обошла и находилась за ним. Кроме того, цепь стрелков постепенно переместилась целиком на левый фланг, так что лесок, в направлении которого была брошена кавалерия, подвергся очень слабой атаке, а фронт развернутых батальонов обнажался все больше и больше. Так как весь план и ход выполнения маневра отнюдь не требовали такого движения, то я полагаю, что это произошло по недосмотру. Артиллерия продвигалась вперед вместе с правым флангом пехоты, все время стреляя, причем оставалась часто неприкрытой, и если мой бинокль меня не обманул, то колеса орудий нередко стояли накренившись на склоне холма.

Затем стрелки еще на некоторое время были усилены рассыпавшимися в цепь ротами поддержки, после чего их отозвали обратно; развернувшиеся батальоны тем временем продвинулись вперед и открыли беглый огонь. Огонь на правом фланге,

особенно со стороны 28-го ланкаширского батальона, был очень энергичным и, пожалуй, несколько торопливым; в центре, на правом фланге 33-го ланкаширского батальона, перестрелка велась вяло и прерывалась длительными паузами; на левом фланге стреляли довольно беспорядочно. Часть фронта оказалась здесь непосредственно за гребнем, почти вдвое превышавшим рост человека, что, однако, не мешало волонтерам оживленно стрелять прямо перед собой. Тем временем 40-й ланкаширский батальон подтянулся из резерва к линии фронта на расстояние в 200 шагов и развернулся; справа от него расположился уже вновь соединившийся 6-й ланкаширский батальон. В обоих батальонах левофланговые взводы рот произвели захождение назад, чтобы пропустить первый эшелон, который начал теперь отходить поротно, сдвоенными рядами. Признаюсь, я совершенно не могу согласиться с этим перестроением, предписанным в данном случае уставом; на этот раз оно понравилось мне меньше, чем когда-либо. Устав требует, чтобы отступающий первый эшелон сделал поворот кругом и подошел бы, развернутый в линию, ко второму, тоже развернутому эшелону на дистанцию длины фронта роты, а затем, разбившись поротно, проходил через образованные вышеуказанным способом интервалы. Если первый эшелон отходит только из-за недостатка боевых припасов, когда его ряды не расстроены и нет оснований опасаться немедленной атаки, тогда такой маневр можно, пожалуй, совершить беглым шагом; но для активного противника это был бы самый удобный момент, чтобы двинуть вперед свои главные силы. Здесь же все это было проделано даже не по уставу. Первый эшелон тотчас же разбился поротно, и в этом построении, к тому же весьма неряшливо выполненном, ему пришлось отходить целых 200 шагов без всякого стрелкового прикрытия.

6-й и 40-й ланкаширские батальоны открыли теперь, в свою очередь, частый огонь, причем на этот раз огонь был более равномерным и насыщенным, чем у первых двух батальонов. Когда каждый сделал примерно по 4—5 выстрелов (артиллерия все время вела огонь с правого фланга каждого первого эшелона), раздался сигнал отбоя, и первая часть маневров на этом окончилась. До сих пор полковник Мак-Мердо рассматривал свою бригаду как отдельное соединение, самостоятельно вступившее в бой с предполагаемым противником; расположение и маневрирование войск были направлены против лежащей перед ними местности, занятой неприятелем. С этого момента он выстроил все четыре батальона в одну линию, которая должна была действовать в качестве первого эшелона

какого-то более крупного отряда. Ограниченность пространства не позволяла ему теперь считаться с особенностями лежащей перед ним местности, и, чтобы удержать волонтеров собранными вместе для маневрирования всей массой войск, он не принимал также во внимание весь более дальний огонь стрелковых цепей.

Сначала первый эшелон произвел перемену фронта захождением влево, благодаря чему он оказался на продолжении вышеупомянутой северной лощины. Остальные батальоны развернулись в линию слева от него, и вся линия открыла частый огонь. Затем всю линию начали все больше и больше растягивать влево, для чего батальоны правого фланга один за другим поротно отделялись, маршировали позади фронта на левый фланг и там снова выстраивались. После того как левый фланг был таким образом растянут почти до леска у западной стены парка, линия фронта, начиная с правого фланга, была оттянута назад, описав при этом четверть окружности, причем осью захождения служил левый фланг. За исключением левофлангового батальона, это движение было выполнено, как обычно, посредством построения батальонов в колонны на четверть дистанции, с последующим переходом на новое направление и развертыванием на нем, при этом очень быстро и в полном порядке, несмотря на крутой косогор. В тот момент, когда батальоны вновь развертывались, я проходил как раз вдоль фронта 40-го ланкаширского батальона, видел, как роты выходили на линию фронта, и должен сказать, что даже самые лучшие из наших линейных войск на континенте выполнили бы это, быть может, более элегантно и «молодцевато», но наверняка не так спокойно и быстро. Во время перестроения полковник Мак-Мердо несколько раз громко выражал батальону свое полное одобрение. 6-й ланкаширский батальон также развернулся быстро и в полном порядке; мне приходилось видеть, как французские линейные войска исполняли этот маневр гораздо неряшливее.

После нескольких залпов бригада слева поэшелонно двинулась вперед, с дистанциями в 100 шагов между батальонами, затем остановилась и беглым шагом построилась в каре. Местами это было исполнено не особенно четко, так как во время движения через кустарник ряды несколько расстроились. Батальоны снова развернулись, выдвинулись на линию левофлангового батальона, дали каждый по залпу, в общем довольно стройному, и затем вся бригада, выстроенная в одну линию, двинулась вперед. Мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь из столь многочисленных в Германии офицеров, придерживающихся

взгляда, будто молодые войска не могут выполнять движения в линию, видел фронтальный марш этой линии, состоящей из 640 сдвоенных рядов. Местность была крайне неровная. Фронт проходил поперек склона холма, довольно круто понижавшегося с трех сторон; почва была покрыта ямами и кочками; кроме того, было много отдельно расположенных деревьев. Тем не менее, волонтеры прошли несколько сот шагов в полном порядке, с достаточно хорошим равнением, сомкнуто и без отклонений, особенно два батальона в центре (6-й и 40-й), и полковник Мак-Мердо выразил как на месте, так и позднее, в беседе со штаб-офицерами, свое полное удовлетворение этим движением. В заключение он приказал трубить сигнал к атаке, и тогда вся масса с чисто волонтерским рвением быстро пробежала примерно сотню шагов вниз по склону до открытого поля; это было похоже скорее на состязание в беге, чем на атаку. Когда прозвучал сигнал отбоя, 40-й ланкаширский батальон остановился, хотя и не с очень хорошим равнением, но в компактном, сомкнутом построении, а 6-й в несколько худшем порядке. Зато на флангах, особенно на левом, был сильный беспорядок; люди основательно перемешались, многие упали, один волонтер из первой шеренги даже был ранен в икру, так как часть второй шеренги держала здесь штыки наперевес. На этом маневры закончились, войска построились к церемониальному маршу, продефилировали и разошлись по домам.

Мне кажется, что такой пример даст читателям «Allgemeine Militar-Zeitung»[340] гораздо более наглядное представление о характере и уровне подготовки этих волонтеров, чем всякие доктринерские рассуждения. Хотя в данном случае численность сосредоточенных для смотра войск была невелика, но, тем не менее, именно это и позволило произвести ряд передвижений, применяющихся на практике, которые были бы невозможны при сосредоточении здесь большего числа волонтеров; в Англии для них никогда не хватает места. К тому же батальоны, участвовавшие в смотре, дают хорошее представление об английских волонтерских частях в целом; два батальона, как мы видели, значительно опередили в смысле подготовки оба других и представляли собой крепко сколоченные батальоны крупных городов; два другие, более отсталые по подготовке, уже в силу своего более смешанного состава характерны скорее для волонтерских частей, формируемых в деревне и в небольших городах. В общем, можно сказать, что волонтеры достаточно освоились с главнейшими построениями батальона; они строятся в колонны и развертываются, двигаются в колонне и в линии с достаточной, иногда даже с большой уверенностью. Однако было

бы неплохо избавить их от искусственных развертываний и контрмаршей, которые еще предписываются английским уставом, как и уставами многих других стран. Бой в рассыпном строю, который всегда был слабым местом англичан, волонтеры знают лишь в той мере, в какой их можно было научить этому на учебном плацу; но и здесь сказывается заметная разница между различными батальонами. Ошибки, допущенные во время этого смотра, ничем не отличаются, как мы видели, от ошибок, которые можно ежедневно наблюдать на занятиях в наших континентальных кадровых армиях, хотя эти армии и имеют то преимущество, что ими командуют офицеры, поседевшие на учебном плацу. Однако все же нельзя отрицать, что офицеры английских волонтерских войск все еще представляют слабое место во всей организации, хотя и в этом отношении имеется заметное улучшение. Те, кому доставляют удовольствие *церемониальные марши,* найдут, что и в этом искусстве волонтеры сделали гораздо большие успехи, чем можно было ожидать. Наконец, что касается их достижений на стрельбище, то они безусловно могут померяться силами с любой из европейских постоянных армий и, несомненно, имеют в среднем в каждом батальоне больше хороших стрелков, чем большая часть линейных войск. В конечном итоге, теперь, через три года, можно считать опыт вполне удавшимся. Почти без всяких затрат со стороны государства Англия создала организованную армию в 163000 человек для обороны страны — армию, которая уже настолько подготовлена, что ей достаточно будет пройти обучение в лагерях от трех до шести недель, в зависимости от различной степени подготовки отдельных батальонов, чтобы стать вполне боеспособной полевой армией. А столько времени англичане будут иметь в своем распоряжении даже в самом худшем случае при любой попытке иноземного вторжения.

Написано Ф. Энгельсом в августе 1862 г.

Напечатано в «Allgemeine Militar-Zeitung» №№44 и 45; 1 и 8 ноября 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

МИТИНГ В ЗАЩИТУ ГАРИБАЛЬДИ

В настоящий момент в Лондоне подготовляется митинг в защиту Гарибальди[341]; другой такой же митинг состоялся вчера в Гейтсхеде, третий назначен в Бирмингеме. Серию этих народных демонстраций открыл во вторник *Ньюкасл.* Для характеристики своеобразного настроения, господствующего в Англии, мы помещаем ниже краткий отчет о митинге в Ньюкасле. Подобные митинги всегда любопытны. Митинг состоялся в помещении городской ратуши. Г-н *Ньютон* (член городского совета) открыл собрание речью, в которой сказал, между прочим, следующее:

«Пока Италия не свободна, не может быть никакой свободы и в Европе. Пока Франция держит в центре Европы большую армию, нет гарантии даже для тех свобод, которыми мы гордимся в настоящий момент. Нельзя ни на минуту забывать, что действительную причину неудачи, постигшей Гарибальди, следует искать не столько в Италии, сколько в Париже. Французский властелин — вот кто действительный виновник его неудачи. (Громкие аплодисменты.) Это та самая власть, которая заставила полностью умолкнуть печать и трибуну, которая задушила, связала, лишила мужества Францию. Я не сомневаюсь, что придет день расплаты, день мести за государственный переворот, что провидение потребует искупления за все грехи и преступления этого переворота! Требуется большое самообладание, чтобы спокойно говорить о поведении Франции по отношению к Италии. Со времен Карла VIII она постоянно была занята тем, что разоряла Италию и использовала ее в качестве предлога для нарушения европейского мира... Я читал где-то, что древние римляне не посмели судить Манлия перед Капитолием. Найдется ли в Италии клочок земли, который допустит, чтобы на нем судили Гарибальди?..»

Джоз. Коуэн внес предложение обратиться к лорду Расселу с меморандумом о том, чтобы английское правительство побудило французского императора эвакуировать Рим.

«Рим», — сказал он, — «древняя славная столица Италии... Как могло случиться, что этот древний центр цивилизации захвачен войсками чужеземного властителя? Разве французские войска имеют на Рим больше прав, чем на Неаполь, Турин или Лондон? (Громкие аплодисменты.) Папа бежал, отказался вернуться, оставив Рим на три месяца без правительства. Тогда римляне сами избрали себе правительство. И в то время как они были еще заняты его организацией, на них обрушились те самые французы, которые за год до того подали им пример.

Назвать такое поведение непоследовательным было бы недостаточно. Оно подло (бурные аплодисменты), и история заклеймит каждого француза, принявшего участие в этом гнусном деле. За исключением раздела Польши, пожалуй, никогда еще все принципы национальной независимости и международного права не были попраны так бесстыдно, как при удушении Римской республики французскими преторианскими бандами! Рим пал в июне 1849 г., и Луи Бонапарт владеет им по сей день, в течение целых 13 лет!.. Когда его министры заявляли во французском Национальном собрании, что экспедиция вызвана анархией в Риме, они лгали! (Hear, hear![*]) Когда его офицеры заявляли в Тулоне войскам, отказывавшимся выступить против братской республики, что борьба ведется не с Римом, а с Австрией, они лгали. После высадки армии в Чивита-Веккиа они снова лгали, выдавая себя не за врагов, а *за* друзей народа и лицемерно переплетая французские флаги с итальянскими! Французский уполномоченный и его агенты лгали, когда добивались свидания с триумвирами под предлогом ведения переговоров, в действительности же для того, чтобы обследовать состояние городских укреплений. Генерал Удино лгал, когда обязался не атаковывать город раньше 4 июня, но в действительности напал на него 2-го, застигнув, таким образом, римлян врасплох. Все поведение французов в этом гнусном деле было с начала до конца рассчитанным и лицемерным обманом. (Гром аплодисментов.)

Начиная с Луи Бонапарта и кончая его последним агентом, все они обманывали Рим, французский народ и Европу. Луи Бонапарт никогда не хотел, чтобы Италия была свободной. То, чего он хочет, это Сардинское королевство на севере, другое королевство на юге с королем Мюратом и третье в центре Италии для своего кузена Плон-Плона. (Аплодисменты и смех.) Эти три маленькие монархии, связанные родственными узами с династией Бонапартов и вдохновляемые из Тюильри, обеспечили бы Луи Бонапарту значительное усиление его могущества в Европе. План был не плох, и его осуществление сделало бы честь ловкости Бонапарта, но Гарибальди сорвал его. (Бурные аплодисменты.) Сам Гарибальди в настоящее время обезоружен. Это возлагает тем большую обязанность на английский народ — положить конец злоупотреблениям французского деспотизма и запереть ворота Рима перед преторианскими ордами узурпатора... Бонапартизм — источник всех бедствий в Европе. Но дни его могущества сочтены... Неумолимая воля, сотни тысяч солдат, изобилие всех смертоносных орудий войны, сенат, набитый раболепными искателями доходных мест, созванная под барабанный бой жандармами и префектами палата представителей, — зато на другой стороне — человеческая природа, стоящая на страже своих извечных прав!» (Бурные аплодисменты.)

Затем г-н *Коуэн* мотивировал и зачитал адресованный лорду Расселу меморандум, который был принят единогласно. Неудачная попытка некоего г-на Рула выступить «в защиту нашего

[*] — Правильно, правильно! *Ред.*

высокого союзника по ту сторону Ла-Манша» потонула в оглушительном шиканье, свисте, возгласах неодобрения и смехе.

Г-н *Ратерфорд* (пастор) внес затем вторую резолюцию, гласившую:

«Настоящее собрание приглашает генерала Гарибальди поселиться в Англии и заверяет его в неизменном и все возрастающем восхищении со стороны английского народа».

Мотивируя свое предложение, г-н Ратерфорд, между прочим, заметил:

«Если в Риме для папы окажется слишком жарко, то и он также сможет найти пристанище в Англии. Мы даже будем его приветствовать — не как светского государя, а как главу величайшей церкви».

Предложение прошло единогласно. Председательствующий закрыл собрание резкой репликой в адрес «парижского деспота».

«Пусть он вспомнит о древней Италии с ее Брутом и Кассием; пусть вспомнит о Немезиде, неотступно следующей за ним по пятам; пусть подумает, подобно Макбету, о том, что рука с оружием и голова в шлеме могут внезапно вырасти из-под земли, и пусть не забывает, что не у всех Орсини, отрублены головы».

Так сказал г-н муниципальный советник *Ньютон.*

В настоящий момент язык английских газет и митингов напоминает обстановку в первые дни после coup d'etat*, представляя резкий контраст по сравнению с позднейшими гимнами в честь «спасителя общества».

Написано К. Марксом, 11 сентября 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 256, 17 сентября 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — государственного переворота. *Ред.*

К. МАРКС

НУЖДА РАБОЧИХ В АНГЛИИ

Уже два месяца в здешней печати ведется полемика, данные которой, пожалуй, представляют для будущего историка английского общества несравненно больший интерес, чем все каталоги всемирной выставки[342], как иллюстрированные, так и неиллюстрированные.

Вспомним, что незадолго до закрытия парламента под давлением крупных промышленников через обе палаты в самом спешном порядке был проведен билль о повышении налога в пользу бедных в муниципалитетах Ланкашира и Йоркшира. Это мероприятие, имеющее само по себе весьма ограниченное значение, затрагивает главным образом мелкую буржуазию фабричных округов и лишь едва задевает landlords (крупных земельных собственников) и cottonlords (хлопчатобумажных лордов). Во время обсуждения билля Пальмерстон обрушился на хлопчатобумажных лордов, рабочие которых умирают на улицах от голода, в то время как сами они чудовищно обогащаются путем спекулятивных сделок с хлопком. Их «masterly inaction» (мастерскую бездеятельность) во время кризиса он объяснял также «спекулятивными» мотивами. Еще при открытии сессии лорд Дерби заявил, что недостаток хлопка явился для фабрикантов deus ex machina*, ибо невероятное переполнение рынков должно было повлечь за собой ужаснейший кризис, если бы Гражданская война в Америке внезапно не прервала подвоза сырья. Кобден в качестве представителя

* — буквально: «богом из машины» (в античном театре актеры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле — неожиданно появляющееся лицо или обстоятельство, которое спасает положение. *Ред.*

промышленников ответил трехдневной язвительной речью, направленной против внешней политики Пальмерстона.

После закрытия парламентской сессии борьба продолжалась в печати. Обращения к английской публике с призывом о помощи страдающему рабочему населению и непрестанно растущая нищета в фабричных округах давали каждый день все новые поводы для продолжения борьбы. «Morning Star» и другие органы промышленников напоминали о том, что граф Дерби и целый рой аристократов своей ежегодной земельной рентой в 300000 и более фунтов стерлингов с земельных владений, расположенных в фабричных округах, где земля, ранее не имевшая никакой ценности, словно по волшебству достигла ее нынешней цены, обязаны только промышленной деятельности, в которой сами они не принимают участия. «Morning Star» дошла до того, что определила размеры благотворительных взносов, которые надлежит сделать Дерби и прочим крупным лендлордам. Так, например, она установила для Дерби взнос в размере 30000 фунтов стерлингов. Вскоре после роспуска парламента лорд Дерби действительно созвал в Манчестере митинг для сбора благотворительных взносов. Он сам пожертвовал сумму в 1000 фунтов стерлингов; другие крупные землевладельцы также подписались на соответствующие суммы. Результат получился не блестящий, но земельная аристократия хоть что-то сделала. Она била себя в грудь с возгласом: «Salvavi animam meam!»*.

Магнаты хлопчатобумажной промышленности между тем упорно сохраняли позу «стоиков». Их нигде нельзя было найти — ни в местных комитетах, созданных для помощи нуждающимся, ни в лондонском комитете. «They are neither here nor there, but they are on the Liverpool market» («Их нет ни здесь, ни там, они на ливерпульском рынке»), — пишет одна лондонская газета. Торийские газеты и «Times» изо дня в день мечут громы и молнии против хлопковых деспотов, которые, высосав миллионы «из крови и плоти рабочих», отказываются теперь пожертвовать хотя бы грош на сохранение «источника их богатства». Газета «Times» послала своих репортеров в фабричные округа: их весьма подробные сообщения никоим образом не могут способствовать популярности «cottonlords». Зато газеты промышленников — «Morning Star», «Economist», «Manchester Guardian» и т. д. — обвиняют «Times» в разжигании классовой борьбы с целью замазать виновность правительства, его хозяйничанье в Индии и т. д. Более того, «Times» обвиняется

* — «Я спас свою душу!» *Ред.*

в «коммунистических тенденциях». «Times», очевидно, весьма обрадовавшись случаю восстановить свою популярность, отвечает с едкой иронией: если «cottonlords», с одной стороны, поступают весьма разумно с экономической точки зрения, используя нынешний недостаток хлопка в целях спекуляции, то, с другой стороны, они завзятые коммунисты, и притом «коммунисты самого худшего сорта». Эти богатые господа очень хотели бы, чтобы Англия взяла на себя все расходы и тем самым сохранила для них наиболее ценную часть их капитала без каких бы то ни было затрат с их стороны. Ведь их капитал состоит не только из фабрик, машин и банковских вкладов, но в еще большей степени из хорошо обученных рабочих армий Ланкашира и Йоркшира. И в тот момент, когда эти господа сами закрывают свои фабрики, чтобы продавать сырье с 500 процентами прибыли, они еще требуют, чтобы английский народ содержал распущенные ими армии.

Во время этой необычной распри между земельной и промышленной аристократией — кто из них больше высосал соков из рабочего класса и кто из них меньше всего обязан помочь нуждающимся рабочим — с самими нуждающимися происходят такие вещи, о которых и понятия не имеют поклонники «great exhibition»* на континенте. Событие, о котором я расскажу ниже, было официально засвидетельствовано.

В маленьком коттедже в Гоксхолме, близ Падмондена (Западный Райдинг в Йоркшире) жил отец с двумя дочерьми; отец был стар и немощен, дочери добывали себе хлеб работой на хлопчатобумажной фабрике г-на Халлиуэлла. Они занимали жалкую комнату в нижнем этаже, в нескольких футах от грязной канавы; над их окном находилась лестница, которая служила ходом для жильцов верхнего этажа. Эта лестница лишила их жалкую конуру света. В самые лучшие времена они зарабатывали лишь столько, сколько необходимо для того, чтобы «сохранить душу в теле», но за последние пятнадцать недель иссяк единственный источник заработка. Фабрика закрылась; семья осталась без всяких средств к существованию. Шаг за шагом нищета затягивала их в свою бездну. Каждый час приближал их к могиле. Скудные сбережения были скоро исчерпаны. Пришел черед жалкой мебели, платью, белью — всему, что можно было продать или заложить, чтобы превратить это в хлеб. Точно известно, что в течение четырнадцати педель они, не заработав ни единого фартинга, ни разу не обратились за помощью к приходу.

* — «великой выставки». *Ред.*

В довершение беды старик уже месяц болел и был не в силах встать с постели. Трагедия Уголино и его сыновей повторилась лишь без сцен каннибализма в падмонденской хижине. Дней восемь тому назад (12-го числа) более крепкая из обеих девушек, дойдя до крайнего отчаяния, решилась, наконец, пойти к попечителю о бедных и рассказать ему горестную повесть. Сей господин, как это ни покажется невероятным, ответил, что он ничего не может сделать для семьи до будущей среды. Трое несчастных страдальцев должны потерпеть еще пять дней, пока могущественный палач не соблаговолит, наконец, оказать помощь. Семья стала ждать, ничего другого ей не оставалось делать. Наконец, наступила долгожданная среда, когда официальная благотворительность должна была кинуть голодающей семье крохи хлеба; тут жители села были напуганы слухом, что одна из сестер умерла от голода. Ужасный слух оказался правильным. Распростертый на жалких нарах, в окружении символов страшной нищеты, лежал труп девушки, умершей от голода; отец ее, истощенный и беспомощный, рыдал в своей постели; у оставшейся в живых сестры едва хватило сил рассказать историю своих страданий. Мы знаем по опыту, чем кончится этот ужасный случай, отнюдь не исключительный в наше время. Будет произведен осмотр умершей. Coroner (следователь, осматривающий трупы) станет распространяться насчет благожелательного духа английского закона о бедных, вновь сошлется на превосходный аппарат для проведения закона в жизнь, чтобы prima facie* доказать, что закон никак не может быть ответственным за этот печальный случай. Попечитель сумеет оправдаться, и если даже суд не наговорит ему комплиментов, то во всяком случае для своего успокоения он узнает, что за ним нет ни малейшего прегрешения. Наконец, присяжные увенчают эту комедию торжественным приговором: «Died by the visitation of God» (Скончалась по воле божьей).

Написано К. Марксом около 20 сентября 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 266, 27 сентября 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* —сразу же. *Ред.*

К. МАРКС

МИТИНГИ ГАРИБАЛЬДИСТОВ. — НУЖДА СРЕДИ РАБОЧИХ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Лондон, 30 сентября

После митинга гарибальдистов в Ньюкасле, описанного мною в одной из предшествующих статей[*], состоялись подобные же митинги в Сандерленде, Данди, Бирмингеме, Лондоне и других городах. Характер этих митингов был повсюду один и тот же, и их последнее слово неизменно гласило: «Французы должны очистить Рим». В настоящий момент во всех районах Лондона намереваются избрать депутатов и послать их en masse[**] к лорду Джону Расселу, чтобы заставить его выступить против продолжающейся оккупации Рима французскими войсками. «Pressure from without» (давление извне) есть ultima ratio[***] англичанина в его борьбе со своим правительством.

А между тем тюильрийский кабинет взирает на эти народные демонстрации в Англии без особого удовольствия и далеко не равнодушно, как об этом можно судить по следующей выдержке из «Newcastle Journal»[343]:

«Император французов обратил внимание английского правительства на тон речей, преобладавший на последнем митинге гарибальдистов в Ньюкасле. Было подчеркнуто, что два оратора, и в том числе председатель собрания, муниципальный советник Ньютон, намекали на заговоры против жизни императора и самым недвусмысленным образом угрожали ему смертью за его политику в отношении Италии. Правительство сочло нужным поэтому принять соответствующие меры и заявить, что законы Англии будут применяться со всей строгостью как для предупреждения, так и для наказания всех заговоров, подобных заговору Орсини, д-ра Бернара и других, — тем более, что на вышеупомянутом митинге совершенно

[*] См. настоящий том, стр. 558—560. *Ред.*
[**] — всех. *Ред.*
[***] — последний довод, крайнее средство. *Ред.*

открыто высказывалось намерение повторить покушение Орсини. Это предостережение правительства основывается на том, что в последнее время в мадзинистских кружках произносились речи, раздавались угрозы и делались глухие намеки на действия, вроде тех, которые предшествовали заговору Орсини. В заключение мы можем сообщить нашим читателям, что судебными властями уже предприняты первые шаги в связи с митингом в Ньюкасле».

Таковы сведения «Newcastle Journal». Кто хоть сколько-нибудь знаком с положением дел в Англии и с господствующим здесь настроением, тот знает также, что всякое вмешательство нынешнего кабинета в народные демонстрации может окончиться только его собственным падением, как это и было во время покушения Орсини[344].

Ввиду надвигающейся зимы положение в фабричных округах становится с каждым днем все более угрожающим. «Morning Star» предостерегает сегодня, что если нынешние методы «официальной благотворительности» не изменятся, то зимой мы станем свидетелями волнений, которые оставят далеко позади бурные сцены 1842—1843 годов[345]. Непосредственным поводом для этого прорицания Кассандры послужило напечатанное во всех английских газетах заявление одного манчестерского рабочего, прежде занятого в машинном (хлопчатобумажном) ткацком производстве, а теперь выброшенного на мостовую. Чтобы понять это заявление, содержание которого я вкратце изложу ниже, нужно знать, что такое «labour test» («трудовое испытание»). Английское законодательство о бедных 1834 г., представлявшее собой попытку искоренить пауперизм путем применения к нему наказания, как за постыдное преступление, требует, чтобы хлопочущий о пособии, прежде чем его просьба будет удовлетворена, доказал свое «желание работать». Для этого он разбивает камни или «picks oakum» (рассучивает старые корабельные канаты и т, д.) — бессмысленные операции, которые служат наказанием для приговоренных к каторжному труду преступников в английских тюрьмах. После этого «трудового испытания» нуждающийся получает шиллинг в неделю на каждого члена своей семьи, причем полшиллинга выдается деньгами и полшиллинга хлебом.

Обратимся теперь к «заявлению» английского ткача. Его семья состоит из шести человек. Прежде он имел хороший заработок. Но вот уже восемнадцать недель, как его рабочее время сократилось вдвое и вчетверо. За это время недельный доход семьи едва достигал 8 шиллингов. В последнюю неделю фабрика, на которой он работал, была полностью остановлена. За свое жилье он платит 2 шиллинга 3 пенса в неделю. Он заложил и продал все, что только можно было вынести из дома, и остался

без гроша в кармане; угроза голодной смерти нависла над ним и его семьей. Тогда он был вынужден обратиться за помощью в попечительство о бедных. Рано утром в прошлый понедельник он явился к «guardians»*.

После «сурового допроса» они направили его к чиновнику, ведавшему пособиями в его округе. Прошел целый час, прежде чем чиновник допустил его к своей сиятельной особе. Затем чиновник снял с него вторичный допрос и ... отказал ему в пособии на том основании, что он на прошлой неделе заработал 3 шиллинга, хотя «проситель» дал ему подробный отчет о том, как он израсходовал это «состояние». Таким образом, рабочему и его семье предстояло голодать до следующей среды. В среду он отправился опять в бюро «guardians». Здесь он узнал, что для получения пособия он должен сначала подвергнуться «трудовому испытанию». Пришлось пойти в workhouse (бастилию для бедных)** и с пустым желудком рассучивать там канаты до половины шестого вечера вместе о 300 других рабочих, битком набитых в тесном помещении приблизительно в тридцать ярдов. Здесь, в невыносимой жаре, тесно прижатые друг к другу на скамейках, среди удушливых испарений и пыли, «мученики трудового испытания» — эти искусные рабочие, создатели национального богатства Англии, — должны были производить самые унизительные операции, к каким только можно принудить человеческое существо. С таким же успехом можно было бы требовать от часовщика, чтобы он ковал подковы, или от органиста, чтобы он сам раздувал мехи своего органа» Закончив эту операцию, наш «ткач» получил ровно 5 шиллингов — наполовину деньгами, наполовину хлебом. После того как он уплатил за жилье, у него осталось, таким образом, неполных 2 пенса (около двух прусских зильбергрошей) для каждодневного пропитания шести человек. А в следующую среду ему предстояло снова выдержать «божье испытание», которое обычно повторяется каждую неделю. Но «ткач» теперь публично заявил, что он предпочитает умереть со своей семьей от голода, чем вторично подвергнуться такому позору.

Написано К. Марксом 30 сентября 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 273, 4 октября 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — «попечителям». *Ред.*

** — работный дом. *Ред.*

К. МАРКС

К СОБЫТИЯМ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Непродолжительный поход в Мэриленд[346] решил судьбу Гражданской войны в Америке, как бы ни колебалось еще в течение известного времени военное счастье обеих борющихся сторон. Ранее на страницах этой газеты уже указывалось, что борьба за обладание пограничными рабовладельческими штатами является борьбой за господство над Союзом[*]; между тем Конфедерация потерпела поражение в этой борьбе, хотя и начала ее при самых благоприятных условиях, которые никогда больше не смогут повториться.

Мэриленд по праву считается головой, а Кентукки — руками партии рабовладельцев в пограничных штатах. «Лояльность» Балтимора — столицы Мэриленда — до сих пор поддерживалась лишь с помощью осадного положения. Не только на Юге, но и на Севере господствовало непреложное убеждение в том, что появление конфедератов в Мэриленде послужит сигналом к массовому народному восстанию против «сателлитов Линкольна». Дело шло здесь не только о военном успехе, но и о моральной демонстрации, которая должна была наэлектризовать сторонников южан во всех пограничных штатах и с непреодолимой силой увлечь их в водоворот событий. Занятие Мэриленда означало бы падение Вашингтона и угрозу для Филадельфии, а также поставило бы под вопрос безопасность Нью-Йорка.

Одновременное вторжение в Кентукки[347], являющийся благодаря своей населенности, географическому положению

[*] См. настоящий том, стр. 348—350, 540—543. *Ред.*

и экономическим ресурсам важнейшим из пограничных штатов, было, если рассматривать его изолированно, всего лишь диверсией. Опираясь же на решающие успехи в Мэриленде, это вторжение привело бы к подавлению сторонников Союза в Теннесси, к обходу Миссури с флангов, обеспечило бы безопасность Арканзаса и Техаса, создало бы угрозу для Нового Орлеана, а главное, оно перенесло бы войну в Огайо — центральный штат Севера, обладание которым позволяет господствовать над Севером в той же мере, в какой обладание Джорджией обеспечивает господство над Югом. Армия конфедератов в Огайо отрезала бы западные штаты Севера от восточных и разгромила бы противника, опираясь на его собственный центр. После поражения главных сил мятежников в Мэриленде вторжение в Кентукки, предпринятое без должной энергии и не встретившее нигде поддержки народа, свелось к незначительной партизанской вылазке. Даже взятие Луисвилла теперь лишь сплотило бы «великанов Запада»[348] — волонтеров из Айовы, Иллинойса, Индианы и Огайо, — превратив их в «лавину», подобную той, которая во время первого победоносного похода в Кентукки обрушилась на головы южан.

Таким образом, мэрилендский поход показал, что волны сецессии не обладали достаточной силой напора, чтобы перекинуться через Потомак и достигнуть Огайо. Юг вынужден ограничиться обороной, в то время как *только наступление* могло принести ему успех. Лишенный пограничных штатов, зажатый между Миссисипи на западе и Атлантическим океаном на востоке, Юг, таким образом, не завоевал ничего, кроме своей могилы.

Нельзя забывать ни на один момент, что, поднимая знамя мятежа, южане владели пограничными штатами, господствовали здесь политически. Они предъявляли требования на территории. Но вместе с территориями они утратили и пограничные штаты.

И все же вторжение в Мэриленд началось в исключительно благоприятной обстановке: северяне потерпели ряд неслыханно позорных поражений; армия федералистов деморализована; Джэксон-Каменная стена — герой дня; Линкольн и его правительство — всеобщее посмешище; демократическая партия на Севере снова усилилась и уже считает возможным избрание Джефферсона Дэвиса на пост президента; Франция и Англия готовы открыто признать законность признанного ими тайком правительства рабовладельцев. «E pur si muove!»[*] Разум в мировой истории все же побеждает.

[*] — «А все-таки она вертится!» *Ред.*

Еще более важное значение, чем поход в Мэриленд, имеет прокламация Линкольна. Линкольн — фигура «sui generis»* в анналах истории. Никакой инициативы, никакого воодушевления, никакого позирования, никаких исторических драпировок. Самым значительным из своих действий он всегда придает наиболее заурядную форму. Если другие, действуя ради квадратных футов земли, провозглашают «борьбу за идею», то Линкольн даже тогда, когда он действует во имя идеи, говорит только о «квадратных футах земли». Нерешительно, против воли, нехотя исполняет он бравурную арию своей роли, как будто прося извинения за то, что обстоятельства принуждают его «быть героем». Самые грозные декреты, которые он швыряет навстречу врагу и которые никогда не утратят своей исторической значимости, напоминают — в соответствии о намерением их автора — обычные вызовы в суд, посылаемые друг другу адвокатами спорящих сторон, юридическое крючкотворство, опутанные мелочными оговорками actiones juris**. Такой же характер носит его недавняя прокламация, этот важнейший документ американской истории со времени основания Союза, документ, разорвавший старую американскую конституцию, — манифест Линкольна об отмене рабства[349].

Нет ничего легче, чем выискивать в деяниях Линкольна черты, противоречащие эстетике, недостаток логики, шутовскую форму и противоречивость с политической точки зрения, как это делают английские Пиндары рабства — «Times», «Saturday Review» и tutti quanti***. И все же в истории Соединенных Штатов и в истории человечества Линкольн займет место рядом с Вашингтоном! Разве в наши дни, когда все незначительное, происходящее по эту сторону Атлантического океана, напускает на себя мелодраматическую важность, не имеет никакого значения то, что все значительное, совершающееся в Новом свете, выступает в таком будничном виде?

Линкольн не является порождением народной революции. Обычная игра всеобщего избирательного права, не сознающего величия тех задач, которые оно призвано решать, вынесла на вершину его — плебея, проделавшего путь от каменотеса до сенатора от Иллинойса, человека без интеллектуального блеска, без особой силы характера, без исключительной значимости — среднего человека доброй воли. Никогда еще Новый свет не одерживал большей победы, чем на этот раз, доказав, что благодаря его политической и социальной организации средние

* — «своеобразная, единственная в своем роде». *Ред.*
** — юридические акты. *Ред.*
*** — иже с ними. *Ред.*

люди доброй воли могут выполнять задачи, для решения которых Старому свету понадобились бы герои!

Гегель в свое время заметил, что в действительности комедия выше трагедии, что юмор разума выше его пафоса[350]. Если Линкольн не обладает пафосом исторического действия, то он, как средний человек, вышедший из народа, обладает юмором этого действия. В какой момент обнародовал Линкольн прокламацию об отмене с 1 января 1863 года рабства на территории Конфедерации? В тот самый момент, когда Конфедерация в качестве самостоятельного государства принимает на конгрессе в Ричмонде решение о «мирных переговорах». В тот самый момент, когда рабовладельцы пограничных штатов считали, что с вторжением южан в Кентукки «the peculiar institution» («особый институт»)* сделался столь же несокрушимым, сколь несокрушимо их господство над своим земляком Авраамом Линкольном, президентом в Вашингтоне.

Написано К. Марксом 7 октября 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 281, 12 октября 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском, языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 5, 1958 г.

* — рабство. *Ред.*

К. МАРКС

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ХЛЕБА

Гарибальди, Гражданская война в Америке, революция в Греции, хлопчатобумажный кризис, банкротство Вейяра[351] — все это отступает сейчас в Лондоне на задний план перед... *хлебным вопросом,* перед вопросом о хлебе в буквальном смысле слова. Англичане, которые так гордятся своими «идеями в сфере железа и пара», вдруг открыли, что «staff of life» («опору жизни») они изготовляют древнефранкским способом, как во времена вторжения норманнов. Единственный существенный шаг вперед заключается в фальсификации продуктов, которая облегчается современной химией. Старая английская пословица гласит, что каждый человек, даже самый лучший, должен в своей жизни съесть «a peck of dirt» (мерку грязи). Но ведь это понимается в переносном смысле. Джон Буль и не подозревает, что он изо дня в день поглощает в самом прямом физическом смысле невообразимую mixtum compositum[*] из муки, квасцов, паутины, тараканов и человеческого пота. При его твердом знании библии ему было, конечно, известно, что человек добывает хлеб в поте лица своего; но для него явилось совершеннейшей новостью, что человеческий пот должен входить в качестве обязательной приправы в хлебное тесто.

Последовательность, в какой крупная промышленность овладевает различными областями производства, где она застает ручной труд, ремесло и мануфактуру, представляется на первый взгляд весьма прихотливой. Так, например, выращивание пшеницы есть сельское занятие, а выпечка хлеба —

[*] — мешанину. *Ред.*

городское. Не следовало ли ожидать, что промышленное производство овладеет сначала городским промыслом, а потом уже сельским? Между тем действительный ход развития был обратным. Куда бы мы ни обратили свой взор, всюду мы видим, что производство предметов, предназначенных для непосредственного потребления, до сих пор почти не испытывало влияния крупной промышленности, что удовлетворение насущных потребностей человека осуществляется посредством старозаветных, невероятно громоздких ремесленных приемов. И не Англия, а Северная Америка впервые пробила брешь в этой традиции, да и то лишь в наши дни. Янки первыми начали применять машины в портняжном, сапожном и тому подобных отраслях производства и даже перенесли их с фабрики в частный дом. Впрочем, это явление объясняется очень просто. Промышленность требует массового производства, производства в большом масштабе, для торговли, а не для личного потребления, и по самой сути дела сырье и полуфабрикаты составляют *первую,* а готовые товары, предназначенные для непосредственного потребления, *последнюю* область ее завоевания.

Однако теперь в Англии пробил, по-видимому, час гибели пекарей-*хозяев* и наступает эра хлебных *фабрикантов.* Но только лишь отвращения и ужаса, вызванного разоблачениями г-на *Трименхира* по поводу «хлебных таинств»[352], было бы недостаточно для подобной революции, если бы капитал, в массовом масштабе вытесняемый американским кризисом из давно монополизированных им областей, не искал так жадно новой сферы для своего приложения.

Поденные рабочие лондонских пекарен наводнили парламент жалобами на свое исключительно бедственное положение. Министр внутренних дел назначил г-на Трименхира докладчиком, а отчасти и следователем по вопросу об этих жалобах. Доклад г-на Трименхира и явился сигналом к буре.

Этот доклад состоит из двух главных разделов. В первом изображается крайняя нищета рабочих хлебопекарного производства, второй содержит разоблачения об отвратительных таинствах самого процесса хлебопечения.

Первая часть доклада характеризует рабочих пекарен как «белых рабов цивилизации». Их обычный рабочий день начинается в 11 часов вечера и продолжается до 3—4 часов пополудни. К концу недели рабочий день увеличивается. В большинстве лондонских пекарен он начинается с 10 часов вечера в пятницу и продолжается без перерыва до позднего вечера в субботу. Средняя продолжительность жизни этих рабочих, умирающих большей частью от чахотки, составляет 42 года.

Что касается самой выпечки хлеба, то она обычно производится в тесных, плохо или совсем не проветриваемых подвальных помещениях. Отсутствие вентиляции дополняется тлетворными испарениями из скверных сточных труб, и «хлеб во время брожения поглощает вредные газы, обволакивающие его со всех сторон». Паутина, тараканы, крысы и мыши «перемешиваются с тестом».

«Как ни велико было мое отвращение», — говорит г-н Трименхир, — «я был вынужден прийти к выводу, что тесто почти всегда содержит в себе пот, а часто и еще более вредные выделения месильщиков».

Даже лучшие хлебопекарни не свободны от этого отвратительного безобразия, но оно достигает невероятной степени в тех дырах, где изготовляется хлеб для бедноты и где особенно пышно процветает также фальсификация муки путем добавления квасцов и костяной муки.

Г-н Трименхир предлагает издать более строгие законы против фальсификации хлеба. Далее он предлагает взять хлебопекарни под правительственный надзор, ограничить продолжительность рабочего дня для «молодых людей» (то есть лиц, не достигших 18-летнего возраста) временем от 5 часов утра до 9 часов вечера и т. д. При этом, однако, он вполне разумно считает, что вскрытые им язвы, являющиеся непосредственным результатом старого способа изготовления хлеба, могут быть устранены не парламентом, а только крупной промышленностью.

И действительно, в некоторых местах для приготовления теста уже введена машина *Стивена.* Другая машина такого же рода имеется на промышленной выставке. Но обе они оставляют ручному труду еще весьма значительное место в процессе хлебопечения- Зато д-р *Доглиш* революционизировал всю систему производства хлеба. С того момента, как мука выходит из амбара, и вплоть до посадки хлеба в печь человеческая рука не касается его ни разу. Д-р Доглиш совершенно не пользуется дрожжами, осуществляя брожение с помощью углекислоты. Он сокращает продолжительность всего процесса изготовления хлеба, включая и выпечку, с восьми часов до 30 минут. Ночная работа отпадает совершенно. Применение углекислого газа исключает всякую возможность фальсификации продукта. Большая экономия достигается благодаря новому способу вызывать брожение, в особенности если сочетать машину д-ра Доглиша с изобретенным в Америке способом удалять твердую оболочку зерна, не разрушая при этом, как до сих пор, три четверти оболочки, содержащей клейковину и составляющей, по мнению французского химика Меж-Мурьеса, самую

питательную часть зерна. Д-р Доглиш вычислил, что его новый способ изготовления хлеба дал бы Англии возможность ежегодно экономить на муке 8 миллионов фунтов стерлингов. Кроме того, была бы достигнута экономия и в потреблении угля. Расходы на уголь, включая и паровую машину, снижаются с 1 шиллинга до 3 пенсов на одну печь. Стоимость углекислого газа, изготовленного из лучшей серной кислоты, составляет около 9 пенсов на мешок муки, между тем как дрожжи обходятся в настоящее время владельцам пекарен более чем в 1 шиллинг.

Хлебопекарня, работающая по способу д-ра Доглиша, теперь значительно усовершенствованному, уже была открыта некоторое время тому назад в одной части Лондона — Докхеде (Бермондси), но вследствие неблагоприятных местных условий она вскоре закрылась. В настоящее время хлебопекарни этого типа действуют и, как говорят, весьма успешно в Портсмуте, Дублине, Лидсе, Бате, Ковентри. В Ислингтоне (предместье Лондона) недавно пущена в ход, под личным наблюдением д-ра Доглиша, особая хлебопекарня, предназначенная больше для выучки рабочих, чем для продажи хлеба. Подготовительные работы для введения машинного производства ведутся в широком масштабе в хлебопекарне парижского муниципалитета.

Всеобщее распространение способа д-ра Доглиша превратит большинство теперешних пекарей-хозяев в простых агентов нескольких крупных хлебных фабрикантов. Они будут заниматься только розничной продажей, не имея никакого отношения к самому изготовлению хлеба, что, впрочем, для большинства из них будет не слишком болезненной метаморфозой, ибо они уже и теперь фактически являются простыми агентами более крупных мукомолов. Победа машинного производства хлеба явится поворотным пунктом в истории крупной промышленности, которая таким образом завоюет надежно защищенные до сих пор укромные уголки средневекового ремесленного производства.

Написано К. Марксом в конце октября 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 299, 30 октября 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

К ПОЛОЖЕНИЮ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Лондон, 4 ноября

Генерал Брагг, командующий армией южан в Кентукки, — остальные имеющиеся там боевые силы южан ограничиваются партизанскими отрядами — издал при своем вторжении в этот пограничный штат прокламацию, которая проливает определенный свет на последние шахматные комбинации Конфедерации. Эта прокламация, обращенная к штатам Северо-Запада, изображает успех Брагга в Кентукки как нечто само собой разумеющееся и явно рассчитана на случай победоносного вторжения в Огайо, центральный штат Севера. Прежде всего Брагг заявляет о готовности Конфедерации гарантировать свободу судоходства по Миссисипи и Огайо. Эта гарантия имеет смысл лишь постольку, поскольку рабовладельцы держат в своих руках пограничные штаты. Следовательно, в Ричмонде полагали, что одновременное вторжение Ли в Мэриленд и Брагга в Кентукки одним ударом обеспечило бы овладение пограничными штатами. Далее Брагг пытается доказать правоту Юга, который будто бы борется лишь за свою независимость, вообще же хочет мира; но подлинная суть прокламации, ее цель — это обращенное к северо-западным штатам предложение заключить сепаратный мир, отделиться от Союза и примкнуть к Конфедерации, так как экономические интересы Северо-Запада и Юга якобы совпадают настолько, насколько противоположны интересы Северо-Запада и Северо-Востока. Мы видим, таким образом, что едва лишь Юг вообразил себя обладателем пограничных штатов, как он уже официально выболтал свою дальнейшую цель — план восстановления Союза с исключением из него штатов Новой Англии.

Но как вторжение в Мэриленд, так и вторжение в Кентукки потерпело крах: первое — в сражении при Антитам-Крике, второе — в сражении при Перривилле у Луисвилла. Как там, так и здесь конфедераты были наступающей стороной и атаковали авангард армии Бьюлла. Своей победой федералисты обязаны командиру авангарда, генералу Мак-Куку, который сдерживал натиск значительно превосходящих сил противника до тех пор, пока Бьюлл не смог двинуть в бой свои главные силы. Не подлежит ни малейшему сомнению, что поражение при Перривилле повлечет за собой очищение Кентукки от конфедератов. Крупнейший партизанский отряд под командой генерала Моргана, состоявший из наиболее фанатических приверженцев рабовладельческой системы в Кентукки, был уничтожен приблизительно тогда же под Франкфортом (между Луисвиллом и Лексингтоном). Наконец, Розекранс одержал под Коринтом решающую победу, после которой разбитой армии вторжения под командованием генерала Брагга оставалось только быстро отступить.

Таким образом, весьма широко и удачно задуманный с военной точки зрения и предпринятый при самых благоприятных условиях поход конфедератов с целью отвоевания утраченных пограничных рабовладельческих штатов, по-видимому, полностью провалился. Помимо непосредственных военных результатов, эти бои способствуют устранению главной трудности и в другом отношении. Значение, которое собственно рабовладельческие штаты придают пограничным штатам, объясняется, конечно, наличием рабовладельческого элемента в этих последних, того самого элемента, который вынуждает правительство Союза к дипломатическим и конституционным компромиссам в его борьбе против рабовладения. Но этот элемент на главной арене гражданской войны, в пограничных штатах, практически ликвидируется в ходе самой же гражданской войны. Значительная часть рабовладельцев все время переселяется со своим «black chattel» (черным скотом) на Юг, чтобы обеспечить сохранность своего имущества. После каждого поражения конфедератов это переселение возобновляется все в больших размерах.

Один из моих друзей*, немецкий офицер, сражавшийся под звездным флагом поочередно в Миссури, Арканзасе, Кентукки и Теннесси, пишет мне, что это переселение весьма напоминает бегство из Ирландии в 1847—1848 годах. Кроме того, наиболее деятельные элементы среди рабовладельцев — молодежь, с одной стороны, политические и военные лидеры, с другой, —

* — И. Вейдемейер. *Ред.*

сами отделяются от основной массы своего класса и либо организуют в своих собственных штатах партизанские отряды, которые как таковые уничтожаются, либо покидают родные места и вливаются в армию или административный аппарат Конфедерации. И вот результат: с одной стороны, огромное сокращение контингента рабов в пограничных штатах, где рабству всегда приходилось бороться с «encroachments» (вторжениями) конкурирующего свободного труда, а с другой стороны, уход наиболее деятельной части рабовладельцев с их белой свитой. Остается, таким образом, только слой «умеренных» рабовладельцев, которые скоро с жадностью ухватятся за непомерно высокую сумму, предлагаемую им Вашингтоном в качестве выкупа за их «black chattel», который все равно обесценится, как только для него закроется южный рынок сбыта. Таким образом, война сама содействует решению вопроса, поскольку она фактически преобразует общественные отношения в пограничных штатах.

Для Юга наиболее благоприятное для ведения военных действий время года уже миновало; для Севера же оно только начинается, ибо внутренние реки теперь снова становятся судоходными, и снова открывается возможность уже испытанного с таким успехом сочетания военных действий на суше и на воде. Север весьма усердно использовал передышку. Постройка десяти бронированных судов для рек запада быстро приближается к завершению; в дополнение к этому для мелких вод строится двойное количество полубронированных судов. На востоке много новых броненосцев уже спущено на воду, между тем как другие еще строятся. Все они будут готовы к 1 января 1863 года. Эриксон, изобретатель и строитель «Монитора», руководит постройкой девяти новых судов того же типа. Четыре из них уже «плавают».

Армия на Потомаке, в Теннесси и в Виргинии, а также в разных пунктах на юге — в Норфолке, Нью-Берне, Порт-Ройале, Пенсаколе и Новом Орлеане — ежедневно получает новые пополнения. Первый призыв в 300000 человек, объявленный Линкольном в июле, полностью набран и частично находится уже на театре военных действий. Второй призыв в 300000 человек, сроком на девять месяцев, постепенно набирается. В некоторых штатах рекрутский набор заменен вербовкой добровольцев, но нигде не наталкивается на серьезные затруднения. Невежество и злоба объявили набор рекрутов неслыханным событием в истории Соединенных Штатов. Нет ничего более вздорного. Во время войны за независимость и второй войны с Англией (1812— 1815 гг.) производился рекрутский набор больших контингентов; то же самое имело место и во время разных мелких войн с ин-

дейцами, и никогда это не вызывало сколько-нибудь серьезного противодействия.

Заслуживает внимания тот факт, что в текущем году число переселенцев из Европы в Соединенные Штаты составило почти 100000 человек и что половина этих переселенцев состоит из ирландцев и англичан. На недавнем съезде английской «Association for the advancement of science»[*] в Кембридже экономисту Меривейлу пришлось напомнить своим соотечественникам факт, о котором «Times», «Saturday Review», «Morning Post», «Morning Herald», не говоря уже о dii minorum gentium[**], совершенно позабыли или который они хотели бы вытравить из памяти англичан, — а именно, что большинство избыточного населения Англии находит новую родину в Соединенных Штатах.

Написано К. Марксом 4 ноября 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 309, 10 ноября 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — «Ассоциации содействия развитию науки». *Ред.*
[**] — буквально: младших богах; здесь: второразрядных величинах. *Ред.*

К. МАРКС

ПРИЗНАКИ ИСТОЩЕНИЯ СИЛ ЮЖНОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ

Английская пресса «южнее» самого Юга. В то время как на Севере все представляется ей в черном, а в стране «nigger»* — все в белом свете, в самих рабовладельческих штатах отнюдь не убаюкивают себя «победными триумфами», прославляемыми «Times».

Южная пресса единодушно оплакивает поражение под Коринтом и жалуется на «неспособность и чрезмерную самоуверенность» генералов Прайса и Ван-Дорна[353]. «Mobile Advertiser» упоминает 42-й алабамский полк, который вступил в бой в пятницу, имея 530 солдат, в субботу насчитывал 300, а в воскресенье к вечеру состоял всего лишь из 10 солдат. Все остальные были убиты, взяты в плен, ранены или исчезли во время похода. Виргинские газеты высказываются в том же духе.

«Ясно», — пишет «Richmond Whig», — «что непосредственная цель нашего миссисипского похода не достигнута». «Следует опасаться», — заявляет «Richmond Enquirer», — «что последствия этого сражения окажут самое пагубное влияние на наш поход на запад».

Это предчувствие осуществилось, как показывает очищение Кентукки Браггом и поражение конфедератов при Нашвилле (Теннесси)[354].

Из этого же источника — из газет штатов Виргиния, Джорджия и Алабама — мы извлекли любопытные сведения о конфликте между центральным правительством в Ричмонде и вла-

* —«чернокожих» (оскорбительное прозвище негров в США, применяемое расистами). *Ред.*

стями отдельных рабовладельческих штатов. Поводом к этому конфликту послужил последний закон о наборе в армию, принятием которого конгресс значительно расширил обычные границы призывного возраста. В Джорджии на основании этого закона был призван некий Левингуд, который отказался явиться и был за это арестован агентом Конфедерации Дж. П. Брусом. Левингуд апеллировал в верховный суд графства Элберт (Джорджия), последний дал предписание о немедленном освобождении арестованного. В весьма пространной мотивировке решения суда, между прочим, говорится:

«В преамбуле, предпосланной конституции Конфедерации, ясно и определенно сказано, что каждый отдельный штат является суверенным и независимым. В каком смысле можно говорить о суверенности и независимости Джорджии, если каждый ополченец может быть насильственно изъят из-под контроля своего главнокомандующего? Если конгресс в Ричмонде может издать закон о наборе в армию с исключениями, то что мешает ему издать закон о наборе в армию без исключений, то есть мобилизовать губернатора, членов легислатуры, судебный персонал и таким образом упразднить всю администрацию штата?.. Ввиду этого, а также исходя из других соображений, суд выносит настоящее решение и предписывает считать принятый конгрессом акт о наборе в армию недействительным и не имеющим никакой законной силы...»

Таким образом, штат Джорджия запретил набор в армию на своей территории, а правительство Конфедерации не осмелилось отменить этот запрет.

Подобного же рода трения между «сепаратным штатом» и «сепаратным союзом штатов» имеют место и в Виргинии. Причиной спора является отказ администрации штата предоставить агентам г-на Джефферсона Дэвиса право мобилизации виргинских ополченцев и включения их в состав армии Конфедерации. По этому поводу имела место весьма резкая переписка между военным министром и генералом Дж. Б. Флойдом — тем пресловутым субъектом, который, занимая во время президентства Бьюкенена пост военного министра Союза, подготовлял отделение южных штатов и заодно «отделил» в свои собственные чемоданы значительную часть государственной казны. Этот лидер сецессионистов, известный на Севере под кличкой «Floyd, the thief» (вор Флойд), выступает ныне в роли борца за права Виргинии против Конфедерации. По поводу переписки между военным министром и Флойдом «Richmond Examiner» замечает, между прочим, следующее:

«Вся переписка служит неплохой иллюстрацией противодействия и враждебности, проявляемых в отношении нашего штата» (Виргинии) «и его армии со стороны тех, кто злоупотребляет властью Конфедерации в Ричмонде. Виргинию изводят бесконечными поборами. Но все на свете имеет свой предел, и терпение штата лопнет, если несправедливости будут

повторяться... Виргиния поставила почти все вооружение, амуницию и военные припасы, в результате чего были выиграны сражения при Бетеле и Манассасе. Виргиния предоставила в распоряжение Конфедерации из своих собственных военных складов и арсеналов 75000 винтовок и ружей, 233 артиллерийских орудия и великолепный оружейный завод. Мужское население, способное носить оружие, все без остатка поставлено на службу Конфедерации. Виргиния была вынуждена собственными силами отгонять врага от своей западной границы; и разве не возмутительно после этого, что креатуры правительства Конфедерации осмеливаются теперь издеваться над штатом?»

В Техасе неоднократная отправка взрослого мужского населения штата на восток также вызвала недовольство Конфедерацией. Представитель Техаса г-н Олдхем выступил 30 сентября на конгрессе в Ричмонде со следующим протестом:

«Для экспедиции Уилдганса в Сабли были посланы на гибель среди безводных равнин Новой Мексики 3500 отборных техасских солдат. В результате враг стянул свои силы к нашей границе, которую он зимой перейдет. Вы перебросили из Техаса лучшие войска к востоку от Миссисипи, вы направили их в Виргинию, вы послали их на самые опасные участки, где они были истреблены. Три четверти состава каждого из техасских полков покоятся в могилах или уволены из армии по болезни. Если нынешнее правительство будет и дальше подобным же образом забирать из Техаса боеспособную часть населения для пополнения состава этих пострадавших полков, то Техас окажется разоренным, непоправимо разоренным. Это несправедливо и неблагоразумно. Мои доверители должны защищать свои семьи, свою собственность и свою родину. От их имени я протестую против того, что мужчин из районов к западу от Миссисипи направляют на восток, а их собственный край тем самым становится доступным для вторжения врага с севера, востока, запада и юга».

Из приведенных выдержек, заимствованных из самих южных газет, можно сделать два вывода. Принудительные мероприятия, проведенные правительством Конфедерации в целях пополнения рядов армии, зашли слишком далеко. Военные ресурсы иссякают. Во-вторых, и это является решающим, доктрина «state rights» (суверенитета отдельных штатов), посредством которой узурпаторы в Ричмонде пытались придать сецессии конституционный вид, уже начинает поворачивать свое острие против них самих. Г-ну Джефферсону Дэвису так и не удалось «сделать из Юга нацию», как ни похвалялся его английский почитатель Гладстон[355].

Написано К. Марксом 7 ноября 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 313, 14 ноября 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском, языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 5, 1958 г.

К. МАРКС

* ИТОГИ ВЫБОРОВ В СЕВЕРНЫХ ШТАТАХ

Выборы действительно являются поражением вашингтонского правительства[356]. Прежние лидеры демократической партии умело использовали недовольство, вызванное промахами в финансовых делах и несуразностями, которые были допущены в военных вопросах; не подлежит никакому сомнению, что штат Нью-Йорк, официально оказавшийся в руках Сеймуров, Вудов и Беннеттов, может стать центром опасных интриг. Однако, с другой стороны, не следует преувеличивать практическое значение этой реакции. Теперешняя республиканская палата представителей продолжает заседать, а ее ныне избранные преемники придут ей на смену только в декабре 1863 года. Таким образом, выборы, поскольку это касается конгресса в Вашингтоне, представляют собой пока всего лишь демонстрацию. Выборы губернаторов не проводились нигде, кроме штата Нью-Йорк. Республиканская партия, следовательно, как и до сих пор, находится во главе отдельных штатов. Победы республиканцев на выборах в Массачусетсе, Айове, Иллинойсе и Мичигане до некоторой степени уравновешивают потери, понесенные ими в Нью-Йорке, Пенсильвании, Огайо и Индиане.

Более тщательный анализ успехов, одержанных демократической партией, приводит к совершенно иным выводам, чем те, о которых трубят английские газеты. *Город* Нью-Йорк, в сильной степени разлагаемый подонками ирландцев, до последнего времени активно участвовавший в работорговле, город, являющийся центром американского денежного рынка и местопребыванием держателей ипотек на плантации Юга, был издавна

безусловно «демократическим», точно так же как Ливерпуль еще и поныне является торийским. *Сельские округа* штата Нью-Йорк и на этот раз голосовали за республиканцев, как они это делали неизменно, начиная с 1856 г., однако с меньшим энтузиазмом, чем в 1860 году. Кроме того, большая часть мужчин, пользующихся правом голоса, находится на фронте. Если сделать общий подсчет по городскому и сельским округам, то окажется, что большинство, полученное демократами в штате Нью-Йорк, не превышает 8000—10000 голосов.

В Пенсильвании, долго колебавшейся между вигами[357] и демократами, а затем между демократами и республиканцами, демократическое большинство составляет всего лишь 3500 голосов, в Индиане оно еще слабее, а в Огайо, где оно достигает 8000 голосов, лидеры демократов, уличенные в симпатиях к Югу, как, например, пресловутый Валландигем, в конгресс не переизбраны. Ирландцы видят в неграх опасных конкурентов. Энергичные фермеры Индианы и Огайо прежде всего ненавидят рабовладельцев, но во вторую очередь они ненавидят негров. Последние в их глазах являются символом рабства и унижения рабочего класса, а демократическая печать каждодневно угрожает им наплывом «nigger»[*] на территорию их штатов. К тому же недовольство из рук вон плохим руководством военными действиями в Виргинии было особенно сильным как раз в этих штатах, которые поставили самые большие контингенты добровольцев.

Однако все сказанное не затрагивает существа дела. Во время избрания Линкольна (1860 г.) не было гражданской войны, не стоял также в порядке дня вопрос об освобождении негров. Республиканская партия, выступавшая тогда отдельно от партии аболиционистов, не ставила перед собой в избирательной кампании 1860 г. никакой другой цели, кроме протеста против распространения рабства на территориях, но заявляла одновременно о своем невмешательстве по отношению к этому институту в штатах, где рабство уже существовало на законном основании. Если бы Линкольн в то время выдвинул в качестве боевого лозунга *освобождение рабов,* он бы, безусловно, потерпел фиаско. Подобная идея решительно отвергалась.

Совершенно иначе обстояло дело на только что закончившихся выборах. Республиканцы выступили заодно с аболиционистами. Они решительно высказались за немедленное освобождение рабов, как ради них самих, так и видя в этом средство к прекращению мятежа. Если принять во внимание это обстоя-

[*] — «чернокожих». *Ред.*

тельство, то окажется, что как большинство голосов, поданных за правительство в Мичигане, Иллинойсе, Массачусетсе, Айове и Делавэре, так и весьма значительное количество голосов, хотя и меньшинство, поданное за него в штатах Нью-Йорк, Огайо и Пенсильвания, в равной мере поразительны. До войны подобные результаты были бы невозможны даже в Массачусетсе. Если только правительство и собирающийся в следующем месяце конгресс проявят должную энергию, то аболиционисты, которые сейчас тождественны республиканцам, получат всюду моральный и численный перевес. Интервенционистские поползновения Луи Бонапарта[358] подкрепляют их позиции «извне». Опасность заключается сейчас исключительно в дальнейшем сохранении на службе таких генералов, как Мак-Клеллан, которые, помимо их неспособности, известны как открытые proslavery men[*].

Написано К. Марксом 18 ноября 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 321, 23 ноября 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 5, 1958 г.

[*] — приверженцы рабства. *Ред.*

К. МАРКС

СМЕЩЕНИЕ МАК-КЛЕЛЛАНА

Смещение Мак-Клеллана! — таков ответ Линкольна на избирательные победы демократов.

Газеты демократов заявили с полнейшей уверенностью, что избрание *Сеймура* губернатором штата Нью-Йорк немедленно повлечет за собой аннулирование *прокламации,* в которой Линкольн провозгласил отмену рабства на сецессионистской территории с 1 января 1863 года. Но не успела высохнуть типографская краска на их пророчествах, как их любимый генерал — любимый за то, что «наряду с серьезным поражением он ничего так не боялся, как решительной победы», — был лишен поста командующего и удалился от дел.

Читатели помнят, что на эту прокламацию Линкольна Мак-Клеллан ответил контрпрокламацией — приказом по своей армии, который, хотя и запрещал какие бы то ни было выступления против распоряжения президента, но в то же время содержал в себе следующие роковые слова: «Задача граждан — воспользоваться избирательной урной для исправления ошибок, допущенных правительством, или для оказания воздействия на его политику». Таким образом, Мак-Клеллан, командовавший главной армией Соединенных Штатов, апеллировал от президента к предстоящим выборам. Он бросил на чашу весов авторитет своего высокого положения. Если не считать пронунциаменто в испанском стиле, он не мог более вызывающим способом проявить свою враждебность к политике президента. Поэтому после победы демократов на выборах у Линкольна оставался только один выбор — либо самому опуститься до роли орудия

партии компромисса, сочувствующей рабовладельцам, либо отнять у нее опору в армии, удалив Мак-Клеллана.

Смещение Мак-Клеллана в *настоящий* момент является, таким образом, политической демонстрацией. Но и помимо этого оно стало неизбежным. Commander in chief[*] *Галлек* в докладе военному министру обвиняет Мак-Клеллана в прямом неповиновении. Дело в том, что 6 октября, вскоре после поражения конфедератов в Мэриленде, Галлек отдал распоряжение о переправе через Потомак — именно потому, что низкий уровень воды в Потомаке и его притоках создавал в то время благоприятные условия для военных действий. Вопреки этому приказу Мак-Клеллан не двинулся с места, сославшись на невозможность для его армии выступить в поход вследствие недостатка провианта. В вышеупомянутом докладе Галлек доказывает, что это была пустая отговорка, что восточная армия в отношении снабжения пользовалась большими привилегиями по сравнению с западной и что недостающая часть провианта с таким же нетерпением ожидалась к югу, как и к северу от Потомака. К этому докладу Галлека присоединяется второй доклад, в котором комиссия по расследованию дела о сдаче конфедератам арсенала Харперс-Ферри[359] обвиняет Мак-Клеллана в том, что он с непостижимой медлительностью стягивал к этому арсеналу находившиеся поблизости унионистские войска, приказав им двигаться со скоростью всего лишь 6 английских миль (около $1^1/_2$ немецких миль) в день. Оба доклада— доклад Галлека и доклад комиссии — были в руках президента еще *до* победы демократов на выборах.

О командовании Мак-Клеллана так часто говорилось на страницах нашей газеты[**], что здесь достаточно будет напомнить о том, как он пытался заменять тактическое решение задачи стратегическим обходом и как он был неутомим в подыскании высших соображений штабной мудрости, мешавших ему либо использовать победу, либо предотвратить поражение. Непродолжительный мэрилендский поход окружил его имя незаслуженным ореолом. Следует, однако, иметь в виду, что общие указания о порядке наступления он получал от генерала *Галлека,* которым был составлен и план первой кампании в Кентукки, и что победой на поле боя унионисты были обязаны исключительно храбрости нижестоящих командиров, в особенности павшего в бою генерала *Рено* и генерала *Хукера,* еще не вполне оправившегося от полученных ран. Наполеон

[*] — Главнокомандующий. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 491—493, 517—521, 540—543, 547—550. *Ред.*

писал когда-то своему брату Жозефу, что опасность на поле битвы повсюду одинакова и что самый верный способ угодить ей в пасть — это пытаться избежать ее. Мак-Клеллан, очевидно, усвоил эту аксиому, но не извлек из нее того практического вывода, который Наполеон хотел внушить своему брату. За всю свою военную карьеру Мак-Клеллан *ни разу* не появился на поле боя, *ни разу* не побывал в огне — особенность, которую резко подчеркнул генерал *Керни* в одном из писем, опубликованных его братом уже после того, как Керни пал, сражаясь под командованием Попа в одном из боев под Вашингтоном.

Мак-Клеллан умел скрывать свою посредственность под маской сдержанной серьезности, лаконической молчаливости и полной достоинства замкнутости. Самые его недостатки обеспечивали ему непоколебимое доверие демократической партии на Севере и «лояльное признание» со стороны сецессионистов. Среди высшего офицерства он приобрел многочисленных сторонников тем, что создал генеральный штаб таких размеров, каких до него не знала летопись военной истории. Часть старших офицеров, воспитанников академии в Уэст-Пойнте, служивших в прежней армии Союза, находила у него поддержку в своей ревнивой неприязни к новоявленным «генералам из штатских» и в своих тайных симпатиях к «товарищам» в лагере противника. Что же касается солдат, то они знали о его военных достоинствах только понаслышке, но относили на его счет все заслуги интендантства и отзывались с большой похвалой о его сдержанной обходительности. Из необходимых для полководца качеств Мак-Клеллан обладал только одним — умением обеспечить себе популярность в армии.

Преемник Мак-Клеллана, *Бёрнсайд,* слишком мало известен, чтобы о нем можно было высказать какое-либо суждение. Он принадлежит к республиканской партии. Зато *Хукер,* к которому переходит командование группой войск, находившихся под личным командованием Мак-Клеллана, бесспорно является одним из самых способных вояк Союза. «Fighting Joe» («рубака Джо»), как его называют в армии, сыграл крупнейшую роль в победах в Мэриленде. Он — *аболиционист.*

Те же американские газеты, из которых мы узнали о смещении Мак-Клеллана, сообщают о решительном заявлении Линкольна, что он ни на йоту не отступит от своей прокламации.

«Линкольн», — справедливо замечает «Morning Star», — «показал себя медлительным, но твердым человеком, который действует чрезвычайно осторожно, но никогда не отступает назад. Каждый шаг его

правительственной деятельности был правильным, и каждый свой шаг он энергично отстаивал. Исходя из решения об уничтожении рабства в территориях, он пришел, в конце концов, к главной цели всего «антирабовладельческого движения», к искоренению этого чудовища на всей земле Союза, и уже сейчас ему принадлежит та великая заслуга, что он снял с *Союза* всякую ответственность за дальнейшее существование рабства».

Написано К. Марксом 24 ноября 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 327, 29 ноября 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

АНГЛИЙСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ. — К ПОЛОЖЕНИЮ В ЮЖНЫХ ШТАТАХ

Лондон, 29 ноября

Переговоры между лондонским кабинетом и вашингтонским правительством по поводу каперского судна *«Алабама»* еще продолжаются[360], а тем временем уже начались новые переговоры по поводу возобновившегося снаряжения военных судов конфедератов в английских портах. Профессор *Фрэнсис У. Ньюмен,* один из теоретиков английского радикализма, публикует сегодня в «Morning Star» письмо, в котором он, между прочим, говорит:

«Американский консул в Ливерпуле, удостоверившись у одного английского юриста в незаконности снаряжения «Алабамы», тотчас же послал официальное заявление лорду Джону Расселу. Королевские юристы, запрошенные по этому поводу, также подтвердили незаконность снаряжения «Алабамы»; но предпринятое расследование затянулось настолько, что пират успел тем временем ускользнуть. В настоящий момент в Ливерпуле находится флотилия более или менее бронированных судов, готовая насильственно прорвать американскую блокаду. Кроме того, имеется целый рой пиратских судов, только и ждущих удобного момента, чтобы последовать за «Алабамой» по ее бесчестному пути. Неужели наше правительство и на этот раз закроет глаза и даст свободно уйти этим последователям «Алабамы»? Боюсь, что так. Г-н *Гладстон* в своей речи в Ньюкасле заявил, что, по его сведениям, президент мятежников, которого он всячески восхвалял, *вскоре будет иметь собственный флот.* Не намек ли это на суда, построенные его ливерпульскими друзьями?.. Лорд Пальмерстон и Рассел, как и тори, одержимы такой ненавистью против республиканизма, которая отметает всякие сомнения и колебания, а г-н Гладстон, быть может, будущий премьер-министр, открыто выражает свое восхищение вероломными узурпаторами, поклявшимися увековечить и распространить рабство».

Из полученных сегодня американских газет, пожалуй, самая интересная — орган конфедератов «Richmond Examiner».

В этой газете помещена обстоятельная статья о сложившемся положении, из которой я привожу наиболее существенные выдержки:

«Чрезвычайный и внезапный рост неприятельских морских сил создает мрачные перспективы. Рост этого вида вооружений настолько велик, что по многих отношениях он представляется нам более опасным, чем сухопутные силы противника. Число военных кораблей у янки теперь на 200 единиц больше по сравнению с началом войны. Ведутся большие приготовления для действий на море в наступающий зимний период, и, помимо уже готовых к бою судов, строится еще около пятидесяти броненосных военных кораблей. У нас есть все основания предполагать, что флот янки, который нападет этой зимой на наше побережье, по своему вооружению и конструкции судов далеко превзойдет своих предшественников. Цели предстоящих экспедиций чрезвычайно важны. Дело идет об отобрании у нас последних морских портов, об установлении полной блокады, наконец, об отыскании пунктов для вторжения в южные районы, чтобы с началом будущего года практически осуществить там законы об освобождении негров. Было бы безрассудно отрицать преимущества, которые получит противник после захвата наших последних морских портов, или легкомысленно утешаться тем, что и после этого мы еще сможем разбить противника в ходе военных действий во внутренних районах страны... С переходом Чарлстона, Саванны и Мобила в руки неприятеля блокада стала бы осуществляться с такой строгостью, о какой не могут дать представление даже все наши прежние страдания. Нам пришлось бы совершенно отказаться от мысли о строительстве флота по эту сторону Атлантического океана, и мы были бы снова поставлены перед унизительным выбором между выдачей наших судов противнику или уничтожением их своими собственными руками. Наша густая сеть железнодорожного сообщения в хлопковых штатах была бы в большей или меньшей степени прервана, и мы, быть может слишком поздно, убедились бы тогда, что войну на суше, на которую возлагаются такие надежды, пришлось бы продолжать в условиях, при которых содержание, снабжение и концентрация крупных армий станут невозможны... Эти пагубные последствия захвата наших морских портов отступают, однако, перед еще большей опасностью, перед самой грозной опасностью этой войны — занятием отдельных пунктов в хлопковых штатах, откуда противник мог бы осуществить свой план освобождения рабов. Разумеется, огромные усилия прилагаются к тому, чтобы обеспечить осуществление этого излюбленного мероприятия аболиционистов, с тем чтобы дух мести, закупоренный г-ном Линкольном до 1 января в бутылку, не развеялся безвредным шипением содовой воды... Усилия противника направлены сейчас против самого уязвимого места нашей позиции; хотят отравить самое сердце Юга... Предсказывание грядущих бед вызывает недовольство массы, которая слепо верит правительству и принимает бахвальство за патриотизм... Мы не утверждаем, что *Чарлстон, Саванна* и *Мобил* не подготовлены к обороне. На Юге, конечно, имеется немало военных авторитетов, которые считают эти порты более неприступными, чем Гибралтар; но военные и их подголоски слишком часто убаюкивали наш народ лживыми заверениями... Такие же речи мы слышали и в отношении Нового Орлеана. Согласно этим описаниям, он был укреплен сильнее, чем Тир против Александра. Тем не менее, проснувшись в одно прекрасное утро, народ увидел, что неприятельский флаг развевается в гавани Нового Орлеана... Обороноспособность наших портов составляет тайну официальных кругов. Но знамения последнего времени далеко не утешительны. Несколько недель тому назад *Галвестон* почти

без боя перешел в руки неприятеля. Местным газетам было запрещено писать об оборонительных средствах этого города. Помимо этого не раздалось ни одного призыва о помощи, который дошел бы до слуха инертного правительства. Народ оставался спокойным. От его патриотизма требовали, чтобы он довольствовался своим неведением, доверял вождям и подчинялся воле провидения. И в результате еще один трофей достался противнику... Метод облачения всех военных вопросов в покров глубокой тайны принес Югу скверные плоды. Он, правда, заставил умолкнуть критику и завуалировал ошибки правительства, но он не ввел в заблуждение неприятеля. Последний всегда в точности осведомлен о состоянии наших оборонительных сооружений, между тем как наш народ узнает об их слабости лишь тогда, когда они уже попадают в руки янки».

Написано К. Марксом 29 ноября 1862 г.

Напечатано в газете «Die Presse» № 332, 4 декабря 1862 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

An den Redacteur der „Berliner Reform"

Die No. 83 Ihres Blattes erzählt Anecdote aus meinem Aufenthalt zu Berlin i. J. 1861 bezüglich auf den „neuen Nationalstaat". Dass sie [illegible] [illegible] [illegible] zur thatsächlichen [illegible]

London, 13 April. 1863

Karl Marx

Письмо К. Маркса в редакцию
«Berliner Reform»

К. МАРКС

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «BERLINER REFORM»

Рассказанный в № 83 Вашей газеты анекдот[361], относящийся к периоду моего пребывания в Берлине в 1861 г., страдает только «одним недостатком»: он является сплошным вымыслом. Это — фактическая поправка.

Карл Маркс

Лондон, 13 апреля 1863 г.

Напечатано в «Berliner Reform» № 89, 17 апреля 1863 г.

Печатается по рукописи, сверенной с текстом газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ВОЗЗВАНИЕ ЛОНДОНСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ О ПОЛЬШЕ[362]

Лондонское Просветительное общество немецких рабочих, в согласии с представителем польского Национального правительства[363], уполномочило нижеподписавшийся комитет организовать сбор денежных средств для Польши среди немецких рабочих в Англии, Германии, Швейцарии и Соединенных Штатах. Если таким путем полякам может быть оказана даже незначительная материальная помощь, все же это явится для них большой моральной поддержкой.

Польский вопрос — это германский вопрос. Без независимой Польши не может быть независимой и единой Германии, не может быть освобождения Германии от подчинения России, которое ведет свое начало со времени первого раздела Польши[364]. Немецкая аристократия уже давно признала царя негласным верховным правителем страны. Немецкая буржуазия безмолвно, пассивно и равнодушно взирает на избиение героического народа, который один только еще защищает Германию от московитского нашествия. Часть буржуазии понимает грозящую опасность, по охотно жертвует общегерманскими интересами ради интересов отдельных немецких государств, дальнейшее существование которых связано с раздробленностью Германии и сохранением русской гегемонии. Другая часть буржуазии считает самодержавие на Востоке, точно так же как и бонапартистский режим на Западе, необходимой опорой *порядка.* Наконец, третья часть до такой степени поглощена важным делом денежной наживы, что совершенно утратила способность понимать великие исторические события и видеть их взаимосвязь. Своими шумными демонстрациями в защиту Польши[365] немецкая

буржуазия в 1831 и 1832 гг. принудила, по крайней мере, Союзный сейм к решительным действиям. В наши дни самые ярые противники Польши, а следовательно, самые полезные орудия России — это либеральные корифеи так называемого *Национального союза*[366]. Всякий сам может сделать вывод, насколько это либеральное русофильство связано *с прусскими верхами.*

В этот роковой момент долг немецкого рабочего класса перед Польшей, перед заграницей — этого требует и его собственная честь — заявить громкий протест против предательства Германии по отношению к Польше, являющегося в то же время предательством по отношению к Германии и Европе. *Восстановление Польши* — вот что должно быть огненными буквами начертано на знамени немецкого рабочего класса, после того как буржуазный либерализм зачеркнул на своем знамени этот славный лозунг. Английский рабочий класс снискал себе неувядаемую славу в истории, отразив посредством массовых, полных энтузиазма митингов неоднократные попытки господствующих классов организовать интервенцию в пользу американских рабовладельцев, и это несмотря на то, что продолжение Гражданской войны в Америке означает для миллиона английских рабочих самые тяжкие страдания и лишения.

Хотя полицейские условия и не позволяют рабочему классу организовать в Германии такие массовые выступления в защиту Польши, они все же отнюдь не вынуждают его к тому, чтобы своей безучастностью и молчанием заклеймить себя перед всем миром как соучастника предательства.

Нижеподписавшийся комитет просит направлять денежные пожертвования г-ну *Боллетеру,* которому принадлежит помещение Общества, по адресу: № 2, Нассау-стрит, Сохо, Лондон. Расходование средств производится под контролем Общества, и отчет будет опубликован, как только позволит преследуемая этим сбором цель.

Боллетер, Бергер, Эккариус, Крюгер, Лесснер,
Лимбург, Линден, Мацрат,Тачки, Тоупс, Вольф.

Написано К. Марксом в конце октября 1863 г.

Напечатано в виде листовки в Лондоне в ноябре 1863 г.

Печатается по тексту листовки

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЧИСЛЕННОСТЬ АРМИЙ В ШЛЕЗВИГЕ

РЕДАКТОРУ «MANCHESTER GUARDIAN»

Милостивый государь!

Ходят нелепейшие слухи о сравнительной численности армий, сражающихся в Датской войне[367]. Принято считать, что немецкие войска настолько превосходят своей численностью датские, что на одного датчанина приходится, по крайней мере, три немца. Чтобы показать, как мало соответствует это действительности, я намерен сделать подробное сообщение о численности каждой армии, по крайней мере пехоты, так как в настоящее время очень трудно добыть точные сведения относительно кавалерии и артиллерии.

Перед началом военных действий в Шлезвиге находились следующие датские войска:

	Батальоны:
Первая дивизия, командир генерал-лейтенант Герлах:	
1-я бригада, 2-й и 22-й пехотные полки	4
2-я бригада, 3-й и 18-й пехотные полки	4
3-я бригада, 17-й и 19-й пехотные полки	4
Вторая дивизия, генерал-майор Дуплат:	
4-я бригада, 4-й и 6-й пехотные полки	4
5-я бригада, 7-й и 12-й пехотные полки	4
6-я бригада, 5-й и 10-й пехотные полки	4
Третья дивизия, генерал-майор Штейнман:	
7-я бригада, 1-й и 11-й пехотные полки	4
8-я бригада, 9-й и 20-й пехотные полки	4
9-я бригада, 16-й и 21-й пехотные полки	4
Всего батальонов	36

или, при 800 человек в батальоне (полный состав — 870 человек рядовых и офицеров), примерно	28 800	чел.
Кавалерия, $4^{1}/_{2}$ полка по 560 человек	2 500	»
Артиллерия, около	3 000	»
Всего датских войск	34 300	чел.

В эти данные не включено несколько батальонов, как линейных, так и резервных, посланных в Шлезвиг в первых числах февраля, но относительно которых оказалось невозможным установить какие-либо подробности.

Австрийцы направили на театр военных действий 6-й армейский корпус, состоящий из следующих войск:

	Батальоны:
Бригада генерала Гондрекурта:	
Пехотный полк Король Прусский	3
» » Барон Мартини	3
Батальон егерей № 18	1
Бригада генерала Ностица:	
Пехотный полк Король Бельгийский	3
» » Великий герцог Гессенский	3
Батальон егерей № 9	1
Бригада генерала Томаса:	
Пехотный полк Граф Коронини	3
» » Принц Гольштейнский	3
Батальон егерей, номер не указан	1
Бригада генерала Дормуса:	
Два пехотных. полка и один батальон егерей, номера и названия не указаны	7
Всего батальонов	28

или, при 800 человек в батальоне (значительная цифра при нынешней организации австрийской армии)	22 400	чел.
Кавалерия, около	2 000	»
Артиллерия, около	2 600	»
Всего около	27 000	чел.

Пруссаки послали следующие войсковые части:

1. Объединенный армейский корпус принца Фридриха-Карла:

	Батальоны:
Шестая дивизия:	
11-я бригада, 20-й и 60-й полки	6
12-я бригада, 24-й и 64-й полки	6
кроме того, 35-й полк легкой пехоты	3

Тринадцатая дивизия:	Батальоны:	
25-я бригада, 13-й и 53-й полки	6	
26-я бригада, 15-й и 55-й полки	6	
7-й батальон егерей	1	
2. Гвардейская дивизия генерала Мюльбе:		
1-я бригада, 3-й и 4-й полки гвардейской пехоты	6	
2-я бригада, 3-й и 4-й полки гвардейских гренадеров	6	
Гвардейские егеря	1	
Всего	41	
или, при 800 человек в батальоне	32 800	чел.
Кавалерия	3 000	»
Артиллерия	3 000	»
	38 800	чел.
Австрийцы	27 000	»
Вся союзная армия	65 800	чел.

Таким образом, на одного датчанина приходится менее двух солдат союзных войск. Если принять во внимание обороноспособность датских укреплений в Данневирке, Дюппеле и Фредерисии, то имеющееся численное превосходство — не более того, которое требуется для обеспечения успеха. Налицо почти то же самое соотношение сил, какое в 1815 г. определяло превосходство Веллингтона и Блюхера над Наполеоном.

Написано Ф. Энгельсом в первой половине февраля 1864 г.

Напечатано в газете «Manchester Guardian» от 16 февраля 1864 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЕННЫЕ СИЛЫ АНГЛИИ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ

Манчестер, 27 июня

Происходит самое невероятное событие: Англия угрожает Германии войной[368]. Как сообщает «United Service Gazette», уже отдан приказ военному складу в Пимлико (Лондон) и арсеналу в Вулидже держать в готовности для немедленного использования необходимое обмундирование и снаряжение для 30000 человек, а в ближайшие дни мы можем рассчитывать на то, что услышим об отплытии флота Ла-Манша в Зунд или Бельты[*](?).

О вооруженных силах Англии, имеющихся налицо в данный момент, нам дает сведения «Army and Navy Gazette». В ее номере от 25 июня говорится:

«Морские силы, которые находятся в готовности н которым мы можем немедленно приказать сняться с якоря, имеют следующий состав:

	Мощность в лошад. силах	Количество орудий	Тоннаж	Численность команды
«Эдгар», деревянный корабль	600	71	3 094	810
«Уорриор», броненосец	1 250	40	6 109	705
«Блэк Принс» »	1 250	41	6 109	705
«Принс Консорт», броненосец	1 000	35	4 045	605
«Гектор», броненосец	800	28	4 089	530
«Дефенс» »	600	16	3 720	457
«Аврора», деревянный фрегат	400	35	2 558	515

[*] — проливы Большой и Малый Бельт. *Ред.*

	Мощность в лошад. силах	Количество орудий	Тоннаж	Численность команды
«Галатея», деревянный фрегат	800	26	3 227	515
«Уолверн», деревянный корвет	400	21	1 703	275
«Ресерч», броненосец	200	4	1 253	135
«Энтерпрайз» »	160	4	993	121
«Гейзер», деревянный колесный пароход	280	6	1 054	175
«Ашуренс», деревянный корабль	200	4	681	90
«Саламис», деревянный колесный пароход	250	2	?	65
«Тринкюло», деревянная канонерка	60	2	268	24

Далее, чтобы иметь специальные суда с меньшей осадкой для мелководных и узких фарватеров Балтийского моря и Датского побережья адмиралтейство дало приказ подготовить к выходу в море следующие корабли:

	Мощность в лошад. силах	Количество орудий	Тоннаж	Численность команды
«Корделия», деревянный корвет	150	11	579	130
«Фавн», деревянный корвет	100	17	751	175
«Рейсер», деревянный корвет	150	11	579	130

Кроме того, вскоре будут готовы следующие строящиеся корабли:

	Мощность в лошад. силах	Количество орудий	Тоннаж	Численность команды
«Ахиллес», броненосец	1 250	30	6 121	705
«Ройял Соверен», башенный броненосец	800	5	3 963	500
«Каледония», броненосец	1 000	35	4 125	605
«Океан», броненосец	1 000	35	4 047	605

Сюда же надо добавить многочисленные резервные пароходы и, наконец, суда береговой обороны, в том числе 15 канонерок мощностью в 60 лошадиных сил, вооруженных 2 тяжелыми орудиями».

Последние, по мнению «Army and Navy Gazette», будут докучать врагу, как оводы лошади, от них никак нельзя будет отделаться. (Как будто пруссаки не имеют в Балтийском море 22 точно таких же овода!)

Вот и все, что сказано о флоте в «Army and Navy Gazette». В прошлом году мы побывали на нескольких кораблях броненосного флота и, кроме того, внимательно следили за ними во время испытательных рейсов. Выяснилось, что ни один из этих броненосцев не может в штормовую погоду держаться в открытом море; «Принс Консорт» едва не потонул зимой в Ирландском море во время шторма, который легко выдерживает любое деревянное судно. Таким образом, эти корабли можно использовать лишь для отдельных, заранее намеченных действий (морские сражения или атака береговых укреплений), после которых они всякий раз должны возвращаться обратно в порт. Для блокад и тому подобных действий они непригодны. Броня у них, по большей части $4^1/_2$-дюймовая, из прокатного железа различного качества, накладывается разными способами, однако во всех случаях на деревянную подкладку в 2 фута толщиной, даже на кораблях, целиком изготовленных из железа. Но ни одна броня не выдержит 70-фунтового, гладко срезанного спереди стального снаряда Уитворта, большинство не выдерживает и 70-фунтовой стальной бомбы Уитворта, имеющей ту же форму, что и снаряд. В Пруссии теперь отливают нарезные пушки того же калибра, как и старое 48-фунтовое орудие, что примерно соответствует калибру упомянутого орудия Уитворта. Цилиндрические стальные снаряды, гладко срезанные спереди *(без конического острия),* при стрельбе из таких пушек, пробьют эту броню, даже если задняя половина у них полая и содержит разрывной заряд. Для таких разрывных снарядов при стрельбе по железной броне (как доказали опыты Уитворта) *не требуется никаких запальных приспособлений;* пробивание брони вызывает столь высокую температуру, что снаряды накаляются добела и находящийся внутри порох воспламеняется.

Вооружение броненосцев состоит обычно из гладкоствольных 68-фунтовых бортовых орудий (8-дюймового калибра) и 110-фунтовых пушек Армстронга (7-дюймового калибра) на центральном штыре, которые устанавливаются на носу и на корме. У некоторых из этих кораблей имелись также бортовые 40-фунтовые и 70-фунтовые пушки Армстронга, однако неизвестно, не заменяются ли они 68-фунтовыми. Старая 68-фунтовая пушка — орудие весьма почтенное, надежное и для своего калибра удобное, оно отлично действует на расстоянии до 2000 шагов и несомненно — лучшее орудие в английском флоте. Напротив, армстронговские пушки, заряжающиеся с казенной части, весьма ненадежны, потому что нарезы в стволах из-за плохого крепления свинцовой оболочки снаряда быстро

покрываются свинцом, и в особенности потому, что каморный затвор никуда не годится. Он состоит из вставляемого сверху, доходящего почти до нижней стенки дула прямоугольного куска железа, который прикрепляется позади винтами. Если принять во внимание, что при 7-дюймовом калибре снаряд весит 110 фунтов, а затвор — всего лишь 135 фунтов, то становится понятно, что после нескольких выстрелов затвор из-за порохового нагара не может пригоняться вплотную и поэтому должен выскочить и взлететь высоко в воздух, как только пороховые газы охватят его снизу. Это и случается регулярно, и поэтому во флоте весьма недолюбливают пушки Армстронга, несмотря на их отличную меткость.

На «Ройял Соверен» в четырех куполах или башнях будет размещено пять очень тяжелых орудий, свойства которых еще неизвестны. Броня у него не на деревянной подкладке. Стоит ли чего-нибудь этот корабль в открытом море, покажет будущее.

Более мелкие и вообще деревянные суда имеют главным образом бортовые гладкоствольные 32-фунтовые орудия длиной в 9 футов 6 дюймов и в 10 футов — отличные пушки, которые, не в пример 68-фунтовым орудиям, хорошо выдерживают заряд, доходящий до $^{1}/_{3}$ веса ядра, и для своего калибра очень точно поражают цель. Но и на бортах крупных кораблей встречается по нескольку легких бомбических пушек 8-дюймового калибра. Орудия на центральном штыре бывают или 8-дюймовые гладкоствольные, легкой или более тяжелой конструкции, или же армстронговские, заряжающиеся продолговатыми снарядами весом в 40, 70 и 110 фунтов.

Осадка больших броненосных кораблей составляет, по меньшей мере, 25 футов, так что в этом отношении их следует приравнять к линейным кораблям и самым тяжелым фрегатам. Поэтому они непригодны для небольших и мелководных пространств, за исключением узких бухт или устьев рек с глубоким фарватером, где они могут быть использованы для обстрела береговых батарей и фортов. Здесь они представляют опасность, когда орудия у обороняющейся стороны слишком легкие, а снаряды не стальные. Сомнительно, пробьет ли их броню стальной снаряд прусской нарезной 24-фунтовой пушки. Но для 48-фунтового нарезного орудия это во всяком случае выполнимо, если снаряд изготовлен из стали и имеет гладкий срез спереди, если орудие выдерживает заряд, составляющий от $^{1}/_{6}$ до $^{1}/_{4}$ веса снаряда, и если стрелять с расстояния в 600— 800 шагов. 7-дюймовые или 8-дюймовые нарезные пушки, которые мы ведь так легко могли бы изготовить из крупповской

литой стали, если их установить в надлежащих пунктах даже в небольшом количестве, вскоре сделали бы тяжелые английские броненосцы безвредными для наших берегов. Но только снаряд должен быть из стали, цилиндрической формы, без всякой конической заостренности или закругления для того; чтобы даже при наклонном ударе он касался железной брони острым краем. Уитворт даже при угле падения свыше 50 градусов пробивал броню такими снарядами. Равным образом, лучше всего в отношении столь тяжелых орудий полностью отказаться от всяких экспериментов с заряжанием с казенной части, несомненно вредных свыше определенного калибра; а для длительных опытов уже нет времени.

Это о флоте; послушаем, что сообщает нам «Army and Navy Gazette» о наличных сухопутных силах:

«*Кавалерия.* 4-й, 5-й, 6-й гвардейские драгунские полки, 1-й и 2-й (драгунские), 3-й, 4-й, 8-й (гусарские), 9-й (уланский), 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й (гусарские) полки. В каждом по 650 человек, включая офицеров, всего 10700 человек.

Артиллерия. 10 конных батарей (по 6 орудий), 26 полевых батарей (походных) также по 6 орудий и 25 крепостных батарей. Всего 216 полевых орудий и 13700 человек.

Инженерные войска. 20 рот и 2 обозных роты, всего 2700 человек.

Пехота. Первые батальоны 2-го, 3-го, 5-го, 6-го, 8-го, 10-го, 11-го, 13-го, 14-го, 24-го, 26-го, 29-го, 31-го, 32-го, 37-го, 41-го, 45-го, 49-го, 53-го, 58-го, 59-го, 60-го, 61-го, 64-го, 69-го, 73-го, 74-го, 75-го, 83-го, 84-го, 85-го, 86-ю, 87-го полков, вторые батальоны 1-го, 12-го и 60-го полков. Кроме того, находящиеся в пути из Америки первые батальоны 21-го, 39-го и 62-го полков, всего 39 батальонов. За вычетом учебно-запасных рот, на батальон приходится около 780 человек при выступлении в поход или, в целом, 30000 обученных людей. Добавим к этому еще запасные части всей армии, всего 18000 человек в качестве первого пополнения и, наконец, гвардейские войска (1300 кавалеристов и 6000 пехотинцев).

Итого: кавалерия 12000, артиллерия 13700, инженерные войска 2700, пехота 54000 человек, всего 82000 человек. Но для того, чтобы установить, какие силы могут немедленно выступить в поход, надо, во-первых, вычесть 18000 человек запаса, затем еще 25% за счет нестроевых и тех войск, без которых нельзя обойтись внутри страны. Тогда у нас осталось бы все же около 48000 человек, хорошо обученных и имеющих боевой опыт, готовых пойти куда угодно и сделать что угодно, если **их** надлежащим образом поддержат вспомогательные и административные органы. Почти половину этого числа составил бы очередной резерв новобранцев. Нам неизвестно, какова была численность *милиции* на только что закончившемся учебном сборе этого года, но, по-видимому, она превосходит ее численность в 1863 г., когда на смотры явились 102000 человек. Наконец, волонтеров насчитывается около 160000 человек».

Вот что сообщает «Army and Navy Gazette». На сегодня этой статистики, пожалуй, достаточно, ибо мы намерены, помимо

этого, дать вашим читателям точные сведения об английской сухопутной армии. Но пусть ваши немецкие войска будут уверены в одном: если они столкнутся с англичанами, им придется иметь дело с противником совсем иного рода, чем хотя и храбрые, но плохо обученные и неуклюжие датчане.

Написано Ф. Энгельсом 27 июня 1864 г.

Напечатано в «Allgemeine Militar-Zeitung» № 27, 6 июля 1864 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА

Ф. ЭНГЕЛЬСА

Ф. ЭНГЕЛЬС

КИНГЛЕК О СРАЖЕНИИ НА АЛЬМЕ [369]

Книга Кинглека о Крымской войне[370] заслуженно вызвала большой интерес как в самой Англии, так и за ее пределами. Она содержит много ценных и новых материалов; это и не могло быть иначе, поскольку в распоряжении автора находились документы английского штаба, множество заметок высших английских офицеров и немало специально для него написанных мемуаров русских генералов[371]. Но, несмотря на это, книга в части изложения военных событий является не историческим произведением, а скорее романом; герой этого романа — английский главнокомандующий лорд Раглан, а конечная цель — восхваление английской армии, доведенное до абсурда.

Книга Кинглека, весьма вероятно, произведет большое впечатление в Германии. В то время как она низводит до минимума роль французов в победе на Альме[372], к русским она относится с кажущимся почтительным беспристрастием; она ссылается на известные уже источники, исходящие от всех трех наций, участвовавших в войне, и свободна от специфически французского хвастовства, которое у Тьера и его компании выглядит столь же отвратительным, сколь и смешным. Однако паши друзья англичане тоже не прочь похвастать, и хотя они свое хвастовство преподносят более умело, чем французы, все же краски здесь сгущены по меньшей мере так же, как и у последних. Уже поэтому интересно сорвать беллетристический покров с описания сражения на Альме — единственного военного события, освещенного в вышедших до сих пор двух томах, и отделить действительно новый исторический материал от приукрашиваний, хвастливых фраз

и домыслов, которыми г-н Кинглек заполняет свое произведение.

Но помимо этого сражение на Альме представляет совершенно особый интерес с точки зрения тактики, что до сих пор не было оценено в должной мере. В этой битве снова сталкиваются, впервые после Ватерлоо, два различных тактических принципа, один из которых принят всеми европейскими армиями, а другой отброшен всеми, за исключением одной армии — английской. На Альме английская линия двинулась против русских колонн и опрокинула их без особых усилий. Так или иначе, это свидетельствует о том, что старая линия еще не совсем отслужила свой век, как это утверждается на континенте в учебниках по тактике, и во всяком случае этот вопрос заслуживает несколько более подробного рассмотрения.

I

Данные о вооруженных силах обеих сторон, приводимые Кинглеком, чрезвычайно неточны. Относительно англичан он имеет под рукой официальные данные и устанавливает по ним число сражавшихся в 25404 пехотинца и артиллериста, немногим более 1000 кавалеристов, а также 60 орудий. Это можно считать достоверным. Число французов он округляет до 30 тысяч человек при 68 орудиях; к этому надо прибавить еще 7 тысяч турок. Круглым счетом получается всего 63500 союзников при 128 орудиях, что в общем, по-видимому, довольно правильно. Но с русскими у г-на Кинглека начинаются затруднения. Теперь, правда, в «Крымской экспедиции» Аничкова (немецкий перевод-Берлин, Митлер, 1857, выпуск 1-й)[373] приведен перечень с названиями и номерами полков, батальонов, эскадронов и батарей, основанный, очевидно, на официальных источниках и не опровергнутый до сих пор ни в одном из существенных пунктов. Согласно этому подсчету, у русских было на Альме 42 батальона, 16 эскадронов, 11 казачьих сотен и 96 орудий в $10^1/_2$ батареях, всего 35000 человек. Но это отнюдь не удовлетворяет г-на Кинглека. Он производит особый подсчет, причем постоянно ссылается на Аничкова, как на свой источник, но приходит к совершенно иным результатам, не считая, однако, нужным документально обосновать свои данные, расходящиеся с источниками. Вообще для всей книги характерно, что в ней показания очевидцев всегда приводятся там, где описываются общеизвестные факты, а отнюдь не тогда, когда высказываются новые и рискованные утверждения.

Что касается пехоты, оба подсчета отличаются друг от друга лишь в незначительной степени. У Аничкова мы находим 40 линейных батальонов, 1 стрелковый батальон и полубатальон морской пехоты. Кинглек превращает этот последний полубатальон в 2 батальона и ссылается при этом на Ходасевича (майора Тарутинского пехотного полка), который их будто бы видел[374]. Но этот пункт несущественен, так как Кинглек сам признает, что русские считали эти части весьма незначительными. Кроме того, он превращает упоминаемые у Аничкова две саперные роты в целый батальон и причисляет их повсюду к пехоте.

Зато в отношении кавалерии преувеличения Кинглека выступают гораздо резче. При описании битвы в целом и при каждом удобном случае он подчеркивает, что у русских на поле боя было «3400 пик», а на каждом плане сражения позади правого фланга русских фигурирует огромная колонна, с примечанием, что в этом месте находилась русская кавалерия численностью в 3000 человек. Нам то и дело напоминают о поразительной бездеятельности этих 3000 человек и опасности их соседства для англичан, имевших лишь немногим более 1000 кавалеристов. Кинглек всячески остерегается обратить наше внимание на то, что свыше одной трети этой кавалерии состояло из казаков, о которых каждый знает, что они непригодны для сражений в сомкнутом строю с регулярной кавалерией. При полном незнании всех военных обстоятельств, которое обнаруживается на протяжении всей книги, эту грубую ошибку следует приписать скорее невежеству, чем злой воле.

Что касается артиллерии, то здесь Кинглек не выдерживает никакой критики. Аничков, как указывалось выше, насчитывает в общем 96 орудий — в 10 подробно описанных легких и тяжелых полевых батареях, к которым присоединились еще четыре корабельных пушки в запряжках. Он также указывает точно, где находилась каждая из этих батарей во время - сражения. У Кинглека фигурируют все эти батареи (с отдельными незначительными отклонениями в номерах), но кроме того и еще три других. 5-я батарея 17-й бригады, которая встречается и у Аничкова, фигурирует у Кинглека на первоначальной позиции *дважды:* первый раз на левом фланге (стр. 231) и вслед за этим — еще раз в главном резерве (стр. 235)! Подобным же образом 3-я батарея той же 17-й бригады, которой, по Аничкову, *там вовсе не было,* фигурирует у Кинглека *дважды:* первый раз на левом фланге и во второй раз в центре как «позиционная батарея»! Общеизвестно, что, согласно организации русской артиллерии во время Крымской войны (ср. Гакстгаузен — «Очерки о России»[375]), в каждой артиллерийской

бригаде имелась только одна тяжелая батарея из 12 орудий, что впоследствии, когда были введены батареи из 8 орудий, в бригадах, вероятно, могли появиться 1-я и 2-я тяжелые батареи, *но никак не 3-я,* — однако нашему историку до этого нет никакого дела. Он заботится лишь о том, чтобы геройские подвиги англичан на Альме сделать возможно более необычайными, а для этого ему необходимо иметь как можно больше русских пушек. Таким образом, там, где он находит в русских отчетах (которые все, за исключением Аничкова, более или менее непригодны для таких деталей) упоминание о какой-либо батарее, которую не называет Аничков, он считает, что Аничков забыл ее упомянуть, и совершенно спокойно прибавляет ее к батареям, указанным Аничковым. Если он одну и ту же батарею находит в разных источниках на двух различных местах поля сражения, то он преспокойно засчитывает ее дважды и, в крайнем случае, устанавливает, что один раз имеется в виду легкая, а второй раз тяжелая батарея.

Со всеми этими фокусами Кинглек получает все же лишь $13^1/_2$ батарей, по 8 пушек в каждой, итого 108 орудий, и так как он упускает из вида, что, согласно Аничкову, три батареи 16-й бригады были организованы еще по-старому — в 12 орудий (из этого видно, как поверхностно работает Кинглек), то по сравнению с Аничковым получается увеличение всего лишь на 12 орудий. Итак, Кинглеку приходится делать чрезвычайные усилия, чтобы усеять высоты у Альмы русскими орудиями. В этом ему помогает полевое укрепление, которое англичане высокопарно назвали «Большим редутом». Аничков об этом просто говорит:

«Справа от дороги была установлена на выгодной позиции батарея № 1 той же бригады (16-й), которая прикрывалась траверсом».

Кинглек дает также совершенно правильное описание этого незначительного сооружения, но никак не может понять, что за ним были установлены обычные 12-фунтовые орудия, и утверждает, что это были якобы тяжелые орудия из Севастополя. Ходасевич утверждает, правда, что там стояли орудия 2-й батареи 16-й бригады (он смешивает 1-ю и 2-ю батарею), но калибр пушки и *гаубицы,* которые и теперь еще находятся в Вулидже, доказывает, что эти орудия не принадлежали к регулярной полевой артиллерии (стр. 233). Кинглек идет еще дальше. На странице 229 он говорит совершенно определенно:

«Это были тридцатидвухфунтовые пушки и *двадцатичетырехфунтовые гаубицы».*

В 1849 г., во время восстания в Пфальце, некоторые предводители инсургентов объясняли постоянные отступления своих частей всегда тем, что их обстреливали «24-фунтовыми зажигательными ядрами». Авторы этого утверждения никогда, конечно, не ожидали, что гаубицы, из которых вылетали эти ужасные ядра, будут захвачены г-ном Кинглеком на Альме. Что значат эти 24-фунтовые ядра для ...*

* Далее в рукописи отсутствуют две страницы. *Ред.*

II

... орудия, отделенные от Канробера, дивизия которого была нейтрализована русскими орудиями, дистанцией в 1500 шагов, в то время как собственная артиллерия Канробера старалась добраться до него обходным путем длиной по меньшей мере в половину немецкой мили*; наконец, принц Наполеон, застрявший в долине на расстоянии 1200 шагов от Канробера и медливший перейти реку. Такая разбросанность его войск по фронту в 6000 шагов и, особенно, опасное положение Боске внушили, в конце концов, маршалу Сент-Арно столь сильный страх, что он решил прибегнуть к отчаянному средству — выслать вперед весь свой резерв. Бригада Лурмеля была послана вслед Буа, в то время как бригада д'Ореля должна была усилить принца Наполеона. Направив таким образом оба своих резерва именно в те два дефиле, которые и без того уже были забиты войсками, Сент-Арно довершил распыление своих боевых сил. Если бы все это не было сказано во французском официальном отчете («Исторический атлас Восточной войны»[376]), то этому вряд ли можно было бы поверить.

Как это выглядело в глазах русских и что выручило французов из такого опасного положения?

Левым флангом русских командовал Кирьяков. У него против Канробера и принца Наполеона было в первой линии 4 резервных батальона (Брестского и Белостокского полков) — войска среднего качества, во второй — 4 батальона Тарутинского полка, в резерве — 4 батальона Московского полка и 2-й батальон Минского полка, который с четырьмя орудиями (4-я батарея 17-й артиллерийской бригады) был выдвинут дальше влево для наблюдения за морским побережьем. Четыре батальона Бородинского полка, находившиеся также под его

* Немецкая (географическая) миля = 7,420 *км. Ред.*

командой, стояли дальше к востоку, непосредственно у дороги на Севастополь, и сражались почти исключительно против англичан, если их роль вообще не ограничивалась лишь участием в перестрелке. В общем итоге французам противостояло, следовательно, 13 батальонов с 8 орудиями.

Когда на плато к югу от Альмы стала видна обходная колонна Боске, князь Меншиков сам перешел на левый фланг и привел с собой из главного резерва остальные 3 батальона Минского пехотного полка, одну пешую и две конных батареи, а также 6 эскадронов гусар. До этого времени сражение ограничивалось ружейной и орудийной перестрелкой; русские войска большей частью отошли немного назад, французские — Наполеон и Канробер — даже еще не появлялись на плато или же отстояли так далеко (Боске, Буа, Лурмель), что пока не могли вступить в бой. Так как части принца Наполеона столь прочно застряли в дефиле, что еще не выходили из него, то для русских не оставалось никакого другого объекта для наступления, кроме дивизии Канробера, стоявшей в укрытии позади плато. Против нее Меншиков сформировал колонну-монстр из 8 батальонов Минского и Московского полков — два батальона по фронту и четыре батальона в глубину, все в штурмовых колоннах с равнением на середину. Отозванный к своему центру, он передал эту беспомощную массу Кирьякову с приказанием немедленно наступать. Когда эта колонна приблизилась к французам на ружейный выстрел, последние «не могли дольше выдерживать тяжести, которая давит на сердце континентального солдата при приближении большой пехотной колонны» (стр. 400).

Они отступили еще ниже по склону. Но в этот момент появились обе батареи Канробера вместе с батареями Боске, подошедшие через овраг несколько дальше с правой стороны; они быстро вывезли орудия на позицию и открыли по левому флангу русской пехоты настолько эффективный огонь, что последняя тотчас же поспешила укрыться. Французская пехота ее не преследовала.

Четыре резервных батальона Кирьякова, по выражению Ходасевича, «растаяли» под действием стрелкового и орудийного огня; четыре батальона Тарутинского полка тоже понесли большие потери; восемь батальонов колонны-монстр были наверняка не в состоянии тотчас возобновить атаку. Французская пехота д'Ореля и Канробера развернулась теперь на плато под прикрытием своей артиллерии, а Боске приблизился к ней; войска принца Наполеона (находившийся под его командованием остаток 2-го полка зуавов уже присоединился

к Канроберу) начали, наконец, взбираться на высоты. Превосходство в силах стало несоизмеримым; русские батальоны, сконцентрированные на Телеграфной высоте, таяли под перекрестным огнем французской артиллерии; наконец, русский правый фланг «начал вполне определенное отступательное движение», как говорит сам Кирьяков. При таких обстоятельствах он начал отход, «не преследуемый противником» (рукописные мемуары Кирьякова).

У французских авторов последовавшая теперь общая атака со стороны французов увенчивается мнимым штурмом телеграфной вышки, причем дело дошло будто бы до рукопашной схватки, и, таким образом, вся операция приобретает красивый мелодраматический финал. Русским ничего неизвестно об этом сражении, и Кирьяков поэтому совершенно отрицает, что оно имело место. Между тем, возможно, что вышка была занята стрелками и ее надо было штурмовать и что, кроме того, вокруг нее могли находиться и другие русские стрелки, которых надо было отогнать; только для этого требовался, конечно, не штурм, а тем более не состязание в беге целой дивизии; история эта в «Историческом атласе» во всяком случае сильно преувеличена.

На этом битва закончилась, а требование Раглана о преследовании Сент-Арно отклонил, «потому что войска оставили свои ранцы на той стороне реки» (стр. 492).

Геройские подвиги, о которых после сражения повествовал нам Сент-Арно и позднее Базанкур[377], заметно блекнут после этого описания. Вся французская армия, насчитывавшая вместе с турками 37000 человек и 68 орудий; имела ...[*]

[*] Далее в рукописи отсутствует одна страница. *Ред.*

III

Англичане наступали на левом фланге союзников. Их первая боевая линия состояла из дивизии Эванса и легкой дивизии Брауна; их второй боевой линией были дивизии Ингленда и герцога Кембриджского. Дивизия Каткарта, из которой был выделен батальон, и кавалерийская бригада двигались в качестве резерва с левой стороны позади обнаженного левого фланга. Каждая дивизия состояла из шести батальонов, соединявшихся в две бригады. Фронт наступления англичан, смыкавшийся у деревни Бурлюк с левым флангом принца Наполеона, составлял около 3600 шагов, так что на каждый из 12 батальонов боевой линии приходилось по 300 шагов.

Выйдя на отлогий, спускающийся к Альме склон, колонны попали под огонь расположенных напротив русских батарей, и по английскому уставу первая линия тотчас же развернулась, Но при слишком малой протяженности фронта получилось, что правый фланг легкой дивизии был закрыт левым флангом дивизии Эванса; целый батальон (7-го полка) был, таким образом, вытеснен из боевой линии. Артиллерия заняла позицию перед фронтом. Во второй линии дивизия герцога Кембриджского тоже развернулась, и так как ее батальоны (гвардия и шотландцы) были сильнее по численности, то она одна образовала почти целиком вторую линию; дивизия Ингленда осталась в колоннах вне сферы артиллерийского огня точно так же, как и резерв. Русские открыли огонь в половине второго. Пока развертывалось французское наступление, англичане, чтобы уменьшить потери от огня, залегли. Стрелки, сражавшиеся в зарослях и виноградниках долины, медленно теснили русских; последние при своем отступлении подожгли деревню Бурлюк и этим еще больше сузили фронт наступления англичан.

Англичане имели перед собой всю остальную часть русской армии, т. е. $25^1/_2$ (по Аничкову) или 27 (по Кинглеку)

батальонов и 64 орудия. Сами они наступали с 29 батальонами и 60 орудиями; их батальоны были сильнее по численности, чем у русских. Русские имели в первой боевой линии оба Суздальских полка (на крайнем правом фланге) и Казанский (или великого князя Михаила Николаевича, в центре справа), к которому примыкал Бородинский полк. Во второй линии находился Владимирский полк, в специальном резерве — Угличский полк, в распоряжении главного резерва оставался Волынский полк, в каждом по 4 батальона, и, кроме того, один стрелковый батальон и стрелки морской пехоты.

К трем часам наступление французов достигло такой стадии, когда колонны Боске и Канробера вышли на плато, а колонны принца Наполеона — в долину; резервы, как мы видим, тоже были двинуты. В этот момент Раглан приказал англичанам наступать. Первая линия поднялась и двинулась, как была в линейном строю, вниз на долину. Из-за виноградников и зарослей порядок частей быстро нарушился даже там, где они, как это предписывается в подобных случаях в Англии, разбивались повзводно в сдвоенную колонну. Дивизия Эванса выслала два батальона и одну батарею вправо в обход горящей деревни, а остальная часть двинулась влево от деревни и вдоль дороги, ведущей на Севастополь. Здесь англичане вскоре попали под ближний огонь двух русских батарей, установленных для прикрытия дороги; батареям удалось остановить дивизию Эванса, несмотря на направленный против них огонь 18 английских орудий. Противостоявшая ей русская пехота состояла из четырех батальонов Бородинского полка и 6-го стрелкового батальона; об их действиях нам ничего не известно.

Легкая дивизия продвигалась дальше слева. Ей противостояли 4 батальона Казанского полка, расположенных справа и слева от 1-й батареи 16-й артиллерийской бригады, установленной за траверсом; во второй линии против нее были 4 батальона Владимирского полка, все в колоннах, и, по данным Кинглека, даже в колоннах из двух батальонов. Англичане успешно, насколько это было возможно, переправились через реку по многочисленным бродам и на южном берегу обнаружили естественную берму шагов в 15 шириной, защищенную крутым обрывом высотой в 8—10 футов; за этим укрытием они смогли опять построиться. По другую сторону обрыва местность была открытой и слегка повышалась по направлению к батарее, находившейся на расстоянии приблизительно в 300 шагов. Сопротивление оказывалось англичанам здесь лишь в некоторых местах со стороны стрелков; их собственные немногочисленные дозорные ушли далеко влево и обнажили весь фронт. Но сами

они не выслали стрелков вперед, равно как и не произвели нового построения; Браун сам отказался от разведки и приказал двигаться вперед, «полагаясь на мужество войск» (стр. 315). В то время как бригадир левого фланга оставил в своем распоряжении два батальона для отражения возможных фланговых атак со стороны русской кавалерии, остальные четыре батальона вместе с присоединившимся к ним батальоном дивизии Эванса (95-го полка) двигались вперед на батарею, наполовину в линейном строю, наполовину беспорядочными группами.

Едва лишь они взобрались по склону, как обе колонны Казанского полка двинулись им навстречу. И здесь наш автор начинает петь дифирамбы по поводу несравненных качеств британских войск.

«Здесь обнаружилось, что и теперь, после почти сорока лет мирного времени, наши солдаты все еще обладают теми неоценимыми качествами, которые не дают им, подобно иностранцам, чувствовать тяжесть пехотной колонны... Они начали стрелять на свой английский лад, полувесело, полусердито, в плотную сплошную массу, торжественно надвигавшуюся на них. Колонна не проявляла признаков беспокойства, но она была, по-видимому, перемуштрованной частью, неумело или слабо управляемой. Во всяком случае, ее начальники не могли создать впечатление мощи у тех групп английских парней (lads), которые весело шли ей навстречу и досаждали ей пулями. Вскоре колонна остановилась, повернула назад и скрылась за неровностями местности» (стр. 325).

Мы не станем больше останавливаться на этих хвастливых заявлениях и лишь отметим, что эти «парни» и «молодые войска», как их любит называть Кинглек, которые мы достаточно часто видели (участвовавший в этом бою 33-й полк незадолго до его отправки в Крым), при существующем в Англии 12-летнем сроке службы и при частых продлениях этого срока еще на 9 лет — были тогда, в среднем, в возрасте по крайней мере 27 лет; отметим также, что со времени Крымской войны и ост-индского восстания, где эти великолепные полки были уничтожены, каждый английский офицер тщетно стремится опять получить под свое начальство таких старых «парней». Но довольно. Эта колонна (восточная, находившаяся на правом фланге русских) после слабой попытки произвести штыковую атаку была, по-видимому, вынуждена отступить даже перед огнем беспорядочной линии. Другая повела наступление на 7-й полк, перейдя вскоре к огневому бою стоя, и долго продолжала вести его не развертываясь, причем, естественно, понесла огромные потери.

Три английских батальона, находившиеся в центре, двигались на батарею, огонь которой, по-видимому, был слабым и не сдерживал наступления. Когда они подошли достаточно

близко, чтобы броситься в атаку на орудия, батарея дала залп, взяла орудия на передки и умчалась. Одна 7-фунтовая гаубица была найдена в укрытии, другая, 32-фунтовая, запряженная лишь тремя лошадьми, была задержана и доставлена капитаном 23-го полка Беллом. Англичане заняли наружный вал траверса и сгруппировались на правом и левом флангах. Владимирский полк подошел теперь ближе, но, вместо того чтобы ударить в штыки по расстроенной массе, также поддался соблазну вести огонь и остановился. Под огнем гораздо более широкого фронта англичан плотная колонна подверглась бы, вероятно, той же участи, что и Казанский полк, но тут у англичан два раза подряд прозвучал сигнал к отступлению, дважды повторенный по всей линии фронта; войска начали отходить, сначала в отдельных пунктах, затем повсюду, что происходило местами спокойно, а местами в полном беспорядке. Четыре участвовавших в бою батальона потеряли вместе 46 офицеров и 819 рядовых.

Вторая боевая линия (герцога Кембриджского) следовала за первой весьма медленно и за все время боя переправилась сначала через реку, а затем укрылась за упомянутой выше бермой. Только теперь она двинулась вперед. Средний батальон правой бригады, состоявший из шотландских и гвардейских стрелков, пошел в наступление первым, но его левый фланг был смят отступающими беглецами легкой дивизии, а правый фланг не выдержал огня Владимирского полка; не получив своевременной поддержки, и этот батальон также отошел в беспорядке назад. Это произошло в то самое время, когда наступление французов начало замедляться, и против Канробера сформировалась колонна из восьми батальонов.

Этот момент, когда союзникам везде приходилось туго, для г-на Кинглека является как раз самым подходящим, чтобы показать нам чудо, не уступающее чудесам «Тысячи и одной ночи» и окружающее лорда Раглана ореолом неожиданной славы. Мы прошли бы мимо этого обстоятельства, если бы оно действительно не оказало некоторого влияния на ход сражения и не имело бы известного значения еще и потому, что Кинглек говорит здесь как *очевидец* — правда, весьма слабо разбирающийся в деле.

Когда английская армия начала готовиться к переправе через реку, Раглан со своим штабом поскакал через Альму в том месте, где соприкасаются линии фронта англичан и французов, и на противоположном берегу стал подниматься вверх по ущелью, почти не встречая какого-либо другого сопротивления, кроме как со стороны нескольких дозорных стрелков.

Вскоре перед ним оказалась круглая вершина, на которую он поднялся и откуда смог обозреть с фланга все расположение русской армии против англичан и даже обнаружить их резервы. Как ни кажется странным, чтобы генерал наступающей армии находился без всякого прикрытия на холме, расположенном у фланга неприятеля, — поскольку имеются многочисленные свидетели, можно в этом не сомневаться. Однако Кинглек, не довольствуясь тем, что поместил своего героя непосредственно перед вражеским флангом или на его продолжении, переносит холм, о котором идет речь, *за* фронт неприятеля, помещая его между ним и русскими резервами, и заставляет лорда Раглана одним своим появлением там парализовать всю русскую армию. Описание этих событий в книге нисколько не уступает- по своему мелодраматическому характеру их изображению на плане сражения, где красной звездой отмечено местонахождение лорда Раглана в 1200 шагах от правого фланга русских, среди зеленых русских колонн, которые запросто оказывают ему почтение, в то время как он, подобно «Зевсу-громовержцу», руководит сражением.

Этот холм, местонахождение которого мы здесь не можем указать точно, но который, во всяком случае, находится не там, куда его помещает Кинглек, — этот холм представлял, тем не менее, удобную позицию для артиллерии, и Раглан сейчас же послал за орудиями, а также за пехотой. Некоторое время спустя, почти одновременно со взятием батареи англичанами, прибыли два орудия. Одно из этих орудий будто бы рассеяло русский резерв (который, согласно Кинглеку, находился на расстоянии всего лишь в 1100 шагов!), другое же взяло под фланговый обстрел батарею, прикрывавшую мост на дороге к Севастополю. После нескольких выстрелов эта батарея, уже давно обстреливаемая с фронта превосходящей ее артиллерией (18 орудий), снялась, и таким образом был открыт путь для продвижения дивизии Эванса. Последняя медленно теснила русскую пехоту, сражавшуюся здесь большей частью разрозненно, и вместе с дивизией Ингленда, артиллерия которой соединилась с артиллерией дивизии Эванса, установила свои орудия на гребне первого холма.

Между тем дальше слева дивизия герцога Кембриджского вела решающий бой. Из трех гвардейских батальонов ее правого крыла средний (шотландские стрелки) преждевременно двинулся в атаку и пришел в беспорядок. Теперь справа начал» наступление в линейном строю гвардейские гренадеры, слева — гвардейский Колдстримский батальон против вновь занятого Владимирским полком траверса; между ними образовался

промежуток для фронта батальона, который должны были заполнить шотландские стрелки, но который был только до некоторой степени прикрыт остатками этого батальона и легкой дивизии, вновь собиравшимися поодаль позади. Зато слева от Колдстримского батальона шли четыре шотландских батальона Колина Кэмпбелла, также в линейном строю, эшелонами от правого фланга, в отличном порядке.

Против гвардейских гренадер находились оба левофланговых батальона Казанского полка, которые были уже отброшены огнем 7-го полка, и оба левофланговых батальона Владимирского полка» которые наступали теперь против левого фланга, на стыке между гренадерами и Колдстримским батальоном; гренадеры выстояли, оттянули левый фланг немного назад и огнем заставили эту колонну тотчас же остановиться. Естественно, что через короткий промежуток времени колонна была настолько поколеблена огнем линии, что даже сам князь Горчаков, который командовал правым флангом русских, не мог больше заставить ее перейти к штыковой атаке. Благодаря незначительному изменению фронта английских гренадер, колонна попала под огонь всей их линии; она дрогнула и, когда англичане двинулись вперед, — отступила. Между тем оба других батальона Владимирского полка вели перестрелку с Колдстримским батальоном, пока, наконец, на ту же высоту не поднялась шотландская бригада. Четыре батальона Суздальского полка, расположенные на крайнем правом фланге русских, подтянулись теперь ближе к решающему пункту боя, к брустверу батареи, но внезапно, во время этого флангового марша, оказались под огнем шотландских линий и отступили без серьезного сопротивления.

Генерал Квицинский, командир 16-й дивизии, после того как князь Горчаков выбыл из строя, упав с убитой под ним лошади, командовал теперь правым флангом русских. Английское линейное построение было для него так ново, что лишило его всякой возможности судить о силе противника. В своих мемуарах, упоминаемых Кинглеком, он сам говорит, что видел англичан в трех перекрывающих друг друга линиях (очевидно, это были три шотландских эшелона), и перед таким превосходством он должен был отступить, после того как была отбита атака четырех батальонов Владимирского полка. Четыре батальона Угличского полка продвинулись вперед лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы остановить бегущих. Артиллерия и кавалерия больше совсем не использовались, и русские начали отступление, не преследуемые англичанами, которые хотели сберечь свою кавалерию. Дивизия

герцога Кембриджского потеряла несколько менее 500 человек.

Итак, в решающий момент здесь сражались 6 батальонов дивизии герцога Кембриджского, поддерживаемых остатками легкой дивизии, всего 11 батальонов (оба левофланговых батальона легкой дивизии и позднее не перешли в наступление) против 12 русских батальонов Казанского, Владимирского и Суздальского полков, а если мы прибавим еще 4 батальона Угличского полка, хотя их активное участие в сражении остается весьма проблематичным, — против 16 русских батальонов, и после очень короткого боя полностью отбросили их.

Автор даже утверждает, что все сражение пехоты в строю длилось не более 35 минут; во всяком случае, к 4 часам исход боя был полностью решен. Чем же объясняются эти быстрые успехи против по меньшей мере равных, а быть может и превосходящих по численности масс пехоты на сильной оборонительной позиции?

Командование англичан было явно небезупречным. Помимо того, что Эванс не сделал ни малейшей попытки атаковать левый фланг противника, а ограничивался вялым фронтальным боем, каждому ясно, что герцог Кембриджский в качестве командующего второй линией не сделал того, что было его обязанностью. Когда первая линия штурмовала бруствер батареи, то второй не было там для поддержки; она подошла лишь после того, как первая была уже отброшена, и должна была начать действия заново. Но как только какой-либо английский командир приближался к противнику, не имея никаких определенных контрприказов, он стремился наступать на него по возможности совместно с соседними частями, и это придало обеим главным атакам решительность, которая обеспечила успех.

Русские, со своей стороны, проявили большую неуверенность в командовании. Правда, Меншиков имел несчастье находиться во время короткого решающего периода далеко от главного пункта сражения, но ни Горчаков, ни Квицинский, по их собственному признанию, не приняли никаких мер для более энергичного отражения атаки. Первое наступление велось четырьмя батальонами Казанского полка против пяти английских батальонов и было отбито; второе — также четырьмя батальонами (Владимирского полка) и тоже было отбито. О серьезном наступлении четырех батальонов Угличского полка у нас нет никаких сведений, а четыре батальона Суздальского полка позволили противнику захватить их врасплох своим

огнем при фланговом марше. Находившийся в главном резерве Волынский полк, кажется, совсем не был использован. Артиллерия быстро замолчала, а кавалерия вообще бездействовала. Была ли то боязнь ответственности или приказ не рисковать армией, но, словом, и на фланге англичан русские действовали без той энергии и активности, которые одни лишь могут обеспечить победу более слабой стороне.

Была, конечно, еще и другая причина, облегчившая англичанам победу. Русские сражались в глубоких и плотных колоннах, англичане — в линии. Русские несли огромные потери от артиллерии противника; англичане же несли очень небольшие потери даже от картечного огня. Когда пехотные массы сближались, колонны можно было спасти от убийственного огня линий противника только стремительной, неудержимой штыковой атакой, но повсюду мы видели приостановку наступления и превращение его в перестрелку. Что же дальше? Если развернуться под огнем противника, то ни один человек не может сказать, к чему это приведет, а если оставаться в колоннах, когда *одно* стреляющее ружье приходится против *четырех* неприятельских, то колонна наверняка погибла. Именно это имело место в каждом отдельном случае на Альме. Более того. Колонну, хотя бы один раз попавшую под обстрел, *никогда* нельзя было заставить снова перейти в решительное наступление; линию, ведущую огонь, — *всякий раз.*

Оба противника — и русские, и англичане — действовали, как известно, плохо в рассыпном строю; сражение решалось благодаря этому исключительно массами; если мы не хотим согласиться с Кинглеком, что англичане своего рода полубоги, то мы должны будем признать, что как для наступления, так и для обороны в более или менее открытой местности линия обладает значительными преимуществами перед колонной.

Вся современная военная история англичан .....*

Написано Ф. Энгельсом в июне 1863 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XII, ч. II, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* На этом рукопись обрывается. *Ред.*

Первая страница рукописи Ф. Энгельса
«Английская армия»

Ф. ЭНГЕЛЬС

АНГЛИЙСКАЯ АРМИЯ [378]

Недавно «Allgemeine Militar-Zeitung», подробно разбирая небольшую работу Питри и Джемса[379], дала описание организации английской армии, а затем, в другой статье, остановилась на положении этой армии в английском государстве. Теперь остается только рассмотреть самую армию в ее историческом развитии за последние 70 лет, ее современное состояние, людской материал, внутренний распорядок, тактическую подготовку и своеобразные формы боя. Это и является целью настоящей работы.

Английская армия представляет для военного наблюдателя совершенно исключительный интерес. Это единственная в мире армия, которая все еще столь упорно придерживается старой линейной тактики, что до сих пор совершенно не применяет колонн в условиях огневого боя пехоты (за исключением боя в дефиле). Она не только ведет огонь в линейном строю, но и идет в штыковую атаку тоже лишь линией. Несмотря на это — или, может быть, именно поэтому — она бесспорно является той армией, которая потерпела наименьшее число поражений. Во всяком случае, следует заняться более подробным изучением способов ведения боя такой армией, и именно теперь, когда — к изумлению всего мира — казавшееся невозможным становится возможным: Англия угрожает нам, немцам, войной.

I

Мы начнем, естественно, с *пехоты.* Robur peditum* составляет главную силу и гордость английской армии. Со времени Уильяма Нейпира во всей Англии стало символом веры, что

* — Отборная пехота. *Ред.*

массированный огонь английской линии превосходит огонь всяких других войск и что против английских штыков нельзя устоять; действительно, англичане — как, впрочем, и другие народы — своими победами обязаны прежде всего пехоте.

Английская пехота состоит из 3 гвардейских полков с 7 батальонами, 109 линейных полков, из которых первые 25 полков имеют по 2 батальона, 60-й полк (егеря) — 4 батальона, а все остальные — только по 1 батальону. Кроме того, имеется еще егерская бригада из 4 батальонов; в общем 141 батальон. Число батальонов в линейном полку — один или же два — определяется исключительно потребностью; как только позволят обстоятельства, вторые батальоны первых 25 полков будут наверняка снова расформированы. Производство в офицеры происходит также в полку, из-за чего часто возникают непреодолимые препятствия, если, например, как и сейчас в 13-м полку, первый батальон находится на Ямайке, а второй — в Новой Зеландии.

Резервными и отборными частями считаются, в первую очередь, гвардия и 8 шотландских полков, которые всегда с честью оправдывали эту репутацию. Легкой пехотой считаются 9 так называемых «легких» и 5 стрелковых полков, однако они лишь немногим отличаются от линейных частей, и только 8 егерских батальонов представляют действительно легкую пехоту. Полки под номерами со 101 но 109, бывшие европейские полки Ост-Индской компании, служат только в Индии.

Помимо этих 141 батальона английской пехоты, имеются еще различные части во внутренних районах страны, к которым мы вернемся позднее, а также части, расположенные в колониях:

В Северной Америке — 1 батальон и 2 роты	1 350	чел.
В Вест-Индии — 4 батальона негров и мулатов	3 700	»
На острове Св. Елены — 1 английский батальон	560	»
На Мальте — местная крепостная артиллерия	640	»
На мысе Доброй Надежды — конные егеря, из них 5/6 готтентоты, 1/6 европейцы, большей частью немцы и швейцарцы	900	»
На Цейлоне — 3 батальона туземных егерей	1 460	»
Всего	8 610	чел.

Наконец, в Индии — туземная армия; 151 батальон общей численностью в 110000 человек. Эти части, за немногими исключениями, находятся под командованием английских офицеров и по всей своей организации весьма схожи с английскими линейными войсками. Только индийская армия сохранила еще со времен Ост-Индской компании некоторое своеобразие; так, например, в ней не принята продажа должностей[380], по крайней мере официально, хотя неофициально подобные вещи там тоже имеют место.

Английской пехоты на 5 февраля с. г. было в Индии 58 батальонов, в Китае — 3, на о-ве Маврикий (Иль-де-Франс) — 2, на мысе Доброй Надежды — 4, в Канаде и других североамериканских владениях — 12, на Бермудах — 1, в Вест-Индии — 2, в Новой Зеландии (из-за войны с туземцами[381]) — 10, в Гибралтаре — 5, на Ионических островах — 4, на Мальте — 5, в Англии и в пути на родину — 42. Из этих последних в Лондоне находились — 6, в Олдершотском лагере[382] — 9, в Портсмуте, Плимуте и Дувре — 10, на Джерси — 1, во внутренних районах Англии — 2, в Шотландии — 2, в Ирландии — 10, в пути на родину — 2. Здесь видна та огромная поддержка, которую оказывает армии флот; без его защиты и без тех быстроходных транспортных средств, которые он предоставляет, этих слабых гарнизонов было бы далеко не достаточно. Но в тех местах, где флот в состоянии оказать лишь незначительную поддержку, как, например, в Индии и Канаде, мы находим сильные гарнизоны, равно как и на стратегических позициях в Средиземном море, где нужно быть готовым к столкновениям с европейскими войсками.

Раньше было правилом посылать гвардию за пределы страны лишь в случае войны; однако теперь два гвардейских батальона находятся в Канаде.

Общая численность пехоты достигает в настоящее время 133500 человек, то есть в среднем 884 человека на батальон, разделенный на 10 рот, каждая с капитаном, лейтенантом и прапорщиком (ensign, что соответствует нашему младшему лейтенанту). Кроме того, каждый батальон, за исключением гвардии, имеет еще 2 запасных роты для обучения рекрутов; от 6 до 8 этих рот объединяются в учебно-запасной батальон, каковых насчитывается 23, общей численностью около 18000 человек. Все эти учебно-запасные части находятся в самой Англии и располагаются преимущественно у моря или поблизости от него. Таким образом, общая численность английской пехоты составляет несколько больше 150000 человек.

II

Офицерский состав набирается из среды всех образованных классов нации. От кандидатов не требуется большого теоретического образования: на установленных экзаменах предъявляются требования, которые заставили бы рассмеяться прусского прапорщика. Все же в армию стараются привлечь все большее количество молодых людей из военной школы в Сандхерсте[383], предоставляя лицам, наиболее успешно выдержавшим экзамены, должность прапорщика *без покупки.* Знание языков требуется лишь в небольшом объеме, при этом кандидату предоставляется большая свобода выбора между несколькими европейскими и индийским языками; требования по математике крайне низки; но на хорошую, ясную, простую манеру изложения в английских сочинениях на практические темы обращается гораздо большее внимание, чем в немецких армиях, где почти каждая армия пишет на своем особом немецком языке, и не всегда на немецком языке, достаточно вразумительном с точки зрения здравого смысла. Тот факт, что при этом не интересуются политическими убеждениями, само собой понятен в стране, где обе главных партии имеют почти одинаковое число своих представителей среди аристократии; самая знаменитая военная фамилия Англии, Нейпиры, состояла и состоит почти исключительно из откровенных радикалов. В общем, внимание обращается не столько на знания, сколько на мужественность характера, и так как английский офицер определенно может рассчитывать на отправку в любую часть света и на скорое участие в бою, то можно себе ясно представить, что английская армия не является в такой мере, как некоторые другие армии, учреждением для призрения людей, у которых почти полностью отсутствуют все физические и моральные качества солдата. Но именно эти качества и являются главной гарантией хорошего офицерского корпуса; ибо, несмотря на все вышеприведенные прекрасные правила, нигде не существует такого кумовства и семей-

ственности, как в английской армии. Без влиятельных связей никто не может попасть в офицерский корпус, а без денег никто не продвигается вверх, если не выпадет такое счастье, что ближайший по старшинству службы офицер будет убит в бою. Правда, и здесь бывают славные исключения; некий сын сапожника из Глазго умер в прошлом году как фельдмаршал лорд Клайд, после того как вновь завоевал утраченную Индию; по тот же бедный Колин Кэмпбелл, который еще в 1807 г. во время похода на Буэнос-Айрес был уже офицером, в 1854 г., когда отправился в Крым, был всего лишь полковником, причем, не будь у него какого-то дальнего родственника, командовавшего полком, он никогда не стал бы офицером.

Английские офицеры образуют, особенно в самой Англии, весьма замкнутую корпорацию. У них даже есть, как и в Пруссии, свой собственный диалект, или скорее акцент, и они очень мало связаны с населением городов, где расположены их гарнизоны. Этой замкнутости способствует то, что холостые офицеры живут в казарме (то есть в отдельном флигеле во дворе казармы) и должны питаться за общим офицерским столом. В стране, где армия подсудна гражданским судам за все проступки, не имеющие строго военного характера, это совместное проживание в казарме является необходимостью. Молодые офицеры сурово наказываются за сумасбродные проступки, совершенные в городе, которые могли бы вызвать столкновение с гражданскими властями, но зато в самих казармах царит довольно большая свобода. Доступ всякого рода женщинам совершенно свободен, бывают изрядные выпивки и азартные игры, и молодые люди разыгрывают друг над другом самые грубые шутки. Если к ним попадет какой-нибудь ханжа, то тем хуже для него. Несколько лет тому назад эти practical jokes*, доведенные в некоторых полках до крайностей, вызвали скандальные процессы в военных судах, и с тех пор против них издано несколько строгих приказов; на деле, однако, на подобные шутки в большинстве случаев смотрят с удовольствием, лишь бы не было публичного скандала. Для офицерского стола правительство отпускает ежегодную субсидию в 25 ф. ст. на роту; он должен быть экономным, но приличным, с тем чтобы менее обеспеченные офицеры не были вынуждены производить расходы, превышающие их средства. Несмотря на это, все же имеется достаточно поводов для траты денег, и ростовщики путем векселей и долговых расписок и здесь доводят до беды столько же молодых офицеров, как и в любом другом месте.

* — грубые шутки. *Ред.*

Такой образ жизни накладывает на поведение английского офицера свой отпечаток. По отношению к штатским — хотя вне службы он сам почти всегда носит штатское платье — он по большей части аристократически сдержан; высокомерный, заносчивый тон по отношению к гражданским лицам встречается лишь в виде исключения в таких гарнизонных городах, как Портсмут, или в стрелковых школах, где скопляется много офицеров и где они задают тон. В общем, офицер должен показать, что он «офицер и джентльмен»; в любой момент он может предстать перед военным судом, быть уволенным и даже разжалованным «за поведение, недостойное офицера и джентльмена»; и это делается без всякой пощады, как только какой-нибудь офицер своим публичным поведением вызовет скандал и если только он сам еще раньше не подаст в отставку. Затушевывание публичных скандальных историй, что, как известно, происходит в Германии, в Англии невозможно, и дух армии от этого может только выиграть.

Право офицера носить вне службы штатское платье, как это ни непривычно для нас, немцев, все же имеет свои весьма положительные стороны, а то, что это никоим образом не влияет на воинственный дух офицерства, вполне доказывается примером Англии. Впрочем, надо заметить, что в главных гарнизонах, таких как чатамский, портсмутский и т. п., где офицеры очень заняты по службе, они реже появляются в штатском.

Дуэль совершенно исчезла в английской армии. Последняя дуэль между офицерами состоялась 20 лет назад между двумя свояками — майором и лейтенантом; майор был убит, а лейтенант оправдан присяжными ввиду того, что он подвергся неслыханной провокации. Взгляды на честь, которые установились среди английского офицерства, — при горячем участии самого Веллингтона — покоятся на принципе, что тот, кто без повода оскорбляет кого-либо другого, лишает чести самого себя, а не оскорбленного и что он может восстановить свою честь лишь исправлением, насколько это в его силах, своего несправедливого поступка. Следовательно, тот, кто первым оскорбит товарища, подвергается обвинению в поведении, недостойном джентльмена, если он не исправит своей вины или же если оскорбление вообще такого рода, что оно не может быть исправлено; военный суд быстро приводит дело в порядок. Эти взгляды в некоторых кругах, особенно в прусской армии, могут показаться довольно странными, по в них безусловно больше здравого смысла, чем это имеет место у некоторых людей, фанатически превозносящих дуэль как point d'honneur*. Что при

* — дело чести. *Ред.*

этом в полной мере сохраняется чувство воинской чести, доказывают сами английские офицеры, которые в этом отношении могут выдержать любое сравнение.

Повышение в чине производится в полку повсюду в соответствии со старшинством по службе, соединяемым с покупкой должностей. А именно, как только открывается вакансия, старшему офицеру следующего чина предоставляется право выбирать, покупает он эту должность или нет; если он отказывается, что бывает лишь при недостатке денежных средств, то очередь переходит ко второму по старшинству и т. д. Эта продажа должностей является безусловно одним из самых скверных порядков в английской армии, с которым никогда не примирились бы офицеры других армий. Такой порядок остается нелепым и отвратительным, даже если учесть все смягчающие доводы, приводимые англичанами в его защиту: что благодаря ему молодые офицеры быстрее продвигаются по службе, что он является традиционным институтом, который трудно упразднить, и т. д. Для английской армии остается позором, что она не смогла преодолеть этой системы, и духу офицерства безусловно в высшей степени вредит то, что способные офицеры должны прозябать в низших чинах из-за того, что они располагают только своим жалованьем, но не имеют капитала.

Цена патента прапорщика (то есть младшего лейтенанта) линейной пехоты — 450 ф. ст. (3000 талеров); если прапорщик хочет получить чин лейтенанта, он должен заплатить еще 250 ф. ст. (1700 талеров); за патент капитана — снова 1100 фунтов (7030 талеров); патент майора — опять 1400 фунтов (9030 талеров); патент подполковника — еще 1300 фунтов (8700 талеров). Этот патент стоит, следовательно, в общем итоге 4500 ф. ст., или свыше 30000 талеров, которые владелец патента получает обратно от своего преемника, достигнув чина полковника. В гвардии и в кавалерии цены еще выше; в артиллерии и в инженерных войсках продажи должностей нет. В случае смерти офицера весь вложенный капитал теряется, и ближайший по старшинству службы занимает его место без покупки. Начиная с полковника, продажа должностей уже не производится; каждый подполковник, пробывший в этой должности на действительной службе три года, становится по закону полковником. Под угрозой отставки запрещено платить свыше установленной цены за офицерскую должность, однако на практике это происходит сплошь и рядом.

Так как требования при экзамене на прапорщика вообще не включают никаких военных знаний, то перед производством в лейтенанты и в капитаны бывает еще специальный экзамен,

ограничивающийся знанием практики службы, уставов, военного законодательства и строевого учения. Теоретические знания по тактике *не* требуются.

Гвардейские офицеры имеют более высокие чины: прапорщик гвардии соответствует лейтенанту линейных войск, лейтенант — капитану, капитан — подполковнику. Это вызывает большое недовольство в линейных войсках.

Унтер-офицеры производятся в офицеры лишь в исключительных случаях. Основная повседневная работа в батальоне ложится на трех офицеров: адъютанта, квартирмейстера и казначея. Поэтому на эти должности часто берутся старые надежные унтер-офицеры, которые затем никогда не поднимаются выше чина лейтенанта, предоставляемого им бесплатно. Вообще же производство в офицеры случается весьма редко, только за особые отличия в боях. Характер английской армии, набираемой путем вербовки, что обусловливает весьма значительную примесь низменных и грубых элементов, зависящий от этого тон в войсках и необходимый при этом вид дисциплины делают неизбежным то обстоятельство, что офицеры принадлежат к более высокому классу общества, чем солдаты. Расстояние между офицером и солдатом в Англии поэтому больше, чем где бы то ни было. А потому и продвижение по служебной лестнице низших чинов здесь очень затруднено и впредь будет оставаться редким исключением, пока будут существовать, с одной стороны, продажа должностей, а с другой — система вербовки. Случаи, когда молодые образованные люди вступают в армию в качестве вольноопределяющихся, чтобы дослужиться до офицерского чина, как это часто бывает в Пруссии и Франции, в Англии не могут иметь места; характер войска таков, что все бы подумали — молодой человек берется за солдатское ремесло совсем по другим мотивам, о которых он предпочитает умалчивать. Поэтому вполне понятно, что английское офицерство состоит почти исключительно из людей, воспитанных как джентльмены, и что солдатская масса больше уважает офицеров, заведомо являющихся их «естественными повелителями», как говорят в Англии.

Соответственно этому и тон, господствующий между офицерами и солдатами, холодный и деловой. Обе категории связаны друг с другом лишь отношениями приказа и повиновения. Никогда не бывает ни фамильярности или шуток, ни вспышек гнева. Прямая похвала или порицание солдат со стороны офицеров имеют место в очень редких случаях и произносятся всегда тем же ровным, деловым тоном. Это относится, конечно, только к служебным взаимоотношениям при строевых заня-

тиях и т. п.; при случае английские офицеры могут ругаться весьма основательно, о чем могли бы достаточно порассказать их денщики.

Одной из присущих лишь английской армии особенностей является то, что офицер может иметь два чина: более низкий в своем полку и более высокий — в армии. Этот второй чин, если он присваивается на все время и без каких-либо ограничительных условий, является «званием по патенту» [Brevet-Rang]. Таким образом, капитан может быть в армии «майором по патенту» или «подполковником по патенту»; бывали даже случаи (особенно с командирами индийских иррегулярных частей), что в своем полку они были только лейтенантами, а в армии — майорами. Такой капитан и «майор по патенту» исполняет в своем полку обязанности капитана, но по гарнизонной или лагерной службе считается штаб-офицером. Этот более высокий чин может быть также пожалован только на определенное время, или в определенной колонии, или на определенном театре военных действий. Так, за последнее десятилетие некоторые полковники на время Крымской войны или во всяком случае на время их пребывания на Ближнем Востоке были произведены в чип «бригадных генералов» или же «генерал-майоров»; то же имело место и в Индии. Эта система является средством поощрения некоторых избранных или особо полезных людей независимо от старшинства, но она, совершенно очевидно, влечет за собой много неприятностей и недоразумений. Англичане никак не могли растолковать французам в Крыму, что один и тот же человек может быть одновременно и капитаном, и майором.

При повышении в чине существует правило, что никто не может стать капитаном, не пробыв на действительной службе прапорщиком и лейтенантом по меньшей мере два года, и майором — не пробыв офицером шесть лет.

Военная подготовка офицеров, которые не являются воспитанниками Сандхерстской школы, производится во взводных и ротных школах совершенно так же, как и подготовка солдат; лишь после экзамена, проводимого батальонным командиром, они освобождаются от строевого учения и допускаются к службе как офицеры. Все младшие батальонные офицеры ежегодно перед началом весеннего обучения батальона объединяются во взвод под начальством штаб-офицера и таким образом, с ружьем в руке, должны пройти полностью курс одиночного, взводного и ротного обучения. Но это обычно делается лишь весьма поверхностно.

III

Пополнение унтер-офицерского и солдатского состава производится, как известно, путем вербовки,и притом исключительно в Великобритании и Ирландии. Только 100-й полк вербуется в Канаде. Вербовочная служба подчинена генерал-адъютанту армии и производится двумя способами. Во-первых, отдельные полки и запасные батальоны могут производить вербовку в местах расположения своих собственных гарнизонов. Во-вторых, независимо от этого имеется организованная вербовочная служба по всей стране, разделенной для этой цели на 9 вербовочных округов (в Англии — 4, в Шотландии — 2, в Ирландии — 3). Каждый округ подчинен инспектирующему штаб-офицеру (обычно «полковник по патенту») и, в случае необходимости, делится на более мелкие участки, подчиненные лейтенантам или капитанам. В общем на этой службе находятся: 8 штаб-офицеров, 9 адъютантов, 9 казначеев, 9 врачей, 11 младших офицеров-вербовщиков (на половинном окладе), 8 фельдфебелей, 48 сержантов и соответствующее число солдат. Кроме того, гвардия в виде исключения сама производит набор для своего пополнения. Каждый рекрут имеет право выбрать себе часть, в которой он хочет служить. В качестве благого пожелания говорится, что каждая часть по возможности должна пополняться в том графстве, имя которого она носит. Иностранцы могут приниматься лишь с особого разрешения, почему они часто пропускаются под маркой «шотландцев».

В военное время милиция призвана служить, главным образом, школой подготовки для линейных войск; за определенное, устанавливаемое каждый раз число людей, переходящих из милиции в линейные части, офицер соответствующего полка милиции получает патент на чин в линейных войсках. Во время восстания в Индии в 1857 г. пошли даже на то, что каждому

штаб-офицеру, даже отставному, завербовавшему 1000 рекрутов, давался патент подполковника.

Каждый рекрут или служащий сверх срока получает бесплатно полное обмундирование и задаток, размер которого меняется в зависимости от потребности в рекрутах, но никогда не бывает ниже 1 фунта и очень редко выше 10 ф. ст. (67 талеров). Для различных родов войск этот задаток часто также бывает различным; в инженерных войсках платят больше всего, так как здесь применимы только самые отборные кадры. Задаток выплачивается иногда во время приведения к присяге, но в большинстве случаев лишь по прибытии в полк и по принятии рекрута его начальником. Приведение к присяге состоит в том, что рекрут — не раньше, чем через сутки после того как он был завербован — доставляется к полицейскому судье и заявляет здесь под присягой, что он вступает в армию добровольно и что для его поступления на военную службу нет никаких препятствий со стороны закона.

Для кавалерии, ездовых артиллерии, инженерных войск, обоза и для пехотных частей, находящихся в Индии, Китае, Австралии и на острове Св. Елены, рекруты принимаются в возрасте от 18 до 25 лет, в остальные артиллерийские и пехотные части — от 17 до 25 лет. Рост установлен следующий;

Кавалерия:							
Гвардейские кирасиры ....от	5	ф.	10 дм.	до	6	ф.	
Тяжелые драгунские полки ..»	5	»	8 »	»	5	»	11 дм.
Средние драгуны и уланы ....»	5	»	7 »	»	5	»	9 »
Гусары ....»	5	»	6 »	»	5	»	8 »
Артиллерия:							
Канониры — минимум	5	ф.	7 дм.; если моложе 18 лет, то 5 ф. 6 дм.				
Ездовые ....от	5	ф.	4 дм.	до	5	ф.	6 дм.
Наводчики — минимум	5	ф.	6 дм.				
Пехота — минимум:							
Гвардия	5	ф.	$8^1/_2$ дм.				
Линейные части	5	»	6 »				

Однако этот минимум весьма изменчив; каждая серьезная угроза войны заставляет правительство тотчас же понижать его; для правительства, понизившего несколько недель тому назад минимум роста для пехоты до 5 футов 5 дюймов, оказалось достаточным даже то обстоятельство, что из-за сокращения срока службы с 12 до 10 лет в недалеком будущем освободится большое количество солдат. В общем и здесь, как и в других

местах, норма все более понижается, хотя, разумеется, при системе вербовки все же можно получить в среднем более рослых солдат, чем при всеобщей воинской повинности или при рекрутском наборе. Что это имеет место также и в Англии, видно из вышеприведенных цифр, которые легко свести к рейнской мере, если из установленной нормы — от 5 футов до 5 футов 6 дюймов — вычесть $2^1/_4$ дюйма, а из нормы от 5 футов 7 дюймов до 6 футов — $2^1/_2$ дюйма, что является достаточно точным.

Кроме роста, определен также минимальный объем груди: при росте от 5 футов 6 дюймов до 5 футов 8 дюймов — 33 дюйма; от 5 футов 8 дюймов до 5 футов 10 дюймов — 34 дюйма; свыше 5 футов 10 дюймов — 35 дюймов. Ездовые, обозные и стрелки обязательно должны иметь объем груди не менее 34 дюймов. Впрочем, ездовые принимаются и в тех случаях, если они не удовлетворяют этим условиям полностью, но зато имеют опыт ухода за лошадьми.

В барабанщики и горнисты вербуются мальчики не моложе 14 лет с согласия родителей. Они не получают никакого задатка.

Срок службы составляет 10 лет для пехоты, 12 лет для кавалерии, артиллерии, инженерных войск и обоза, по истечении которых отслуживший, если он признается еще годным, может остаться на сверхсрочной службе еще на 11 лет в пехоте и на 9 лет в других родах оружия. По истечении этого второго срока он может служить дальше с предупреждением об окончании службы за 3 месяца. Если в момент окончания срока службы данная часть находится за границей, то командующий гарнизоном офицер имеет право продлить этот срок до двух лет.

Каждый солдат при хорошем поведении получает, как правило, разрешение откупиться. Сумма выкупа зависит от уже прослуженного и еще остающегося срока службы, от поведения и т. д. и составляет, максимально, в кавалерии — 30 фунтов, в пехоте — 20 фунтов, для цветных солдат в колониальных частях — 12 фунтов.

После 21 года службы каждый солдат имеет право на пенсию. Размер пенсии зависит от длительности службы, поведения и от телесных повреждений, полученных на службе; он составляет для солдат и унтер-офицеров не менее 8 пенсов (6 зильбергрошей 8 пфеннигов) и не более 3 шиллингов 6 пейсов (1 талер 5 зильбергрошей) в день. В зависимости от обстоятельств, пенсия назначается и при более коротком сроке службы.

Сержанты-вербовщики с сопровождающими их солдатами останавливаются большей частью в худших кварталах больших городов и ведут наблюдение главным образом за трактирами. Они часто устраивают также шествия по улицам, с лентами на фуражках, в сопровождении нескольких барабанщиков и флейтистов, собирают таким образом толпу народа и стараются поймать среди нее свою добычу. Если искомая дичь находится, то ее стараются немедленно заманить в трактир, где прилагается все искусство, чтобы побудить ее принять символический шиллинг, который скрепляет контракт. Если новый кандидат на славу уже взял этот шиллинг, то он может снова стать свободным, лишь уплатив перед полицейским судьей 1 ф. ст. в качестве «вознаграждения за обиду» (smart-money). Закон, правда, предписывает, что будущий герой должен по истечении по меньшей мере суток после того как был завербован заявить судье, что он вступает в армию добровольно и остается при своем решении. Закон при этом совершенно правильно считает, что завербованный обычно бывает нетрезв, когда он берет шиллинг, и дает ему возможность сначала протрезвиться. Но плохим вербовщиком был бы тот сержант, который так легко упустил бы свою добычу. Он и его люди не выпускают рекрута из поля зрения, и прежде чем он попадет к судье, водка и пиво уже снова окажут достаточное действие. Интереснее всего то, что значительная часть кутежа оплачивается обычно самим же рекрутом, которого сержант широко авансирует в счет его задатка. При таких обстоятельствах является правильным, хотя и наивным, прямое предписание, чтобы для вербовочной службы применялись лишь холостые солдаты и барабанщики и только в крайнем случае женатые сержанты, но во всяком случае исключительно здоровые, крепкие люди. Кто не может хорошо пить, не подходит для этой службы.

Кажется, что попадаешь форменным образом в восемнадцатый век, когда наблюдаешь эту вербовку. Несмотря на формальные преграды, которыми закон ограничивает эту практику, установлено, что огромное большинство «английской армии, целиком состоящей из добровольцев», попадает в это учреждение весьма недобровольно; к своему ли собственному благу в конечном счете — это, в общем, вопрос другой.

Какие слои населения попадают таким образом в армию, — достаточно ясно. В большой мере войско это, как и наши прежние наемные войска, остается refugium peccatorum*, в котором

* — убежищем для грешников. *Ред.*

собирается большая и наиболее дееспособная часть всех авантюристических элементов народа, чтобы быть здесь укрощенной тяжелой муштрой и очень строгой дисциплиной. Поэтому английская армия в моральном и интеллектуальном отношении стоит гораздо ниже всех тех армий, которые комплектуются по системе рекрутского набора (даже с заместительством) или целиком на основе всеобщей воинской повинности без заместительства. Только французский иностранный легион[384] и те французские части, которые формируются главным образом из заместителей, как, например, зуавы, могут быть поставлены, примерно, на один уровень с ней, хотя нельзя отрицать, что вся французская армия, благодаря растущим привилегиям для солдат-профессионалов, все более и более приближается по своему характеру к английской. Но даже французский remplacant* по общественному, внешнему образованию стоит гораздо выше грубого, распущенного парня из подонков больших городов, который задает тон в английской казарме. Во французскую армию все еще может вступить образованный молодой человек в качестве вольноопределяющегося, чтобы дослужиться до производства в офицерский чин, причем срок испытания в качестве рядового солдата отнюдь не покажется ему совершенно невыносимым; в Англии надо быть сумасшедшим, чтобы сделать подобный шаг. Насколько англичанин гордится своей армией в целом, настолько же он презирает отдельного рядового солдата; даже в низших слоях населения все еще считается до некоторой степени предосудительным быть завербованным или же иметь родственником солдата. Впрочем, за последние десять лет состав завербованных, безусловно, значительно улучшился. О прошлом рекрутов стремятся получить по возможности наиболее полные сведения, чтобы не допустить в армию вконец испорченных субъектов. Большие вербовки, вызванные Крымской войной и восстанием в Индии, вскоре исчерпали нравственно опустившиеся слои населения, из которых армия пополнялась, как правило, в течение длительного мирного периода. Пришлось не только понизить минимум роста (однажды даже до 5 футов 3 дюймов для пехоты), но и сделать более привлекательной жизнь солдата, улучшить обстановку в казарме для того, чтобы можно было завербовать более надежных людей из среды рабочего класса. К этому присоединился недостаток пригодных лиц для многих новых унтер-офицерских должностей (во время Крымской войны численность батальонов была почти удвоена). Кроме того, стало ясно, что ведение войны,

* — заместитель. *Ред.*

как вел ее Веллингтон в Испании, с обязательным разграблением всех взятых крепостей, в настоящее время не подходит более для Европы. Солдатами заинтересовалась пресса, и вскоре среди высшего офицерства стало модным распространять филантропию на войска. Старались сделать жизнь солдат приятнее, изыскать средства для их развлечения и самодеятельности в часы досуга в казарме или в лагере, с тем чтобы держать солдат подальше от трактира. Так возникли, особенно за последние семь лет, главным образом на средства от частной подписки, библиотеки, читальни, помещения для всевозможных игр, солдатские клубы и т. д. В лагерях, создаваемых по французскому образцу, солдатам по возможности отводился участок с садом, делались попытки организации театральных представлений, лекций и время от времени устраивались выставки различных мелких художественных вещиц, изготовленных самими солдатами. Все это еще находится в начальной стадии, но получает все большее распространение. И это безусловно необходимо. Рекруты, взятые в армию во время кампаний в Крыму и в Индии, находились безусловно на гораздо более высоком уровне, чем в прежнее время, так как обе войны были весьма популярны в массах. Они значительно улучшили тон в армии. Соприкосновение с французскими солдатами в Крыму также сделало свое дело. Теперь дело идет о сохранении этого духа, с тем чтобы и в течение длительного мирного периода получать таких же хороших рекрутов и не оказаться снова в зависимости исключительно от бродяжнических элементов населения, которые в мирное время всегда первыми предлагают свои услуги.

Несмотря на это, такие элементы все еще составляют большую часть армии, и к ним приспособлен весь внутренний распорядок. Английская казарма с флигелями и двором со всех сторон окружена высокими стенами, в которых, как правило, имеются только одни ворота. Отдельное здание занимают офицерские квартиры, в одном или нескольких других помещаются солдаты. Та часть здания, где окна солдатских помещений выходят на улицу, при новых постройках обычно отделяется глубоким рвом и прочной железной изгородью по его наружному краю. В казармах больших городов, в частности, в казармах милиции, где размещены цейхгаузы (милиция собирается лишь на четыре недели в год), бывает, что весь уличный фасад здания снабжен ружейными бойницами вместо окон, а углы — башенками, устроенными для фланкирования ружейным огнем, — доказательство того, что восстания рабочих считаются не столь уж невозможными. В этой большой казарме-тюрьме солдат

проводит всю свою жизнь, за исключением часов досуга. Доступ штатских лиц строго контролируется, и все здание, насколько возможно, ограждено от посторонних взоров, так что солдат, по возможности, находится под контролем и обособлен от штатских. Простосердечные отношения между гражданским населением и солдатами, столь обычные для Германии, легкость доступа в казармы для каждого здесь совершенно отсутствуют, а для того чтобы не устанавливалось никаких продолжительных связей, гарнизоны, как правило, ежегодно меняются.

Наиболее распространенные дисциплинарные проступки легко угадать по характеру армии. Это — пьянство, самовольные отлучки после вечерней зори, воровство у товарищей, драки, неповиновение и оскорбление действием начальников. За более легкие проступки наказывает без судебного разбирательства батальонный командир. Он имеет исключительное право наказания, но может передать ротному командиру право налагать арест в казарме сроком до 3 дней. Он сам имеет право налагать следующие взыскания: 1) тюремное заключение сроком до 7 дней, одиночное или общее, со штрафной работой или без нее. Солдаты, приговоренные к этому, имеют право через батальонного командира апеллировать к военному суду; 2) помещение в карцер (black-hole) сроком до 48 часов; 3) арест в казарме сроком до 1 месяца, причем арестованный несет всю службу и сверх того должен выполнять еще специальные задания, возлагаемые на него командиром. Кроме того, каждый арест в казарме влечет за собой штрафное строевое учение в полном снаряжении сроком до 14 дней. Такое штрафное учение не должно длиться более 1 часа без перерыва, но может повторяться до четырех раз в день. В случаях 2) и 3) командир *может* разрешить апелляцию к военному суду. Одиночное заключение или заключение в карцер должно, по возможности, применяться в случаях пьянства, драк и оскорблений начальства и в серьезных случаях может сочетаться с казарменным арестом таким образом, чтобы вся продолжительность ареста не превышала одного месяца.

Как видим, у английского командира батальона имеется в руках достаточно средств для поддержания порядка среди своих буйных парней. Если этих средств недостаточно, вступает в действие военный суд, где в последней инстанции бунтующему открывается перспектива «кошки-девятихвостки». Это одно из самых варварских орудий наказания, какие только существуют: плетка с коротким кнутовищем и девятью длинными, жесткими и узловатыми веревками. Наказуемый обна-

жается до пояса, привязывается к треугольной раме и получает удары чрезвычайной силы. Уже первый удар рассекает кожу до крови. После нескольких ударов плетка и бьющий сменяются, чтобы преступник не получал никакого облегчения. Врач при этом, конечно, всегда присутствует. Пятьдесят подобных ударов, как правило, влекут за собой длительное лечение в лазарете. И все же часто встречаются люди, которые переносят эти пятьдесят ударов без единого стона, так как показывать боль считается большим позором, чем получать побои.

Двенадцать лет тому назад плетка применялась очень часто и допускалось до 150 ударов. Если я не ошибаюсь, даже командир полка мог в то время назначать без судебного разбирательства некоторое число ударов. Затем число ударов было ограничено до 50 и право назначать их предоставлено исключительно военным судам. Наконец, после Крымской войны было введено, главным образом по настоянию принца Альберта, разделение солдат на два разряда по прусскому образцу[385] и установлено, что только те солдаты, которые уже были переведены за *прежние* проступки во второй разряд и не перешли в результате безупречного поведения в течение одного года в первый разряд, могут за новые проступки подвергаться телесному наказанию. Это различие исчезает, однако, на поле боя; здесь каждый рядовой солдат вновь находится под властью плетки. В 1862 г. в армии было 126 случаев телесных наказаний, при которых 114 человек получили максимально допускаемое число — 50 ударов.

В общем видно, что как потребность, так и желание применять плетку сильно уменьшилось, и так как те же самые причины еще продолжают действовать в армии, то можно предполагать, что так будет и впредь и что «кошка» все больше и больше будет рассматриваться как чрезвычайное, исключительное средство устрашения, которое держится про запас для тяжелых случаев в боевой обстановке. Стало очевидным, что обращение к чувству чести солдата помогает больше, чем обесчещивающие наказания, и вся английская армия единодушно придерживается того мнения, что солдат после порки уже ничего не стоит. Тем не менее, в Англии в ближайшее время не произойдет полной отмены «кошки». Мы все знаем, как сильны были предрассудки в отношении телесных наказаний и как они сильны отчасти еще и теперь, даже в армиях, состоящих из гораздо лучших социальных элементов, чем английская; при армии же, набираемой путем вербовки, подобное крайнее средство устрашения до известной степени еще может

быть оправдано. Англичане, однако, совершенно правы в том, что если уж должно существовать телесное наказание, то его следует применять лишь в крайних случаях, но зато очень серьезно. Вечное битье палкой в более легкой форме, как это встречается в некоторых, к сожалению, также в немецких армиях и которое может способствовать лишь ослаблению страха перед наказанием...*

Написано Ф. Энгельсом в начале 1864 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XII, ч. II, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* Конец рукописи отсутствует. *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРОШЕНИЕ К. МАРКСА О ВОССТАНОВЛЕНИИ ЕГО В ПРУССКОМ ПОДДАНСТВЕ[386]

КОРОЛЕВСКОМУ ПОЛИЦЕЙПРЕЗИДЕНТУ
г-ну БАРОНУ ФОН ЦЕДЛИЦ-НЕЙКИРХ

Ваше высокородие,

Настоящим покорнейше сообщаю Вам, что вследствие королевской амнистии я возвратился из Лондона, где проживал с 1849 г. в качестве политического эмигранта, снова в Пруссию, чтобы на первых порах поселиться здесь в Берлине.

Покорнейше прошу Ваше высокородие:

1) на основании королевского указа об амнистии и закона от 31 декабря 1842 г. (Собрание узаконений, стр. 15—18) признать мое возвращение в прусское подданство, что, согласно § 5 упомянутого закона, входит в компетенцию Вашего высокородия, и

2) выдать мне упоминаемое в § 8 закона от 31 декабря 1842 г. о принятии вновь прибывающих лиц (Собрание узаконений, стр. 5) удостоверение в том, что я заявил в здешнее королевское полицейское управление о своем прибытии. В связи с последним обстоятельством сообщаю, что, если это понадобится, я могу доказать наличие у меня вполне самостоятельных источников существования, предъявив контракты, заключенные мною с издающейся в Нью-Йорке газетой «New-York Tribune» в качестве одного из редакторов этой газеты, а также и другим путем.

На первых порах я поселился у моего друга, г-на Ф. Лассаля, Бельвюштрассе, 13, и покорнейше прошу выслать мне туда оба документа, о которых я прошу.

С особым почтением

преданный Вашему высокородию

д-р *Карл Маркс*

Берлин, 19 марта 1861 г.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ЗАЯВЛЕНИЕ К. МАРКСА ПО ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ЕГО В ПРУССКОМ ПОДДАНСТВЕ

КОРОЛЕВСКОМУ ПОЛИЦЕЙПРЕЗИДЕНТУ
г-ну БАРОНУ ФОН ЦЕДЛИЦ

Ваше высокородие,

В ответ на Ваше письмо от 21 с. м. имею честь выразить свое удивление по поводу того, что мое письмо от 19 марта* показалось Вам не совсем ясным.

Моя просьба состояла дословно в следующем:

«На основании королевского указа об амнистии и закона от 31 декабря 1842 г. признать мое возвращение в прусское подданство».

Именно эта просьба кажется Вашему высокородию не вполне ясной и заключающей в себе противоречие, поскольку я сослался при этом на то обстоятельство, что, в силу § 5 закона от 31 декабря 1842 г., признание моего возвращения в прусское подданство входит в компетенцию Вашего высокородия. Королевским указом об амнистии всем политическим эмигрантам, не осужденным военным судом, разрешается «беспрепятственное возвращение в земли Прусского государства». Так как я принадлежу к таким эмигрантам и являюсь по рождению пруссаком, о чем прилагаю в качестве официального документа мое свидетельство о рождении в виде выписки из актов гражданского состояния города Трира (от 7 мая 1818 г.), так как я покинул отечество в 1849 г., а до тех пор проживал в Кёльне в качестве редактора «Neue Rheinische Zeitung»[387] и привлекался к ответственности отнюдь не военным судом, а лишь обычным окружным судом в нескольких процессах по делам печати, которые я навлек на себя как редактор указанной

* См. настоящий том, стр. 647. *Ред.*

газеты, — то ясно, что упомянутая амнистия распространяется и на меня.

Вышеизложенным я отвечаю Вашему высокородию одновременно на некоторые вопросы, которые Вы задали мне в своем письме.

Однако, по-видимому, может возникнуть другой вопрос. Королевская амнистия не только объявляет свободными от наказания лиц, уже осужденных законом, и гарантирует свободу еще не осужденным лицам, но одновременно разрешает эмигрантам «беспрепятственное возвращение в земли Прусского государства». Означает ли это, помимо освобождения от уголовного наказания, также и возвращение прусского гражданства, утраченного ими вследствие более чем десятилетнего пребывания за границей?

По *моему* истолкованию, по истолкованию *всех* юристов, по единодушному заключению общественного мнения и всей прессы — несомненно означает. И два аргумента неопровержимо доказывают это. Во-первых, то, что указ об амнистии гарантирует эмигрантам не только освобождение от наказания, но и *определенно* — «беспрепятственное возвращение в земли Прусского государства». Во-вторых, то, что в противном случае вся амнистия оказалась бы совершенно *призрачной,* амнистией, существующей *только* на бумаге. Ибо так как все эмигранты проживают за границей с 1848 и 1849 гг., то есть двенадцать лет, то все они тем самым утратили бы прусское подданство, и если бы это подданство не восстанавливалось амнистией, то якобы разрешаемое «беспрепятственное возвращение» в действительности никому не было бы разрешено.

Итак, нет никакого сомнения в том, что, несмотря на утрату прав прусского гражданства вследствие десятилетнего отсутствия, эти права должны быть восстановлены королевской амнистией.

Однако, хотя такова моя интерпретация и толкование юристов, в практическом отношении авторитетной и для практических шагов надежной почвой является только интерпретация властей.

Каким же образом королевские власти намерены интерпретировать королевскую амнистию?

Будут ли они истолковывать ее в том смысле, что амнистия есть амнистия, а беспрепятственное возвращение есть беспрепятственное возвращение? Или же они будут истолковывать ее в том смысле, что разрешение беспрепятственного возвращения препятствует возвращению и что, несмотря на указ, эмигранты должны оставаться лишенными отечества? При беспристрастном

рассмотрении этих обстоятельств Вы, Ваше высокородие, должны будете признать, что такое скептическое отношение вряд ли может быть названо совсем необоснованным.

За последние двенадцать лет было так много предписаний и с этими предписаниями было затем связано так много неожиданных интерпретаций, что в конце концов никакая интерпретация не может уже более казаться вполне достоверной, никакая не может казаться абсолютно невозможной.

Таким образом, вполне надежным основанием, исходя из которого можно предпринимать практические шаги, является лишь интерпретация *самих властей* в отношении определенного *лица.*

Итак, признает ли Ваше высокородие, что я, несмотря на утраченное по закону прусское подданство, снова получил его но королевской амнистии?

Таков очень простой и ясный вопрос, который я хотел бы и должен задать Вашему высокородию.

Я тем более вынужден сделать это, что не могу до разрешения данного вопроса привезти из Лондона жену и детей, ибо, очевидно, нельзя требовать от меня, чтобы я предпринял ничем не оправданный переезд со всем моим хозяйством и семьей и только *тогда* начал бы борьбу, которую, если ее вообще придется вести, необходимо, напротив, закончить *прежде,* чем затевать дорогостоящее переселение обратно на родину с женой и детьми.

Мой вопрос тем более оправдан, как в высшей степени естественный и простой, что Вы, Ваше высокородие, сами поднимаете в Вашем письме от 21-го с. м. вопрос о том, на каком основании я претендую на то, чтобы «сохранить, несмотря на десятилетнее отсутствие», прусское подданство.

Из вышеизложенного Ваше высокородие видит теперь, на каком основании я претендую на это. То, что я задаю этот вопрос, оправдывается упомянутым мною § 5 закона от 31 декабря 1842 года. Ибо, поскольку в силу этого параграфа Ваше высокородие является компетентной инстанцией для разрешения натурализации, то a fortiori* Вы являетесь также компетентной инстанцией, чтобы interpretando** заявить, возвращается ли мне вследствие амнистии утраченное прусское подданство. Только в *этом* смысле я и сослался на § 5 упомянутого закона. Наконец, мне тем более надлежит обратиться с этим вопросом к Вашему высокородию, что я хочу поселиться именно в *Берлине,* а признание меня прусским подданным является *юридической предпосылкой* для разрешения поселиться в этом городе.

* — тем более. *Ред.*
** — в результате истолкования. *Ред.*

Ваше высокородие, как начальник полиции этого города, является, таким образом, той инстанцией, от мнения которой по указанному вопросу зависит разрешение на жительство.

Конечно, Ваше высокородие никак не может быть заинтересовано в том — да и от меня нельзя требовать этого, — чтобы я, в полной *неизвестности* и не имея возможности предпринять соответствующие практические шаги, ожидал три-четыре месяца или больше, пока вместе с окончательным решением вопроса о поселении мне станет известно, какое истолкование королевской амнистии Вы соблаговолите дать и захотите ли Вы признать мое восстановление в прусском подданстве или нет. Такого рода неизвестность в течение нескольких месяцев причинила бы мне *во всех моих начинаниях, делах и в экономическом отношении самый чувствительный ущерб.* Естественно также, я имею *право* знать, *хочет* или *нет* компетентная инстанция признать мое подданство, а эта инстанция не может считать ни правомерным, ни достойным себя отказать мне в ответе или затягивать этот ответ.

Поэтому я прямо, откровенно и честно ставлю Вашему высокородию вопрос:

признаете ли Вы или нет мое восстановление в прусском подданстве в силу королевской амнистии?

и ожидаю на мой вопрос такого же прямого, откровенного, и честного ответа. Я тем более заинтересован в скорейшем получении ответа, что только тогда получу возможность, в случае неблагоприятного решения, — хотя оно, конечно, невозможно — обратиться по этому вопросу к палатам еще в течение нынешней сессии, на которой, между прочим, будет обсуждаться еще один законопроект об амнистии, вызванный неясностью по поводу интерпретации указа об амнистии, А с другой стороны, я очень заинтересован в скорейшем получении ответа и потому, что могу пробыть здесь в настоящее время только *очень недолго,* так как семейные обстоятельства требуют моего возвращения в Лондон. Итак, я покорнейше прошу Ваше высокородие прислать мне откровенный и определенный ответ в ближайшее время; *только тогда* я смогу подать надлежащим образом прошение о поселении в этом городе.

С совершенным почтением имею честь оставаться

преданный Вашему высокородию

д-р *Карл Маркс*

Берлин, 25 марта 1861 г.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ЗАЯВЛЕНИЕ К. МАРКСА В СВЯЗИ С ОТКАЗОМ ВОССТАНОВИТЬ ЕГО В ПРУССКОМ ПОДДАНСТВЕ

Берлин, 6 апреля 1861 г.

КОРОЛЕВСКОМУ ПОЛИЦЕЙПРЕЗИДЕНТУ
г-ну БАРОНУ ФОН ЦЕДЛИЦ,
КАВАЛЕРУ И ПР.

Ваше высокородие,

В ответ на полученное вчера Ваше письмо от 30 марта имею честь возразить, что факты относительно моего отказа от прусского подданства в 1845 г., отказа, который Ваше высокородие считает действительным, по-видимому, не полностью известны Вашему высокородию, так как иначе не последовало бы, конечно, решение Вашего высокородия от 30 марта.

Приводимые ниже факты и юридические основания убедят Ваше высокородие в том, что в настоящее время мне не может быть отказано в прусском подданстве.

1. В 1844 г., во время моего пребывания в Париже, королевским обер-президентом Рейнской провинции был отдан приказ о моем аресте в связи с изданием под моей редакцией «Deutsch-Franzosische Jahrbucher»[388], и этот приказ был переслан пограничным полицейским властям для приведения его в исполнение, как только я вступлю на прусскую землю. Тем самым я оказался с этого момента в положении политического эмигранта.

Но королевско-прусское правительство не удовольствовалось этим. В январе 1845 г. оно добилось от правительства Гизо моей высылки из Франции.

Я поехал в Бельгию. Но и там королевско-прусское правительство продолжало преследовать меня. Все под тем же предлогом, что я являюсь прусским подданным и что это обстоятельство дает прусскому правительству право предъявлять через свои посольства за границей требования в отношении меня, прусское правительство потребовало моей высылки и отсюда.

Так как приказ об аресте препятствовал моему возвращению на родину, то принадлежность к прусской национальности означала для меня только положение преследуемого; это означало то, что и в других странах меня по требованию прусского правительства подвергали преследованиям и высылке.

Я был тем самым вынужден лишить тогдашнее прусское правительство возможности продолжать преследовать меня и потому подал в 1845 г. прошение о выходе из прусского подданства.

Но и в то время у меня не было ни малейшего намерения отказываться от прусской национальности. Это можно *доказать формально.* Тот, кто отказывается от своей национальности, делает это всегда лишь с намерением принять другую национальность. Я этого *никогда* не делал. Я нигде не натурализовался и, когда временное правительство Франции в 1848 г. *предложило* мне натурализоваться, я отказался от этого.

Таким образом, прошение 1845 г. о выходе из прусского подданства не было, как ошибочно пишет Ваше высокородие, «добровольным» отказом от прусского подданства, а представляло собой лишь *вынужденный* жесточайшим преследованием повод к тому, чтобы освободиться от постоянного повода для этого преследования. Это был *предлог,* направленный против другого предлога, но отнюдь не серьезное намерение отказываться от моего прусского подданства. Как видно из вышеизложенного, Ваше высокородие не может ссылаться на то, что произошло в 1845 году.

Ссылаться на это значило бы оправдывать эпоху самых худших абсолютистских преследований, направленных против немецких литераторов, сохранять в силе эти преследования и извлекать из них выгоду. Это значило бы лишить меня прусской национальности на основании политического гнета того времени и на основании того, что я воспользовался насильственно навязанным мне таким образом средством, чтобы спастись от постоянного преследования, хотя я никогда не имел намерения всерьез отказываться от своей принадлежности к прусской национальности.

Что же касается, наконец, упоминаемой Вашим высокородием моей высылки в 1849 г., то я должен, сверх того, заметить, что тотчас же после марта 1848 г. я возвратился в Пруссию и поселился в Кёльне, где тогда же получил от кёльнского магистрата безоговорочное согласие на принятие меня в число граждан этого города. Правда, министерство Мантёйфеля в 1849 г. распорядилось выслать меня потому, что я якобы являлся иностранцем. Однако эта высылка принадлежит

к самым противозаконным насильственным актам указанного министерства, поэтому на нее меньше всего можно ссылаться как на имеющий силу прецедент. И даже тогда я не подчинился бы этому приказу, если бы ряд политических процессов против печати и без того не вынудили меня, совершенно независимо от этой высылки, эмигрировать за границу.

После данных объяснений я считаю, что Ваше высокородие не может ссылаться на эти факты, подобно тому как объективно невозможно сделать из них какие-либо выводы не в мою пользу.

2. Но это совершенно невозможно также и вследствие королевского указа об амнистии. Этот указ гарантирует всем политическим эмигрантам «беспрепятственное возвращение в земли прусского государства», следовательно, беспрепятственное возвращение и в том случае, если они за это время утратили согласно закону прусское подданство, беспрепятственное возвращение, каким бы образом они ни утратили это подданство — будь то в силу самого закона из-за десятилетнего отсутствия, или вследствие того, что к этому присоединилось еще устное заявление о выходе из прусского подданства. Амнистия *не делает различия* между этими двумя способами потери прусского подданства. Она не делает также никакого различия между эмигрантами 1848—1849 гг. и эмигрантами более раннего периода; она не делает различия между теми, которые потеряли право прусского гражданства в результате конфликтов 1848 г., и теми, которые потеряли его вследствие политических конфликтов предыдущих лет.

Всем политическим эмигрантам, независимо от того, к какому времени относятся их политические конфликты и вследствие этого потеря права гражданства, гарантируется «беспрепятственное возвращение»; все они восстанавливаются по указу в своих прежних правах гражданства.

Поскольку королевская амнистия не делает различия между потерей гражданства в силу самого закона из-за десятилетнего отсутствия и потерей гражданства вследствие того, что к этому присоединилось еще личное заявление, совершенно недопустимо пытаться внести в королевскую амнистию путем *интерпретации* такое ограничение и такое различение, которых она сама нигде не устанавливает.

Тот незыблемый принцип, что амнистия *никогда не должна истолковываться ограничительно,* конечно, известен Вашему высокородию. Юриспруденция всех времен и всех стран с небывалым единодушием освятила этот принцип. Если указанный принцип был нерушимым принципом всех судебных органов, которым приходилось применять и интерпретировать указ об

амнистии, то точно в такой же мере он должен служить принципом также и там, где эта интерпретация возлагается на административные власти. Всякая ограничительная интерпретация означала бы *урезывание задним числом указа об амнистии и частичную его отмену.*

Это менее всего может входить в намерения Вашего высокородия. Если я воздерживаюсь от привлечения находящегося в моем распоряжении юридического материала по этому вопросу, то делаю это потому, что, как мне кажется, достаточно обратить внимание Вашего высокородия на то, что всякая иная интерпретация королевской амнистии, отличная от моей, означала бы ограничение амнистии. Ваше высокородие видит из вышеизложенного, что в действительности все сводится, как я и указывал в своем последнем заявлении*, к тому, восстанавливает ли королевская амнистия эмигрантов в прусском гражданстве, несмотря на то, что все они потеряли это гражданство по закону в результате десятилетнего неразрешенного отсутствия. Если согласиться с этим, а Ваше высокородие само признает это в своем письме от 30 марта, то совершенно безразлично, присоединилось ли к этой вытекающей из закона потере гражданства, которая устранена амнистией, еще какое-нибудь заявление соответствующего лица в прошлом, а установление такого различия явилось бы недопустимым ограничением амнистии.

3. Дело обстоит так не только в силу *текста* амнистии и в силу того благожелательного *духа,* в котором всегда должна истолковываться амнистия, но также и в силу юридической природы рассматриваемого случая. Ибо, в самом деле, какую разницу составляет для королевской амнистии то обстоятельство, потеряно ли право гражданства, которое она теперь восстанавливает, как этого не оспаривает и Ваше высокородие, в силу самого закона или вследствие того, что к этому присоединилось еще заявление какого-либо лица? Точно так же, как личное заявление эмигранта о том, что он, несмотря на закон, не желает терять прусское гражданство, не могло бы повлиять на потерю гражданства в силу закона, точно так же как такого рода заявление не смогло бы предотвратить потерю гражданства, так не может и усилить его потерю заявление какого-либо лица о том, что должно наступить нечто такое, что и без того наступило бы в силу закона, а именно — выход из прусского государства; это заявление остается déclaration surérogatoire, совершенно безразличным, излишним заявлением,

* См. настоящий том, стр. 618—651. *Ред.*

отсутствие которого ничему не препятствует и наличие которого не имеет никакого значения.

Ваше высокородие усматривает различие, по-видимому, в том, что я якобы «добровольно» отказался от прусского подданства, в то время как другие эмигранты лишились его вследствие десятилетнего отсутствия не по доброй воле. Однако и это неправильно. И десятилетнее отсутствие эмигрантов является формально *добровольным* отказом от прусского подданства, ибо в действительности никому из эмигрантов не препятствовали бы до истечения этого срока вернуться и предстать перед прусским судом. Не сделав этого, эмигрант добровольно предпочел лишиться прусского подданства. Стало быть, *последний день* неразрешенного десятилетнего пребывания за границей полностью равносилен письменному заявлению на имя прусского правительства о желании выйти из прусского подданства. Так как это пребывание за границей является таким же *свободным волеизъявлением,* как и направленное правительству письменное заявление, то последний день этого десятилетнего пребывания за границей со стороны каждого эмигранта означает voluntas tacita* на подачу такого же заявления, которое находится у Вас в моем деле с 1845 года. Следовательно, с *формальной точки зрения* у всех эмигрантов имеется такой же добровольный отказ от прав гражданства, как и у меня.

Разумеется, эти эмигранты в действительности не могли вернуться обратно, если не хотели подвергнуться аресту и уголовному преследованию, и тем самым *в действительности* были вынуждены остаться за границей. Но такое же *действительное* принуждение имеет место и в моем случае, как Ваше высокородие должно было видеть из вышеизложенного в пункте 1. И мне в действительности мешали вернуться приказы о розыске, и я отказался от прусского подданства в результате такого же принуждения, как и другие эмигранты, отказавшиеся от него в последний день десятилетнего отсутствия. Больше того, я был вынужден прибегнуть к этому мнимому отказу от прусского подданства еще и теми преследованиями, которые в отношении меня распространились также и за пределы Пруссии.

Итак, будет ли Ваше высокородие рассматривать формальную или реальную сторону дела, оно обстоит в отношении меня совершенно так же, как и в отношении всех других эмигрантов, и если, как Ваше высокородие не отрицает, благодаря амнистии эмигрантам возвращается утраченное в результате десятилет-

* — молчаливое согласие. *Ред.*

него отсутствия право гражданства, то оно должно быть возвращено также и мне, несмотря на вынужденное заявление о выходе из прусского подданства, так как это заявление совершенно равносильно потере прусского подданства в силу закона.

То обстоятельство, что я письменно заявил об отказе от прусского подданства, которое я и так утратил согласно закону, не может, как указано, иметь значения, ибо это заявление не имеет никакой силы в связи с потерей прусского подданства, наступившей lege ipsa[*]. Усмотреть некоторое, хотя и неосновательное различие между мной и другими эмигрантами можно было бы, самое большее, лишь в том случае, если бы я принял новое подданство где-либо в другом месте. Это одно можно было бы считать *добровольным* поступком. Сам по себе отказ от прусского подданства был *вынужденным* и произошел бы и без того lege ipsa. Но я никогда и нигде не натурализовался. Очень многие эмигранты в действительности сделали это. Если даже в отношении таких эмигрантов королевскую амнистию следует понимать как безусловное право их на обратную натурализацию в случае, если они этого пожелают, то в отношении меня, который никогда не натурализовался в каком-либо другом государстве, возвращение права гражданства должно быть необходимо признано как результат самой амнистии.

4. До сих пор я объяснял Вашему высокородию, что если даже я лишился в 1845 г. прусского гражданства, то во всяком случае[**] я получил его обратно в силу королевской амнистии. Однако столь же решающим основанием для удовлетворения моего ходатайства является то обстоятельство, что я *вновь обрел прусское гражданство* уже в силу *решения Союзного сейма от 30 марта 1848 года.*

Согласно этому решению *право избирать* и быть избранным в германское Национальное собрание было предоставлено всем политическим эмигрантам, которые захотят вернуться в Германию и заявят о своем желании восстановить свои гражданские права. Следовательно, согласно этому обязательному для Пруссии решению, в выработке которого участвовало прусское правительство, всем политическим эмигрантам было возвращено право гражданства в том государстве, гражданами которого они являлись раньше, или в том, где они хотели теперь поселиться.

Ввиду этого решения я тотчас же выехал из Парижа в Кёльн, восстановил там свое право прусского гражданства, получил, также без затруднения, согласие кёльнского магистрата на мое

[*] — в силу самого закона. *Ред.*
[**] Это место в рукописи подчеркнуто, по-видимому, Цедлицем, а на полях написано: «Ни в коем случае». *Ред.*

поселение в этом городе и, таким образом, во всяком случае с *этого момента снова на законном основании вступил в права прусского гражданства,* и противозаконная, нарушающая постановление Союзного сейма насильственная попытка министерства Мантёйфеля выслать меня ничего не может в этом изменить.

Этот юридический факт является настолько решающим, что было бы излишне добавлять к этому хоть одно слово.

Ваше высокородие убедится в этом так же, как и я, и так же, как я, будет считать, что не в интересах прусского правительства вынуждать меня обратиться в Союзный сейм с жалобой на нарушение его решений прусским правительством. Было бы слишком большим противоречием, если бы Пруссия, которая все еще признает *снова функционирующий* Союзный сейм, отказалась бы признать те немногочисленные постановления *старого первоначального Союзного сейма,* которые были приняты в интересах народа и в свободолюбивом духе.

Такой образ действий как в юридическом, так и в политическом отношении являлся бы слишком из ряда вон выходящим и чудовищным, чтобы хотя бы только попытаться прибегнуть к нему.

Как видит Ваше высокородие, мне даже не нужно ссылаться на независимое от решения Союзного сейма постановление Предпарламента, также фактически признанного прусским правительством; согласно этому постановлению немецкие эмигранты, даже *натурализовавшиеся* за это время в других странах, могут снова восстановить свои прежние гражданские права.

В соответствии с постановлением Союзного сейма от 30 марта 1848 г., так же как последовавшим за ним моим переселением в Кёльн, а также поданным мною 22 августа 1848 г. прусскому правительству заявлением[389], находящимся в деле у Вашего высокородия, я, таким образом, с 1848 г. снова вступил в обладание правом прусского гражданства, даже если я утратил его в 1845 году.

Таким образом я обладаю этим гражданством и в настоящее время, ибо, как Ваше высокородие само не отрицает, потеря гражданства, вызванная последовавшим с тех пор десятилетним отсутствием, уничтожена настоящей амнистией.

Как ни ясно и неопровержимо вышеизложенное обоснование того, что я уже обладаю правом прусского гражданства и что это только должно быть признано, я, однако, преследую лишь практическую цель возвращения на родину, а не собираюсь затевать бесплодный юридически-теоретический спор.

Если же Ваше высокородие рассматривает, как это мне кажется, данное дело таким образом, что мне следует добиваться сначала новой натурализации, то *такой* подход к делу может быть для меня приемлемым в том случае, если Ваше высокородие заявит о своем согласии на эту натурализацию, поскольку Вы, в силу § 5 закона от 31 декабря 1842 г., являетесь компетентной инстанцией для этого. Только *тогда* и *только постольку* я могу отказаться от своего уже имеющегося законного права, *если* и *поскольку* Ваше высокородие предпочитает без затруднения предоставить мне право на новую натурализацию. До тех пор я должен удерживать за собой это право и потому прошу одновременно рассматривать настоящее письмо, в этом смысле и с такой оговоркой, и как возможную просьбу о предоставлении новой натурализации.

С совершенным почтением

преданный Вашему высокородию

д-р *Карл Маркс*

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ К. МАРКСА В ПРУССКОМ ПОДДАНСТВЕ

Г-ну д-ру МАРКСУ ЛИЧНО

10 апреля 1861 г.

срочно, сегодня же

ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ д-ру МАРКСУ

Берлин, Бельвюштрассе, 13

В ответ на Ваше прошение от 6 апреля с. г. сообщаю Вам, что и приводимые в нем соображения никоим образом не опровергают того убеждения, что Вас следует рассматривать как иностранца.

Параграф 20 закона от 31 декабря 1842 г. о вступлении в прусское подданство и об утрате этого подданства устанавливает, что с выдачей документа о выходе из подданства это подданство утрачивается. Поэтому ни мотивы, по которым Вы просили о выходе из подданства, ни то обстоятельство, что Вы не натурализовались ни в каком другом государстве, не имеют значения. Далее, ни решение Союзного сейма от 30 марта 1848 г., ни высочайшая амнистия от 12 января с. г. не восстанавливают Вас в прусском подданстве. Для выборов в германское Национальное собрание определяющее значение имеет не то упомянутое решение, а предписание от 11 апреля 1848 г., которое отнюдь не говорит в Вашу пользу. Высочайший указ от 12 января с. г. является актом милости, следовательно имеет отношение только к снятию наказания или смягчению наказания (ст. 49 конституции). Утрата же прусского подданства никогда не бывает следствием судебного приговора, а следовательно, и не отменяется актами милости.

Полицейпрезидиум может поэтому рассматривать Вас только как иностранца. Если Вы имеете намерение просить о принятии в прусское подданство, то, согласно предписаниям, содержащимся в § 7 закона от 31 декабря 1842 г., Вам предоставляется право в обычном порядке подать прошение в полицейское управление соответствующего участка, но заранее Вам не может быть дано никаких заверений относительно результата Вашего прошения.

Королевский полицейпрезидиум

Берлин, 10 апреля 1861 г.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ПРОШЕНИЕ К. МАРКСА О НАТУРАЛИЗАЦИИ И РАЗРЕШЕНИИ ПОСЕЛИТЬСЯ В БЕРЛИНЕ

Заключение 33-го полицейского участка

Составлено в Берлине 10 апреля 1861 года

1 марта 1861 г. сюда прибыл д-р Карл Маркс*.

После того как он заявил, что хочет поселиться здесь и приобрести прусское гражданство путем *натурализации,* он сообщил сегодня о своих личных обстоятельствах следующее:

Я родился 5 мая 1818 г. в Трире, в Рейнской провинции Пруссии, исповедую евангелическую религию и, по законам моей прежней родины, правоспособен. В течение последних двенадцати лет я проживал в Англии, существовал там на заработок от литературного труда и не пользовался пособием из общественных фондов для бедных. Я неоднократно находился под следствием из-за политических процессов по делам печати и могу удостоверить свою благонадежность прилагаемыми документами. Ни в какое другое прусское учреждение я еще не обращался с ходатайством о натурализации и поселении и в этом отношении никогда не получал отказа. При этом мне было сообщено, что умолчание о нахождении под следствием относительно меня или моих родных, а также неправильные сведения о моем положении вообще или умолчание относительно ходатайства о натурализации перед каким-либо другим прусским учреждением повлечет за собой аннулирование ходатайства и отобрание документа о натурализации, что решение вопроса о моем поселении здесь, независимо от заявления магистрата и взыскания въездного сбора, зависит *только лишь* от королевского полицейпрезидиума и что поэтому до получения удостоверения о натурализации и поселении я должен воздержаться от всяких шагов в отношении моего устройства.

Я здесь не снял еще собственной квартиры, нашел пристанище у д-ра Лассаля, Бельвюштрассе, 13 и намерен содержать себя и свою семью литературным трудом.

* В документе, по-видимому, неточность. Маркс прибыл в Берлин 17 марта 1861 года. *Ред.*

Мой доход достигает 2000 талеров; ни я, ни моя жена не имеем состояния.

Что касается моего отношения к военной службе, то уже мой возраст освобождает меня от всякой военной обязанности.

Орденов я не имею.

Прошу:

выдать мне документ о натурализации и разрешить мне поселиться здесь.

Заслушано, одобрено, подписано.

Д-р ***Карл Маркс***

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ПИСЬМО К. МАРКСА ПОЛИЦЕЙПРЕЗИДЕНТУ ФОН ЦЕДЛИЦ

КОРОЛЕВСКОМУ ПОЛИЦЕЙПРЕЗИДЕНТУ
ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ г-ну ФОН ЦЕДЛИЦ

Ваше высокородие,

Вчера вечером я получил Ваше любезное письмо от 10 апреля*.

Если в предыдущем своем письме Ваше высокородие придерживалось того мнения, что в связи с моим прошением 1845 г. для меня не имело бы значения даже то обстоятельство, что амнистия аннулирует вызванную десятилетним отсутствием утрату прусского подданства, то теперь Ваше высокородие вследствие моих последних доводов придерживается противоположного мнения, а именно, что амнистия, поскольку она якобы может заключать в себе только снятие наказания, не возвращает *утраченного когда-либо по какой-либо причине* прусского подданства.

Правда, я вынужден заметить во избежание ущемления моих прав, что в этом письме, с точки зрения правосознания нижеподписавшегося, можно найти; 1) частичное аннулирование королевской амнистии, 2) непризнание Союзного сейма и его решений и, следовательно, нарушение государственно-правовых основ Германии, установленных Союзным актом[390], 3) наконец, не менее решительное отрицание всего публичного права Пруссии.

Однако, имея в виду преследуемую мною практическую цель, я *не хочу утомлять* Ваше высокородие изложением этих трех бесспорных с юридической точки зрения тезисов и согласен в том смысле, как я уже писал Вашему высокородию в конце

* См. настоящий том, стр. 660. *Ред.*

своего последнего прошения, принять от Вашего высокородия также и в форме новой натурализации то, что является моим правом и что я, как таковое, должен отстаивать.

Вынужденный семейными обстоятельствами к скорому отъезду отсюда, я уже вчера утром in omnem eventum* подал в этом смысле прошение в полицейское управление моего округа о новой натурализации**.

Одновременно покорнейше сообщаю Вашему высокородию, что ввиду моего отъезда я уполномочиваю проживающего здесь г-на Ф. Лассаля получить для меня свидетельство о натурализации, подавать за меня все необходимые прошения, предпринимать все необходимые в этом деле шаги и вообще осуществлять мое право в том же полном объеме, в каком оно принадлежит мне.

Поэтому покорнейше прошу Ваше высокородие адресовать окончательное решение г-ну Ф. Лассалю, проживающему здесь.

С совершенным почтением

преданный Вашему высокородию

д-р *Карл Маркс*

Берлин, 11 апреля 1861 г.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — на всякий случай. *Ред.*

** В этом месте на полях рукописи имеется пометка неизвестным почерком: «В этой просьбе Марксу отказано». *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ
ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья К. Маркса *«Положение во Франции»,* написанная 17 января 1860 г., была опубликована 7 февраля того же года в газете «New-York Daily Tribune». Она открывает серию его статей, посвященных экономическому положению стран Европы.

«New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна») — американская газета, выходившая с 1841 по 1924 год. Основанная видным американским журналистом и политическим деятелем Хорасом Грили, газета до середины 50-х годов была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии. В 40—50-х годах газета стояла на прогрессивных позициях и выступала против рабовладения. В газете принимал участие ряд крупных американских писателей и журналистов, одним из ее редакторов с конца 40-х годов был Чарлз Дана, находившийся под влиянием идей утопического социализма. Сотрудничество Маркса в газете началось в августе 1851 г. и продолжалось свыше 10 лет, по март 1862 года; большое число статей для «New-York Daily Tribune» было по просьбе Маркса написано Энгельсом. Некоторые из своих статей Маркс помечал Парижем или Берлином.

Статьи Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune» охватывали важнейшие вопросы международной и внутренней политики, рабочего движения, экономического развития европейских стран, колониальной экспансии, национально-освободительного движения в угнетенных и зависимых странах и др. В период наступившей в Европе реакции Маркс и Энгельс использовали широко распространенную американскую газету для обличения на материале конкретных фактов и событий пороков капиталистического общества, свойственных ему непримиримых противоречий, а также показа ограниченного характера буржуазной демократии.

Редакция «New-York Daily Tribune» в ряде случаев произвольно обращалась со статьями Маркса и Энгельса, печатая многие из них без подписи автора в виде редакционных передовых и иногда допуская вторжение в текст статей. Эти действия редакции вызывали неоднократные протесты Маркса. С осени 1857 г. в связи с экономическим кризисом в США, отразившимся также на финансовом положении

газеты, редакция предложила Марксу сократить число его корреспонденции в «New-York Daily Tribune». Уже с середины 1861 г., в связи с Гражданской войной в США, интерес американского читателя к европейским делам значительно упал. Усиление в редакции влияния сторонников компромисса с рабовладельческими штатами и отход газеты от прогрессивных позиций заставили Маркса и Энгельса принять решение о прекращении сотрудничества в «New-York Daily Tribune». В течение 1861 г. и первых месяцев 1862 г. число корреспонденции Маркса в газете резко уменьшилось, а в марте 1862 г. его сотрудничество фактически прекратилось. — *1.*

2 *Квакеры* (официальное название — «Общество друзей») — христианская протестантская секта, образовавшаяся в Англии во время буржуазной революции XVII в. и получившая широкое распространение также в Северной Америке. Квакеры отвергали официальную церковь с ее обрядностью, проповедовали пацифистские идеи. — *1.*

3 *«Moniteur»* — сокращенное название французской ежедневной газеты *«Le Moniteur universel»* («Всеобщий вестник»); выходила в Париже с 1789 по 1901 год; с 1799 до 1869 г. — официальный правительственный орган. — *1.*

4 Имеется в виду: *Société générale du Crédit Mobilier* — крупный французский акционерный банк, учрежденный в 1852 г. братьями Перейра. Банк был тесно связан с правительством Наполеона III, под покровительством которого занимался спекулятивными махинациями; в 1867 г. банк обанкротился и в 1871 г. был ликвидирован.

Crédit Foncier (Поземельный кредит) — французский акционерный банк. Учрежден в 1852 г. на базе бывшего парижского Поземельного банка. Crédit Foncier предоставлял краткосрочные и долгосрочные ссуды (сроком на 50 лет) под залог недвижимой собственности с уплатой определенного процента. Crédit Foncier получал значительную правительственную субсидию.

Называя банковские предприятия бонапартовской Франции Crédits ambulants (Бродячие кредиты), Маркс подчеркивает их непрочность. — *1.*

5 Colins. «L'Économie politique. Source des révolutions et des utopies prétendues socialistes». Vol. I—III, Paris, 1856—1857 (Колен. «Политическая экономия. Источник революций и так называемых социалистических утопий». Тт. I—III, Париж, 1856—1857). — *2.*

6 *Тюильри* — дворец в Париже, резиденция Наполеона III. — *2.*

7 *«L'Empire c'est la paix»* («Империя — это мир») — слова из речи Луи Бонапарта, произнесенной в Бордо 9 октября 1852 года. — *5.*

8 *Парламентский адрес* — ответный адрес, который, согласно английскому конституционному праву, палата лордов и палата общин предлагают и обсуждают вслед за тронной речью при открытии каждой новой парламентской сессии. Подобно тронной речи, парламентский адрес ставит основные вопросы правительственной программы. Здесь имеется в виду обсуждение парламентского адреса 24 января 1860 **г.**, в ходе которого был затронут ряд внешнеполитических проблем.

Речь идет о подготовке в начале 1860 г. правительствами Англии и Франции новой, третьей «опиумной» войны против Китая, которая была начата ими летом того же года с целью навязать Китаю новые кабальные условия. Поводом для этой войны послужила англо-французская военная провокация на реке Байхэ. В июне 1859 г. английская эскадра и два французских судна пытались силой пробиться к Пекину. В устье реки Байхэ союзники были остановлены огнем фортов Дагу. Попытка союзников захватить форты оказалась безуспешной, и англофранцузские суда отступили с большими потерями.

Англо-французский торговый договор, подписанный 23 января 1860 г., явился победой сторонников свободы торговли обеих стран и отвечал интересам английской промышленной буржуазии (подробно о договоре см. настоящий том, стр. 12—16).

Имеется в виду усиление в Италии после австро-итало-французской войны 1859 г. движения за национальное объединение, встречавшего противодействие со стороны ряда европейских держав. Еще весной 1859 г. в герцогствах Парма, Модена, Тоскана, а также в Романье восставший народ сверг своих правителей, ликвидировал тиранические режимы и высказался за присоединение к Пьемонту. Впоследствии, в результате проведенного в этих герцогствах в марте 1860 г. плебисцита, они были присоединены к Пьемонту. — *6.*

[9] Захватническая вторая «опиумная» война против Китая велась Англией и Францией в 1856—1858 гг. с целью завоевания новых привилегий для своих стран и дальнейшего порабощения Китая. Вторая «опиумная» война завершилась поражением Китая и подписанием в июне 1858 г. Англией, Францией, Россией и США с Китаем в Тяньцзине группы неравноправных договоров. Договоры открыли для иностранной торговли новые порты: на реке Янцзы, в Маньчжурии и на островах Тайвань и Хайнань; в Пекин допускались постоянные иностранные дипломатические представители, иностранцам предоставлялось право свободного передвижения по стране и плавания по ее внутренним водам, гарантировалась защита миссионеров. — *6.*

[10] Имеется в виду вмешательство Англии в гражданскую войну в Португалии (1828—1834), которая происходила между абсолютистами (феодально-клерикальной партией), возглавляемыми претендентом на португальский престол дон Мигелем, и конституционалистами (буржуазно-либеральной партией). Стремясь упрочить свое влияние на Пиренейском полуострове и подорвать в этом районе позиции Австрии, поддерживавшей абсолютистов, английское правительство послало в 1831 г. к берегам Португалии флот, который блокировал устья рек Тахо и Дуэро, и этим способствовало пооеде конституционалистов.

Речь идет об англо-греческом конфликте в связи с делом купца Пасифико, португальца по происхождению, имевшего английское подданство. Дом Пасифико в Афинах был сожжен в 1847 г., что послужило в дальнейшем поводом Пальмерстону, бывшему тогда министром иностранных дел, направить к берегам Греции английский флот и предъявить греческому правительству ультиматум.

Англо-персидская война 1856—1857 гг. явилась одним из этапов агрессивной колониальной политики Англии в Азии в середине XIX века. Поводом к войне послужила попытка правителей Персии в октябре 1856 г. захватить княжество Герат. Английское правительство использовало этот факт для вооруженного вмешательства в дела Афганистана и Персии с целью закабаления этих стран.

Объявив войну Персии, оно послало в Герат свои войска. Однако начавшееся в Индии национально-освободительное восстание 1857— 1859 гг. вынудило Англию поспешить с заключением мирного договора с Персией. В марте 1857 г. по миру, подписанному в Париже, Персия отказалась от своих притязаний на Герат. В 1863 г. Герат был присоединен к владениям афганского эмира.

Речь идет о спровоцированной английским правительством в 1838 г. войне против Афганистана. Англия, не сумев превратить Афганистан в орудие своей политики, решила путем военной интервенции посадить на престол своего ставленника шаха Шуджу. Английские войска вторглись в Афганистан, захватили и разорили страну, взяли в плен шаха; однако господство англичан оказалось непродолжительным. В результате народного восстания в ноябре 1841 г. английские войска были разгромлены и истреблены. В 1842 г. англичане предприняли еще одну попытку завоевать Афганистан, окончившуюся также полным провалом. — *9.*

[11] Англо-китайский договор был подписан 8 октября 1843 г. дополнительно к Нанкинскому договору 1842 года. Неравноправный грабительский Нанкинский договор был навязан английскими колонизаторами Китаю после окончания первой «опиумной» войны (1839— 1842), которая положила начало превращению отсталого феодального Китая в полуколониальную страну. По дополнительному договору 1843 г. англичане добились новых уступок от Китая: права создания в открытых портах особых поселений для иностранцев (сеттльментов), экстерриториальности, то есть неподсудности иностранных подданных китайским судам, и принятия принципа наибольшего благоприятствования, то есть механического распространения на Англию привилегий, которыми пользовались в Китае другие державы. — *9.*

[12] Имеется в виду Тяньцзиньский русско-китайский договор, подписанный 13 (1) июня 1858 года. Тяньцзиньский договор предусматривал, в частности, что русские посланники могут следовать в Пекин из устья реки Байхэ через Дагу. — *9.*

[13] В октябре 1856 г. Кантон подвергся варварской бомбардировке со стороны англичан; в качестве предлога был использован арест китайскими властями Кантона команды китайского контрабандистского судна «Эрроу», плававшего под британским флагом. Бомбардировка Кантона послужила прологом ко второй «опиумной» войне (см. примечание 9). — *9.*

[14] Имеется в виду борьба римского полководца Луция Корнелия Суллы, выражавшего интересы крупной рабовладельческой аристократии, против популяров (группировка рабовладельческой демократии) за власть в Древнем Риме. Борьба закончилась установлением в 82 г. до н. э. диктатуры Суллы. В данном случае, упоминая о Сулле, Маркс намекает на Наполеона III. — *10.*

[15] «Милый приемыш» царя эльфов Оберона и его жены Титании (персонажи комедии В. Шекспира «Сон в летнюю ночь») служил причиной злых козней Оберона. Здесь Маркс имеет в виду англо-французский торговый договор 1860 г. (см. примечание 8), являвшийся источником сложных политических интриг в отношениях между двумя странами. — *12.*

[16] Борьба за отмену хлебных законов, введенных в Англии в 1815 г. в интересах крупных землевладельцев-лендлордов и направленных на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы, возглавлялась Лигой против хлебных законов, основанной в 1838 г. манчестерскими фабрикантами Кобденом и Брайтом. Выставляя требование полной свободы торговли, Лига добивалась отмены хлебных законов с целью снижения заработной платы рабочих и ослабления экономических и политических позиций земельной аристократии. В результате этой борьбы в июне 1846 г. был принят билль об отмене хлебных законов, означавший победу промышленной буржуазии над земельной аристократией. — *13.*

[17] *«The Economist»* («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, основан в Лондоне в 1843 году; орган крупной промышленной буржуазии. —*15.*

[18] Имеется в виду война между Францией и Сардинским королевством, с одной стороны, и Австрией, с другой (австро-итало-французская война), длившаяся с 29 апреля по 8 июля 1859 года. Прикрываясь лозунгом освобождения Италии от австрийского господства, Наполеон III в действительности вел Итальянскую войну в захватнических целях. Боясь размаха национально-освободительного движения в Италии и не желая способствовать созданию единого независимого итальянского государства, он заключил 11 июля сепаратно, за спиной Сардинии, Виллафранкский мирный договор с Австрией.

Крымская война 1853—1856 гг. (Восточная война) — война между Россией и коалицией Англии, Франции, Турции и Сардинии, возникшая в результате столкновения экономических и политических интересов этих стран на Ближнем Востоке. — *17.*

[19] *Малая война* — термин, принятый в военной литературе XVIII— XIX вв. для обозначения военных действий небольшими отрядами регулярной армии, связанных с действиями партизанских отрядов и народных ополчений.

Речь идет о грабительской колониальной войне в Алжире, начатой французским правительством в 1830 году. Действия французских колонизаторов встретили ожесточенное сопротивление алжирского народа. Только спустя 40 лет им удалось превратить Алжир во французскую колонию. — *17.*

[20] Имеются в виду сражения, происходившие во время австро-итало-французской войны 1859 года. В сражении при *Мадженте* 4 июня 1859 г. французская армия нанесла поражение австрийской армии. При *Сольферино* 24 июня 1859 г. австрийская армия потерпела поражение от франко-итальянских войск. — *18.*

[21] *Германский союз* — объединение немецких государств, созданное в 1815 г. Венским конгрессом и первоначально включавшее в свой состав 34 государства и 4 вольных города. Между двумя крупнейшими государствами Союза — Австрией и Пруссией — шла непрерывная борьба за главенство. — *20.*

[22] В сражении под *Аустерлицем 2* декабря 1805 г. Наполеон I одержал победу над союзными австро-русскими войсками. 14 октября 1806 г. в сражении под *Йеной* наполеоновские войска разгромили прусские

войска и тем самым вынудили Пруссию пойти на капитуляцию. 5— 6 июля 1809 г. при *Ваграме* Наполеон нанес поражение австрийской армии эрцгерцога Карла. — *21.*

[23] Речь идет о статьях К. Маркса о бюджете Гладстона: «Фергюс О'Коннор. — Поражения министерства. — Бюджет», «Фунты, шиллинги, пенсы, или классовый бюджет и кому он идет на пользу», «Беспорядки в Константинополе. — Столоверчение в Германии. — Бюджет», «Мыло для народа, лакомый кусок для «Times». — Бюджет коалиционного министерства» и других (см. настоящее издание, т. 9, стр. 58—63, 64— 68, 69—77 и 78—85). — *24.*

[24] H. Douglas. «A Treatise on Naval Gunnery» (Г. Дуглас. «Трактат о морской артиллерии»). Имеется в виду третье издание книги, вышедшее в 1851 г. в Лондоне. — *39.*

[25] Намек на воззвание прусского короля Фридриха-Вильгельма IV к населению Берлина 19 марта 1848 г., начинающееся словами «An meine lieben Berliner» («К моим возлюбленным берлинцам»). — *42.*

[26] *Виллафранкский мирный договор,* заключенный после австро-итало-французской войны 1859 г., предусматривал создание конфедерации итальянских государств под главенством римского папы, причем в эту конфедерацию входила оставляемая во владении Австрии Венеция; Ломбардия переходила к Франции, которая позднее передала ее Пьемонту в обмен на Савойю и Ниццу; в герцогствах Парме, Модене, Тоскане восстанавливались свергнутые народом монархические режимы. Этот договор, вполне соответствовавший планам Наполеона III, не разрешал задач национального объединения Италии; напротив, он закреплял политическую раздробленность страны и сохранял иноземное владычество в отдельных ее частях.

Речь идет о дипломатических документах австро-итало-французской войны 1859 г., опубликованных прусским правительством в «Neue Preusische Zeitung» в июле 1859 г., а затем 30—31 июля перепечатанных в аугсбургской «Allgemeine Zeitung».

Синие книги — общее название публикаций материалов английского парламента и дипломатических документов министерства иностранных дел. Синие книги, получившие свое название из-за синей обложки, издаются в Англии с XVII в. и являются основным официальным источником экономической и дипломатической истории этой страны. — *43.*

[27] *Базельский мирный договор* был заключен сепаратно 5 апреля 1795 г. между Францией и Пруссией, участвовавшей в первой антифранцузской коалиции. Заключение этого договора явилось следствием не только побед французской армии, но и разногласий между членами коалиции и прежде всего между Пруссией и Австрией. О сражении под *Йеной* см. примечание 22. — *43.*

[28] Имеется в виду свидание Александра II и прусского принца-регента Вильгельма, состоявшееся в Бреславле (Вроцлав) в октябре 1859 года. Хотя официально в Пруссии и России не указывалось на какие-либо политические цели свидания, печать обеих стран отмечала большое политическое значение последнего для укрепления союза двух государей. — *43.*

[29] О битве при *Аустерлице* см. примечание 22. — *44.*

[30] В статьях немецкого социалиста Эйххофа в 1859 г. и на судебном процессе в 1860 г. разоблачалась роль Штибера в организации прусским правительством провокационного кёльнского процесса против коммунистов в 1852 году. Выступая на этом процессе в качестве главного свидетеля, Штибер подтверждал ложными показаниями сфабрикованные при его участии материалы обвинения. Эта роль Штибера впервые была вскрыта Марксом в его работе «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 423—491).

Имеется в виду: «Briefe von Alexander von Humboldt an Varnhagen von Ense aus den Jahren 1827 bis 1858». Leipzig, 1860 («Письма Александра Гумбольдта Варнхагену фон Энзе в 1827—1858 годах». Лейпциг, 1860). — *45.*

[31] *Сикулы* — одно из древнейших племен Сицилии, первоначально населявшее восточную часть острова. — *46.*

[32] *Сицилийская вечерня* — народное восстание против французских завоевателей в Палермо, возникшее в час пасхальной вечерни 30 марта 1282 года. Поводом к восстанию послужили бесчинства французских солдат. Охватив всю Сицилию, восстание привело к изгнанию французов и низложению Анжуйской династии, правившей Сицилией с 1266 года. — *47.*

[33] Неаполитанский король Франциск II и его ставленники, перед лицом нарастания народного возмущения гнетом Бурбонов, спровоцировали весной 1860 г. кровопролитные столкновения в разных частях Сицилии. В ответ на это в апреле 1860 г. в Сицилии вспыхнуло народное восстание, проходившее под лозунгом объединения Италии. В Палермо и Мессине восстание было жестоко подавлено. Однако значительная часть повстанцев не сложила оружие и вскоре присоединилась к армии Гарибальди. — *48.*

[34] *«National-Zeitung»* («Национальная газета») — немецкая ежедневная буржуазная газета, под данным названием издавалась в Берлине в 1848—1915 годах; в 50-е годы придерживалась либерального направления.

Баденге — прозвище Наполеона III, который в 1846 г. бежал из тюрьмы в одежде каменщика Баденге. — *49.*

[35] *Агентство Бюлье* — парижское информационное агентство, основанное в 50-х годах XIX века; впоследствии оно слилось с агентством Гавас. — *49.*

[36] *Таможенный союз* германских государств, установивших общую таможенную границу, был основан в 1834 г. под главенством Пруссии. Со временем Союз охватил все германские государства, за исключением Австрии и некоторых мелких государств. Вызванный к жизни необходимостью создания общегерманского рынка, Таможенный союз способствовал в дальнейшем и политическому объединению Германии. — *49.*

[37] Имеются в виду парижские мирные договоры 1814 и 1815 гг. между Францией и главными участниками шестой и седьмой антифранцузских коалиций (Россией, Англией, Австрией и Пруссией), одержавших

победу над Наполеоном. По первому договору, подписанному 30 мая 1814 г., Франция лишалась всех территорий, завоеванных ею в войнах 1792—1814 гг., за исключением нескольких пограничных крепостей и Западной Савойи. По второму Парижскому договору Франция возвращалась к границам 1790 г. и лишалась важных стратегических пунктов на своей восточной границе, в том числе и крепости Ландау. — *50.*

[38] Речь идет о военной помощи, которую оказала царская Россия австрийскому правительству в деле подавления венгерской революции 1848— 1849 годов. По приказу Николая I, напуганного революционным движением в Европе, русская армия в мае 1849 г. вступила в Венгрию; это решило судьбу венгерской революции, закрепило победу контрреволюции в европейских странах и усилило роль царизма как «жандарма Европы». — *50.*

[39] Маркс имеет в виду депешу А. М. Горчакова русским дипломатическим представителям в немецких государствах от 27 (15) мая 1859 г., которая была напечатана в газете «L'Independance belge» и перепечатана 16 июня 1859 г. в № 167 аугсбургской «Allgemeine Zeitung». — *51.*

[40] *Ландвер* в Пруссии возник в 1813 г. как народное ополчение в борьбе против наполеоновских войск. Впоследствии ландвер состоял из лиц до 40 лет, отбывших трехлетний срок действительной военной службы и закончивших двухлетнее пребывание в запасе. В отличие от постоянных кадровых войск, ландвер состоял из военнообязанных, которые призывались на военную службу лишь в случае особой необходимости. В результате проведенной в 1860 г. в Пруссии военной реформы роль ландвера уменьшилась: предусматривалось использование ландвера только для гарнизонной службы, срок пребывания в запасе был увеличен до 4 лет, а возраст лиц, причислявшихся к ландверу, сокращен до 32 лет. — *51.*

[41] Имеется в виду договор о союзе и гарантии между Россией и Пруссией, заключенный в июне 1714 г., по которому Пруссии гарантировалось владение Восточной Померанией с г. Штеттином (Щецин). Договор был заключен в период Северной войны 1700—1721 гг. между Россией и Швецией, когда Россия стремилась привлечь на свою сторону Пруссию путем раздела шведских владений в Германии. — *53.*

[42] *Семилетняя война* (1756—1763) — война между двумя коалициями европейских государств: англо-прусской, с одной стороны, и франко-русско-австрийской, с другой. Война была вызвана столкновением интересов феодально-абсолютистских держав (Пруссии, Австрии, России, Франции) и колониальным соперничеством Франции и Англии. В 1756—1757 гг. войска прусского короля Фридриха II одержали ряд побед над австрийцами и французами, однако победы русских войск в Пруссии в 1757—1760 гг. свели на нет результаты прусских побед, Восточная Пруссия и Силезия были заняты русско-австрийскими войсками, и Пруссия была близка к поражению. Неожиданное изменение внешнеполитического курса России, вследствие смерти 5 января 1762 г. (25 декабря 1761 г.) императрицы Елизаветы и восшествия на престол Петра III, заключившего мир с Пруссией, дало последней возможность заключить Губертусбургский мир (1763) с Австрией и сохранить тем самым за собой Силезию. — *53.*

[43] В 1772, 1793 и 1795 гг. состоялись три раздела Польши (Речи Посполитой) между Россией, Пруссией и Австрией. Россия получила литовские, белорусские и украинские земли, Пруссия — коренные польские земли (Поморье, Великая Польша, часть Мазовии с Варшавой и др.), Австрия — западную часть Украины и часть Малой Польши. В результате этих трех разделов Польша перестала существовать как самостоятельное государство. — *53.*

[44] На Венском конгрессе (1814—1815) Австрия, Англия и царская Россия перекроили карту Европы в целях реставрации легитимных монархий, вопреки интересам национального воссоединения и независимости народов. По решению Венского конгресса, несмотря на противодействие Англии, Австрии и Франции, земли по правому и левому берегу Рейна, а также Северная Саксония вошли в состав Пруссии. — *54.*

[45] «Correspondence respecting the Affairs of Italy from the signing of Preliminaries of Villafranca to the Postponement of the Congress». London, 1860 («Переписка, касающаяся положения в Италии с момента подписания перемирия в Виллафранке до созыва конгресса». Лондон, 1860). Это издание, вышедшее в двух книгах, охватывает переписку с июля 1859 по апрель 1860 года. — *54.*

[46] Речь идет о притязаниях Наполеона III на левый берег Рейна, который представители французских правящих кругов еще с XVII в. изображали как «естественную границу» Франции на востоке. Подробно об этом см. работы Ф. Энгельса «По и Рейн» и «Савойя, Ницца и Рейн» (настоящее издание, т. 13, стр. 233—281 и 593—636). — *54.*

[47] Имеется в виду статья К. Маркса «Тревожное положение в Германии» (настоящее издание, т. 13, стр. 558—562). — *55.*

[48] Ольмюцское соглашение между Австрией и Пруссией, подписанное 29 ноября 1850 г., было заключено при посредничестве и поддержке Николая I. Оно явилось крупной победой Австрии, так как Пруссия вынуждена была отказаться от своих притязаний на главенствующую роль в Германии, а также шла на уступки Австрии в шлезвиг-гольштейнском и гессенском вопросах.

Имеется в виду *Союзный сейм* — созданный по решению Венского конгресса в 1815 г. центральный орган Германского союза (см. примечание 21), заседавший во Франкфурте-на-Майне и состоявший из представителей немецких государств. Союзный сейм, не обладавший реальной властью, являлся орудием реакционной политики немецких государств. — *55.*

[49] Первая часть заглавия дана Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *58.*

[50] *«Le Constitutionnel»* («Конституционалистская газета») — французская ежедневная буржуазная газета; выходила в Париже с 1815 по 1870 год; в 40-х годах — орган умеренного крыла орлеанистов; в период революции 1848 г. выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, группировавшейся вокруг Тьера; после государственного переворота в декабре 1851 г. — бонапартистская газета. — *58.*

[51] Речь идет о письме прусского принца-регента Вильгельма, направленном в феврале 1860 г. супругу английской королевы принцу Альберту. В своем письме принц-регент пишет, что он согласен принять предложение Англии о союзе между Англией, Австрией и Пруссией, к которому надеется привлечь и Россию. Это английское предложение было вызвано, в частности, усилением агрессивных тенденций правительства Наполеона III в отношении немецких земель на левом берегу Рейна и присоединением к Франции Савойи и Ниццы. — *59.*

[52] *Ункяр-Искелесийский договор* между Россией и Турцией был заключен 8 июля (26 июня) 1833 года. Договор приобрел характер оборонительного союза. По требованию царского правительства в договор была включена секретная статья, по которой Турция обязывалась не пропускать через проливы никакие иностранные военные суда, кроме русских. — *59.*

[53] *Даунинг-стрит* — улица в центре Лондона, на которой расположена официальная резиденция английского правительства. — *60.*

[54] Имеется в виду оборона Римской республики, которую в апреле — июле 1849 г. фактически возглавлял Гарибальди. Армия республики в течение нескольких месяцев успешно отражала наступление французских, австрийских и неаполитанских войск, выступивших на подавление революции. Созданная в результате народного восстания Римская республика пала 3 июля 1849 г. в результате превосходства контрреволюционных сил и вероломных действий французского генерала Удино, нарушившего перемирие и захватившего город Рим. — *64.*

[55] 16 и 17 июня 1860 г. в Баден-Бадене встретились немецкие государи и прусский принц-регент Вильгельм, с одной стороны, и Наполеон III— с другой. Встреча не оправдала надежд Наполеона III, который, стремясь захватить немецкие земли по левому берегу Рейна, настойчиво добивался сделки с Пруссией за счет мелких немецких государств; в то же время благодаря этой встрече Пруссия стала играть решающую роль в области внешней политики Германии. — *68.*

[56] Имеется в виду политика заигрывания с Наполеоном III, проводившаяся правительствами Англии и Сардинского королевства. Как Англия, так и Сардиния добивались исключительного союза с Францией. — *70.*

[57] Штутгартское свидание между Наполеоном III и Александром II в сентябре 1857 г. преследовало цель установления тесного дипломатического сотрудничества между Россией и Францией, наметившегося еще на Парижском конгрессе в 1856 году. На нем обсуждались вопросы о Дарданеллах, о Дунайских княжествах, о судьбах Италии и другие. Наполеон III безуспешно попытался поднять польский вопрос. Результатом штутгартского свидания не явилось заключение какого-либо дипломатического соглашения, но оно обнаружило стремление как России, так и Франции к обоюдному сотрудничеству. — *70.*

[58] *Рейнский союз* — объединение немецких государств Южной и Западной Германии, основанное под протекторатом Наполеона I в июле 1806 года. Создание такого союза в Германии удалось Наполеону в результате разгрома Австрии в 1805 году. В состав союза вошло 16,

а затем еще 5 государств, которые стали фактически вассалами наполеоновской Франции. Союз распался в 1813 г. после поражений наполеоновской армии в Германии. — *70.*

[59] *Голландским спасителем общества* Маркс называет Наполеона III, который был одним из сыновей брата Наполеона I Луи Бонапарта, занимавшего голландский престол в 1806—1810 годах.

О Венском конгрессе см. примечание 43.

Конгрессы Священного союза (реакционного объединения европейских монархов, основанного в 1815 г. царской Россией, Австрией и Пруссией) происходили в 1818 г. в Ахене, в 1820— 1821 гг. в Троппау (Опава) и Лайбахе (Любляна) и в 1822 г. в Вероне. Усилия всех этих конгрессов были направлены на подавление буржуазных революций и национально-освободительных движений в европейских странах. Именно в этих целях Лайбахский конгресс принял решение о посылке австрийских войск в Италию, а конгресс в Вероне — о французской интервенции в Испанию. — *70.*

[60] Имеется в виду брошюра: Ed. About. «La Prusse en 1860». Paris, 1860 (Эд. Абу. «Пруссия в 1860 году». Париж, 1860). — *71.*

[61] Речь идет о корреспонденции «Император Наполеон III и Пруссия», в которой Маркс приводит извлечения из памфлета Абу. Корреспонденция не содержит каких-либо комментариев или замечаний Маркса и поэтому не включена в настоящее издание. — *71.*

[62] *«The Times»* («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; выходит в Лондоне с 1785 года. — *73.*

[63] *«The Manchester Guardian»* («Манчестерский страж») — английская буржуазная газета, орган сторонников свободной торговли (фритредеров), позже орган либеральной партии; выходит в Манчестере с 1821 года. — *74.*

[64] *«The Army and Navy Gazette»* («Газета армии и флота») — еженедельная английская газета, официоз военного министерства, подданным названием выходила в Лондоне с 1860 по 1921 год. — *75.*

[65] Речь идет о крупнейшем народном восстании 1857—1859 гг. в Индии против английского владычества. Восстание вспыхнуло весной 1857 г. среди так называемых синайских частей бенгальской армии, вербовавшихся из местных жителей, и охватило крупнейшие районы Северной и Центральной Индии. Его основной движущей силой было крестьянство и ремесленная беднота городов. Руководимое местными феодалами восстание потерпело поражение из-за феодальной раздробленности Индии, религиозных и кастовых различий, а также ввиду военно-технического превосходства колонизаторов. — *77.*

[66] «Reports of the Inspectors of Factories to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department, for the Half Year ending 30th April 1860». London, 1860 («Отчеты фабричных инспекторов министру внутренних дел ее величества за полугодие, истекшее 30 апреля 1860 года». Лондон, 1860). — *81.*

[67] Об англо-французском торговом договоре см. примечание 8. — *91.*

[68] Письмо Гарибальди летом 1860 г. одному из знакомых Маркса — англичанину Грину свидетельствует о стремлении Гарибальди к тому, чтобы борьба итальянского народа за национальное объединение страны и ее освобождение от иностранного господства велась независимо от политики Наполеона III. — *93.*

[69] Речь идет о произведении Дж. Лафарины: «Storia d'Italia dal 1815 al 1850». Vol. I—VI, Torino, 1851—1852 («История Италии с 1815 по 1850 год». Тт. I—VI, Турин, 1851—1852). — *95.*

[70] Имеется в виду *«Национальное общество»* — политическая организация либерально-монархического направления, созданная в 1856 г. в Турине и других городах итальянским политическим деятелем Дж. Паллавичино и агентом Кавура Лафариной в целях пропаганды идеи объединения Италии под главенством Савойской династии и использования для этой цели национальных сил страны. Активное участие в деятельности общества принимал и Гарибальди, представлявший революционное крыло этой организации, однако решающая роль в «Национальном обществе» принадлежала ставленникам Кавура. — *95.*

[71] Осенью 1859 г. достигло значительного размаха движение населения Пармы, Модены, Тосканы и Романьи за присоединение к Пьемонту. Временные правительства, созданные в этих государствах, уже располагали значительной армией, находившейся под общим руководством Гарибальди. Перед лицом угрозы нападения со стороны Австрии и Неаполитанского королевства Гарибальди 5 октября обратился с воззванием к населению всей Италии, организовал национальную подписку для покупки вооружения и объявил о своем намерении предпринять освободительный поход в Королевство обеих Сицилий. — *96.*

[72] «Report of the Commissioners appointed to consider the Defences of the United Kingdom; together with the Minutes of Evidence and Appendix». London, 1860 («Отчет уполномоченных, назначенных с целью ознакомления с состоянием оборонительных сооружений Соединенного королевства; с протоколом показаний и приложением». Лондон, 1860). — *97.*

[73] Во время Крымской войны 1853—1856 гг. Севастополь подвергся осаде англо-французских и турецко-сардинских войск. 349 дней продолжалась героическая Севастопольская оборона 1854—1855 годов. В ходе боев город подвергся большим разрушениям. — *98.*

[74] *«The Cornhill Magazine»* («Корнхиллский журнал») — ежемесячный литературный журнал, выходит в Лондоне с 1860 года. — *100.*

[75] «Papers, 1858—1860, respecting past or apprehended Disturbances in Syria». 4 parts. («Документы 1858—1860 гг., относящиеся к минувшим или предстоящим беспорядкам в Сирии». 4 части).

В 1860 г. в Сирии произошла резня христиан-маронитов. С конца мая до начала июля сирийские мусульмане — друзы, поддерживаемые турецкими войсками, сожгли немало городов и сел, населенных маронитами, и истребили несколько тысяч человек. Мусульмано-христианская резня была спровоцирована французскими эмиссарами

и турецким правительством. Воспользовавшись этими событиями, французское правительство оккупировало Сирию, однако в 1861 г. было вынуждено под давлением Англии, России и Австрии вывести свои войска из этой страны. — *102.*

[76] P. Dolgoroukow. «La verite sur la Russie». Paris, 1860. — *102.*

[77] В конце декабря 1859 г. во Франции появилась инспирированная Наполеоном III брошюра Ла Героньера «Папа и конгресс», истолкованная клерикалами как стремление императора ограничить светскую власть Пия IX. Высшее католическое духовенство Франции вслед за Пием IX, который в начале следующего года в своей энциклике громогласно осудил брошюру, подняло кампанию против французского императора. — *103.*

[78] *«Старые партии»* — так во Франции назывались монархические партии легитимистов и орлеанистов, сформировавшиеся в первой половине XIX века. Партия легитимистов, объединявшая крупных земельных собственников, выступала за восстановление во Франции династии Бурбонов; партия орлеанистов, господствовавшая во время Июльской монархии, объединяла представителей крупного финансового и промышленного капитала — сторонников восстановления Орлеанской династии, младшей ветви династии Бурбонов. — *104.*

[79] *Национальный союз* основан 15—16 сентября 1859 г. на съезде буржуазных либералов немецких государств во Франкфурте-на-Майне. Организаторы Национального союза, представлявшие интересы немецкой буржуазии, ставили целью объединение всей Германии, за исключением Австрии, под главенством Пруссии. В ноябре 1867 г. Союз был распущен. — *104.*

[80] 26 июля 1860 г. в Теплице состоялась встреча между императором Австрии Францем-Иосифом и прусским принцем-регентом Вильгельмом. Австрийский император пытался заручиться поддержкой Пруссии на случай новой войны с Францией и Сардинией. Было достигнуто устное соглашение о совместном отпоре Наполеону III в случае его агрессивных действий против Швеции, Бельгии, Голландии или немецких государств. — *104.*

[81] В начале 40-х годов XIX века Франция и Англия добились от Турции реорганизации управления Ливана, который был разделен на два округа, управляемых друзским и маронитским губернаторами, представлявшими интересы местной феодальной знати. Ливан получал в рамках Турецкой империи некоторую автономию в области судебного производства, управления финансами и т. д. В своей борьбе за ливанский рынок европейские державы разжигали религиозную вражду между маронитами и друзами, причем Англия опиралась на друзских, а Франция — на маронитских феодалов. — *104.*

[82] В Англии после государственного переворота 1688 г. упрочилась конституционная монархия, основанная на компромиссе между земельной аристократией и финансовой буржуазией. Принятый в 1689 г. билль о правах и другие акты еще более ограничивали права короля в пользу парламента. — *105.*

[83] Имеется в виду «Акт о лучшем управлении Индией», принятый английским парламентом в июле 1858 года. По этому закону Индия переходила под власть короны, а Ост-Индская компания ликвидировалась. Акт предусматривал образование Индийского совета как совещательного органа при министерстве по делам Индии. Генерал-губернатор Индии стал именоваться вице-королем, по существу оставаясь лишь исполнителем воли министра по делам Индии в Лондоне. — *105.*

[84] Речь идет о брошюре принца Жуанвиля: «De l'etat des forces navales de la France» («О состоянии военно-морских сил Франции»), вышедшей в 1844 году. — *107.*

[85] «La Syrie et l'alliance russe». Paris, 1860. — *113.*

[86] Речь идет о письме Наполеона III французскому послу в Лондоне Персиньи, написанном 25 июля 1860 г. и опубликованном во французских газетах. Отрицая в нем свою враждебную позицию по отношению к Англии, Наполеон III пытался рассеять настороженность и недоверие по отношению к его внешней политике, господствовавшие в то время в Англии. — *113.*

[87] *Либеральная партия* сложилась в Англии в конце 50-х и в первой половине 60-х годов XIX века. В ее состав вошли виги, манчестерцы (представители промышленной буржуазии) и пилиты (умеренные тори). Либералам, занявшим в английской двухпартийной системе место вигов, противостояла сложившаяся в тот же период партия консерваторов, которая сменила партию тори. — *118.*

[88] *Церковь св. Стефана* в Лондоне — часть Вестминстерского дворца, где в XVI—XIX вв. происходили заседания английской палаты общин. — *119.*

[89] Имеется в виду законопроект, ставший в августе 1860 г. законом, согласно которому европейский контингент индийской армии, ранее находившийся в распоряжении Ост-Индской компании, превращался в войска английской королевской службы. Число английских солдат в индийской армии резко увеличивалось. Этот закон, принятый после подавления индийского восстания 1857—1859 гг. (см. примечание 65), явился одним из мероприятий английского правительства по реорганизации управления Индией, преследовавших цель укрепления английского господства в Индии. — *119.*

[90] См. примечание 83. — *120.*

[91] Речь идет о подготовке французским правительством в 1860 г. вооруженной интервенции в Сирию с целью закрепиться в этой стране. Используя как предлог сирийские события весной — летом 1860 г. (см. примечание 75), французское правительство добилось согласия России и Англии на посылку в Сирию своих войск, которые оставались там вплоть до июня 1861 года. — *120.*

[92] *«Робер Макер»* — социальная комедия, созданная знаменитым французским актером Фредериком Леметром в сотрудничестве с драматургами Антье и Сент-Аманом. Образ главного персонажа комедии Робера

Макера, ловкого дельца-пройдохи, являлся сатирой на финансовую аристократию, господствовавшую в период Июльской монархии. — *121.*

[93] Речь идет о Ломбардии, переданной Пьемонту Францией после заключения Виллафранкского мирного договора (см. примечание 26), а также о Романье и герцогствах Парма, Модена и Тоскана, присоединенных к Пьемонту в результате плебисцита в марте 1860 года. — *127.*

[94] *«Partant pour la Syrie»* («Отправляясь в Сирию») — в период Второй империи официальная песня, исполнявшаяся на празднествах Наполеона III. Здесь имеется в виду экспедиция в Сирию. — *129.*

[95] О свиданиях в Баден-Бадене и Теплице см. примечания 55 и 80.—*132.*

[96] *Марк-лейн* — хлебная биржа в Лондоне. — *136.*

[97] *«Gardeners' Chronicle»* — сокращенное название английского еженедельного журнала по вопросам сельского хозяйства *«The Gardeners' Chronicle and Agricultural Gazette»* («Хроника садоводства и сельскохозяйственная газета»); выходит в Лондоне с 1841 года. — *137.*

[98] *«The Freeman's Journal»* («Газета свободного человека») — ирландская ежедневная газета, издавалась в Дублине с 1763 до 1924 года; в 40—60-х годах XIX в. поддерживала требование отмены унии с Англией, выступала в защиту прав ирландских арендаторов. — *137.*

[99] Имеется в виду *«Independent»* («Независимая газета») — ирландская газета, под данным названием выходила 2 раза в неделю с 1830 г. в Уэксфорде. — *137.*

[100] Имеется в виду выдвинутый в 1860 г. Францией проект, согласно которому Испания должна была быть допущена в число великих держав. Проект, встретивший противодействие Англии, был отклонен. — *139.*

[101] О письме Наполеона III к Персиньи см. примечание 86.—*139.*

[102] Статья *«Смотр английских стрелков-волонтеров»* была впервые опубликована в «Allgemeine Militar-Zeitung» («Всеобщей военной газете»), где в дальнейшем был напечатан ряд статей Энгельса. Статья была переведена Энгельсом на английский язык и с незначительными изменениями опубликована в «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire», а также в сборнике «Статьи для волонтеров». Этой работой Энгельса открывается серия статей о волонтерах, напечатанных в данном журнале.

«The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» («Волонтерский журнал Ланкашира и Чешира») — английский еженедельный военный журнал, выходил в Манчестере в 1860—1862 годах. Энгельс сотрудничал в этом журнале с августа 1860 по март 1862 года. — *140.*

[103] *Адъютант* в волонтерских частях — инструктор по военному обучению, который являлся офицером регулярной армии и назначался главным штабом по рекомендации командующего округом. — *141.*

[104] *Гражданское ополчение,* созданное в Пруссии после мартовской революции 1848 г., состояло из представителей буржуазных слоев населения. Гражданское ополчение, которое в первую очередь должно было

заниматься охраной порядка, не имело четкой организации и не обладало военной подготовкой; в период наступления контрреволюционных сил в Германии в ноябре 1848 г. оно было распущено. — *141.*

[105] *«Инвалид»* — сокращенное название органа военного министерства царской России, газеты *«Русский инвалид»,* которая выходила с 1813 по 1917 г. в Санкт-Петербурге, с 1816 г. — ежедневно.

Ниже Маркс цитирует статью «Восточный вопрос», опубликованную в «Русском инвалиде» №№ 164 и 165, 31 июля и 2 августа 1860 года. Цитируемые Марксом места воспроизводятся по русскому тексту газеты. — *150.*

[106] Со времени падения Римской республики в 1849 г. в результате французской интервенции французские войска продолжали находиться в Риме до 1870 года. — *153.*

[107] *«Смуглая Бесс»* («Brown Bess») — так называли в английской армии в XVIII и в начале XIX в. кремневый гладкоствольный мушкет с коричневым стволом. — *159.*

[108] Освободительная борьба алжирцев против французских завоевателей под руководством Абд-эль-Кадира, принявшая форму священной войны, продолжалась с 1832 по 1847 год. Абд-эль-Кадир, опиравшийся на широкие слои алжирского населения и сумевший объединить под своей властью отдельные арабские племена, добился в 1834 г. от французов признания Западного Алжира, за исключением нескольких приморских городов, независимым арабским государством. В течение 1839—1844 гг. государство Абд-эль-Кадира было завоевано французскими колонизаторами после упорной борьбы, и сам он вынужден был бежать в Марокко. Однако антиколониальные восстания как в восточной, так и в западной части Алжира не прекращались и после этого. — *170.*

[109] Система заместительства, распространенная во французской армии, составляла одну из привилегий имущихклассов. Каждый состоятельный человек, призываемый на военную службу, мог за известную плату нанять себе заместителя. Денежные суммы на замещение вносились в специальный фонд «дотации армии». В 1872 г. система заместительства во Франции была отменена. — *170.*

[110] Речь идет о сражениях во время австро-итало-французской войны 1859 года. В сражении при *Палестро* 30 и 31 мая 1859 г. франко-сардинские войска нанесли поражение австрийским войскам. О сражениях при *Мадженте* и *Сольферино* см. примечание 20. — *175.*

[111] *«Revue des deux Mondes»* («Обозрение Старого и Нового света») — двухнедельный буржуазный литературно-художественный и публицистический журнал, издается в Париже с 1829 года. — *181.*

[112] О *Национальном союзе* см. примечание 79.

Имеется в виду свидание императоров России и Австрии и прусского принца-регента, имевшее место в октябре 1860 г. в Варшаве. Попытка сближения между Австрией, Пруссией и Россией была продиктована стремлением помешать объединению Италии, а также противодействовать внешней политике Наполеона III, поддерживавшего сардинского короля Виктора-Эммануила II. — *183.*

[113] 3 марта (19 февраля) 1859 г. в Париже был заключен тайный договор между Россией и Францией. По этому договору Россия обязалась занять позицию благожелательного нейтралитета по отношению к Франции в случае войны между Францией и Сардинией, с одной стороны, и Австрией — с другой. Франция же давала обещание поднять вопрос о пересмотре статей Парижского мирного договора 1856 г., которые ограничивали суверенитет России на Черном море и отторгали от нее часть Бессарабии. В то время как Россия выполнила взятые на себя обязательства, Наполеон III, извлекший все выгоды из договора, нарушил свои обещания и тем способствовал охлаждению взаимоотношений между обеими странами. — *185.*

[114] *Готская партия* была образована на съезде представителей контрреволюционной крупной буржуазии, правых либералов, происходившем в июне 1849 г. в Готе (Тюрингия). Эта партия, боясь победы революции, ставила своей целью объединение всей Германии, за исключением Австрии, под главенством гогенцоллернской Пруссии. — *185.*

[115] Вторая часть заглавия дана Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *187.*

[116] *Via sacra* (Священная дорога) — дорога в Древнем Риме, по которой проходили триумфальные шествия возвращавшихся с победой войск; выражение «via sacra» в переносном смысле обозначает победоносную кампанию или поход. — *188.*

[117] Имеется в виду воззвание Гарибальди от 10 сентября 1860 г. к населению Палермо.

Квиринал — один из семи холмов, на которых расположен Рим. — *189.*

[118] *Пале-Рояль* — дворец в Париже, в 50—60-х годах служил резиденцией принца Жозефа Бонапарта (Плон-Плона).

О *Тюильри* см. примечание 6. — *189.*

[119] *«L'Opinion nationale»* («Национальное мнение») — французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1859 по 1874 год. — *190.*

[120] Речь идет о торговом договоре между Пруссией и Австрией, заключенном в Берлине 19 февраля 1853 года. Этот договор уничтожил большую часть таможенных преград для развития торговля между обеими странами.

О *Таможенном союзе* см. примечание 36.—*191.*

[121] F. A. Griffiths. «The Artillerist's Manual, and British Soldier's Compendium» (Ф. О. Гриффитс. «Наставление для артиллеристов и краткое руководство для английских солдат»). Первое издание вышло в 1840 году. — *195.*

[122] Имеется в виду изданный 20 октября 1860 г. австрийским императором Францем-Иосифом I Октябрьский диплом, предоставлявший национальным областям Империи некоторую автономию. Диплом являлся уступкой сторонникам федеративного государственного устройства, особенно венграм, за счет централистов — австрийских

немцев. Эта уступка, однако, не удовлетворила венгров, которые требовали дальнейшего развития конституции, существовавшей в Венгрии до 1848 года. Уже в начале следующего года Октябрьский диплом был отменен изданием патента 26 февраля 1861 г., который снова выдвигал принцип нейтралистского устройства Австрийской империи. — *197.*

[123] 4 марта 1849 г. австрийская камарилья, стоявшая за спиной молодого императора Франца-Иосифа I, совершила государственный переворот, навязав стране новую антидемократическую конституцию; заседавший в Кромержиже рейхстаг был распущен. Конституция 4 марта устанавливала двухпалатную систему с преобладанием верхней палаты, вводила высокий имущественный и возрастной ценз для избирателей, предоставляла императору право налагать вето на решения палат и др. Однако конституция 4 марта все же ограничивала власть императора и поэтому была отменена после подавления революции в Венгрии. — *197.*

[124] Имеется в виду древнейшая в Европе неписаная конституция Венгрии, сложившаяся на основе старинных традиций и законодательных актов королевства, которые гарантировали в интересах венгерского дворянства независимость сейма, а также права сейма решать важнейшие государственные вопросы, в том числе о денежных кредитах и о наборе войск. — *197.*

[125] Английский лорд Страффорд, фаворит короля Карла I и ярый защитник абсолютизма, был обвинен в государственной измене и казнен в 1641 г. по требованию парламента, поддержанному народными массами Лондона и его предместий. — *199.*

[126] Так Маркс называет прусских помещиков по аналогии с английскими землевладельцами, любимым развлечением которых была охота на лисиц. — *200.*

[127] Имеется в виду война за независимость североамериканских колоний Англии (1775—1783). Восстание североамериканских колоний против английского господства, обусловленное стремлением складывавшейся американской буржуазной нации к самостоятельности и к уничтожению преград для развития капитализма, носило характер буржуазной революции. В результате победы североамериканцев было образовано независимое буржуазное государство — Соединенные Штаты Америки.

Речь идет о начавшихся в 1792 г. войнах Французской республики, возникшей в результате французской буржуазной революции конца XVIII в., против контрреволюционной коалиции европейских держав — Англии, Пруссии, Австрии, России и др. — *202.*

[128] В 1844 г. английское правительство, стремясь предотвратить затруднения в обмене банкнот на золото, приняло по инициативе Р. Пиля закон о реформе Английского банка, разделив его на два самостоятельных отделения — банковое и эмиссионное — и установив твердую норму обеспечения банкнот золотом. Выпуск банкнот, не обеспеченных золотом, ограничивался 14 млн. фунтов стерлингов. — *236.*

[129] См. примечание 122. — *242.*

[130] *Комитатские собрания* — сословные собрания в крупных административно-территориальных единицах Венгрии (комитатах), являвшихся национальными органами самоуправления в стране. Одним из последствий революционных преобразований в Венгрии в 1848 г. явилось то, что в комитатских собраниях стали заседать представители всего населения страны, без различия сословий. После подавления революции 1848—1849 гг. в Венгрии комитатские собрания были распущены, а деление страны на комитаты уничтожено. — *243.*

[131] Речь идет о мятеже, поднятом в конце 1860 г. рабовладельческими южными штатами, и отделение их от североамериканского Союза, что послужило началом Гражданской войны в США в 1861—1865 годах. Подробно об этом см. настоящий том, стр. 337—356.

Имеется в виду тайпинское восстание в Китае, начавшееся в 1851 г. и принявшее характер крестьянской войны. Восстание было подавлено в результате интервенции Англии, США и Франции совместно с войсками китайских феодалов. — *246.*

[132] В статье имеется в виду, видимо, следующий факт. В июле 1860 г. во Франции, где тогда была в разгаре антианглийская кампания, появилась брошюра, озаглавленная «Мак-Магон, король Ирландский». Брошюра призывала ирландцев покончить с английским господством и избрать на ирландский престол французского маршала Мак-Магона, потомка ирландских эмигрантов. — *246.*

[133] Обязательства, данные датским королем в 1851 г. Пруссии, Австрии и России в отношении государственного устройства герцогств Шлезвига, Гольштейна и Лауэнбурга, были сформулированы в манифесте от 28 января 1852 года. — *246.*

[134] Речь идет о «либеральном» курсе, провозглашенном прусским принцем Вильгельмом (с 1861 г. король Пруссии) при его вступлении в регентство в октябре 1858 года; в буржуазной печати этот курс получил громкое название «новой эры». На деле, однако, политика Вильгельма была направлена исключительно на укрепление позиций прусской монархии и юнкерства. Не было проведено ни одной либеральной реформы, которых ожидала буржуазия. «Новая эра» фактически подготовила открытую диктатуру юнкерства, начавшуюся с приходом к власти Бисмарка в сентябре 1862 года. — *248.*

[135] *«Dagbladet»* («Ежедневная газета») — датская буржуазная газета, выходила в Копенгагене с 1851 года. — *248.*

[136] Данная статья была первоначально написана Энгельсом для газеты «New-York Daily Tribune» и затем переработана им для «Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire». — *250.*

[137] *«Almanach de Gotha»* («Готский альманах») — дипломатический и статистический ежегодник, выходил с 1764 по 1929 г. в Готе (Германия) на французском языке. — *250.*

[138] См. примечание 7. — *251.*

[139] Имеется в виду: «Principes phisiques et moraux du combat de l'infanterie» («Физические и моральные факторы в пехотном бою») — раздел

книги Бюжо: «Apercus sur quelques details de la guerre» («Очерки по некоторым вопросам ведения войны»). Первое издание книги вышло в Париже в 1832 году. — *255.*

140 В отдельное издание «Статей для волонтеров» Энгельса были включены следующие статьи, опубликованные в 1860 — начале 1861 г. в «Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire»: «Смотр английских стрелков-волонтеров», «Французская легкая пехота», «Артиллерия волонтеров», «История винтовки», «Волонтеры-саперы, их значение и область их деятельности». В текст статей, вошедших в сборник, Энгельсом были внесены незначительные редакционные изменения. Сборник вышел в свет в марте 1861 года. — *265.*

141 *«Daily Telegraph»* («Ежедневный телеграф») — английская ежедневная либеральная, а с 80-х годов XIX в. консервативная газета; под этим названием издавалась в Лондоне с 1855 по 1937 год; с 1937 г. после слияния с газетой «Morning Post» («Утренняя почта») выходит под названием «Daily Telegraph and Morning Post». — *272.*

142 *«The London Review»* («Лондонское обозрение») — английский еженедельный журнал, выходил с 1860 по 1869 год. — *284.*

143 «Die franzosische Armee auf dem Exercirplatze und im Felde». Berlin, 1861. — *298.*

144 Имеются в виду: «Memoires pour servir a l'histoire de France, sous Napoleon, ecrits a Sainte-Helene, par les generaux qui ont partage sa captivite, et publies sur les manuscrits entierement corriges de la main de Napoleon». Paris, 1823 («Мемуары, освещающие историю Франции во время правления Наполеона, составленные на острове Святой Елены генералами, которые разделили с Наполеоном его участь пленника, и опубликованные по рукописям, полностью выправленным рукой Наполеона». Париж, 1823). — *300.*

145 Американская писательница Г. Бичер-Стоу — активная участница аболиционистского движения — обратилась к английскому аристократу лорду Шефтсбери с письмом, которое в начале сентября 1861 г. было опубликовано в печати. В своем письме Стоу правильно оценивает Гражданскую войну в США как войну против рабовладения, разоблачает несправедливость дела конфедератов. Выражая возмущение позицией Англии в американской войне, Стоу призывает оказать помощь северянам.

Гражданская война в США — война между прогрессивными в экономическом и социальном отношении северными штатами и рабовладельческими южными штатами, продолжавшаяся с апреля 1861 г. по апрель 1865 года. Главной причиной войны явилась борьба двух социальных систем: утвердившейся на Севере капиталистической системы наемного труда и господствовавшей на Юге страны системы рабства. Со стороны северных штатов война носила прогрессивный и революционный характер. Гражданская война прошла в своем развитии два этапа: период конституционной войны за сохранение Союза и период революционной войны за уничтожение рабства. Поворотным пунктом в ходе войны явилось издание правительством Линкольна в сентябре 1862 г. прокламации об освобождении негров-рабов. Важное значение имели также принятие закона о гомстеде (бесплатном земельном наделе),

чистка армии и государственного аппарата от предательских элементов, допуск в армию негров, закрытие реакционных газет и другие мероприятия революционно-демократического характера. Переход к революционным методам ведения войны привел к коренному перелому в ходе военных действий и обеспечил победу Севера в гражданской войне. Решающую роль в военном разгроме рабовладельцев-южан сыграли народные массы—рабочие, фермеры, негритянское население. Более прогрессивный общественный строй и значительный перевес в экономических и людских ресурсах предопределили победу северных штатов, что расчистило путь для бурного развития капитализма в США. — *312.*

146 *«The Saturday Review»* («Субботнее обозрение») — английский еженедельный журнал консервативного направления, выходил в Лондоне в 1855—1938 годах. — *312.*

147 *«The Examiner»* («Наблюдатель») — английский еженедельник буржуазно-либерального направления, выходил в Лондоне в 1808—1881 годах. — *312.*

148 *Республиканская партия* образовалась в 1854 г. из антирабовладельческих элементов, объединившихся для отпора растущим притязаниям плантаторов Юга. Выражая интересы промышленной буржуазии Севера и пользуясь поддержкой широких масс трудящихся — фермерства, рабочих и др., — республиканская партия ставила своей задачей ликвидацию политической власти рабовладельцев, ограничение и постепенное уничтожение рабства и предоставление западных земель для бесплатного заселения их фермерами. В 1856 г. республиканская партия впервые выступила на президентских выборах, но получила лишь треть голосов. В 1860 г. кандидат республиканской партии Линкольн был избран президентом. После окончания Гражданской войны в США партия выступала как поборница интересов крупной промышленной и финансовой буржуазии. В настоящее время республиканская партия, как и демократическая, является одной из двух поочередно правящих в США партий монополистического капитала. — *313.*

149 Речь идет о временной конституции, которую приняли на конгрессе в Монтгомери (штат Алабама) 4 февраля 1861 г. шесть южных рабовладельческих штатов — Южная Каролина, Джорджия, Флорида, Алабама, Миссисипи, Луизиана — отделившихся от североамериканского Союза. Конгресс в Монтгомери провозгласил образование рабовладельческого государства — Конфедеративных штатов Америки и избрал Джефферсона Дэвиса временным президентом Конфедерации. 2 марта 1861 г. к Конфедерации присоединился Техас, а в мае 1861 г. — четыре пограничных рабовладельческих штата (Виргиния, Арканзас, Северная Каролина и Теннесси). — *313.*

150 *Компромисс Криттендена* — проект мирного урегулирования конфликта между Севером и Югом, внесенный 18 декабря 1860 г. в конгресс США сенатором Криттенденом, который предложил шесть поправок к американской конституции. Главные из этих поправок требовали запретить рабство в штатах к северу от 36°30' — линии, установленной Миссурийским компромиссом, — и узаконить его к югу от этой линии, запретить конгрессу ликвидировать рабство в рабовладельческих штатах страны. Последний пункт предусматривал, что в конституцию не могут вноситься какие бы то ни было поправки, которые изменили

бы предыдущие пять статей; этот же пункт лишал конгресс права изменять существующую в штатах систему рабства. 22 декабря 1860 г. компромисс Криттендена был отвергнут специальной сенатской комиссией. — *314.*

[151] *Демократическая партия,* образовавшаяся в 1828 г., первоначально объединяла плантаторов, некоторые группы буржуазии, а также значительную часть фермеров и городской мелкой буржуазии. На протяжении 30—40-х годов XIX в. партия все больше становилась выразительницей интересов плантаторов-рабовладельцев и связанной с ними крупной буржуазии Севера, выступавшей за сохранение и расширение рабства. Однако после 1854 г., когда в связи с принятием билля Канзас-Небраска возникла угроза распространения рабства на всю территорию США, в демократической партии начался раскол между сторонниками и противниками дальнейшего распространения рабства. Это явилось одной из главных причин поражения партии на президентских выборах 1860 года. — *214.*

[152] *Миссурийский компромисс* — соглашение, достигнутое в 1820 г. после ожесточенной борьбы между сторонниками и противниками рабства, развернувшейся как по всей стране, так и в конгрессе США. Согласно компромиссу, территория Миссури принималась в Союз как рабовладельческий штат, территория Мэн — как свободный; между свободными и рабовладельческими штатами устанавливалась пограничная линия — 36°30' северной широты, к северу от которой рабство запрещалось. Компромисс временно примирял сторонников отмены рабства и сторонников рабовладения, но не мог устранить противоречий между промышленным Севером и рабовладельческим Югом, которые с каждым годом обострялись. В 1854 г. Миссурийский компромисс был фактически аннулирован в результате принятия конгрессом США билля Канзас-Небраска.

Th. Jefferson. «Memoirs, Correspondence, and Private Papers». Vol. IV, London, 1829 (Т. Джефферсон. «Воспоминания, переписка и личные документы». Т. IV, Лондон, 1829). — *315.*

[153] *Билль Канзас-Небраска,* принятый конгрессом США в мае 1854 г., отменил установленную Миссурийским компромиссом границу между свободными и рабовладельческими штатами. Отныне каждый штат, независимо от решения конгресса, а также независимо от своего географического положения, мог установить у себя систему рабства. — *315.*

[154] Имеется в виду Бьюкенен, который в качестве посланника США в Лондоне, совместно с дипломатическими представителями Соединенных Штатов во Франции и в Испании, опубликовал в 1854 г. Остендский манифест. Манифест рекомендовал правительству США купить или захватить принадлежавший Испании остров Куба. В 1856 г. Бьюкенен был избран президентом США от демократической партии.

Дело Дреда Скотта — судебное дело раба-негра Д. Скотта, который, оказавшись со своим хозяином в штате Иллинойс, а затем в штате Висконсин, — где, согласно Миссурийскому компромиссу, рабство запрещалось, — возбудил в 1848 г. иск о своем освобождении. Дело тянулось до 1857 г., когда Верховный суд США отказал негру в иске. Это решение, узаконившее рабство во всей стране, было использовано аболиционистами в США в своей агитации накануне Гражданской войны 1861—1865 годов. — *215.*

[155] *Канзасская война* — вооруженная борьба в Канзасе в 1854—1856 гг. между сторонниками рабовладения, стремившимися к превращению Канзаса в рабовладельческий штат, и противниками рабства, главным образом фермерами. Несмотря на ряд побед противников рабовладения, Канзас оказался в руках сторонников рабства, получивших вооруженную поддержку со стороны федерального правительства. Однако большинство населения штата, продолжавшее борьбу, потребовало принятия Канзаса в Союз в качестве свободного штата. Борьба в Канзасе фактически явилась началом Гражданской войны в США. — *315.*

[156] Имеется в виду *«Reynolds's Newspaper»* («Газета Рейнольдса») — английская еженедельная газета радикального направления; издавалась в Лондоне с 1850 г. Рейнольдсом; в начале 50-х годов поддерживала чартистов. — *316.*

[157] *Олд-Бейли* — название цитадели Ньюгейтской тюрьмы в Лондоне, где помещается Центральный уголовный суд. — *317.*

[158] *«The New-York Herald»* («Нью-йоркский вестник») — американская ежедневная газета; выходила под данным названием с 1835 по 1924 год; во время Гражданской войны в США выступала за компромисс с рабовладельцами Юга. — *317.*

[159] 16 октября 1859 г. борец за освобождение негров в США Джон Браун сделал попытку поднять в рабовладельческих штатах восстание рабов. С небольшим отрядом единомышленников он захватил государственный арсенал в Харперс-Ферри в штате Виргиния. Вызвать более широкое восстание Брауну, однако, не удалось. Почти все участники этого выступления (22 человека, в том числе 5 негров), оказавшие отчаянное сопротивление правительственным войскам, погибли. Д. Браун и пять его товарищей были казнены. Восстание Джона Брауна, явившееся одним из показателей нарастания революционного кризиса в США, способствовало усилению борьбы негров против рабства и сплочению аболиционистских сил страны. — *318.*

[160] В ноябре 1832 г. конвент штата Южная Каролина аннулировал федеральные тарифные акты 1828 и 1832 гг., устанавливавшие высокие таможенные пошлины на ввозимые товары. Изданное 24 ноября 1832 г. «Положение о нуллификации» содержало призыв к гражданам штата защищать свою независимость от федеральной власти и угрозу отделения Южной Каролины от североамериканского Союза. Президент Джэксон, получив санкцию конгресса на применение вооруженной силы, направил в Южную Каролину войска, но под нажимом плантаторов-рабовладельцев 2 марта 1833 г. утвердил компромиссный, сниженный тариф. Штат вскоре отменил свое решение о нуллификации.

Тариф Моррилла — протекционистский тариф, внесенный в конгрессе республиканцем Морриллом. Принятый палатой представителей в мае 1860 г. и ставший законом 2 марта 1861 г. после его утверждения сенатом, тариф Моррилла предусматривал значительное увеличение таможенных пошлин в США. — *320.*

[161] *«The Spectator»* («Зритель») — английский еженедельник либерального направления, выходил в Лондоне с 1828 года. — *320.*

[162] Блокада портов Юга, объявленная в апреле 1861 г. правительством США, способствовала развитию контрабандной торговли не только между южными штатами и Англией, но и между Югом и Севером. Прибыльность контрабандной торговли увеличивалась с развитием военных действий. Правительство Конфедерации принимало активное участие в контрабандной торговле с Англией. Особая роль в ней принадлежала Ливерпулю, куда за первые два года войны было доставлено из южных штатов 31000 кип прессованного хлопка. — *323*.

[163] *«Calcutta Price Current»* («Калькуттский прейскурант») — индийская еженедельная газета, выходила под различными названиями с 1818 года. — *323.*

[164] В 1845—1847 гг. в Ирландии от картофельной болезни ежегодно погибал урожай картофеля. В сочетании с неурожаем в Европе в те же годы, вызвавшим рост цен на сельскохозяйственные продукты, это бедствие привело к опустошительному голоду. От голода и болезней погибло более миллиона ирландских бедняков, примерно столько же эмигрировало из Ирландии. — *325.*

[165] *Эмансипация католиков* — отмена английским парламентом в 1829 г. ограничений политических прав католиков. Католики, большинство которых составляли ирландцы, получили право быть избранными в парламент и занимать некоторые правительственные должности; одновременно имущественный избирательный ценз был увеличен в пять раз. С помощью этого маневра правящие классы Англии рассчитывали привлечь на свою сторону верхушку ирландской буржуазии и католических землевладельцев, расколов- таким образом, ирландское национальное движение.

Реформа избирательного права была принята английской палатой общин в 1831 г. и окончательно утверждена палатой лордов в июне 1832 года. Реформа была направлена против политической монополии земельной и финансовой аристократии и открыла доступ в парламент представителям промышленной буржуазия. Пролетариат и мелкая буржуазия, которые являлись главной силой в борьбе за реформу, были обмануты либеральной буржуазией и не получили избирательных прав.

Об *отмене хлебных законов* см. примечание 16.

Штемпельный сбор — один из налогов на газеты в Англии, введенный в 1712 г. с целью увеличения государственных доходов и борьбы с оппозиционной печатью. Штемпельный сбор чрезвычайно удорожал стоимость газет, ограничивал их распространение и делал их недоступными для широких масс. В 1836 г. парламент был вынужден снизить штемпельный сбор, а в 1855 г. отменить его.

Налог на бумагу, введенный в Англии в 1694 г., имел главной целью помешать удешевлению, а значит, и демократизации английской печати. Налог приносил государству ежегодно около 1,4 млн. ф. ст. дохода и ложился целиком на плечи трудящихся. В 1861 г. широкое движение в Англии против налога на бумагу, продолжавшееся несколько лет, завершилось его отменой. — *326.*

[166] Название славной революции в английской буржуазной историографии получил государственный переворот 1688 г., после которого в Англии утвердилась конституционная монархия, основанная на ком-

промиссе между земельной аристократией и финансовой буржуазией. — *326.*

[167] Имеется в виду *«Cobbett's Weekly Political Register»* («Еженедельная политическая хроника Коббета») — радикальный еженедельник, выходил в Лондоне с 1802 по 1835 год. — *227.*

[168] В 1839 г. английским парламентом была выпущена Синяя книга, содержащая дипломатические документы относительно англо-персидских и англо-афганских отношений. Включенная в нее переписка английского представителя в Кабуле А. Бёрнса о событиях, связанных с англо-афганской войной (см. примечание 10), была тенденциозно подобрана и фальсифицирована министерством иностранных дел с целью скрыть провокационную роль Англии в развязывании войны. Бёрнс незадолго до своей смерти переслал копию своей переписки в Лондон, и часть ее, не включенная в Синюю книгу, была опубликована его семьей. Так была разоблачена фальсификация, допущенная английским правительством. — *328.*

[169] *Датский договор* — Лондонский протокол от 8 мая 1852 г. о целостности Датской монархии, подписанный представителями России, Австрии, Англии, Франции, Пруссии, Швеции совместно с представителями Дании. В его основу был положен принятый 2 августа 1850 г. упомянутыми участниками Лондонской конференции (за исключением Пруссии) протокол, который устанавливал принцип нераздельности владений датской короны, включая герцогства Шлезвиг и Гольштейн. В Лондонском протоколе император России упоминался как один из законных претендентов на датский престол, отказавшихся от своих прав в пользу герцога Кристиана Глюксбургского, который был объявлен наследником короля Фредерика VII. Это создавало прецедент для притязаний русского царя на датский престол в будущем, в случае прекращения Глюксбургской династии. Царская Россия, подписывая Лондонский протокол, стремилась помешать Пруссии оторвать Шлезвиг и Голыптейн от Дании и овладеть Кильским заливом. Таким образом, борьба вокруг вопроса о целостности Датской монархии скрывала борьбу европейских держав за господство на Балтийском море. — *328.*

[170] *In usum delphini* — буквально: «для дофина», в переносном смысле: с купюрами, в искаженном виде. Это выражение получило распространение после того, как в 1668 г. для наследника французского престола (дофина) были изданы сочинения древних классиков в сильно урезанном виде. — *329.*

[171] С 6 по 8 октября 1861 г. в Компьене (Франция) состоялось свидание между Наполеоном III и прусским королем Вильгельмом I. — *332.*

[172] *«Le Pays, Journal de l'Empire»* («Родина, газета империи») — французская ежедневная газета, основана в Париже в 1849 году; в период Второй империи (1852—1870) — полуофициальный орган правительства Наполеона III. — *332.*

[173] *Принтинг-хаус-сквер* — площадь в Лондоне, местонахождение главной редакции газеты «Times». — *332.*

[174] *Дело Макдоналда* — арест в сентябре 1860 г. в Бонне и предание суду капитана английской армии Макдоналда по обвинению в неподчинении местным властям. Английское правительство воспользовалось этим инцидентом, урегулированным лишь в мае 1861 г., как предлогом для усиления антипрусской пропаганды, — *332.*

[175] Имеется в виду антибонапартистская брошюра «Lettre sur l'histoire de France» («Письмо об истории Франции»), написанная герцогом Омальским в ответ на речь принца Наполеона (Плон-Плона) во французском сенате весной 1861 года. По приказу Наполеона III брошюра была немедленно конфискована, а ее издатель и типографский работник осуждены на тюремное заключение и уплату штрафа по 5000 франков. — *333.*

[176] Речь идет об участии принцев Орлеанского дома — принца Жуанвиля, герцога Пантьеврского, графа Парижского и герцога Шартрского — в Гражданской войне в Америке на стороне северян. — *333.*

[177] Намек на Луи-Наполеона, который в 1848 г., во время пребывания в Англии, добровольно вступил в число специальных констеблей (полицейский резерв из гражданских лиц), действовавших вместе с полицией против рабочей демонстрации, организованной чартистами 10 апреля 1848 года. — *333.*

[178] Во время войны североамериканских колоний Англии за независимость (см. примечание 127) борьбу восставших колоний поддерживали французские революционеры. В организации отправки оружия и волонтеров из Франции в Америку принимал участие известный драматург Бомарше. Среди французских волонтеров — участников войны широкой известностью пользовался буржуазный революционер Лафайет. — *334.*

[179] В первой половине XIX в. Франция, как и другие европейские державы, предпринимала неоднократные попытки проникнуть в Индокитай. В 1858 г. правительство Наполеона III, при участии Испании, начало новую колониальную войну в Индокитае под предлогом защиты католических миссионеров. В результате этой войны, закончившейся в 1862 г., Франция захватила сначала три провинции в южной части Индокитая, прозванной европейцами Кохинхиной (Намбо), а в 1867 г. и всю Кохинхину. — *334.*

[180] Данной статьей начинается сотрудничество Маркса в газете «Die Presse».

«Die Presse» («Пресса») — австрийская ежедневная буржуазная газета либерального направления, выходившая в Вене с 1848 по 1896 год. Основанная в июле 1848 г. как орган умеренно-либеральной буржуазии, газета была временно закрыта после поражения революции 1848—1849 гг. в Австрии. Это создало газете репутацию некоторой «оппозиционности». В начале 60-х годов она имела наибольший тираж (30000 подписчиков) среди газет, издававшихся на немецком языке. Значительная популярность газеты в эти годы объяснялась ее антибонапартистской позицией во внешнеполитических вопросах, а также ее выступлениями против реакционной внутренней политики австрийского правительства. С 1856 г. одним из редакторов «Die Presse» становится немецкий публицист М. Фридлендер, ранее издававший буржуазно-демократическую «Neue Oder-Zeitung» («Новую

одерскую газету»), в которой на протяжении 1855 г. Маркс сотрудничал в качестве лондонского корреспондента. Редакция «Die Presse» неоднократно пыталась привлечь Маркса к сотрудничеству в газете. Маркс дал свое окончательное согласие лишь в октябре 1861 г., после того как «Die Presse» выступила против мнимо-конституционалистского правительства Шмерлинга в Австрии.

Статьи Маркса в «Die Presse», обычно публиковавшиеся редакцией с пометками: «От нашего лондонского корреспондента» или «Спец. корр.», затрагивали все важнейшие вопросы международной и внутренней политики Англии, Франции и США, знакомили австрийского и немецкого читателя с положением рабочего класса и демократическим движением в этих странах. Основная часть статей Маркса, написанных для «Die Presse», посвящена Гражданской войне в Соединенных Штатах и ее влиянию на положение в странах Европы и Америки. Для обзора военных действий Маркс, как правило, пользовался материалами, предоставляемыми в его распоряжение Энгельсом. Сотрудничество Маркса в «Die Presse» продолжалось свыше года. За этот период на страницах газеты были опубликованы 52 статьи Маркса — из них две написаны совместно с Энгельсом, одна статья принадлежит Энгельсу. Значительная часть статей и корреспонденции, написанных Марксом для «Die Presse», не была помещена редакцией газеты. Это явилось основной причиной прекращения сотрудничества Маркса в газете в конце 1862 года.

Работа над статьей «Гражданская война в Северной Америке» была начата Марксом, по-видимому, еще в июне—июле 1861 г., когда он получил предложение от Фридлендера о сотрудничестве в «Die Presse». Тогда же, в основном, была написана и статья «Гражданская война в Соединенных Штатах», отосланная в редакцию, как и первая статья, в октябре 1861 года. — *337.*

[181] Имеется в виду аннулирование в 1832 г. штатом Южная Каролина федеральных тарифных актов 1828 и 1832 годов (см. примечание 160). — *338.*

[182] *Капитолий* — здание в Вашингтоне, где происходят заседания конгресса США.

Фанл-холл — здание, подаренное в 1742 г. купцом П. Фанлом городу Бостону. Во время войны североамериканских колоний за независимость (см. примечание 127) в здании происходили митинги американских патриотов. — *339.*

[183] Ордонанс Континентального конгресса, изданный в 1787 г., предусматривал, что по мере того как численность населения отдельных территорий, расположенных к северо-западу от реки Огайо, будет достигать 60 тыс. человек, эти территории будут допускаться в Союз в качестве штатов на равных правах со старыми штатами. — *340.*

[184] О *деле Дреда Скотта* см. примечание 154. — *341.*

[185] Имеется в виду закон о беглых рабах (Fugitive Slave Act), принятый конгрессом США в сентябре 1850 г. в дополнение к закону 1793 г. о выдаче беглых рабов. Согласно новому закону, во всех штатах назначались Особые уполномоченные для поимки рабов. За каждого пойманного и возвращенного в рабство негра полагалось вознаграждение в 10 долларов, а если задержанного негра отпускали на свободу — только 5 долларов. Власти и население северных штатов обязывались

оказывать всяческое содействие уполномоченным. Нарушение закона каралось штрафом в 1000 долларов и тюремным заключением сроком на шесть месяцев. Закон, вызвавший рост недовольства народных масс и усиление аболиционистского движения, стал практически неосуществим еще до начала Гражданской войны в США и был окончательно отменен в 1864 году. — *342.*

[186] Одним из основных требований фрисойлеров — членов массовой демократической фермерской партии, образовавшейся в США в 1848 г., — было требование о бесплатных наделах из фонда свободных земель Запада, являвшихся государственной собственностью. Фрисойлеры требовали также запрещения рабства на новых территориях, захваченных у Мексики, и запрещения продажи земли крупным земельным собственникам и спекулянтам. Требования фрисойлеров наталкивались в конгрессе и в правительстве США на неизменное сопротивление представителей рабовладельческих штатов. Так, билль о гомстеде, впервые поставленный в 1854 г. на голосование в конгрессе и принятый палатой представителей, был отклонен сенатом. Когда в 1860 г. обеими палатами конгресса был принят, наконец, законопроект, предусматривавший уплату поселенцами сравнительно небольшой суммы за обрабатываемую ими землю, президент Бьюкенен наложил вето на этот законопроект. — *342.*

[187] Об *Остендском манифесте* см. примечание 154. — *342.*

[188] *Чиуауа, Коауила* и *Сонора* — северные штаты Мексики, граничившие с США и являвшиеся объектом захватнических притязаний американских плантаторов-рабовладельцев и крупной буржуазии. — *342.*

[189] Американская конституция 1787 г., узаконившая рабство негров в тех штатах, где оно уже существовало, разрешала свободный ввоз рабов в эти штаты извне в течение 20-летнего срока с момента принятия конституции. Только 2 марта 1807 г. конгресс принял закон о запрещении ввоза рабов в США из Африки или какого-либо государства. Вступивший в силу 1 января 1808 г. закон предусматривал ряд мер по борьбе с работорговлей, в том числе конфискацию судов, перевозящих негров, и конфискацию всего их груза. Однако на практике закон часто нарушался, что привело к широкому развитию контрабандной работорговли. В результате ввоз негров в годы, предшествовавшие Гражданской войне в США, даже возрос. — *342.*

[190] Имеются в виду общества помощи переселенцам Канзаса, образовавшиеся на протяжении 1854—1855 гг. в ряде северных и северо-западных штатов (Массачусетс, Нью-Йорк, Пенсильвания, Огайо, Иллинойс и другие). Первое общество помощи было создано в апреле 1854 г. в штате Массачусетс. Общества ставили своей задачей препятствовать распространению рабства на новые территории США и содействовать заселению Канзаса свободными мелкими фермерами. Они занимались вербовкой и финансированием переселенцев, отправкой в Канзас сельскохозяйственного инвентаря и оборудования, постройкой пансионов для прибывающих, снабжением их продовольствием, одеждой, медикаментами и т. п. Наряду с этим общества отправляли в Канзас оружие.

Наивысшего уровня движение помощи достигло летом 1856 г. в связи с активизацией вооруженной борьбы в Канзасе (см. примеча-

ние 155). В июле 1856 г. на съезде в Буффало был образован Национальный комитет помощи Канзасу. Однако попытки направить помощь Канзасу по единому плану не увенчались успехом вследствие разнородного состава участников движения. Деятельность обществ оказывала большое влияние на общественное мнение страны и способствовала консолидации сил, образовавших республиканскую партию. После окончания Гражданской войны в США общество занималось переселением в штаты Орегон и Флориду, просуществовав до 1897 года. — *343*.

[191] Речь идет о прекращении в 1837 г., в с вязи со смертью последнего представителя Ганноверской династии, личной унии между Англией и Ганновером, существовавшей с 1714 года. — *348.*

[192] Имеются в виду попытки сторонников южных штатов зимой 1860— 1861 гг. оторвать Калифорнию от североамериканского Союза путем создания «нейтральной» Тихоокеанской республики. Этот заговор был своевременно раскрыт правительством Линкольна. — *354.*

[193] *Новая Англия* — группа из шести штатов на северо-востоке США (Мэн, Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд, Вермонт, Нью-Гэмпшир) с высоким уровнем промышленного развития. Новая Англия являлась центром аболиционистского движения. — *355.*

[194] *Илоты* — бесправные жители древней Спарты, прикрепленные к земле и обязанные нести в пользу землевладельцев-спартиатов определенные повинности. Положение илотов ничем не отличалось от положения рабов. — *355.*

[195] *Миссурийская прокламация,* изданная генералом Фримонтом 30 августа 1861 г., наряду с конфискацией в штате Миссури имущества лиц, поддерживающих Конфедерацию, объявляла свободными рабов, принадлежащих мятежникам. Линкольн предложил Фримонту привести эту прокламацию в соответствие с законом о конфискации, исключив из нее пункт об освобождении рабов (принятый конгрессом 6 августа 1861 г. закон о конфискации предусматривал лишь освобождение рабов, используемых мятежниками непосредственно в военных целях). За отказ выполнить требование президента Фримонт в октябре 1861 г. был смещен с поста командующего армией в Миссури. — *356.*

[196] В 1833 г., после восстания негров-рабов на острове Ямайка, английским парламентом был принят закон об отмене рабства в колониях. Для компенсации плантаторов-рабовладельцев Вест-Индия и других колоний была выделена сумма в 20 млн. фунтов стерлингов. — *356.*

[197] Имеется в виду *«Brownson's Quarterly Review»* («Квартальное обозрение Браунсона») — американский католический журнал, издававшийся под данным названием О. Браунсоном в Бостоне с 1844 по 1855 г. и в Нью-Йорке в 1856—1865 и в 1872—1875 годах. — *356.*

[198] *«The World»* («Мир») — американская ежедневная газета, орган демократической партии; выходила в Нью-Йорке с 1860 по 1931 год. — *356.*

[199] О *тарифе Моррилла* см. примечание 160. — *369.*

[200] После австро-итало-французской войны 1859 г., в результате которой к Франции отошли Савойя и Ницца, Наполеон III предпринял попытку захватить часть территории Швейцарии. 28 октября 1861 г. отряд французских войск вторгся в принадлежащую Швейцарии Даппскую долину в кантоне Во (Ваадт) и занял деревню Крессоньер, после чего последовал протест швейцарского правительства, поддержанный рядом европейских держав. В декабре 1862 г. было подписано соглашение, по которому часть Даппской долины отходила к Франции в обмен на уступку Швейцарии равновеликой части французской территории. — *370.*

[201] *Интервенция в Мексике,* или мексиканская экспедиция 1861—1867 гг. — вооруженная интервенция Англии, Франции и Испании с целью свержения прогрессивного правительства Хуареса и превращения Мексиканской республики в колонию европейских держав. В намерения интервентов входило также использование территории Мексики в качестве плацдарма для вмешательства в Гражданскую войну в США на стороне рабовладельческих штатов. Уже вскоре после начала интервенции (декабрь 1861) выявились противоречия между ее участниками, вследствие чего Англия и Испания в апреле 1862 г. отозвали свои войска. Французские интервенты продолжали захватнические действия и, заняв летом 1863 г. город Мехико, провозгласили Мексику империей во главе со ставленником Наполеона III — австрийским эрцгерцогом Максимилианом. Мексиканский народ проявил большую стойкость и мужество в борьбе против французских колонизаторов и нанес им решительное поражение. В марте 1867 г. интервенты вынуждены были уйти из Мексики. Провалу мексиканской авантюры Наполеона III способствовали также крайняя непопулярность ее во Франции и изменение международной обстановки в связи с победой Севера в Гражданской войне 1861—1865 годов. — *371.*

[202] В ноябре 1859 г. Испания, стремившаяся к колониальным захватам в Северной Африке, объявила войну Марокко. Однако военные действия, продолжавшиеся до марта 1860 г., не принесли особых успехов испанцам, встретившим упорное сопротивление свободолюбивого марокканского народа. В апреле 1860 г. был заключен мир, по которому Испания получала денежную контрибуцию и небольшие территориальные уступки.

Сан-Доминго — восточная часть острова Гаити, являвшаяся до 1821 г. испанской колонией и объявленная в 1844 г. независимой Доминиканской республикой. В 1861 г. эта часть острова была вновь захвачена Испанией в результате победы в стране происпанской партии, объявившей в марте 1861 г. о «добровольном» присоединении Сан-Доминго к испанским владениям в Вест-Индии. Колониальное господство Испании в Сан-Доминго продолжалось до 1865 г., когда испанцы были окончательно изгнаны из страны. — *371.*

[203] *«The Morning Post»* («Утренняя почта») — английская ежедневная консервативная газета; выходила в Лондоне в 1772—1937 годах. В середине XIX в. была органом правых элементов партии вигов, группировавшихся вокруг Пальмерстона. — *371.*

[204] *«La Patrie»* («Родина») — французская ежедневная газета, основана в 1841 году; после государственного переворота 2 декабря 1851 г. — бонапартистская газета. — *371.*

[205] *Сент-джемсский кабинет* — так по имени Сент-Джемсского дворца в Лондоне (бывшей резиденции английских королей) Маркс называет английское правительство. — *371.*

[206] Имеется в виду предложенный летом 1823 г. французским министром иностранных дел Шатобрианом план организации вооруженной интервенции в страны Латинской Америки в целях восстановления колониального господства Испании в этих странах, а также расширения колониальных владений Франции. План Шатобриана предусматривал превращение испанских колоний в автономные королевства, управляемые принцами Бурбонского дома, в том числе и французскими. Этот план потерпел крушение, главным образом, из-за противодействия Англии и США, стремившихся использовать национально-освободительное движение в испанских колониях для установления там своего влияния. — *374.*

[207] *Доктрина Монро* — известное послание президента США Джемса Монро американскому конгрессу от 2 декабря 1823 г., в котором провозглашались принципы внешней политики США, направленные против попыток колонизации территории Америки европейскими державами и вмешательства их во внутренние дела американских государств. В дальнейшем доктрина Монро использовалась американскими экспансионистами для установления гегемонии США на американском континенте. — *374.*

[208] *«Journal des Debats»* — сокращенное название французской ежедневной буржуазной газеты *«Journal des Debats politiques et litteraires»* («Газета политических и литературных дебатов»), основанной в Париже в 1789 году. После государственного переворота 2 декабря 1851 г. — орган умеренной орлеанистской оппозиции. — *377.*

[209] *«Courrier du dimanche»* («Воскресная почта») — французский еженедельный буржуазный журнал антибонапартистского направления; выходил в Париже с 1858 по 1866 год. — *379.*

[210] Об англо-афганской войне см. примечание 10. — *382.*

[211] Об англо-персидской войне см. примечание 10. — *382.*

[212] Настоящая статья, помеченная Парижем, была написана Марксом в Лондоне. Статьи, в которых приводился материал по отдельным странам европейского континента, Маркс иногда помечал соответственно Парижем, Берлином или Веной, указывая при этом вместо действительной даты написания более раннюю или позднюю. — *383.*

[213] Называя Верона «bourgeois de Paris» («парижским мещанином»), Маркс намекает на его книгу «Воспоминания парижского мещанина» («Memoires d'un bourgeois de Paris»), вышедшую в шести томах в Париже в 1853—1855 годах. — *383.*

[214] *Школа физиократов* — одно из направлений буржуазной классической политической экономии, возникшее в 50-х годах XVIII в. во Франции. Физиократы являлись решительными сторонниками крупного капиталистического земледелия, отмены сословных привилегий и протекционизма. Понимая необходимость устранения феодальных порядков,

физиократы, однако, хотели, чтобы это произошло путем мирных преобразований, без ущерба для господствующих классов и абсолютистского строя. По своим философским взглядам физиократы примыкали к французским буржуазным просветителям XVIII века. Ряд экономических преобразований, предложенных физиократами, был осуществлен в период французской буржуазной революции. — *384.*

215 *Династическая оппозиция* — оппозиционная группа во французской палате депутатов в период Июльской монархии, выражавшая интересы либеральных кругов промышленной и торговой буржуазии. Представители династической оппозиции выступали за проведение умеренной избирательной реформы, видя в ней средство для сохранения у власти династии Орлеанов и предотвращения революции. —*384.*

216 A. Fould. «Pas d'assignats!». Paris, 1848 (А. Фульд. «Долой ассигнации!». Париж, 1848). — *384.*

217 *Drapeau blanc* (белое знамя) — государственное знамя Франции во времена монархии Бурбонов, а также в период Реставрации. Установление буржуазной Июльской монархии и приход к власти династии Орлеанов сопровождались возвращением к трехцветному (сине-бело-красному) знамени, являвшемуся государственным знаменем Франции в период буржуазной революции конца XVIII в. и империи Наполеона I. — *388.*

218 См. примечание 195. — *390.*

219 Имеется в виду война США против Мексики в 1846—1848 гг., вызванная захватническими притязаниями американских плантаторов-рабовладельцев и крупной буржуазии на мексиканские земли. В результате этой войны США захватили почти половину территории страны, в том числе Техас, Верхнюю Калифорнию, Новую Мексику и другие области, — *390.*

220 *«Irrepressible conflict»* («неотвратимый конфликт») — выражение, употребленное Сьюардом в его речи в Рочестере (штат Нью-Йорк) в октябре 1858 г. и получившее широкую популярность; Сьюард имел в виду непримиримость противоречий между Югом и Севером и неизбежность их столкновения в будущем. — *391.*

221 *«Pathfinder»* («Следопыт») — название одного из популярных романов Фенимора Купера; Фримонта называли так в связи с его исследованиями Калифорнии. — *392.*

222 На реке *Булл-Ран* близ г. Манассас (к юго-западу от Вашингтона) 21 июля 1861 г. произошло первое крупное сражение в период Гражданской войны в США. В этом сражении армия южан нанесла поражение численно превосходящим, но плохо обученным войскам Севера.

В сражении при *Болс-Блаффе* (к северо-западу от Вашингтона), южане 21 октября 1861 г. разгромили несколько полков армии генерала Стона, переправившихся на правый берег реки Потомак и оставленных там без подкреплений. Оба сражения выявили серьезные недостатки в организации и тактике армии северян. — *392.*

[223] «*The Morning Herald»* («Утренний вестник») — английская ежедневная газета консервативного направления, выходила в Лондоне в 1780— 1869 годах.

«The Standard» («Знамя») — ежедневная английская газета консервативного направления, основана в Лондоне в 1827 году. — *399.*

[224] Начатая в 1812 г. война между Англией и Соединенными Штатами Америки была вызвана политикой непризнания национального суверенитета США со стороны правящих классов Англии и их попытками восстановить свое господствующее положение в Северной Америке. Поводом для объявления войны Англии со стороны США явились незаконные захваты англичанами американских судов и матросов. В борьбе с Англией американские вооруженные силы пользовались поддержкой народных масс, видевших в действиях англичан угрозу восстановления колониального режима и рассматривавших эту борьбу как вторую войну за независимость. Военные действия на суше в 1812—1814 гг. велись неудачно для американцев. Несмотря на временный захват Вашингтона в августе 1814 г., Англия, истощенная войнами с Наполеоном и понесшая значительные потери в результате успешных действий американского флота, вынуждена была в декабре 1814 г. заключить Гентский мирный договор на основе признания довоенного положения. Военные действия прекратились в январе 1815 г., после того как американские войска нанесли решительное поражение английской армии под Новым Орлеаном. — *399.*

[225] F. Th. Pratt. «Law of Contraband of War» (Ф. Т. Пратт. «Право военной контрабанды»). Первое издание вышло в Лондоне в 1856 году. — *400.*

[226] Th. Jefferson. «Memoirs, Correspondence, and Private Papers». Vol. III, London, 1829 (Т. Джефферсон. «Воспоминания, переписка и личные документы». Т. III, Лондон, 1829).

Имеются в виду войны Франции против коалиций европейских держав в 1792—1815 гг., когда между Англией и Францией развернулась ожесточенная борьба за политическое и экономическое преобладание в Европе. В ответ на объявление Наполеоном в 1806 г. континентальной блокады, запрещавшей странам европейского континента торговать с Англией, последняя установила свой контроль над морской торговлей нейтральных стран и использовала широкое развертывание контрабандной торговли, практикуя захват судов Франции и других стран в открытом море. — *400.*

[227] *Дунс-скотовские контроверзы* — способ ведения схоластических споров путем противопоставления взаимоисключающих доводов «за» и «против» («pro et contra»), получивший свое название по имени средневекового шотландского философа-номиналиста Дунса Скота, в сочинениях которого он нашел наиболее широкое применение. — *400.*

[228] *Юристы короны* (law officers of the Crown) — высшие представители юстиции в Англии — генерал-атторней и генерал-солиситор. — *401.*

[229] *Прокламация королевы Виктории о нейтралитете* в войне между северными и южными штатами (см. настоящий том, стр. 418—419) была издана 13 мая 1861 г. в ответ на объявленную Соединенными Штатами в апреле 1861 г. блокаду портов Конфедерации. Прокламация заявляла о признании блокады Юга лишь в случае ее эффективности и одновременно признавала права южан на захват североамериканских

судов в открытом море. Прокламация фактически означала признание Конфедерации воюющей стороной. — *401.*

[230] *Призовые суды* создаются воюющими государствами на своей территории для определения законности взятия приза. Морскими призами называются неприятельские торговые суда или грузы, захваченные во время войны одной из воюющих сторон. К призам могут быть отнесены также нейтральные суда, перевозящие военную контрабанду. — *401.*

[231] J. Spence. «The American Union; an Inquiry into its Real Effects on the Well-Being of the United States, and into the Causes of its Disruption; with an Examination of Secession as a Constitutional Right». London, 1861 (Дж. Спенс. «Американский Союз; исследование о его действительном влиянии на благополучие Соединенных Штатов и о причинах его раскола, а также рассмотрение сецессии с точки зрения конституционного права». Лондон, 1861). — *402.*

[232] *«The Morning Advertiser»* («Утренний уведомитель») — английская ежедневная газета, основана в Лондоне в 1794 году; в 60-х годах буржуазно-либеральный орган.

«The Sun» («Солнце») — английская ежедневная буржуазно-либеральная газета, выходила в Лондоне с 1798 по 1876 год. — *404.*

[233] *«The Daily News»* («Ежедневные новости») — английская либеральная газета, орган промышленной буржуазии; под данным названием выходила в Лондоне с 1846 по 1930 год.

«The Morning Star» («Утренняя звезда») — английская ежедневная газета, орган фритредеров, выходила в Лондоне с 1856 по 1869 год. — *405.*

[234] *«The Morning Chronicle»* («Утренняя хроника») — ежедневная английская буржуазная газета, выходившая в Лондоне с 1770 по 1862 год; орган вигов, в начале 50-х годов орган пилитов, затем консерваторов. — *405.*

[235] Имеется в виду нейтралитет штата Кентукки в начале Гражданской войны в США (об этом см. настоящий том, стр. 352). — *410.*

[236] W. F. P. Napier. «History of the War in the Peninsula and in the South of France, from the year 1807 to the year 1814». Vol. I—VI, London, 1828—1840 (У. Ф. П. Нейпир. «История войны на Пиренейском полуострове и на юге Франции с 1807 по 1814 год». Тт. I—VI, Лондон, 1828— 1840). — *412.*

[237] *Федералистами,* или *унионистами* (приверженцами Союза), в период Гражданской войны в США называли сторонников северных штатов в противоположность сецессионистам, или конфедератам, — сторонникам Конфедерации рабовладельческих южных штатов. — *412.*

[238] В 1763 г. английский публицист Джон Уилкс в издаваемой им газете «The North Briton» («Северный британец») подверг критике тронную речь короля Георга III, за что был исключен из палаты общин, объявлен вне закона и вынужден бежать во Францию. После возвращения на родину в 1768 г. Уилкс четырежды избирался в парламент, но выборы каждый раз объявлялись недействительными. Уилкс прошел в парламент лишь после того, как был избран в пятый раз.

«Дело Уилкса» было показателем нарастания политического кризиса в Англии. Став шерифом и лорд-мэром Лондона, Уилкс в 1780 г. жестоко подавил выступление лондонских низов и разоблачил себя как демагог.

Широкую известность в связи с «делом Уилкса» приобрели письма, публиковавшиеся в газете «The Public Advertiser» («Общественный уведомитель») с конца 1768 по 1772 г. за подписью. Юниуса. Автор писем вел борьбу за реабилитацию Уилкса и за демократизацию политического строя Англии. В 1772 г. письма Юниуса были изданы отдельной книгой. Автором их, как было установлено позже, являлся английский публицист Ф. Фрэнсис. — *415.*

[239] Ch. Wilkes. «Narrative of the United States Exploring Expedition. During the Years 1838, 1839, 1840, 1841, 1842». Vol. I—V, Philadelphia, 1845 (Ч. Уилкс. «Описание исследовательской экспедиции Соединенных Штатов в 1838, 1839, 1840, 1841, 1842 годах». Тт. I—V, Филадельфия, 1845). — *415.*

[240] Ch. Wilkes. «Western America, including California and Oregon». Philadelphia, 1849 (Ч. Уилкс. «Западная Америка, включая Калифорнию и Орегон». Филадельфия, 1849). — *415.*

[241] В битве при *Вустере* 3 сентября 1651 г. английские войска под командованием Кромвеля нанесли сокрушительное поражение шотландской роялистской армии под предводительством Карла II, бежавшего после этого во Францию. — *415.*

[242] *Тайный совет* в Англии возник в XIII веке и состоял первоначально из представителей феодальной знати и высшего духовенства. Являясь высшим совещательным органом при короле, Тайный совет до XVII века играл важную роль в управлении государством. С развитием парламентаризма и усилением власти кабинета министров Тайный совет постепенно теряет свое значение. — *416.*

[243] В ноябре 1845 г. Слайделл был направлен в Мексику с негласным поручением от президента Полка добиться расширения южных границ аннексированного Техаса, а также покупки Повой Мексики и Верхней Калифорнии. После отказа мексиканского правительства принять Слайделла в качестве полномочного посланника, США начали в апреле 1846 г. военные действия против Мексики, в результате которых были захвачены обе названные области. — *417.*

[244] *Закон о беглых рабах* — см. примечание 185. — *417.*

[245] H. Wheaton. «Elements of International Law, with a Sketch of the History of the Science» (Г. Уитон. «Основы международного права, с кратким очерком истории этой науки»). Первое издание вышло в 1836 г. в Филадельфии. — *419.*

[246] T. Walker. «Introduction to American Law» (Т. Уокер. «Введение в американское право»). Первое издание вышло в Филадельфии в 1837 году. — *419.*

[247] J. Kent. «Commentaries on American Law». Vol. I—IV (Дж. Кент. «Комментарии к американскому праву». Тт. I—IV). Первое издание вышло в Нью-Йорке в 1826—1830 годах. — *419.*

[248] R. Phillimore. «Commentaries on International Law» (Р. Филлимор. «Комментарии к международному праву»). Первое издание вышло в четырех томах в Лондоне в 1854—1861 годах. — *419.*

[249] S. Johnson. «A Dictionary of the English Language» (С. Джонсон. «Словарь английского языка»). Первое издание вышло в 1755 году. — *421.*

[250] J. Walker. «A Critical Pronouncing Dictionary of the English Language» (Дж. Уокер. «Критический фонетический словарь английского языка»). — *421.*

[251] E. Vattel. «Le droit des gens, ou principes de la loi naturelle appliques a la conduite et aux affaires des nations et des souverains» (Э. Ваттель. «Международное право, или принципы естественного права в применении к поведению и поступкам народов и государей»). Первое издание вышло в двух томах в Лейдене в 1758 году. — *421.*

[252] *«Последний англичанин»* — перефразированное выражение «последний римлянин», под которым обычно подразумевают убийц Цезаря — Брута или Кассия, сохранивших в период упадка Римской республики нравы и представления древнереспубликанского Рима. Называя Уркарта «последним англичанином», Маркс высмеивает его приверженность к старинным, давно изжившим себя английским институтам. — *422.*

[253] «*The Free Press»* («Свободная пресса») — английская буржуазная газета, оппозиционная по отношению к правительству Пальмерстона; издавалась Уркартом и его сторонниками в Лондоне с 1855 по 1865 год; в газете было опубликовано несколько работ Маркса. — *422.*

[254] Имеется в виду послание президента США Медисона конгрессу 1 июня 1812 г., в котором Англия обвинялась во враждебных действиях против США, в частности, в захвате матросов американских судов и блокаде Атлантического побережья Соединенных Штатов. В послании предлагалось оказать отпор этим действиям. Вскоре, 18 июня 1812 г., американский конгресс объявил Англии войну (см. примечание 224). — *426.*

[255] О *Гентском мирном договоре* см. примечание 224.

В 1842 г. между представителями Англии и США, лордом Ашбертоном и Уэбстером, велись переговоры, которые закончились подписанием 9 августа 1842 г. договора о границах между США и американскими владениями Англии, о запрещении торговли рабами и о выдаче беглых преступников. Однако этот договор не ограничивал права Англии на обыск американских судов, заподозренных в торговле рабами. — *426.*

[256] Речь идет о письме американского генерала Уинфилда Скотта, опубликованном в газете «Times» 6 декабря 1861 года. Излагая свое отношение к инциденту с «Трентом», Скотт заявлял, что в США никто не хочет войны с Англией, и высказывался за мирное разрешение конфликта между обеими странами. — *428.*

[257] *Черной контрабандой* во время Гражданской войны в США называли негров, бежавших от мятежников-рабовладельцев и искавших убежища в военных лагерях армии северян. Вопреки предписаниям

вашингтонского правительства, отдельные генералы армии Севера уже в первые месяцы войны отказывались выдавать этих негров их прежним владельцам на том основании, что рабы, являющиеся собственностью мятежников, должны рассматриваться как военная контрабанда. — *429.*

[258] *Демократическим регентством* Маркс называет руководящую группу демократической партии США в штате Нью-Йорк, существовавшую до 1854 г. и известную под именем Олбанского регентства. Местопребыванием ее являлся город Олбани — административный центр штата Нью-Йорк. Олбанское регентство играло роль общенационального центра демократической партии США. — *480.*

[259] 19 ноября 1861 г. конфедератский крейсер *«Нашвилл»* напал в открытом море на североамериканское торговое судно *«Гарвей Бирч»* и сжег его. 21 ноября «Нашвилл» вошел в английский порт Саутгемптон, где укрылся от преследования. — *431.*

[260] 6 января 1861 г. мэр Нью-Йорка Ф. Вуд обратился к городскому совету с традиционным ежегодным посланием, в котором выдвинул план отделения Нью-Йорка от северных штатов и объявления его вольным городом. — *432.*

[261] Речь идет об эпизоде, разыгравшемся в сенате США во время вооруженной борьбы в Канзасе (см. примечание 155). 19—20 мая 1856 г. сенатор-республиканец Чарлз Самнер выступил в конгрессе с речью «Преступление против Канзаса», в которой разоблачил происки рабовладельцев в Канзасе. Речь Самнера вызвала ярость рабовладельцев и их сторонников в конгрессе. Через два дня после своего выступления Самнер был избит в помещении сената южанином-рабовладельцем Бруксом, нанесшим ему ряд тяжелых увечий. Самнер смог вернуться к политической деятельности лишь в 1859 году.

Институт Купера — высшее учебное заведение в Нью-Йорке, основанное в 1859 г. промышленником и филантропом П. Купером. — *432.*

[262] *Court of Exchequer* (Суд казначейства) — один из старейших судов Англии; первоначально был облечен главным образом финансовыми функциями, в XIX в. являлся по существу одним из высших судебных учреждений Англии.

«Lloyd's Weekly News» — сокращенное название английской либеральной газеты «Lloyd's Weekly London Newspaper» («Лондонский еженедельник Ллойда»), выходившей под данным названием в 1843— 1918 годах. — *435.*

[263] Имеется в виду Декларация о принципах морского международного права, принятая Парижским конгрессом 16 (4) апреля 1856 г., которая запрещала каперство и обеспечивала защиту торговых судов нейтральных государств от нападений со стороны воюющих держав. Принятие декларации явилось дипломатической победой России, выступавшей с 1780 г. против претензий Англии на право осмотра и захвата судов нейтральных стран. — *438.*

[264] Речь идет о принципах защиты прав морского нейтралитета, получивших свое выражение в декларации Екатерины II о вооруженном

нейтралитете от 11 марта (28 февраля) 1780 г., во время войны североамериканских колоний за независимость. Декларация провозглашала право нейтральных государств свободно торговать с воюющими странами и принцип неприкосновенности неприятельской собственности, находящейся под нейтральным флагом. Эта декларация легла в основу конвенции, заключенной между Россией и рядом государств (Дания, Швеция, Голландия, Австрия и др.), образовавших в 1780—1783 гг. первый вооруженный нейтралитет.

Принципы декларации 1780 г. были впоследствии подтверждены и дополнены заключенным по инициативе России 18 (6) декабря 1800 г. русско-прусским трактатом об образовании второго вооруженного нейтралитета в период войн Англии с наполеоновской Францией. К этому трактату присоединились Дания и Швеция. — *438.*

[265] *Манчестерская школа* — направление в английской экономической мысли, отражавшее интересы промышленной буржуазии. Сторонники этого направления, фритредеры, отстаивали свободу торговли и невмешательство государства в экономическую жизнь. Центр агитации фритредеров находился в Манчестере, где во главе этого движения стали два текстильных фабриканта — Кобден и Брайт. В начале 60-х годов фритредеры входили в английскую либеральную партию. Выражая интересы промышленной буржуазии, стремившейся сломить хлопковую монополию южных рабовладельческих штатов, они выступали против вмешательства Англии в Гражданскую войну в США на стороне Юга. — *439.*

[266] Имеется в виду прокламация королевы Виктории о нейтралитете от 13 мая 1861 года (см. примечание 229). — *440.*

[267] *«Punch»* — сокращенное название английского еженедельного юмористического журнала буржуазно-либерального направления «Punch, or the London Charivari» («Петрушка, или Лондонское шаривари»); выходит в Лондоне с 1841 года. — *442.*

[268] *Истинно британский министр* — так лорд Рассел назвал на заседании палаты общин 25 июня 1850 г. министра иностранных дел лорда Пальмерстона, надменное выражение которого «civis romanus sum» («я римский гражданин»), употребленное им в речи на этом же заседании палаты, было восторженно встречено английской буржуазией. Пальмерстон заявил, что подобно тому как формула римского гражданства «civis romanus sum» обеспечивала гражданам Древнего Рима престиж и всеобщее уважение, так и английское подданство должно быть гарантией личной безопасности и сохранности имущества английских подданных, где бы они ни находились. — *442.*

[269] *Low church men* — сторонники низкой церкви, то есть направления в англиканской церкви, получившего распространение главным образом среди буржуазии и низшего духовенства. Сторонники низкой церкви выступали за упрощение обрядности в богослужении и делали упор на проповедь буржуазно-христианской морали. — *442.*

[270] *Войной вигов* Маркс называет Крымскую войну 1853—1856 гг., начатую английским коалиционным кабинетом Абердина, в котором все важнейшие посты принадлежали лидерам вигов. — *443.*

[271] *Penny paper* (пенсовая газета) — новый тип ежедневной газеты, получивший распространение в Англии после отмены в 1855 г. штемпельного сбора (см. примечание 165). От старой дорогостоящей прессы эти газеты отличались своей дешевизной и массовостью тиража. Главным содержанием «пенсовой прессы», воспринявшей приемы американской журналистики, являлись сенсационные сообщения и скандальная хроника. — *443.*

[272] *«The Globe»* — сокращенное название английской ежедневной газеты «The Globe and Traveller» («Земной шар и путешественник»), выходившей в Лондоне с 1803 года; орган вигов, в периоды правления этой партии — правительственная газета; с 1866 г. — орган консерваторов. — *443.*

[273] *«The Observer»* («Наблюдатель») — английская еженедельная газета консервативного направления; выходит в Лондоне с 1791 года. — *444.*

[274] *«Macmillan's Magazine»* («Журнал Макмиллана») — английский журнал буржуазно-либерального направления; издавался в Лондоне с 1859 по 1907 год. — *444.*

[275] Намек на военную шумиху, поднятую Наполеоном III в январе 1859 г. в связи с приготовлениями к австро-итало-французской войне (см. примечание 18). Подробное описание этих событий дано в статьях К. Маркса и Ф. Энгельса: «Перспективы войны в Европе», «Денежная паника в Европе», «Положение Луи-Наполеона» (см. настоящее издание, т. 13, стр.175—188). — *444.*

[276] *Ceterum censeo* — начальные слова ставшего крылатым выражения римского политического деятеля Катона Старшего, которым он обычно заключал все свои речи в сенате: Ceterum censeo Carthaginem esse delendam (Впрочем, я считаю, что Карфаген должен быть разрушен). — *446.*

[277] О *сражении на Байхэ* см. примечание 8. — *449.*

[278] Стремясь избежать дальнейшего осложнения отношений с Англией правительство США на заседании 25—26 декабря 1861 г. приняло решение об освобождении эмиссаров Конфедерации Мэзона и Слайделла, захваченных на пароходе «Трент». В начале января 1862 г. Слайделл и Мэзон вместе со своими секретарями были доставлены на английский пароход. После получения известия об этом Рассел сообщил, что английское правительство удовлетворено и считает инцидент с «Трентом» исчерпанным. — *450.*

[279] Об *инциденте с «Нашвиллом»* см. примечание 259. — *452.*

[280] *«Gazette»* — сокращенное название английского правительственного органа «The London Gazette» («Лондонская газета»); выходит под данным названием 2 раза в неделю с 1666 года. — *462.*

[281] *Билль о заговорах* (билль об иностранцах), согласно которому эмигранты, наряду с англичанами, сурово карались за участие в политических заговорах, был внесен Пальмерстоном в палату общин в феврале 1858 г., под предлогом угроз со стороны французского

правительства, обвинявшего Англию в предоставлении убежища политическим эмигрантам. Под давлением массового движения протеста билль был отклонен палатой общин, а Пальмерстон был вынужден уйти в отставку. — *465.*

[282] См. примечание 276. — *466.*

[283] *«Daily Post»* («Ежедневная почта») — английская газета, орган торгово-промышленных кругов, выходила под данным названием в Ливерпуле с 1855 по 1879 год. — *469.*

[284] О ликвидации Ост-Индской компании см. примечание 83. — *474.*

[285] *Magna Charta* — Magna Charta Libertatum (Великая хартия вольностей) — грамота, предъявленная английскому королю Иоанну Безземельному восставшими крупными феодалами, использовавшими поддержку рыцарей и горожан. Хартия, подписанная 15 июня 1215 г., ограничивала права короля, главным образом, в интересах крупных феодалов и содержала некоторые уступки рыцарству и городам. Хартия еще и в XIX веке была в глазах английских буржуа символом и основой конституционного строя английского государства. — *479.*

[286] Имеется в виду Декларация о принципах морского международного права (см. примечание 263). — *480.*

[287] По условиям мирного договора, заключенного после окончания испано-марокканской войны 1859—1860 гг. (см. примечание 202), город Тетуан оккупировался испанскими войсками до полной уплаты контрибуции. — *482.*

[288] Имеется в виду: «Correspondence relative to the Affairs of Mexico». 3 Parts, London, 1862 («Переписка по вопросу о положении в Мексике». В 3-х частях, Лондон, 1862). — *484.*

[289] *«Молодой Наполеон»* — прозвище, данное Мак-Клеллану его сторонниками из рядов демократической партии, как первому генералу в истории американской армии, достигшему поста главнокомандующего в сравнительно молодом возрасте, 34-х лет. — *490.*

[290] *Фабианская тактика* получила свое название по имени древнеримского полководца Фабия Кунктатора, известного своей выжидательной тактикой и уклонявшегося от решительных сражений в борьбе с Ганнибалом во время второй Пунической войны (218—201 гг. до н. э.). — *491.*

[291] Macaulay. «Critical and Historical Essays» (Маколей. «Критические и исторические очерки»). Первое издание в трех томах вышло в 1843 году. — *491.*

[292] В *Уэст-Пойнте* (близ Нью-Йорка) находилась военная академия, основанная в 1802 г. и являвшаяся в середине XIX в. единственным высшим военно-учебным заведением Соединенных Штатов. Система подготовки офицеров, основанная на полной изолированности от внешнего мира, способствовала развитию кастового духа среди воспитанников академии. — *491.*

[293] В тексте статьи неточность. Имеется в виду речь Кромвеля в Малом парламенте, открывшемся 4 июля 1653 г. и состоявшем из представителей индепендентских церковных общин.

Th. Carlyle. «Oliver Cromwell's Letters and Speeches» (Т. Карлейль. «Письма и речи Оливера Кромвеля»). Первое издание вышло в Лондоне в 1845 году. — *491.*

[294] Имеется в виду *«Evening Star»* («Вечерняя звезда») — американская буржуазная газета, основанная в Вашингтоне в 1852 году. — *491.*

[295] См. примечание 224. — *496.*

[296] *«Revue contemporaine»* («Современное обозрение») — французский двухнедельный журнал бонапартистского направления; выходил в Париже в 1851—1870 годах. — *497.*

[297] О сражении при *Булл-Ране* см. примечание 222. — *499.*

[298] При *Жемапе* (Бельгия) 6 ноября 1792 г. французская армия под командованием Дюмурье одержала крупную победу над австрийскими войсками. В сражении при *Флёрюсе* (Бельгия) 26 июня 1794 г. французские войска наголову разбили австрийскую армию. В сражениях при *Монтенотте, Кастильоне* и *Риволи* во время итальянской кампании 1796—1797 гг. французская армия нанесла поражения австрийским и пьемонтским войскам в Пьемонте и Ломбардии. — *500.*

[299] О сражении при *Болс-Блаффе* см. примечание 222. — *502.*

[300] О сражениях при *Мадженте* и *Сольферино* см. примечание 20. — *504.*

[301] *Кордонная система* (кордонная стратегия) — широко применявшийся в XVIII веке в Западной Европе способ ведения войны, при котором войска располагались равномерно вдоль всей линии фронта с целью прикрытия страны от неприятельского вторжения. Такое расположение войск создавало возможность сравнительно легкого прорыва обороны противником в любом пункте. Теоретическое обоснование «кордонной системы» дал австрийский фельдмаршал Ф. Ласси. — *505.*

[302] В сражениях при *Миллезимо* и *Дего* (Северная Италия) 13—14 и 14— 15 апреля 1796 г. армия Бонапарта разбила группу австрийских войск, действовавших в составе союзной пьемонтской армии, а также другую группу австрийских войск, высланную им на помощь. После этого французские войска обрушились на армию Пьемонта и, нанеся ей ряд поражений, вынудили короля Пьемонта заключить сепаратный мир. — *506.*

[303] Как показал дальнейший ход Гражданской войны в США, стратегический план разгрома южной Конфедерации, изложенный Марксом и Энгельсом в настоящей статье, был единственно правильным. Армия южан потерпела окончательное поражение лишь после того как командование северян осуществило аналогичный план во второй половине 1864 года. Знаменитый «рейд к морю», предпринятый генералом У. Т. Шерманом, разделил на две части территорию Конфедерации и подготовил необходимые условия для разгрома армии южан

войсками генерала Гранта. Весной 1865 г. армия южан полностью капитулировала. — *507.*

[304] О *мексиканской экспедиции* см. примечание 201. — *508.*

[305] Имеются в виду оккупация Рима французскими войсками в 1849 г. (см. примечание 106), а также пребывание французских войск в Афинах и Константинополе во время Крымской войны 1853—1856 годов. В октябре 1860 г. английские и французские интервенты, находившиеся в Китае, заняли Пекин. — *508.*

[306] Во время третьей «опиумной» войны (см. примечание 8) английские и французские интервенты под командованием генерала Монтобана, заняв в октябре 1860 г. столицу Китая Пекин, сожгли и разграбили знаменитый летний дворец цинских императоров — Юаньминюань — величайшую сокровищницу китайского искусства. Стоимость награбленного в Китае имущества оценивалась в несколько десятков миллионов франков; огромное количество ценностей было варварски уничтожено. — *508.*

[307] Имеется в виду постановление мексиканского конгресса от 17 июля 1861 г. о приостановке на два года платежей по иностранным займам, послужившее предлогом для интервенции Англии, Франции и Испании в Мексике (см. примечание 201). Стремясь избежать войны, возглавлявшееся Хуаресом правительство Мексики в ноябре 1861 г. отменило постановление 17 июля и выразило согласие удовлетворить претензии трех держав. — *509.*

[308] Состоявшийся летом 1861 г. в Париже громкий процесс известного французского банкира Миреса, обвиненного в мошеннических биржевых спекуляциях и нарушении закона об обществах, основанных на доверии, раскрыл скандальные финансовые махинации, в которых был замешан ряд высокопоставленных лиц Второй империи. Мирес был приговорен к денежному штрафу и пяти годам тюремного заключения, однако в 1862 г. оправдан вышестоящими судебными инстанциями. — *509.*

[309] Конференция представителей Англии, Франции и Испании в Орисабе (Мексика), состоявшаяся 9 апреля 1862 г., имела своей задачей наметить план дальнейших совместных действий трех держав в Мексике. Однако на ней выявились существенные разногласия между участниками интервенции. Представитель Франции заявил о своем отказе вести переговоры с мексиканским правительством и о разрыве прелиминарного мирного Договора, заключенного 19 февраля 1862 г. в Ла-Соледад. Английский и испанский уполномоченные, ссылаясь на вмешательство Франции во внутренние дела Мексики, заявили об отказе от дальнейшего участия в совместной интервенции. Вскоре после конференции в Орисабе английские и испанские войска были отозваны из Мексики. — *510.*

[310] Новый Орлеан был сдан 29 апреля 1862 г. вслед за падением фортов, прикрывавших подступы к городу со стороны Миссисипи. 1 мая войска северян вступили в город. Взятие Нового Орлеана, важного политического и военного центра рабовладельческой Конфедерации, явилось крупным военным успехом армии северян. — *511.*

[311] *Рейтер, Гавас, Вольф* — телеграфные агентства Англии, Франции и Германии. — *511.*

[312] *Сарагоса* прославилась героической обороной в период национально-освободительной борьбы испанского народа против наполеоновских войск, дважды (в 1808 и 1809 гг.) осаждавших этот город. Сарагоса пала лишь 21 февраля 1809 г. после второй осады, продолжавшейся два месяца.

Москва, сыгравшая большую роль в Отечественной войне 1812 г. русского народа против наполеоновского нашествия, стала символом общенационального сопротивления. 13 (1) сентября 1812 г. Москва была оставлена русскими войсками в целях сохранения армии и подготовки контрнаступления. Во время оккупации города французскими войсками в Москве начался пожар, продолжавшийся более 5 суток. — *511.*

[313] *Город Полумесяца* — распространенное название Нового Орлеана, старая часть которого расположена на крутом изгибе дельты Миссисипи. — *512.*

[314] Имеется в виду *«Daily Dispatch»* («Ежедневное сообщение»)—американская газета, орган южных рабовладельцев, издавалась в Ричмонде (штат Виргиния) с 1850 по 1883 год. — *513.*

[315] *«Day Book»* («Дневник») — американская газета, орган южных рабовладельцев; под данным названием издавалась в Норфолке (штат Виргиния) с 1857 по 1867 год. — *513.*

[316] Имеется в виду газета *«The Daily Intelligencer»* («Ежедневный осведомитель»), выходившая в Атланте (штат Джорджия) с 1854 по 1871 год; орган южных рабовладельцев. — *518.*

[317] Имеется в виду газета *«Daily Express»* («Ежедневный экспресс»), выходившая в Питерсберге (штат Виргиния) с 1852 по 1869 год; орган южных рабовладельцев. — *513.*

[318] Вступивший в силу 1 января 1808 г. закон о запрещении ввоза негров-рабов (см. примечание 189) сохранял работорговлю на территории Соединенных Штатов, которая велась между рабовладельческими штатами Юга и Юго-Запада, преимущественно в южных прибрежных городах страны. Запрещение ввоза негров-рабов извне сопровождалось расширением внутренней работорговли и превращением таких штатов Юга, как Мэриленд, Виргиния, Северная Каролина в штаты, содержавшие рабов для продажи. Законопроект, внесенный сенатором Самнером 2 мая 1862 г. отменял пункты закона 1808 г., регулирующие работорговлю на побережье США, и запрещал перевозку рабов из одного штата в другой. — *516.*

[319] *«Янки Дудль»* — американская песня, популярная на Севере в период Гражданской войны в США. — *519.*

[320] Речь идет о восстании 1848—1849 гг. на Ионических островах, находившихся с 1815 г. под протекторатом Англии. Национально-освободительное движение греческого населения Ионических островов было направлено против английского господства, за присоединение островов к Греции. Восстание было жестоко подавлено англичанами. — *522.*

[321] Имеется в виду, по-видимому, обсуждение биллей о лендлордах и арендаторах в Ирландии, неоднократно вносившихся в английский парламент. В этих биллях предусматривалось некоторое облегчение условий земельной аренды в Ирландии. В 1853 г. билли прошли через палату общин, однако встретили противодействие в палате лордов. В последующие годы они переходили из палаты в палату и подвергались различным изменениям, направленным на ограждение привилегий крупных землевладельцев. Однако и в таком урезанном виде билли встретили упорное сопротивление со стороны представителей лендлордов. В июле 1855 г. их обсуждение было снова отложено на неопределенное время. Оценку позиции обеих палат в отношении упомянутых биллей Маркс дал в статьях «Из парламента: предложение Булвера, ирландский вопрос» и «Отставка генерала Симпсона. — Из парламента» (см. настоящее издание, т. 11, стр. 374—377 и 508— 509). — *523.*

[322] *Сагунтинцы* — жители города Сагунт в древней Испании. В 219 г. до н. э. Сагунт, находившийся в союзе с Римом, подвергся нападению войск карфагенского полководца Ганнибала и после упорной восьмимесячной осады был ими взят. Жители города, отвергнувшие предложение о сдаче, подвергли себя самосожжению. — *523.*

[323] *Statute law* (статутное право) — нормы права, источником которых являются статуты — законодательные акты английского парламента. — *523.*

[324] После подавления национально-освободительного восстания 1798 г. в Ирландии английский парламент принял в 1801 г. по инициативе Каслри реакционные законы о введении военного положения в Ирландии и приостановке действия Habeas Corpus Act, согласно которому каждый приказ об аресте должен быть мотивирован. — *523.*

[325] *Coup d'etat* —бонапартистский государственный переворот во Франции 2 декабря 1851 года. Пальмерстон, бывший в то время министром иностранных дел Англии, одобрил в беседе с послом Франции в Лондоне узурпаторские действия Луи Бонапарта. Этот шаг Пальмерстон не согласовал с другими членами кабинета, что привело к его отставке в декабре 1851 г., хотя в принципе английское правительство не расходилось с точкой зрения Пальмерстона и первым в Европе признало бонапартистский режим во Франции. — *524.*

[326] 8 марта 1862 г. в бухте Хэмптон-Родс произошел бой между первым бронированным судном южан «Мэрримак» и состоявшей из деревянных судов флотилией северян. Во время боя были уничтожены фрегаты северян «Камберленд» и «Конгресс», остальные суда сильно повреждены. Подоспевший утром 9 марта броненосец северян «Монитор» после 4-часового боя обратил в бегство «Мэрримак». В отличие от последнего, артиллерийское вооружение «Монитора» размещалось в бронированной вращающейся башне, находившейся в центральной части судна. «Монитор» был построен по проекту инженера Эриксона. — *526.*

[327] Речь идет о широком увлечении спиритизмом в Европе, особенно в Германии, в начале 50-х годов XIX века.

В 1851 г. в Китае развернулось антифеодальное освободительное движение, принявшее характер мощной крестьянской войны. В ходе войны повстанцами было создано «Небесное государство великого благоденствия» («Тайпин тянь-го») с центром в Нанкине, откуда все движение и получило название Тайпинского движения. Тайпины уничтожали маньчжурских феодалов, господствовавших в Китае, отменяли налоги, ликвидировали крупную феодальную собственность. Восстание приобрело также характерную для крестьянского движения, особенно на Востоке, религиозную окраску. Тайнинская революция, положившая начало широкой борьбе китайского народа против феодального гнета и иноземных захватчиков, оказалась, однако, не в состоянии ликвидировать феодальный способ производства в Китае. В тайпинском государстве сформировалась своя феодальная верхушка, которая шла на компромисс с господствующими классами, что явилось одной из причин упадка движения. Основной удар революции был нанесен открытой интервенцией Англии, США и Франции, вооруженные силы которых вместе с войсками китайских феодалов подавили в 1864 г. тайпинское восстание. — *529.*

[328] Вторжение в начале XVII в. на территорию Китая маньчжурских племен привело к установлению в стране господства маньчжурской Цинской династии (1644—1911). — *529.*

[329] *«Опиумные» войны* — захватнические войны против Китая, которые вела Англия одна в 1839—1842 гг. и совместно с Францией в 1856— 1858 гг. и 1860 году. Поводом к так называемой первой «опиумной» войне послужило уничтожение китайскими властями в Кантоне запасов опиума, принадлежавшего английским купцам. Воспользовавшись поражением отсталого феодального Китая, английские колонизаторы по окончании первой «опиумной» войны навязали ему неравноправный Нанкинский договор (1842), предусматривавший открытие для английской торговли пяти китайских портов, переход острова Гонконг в «вечное владение» Англии и уплату Китаем огромной денежной контрибуции. По дополнительному договору 1843 г. Китай обязывался предоставлять иностранцам право экстерриториальности.

Вторая и третья «опиумные» войны (см. примечания 9 и 8) явились дальнейшим шагом на пути закабаления Китая и превращения его во 2-й половине XIX в. в зависимую полуколониальную страну. — *529.*

[330] Имеется в виду: «Correspondence relating to the Works under the Thames Embankment Bill, and to Plans for facilitating the Passage and Traffic or opening better Communication between Whitehall and Bridge Street». London, 1862 («Переписка относительно работ, проводимых в соответствии с биллем о сооружении набережной Темзы, а также проектов облегчения пешеходного и транспортного движения или улучшения сообщения между Уайтхоллом и Бридж-стрит». Лондон, 1862). — *533.*

[331] *Законы о беглых рабах* — см. примечание 185. — *541.*

[332] Имеется в виду обращение президента Линкольна 12 июля 1862 г. к представителям пограничных штатов в конгрессе США. В обращении предлагалось в целях скорейшего прекращения войны приступить в этих штатах к постепенному освобождению негров-рабов на основе компенсации рабовладельцев. — *541.*

[333] *Закон о гомстеде* (Homestead Act), принятый 20 мая 1862 г., являлся важнейшим мероприятием правительства Линкольна, означавшим демократическое решение аграрного вопроса. Согласно этому закону, каждый гражданин США или лицо, заявившее о желании стать таковым, после уплаты небольшого сбора в 10 долларов могли безвозмездно получить из государственного фонда 160 акров (65 *га)* земли. Земля переходила в полную собственность фермера, если он обрабатывал ее в течение 5 лет, или раньше этого срока, при условии уплаты 1,25 долларов за акр. Изданный под давлением народных масс закон о гомстеде явился одной из революционных мер, вызвавших перелом в ходе войны в пользу Севера. — *542.*

[334] Речь идет о федеральном округе *Колумбия,* куда входят выделенные в самостоятельную административную единицу столица США Вашингтон и его пригороды. Требование отмены рабства в столице США являлось одним из основных требований антирабовладельческих сил со времени войны за независимость 1775—1783 годов. Законом от 16 апреля 1862 г. освобождались 3 тысячи негров на условиях, предусмотренных законом о компенсации. Согласно этому закону, правительство обязывалось уплатить владельцу за каждого освобождаемого раба возмещение в 300 долларов. — *542.*

[335] *Либерия* — республика в Западной Африке, образовавшаяся в 1847 г. из поселений, основанных Американским колонизационным обществом в целях эмиграции из США свободных негров.

Гаити — формально независимое государство в западной части острова Гаити, с 1859 г. — республика.

Установление в июне 1862 г. дипломатических отношений с негритянскими республиками Либерией и Гаити, уже признанными к этому времени другими державами, было победой аболиционистов. Вместе с тем, дипломатическое признание Либерии и Гаити имело своей целью поощрить эмиграцию негров из США в эти страны. Создание колоний освобожденных негров вне пределов США являлось одним из пунктов программы Линкольна, против которого резко выступали представители революционного крыла аболиционистов. — *543.*

[336] «*The Evening Post*» («Вечерняя почта») — американская ежедневная газета, под данным названием выходила в Нью-Йорке в 1801—1934 годах; в конце 40-х и в 50-ые годы поддерживала требования фрисойлеров, с 1856 г. — орган республиканской партии; с 1934 г. выходит под названием «The Post» («Почта»). — *544.*

[337] В письме к епископу Дургамскому 4 ноября 1850 г. Рассел, в то время премьер-министр, лицемерно выступил в качестве мнимого защитника протестантизма против «узурпаторских действий» папы Пия IX, издавшего эдикт о назначении католических епископов и архиепископа в Англии. По этому вопросу см. памфлет Маркса «Лорд Джон Рассел» (настоящее издание, т. 11, стр. 401—426).

В письме английскому посланнику в Турине Хадсону от 27 октября 1860 г. министр иностранных дел Рассел, вопреки позиции России, Франции, Австрии и Пруссии, одобрил присоединение Южной Италии к Сардинскому королевству и действия Виктора-Эммануила II, использовавшего революционное движение итальянского народа в своих

династических целях. В письме также утверждалось, что народы имеют право в любое время смещать свои правительства. Это заявление, направленное против Наполеона III, вместе с тем задевало и самый монархический принцип правления, которому верно служил лорд Рассел. — *545.*

[338] *«Mark-Lane Express»* — сокращенное название еженедельника *«The Mark-Lane Express and Agricultural Journal»* («Вестник хлебной биржи и сельскохозяйственная газета»); орган торговых кругов; под данным названием издавался в Лондоне с 1832 по 1924 год. — *545.*

[339] Семидневное сражение на подступах к Ричмонду (25 июня — 1 июля 1862 г.) у реки Чикахомини, имевшей труднопроходимые болотистые берега, закончилось отступлением армии северян под командованием Мак-Клеллана. — *549.*

[340] *«Allgemeine Militar-Zeitung»* («Всеобщая военная газета») — немецкая газета по военным вопросам, орган Общества немецких офицеров и военнослужащих; издавалась с 1826 по 1902 г. в Дармштадте и Лейпциге. В 1860—1864 гг. в газете сотрудничал Энгельс. За это время в «Allgemeine Militar-Zeitung» были опубликованы статьи Энгельса «Смотр английских стрелков-волонтеров», «Смотр волонтеров в Англии» и «Военные силы Англии против Германии». Статьи Энгельса публиковались редакцией, как правило, с корреспондентским значком «F. E.». — *556.*

[341] Речь идет о событиях, связанных с походом Гарибальди в июле — августе 1862 г. для освобождения Рима от власти папы и французских оккупантов. Во время перестрелки с королевскими войсками у Аспромонте 29 августа тяжело раненный Гарибальди был взят в плен и подвергнут длительному аресту. Позорная расправа Виктора-Эммануила II с народным героем Италии вызвала широкую волну протеста в странах Европы, в частности в Англии. — *558.*

[342] Имеется в виду вторая всемирная промышленная выставка, происходившая в Лондоне с мая по ноябрь 1862 года. — *561.*

[343] *«Newcastle Journal»* -— сокращенное название английской консервативной газеты «Newcastle Daily Journal» («Ньюкаслская ежедневная газета»), основанной в 1832 г. и выходившей под данным названием с 1861 по 1920 год. — *565.*

[344] Имеется в виду отставка кабинета Пальмерстона в феврале 1858 г. в связи с отклонением палатой общин внесенного им билля о заговорах (см. примечание 281). Поводом к внесению билля явилось покушение на Наполеона III, совершенное 14 января 1858 г. итальянским революционером Орсини, проживавшим до этого в Лондоне. — *566.*

[345] Речь идет о массовом подъеме чартистского движения летом и осенью 1842 г. в связи с обострением экономического кризиса в Англии весной 1842 года. В начале августа 1842 г. в Стейлибридже (близ Манчестера) вспыхнула забастовка, охватившая вскоре основные промышленные районы страны. Начавшись с экономических требований, стачка быстро переросла в политическую и проходила под лозунгом борьбы

за Хартию. Только с помощью регулярных войск правящим классам удалось расправиться со стачечниками. После неудачи стачки в Стейлибридже, за которой последовали правительственные репрессии, чартистское движение временно пошло на убыль. Этому способствовало также некоторое оживление в промышленности, начавшееся в 1843 году. Подробное описание этих событий содержится в работе Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 454—457). — *566.*

[346] Наступление конфедератов в штате Мэриленд, начавшееся 4 сентября 1862 г., закончилось их поражением при Антитам-Крике 17 сентября. — *568.*

[347] Вторгнувшиеся 12 сентября 1862 г. в штат Кентукки войска коп-федератов были разбиты северянами в сражении у Перривилла 8 октября. — *568.*

[348] *«Великанами Запада»* Маркс называет фермерское население западных штатов США, именовавшихся в XIX в. Великим Западом (The great West); фермеры Запада сыграли решающую роль в борьбе против рабства в период Гражданской войны 1861—1865 годов. — *569.*

[349] Прокламация об освобождении, обнародованная Линкольном 22 сентября 1862 г., объявляла свободными с 1 января 1863 г. негров-рабов, принадлежавших южным плантаторам — участникам мятежа. Одновременно всем неграм было предоставлено право служить в армии и флоте. Освобождение негров, проведенное после ряда военных неудач и под давлением народных масс, ознаменовало переход Севера к революционной войне. Вместе с тем, освобождение без земли при сохранении на Юге господствующего положения плантаторов не избавляло негров от беспощадной эксплуатации со стороны прежних рабовладельцев и от варварской расовой дискриминации.— *570.*

[350] Маркс, по-видимому, имеет в виду мысль, высказанную Гегелем в «Лекциях по эстетике», кн. III, параграф «Принцип трагедии, комедии и драмы». См. G. W. F. Hegel. Werke, Bd. X, Abt. III, Berlin, 1838, S. 526—540 (Г. В. Ф. Гегель. Сочинения, т. X, ч. III, Берлин, 1838, стр. 526—540). — *571.*

[351] Речь идет о революционных событиях в Греции, начавшихся в феврале 1862 года. Движение было вызвано крайне тяжелым экономическим положением, создавшимся вследствие англо-французской оккупации Греции в 1854—1857 годах. Во главе борьбы, направленной против засилья иностранцев в экономике и политической жизни страны, стояла национальная буржуазия. 22 октября 1862 г. в Афинах восстал гарнизон, к которому присоединилось все население города. Образовавшееся тогда же временное правительство объявило о низложении короля Оттона Баварского. В дальнейшем, однако, английскому правительству удалось, используя слабость греческой буржуазии, вновь навязать греческому народу своего ставленника — датского принца Вильгельма под именем Георга I.

Банкротство Вейяра, французского предпринимателя, связанного с комитетом по организации всемирной промышленной выставки в Лондоне (см. примечание 342), стало известно в сентябре 1862 г.,

незадолго до закрытия выставки, и сделалось одним из объектов газетной шумихи. — *572.*

[352] Имеется в виду Синяя книга: «Report addressed to Her Majesty's principal Secretary of State for the Home Department, relative to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers». London, 1862 («Доклад, направленный министру внутренних дел ее величества по поводу жалоб, поданных пекарями-поденщиками». Лондон, 1862). Составлено Х. С. Трименхиром. — *573.*

[353] 3 октября 1862 г. войска южан под командованием генералов Прайса и Ван-Дорна атаковали позиции северян у Коринта. Двухдневное сражение закончилось разгромом и отступлением конфедератов. — *580.*

[354] Речь идет о неудачной попытке конфедератов в октябре 1862 г. вернуть Нашвилл, потерянный ими в феврале 1862 года. — *580.*

[355] Имеется в виду выступление Гладстона в Ньюкасле 7 октября 1862 г., в котором он заявил, что южане «создали не только армию и флот, но и нацию, что является более важным». — *582.*

[356] Речь идет о выборах в палату представителей конгресса, состоявшихся в северных штатах 4 ноября 1862 г., и об одновременных выборах губернатора штата Нью-Йорк. Республиканцы, хотя и одержали победу в большинстве северных штатов, тем не менее потеряли значительное число голосов по сравнению с предыдущими выборами за счет Нью-Йорка, а также штатов Северо-Запада, голосовавших за демократов. Губернатором штата Нью-Йорк был избран один из лидеров демократической партии Сеймур. — *583.*

[357] *Виги* — партия в США, представлявшая главным образом интересы промышленной и торговой буржуазии, к которой примыкала также часть плантаторов. Партия вигов существовала с 1834 по 1852 г., когда обострение борьбы по вопросу о рабстве вызвало раскол и перегруппировку в политических партиях страны. Большинство вигов вместе с частью демократической партии и партией фрисойлеров (см. примечание 186) образовали в 1854 г. республиканскую партию, выступавшую за ограничение рабства. Остальная часть вигов примкнула к демократической партии, защищавшей интересы плантаторов-рабовладельцев. — *584.*

[358] Имеется в виду обращение французского правительства 31 октября 1862 г. к дипломатическим представителям Англии и России с предложением о совместном выступлении трех держав с целью временного прекращения военных действий, снятия блокады и открытия южных портов США для европейской торговли. Предложение Наполеона III о вмешательстве во внутренние дела Соединенных Штатов было отклонено 8 ноября (27 октября) 1862 г. Россией, а затем и английским правительством. — *585.*

[359] Во время вторжения в Мэриленд войска южан под командованием Джэксона захватили 15 сентября 1862 г. важный населенный пункт на берегу реки Потомак — Харнорс-Ферри с 10-тысячным гарнизоном и большим арсеналом. — *587.*

[360] *«Алабама»* — крейсер, построенный и снаряженный в Англии по заказу Конфедерации. 23 июня 1862 г., вскоре после спуска судна на воду, посланник США в Лондоне Адамс заявил английскому правительству протест по поводу постройки и военного снаряжения «Алабамы». Тем не менее, английское правительство дало возможность кораблю отплыть на Азорские острова, где он получил вооружение. За два года (1862—1864) крейсер уничтожил около 70 судов североамериканского флота. Переговоры с английским правительством о возмещении ущерба, причиненного «Алабамой» и другими каперскими судами, построенными в Англии, продолжались до 1872 г. и закончились подписанием соглашения об уплате Англией США 15,5 млн. долларов. — *590.*

[361] Заявление Маркса в редакцию «Berliner Reform» было написано в связи с появлением в этой газете 10 апреля 1863 г. заметки, в которой в неправильном свете изображались переговоры Маркса с Лассалем о совместном издании газеты во время пребывания Маркса в Берлине весной 1861 года.

«Berliner Reform» («Берлинская реформа») — ежедневная газета немецких мелкобуржуазных демократов, издавалась в Берлине в 60-х годах XIX века. — *593.*

[362] Воззвание о Польше было написано Марксом по поручению лондонского Просветительного общества немецких рабочих, организовавшего комитет по сбору средств в помощь участникам польского восстания 1863—1864 годов.

Просветительное общество немецких рабочих было основано в Лондоне в феврале 1840 г. К. Шаппером, И. Моллем и другими деятелями Союза справедливых. После организации Союза коммунистов руководящая роль в Обществе принадлежала местным общинам Союза. Активное участие в деятельности Общества в 1847 и 1849— 1850 гг. принимали Маркс и Энгельс. 17 сентября 1850 г. Маркс, Энгельс и ряд их сторонников вышли из Общества в связи с тем, что в борьбе между руководимым Марксом и Энгельсом большинством Центрального комитета Союза коммунистов и сектантско-авантюристским меньшинством (фракцией Виллиха—Шаппера) Общество стало на сторону меньшинства. С конца 50-х годов Маркс и Энгельс вновь приняли участие в деятельности Просветительного общества. Общество продолжало существовать до 1918 г., когда оно было закрыто английским правительством. В XX веке Общество посещали многие русские политические эмигранты. — *596.*

[363] Речь идет о Центральном национальном комитете, возглавившем в январе 1863 г. освободительное восстание в польских землях, принадлежавших царской России. Восстание 1863—1864 гг. было вызвано усилением классовых и национальных противоречий в Королевстве Польском и направлено против гнета царского самодержавия. Состоявший из мелкобуржуазных и мелкошляхетских элементов Национальный комитет провозгласил в начале восстания программу борьбы за национальную независимость Польши, а также ряд требований аграрно-демократического характера. В мае 1863 г. комитет принял название Национального правительства («Жонд народовый»). Однако ввиду непоследовательности и нерешительности повстанческого правительства, не посмевшего посягнуть на привилегии крупных землевладельцев, основная масса крестьянства не примкнула к восстанию. Это явилось одной из главных причин поражения восстания, по-

давленного царским правительством в основном к осени 1863 года. Борьба отдельных повстанческих отрядов продолжалась до конца 1864 года. — *596.*

[364] О разделах Польши см. примечание 43. — *596.*

[365] В 1831 и 1832 гг. почти во всех государствах Германского союза усилились оппозиционные настроения под влиянием июльской революции 1830 г. во Франции и польского восстания 1830—1831 годов. 27 мая 1832 г. у замка Гамбах в баварском Пфальце состоялась крупная политическая манифестация, организованная представителями немецкой либеральной и радикальной буржуазии. Наряду с выдвижением требования конституционных преобразований и национального единства Германии, участники празднества выразили свою солидарность с борющимся польским народом, водрузив польское национальное знамя. — *596.*

[366] О *Национальном союзе* см. примечание 79. — *597.*

[367] Имеется в виду война Пруссии и Австрии против Дании в 1864 г., закончившаяся поражением Дании. Согласно мирному договору, заключенному в Вене 30 октября 1864 г., Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург были объявлены совместным владением Австрии и Пруссии. — *598.*

[368] Имеется в виду заявление Пальмерстона в палате общин 23 июля 1863 г. в связи с обострением конфликта между Данией и Германским союзом из-за немецких герцогств Шлезвига и Гольштейна, находившихся под верховной властью датского короля. Пальмерстон заявил, что если Германия сделает какую-либо попытку нарушить неприкосновенность Дании, то ей придется иметь дело не с одной только Данией. Выступление Пальмерстона имело своей целью лишь успокоение общественного мнения в Англии, требовавшего от английского правительства выполнения своих обязательств в соответствии с Лондонским протоколом от 8 мая 1852 г. о целостности Датской монархии (см. примечание 169). — *601.*

[369] Рукопись настоящей статьи дошла до нас в неполном виде. Отсутствуют конец первой и начало второй частей (страницы 5 и 6 рукописи), а также конец второй части (страница 9). Как свидетельствует корреспондентский значок «F. E.», с которым статьи Энгельса печатались в немецкой «Allgeineine Militar-Zeitung», статья «Кинглек о сражении на Альме» предназначалась Энгельсом для публикации в этой газете. Однако рукопись статьи осталась незаконченной и не была отослана им в редакцию. — *609.*

[370] Имеются в виду первые два тома книги; A. W. Kinglake. «The Invasion of the Crimea; its Origin, and an Account of its Progress down to the Death of Lord Raglan». Edinburg and London, 1863 (А. У. Кинглек. «Вторжение в Крым; начало вторжения и его дальнейшее развитие вплоть до смерти лорда Раглана». Эдинбург и Лондон, 1863). Книга вышла в восьми томах. — *609.*

[371] Как это видно из предисловия Кинглека к его книге, речь идет о воспоминаниях русских генералов, участников сражения на Альме.

Эти воспоминания, ранее опубликованные в русской печати, были предоставлены Кинглеку в рукописном английском переводе неизвестным русским офицером. Кинглек использует в своей книге следующие мемуары:

О. Квицинский. «Еще новые подробности о сражении при Альме. Письмо редактору «Русского инвалида»». — «Русский инвалид» № 84, 12 апреля 1856 года;

П. Горчаков. «Замечания на статью: «Еще новые подробности о сражении при Альме», помещенную в № 84-м «Русского инвалида»». — «Русский инвалид» № 101, 8 мая 1856 года;

В. Кирьяков. «Новые подробности о сражении при Альме». — «Русский инвалид» № 136, 21 июня 1856 года. — *609.*

[372] 20 (8) сентября 1854 г. на реке *Альме* произошло первое крупное сражение Крымской войны 1853—1856 гг. между русской армией и англо-французскими союзными войсками. Сражение было выиграно армией союзников, имевших на своей стороне, помимо численного перевеса, ряд военно-технических преимуществ. Несмотря на ошибки, допущенные русским командованием, союзники понесли в этом сражении значительные потери в результате контратак русских войск. — *609.*

[373] Anitschkof. «Der Feldzug in der Krim». Erster Theil, Berlin, 1857 (перевод с русского издания: Аничков. «Военно-исторические очерки Крымской экспедиции». Часть первая, Санкт-Петербург, 1856). — *610.*

[374] Имеется в виду книга: R. Hodasevich [Chodasiewicz]. «A Voice from within the Walls of Sebastopol» (Р. Ходасевич. «Голос из осажденного Севастополя»), изданная в Лондоне в 1856 году. — *611.*

[375] A. F. Haxthausen. «Studien uber die innern Zustande, das Volksleben und insbesondere die landlichen Einrichtungen Ruslands». Dritter Theil, Berlin, 1852, S. 255—292 (А. Ф. Гакстгаузен. «Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России». Часть III, Берлин, 1852, стр. 255—292). — *611.*

[376] «Atlas historique et topographique de la guerre d'Orient, en 1854, 1855 et 1856». [Paris], 1859 («Исторический и топографический атлас Восточной войны, 1854, 1855 и 1856 годы». [Париж], 1859). — *614.*

[377] Речь идет о донесениях главнокомандующего французской армией в Крыму маршала Сент-Арно Наполеону III и военному министру от 21 и 22 сентября 1854 г., опубликованных в газете «Moniteur universel» 7 и 8 октября 1854 года.

Bazancourt. «L'expedition de Crimee jusqu'a la prise de Sebastopol» (Базанкур. «Крымская экспедиция до взятия Севастополя»). Первое издание в 2-х томах вышло в 1856 году. — *616.*

[378] Рукопись статьи Ф. Энгельса «Английская армия» дошла до нас, как и рукопись предыдущей статьи, в неполном виде — отсутствует конец рукописи. Наличие корреспондентского значка «F. E.» свидетельствует о том, что данная статья также предназначалась для газеты «Allgemeine Militar-Zeitung». — *627.*

[379] Имеется в виду книга: M. Petrie. «Strength, Composition and Organization of the Army of Great Britain». London, 1863 (М. Питри.

«Численность, состав и организация армии Великобритании». Лондон, 1863). — *627.*

[380] Система продажи патентов на офицерские чины возникла в Англии в конце XVII в. и получила затем королевскую санкцию. Она просуществовала до 1871 г., обеспечивая монопольное положение английской аристократии в армии. — *629.*

[381] Имеются в виду начавшиеся в 1843 г. войны английских колонизаторов против коренного населения Новой Зеландии — маори. Во время этих войн маори нанесли английским колониальным войскам ряд поражений. Только к 1872 г. англичанам, истребившим большую часть коренного населения, удалось оттеснить маори в наименее плодородные части островов, где они были обречены на голод и вымирание. — *629.*

[382] *Олдершотский лагерь* — постоянный военный лагерь в 75 *км* от Лондона, созданный в 1855 г. для обучения солдат английской армия в связи с Крымской войной. — *629.*

[383] *Сандхерстская школа* — военное училище в Сандхерсте, в 78 *км* от Лондона, основанное в 1802 г. и готовившее офицеров для службы в пехоте и кавалерии. — *630.*

[384] *Французский иностранный легион* — учрежденное в 1831 г. наемное военное формирование, предназначавшееся для использования в колониальных войнах и для подавления революционного движения в метрополии. Иностранный легион формировался главным образом из деклассированных и уголовных элементов из числа иностранцев, проживавших во Франции, однако офицерские должности в нем могли занимать только французы. Иностранный легион принимал участие в военных действиях в Алжире и в Крыму; в 1871 г. использовался версальцами против Парижской Коммуны. — *640.*

[385] Согласно прусской военной системе, существовавшей в XIX в., рядовой состав армии делился на несколько категорий. Солдаты, совершившие дисциплинарные проступки, переводились из первой во вторую категорию, где могли применяться телесные наказания. — *643.*

[386] Публикуемые в приложениях прошения Маркса о восстановлении в прусском подданстве были написаны по его просьбе Ф. Лассалем во время пребывания Маркса в Берлине весной 1861 г. и подписаны самим Марксом. Ходатайство Маркса было отклонено полицейпрезидентом Берлина, а затем, в ноябре того же года, министром внутренних дел Пруссии. — 647.

[387] «*Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie*» («Новая Рейнская газета. Орган демократии») выходила ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года. В состав редакции входил Энгельс, а также В. Вольф, Г. Веерт, Ф. Вольф, Э. Дронке, Ф. Фрейлиграт и Г. Бюргерс.

Боевой орган пролетарского крыла демократии, «Neue Rheinische Zeitung» играла роль воспитателя народных масс, поднимала их на борьбу с контрреволюцией. Передовые статьи, определявшие позицию газеты по важнейшим вопросам германской и европейской революции, писались, как правило, Марксом и Энгельсом.

Решительная и непримиримая позиция газеты, ее боевой интернационализм, появление на ее страницах политических обличений, направленных против прусского правительства и против местных кёльнских властей, — все это уже с первых месяцев существования «Neue Rheinische Zeitung» повлекло за собой травлю газеты со стороны феодально-монархической и либерально-буржуазной печати, а также преследования со стороны правительства, особенно усилившиеся после контрреволюционного переворота в Пруссии в ноябре — декабре 1848 года.

Несмотря на все преследования и полицейские рогатки, «Neue Rheinische Zeitung» мужественно отстаивала интересы революционной демократии, интересы пролетариата. В мае 1849 г., в обстановке всеобщего наступления контрреволюции, прусское правительство, воспользовавшись тем, что Маркс не получил прусского подданства, отдало приказ о высылке его из пределов Пруссии. Высылка Маркса и репрессии против других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» послужили причиной прекращения выхода газеты. Последний, 301-й номер «Neue Rheinische Zeitung», напечатанный красной краской, вышел 19 мая 1849 года. В прощальном обращении к рабочим редакторы газеты заявили, что «их последним словом всегда и всюду будет освобождение рабочего класса!». — *648.*

[388] *«Deutsch-f'ranzosische Jahrbucher»* («Немецко-французский ежегодник») издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 года. В нем были опубликованы произведения К. Маркса: «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение», а также произведения Ф. Энгельса: «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»» (см. настоящее издание, том 1, стр. 382—413, 414—429, 544—571, 572—597). Эти работы знаменуют окончательный переход Маркса и Энгельса к материализму и коммунизму. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге. — *652.*

[389] См. статью «Маркс и прусское подданство» (настоящее издание, т. 5, стр. 407—410). — *658.*

[390] Имеется в виду *Германский Союзный акт,* принятый Венским конгрессом 8 июня 1815 года; на основании этого акта многочисленные немецкие государства формально были объединены в так называемый Германский союз (см. примечание 21). — *663.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(январь 1860—сентябрь 1864)

1860

Январь — начало февраля Маркс продолжает работу над вторым выпуском «К критике политической экономии», посвященным исследованию проблем капитала. В связи с этим он часто посещает Британский музей, где изучает отчеты фабричных инспекторов за 1855—1859 гг., произведения буржуазных экономистов Смита, Кенэ, Тюрго и др., а также перечитывает «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса.

Январь—февраль Энгельс работает над вопросами теории и практики военного дела, изучает историю создания и развития различных видов оружия.

11—26 января Маркс и Энгельс продолжают внимательно следить за назреванием революционного кризиса в США и в России. В письме к Энгельсу Маркс подчеркивает, что борьба негров-рабов в Америке за уничтожение рабства и движение за отмену крепостного права в России являются самыми важными событиями современности.

17 января Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркской ежедневной трибуны») статью «Положение во Франции», в которой разоблачает новые маневры правительства Луи Бонапарта в области экономической политики; статья публикуется в газете 7 февраля.

27, 28 января и 11 февраля В написанных для «New-York Daily Tribune» статьях «Английская политика», «Новый договор между Францией и Англией» и «Английский бюджет» Маркс показывает антинародную сущность внутренней и внешней политики английского правительства; статьи публикуются в газете 14 и 25 февраля.

Около 30 января

Энгельс пишет статью «Савойя и Ницца», в которой вскрывает несостоятельность притязаний Наполеона III на эти итальянские провинции. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 21 февраля в качестве передовой.

Конец января — начало февраля

В связи с выходом в свет клеветнической брошюры бонапартистского агента Карла Фогта «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»» Маркс начинает собирать документальный материал для написания памфлета против Фогта. С этой целью он просматривает все имеющиеся у него письма и газеты за время с 1848 по 1859 г., а также обращается к ряду представителей революционной эмиграции — Шапперу, В. Вольфу, Лелевелю, Боркхейму, Имандту и другим — с просьбой прислать материалы, изобличающие Фогта.

Энгельс пишет статью «Военная реформа в Германии», в которой высмеивает педантизм и парадную муштру, господствовавшие в армиях немецких государств. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 20 февраля в качестве передовой.

Первая половина февраля

Маркс получает от своих друзей и соратников многочисленные письма с выражением возмущения клеветой Фогта, а также материалы, разоблачающие Фогта.

3 февраля

Энгельс просматривает все имеющиеся у него документы за 1850—1852 гг., необходимые для разоблачения Фогта.

4—20 февраля

Энгельс работает над брошюрой «Савойя, Ницца и Рейн», являющейся продолжением его брошюры «По и Рейн»; в ней он вновь обосновывает позицию пролетарских революционеров в вопросе о национальном воссоединении Италии и Германии. Брошюра выходит в свет анонимно в Берлине в начале апреля.

6 февраля

Маркс по специальному приглашению, в знак уважения к его заслугам в деле развития коммунистических принципов, присутствует на праздновании годовщины основания лондонского Просветительного общества немецких рабочих. Собрание единодушно принимает резолюцию, осуждающую измышления Фогта.

Маркс пишет для опубликования в немецкой прессе заявление, в котором сообщает о своем намерении привлечь к суду берлинскую «National-Zeitung» («Национальную газету»), поместившую в двух передовых статьях выдержки из клеветнической брошюры Фогта и краткое изложение ее содержания. Заявление появляется в «Kolnische Zeitung» («Кёльнской газете»), берлинских газетах «Volks-Zeitung» («Народная газета») и «Publicist» («Публицист»), гамбургской газете «Die Reform» («Реформа») и аугсбургской «Allgenieine Zeitung» («Всеобщей газете»).

13 февраля — 27 марта	Маркс ведет переписку с советником юстиции Вебером по поводу процесса против «National-Zeitung», посылает ему в Берлин обвинительный материал против редактора «National-Zeitung» Цабеля, а также ряд других документов и материалов, необходимых для процесса.
16 февраля — 25 марта	Маркс находится в Манчестере у Энгельса. Вместе с В. Вольфом они обсуждают план выступления против Фогта в печати. С этой же целью Маркс перечитывает письма и документы, относящиеся к деятельности Фогта и других представителей мелкобуржуазной демократии, ведет обширную переписку о присылке необходимого материала.
Март — апрель	Энгельс пишет большую статью «О нарезной пушке», которая публикуется в «New-York Daily Tribune» 7, 21 апреля и 5 мая.
Начало марта	Энгельс обращается к Лассалю с просьбой оказать помощь в устройстве на работу недавно вышедшему из тюрьмы Нотъюнгу (осужден на кёльнском процессе коммунистов в 1852 году).
23 марта — 6 апреля	В связи со смертью отца Энгельс находится в Бармене.
9 апреля — 24 июля	Получив письмо от бывшего члена Союза коммунистов И. Вейдемейера с просьбой подыскать европейских корреспондентов для газеты «Die Stimme des Volks» («Голос народа»), которая должна издаваться «Рабочим обществом» в Чикаго, Маркс обращается к представителям революционной эмиграции в Англии, Франции и Швейцарии — Либкнехту, Боркхейму, И. Ф. Беккеру, Ломмелю, а также к Лассалю в Германии с просьбой посылать корреспонденции в газету; переписывается с Вейдемейером относительно издания газеты.
10 апреля	Маркс пишет статью «Настроения в Берлине», в которой отмечает усиление революционного брожения во всех слоях немецкого народа. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 28 апреля.
Середина апреля — 2 июня	Маркс по просьбе венгерского политического деятеля Семере знакомится с его брошюрой «Венгрия в 1848— 60 годах», посвященной вопросу о путях восстановления независимости Венгрии; в письме к Семере по поводу брошюры Маркс резко критикует его за апологию Бонапарта и Пальмерстона.
18 апреля — 5 октября	Поданный от имени Маркса иск против редактора «National-Zeitung» Цабеля с обвинением его в клевета отклоняется берлинской прокуратурой в первой и второй инстанции, берлинским городским судом, а также апелляционным судом и верховным судом.

Конец апреля — начало мая	В связи с восстанием в Палермо и подъемом национально-освободительного движения в Италии Маркс пишет статью, в которой отмечает неутомимую борьбу населения Сицилии на протяжении всей ее истории против иностранного гнета. Статья под заглавием «Сицилия и сицилийцы» публикуется в «New-York Daily Tribune» 17 мая в качестве передовой.
Май — ноябрь	Работая над памфлетом против Фогта, Маркс изучает политическую и дипломатическую историю XIX в., делает выписки из книг, а также газет и парламентских отчетов по вопросам внешней политики Наполеона III.
Начало мая	Маркс посылает в «New-York Daily Tribune» две корреспонденции о внутриполитическом положении в Пруссии. Обе корреспонденции публикуются в газете 19 мая под заглавием «Приготовления к будущей войне Наполеона на Рейне».
10 мая	Энгельс сообщает Марксу об условиях своей дальнейшей работы в фирме Г. Эрмен и Энгельс после смерти отца.
Около 12—25 мая	Получив известие о тяжелой болезни матери, Энгельс выезжает в Бармен. На обратном пути в Манчестер останавливается на короткое время у Маркса в Лондоне.
Середина мая	Маркс получает письмо от русского писателя Н. П. Сазонова с выражением глубокого возмущения клеветой Фогта. Отмечая большое значение вышедшей в 1859 г. книги Маркса «К критике политической экономии» для развития экономической мысли, Сазонов сообщает о том, что один из профессоров Московского университета изложил содержание этой книги в специальной лекции.
28 мая — около 7 июня	Маркс и Энгельс следят за развертыванием национально-освободительного движения в Италии, освещая в печати его основные этапы. Статья Маркса о походе отряда Гарибальди публикуется в «New-York Daily Tribune» 14 июня, статья Энгельса «Гарибальди в Сицилии» публикуется в той же газете 22 июня в качестве передовой.
2 *июня*	Маркс в письме к Лассалю в связи с характеристикой внешнеполитической позиции сторонников английского политического деятеля Д. Уркарта формулирует некоторые тактические принципы пролетарских революционеров по отношению к временным союзникам из буржуазного лагеря.
13 июня	Маркс пишет статью «Интересные вести из Пруссии», посвященную предстоящей конференции немецких государей с участием Наполеона III. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 30 июня.

Около 19 июня — Маркс посещает немецкого публициста Боркхейма и рекомендует ему написать ответ на брошюру бонапартиста Абу «Пруссия в 1860 году»; в последующие месяцы Маркс дает ряд советов Боркхейму относительно содержания его работы и просматривает ее в корректуре.

Около 25 июня — Энгельс пишет статью «Английские волонтерские войска», в которой характеризует классовый состав волонтерской армии. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 11 июля в качестве передовой.

Конец июня, 10 и 14 июля — Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Британская торговля» и две статьи под названием «Состояние британской фабричной промышленности», в которых на основе анализа отчетов фабричных инспекторов за первое полугодие 1860 г. показывает усиление эксплуатации рабочего класса в Англии. Первая статья публикуется в газете 16 июля в качестве передовой, две другие статьи публикуются 6 и 24 августа.

23 июля — Маркс пишет статью о разрыве Гарибальди с Кавуром. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 8 августа под заглавием «Интересные новости из Сицилии. — Ссора Гарибальди с Лафариной. — Письмо Гарибальди».

Около 24 июля и конец июля — В связи с агрессивными планами бонапартистской Франции Энгельс пишет статьи «Оборона Британии» и «Может ли Лондон стать добычей французов?», в которых анализирует официальные планы обороны Англии. Статьи публикуются в «New-York Daily Tribune» 10 и 11 августа в качестве передовых.

28 июля — 3 августа — Маркс посылает в «New-York Daily Tribune» статью о волнениях в Сирии и статью «Русско-французский союз», в которых подчеркивает, что обострение внутренних противоречий заставляет правящие круги Франции и России искать выход в войне. Статьи публикуются 11 и 16 августа.

7 августа — Маркс пишет статью «Пошлины на бумагу. — Письмо императора», в которой анализирует антидемократическую процедуру принятия законопроектов в английском парламенте. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 22 августа.

8 августа — Энгельс пишет статью «Гарибальдийское движение», в которой дает высокую оценку боевых качеств революционных войск Гарибальди; наряду с этим он показывает антинародный характер королевской неаполитанской армии. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 23 августа.

11 августа — Энгельс присутствует на смотре стрелков-волонтеров в Ньютоне и получает от редакторов английского

военного журнала «The Volunteer Journal, for Lancashire and Cheshire» («Волонтерский журнал Ланкашира и Чешира») Нодла и Холла предложение написать статью о смотре стрелков-волонтеров в Ньютоне.

14 августа — 8 сентября Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» четыре статьи по экономическим вопросам. Статьи «Новый сардинский заем. — Предстоящие французский и индийский займы», «Урожай в Европе», «Хлебные цены. — Европейские финансы и военные приготовления. — Восточный вопрос» и «Британская торговля» публикуются в газете 28 августа, 6, 10 и 29 сентября.

16 августа Энгельс пишет статью «Больной человек Австрии», в которой отмечает реакционность внутренней и внешней политики австрийского императора, а также рост революционных сил в Австрийской империи. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 1 сентября в качестве передовой.

Около 24 августа Энгельс пишет статью «Смотр английских стрелков-волонтеров» и отсылает ее в редакцию дармштадтской «Allgemeine Militar-Zeitung» («Всеобщей военной газеты»), которая публикует статью 8 сентября. Английский перевод статьи Энгельс посылает в «Volunteer Journal», где она публикуется 14 сентября со вступительными замечаниями редакции под заглавием «Отчет в немецкой газете о смотре в Ньютоне».

Начало сентября Энгельс пишет две статьи об успехах революционных войск в Южной Италии — «Продвижение Гарибальди» и «Гарибальди в Калабрии», которые публикуются в «New-York Daily Tribune» 21 и 24 сентября в качестве передовых.

Середина сентября — середина октября Энгельс пишет статью «Французская легкая пехота», которая публикуется в «Volunteer Journal» 21 сентября, 5 и 20 октября.

17 и 27 сентября Маркс пишет две статьи, в которых анализирует внешнюю политику Франции и России, а также останавливается на предпосылках революционного объединения Италии и Германии. Статьи «Россия использует Австрию. — Варшавский конгресс» и «Положение дел в Пруссии. — Пруссия, Франция и Италия» публикуются в «New-York Daily Tribune» 10 и 15 октября.

Первая половина октября — конец ноября Энгельс пишет для «Volunteer Journal» две статьи под названием «Артиллерия волонтеров» и «Волонтеры-саперы, их значение и область их деятельности», посвященные вопросам организации артиллерийских и инженерных войск волонтеров. Статьи публикуются в журнале 13 октября, 24 ноября и 1 декабря.

Около 15 октября	Энгельс получает от редакции «Allgemeine Militar-Zeitung» предложение о постоянном сотрудничестве в газете.
23 октября	В связи с реорганизацией прусской армии Маркс пишет статью «Приготовления к войне в Пруссии». Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 8 ноября.
Конец октября 1860 — первая половина января 1861	Энгельс пишет статью «История винтовки», в которой с позиций исторического материализма прослеживает развитие этого основного вида ручного огнестрельного оружия. Статья публикуется в «Volunteer Journal» в восьми частях с 3 ноября 1860 г. по 19 января 1861 года. Одна из частей статьи перепечатывается английской военной газетой «Army and Navy Gazette» («Газета армии и флота») 27 января 1861 года.
8 ноября	Маркс заканчивает работу над памфлетом «Господин Фогт».
10 ноября	Маркс пишет статью о финансовом положении Англии. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 24 ноября под заглавием «Напряженное состояние денежного рынка».
17 ноября	Маркс пишет предисловие к памфлету «Господин Фогт».
19 ноября — декабрь	Женни Маркс больна черной оспой; во время ее болезни дети живут у В. Либкнехта, Маркс ухаживает за тяжело больной женой.
Около 22 ноября	Энгельс заканчивает статью «Военно-морской флот» для «Новой американской энциклопедии». Статья публикуется в 1861 г. в XII томе энциклопедии.
24 ноября	В связи с отклонением всеми инстанциями прусского суда жалобы Маркса против «National-Zeitung» Маркс направляет заявление в редакции ряда немецких газет. В аугсбургской «Allgemeine Zeitung» заявление публикуется 1 декабря.
Конец ноября — 19 декабря	Маркс занимается естествознанием, читает книгу Дарвина «Происхождение видов», в письме к Энгельсу характеризует ее как «естественноисторическую основу» своего мировоззрения.
1 декабря	Выходит из печати памфлет К. Маркса «Господин Фогт», в котором Маркс защищает пролетарскую партию от клеветнических нападок со стороны буржуазии. На основе документального материала Маркс неопровержимо доказывает, что Фогт — платный агент Бонапарта.
20 декабря	Энгельс получает сообщение от Нодла о намерении редакции «Volunteer Journal» переиздать его статьи,

опубликованные в журнале, в виде отдельного сборника под заглавием «Статьи для волонтеров».

24 декабря 1860 и конец января 1861 — Энгельс пишет две статьи, посвященные нарастанию революционного кризиса в Австрии и Германии. Статья «Австрия. — Развитие революции» публикуется в «New-York Daily Tribune» 12 января, статья «Движение в Германии» — 12 февраля 1861 г. в качестве передовой.

1861

18—22 января — В связи с объявлением королевской амнистии в Пруссии Маркс просит Энгельса написать статью с критикой амнистии, которая по существу не распространялась на немецких эмигрантов — участников революции 1848—1849 годов. Написанную Энгельсом статью Маркс отправляет в «The Times» («Времена») и «The Standard» («Знамя»), однако редакции этих газет отказываются ее печатать.

28 января — Маркс получает сообщение от одного из редакторов «New-York Daily Tribune» Ч. Дана о приостановке на 6 недель печатания корреспонденции Маркса в «New-York Daily Tribune», а также об отказе издателей оплатить несколько его статей, не опубликованных газетой. В связи с этим семья Маркса испытывает тяжелые материальные затруднения.

Конец января — Энгельс перерабатывает для «Volunteer Journal» написанную для «New-York Daily Tribune», но не опубликованную в этой газете статью «Французские вооруженные силы»; статья публикуется в журнале 2 февраля.

Начало февраля — Энгельс знакомится с книгой маршала Бюжо «Очерки по некоторым вопросам ведения войны» и делает выписки из раздела этой книги, посвященного физическим и моральным факторам в пехотном бою; извлечение из книги Бюжо в английском переводе Энгельса публикуется с его вступительными замечаниями в «Volunteer Journal» под заглавием «Маршал Бюжо о моральном факторе в бою» 9, 16 февраля и 2 марта.

Вторая половина февраля — конец мая — Маркс изучает историю древнего мира, читает главу о гражданских войнах из «Истории Рима» Аппиана на греческом языке, перечитывает «Историю Пелопоннесской войны» Фукидида.

28 февраля — около 16 марта — Маркс совершает поездку в Залтбоммел (Голландия) к своему дяде Л. Филипсу.

Около 16 марта — Выходит отдельным изданием сборник «Статьи для волонтеров», содержащий пять военных статей Энгельса, напечатанных в «Volunteer Journal» в 1860 и в начале 1861 года.

17 марта — 12 апреля

Маркс находится в Берлине. Он ведет переговоры с Лассалем относительно совместного издания газеты в Германии и предпринимает шаги для восстановления в прусском подданстве на основе указа об амнистии. Получив отрицательный ответ на свое прошение от королевского полицейпрезидента Цедлица, Маркс подает прошение в полицейское управление по месту жительства о принятии его вновь в прусское подданство и оставляет доверенность Лассалю на право предпринять необходимые для этого шаги. Маркс присутствует на одном из заседаний нижней палаты прусского ландтага в ложе журналистов.

Около 16—19 апреля

После кратковременного пребывания в Эльберфельде и Бармене Маркс приезжает в Кёльн, где встречается с адвокатом К. Шнейдером, выступавшим защитником на кёльнском процессе коммунистов в 1852 г., а также с бывшим обвиняемым по этому процессу И. Я. Клейном; Маркс посещает также вдову Р. Даниельса, одного из руководителей кёльнской общины Союза коммунистов.

19—29 апреля

Маркс заезжает на два дня в Трир к матери, после чего возвращается через Ахен, Залтбоммел, Роттердам и Амстердам в Лондон.

Начало мая — начало июня

Маркс договаривается с французским эмигрантом, участником революции 1848—1849 гг. С. Бернаром, а также с чартистским лидером Э. Джонсом об устройстве в Лондоне митинга протеста против ареста Бланки в Париже и жестокого обращения с ним в тюрьме. Одновременно Маркс предпринимает меры по распространению через печать сведений о тяжелых условиях заключения Бланки.

7—10 мая

Маркс и Энгельс в своих письмах друг к Другу обмениваются мнениями по вопросу об издании газеты в Германии. Они решают отклонить предложение Лассаля о совместном издании газеты ввиду неприемлемости условий, поставленных Лассалем (последний требовал, чтобы ему принадлежала руководящая роль в редакции).

Около 20—23 мая

Энгельс гостит у Маркса в Лондоне. Маркс подробно информирует его о результатах своей поездки в Германию.

10 июня

Маркс получает от редактора венской буржуазно-либеральной газеты «Die Presse» («Пресса») М. Фридлендера новое предложение о сотрудничестве. Он просит Маркса прислать для начала две статьи о событиях в США в связи с гражданской войной и о положении в Англии. Маркс принимает предложение о сотрудничестве, учитывая большую популярность газеты среди немецких читателей, а также ее антибонапартистскую позицию во внешнеполитических вопросах, однако

временно воздерживается от посылки статей ввиду благожелательного отношения газеты к мнимо-конституционалистскому правительству Шмерлинга в Австрии.

Середина июня 1861 — ноябрь 1862

В связи с началом военных действий в Соединенных Штатах Маркс и Энгельс уделяют большое внимание исследованию вопроса о причинах возникновения Гражданской войны в США. На основе тщательного изучения американской прессы и других источников Маркс приходит к выводу о том, что основным содержанием войны в США является вопрос о рабстве. Придавая огромное значение борьбе американского народа против рабства негров, Маркс и Энгельс в своих статьях и в переписке подчеркивают прогрессивный характер войны со стороны северных штатов.

Около 18 июня

Маркс получает сообщение из Берлина об отклонении полицейпрезидентом города его просьбы о принятии в прусское подданство.

19 июня

Маркс сообщает Энгельсу о получении им письма от близкого друга Бланки, французского публициста Л. Ватто (Денонвиля) и выражает свое удовлетворение тем, что они вновь установили непосредственную связь с революционной партией во Франции.

Август 1861 — июль 1863

Маркс продолжает работу над задуманным им большим экономическим произведением, в котором предполагает исследовать всю совокупность проблем капиталистического способа производства и вместе с тем подвергнуть критике буржуазную политическую экономию; исследования и выписки Маркса составляют обширную рукопись из 23-х тетрадей, носящую общий заголовок «К критике политической экономии».

Август—декабрь

В процессе работы над своим экономическим произведением Маркс подробно рассматривает проблемы о превращении денег в капитал, о производстве абсолютной прибавочной стоимости и начинает исследовать вопрос о производстве относительной прибавочной стоимости.

Конец августа — первая половина сентября

Маркс находится у Энгельса в Манчестере; запрашивает оттуда редакцию «Die Presse» относительно политической позиции газеты в связи с правительственным кризисом в Австрии, присутствует на заседании секции экономических наук и статистики во время годичного собрания «Ассоциации содействия развитию науки» 4—11 сентября.

18 и 21 сентября

Маркс возобновляет приостановленное в январе 1861 г. сотрудничество в «New-York Daily Tribune» и пишет для нее статьи «Американский вопрос в Англии» и «Британская торговля хлопком». Статьи публикуются в газете 11 и 14 октября.

3 — конец октября	Энгельс проводит свой отпуск у родных в Германии.
5 и 12 октября	Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» две статьи, разоблачающие лживые измышления пальмерстоновской прессы по поводу событий в Америке. Статьи «Лондонская газета «Times» и лорд Пальмерстон» и «Лондонская газета «Times» о принцах Орлеанских в Америке» публикуются в газете 21 октября и 7 ноября.
20 октября и конец октября	Маркс начинает сотрудничество в газете «Die Presse», посылает в редакцию две статьи — «Гражданская война в Северной Америке» и «Гражданская война в Соединенных Штатах», — в которых с позиций исторического материализма раскрывает предпосылки, характер и движущие силы Гражданской войны в США. Статьи публикуются в газете 25 октября и 7 ноября.
29 октября	Маркс получает сообщение Фридлендера об утверждении его с 1 ноября постоянным лондонским корреспондентом газеты «Die Presse».
Ноябрь — начало декабря	Энгельс продолжает сотрудничество в «Volunteer Journal», его статьи «Офицеры-волонтеры» и «Уроки американской войны» публикуются в газете 22 ноября и 6 декабря.
Около 1—18 ноября	Маркс пишет пять статей о кризисных явлениях в экономике Англии и о финансовом кризисе во Франции. Статьи «Кризис в Англии», «Экономические заметки», «Мосье Фульд» и «Финансовое положение Франции» публикуются в «Die Presse» 6, 9, 19 и 23 ноября; статья «Британская торговля» печатается в «New-York Daily Tribune» 23 ноября.
7 и 8 ноября	Маркс пишет две статьи об англо-франко-испанской интервенции в Мексике, в которых вскрывает ее колониалистский характер и показывает, что подлинным организатором интервенции является английское правительство Пальмерстона. Статьи публикуются в «Die Presse» 12 ноября и в «New-York Daily Tribune» 23 ноября под заглавием «Интервенция в Мексике».
10 ноября	Маркс пересылает Л. Ватто деньги, собранные среди немецких рабочих-эмигрантов для издания брошюры о процессе Бланки. В письме к Ватто Маркс характеризует Бланки как выдающегося деятеля «французской пролетарской партии».
Около 19 ноября	В связи с отстранением генерала-аболициониста Фримонта от должности главнокомандующего армией в Миссури Маркс пишет для «Die Presse» статью о внутриполитическом положении в Соединенных Штатах. Статья публикуется в газете 26 ноября под заглавием «Отстранение Фримонта».

Около 26 ноября — Маркс получает от Лассаля известие о том, что его ходатайство о принятии в прусское подданство окончательно отклонено министром внутренних дел Пруссии.

28 ноября — 31 декабря — В связи с задержанием американским военным кораблем английского почтового парохода «Трент» Маркс пишет ряд статей, посвященных англо-американскому конфликту. В них он разоблачает позицию английской правящей олигархии, симпатизирующей рабовладельцам, и выражает уверенность, что войны между Англией и США не будет. Статьи «Инцидент с «Трентом»», «Англоамериканский конфликт», «Главные актеры драмы «Трент»», «Споры вокруг дела «Трента»», «Вашингтонский кабинет и западные державы», «Шарлатанство французской прессы. — Экономические последствия войны» публикуются в «Die Presse» 2, 3, 8, 11, 25 декабря 1861 г. и 4 января 1862 года. Статья «Известие о деле «Трента» и впечатление, произведенное им в Лондоне» печатается в «New-York Daily Tribune» 19 декабря.

7 декабря 1861 — 31 января 1862 — Ввиду обострения англо-американских отношений после инцидента с «Трентом» Маркс пишет ряд статей, в которых показывает рост антивоенных настроений в Англии. Статьи «Рост симпатий в Англии» и «Общественное мнение Англии» печатаются в «New-York Daily Tribune» 25 декабря 1861 г. и 1 февраля 1862 года. Статьи «Мнение газет и мнение народа», «Американофильский митинг»,«Антиинтервенционистские настроения» публикуются в «Die Presse» 31 декабря 1861 г., 5 января и 4 февраля 1862 года.

10 декабря — К Марксу обращается член лондонского Просветительного общества немецких рабочих И. В. Вебер с просьбой дать критический разбор взглядов немецкого вульгарного экономиста Вирта и позиции издаваемой им газеты «Der Arbeitgeber» («Работодатель») для выступления против него в немецкой печати.

10 и 13 декабря — Маркс пишет для «Die Presse» статьи «Кризис в вопросе о рабстве» и «Известия из Америки», в которых отмечает рост выступлений на Севере требующих уничтожения рабства. Статьи публикуются в газете 14 и 17 декабря.

1862

Январь — февраль — Маркс приступает к работе над «Теориями прибавочной стоимости»; в этом произведении он критически прослеживает историю политической экономии, начиная с середины XVII века. В процессе работы над «Теориями прибавочной стоимости» Маркс исследует вопросы

капиталистического воспроизводства, делает критический анализ так называемой «догмы Смита» и формулирует основные положения своей собственной теории воспроизводства, подробно разработанной впоследствии во втором томе «Капитала».

14 и 17 января Маркс пишет для «Die Presse» статьи «К истории сокрытия депеши Сьюарда» и «Государственный переворот лорда Джона Рассела», в которых вскрывает интервенционистские планы правительства Пальмерстона в отношении Соединенных Штатов. Статьи публикуются в газете 18 и 21 января 1862 года.

Середина января и начало февраля Маркс пишет для газеты «Die Presse» статьи «Статистические данные о железных дорогах» и «К хлопчатобумажному кризису», в которых анализирует официальные статистические отчеты английского правительства и Манчестерской торговой палаты. Статьи публикуются в газете 23 января и 8 февраля.

28 января Маркс пишет статью «Рабочий митинг в Лондоне», в которой высоко оценивает интернационалистскую позицию английского рабочего класса в связи с угрозой интервенции против Соединенных Штатов. Статья публикуется в «Die Presse» 2 февраля.

Февраль — июнь Маркс ведет оживленную переписку с немецким социалистом-эмигрантом В. Эйххофом, начавшим в лондонском еженедельнике «Hermann» («Герман») полемику против мелкобуржуазного демократа Кинкеля. Присылкой материалов Эйххофу, а также находящемуся в Германии члену нейштадтского гимнастического союза В. Веберу Маркс помогает разоблачению немецких мелкобуржуазных демократов, примкнувших к прусскому буржуазно-либеральному Национальному союзу.

7 февраля Маркс пишет статью «Парламентские дебаты по поводу ответного адреса», в которой показывает реакционный характер внешней политики английской правящей олигархии. Статья публикуется в «Die Presse» 12 февраля.

15 февраля Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Мексиканская неразбериха», в которой показывает обострение противоречий между участниками интервенции в Мексике в связи с намерением Бонапарта создать в Мексике империю во главе со своим ставленником, австрийским эрцгерцогом Максимилианом. Статья публикуется в газете 10 марта. Это — последняя статья Маркса, опубликованная в «New-York Daily Tribune».

Около 26 февраля Маркс пишет статью «Американские дела», в которой резко критикует военное руководство северян в лице

главнокомандующего армией Мак-Клеллана и анализирует мероприятия Линкольна по укреплению армии Севера. Статья публикуется в газете «Die Presse» 3 марта.

Маркс получает письмо из Швейцарии от ветерана немецкого революционного движения И. Ф. Беккера с просьбой помочь изданию его работы «Как и когда?», посвященной вопросу объединения Германии. В связи с этим Маркс предпринимает ряд шагов по оказанию помощи Беккеру.

Конец февраля

Маркс пишет для «Die Presse» статью о захватнической политике царской России на Дальнем Востоке. Статья остается ненапечатанной.

Март

Энгельс пишет статью о ходе военных действий в Соединенных Штатах, которая публикуется в «Volunteer Journal» 14 марта под заглавием «Война в Америке». Маркс переводит статью на немецкий язык, вносит в нее небольшие дополнения и отсылает в газету «Die Presse», где она публикуется 26 и 27 марта под заглавием «Гражданская война в Америке». Маркс и Энгельс развивают в этой статье свой военно-стратегический план, который должен был обеспечить победу Севера в войне.

30 марта — около 25 апреля

Маркс гостит у Энгельса в Манчестере. Вместе с Эйххофом, приехавшим на несколько дней из Ливерпуля, они обсуждают вопрос о выступлении против мелкобуржуазного демократа Кинкеля.

Около 13 апреля

Маркс получает от Ч. Дана предложение о прекращении дальнейшей присылки корреспонденции в «New-York Daily Tribune» в связи с тем, что газета за последние два месяца напечатала всего лишь две статьи Маркса. Дана сообщает также о своем намерении выйти из редакции газеты.

Около 28 апреля

Маркс отклоняет предложение Фридлендера писать для «Die Presse» специальные корреспонденции об открывающейся 1 мая в Лондоне промышленной выставке ввиду больших расходов, связанных с ее посещением. Предложение о присылке в газету в дальнейшем одной статьи еженедельно принимается Марксом.

28 апреля

Маркс пишет для «Die Presse» статью о мексиканской авантюре Наполеона III. Статья публикуется 2 мая под заглавием «Международная афера Миреса».

В письме к Энгельсу Маркс просит его прислать для газеты «Die Presse» статью о сражении у Коринта и в дальнейшем регулярно освещать основные события Гражданской воины в США.

Маркс посылает письмо Лассалю, в котором предлагает ему написать для журнала «Unsere Zeit» («Наше время»), издаваемого Брокгаузом в Германии, рецензию на первый выпуск своей работы «К критике политической экономии».

5 мая	В связи с изучением организации индийской туземной армии Энгельс просит Маркса прислать парламентский отчет и материалы английского военного министерства по этому вопросу. Продолжая внимательно следить за военными действиями в Северной Америке, Энгельс в письме к Марксу дает подробное описание сражения у Коринта и боев в Виргинии.
16, 18 мая и 14 июня	В связи со взятием войсками северян Нового Орлеана — важного политического и военного центра рабовладельческой Конфедерации — Маркс пишет для газеты «Die Presse» статьи «Английская пресса и падение Нового Орлеана», «Договор против работорговли» и «Английская гуманность и Америка». В них он анализирует дальнейшие перспективы Гражданской войны в США и окончательного разрешения вопроса о рабстве. Статьи публикуются в газете 20, 22 мая и 20 июня.
22—25 мая	Энгельс в письме к Марксу подробно анализирует положение на главных театрах военных действий в США. Используя материалы Энгельса, Маркс пишет для «Die Presse» статью «Положение на американском театре военных действий»; статья публикуется в газете 30 мая.
Июнь	Маркс перечитывает книгу Родбертуса «Социальные письма фон Кирхману. Письмо третье: Опровержение рикардовского учения о земельной ренте и обоснование новой теории ренты». В письме к Лассалю Маркс дает критику теории ренты Родбертуса, а также теории ренты Рикардо.
Июнь — июль	Семья Маркса испытывает острую материальную нужду ввиду прекращения его сотрудничества в «New-York Daily Tribune». Женни Маркс делает тщетную попытку продать часть библиотеки мужа. С помощью Энгельса Маркс погашает часть долгов.
Июнь — август	В процессе работы над «Теориями прибавочной стоимости» Маркс развивает свою теорию средней прибыли и цены производства, а также теорию капиталистической земельной ренты, как дифференциальной, так и абсолютной, О результатах своих исследований Маркс подробно сообщает Энгельсу в письмах от 2 и 9 августа.
Около 6 июня	Маркс получает из Бостона сообщение от немецкого эмигранта В. Штеффена о нападках мелкобуржуазного демократа Гейнцена на пролетарских революционеров в журнале «Der Pionier» («Пионер»), с просьбой выслать материалы о прошлой политической деятельности Гейнцена для выступления в печати против него.
Середина июня	В связи с критикой в своем экономическом труде реакционных взглядов Мальтуса Маркс перечитывает

	«Происхождение видов» Дарвина и отмечает, что теория Дарвина представляет собой опровержение мальтузианства.
Конец июня	Энгельс пишет статью «Броненосные и таранные суда и Гражданская война в Америке», которая публикуется в «Die Presse» 3 июля.
Около 5 июля	Маркса посещает Швейгерт, бывший капитан австрийской армии, сражавшийся в Италии в отряде Гарибальди. Из рассказов Швейгерта Маркс узнает о разделяемых Лассалем «освободительных» планах немецкого офицера Рюстова в отношении Германии и подвергает эти планы резкой критике за их авантюризм.
9 июля — 4 августа	Маркса часто посещает Лассаль, приехавший в Лондон для осмотра всемирной промышленной выставки. В беседах с Марксом Лассаль сообщает о своем намерении начать среди рабочих Германии агитацию за введение всеобщего избирательного права и организацию с помощью юнкерски-буржуазного прусского государства производительных ассоциаций якобы с целью разрешения социального вопроса. Маркс резко осуждает реформистскую сущность программы и тактики Лассаля, подчеркивая, что они политически решительно ни в чем не сходятся, кроме некоторых весьма отдаленных конечных целей.
16 июля	Маркс пишет для газеты «Die Presse» статью о реакционной внешней политике английского правительства. Статья публикуется 20 июля под названием «Недопущение дебатов о Мексике и союз с Францией».
30 июля — 10 сентября	Маркс и Энгельс внимательно следят за событиями в Америке, в письмах друг к другу обмениваются мнениями о перспективах Гражданской войны в США. Несмотря на некоторые сомнения Энгельса в оценке перспектив войны в связи с серьезными военными неудачами северян, Маркс, учитывая всю совокупность политических и военных факторов, выражает твердую уверенность в окончательной победе Севера. Свою точку зрения Маркс излагает в статье «К критике положения в Америке». Статья публикуется в «Die Presse» 9 августа.
2 августа	Энгельс присутствует на смотре английских волонтеров в Хитон-парке близ Манчестера. Оценку состояния подготовки волонтеров Энгельс дает в статье «Смотр волонтеров в Англии», которую посылает в газету «Allgemeine Militar-Zeitung». Статья публикуется в газете 1 и 8 ноября.
После 9 августа	Маркс обращается в редакцию выходящей в Нью-Йорке аболиционистской газеты «The Evening Post» («Вечерняя почта») с предложением сотрудничества.

22 августа	Маркс пишет для «Die Presse» статью «Аболиционистские выступления в Америке», в которой показывает рост и сплочение сил, выступающих за немедленное уничтожение рабства негров. Статья публикуется в газете 30 августа.
27 августа	Маркс в качестве корреспондента газеты «Die Presse» получает постоянный пропуск для посещения всемирной промышленной выставки в Лондоне.
28 августа — около 7 сентября	Маркс совершает поездку в Залтбоммел к дяде Л. Филипсу и в Трир к матери для урегулирования денежных дел. На обратном пути Маркс встречается в Кёльне с участником революции 1848—1849 гг. в Германии Ф. Каппом, приехавшим из США; Капп информирует Маркса об участии немецких революционных эмигрантов в Гражданской войне в США на стороне северных штатов.
Сентябрь	В процессе критического анализа теории накопления Рикардо Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» развивает свою теорию капиталистического накопления и экономических кризисов. Ввиду крайне тяжелого материального положения своей семьи Маркс пытается при посредничестве двоюродного брата А. Филипса поступить на службу в одну из английских железнодорожных контор, однако не получает места.
11 сентября	К Энгельсу обращается Эйххоф с просьбой помочь распространению среди немецких эмигрантов запрещенной в Германии брошюры В. Вебера «Мое исключение из нёйштадтского гимнастического союза», критикующей позицию мелкобуржуазных демократов в вопросе объединения Германии.
11—30 сентября	Маркс пишет для газеты «Die Presse» три статьи о тяжелом положении английских рабочих в связи с хлопчатобумажным кризисом, а также о народных митингах в Англии в защиту Гарибальди. Статьи «Митинг в защиту Гарибальди», «Нужда рабочих в Англии», «Митинги гарибальдистов. — Нужда среди рабочих хлопчатобумажной промышленности» публикуются в газете 17, 27 сентября и 4 октября.
12—29 сентября	Энгельс с целью отдыха едет в Германию через Бельгию и Люксембург. После путешествия по берегам Мозеля, Рейна и по Тюрингии останавливается у родных в Бармене и Энгельскирхене.
Первая половина октября 1862 — сентябрь 1864	Маркс и Энгельс поддерживают регулярную переписку с В. Либкнехтом, возвратившимся из эмиграции в Германию, получают от него информацию о состоянии рабочего движения в Германии; Маркс направляет практическую деятельность Либкнехта по пропаганде идей научного коммунизма среди немецких рабочих.

7 октября — Маркс пишет статью «К событиям в Северной Америке», в которой приветствует издание президентом США Линкольном прокламации об освобождении негров-рабов. Статья публикуется в «Die Presse» 12 октября.

Вторая половина октября — Маркса посещает приехавший из Парижа участник революции 1848—1849 гг. в Германии В. Шили.

Конец октября — На основе официальных статистических данных Маркс пишет статью «Изготовление хлеба», в которой показывает ужасающие условия труда рабочих хлебопекарного производства в Англии. Статья публикуется в «Die Presse» 30 октября.

4—29 ноября — Маркс ишет для газеты «Die Presse» пять статей, в которых подводит итоги первого периода Гражданской войны в США. Статьи «К положению в Северной Америке», «Признаки истощения сил южной Конфедерации», «Итоги выборов в северных штатах», «Смещение Мак-Клеллана» и «Английский нейтралитет. — К положению в южных штатах» публикуются в газете 10, 14, 23 и 29 ноября и 4 декабря. Этими статьями заканчивается сотрудничество Маркса в «Die Presse».

Около 18 ноября — Энгельс получает от редакции «Allgemeine Militar-Zeitung» предложение чаще присылать корреспонденции, которые она намеревается публиковать под рубрикой «Военные письма из Англии». Редакция также просит Энгельса информировать немецких читателей относительно технических достижений в области военного дела в Англии.

Декабрь — Маркс делает первоначальный набросок раздела «Капитал и прибыль», соответствующий по своему содержанию первым трем отделам будущего третьего тома «Капитала».

Около 5—13 декабря — Маркс проводит несколько дней в гостях у Энгельса в Манчестере, а также посещает Эйххофа в Ливерпуле.

28 декабря — Маркс в письме к немецкому врачу, участнику революции 1848—1849 гг. Л. Кугельману сообщает о своем намерении издать следующий выпуск «К критике политической экономии» как самостоятельную работу под названием «Капитал» и с подзаголовком «К критике политической экономии». Маркс также просит Кугельмана написать о положении дел в Германии. С этого времени начинается регулярная переписка между Марксом и Кугельманом.

1863

Январь — Маркс заканчивает работу над основным текстом «Теорий прибавочной стоимости», которые он намеревался издать впоследствии в виде заключительной, историко-критической части «Капитала». Одновременно он со-

ставляет набросок плана I и III частей, или отделов, «Капитала», послуживших в дальнейшем основой для первого и третьего томов «Капитала». В первом отделе Маркс предполагает рассмотреть процесс производства капитала, в третьем отделе — проблемы капитала и прибыли.

Возвращаясь к работе над разделом о машинах в своем экономическом труде, Маркс перечитывает ранее составленные им тетради с выписками по истории техники и слушает в Геологическом институте практический курс лекций по технологии.

В связи с прекращением сотрудничества в «Die Presse» семья Маркса испытывает острую материальную нужду. Узнав о бедственном положении семьи Маркса, Энгельс оказывает ей значительную денежную помощь.

6 января — Умирает жена Энгельса Мэри Бёрнс.

28 января — Маркс, ознакомившись с «Программой работников» Лассаля, в письме к Энгельсу характеризует ее как вульгаризацию «Манифеста Коммунистической партии».

Первая половина февраля — Маркс болен воспалением глаз вследствие постоянного переутомления; врачи рекомендуют ему временно прекратить работу.

Середина февраля — Маркс и Энгельс с горячим сочувствием встречают весть о начале восстания в Польше. Придавая исключительное значение разрешению польского вопроса революционным путем, Маркс и Энгельс решают выступить от имени лондонского Просветительного общества немецких рабочих с воззванием по поводу польского восстания. Более подробное изложение своих взглядов они предполагают дать в брошюре «Германия и Польша. Размышления военно-политического характера в связи с польским восстанием 1863 года», в которой Маркс берет на себя политическую, а Энгельс — военную часть. Выражая надежду, что «лава потечет на сей раз с востока на запад», Маркс просит Энгельса внимательно следить за выступлениями в связи с польским восстанием органа русской революционной эмиграции «Колокола».

Вторая половина февраля — начало мая — Маркс и Энгельс собирают материал для брошюры о Польше, делают многочисленные выписки из газет и книг по истории Польши, Пруссии и России. На основе этого материала Маркс пишет два подготовительных наброска к брошюре, в которых подробно прослеживает захватническую политику Пруссии и царской России в отношении Польши, а также историю возвышения династии Гогенцоллернов. Брошюра остается незавершенной.

Март — июль — Маркс подолгу работает в Британском музее. В связи с написанной уже частью своего экономического

произведения — будущего «Капитала» — он делает дополнительные выписки из книг по истории политической экономии, которые составляют 8 тетрадей. Используя этот материал, Маркс пишет отдельные историко-критические очерки и заметки, являющиеся добавлениями к основному тексту «Теорий прибавочной стоимости», в частности, обстоятельный очерк о Петти.

26 марта Маркс присутствует на многолюдном рабочем митинге в Сент-Джемс-холле, организованном лондонским советом тред-юнионов для выражения солидарности английского рабочего класса с североамериканскими штатами в их борьбе против рабства.

Начало апреля 1863 — первая половина сентября 1864 Маркс и Энгельс продолжают внимательно следить за развитием рабочего движения в Германии. В письмах к Либкнехту по поводу начавшейся агитации Лассаля Маркс намечает тактику пролетарских революционеров по отношению к деятельности Лассаля. Учитывая некоторую положительную роль его агитации в деле высвобождения немецких рабочих из-под влияния буржуазной партии прогрессистов, Маркс и Энгельс решают временно не выступать публично против Лассаля. Через своих сторонников, в первую очередь Либкнехта, они стремятся воздействовать на Всеобщий германский рабочий союз, чтобы помочь входившим в него рабочим встать на революционные позиции.

Около 8 апреля Энгельс занимается вопросами естествознания, читает «Геологические доказательства древности человека» Лайеля и «О положении человека в ряду органических существ» Гексли.

13 апреля Маркс пишет опровержение в редакцию «Berliner Reform» («Берлинской реформы») в связи с неправильным освещением этой газетой переговоров Маркса с Лассалем весной 1861 г. о совместном издании газеты в Германии. Заявление публикуется в газете 17 апреля.

Май Энгельс возобновляет занятия сербским языком, читает народные песни, изданные Вуком Караджичем.

Июнь Энгельс читает вышедшие из печати два первых тома книги Кинглека «Вторжение в Крым» и пишет для «Allgemeine Militar-Zeitung» рецензию под названием «Кинглек о сражении на Альме». Рукопись остается незаконченной.

Начало июля Маркс много занимается математикой, в частности, дифференциальным и интегральным исчислением.

6 июля В письме к Энгельсу Маркс дает изложение и графическое изображение процесса воспроизводства общественного капитала.

Август 1863 — декабрь 1865 — Маркс, решив изложить теоретическую часть своего экономического труда в более систематизированном виде, приступает к написанию его нового варианта. В ходе работы он создаст новую рукопись трех томов «Капитала».

21 августа — Маркс встречается с польским полковником Лапинским, прибывшим в Лондон для формирования немецкого легиона в помощь борющимся полякам. Маркс помогает Лапинскому организовать сбор средств среди немецких эмигрантов для финансирования легиона.

Конец сентября — Энгельс посещает порт в Ливерпуле и пишет для «Allgemeine Militar-Zeitung» статью, посвященную развитию броненосного флота и артиллерии в США в связи с гражданской войной. Статья остается ненапечатанной.

Середина октября — Энгельс отдыхает у своей матери в Германии.

Конец октября — ноябрь — По поручению лондонского Просветительного общества немецких рабочих Маркс пишет воззвание о Польше, в котором призывает организовать сбор средств в пользу участников польского восстания. В воззвании Маркс подчеркивает, что «без независимой Польши не может быть независимой и единой Германии». Воззвание за подписями членов общества Боллетера, Лесснера, В. Вольфа, И. Г. Эккариуса и других выходит отдельной листовкой и рассылается представителям немецкой эмиграции в Лондоне. 50 экземпляров воззвания по просьбе секретаря Всеобщего германского рабочего союза Ю. Вальтейха и по поручению Маркса отсылаются Либкнехту в Германию для распространения в организациях Союза.

Ноябрь — Маркс опасно болен фурункулезом.

3 декабря — Энгельс сообщает Марксу о своем намерении написать брошюру по шлезвиг-гольштейнскому вопросу и просит подыскать для нее издателя в Германии. Намерение Энгельса остается неосуществленным.

7 декабря — В связи со смертью матери Маркс выезжает в Трир.

Около 19 декабря — По пути из Трира Маркс заезжает на один день во Франкфурт-на-Майне к родственникам.

21 декабря 1863 — 19 февраля 1864 — Маркс находится по делам наследства в Залтбоммеле у дяди Л. Филипса, душеприказчика матери, где снова заболевает фурункулезом. По выздоровлении Маркс, после двухдневного пребывания в Амстердаме и Роттердаме, возвращается в Лондон.

1864

Начало 1864 — Энгельс пишет для «Allgemeine Militar-Zeitung» статью «Английская армия». Рукопись статьи остается незаконченной.

Первая половина февраля — В связи с началом Датской войны Энгельс пишет статью «Численность армий в Шлезвиге». Статья публикуется в газете «The Manchester Guardian» («Манчестерский страж») 16 февраля.

Март — Маркс переезжает на новую квартиру по адресу: 1, Модена-виллас, Мейтленд-парк, Хаверсток-хилл.

12 марта — Маркс уезжает на несколько дней в Манчестер, чтобы сообщить Энгельсу о результатах своей поездки в Германию и Голландию.

21 апреля — Маркса посещает издатель лондонской газеты «The Free Press» («Свободная пресса») Коллет для беседы по шлезвиг-гольштейнскому вопросу.

3 мая — Ввиду тяжелой болезни В. Вольфа, своего верного друга и соратника, Маркс выезжает в Манчестер. Во время пребывания в Манчестере Маркс встречается с товарищами по партии Эйххофом, Штроном и Дронке, а также возобновляет дружеские отношения с Э. Джонсом.

13 мая — Маркс и Энгельс вместе с группой своих друзей и соратников присутствуют на похоронах Вольфа. На его могиле Маркс произносит прощальную речь.

19 мая — Маркс возвращается в Лондон вместе с Энгельсом. В течение четырех дней Энгельс гостит у Маркса.

Конец мая — июнь — Маркс составляет краткий перечень дат жизни и деятельности Вольфа, намереваясь написать его подробную биографию. Ввиду отсутствия сведений о раннем периоде деятельности Вольфа Маркс обращается к редактору «Breslauer Morgen-Zeitung» («Бреславльской утренней газеты») Эльснеру с просьбой прислать недостающий материал. Замысел Маркса остается неосуществленным.

1 — около 16 июня — Маркса несколько раз посещают рабочие-эмигранты из Золингена — Ф. Молль и Ю. Мельхиор, направляющиеся через Лондон в США. Они информируют Маркса о состоянии рабочего движения в Рейнской провинции и о деятельности Всеобщего германского рабочего союза. Маркс помогает организовать сбор средств для их отъезда в Америку и дает им рекомендательное письмо к немецкому эмигранту А. Якоби, проживающему в Нью-Йорке.

3 июня	В письме к Энгельсу Маркс высказывает критические замечания о книге Лассаля «Капитал и труд. Г. Бастиа — Шульце-Делич. Экономический Юлиан», рассматривает ее как плагиат своей работы «Наемный труд и капитал».
27 июня	Энгельс пишет для «Allgemeine Militar-Zeitung» статью «Военные силы Англии против Германии», которая публикуется в газете 6 июля.
Конец июня — начало июля	Маркс пишет для «Free Press» статью о позиции России в связи с Датской войной 1864 года. Статья остается неопубликованной.
Конец июня — первая половина августа	Маркс занимается естествознанием, читает работы Карпентера, Лорда, Кёлликера, Шпурцгейма, Шванна, Шлейдена.
Вторая половина 1864	Маркс с некоторыми перерывами, вызываемыми ухудшением состояния здоровья, продолжает работу над новой рукописью «Капитала».
7 июля	Энгельс избирается членом правления Шиллеровского общества немецких политических эмигрантов в Манчестере.
Около 20 июля — 10 августа	Маркс отдыхает в Рамсгете.
8 сентября — первая половина октября	После кратковременного пребывания у Маркса в Лондоне и у матери, отдыхающей в Рамсгете, Энгельс совершает поездку по Шлезвиг-Гольштейну, знакомится с политической обстановкой в стране и состоянием австро-прусской армии.
Около 12—14 сентября	Получив письмо Либкнехта, в котором он, по просьбе ряда членов Всеобщего германского рабочего союза предлагает Марксу взять на себя руководство Союзом ввиду смерти Лассаля, Маркс в ответном письме к Либкнехту выражает согласие при определенных условиях принять на себя обязанности председателя Союза.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Д

Е

Ж

Л

М

Н

О

С

Т

У

Ф

Х

Ц

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

А

Б

* В скобках указывается название, данное на современных картах. В тех случаях, когда из текста не ясно местонахождение того или другого пункта, дано краткое пояснение. *Ред.*

В

Г

Д

Ж

З

И

Й

К

Л

М

СОДЕРЖАНИЕ*

* Заглавия статей, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, отмечены звездочкой. *Ред.*

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати
О. П. Валевой и *Е. И. Удальцовым*
Статьи Ф. Энгельса для «Волонтерского журнала»
подготовлены *Н. Н. Ивановым*
Помощник подготовителя *М. П. Мариничева*
В работе над справочным аппаратом принимали участие
Л. Б. Бибикова и *Н. С. Румянцева*
Редакторы *С. З. Левиова* и *Н. Б. Тер-Акопян*
*
Сдано в набор 13/VI 1959 г. Подписано
к печати 21/XI 1959 г. Формат 60 Х$92^1/_{16}$.
Физ. печ. л. $51^1/_4$ *+ 3 вклейки (*$^7/_8$ *п. л.).*
Условн. печ. л. 52,1. Уч.-изд. л. 46,56.
Тираж 145 000 экз. Заказ № 1379.
Цена 10 руб.
*
Государственное издательство
политической литературы.
Москва, Д-47, Миусская пл., 7.
*
Ленинградский Совет народного хозяйства.
Управление полиграфической
промышленности.
Типография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.